РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 9 (сентябрь) 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: *Издательство "ЮРКОМПАНИ"*

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3830 от 13 декабря 2021 г.)

Научно-правовой журнал «Российский научный вестник» включён в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Science Index, индексируется в Google Scholar,

каждой статье присваивается DOI (Digital Object Identifier).

Выходит один раз в месяц.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:
Владимир Усанов

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Марина Горячева**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Для писем: *121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.*

Home page: *www.r.law-books.ru* **E-mail:** *mail@law-books.ru*

WhatsApp: *+7-903-672-55-88* **Многоканальный:** *+8-800-700-45-88*

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: ***Усанов Владимир Евгеньевич***, академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: ***Шайхуллин Марат Селирович***, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: ***Рыжов Валерий Борисович***, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алферова Елена Васильевна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН.

Грудцына Людмила Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Исраелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова.

Булаков Олег Николаевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России.

Садовникова Галина Дмитриевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Усанов Владимир Евгеньевич - академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки

Андреева Любовь Васильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Белов Валерий Евгеньевич - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Editorial Board:

Editor-in-chief: ***Usanov Vladimir Evgenievich***, Academician of RAO, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: ***Shaikhullin Marat Selirovich***, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State-Legal Studies of the Eurasian Research Institute of Legal Problems

Deputy Editor-in-Chief: ***Ryzhov Valery Borisovich***, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and municipal administration of the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow Pedagogical State University

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences

Alferova Elena Vasilievna - Candidate of Law, Leading Researcher, Head of the Department of Law, INION RAS.

Grudtsina Ludmila Yurievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the FSBEI HE «Russian State Academy of Intellectual Property,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkova.

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University of the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «O.E. Kutafin Moscow State Law University» (MGUA).

Specialty: 5.1.3 - Private legal (civilistic) sciences

Andreeva Lyubov Vasilievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Higher School of Law Department of the Institute of Public Administration and Management of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation.»

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, FSBEI HE «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

Ари Палениус - проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро - Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо

Безерра Феликс Валуа Гуара - JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсалоглы - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан - проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман - JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии

Ким Эшли - D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг - проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка - проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Миндагулов Алькен Хайдарович - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене - проф., Университет им. МиколасаРомериса (Литва)

Пол Брэнд - профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис - профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич - доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович - доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр - доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

Ari Palenius - prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena RosyoKarnero - Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo

Bezerra Felix Valois Goira - Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins

VeliyevIsakhan Veysal Oglou - doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich - the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan - prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman - Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia

Kim Ashley - D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng - prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka - prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Mindagulov Alken Haydarovich - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)

Nematov Akmal Raufdzhonovich - the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene - prof., University MykolasRomeris (Lithuania)

Paul Brend - professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies - professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich - the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich - Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander - the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- HUMAN RIGHTS
- NATIONAL SECURITY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONSTITUTIONAL TRIAL

Specialty: 5.1.3 - Private-legal (civilistic) sciences (legal sciences)

- LAW OF OBLIGATION
- CORPORATE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- ADMINISTRATIVE LAW
- EDUCATION MANAGEMENT

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник»

1. Общие положения

1.1. Под рецензированием понимается процедура рассмотрения членами редакционной коллегии научно-правового журнала «Российский научный вестник», а также привлеченными специалистами по тематике рецензируемых материалов из других организаций, научных статей, отражающих основные результаты исследования, проведенного автором (авторами), (далее – статей), представляемых для опубликования в научно-правовом журнале «Российский научный вестник» (далее – Журнал), до публикации.

1.2. Журнал осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Рецензия должна обеспечивать всестороннюю и объективную оценку, анализ достоинств и недостатков представленной статьи.

1.3. Цель рецензирования – повышение научного уровня материалов, публикуемых в Журнале, и обеспечение качества статьи, соответствующее международным правилам, принятым в авторитетных реферативных базах научного цитирования.

1.4. К рецензированию привлекаются как члены редакционного совета Журнала, так и сторонние рецензенты, имеющие ученую степень доктора или кандидата наук (либо их зарубежный эквивалент), обладающие достаточным опытом научной работы по заявленному в статье научному направлению, знакомые с требованиями, предъявляемыми редакцией Журнала к публикуемым материалам. Все рецензенты имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

1.5. Как правило, рецензент не должен работать в одной организации с автором (авторами) статьи. Редакция делает все возможное и стремится к исключению «конфликта интересов» между авторами и рецензентами.

1.6. Объем рецензии не регламентируется, но, как правило, должен укладываться в 1–2 страницы компьютерного набора текста (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал – полуторный, кегль – 12).

1.7. При поступлении рукописи статьи в редакцию все авторы предупреждаются о процедуре обязательного рецензирования. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

1.8. При отрицательном отзыве либо наличии серьезных замечаний к статье со стороны рецензента работа, как правило, отправляется на дополнительное рецензирование. Более одного рецензента обязательно назначается в случаях, когда статья выполнена на «стыке» наук или научных направлений.

1.9. Окончательное решение о возможности опубликования статьи принимает редакционный совет с учетом полученной рецензии (рецензий), а также мотивированного ответа автора (авторов) статьи.

1.10. При положительной рецензии автору направляется уведомление о принятии статьи к рассмотрению редсоветом. Авторам, которым отказано в публикации статьи, направляется мотивированный отказ.

1.11. Оригиналы рецензий или их копии в электронном виде хранятся в редакции пять лет с момента подписания рецензентом.

Правила рецензирования

2.1. Рецензирование организует главный редактор или заместитель главного редактора Журнала. Выбор экспертов-рецензентов относится к полномочиям редакционного совета. Рецензент назначается в зависимости от его специализации и квалификации с учетом тематики представленной в редакцию научной статьи.

2.2. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются результатами интеллектуальной деятельности, способными к правовой охране, и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.3. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

2.4. Рецензирование осуществляется в срок до 30 дней.

2.5. В рецензии отражаются следующие вопросы:

- соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
- соответствует ли статья современным достижениям научно-теоретической мысли;
- присутствует ли научная новизна в рассматриваемой статье;
- доступна ли статья читателям, которым она адресована, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и проч.;
- целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу научной литературы;
- в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- являются ли метаданные к статье полным информативным отражением содержания статьи и отвечают ли они требованиям к метаданным, принятым в Журнале;
- может ли аннотация статьи послужить подтверждением научной ценности представленного на рецензирование материала и привлечь читателей к рассматриваемой проблеме, участию в дальнейшей дискуссии;
- вывод о возможности опубликования данной статьи в Журнале: «рекомендуется» (положительная рецензия), «рекомендуется при условии исправления отмеченных рецензентом недостатков» (доработка) или «не рекомендуется» (отрицательная рецензия).

2.6. Рецензия направляется редакцией на электронный адрес автора. Автору не сообщаются сведения о рецензенте.

2.7. При наличии замечаний рецензента автор статьи вносит в нее соответствующие изменения и присылает ее повторно. Автору рекомендуется также дать письменный комментарий относительно учета замечаний рецензента. Срок представления автором исправленной статьи ограничен одним месяцем. Если статья не прислана автором в указанный срок, она снимается с рассмотрения.

2.8. При незначительных замечаниях рецензента, требующих только редакторских правок, и с согласия автора может быть принято решение о приеме статьи без дополнительной авторской доработки.

2.9. В случае мотивированного несогласия автора с мнением рецензента решение по статье принимает редакционный совет.

2.10. Содержание рецензии рассматривается редакционным советом при утверждении статьи к опубликованию, который принимает одно из решений:
- принять статью к опубликованию без исправлений;
- направить статью на дополнительное рецензирование;
- вернуть статью автору для исправления по замечаниям рецензента;
- отклонить статью (с обязательной мотивацией).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Российский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Каждой статье присваивается DOI — Digital Object Identifier (цифровой идентификатор объекта, мировой стандарт отображения данных в Интернете).

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов), и прошла обязательное рецензирование. Срок рассмотрения рукописи: до 30 дней. В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

В статье может быть до 3 соавторов (включительно). Тексты статей принимаются объемом от 10 до 20 машинописных страниц (не более 40 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word . Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация, ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом). В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2].

Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата и доктора наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков недобросовестного заимствования и недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (компенсационный взнос в этом случае не возвращается).

ПОЛИТИКА И ПРАВО
Фатхуллин Р.Р. * Противодействие дискредитации использования вооруженных сил России: теоретико-правовой анализ. 19
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
Леснова Э.В. * Права человека в условиях цифровизации общества: проблемы и пути совершенствования. 24
Шикина Д.А., Левин В.Ф. * Уполномоченный по правам человека в системе защиты семейных ценностей: правовые механизмы и защита прав многодетных семей. 32
Рейц А.Н., Азарова К.В., Левшакова С.Р. * Правовой статус некоммерческих организаций в системе оказания юридической помощи: теоретические и практические аспекты. 40
Романова Е.Н. * Этические проблемы системы ювенальной юстиции США в отношении несовершеннолетних. 48
Александрова О.П., Андреева М.М., Геворгян К.К. * Некоторые вопросы возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. 52
Демидов А.Н. * Квалификационные признаки самозащиты авторских прав в сети Интернет. 57
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
Абрамитов С.А., Днепровская М.А., Аипов Г.Т. * Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ: некоторые вопросы использования терминов. 66
Стрыгина С.В. * Роль правового регулирования мемориализации воинских захоронений в сохранении исторической памяти народа. 70
Старикова М.К. * Нейроданные как особая категория персональных данных. 75
Казначеев В.А., Чернышёва О.В., Осколков А.В., Белокуров Г.И., Соколов П.С. * К вопросу подготовки сотрудников правоохранительных органов по дисциплине "Безопасность жизнедеятельности" (на примере сотрудников МВД и ФСИН). 80
КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
Комарова В.В. * Пространственное развитие и социальная архитектура в конституционно-правовом аспекте. 87
Виноградова С.А. * К вопросу об актуальности исследования проблем юридической ответственности органов публичной власти. 95
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
Ильясов О.Р. * Международная и российская правовая основа для обеспечения инвалидам равных с другими гражданами прав и свобод. 98
Васильев Д.Ю. * Процедура скрининга резюме с применением искусственного интеллекта: правовое регулирование в России и зарубежных странах. 102
Максимкин Я.А. * Особенности правового регулирования оборота токенизированных ценных бумаг по законодательству России и Гонконга. 109
ПРАВО И ЭКОНОМИКА
Красноперова Е.А. * Перспективы модернизации аграрного сектора и его влияние на сельские регионы. 116
Вольнов А.С. * Предписание антимонопольного органа как мера по обеспечению конкуренции при осуществлении экономической концентрации в условиях цифровой экономики. 121
ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
Саченко А.Л., Сварчевский К.Г. * Вопросы правовой квалификации цифровых денег судами общей юрисдикции по искам прокурора об обращении имущества в доход государства. 126
Чекушкин А.А. * Разграничение подсудности наследственных споров – вопросы практического применения. 133
Саченко А.Л., Колесникова М.М. * Правовые критерии экономической целесообразности в арбитражно-процессуальной практике при рассмотрении требований прокурора о признании сделок недействительными. 139
Воронов Е.Н., Быстров И.Ю., Носова Ю.Р., Родионов Н.Е., Шатухина А.А. * Представление прокурора в гражданском процессе: правовая природа и терминологические коллизии. 148
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Гендеев Э.Н. * Зарубежные модели понимания законности в административном праве (сравнительно-правовой анализ). 155
Ястребова А.М., Смышников М.Р. * Краткие заметки о диспозитивном начале в корпоративном праве (на примере непубличных хозяйственных обществ). 163
Окороков А.А. * Обжалование нормативно-правовых актов органов публичной власти. 169

Рябинкин Г.Ю. * Проблемы правового регулирования ответственности за нарушение условий грантового соглашения. 176
Азимков Е.А. * Правовые механизмы противодействия недобросовестной конкуренции на цифровых торговых площадках. 182
Литвинова С.Ф. * Коллизионное регулирование имущественных прав на цифровые активы метавселенной. 189
Курдюкова Ю.С. * Оценка соответствия частных медицинских организаций обязательным требованиям: особенности контрольно-надзорной практики и пути совершенствования. 195
Беляков Д.С. * Признанные сторонами обстоятельства и предмет доказывания. 201
ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
Иванова С.А. * Отрицательный сервитут в российском гражданском праве: правовая природа и перспективы нормативного регулирования. 206
Емельянов Е.А. * Особенности оборота земель с особым правовым режимом, практика в Российской Федерации. 213
Гнетова Л.В., Карпукова А.А. * Развитие семейно-брачных отношений на Аравийском полуострове (доисламский период и ранний Ислам). 220
Емельянов Е.А. * Эволюция правового регулирования оборота земельных участков в Российской Федерации, оценка особенности. 224
Халилова Э.О., Гумматов Р.Р. * Юридическая деятельность в условиях цифровизации: вызовы и перспективы. 230
Осиашвили Л. * Признание права собственности на объект долевого строительства как основной способ защиты права. 238
Гнетова Л.В., Никитина Н.А. * Генезис законодательства об алиментах в период до середины 20-х годов XX века. 244
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
Казакова Т.А. * Добровольческая деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы: проблемы, перспективы. 248
Митюкова Ю.А., Зейналов Д.М. * Право собственности на землю в уголовно-исполнительной системе: теоретико-правовые аспекты и ретроспективный обзор. 254
Асадов В.В., Гусев А.С. * Актуальные проблемы содержания и исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ. 258
Кайтуков Д.А. * Электронные средства платежа как предмет взятки и хищений: квалификация и отграничение составов. 262
Богданов М.Н., Прысь Е.В., Соболева О.Г. * Проблемы применения наказания в виде обязательных работ в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: теоретический и практический аспекты. 267
Тарыкин В.К., Бондарева А.В., Гусеян Г.О. * К вопросу об осуществлении уголовно-правового контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. 273
Александрова О.П., Андреева М.М., Геворгян К.К. * Некоторые вопросы производства отдельных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела. 280
Бодяков В.Н., Морозов Р.М., Владимиров С.В. * Криминалистический анализ геолокационных данных мобильных устройств для подтверждения алиби или присутствия на месте происшествия. . . . 285
Романова Е.Н. * Обеспечение права на охрану здоровья заключенных в федеральных тюрьмах США 289
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ
Хомякова В.С. * Формирование экогуманитарного императива устойчивости у студентов технического вуза при изучении курса «безопасность жизнедеятельности». 292
Юмаков Е.В., Пожималин В.Н., Кислых Е.А., Бекназарян Н.Г. * Формирование устойчивой мотивации к занятиям физической подготовкой у курсантов образовательных организаций ФСИН России 299
Казначеев В.А., Варинов В.В., Демидов О.Г., Степанова Т.В., Крылов Д.В. * Дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» в подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы. 305
ИННОВАЦИИ В МИРЕ
Ложкин В.А. * Механизм правовой защиты наименования селекционного достижения. 313
Базылев Л.А., Притомская А.Р., Пожималин В.Н., Демидов О.Г. * Междоменные метафорические проекции в стрелковом дискурсе: квантитативный анализ сенсорных модальностей и их роль в огневой подготовке сотрудников ФСИН России. 317

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ

Авдюнин А.А., Пожималин В.Н., Титов Д.В., Демидов О.Г. * Особенности изучения военной топографии курсантами ведомственных вузов ФСИН России. 327
Ключников М.И., Казначеев В.А., Крапивин О.В., Демидов О.Г., Витушкин А.В. * К вопросу использования кроссфит-элементов и функциональных тренировок в прикладной физической подготовке сотрудников УИС в образовательных организациях ФСИН России. 333

POLICY AND LAW
Fatkhullin R.R. * Countering the discreditation of the use of Russia's armed forces: a theoretical and legal analysis. . . . 19
HUMAN RIGHTS
Lesnova E.V. * Disciplinary responsibility of public civil servicemen: legal foundations, practice of application, prospects for improvement. . . . 24
Shikina D.A., Levin V.F. * The human rights commissioner in the system of family values protection: legal mechanisms and protection of the rights of large families. . . . 32
Reits A.N., Azarova K.V., Levshakova S.R. * The legal status of non-profit organizations in the system of providing legal assistance: theoretical and practical aspects. . . . 40
Romanova E.N. * Ethical issues in the US juvenile justice system. . . . 48
Aleksandrova O.P., Andreeva M.M., Gevorgyan K.K. * Some issues of initiating criminal proceedings against a specific person. . . . 52
Demidov A.N. * Qualifying criteria for copyright self-help on the Internet. . . . 57
NATIONAL SECURITY
Abramitov S.A., Dneprovskaya M.A., Aipov G.T. * Federal law no. 33-FZ of march 20, 2025: some issues of the use of terms. . . . 66
Strygina S.V.* The role of legal regulation in the memorialization of military burials in preserving the historical memory of the people. . . . 70
Starikova M.K. * Neuronal data as a special category of personal data. . . . 75
Kaznachev V.A., Chernysheva O.V., Oskolkov A.V., Belokurov G.I., Sokolov P.S. * On the issue of training of law enforcement employees in the discipline "life safety" (based on the example of employees of the MIA and FSIN). . . . 80
CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
Komarova V.V. * Spatial development and social architecture in the constitutional and legal aspect. . . . 87
Vinogradova S. A. * On the relevance of researching the issues of legal liability of public authority bodies . . . 95
INTERNATIONAL RELATIONS
Ilyasov O.R. * International and russian legal framework for ensuring equal rights and freedoms for persons with disabilities with other citizens. . . . 98
Vasiliev D.Yu. * Procedure of screening of resume with using of artificial intelligence: legal regulation in Russia and foreign countries. . . . 102
Maksimkin Ya.A. * Features of the legal regulation of the circulation of tokenized securities under the laws of Russia and Hong Kong. . . . 109
LAW AND ECONOMICS
Krasnoperova E.A. * Prospects for modernization of the agricultural sector and its impact on rural regions . . . 116
Volnov A.S.* Antimonopoly authority order as a measure to ensure competition in economic concentration in the digital economy. . . . 121
JUSTICE AND JURISPRUDENCE
Sachenko A.L., Svarchevsky K.G. * Issues of legal qualification of digital money by courts of general jurisdiction on the prosecutor's claims on the conversion of property into state income. . . . 126
Chekushkin A.A. * Distinguishing the jurisdictional competence inheritance disputes – issues of practical application. . . . 133
Sachenko A.L., Kolesnikova M.M. * Legal criteria for economic feasibility in arbitration procedural practice when considering the prosecutor's claims to declare transactions invalid. . . . 139
Voronov E.N., Bystrov I.Yu., Nosova Yu.R., Rodionov N.E., Shatukhina A.A. * Prosecutor's presentation in civil proceedings: legal nature and terminological collisions. . . . 148
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
Gendeev E.N. * Foreign models of understanding legality in administrative law (a comparative legal analysis). . . . 155
Iastrebova A.M., Smyshnikov M.R. * Dispositiveness in corporate law: brief notes (using the example of CJSCs and LLCs). . . . 163
Okorokov A.A. * Appeal of regulatory acts of public authorities. . . . 169
Ryabinkin G.Yu. * Problems of legal regulation of liability for violation of the terms of the grant agreement . . . 176
Azimkov E.A. * Legal mechanisms for countering unfair competition on digital marketplaces. . . . 182

Litvinova S.F. * Conflict-of-laws regulation of property rights over metaverse digital assets. 189
Kurdyukova Yu.S. * Specific features of requirements imposed to private healthcare organizations as part of supervisory activities: problems and solutions. 195
Belyakov D.S.* Circumstances and subject matter recognized by the parties. 201
CIVIL AND BUSINESS LAW
Ivanova S.A.* Russian civil law negative easement: legal nature and regulatory outlook. 206
Emelyanov E.A. * Specifics of land circulation under a special legal regime: Russian Federation practice 213
Gnetova L.V., Karpukova A.A. * Development of family and marriage relations in the Arabian peninsula (pre-islamic period and early Islam). 220
Emelyanov E.A. * Evolution of the legal regulation of land plot turnover in the Russian Federation and assessment of its specific features. 224
Khalilova E.O., Gummatov R.R. * Legal practice in the era of digitalization: challenges and future prospects. 230
Osiashvili L. * Recognition of ownership of a shared construction object as the primary method of protection of rights. 238
Gnetova L.V., Nikitina N.A. * Genesis of alimony legislation until the mid- 20-kh of the 20th century. . . . 244
CRIMINAL LAW AND PROCESS
Kazakova T.A. * Voluntary activity of employees of the penal enforcement system: problems, prospects.248
Mityukova Yu.A., Zeynalov D.M. * Title to land in the penal system: theoretical and legal aspects and retrospective review. 254
Asadov V.V., Gusev A.S. * Topical issues of the content and execution of criminal punishment in the form of correctional works. 258
Kaitukov D.A. * Electronic means of payment as subject to bribery and theft: qualification and delimitation of compositions. 262
Bogdanov M.N., Prys E.V., Soboleva O.G. * Problems associated with the use of punishment in the form of compulsory labor in the penal system of the Russian Federation: theoretical and practical aspects. . . 267
Tarykin V.K., Bondareva A.V., Guseyan G.O. * On the exercise of criminal control over persons released from places of deprivation of liberty. 273
Aleksandrova O.P., Andreeva M.M., Gevorgyan K.K. * Certain issues regarding the conduct of specific procedural actions at the stage of initiating a criminal case. 280
Bodyakov V.N., Morozov R.M., Vladimirov S.V.* Tactical and forensic features of examining a mobile device in the investigation of fraud committed by convicts in the institutions of the russian penitentiary service. 285
Romanova E.N. * Ensuring the right to health care for prisoners in US federal prisons. 289
EDUCATION MANAGEMENT
Khomyakova V.S. * Formation of the ecological and humanitarian imperative of sustainability among students of a technical university while studying the course «life safety». 292
Yumakov E.V., Pozhimalin V.N., Kislykh E.A., Beknazaryan N.G. * Formation of stable motivation for physical training among cadets of educational organizations of the federal penitentiary service of Russia 299
Kaznachev V.A., Varinov V.V., Demidov O.G., Stepanova T.V., Krylov D.V. * Discipline “life safety” in employee training criminal principal system. 305
INNOVATION IN THE WORLD
Lozhkin V.A. * The mechanism of legal enforcement of a plant variety denomination. 313
Bazylev L.A., Pritomskaya A.R., Pozhimalin V.N., Demidov O.G. * Interdominal metaphorical projections in fire discourse: quantitative analysis of sensory modalities and their role in the fire training of employees of the federal penitentiary service of Russia. 317
EDUCATION IN RUSSIA AND THE WORLD
Avdyunin A.A., Pozhimalin V.N., Titov D.V., Demidov O.G. * Features of studying military topography by cadets at departmental universities of the FSIN of Russia. 327
Klyuchnikov M.I., Kaznacheev V.A., Krapivin O.V., Demidov O.G., Vitushkin A.V. * On the use of crossfit elements and functional training in the applied physical training of penal system personnel at educational institutions of the federal penitentiary service of Russia. 333

- ПОЛИТИКА И ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-19-23
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ФАТХУЛЛИН Рустем Рамазанович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: fathullin_fsin@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДИСКРЕДИТАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье рассматривается комплексный, теоретико-правовой анализ института противодействия дискредитации против Вооружённых Сил Российской Федерации. Особое внимание уделяется современным проблемам правовой неопределённости, поскольку ни КоАП РФ, ни УК РФ не содержат легального определения дискредитации, что порождает сложности в правоприменительной практике. Анализируются вопросы соразмерности ограничений конституционного права на свободу слова и обеспечения единообразия судебной практики, которая остаётся одной из наиболее активно формирующихся.*

Рассматриваются понятие и сущность дискредитации как социально-правового явления, особенности её нормативного закрепления в административном и уголовном законодательстве, а также конституционно-правовые основы защиты интересов государства и армии. В работе изучаются проблемы правовой неопределённости, вопросы разграничения дискредитации и допустимой критики. Отдельное внимание уделяется дискуссионным вопросам привлечения к ответственности за деяния, которые зачастую сложно оценить как дискредитацию даже при абстрактности формулировок закона. На основе анализа действующего законодательства и права применения формулируются предложения по совершенствованию нормативной базы и механизмов правовой защиты публичных интересов при одновременном строгом соблюдении принципов правового государства.

Ключевые слова: *дискредитация, Вооружённые Силы Российской Федерации, административная ответственность, уголовная ответственность, свобода слова, конституционные ограничения прав, национальная безопасность, правовая определённость, соразмерность, правоприменительная практика.*

FATKHULLIN Rustem Ramazanovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

COUNTERING THE DISCREDITATION OF THE USE OF RUSSIA'S ARMED FORCES: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the institution aimed at countering the discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation. Special attention is paid to the problems of legal uncertainty, since neither the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation nor the Criminal Code of the Russian Federation contains a legal definition of discredit, which gives rise to difficulties in law enforcement practice. The issues of the proportionality of restrictions on the constitutional right to freedom of speech and ensuring uniformity of judicial practice are analysed; the latter remains one of the most actively developing areas. The concept and essence of discredit as a socio legal phenomenon are examined, along with the specifics of its normative consolidation in administrative and criminal legislation, as well as the constitutional and legal foundations for protecting the interests of the state and the*

army. The paper explores the problems of legal uncertainty and the issues of distinguishing between discredit and permissible criticism. Special attention is paid to the controversial issues of holding individuals accountable for acts that are often difficult to classify as discredit, even given the abstract nature of the law's wording. Based on an analysis of the current legislation and its enforcement, proposals are formulated to improve the regulatory framework and mechanisms for the legal protection of public interests, while simultaneously adhering to the principles of the rule of law.

Key words: *discrediting, Armed Forces of the Russian Federation, administrative liability, criminal liability, freedom of speech, constitutional restrictions on rights, national security, legal certainty, proportionality, law enforcement practice.*

Президент Российской Федерации Путин В.В. 24 февраля 2022 года выступил с телеобращением, в котором объявил о начале военной специальной операции (далее - СВО) с целью защиты Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Указав, «что ее цель защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины [1].

При этом количество уголовных дел о публичной дискредитации армии, и распространении фейков о Вооруженных силах России, стало ежегодно сокращаться. Об этом сообщил председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин в интервью ИТАР-ТАСС. По его словам, в 2022 году было возбуждено 183 таких дела, в 2024-м — 140, а за первые девять месяцев 2025 года — уже 115. Что касается преступлений, связанных с публичной дискредитацией вооруженных сил, то в 2023 и 2024 годах было возбуждено 76 и 72 дела соответственно, а за 9 месяцев 2025 года — в два раза меньше [2]. Сокращение этих правонарушений может быть связано с его высокой латентностью. Основными причинами являются, в основном, то, что инициатором возбуждения дел выступает само государство, а также, низкая активность со стороны граждан о сообщениях в правоохранительные органы.

В связи с этим современный период развития российского государства выражается в существенной трансформации форм и методов воздействия на общественное сознание. Информационное пространство становится ареной противоборства, в пределах которого важнейшие государственные институты, включая Вооружённые Силы Российской Федерации (далее – ВС РФ), подвергаются активному обсуждению публичного характера, оценке и интерпретации. В данных условиях проблема дискредитации использования Вооружённых Сил РФ приобретает не только правовой, но и социально-политический характер.

Введение ответственности за дискредитацию использования Вооружённых Сил РФ стало весомой «новеллой» законодательства Российской Федерации. В отличие от традиционных составов клеветы или распространения заведомо ложной информации, законодательные органы закрепили самостоятельную правовую конструкцию, направленную на защиту авторитета и легитимности использования армии.

Таким образом, административная ответственность за дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ предусмотрена статьёй 20.3.3 КоАП РФ [3], а уголовная – статьёй 280.3 УК РФ [4]. Данная модель создана по принципу эскалации: первичное правонарушение сначала влечёт административную ответственность, повторное, в течение года – уголовную.

Впервые, понятие «дискредитация ВС РФ и государственных органов» было введено законодателем после выработки единой судебной практики. В настоящее время под дискредитацией понимаются «любые умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа, доверия и умаления достоинства» [5].

Сущность дискредитации заключается в публичных действиях, которые направлены на подрыв доверия к использованию Вооружённых Сил РФ в целях защиты государственных интересов и поддержания международного мира и безопасности.

Исследование дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации как социально-правового явления предполагает анализ ее внутренней структуры, что, в дальнейшем позволяет отличить ее от других форм публичной связи. Проведенный лингвистический и правовой анализ позволяет выделить три основных элемента: объект, субъект, и адресат.

Объектом посягательством является институциональный авторитет и легитимность использования армии в качестве государственного института, обеспечивающего национальную оборону и безопасность страны, а также международное миротворчество.

Субъектом признаётся любое лицо (физическое, должностное или юридическое), совершающее публичные действия, направленные на формирование плохого отношения к применению Вооружённых Сил РФ. Основным признаком является осознанная (умышленная) коммуникативная

активность, реализуемая в любой форме передачи информации.

Адресатом (получателем) может быть неопределенный круг лиц, на чье мнение направлена негативная информация. Дискредитация предполагает не просто выражение публичной личной точки зрения (позиции), а целенаправленное влияние на общественное восприятие с целью подрыва доверия Вооруженных Сил РФ.

Здесь публичность выступает важным признаком, которую можно понимать как обращение к неограниченному и неопределенному кругу лиц. Таким образом, публичность широко охватывает практически все современные средства коммуникации. Используя при этом средства массовой информации, сети «Интернет», выступления публичного характера, пикеты и другие способы выражения позиции.

Таким образом, перечисленные элементы составляют модель дискредитации, которая представляет собой публичный акт. Данный акт направлен на подрыв доверия. Если при этом не установить направленность деяния на адресата и его публичный характер, то и квалификация его как социально-правовой дискредитации будет крайне затруднительна.

Федеральными законами Российской Федерации в административное и уголовное законодательство были введены новые нормы за дискредитацию использования Вооружённых Сил России в ст. 20.3.3 КоАП РФ [3] и ст. 280.3 УК РФ [4], правовое регулирование этой сферы сопровождается кругом теоретических и практических проблем:

Понятие дискредитации, законодатель не раскрывает, что порождает собой неопределённость. Недостаточность точных критериев, по мнению М.К. Кумышевой [6, с.275], дает возможность применять норму в широком диапазоне ситуаций, создавая риск, слишком неопределенного толкования, и неоднородности судебной практики. С точки зрения принципа правовой определённости, это является существенным вызовом.

Смешение дискредитации и критики, свобода мысли и слова, подразумевает возможность публичной оценки деятельности государственных институтов. Тем не менее, действующее регулирование норм дискредитации и критики, не содержит четких критериев и разграничений. А именно, то, что конструктивная критика, должна быть направлена на обсуждение определенных проблем, а дискредитация это деструктивный подрыв доверия. В результате право применение часто сталкивается с трудностями в установлении направленности и характере высказываний.

Широкое понимание публичного характера деяния современная практика относит к публичным действиям это практически любые формы выражения мнения, которые включают в себя одиночные пикеты, публикации в социальных сетях и даже символические формы выражения личной позиции. Такого рода широта интерпретации, с точки зрения А.А. Лебедевой, наращивает неопределённость границ противоправного поведения [7, с.6].

Правовую основу противодействия дискредитации использования Вооружённых Сил РФ определяется нормами Конституции РФ. [8] Она закрепляет основополагающие основы государственного устройства, пределы публичной власти, а также баланс между защитой публичных интересов и правами человека.

Первостепенное место в системе конституционных ценностей занимает суверенитет, и обороноспособность государства. В статьях 4, 59 и 71 Конституции РФ закрепляют суверенитет страны, обязанность граждан защищать Отечество и исключительное ведение Российской Федерации в сфере обороны. В статье 55 Конституции РФ допускает ограничение прав и свобод для обеспечения обороны и безопасности при соблюдении принципов законности и соразмерности.

При чем, Конституционный Суд РФ играет ключевую роль в обеспечении баланса между публичными интересами и свободой слова. В Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П. [8] Конституционный Суд указал, что защита суверенитета и безопасности может только оправдывать ограничение прав при условии соблюдения принципа соразмерности, подчеркнув неабсолютный характер свободы слова.

Для повышения эффективного применения правовых норм необходимо сделать следующие:

определить состав правонарушения путем законодательного закрепления признаков, направленного прямым умыслом и против государства;

ввести обязательную комплексную психолого-лингвистическую экспертизу, что позволит составить целостный «психологический портрет» коммуникантов, а также снизить субъективизм при квалификации;

разработать ведомственные рекомендации по единообразной квалификации.

Таким образом, дискредитация использования ВС РФ – это комплексное социально-правовое явление, находящееся на стыке уголовного, административного, конституционного и информационного права. Инструментарий противодействия направленный на защиту суверенитета, обороноспособности и авторитета армии, должен отвечать требованиям правовой определённости, соразмерности и баланса частных и пуб-

личных интересов. Основные проблемы – неопределённость дефиниции, сложность отграничения от критики, неоднородность судебных подходов. Ключевые векторы совершенствования – уточнение понятия дискредитации, выработка чётких критериев разграничения, усиление судебного контроля и разработка единой методики. Только системный межотраслевой подход должен помочь в обеспечении упорядочивания публичных и частных интересов.

Список литературы:

[1] Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации от 24.02.2022 г. Режим доступа: www/kremlin свободный (дата обращения: 16.08.2026).

[2] Лежепекова А. Бастрыкин сообщил о сокращении числа дел по дискредитации армии [Электронный ресурс] // РБК. — URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreenews/69677ff09a7947a00dbc8cbd (дата обращения: 16.08.2026).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[5] Методическое письмо "Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных сил Российской Федерации", утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 2 от 18.08.2026).

[6] Кумышева М.К. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования вооруженных сил Российской Федерации // Образование и право. – 2022. – № 7. – С. 274-279.

[7] Лебедева А.А. К вопросу об особенностях уголовной ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации // Мировой судья. – 2025. – № 2. – С. 2-6.

[8] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения 22.08.2026).

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 44. – Ст. 4358.

References:

[1] Putin V.V. Address of the President of the Russian Federation dated 24.02.2022. Access mode: www/kremlin, free (date of address: 16.08.2026).

[2] A. Lezhepekova announced a reduction in the number of cases to discredit the army [Electronic Resource] // RBC. - URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreenews/69677ff09a7947a00dbc8cbd (access date: 16.08.2026).

[3] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (rev. dated 29.12.2025) (as amended and supplemented, entry. in force with the 01.01.2026) // NW of the Russian Federation. – 2002. - No. 1 (Part I). - Art. 1.

[4] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (rev. 17.11.2025, rev. 17.12.2025) (rev. and addendum, entry. in force with the 01.01.2026) // NW of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[5] Methodological letter "On the peculiarities of complex psychological and linguistic forensic examinations of information materials related to public discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation," approved by the Scientific and Methodological Council of the Federal Budgetary Institution RFCSE under the Ministry of Justice of Russia (protocol No. 2 dated 18.08.2026).

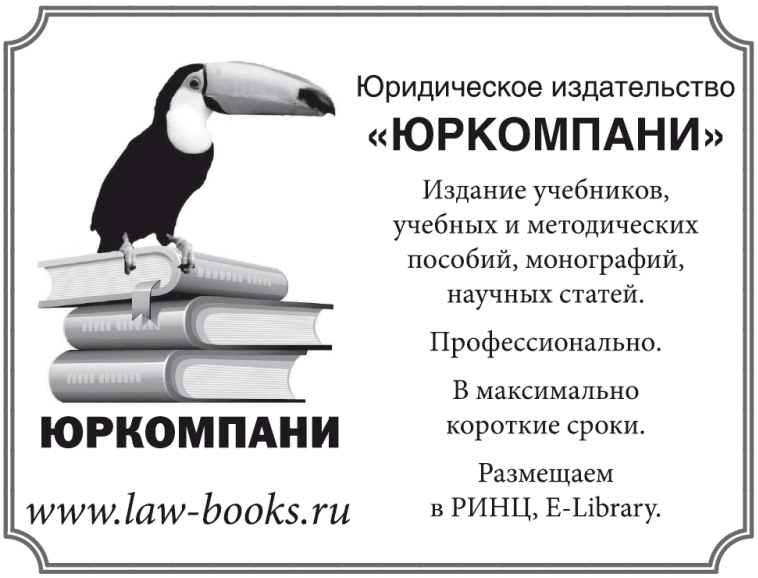
[6] Kumysheva M.K. Actual problems of criminal prosecution for public actions aimed at discrediting the use of the armed forces of the Russian Federation // Education and law. – 2022. – № 7. - S. 274-279.

[7] Lebedeva A.A. To the question of the peculiarities of criminal liability for discrediting the Armed Forces of the Russian Federation // Magistrate. – 2025. – № 2. - S. 2-6.

[8] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (date of contact 22.08.2026).

[9] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.10.2003 No. 15-P "In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with the request of a group of deputies

of the State Duma and complaints of citizens S.A. Buntman, K.A. Katanyan and K.S. Rozhkov "// Collection of legislation of the Russian Federation Federations. – 2003. – № 44. - Art. 4358.

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-24-31
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ЛЕСНОВА Элеонора Витальевна,
магистрант 2 года обучения направления «Юриспруденция», ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», г. Саранск,
e-mail: eleonoralesnova@yandex.ru

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию проблем прав человека в условиях активного внедрения цифровых технологий в современное общество. Рассматриваются исторические этапы становления прав человека, выделяет особенности и содержание цифровых прав, а также выявляет актуальные угрозы и риски, связанные с процессами цифровизации. Особое внимание уделяется изучению действующего российского законодательства и международной практике защиты прав граждан в цифровом пространстве. Предлагаются конкретные рекомендации по совершенствованию правовой системы, направленные на обеспечение эффективной защиты прав и свобод человека в условиях цифровизации общества.*

Ключевые слова: *права человека, цифровизация, цифровые права, цифровое общество, гаранты прав, цифровая среда, технологии.*

LESNOVA Eleonora Vitalievna,
Master's student, 2nd year of study, majoring in "Jurisprudence," N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk

DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF PUBLIC CIVIL SERVICEMEN: LEGAL FOUNDATIONS, PRACTICE OF APPLICATION, PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Annotation. *This article examines human rights issues in the context of the active introduction of digital technologies into modern society. It examines the historical stages of human rights development, highlights the characteristics and content of digital rights, and identifies current threats and risks associated with digitalization processes. Particular attention is paid to current Russian legislation and international practices for protecting citizens' rights in the digital space. Specific recommendations for improving the legal system aimed at ensuring the effective protection of human rights and freedoms in the context of the digitalization of society are offered.*

Key words: *human rights, digitalization, digital rights, digital society, guarantors of rights, digital environment, technologies.*

Фундаментальные изменения, происходящие в правовой системе России в связи с современными технологическими процессами неотрывно связаны с переходом современного мира в цифровую реальность. Цифровизация проникла практически во все отрасли права, такие как конституционное право, гражданское право, уголовное право, трудовое право и т.д. Однако она идет настолько быстро, что законодатели попросту не успевают урегулировать все вопросы, так как все чаще появляются различные новации в данной сфере, что влечет за собой появление новых, специфичных прав – цифровых. Появление таких прав влечет за собой изменение уже существующих правовых норм. Меняется не только содержание статей, но и их толкование, что конечно будет влиять на всё право в целом. Цифровые права в современном российском государстве, так как они, как и любые другие права, нуждаются в правовом регулировании.

Проблемы защиты прав человека в условиях цифровизации общества являются актуальной

темой в связи с развитием цифровой среды. К сожалению, законодатель не успевает за развитием цифрового общества, что порождает коллизии и пробельность законодательства.

Проблемы конституционно-правовых основ в сфере реализации прав человека и гражданина в связи с развитием цифровых технологий рассматривали такие ученые, как: Александров А.П., Варламова Н.В., Волкова А.Ю, Лихобабин В.С. и другие.

Исследование направлено на изучение теоретических положений, норм закона, судебной практики, которая касается конституционно-правовых основ в сфере реализации прав человека и гражданина в связи с развитием цифровых технологий так же выявление недостатков в правовом регулировании и выработка вариантов по устранению данных недостатков.

Реализация обозначенной цели предполагает последовательное выполнение комплекса взаимосвязанных задач:

определение сущности и содержания цифровых прав;

выявление угроз и рисков для прав человека в условиях цифровизации;

формирование предложений по совершенствованию правового регулирования;

исследование международного опыта защиты цифровых прав.

Методология исследования. Для решения обозначенных задач работы мы использовали методы научного познания как общего характера (историко-логический, системно-функциональный, социологический, диалектический), так и специальные (сравнительно-правовой, формально-юридический, формально-логический, структурно-логический и другие).

Начнем с того, что проблемы прав человека во все времена занимали большое место как в жизни, так и в политико-правовой доктрине. В разные периоды истории человечества права человека находились и в известной мере находятся сейчас в зависимости от внешней среды, а именно публичной «оболочки» (племя, род, община, полис, княжество, государство), в которой существовал и существует индивид. Восхождение его от бесправного и полностью зависимого от этой среды положения к свободе знаменует эволюцию (не всегда в одном направлении с учетом имевших место в истории «откатов» от уже завоеванных позиций) как собственно прав и свобод человека, так и их правового регулирования. Человечество прошло долгий и трудный путь к тому, чтобы права человека стали наконец пониматься, а в цивилизованных государствах не только провозглашаться, но и реализовываться как высшая ценность.

Права человека, которые мы используем сейчас, сформировались ещё в античность и средневековье, точнее, из базовых принципов и идеи. Более концептуальные идеи были представлены философами и правоведами Нового и новейшего времени.

Заметим, что в семидесятых годах XX века К. Васаком предложена «хронологическая» классификация прав человека, чья суть состояла в выделении прав человека поколений [16]. Под ними понимались этапы развития прав человека, которые напрямую зависели от времени их формирования. В двадцатом веке было выделено три поколения прав. Сегодня говорят о формировании нового или уже сложившегося четвертого поколения прав человека.

Различные ученые предлагают свои варианты классификации прав четвертого поколения. Однако споры в науке ведутся не только о признании существования нового поколения, но и о его содержании [8,12,7]. На наш взгляд, наиболее популярным вариантом являются цифровые права и технологии.

Важной современной задачей государства, в связи с этим, является признание и защита цифровых прав граждан от возможных нарушений с одновременным обеспечением конституционно-правовой безопасности личности путем внесения соответствующих поправок и изменений в Конституцию РФ [1], используя положительный опыт зарубежных стран.

Соответствующие федеральные законы, такие как Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» [3], внесены изменения в Гражданский кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ [4], приняты и реализуются на практике, но мы считаем, что также требуется и конституционное закрепление цифровых прав, поскольку в будущем предполагается еще большее внедрение информационных коммуникаций в жизнь общества с возникновением новых правовых и общественных отношений, где технологии будут занимать особое место.

Уже сейчас следует говорить о возникновении совершенно новой отрасли права – цифрового права, которая включает в себя право на доступ к сети Интернет, право на защиту от нежелательной информации, а также немаловажное право любого активного пользователя сети – право на забвение. Цифровые права являются специфическими правами человека, возникающие и реализуемые в публично-правовой сфере информационных систем. Использование технических средств, сама сеть Интернет во многом нарушают право человека на неприкосновенность частной жизни, ослабляют существующие,

уже устаревшие механизмы её защиты. Концепция, согласно которой права и свободы человека в современном мире универсальны, вполне гармонично сочетается с необходимостью создания нейтрального и универсального правового режима использования цифровых технологий.

В современном цифровизированном мире сущность человека и общепринятых человеческих ценностей не изменились кардинально. Но именно права человека могут стать унифицирующей целевой перспективой при определении отношения к различным новым технологиям.

Рассмотрим проблемы защиты прав человека в условиях цифровизации общества.

Отметим, что на сегодняшний день уровень кибепреступности остаётся высоким. Так, за период с января по август 2025 года было совершено более 471,5 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Больше половины из них – 51,1% – составило мошенничество [10].

Из-за особенностей составов преступлений, сложности их выявления и доказывания, практически все преступления (99%) были выявлены сотрудниками органов внутренних дел. Более половины таких преступлений относятся к категориям тяжких и особо тяжких. С Интернетом связано 73% деяний, в 40% деяний использовались средства мобильной связи. Наиболее частыми составами являются кража и мошенничество (72%) и незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств (12%).

Развитие информационных технологий влияет на человека, и не может не влиять и не трансформировать его права. Нам необходимо существовать, существовать в социуме, иметь возможность реализовывать свои права, не только индивидуально, но и во взаимодействии с другими людьми. При этом у людей есть право на свободу в реализации прав, в том числе право на свободу в сети Интернет.

Частью реализации права на свободу называют возможность личности на самоопределение, в контексте Интернета право получило название «информационное самоопределение», то есть право определять судьбу информации о нем. Данный термин ввел в 1983 году Федеральный Конституционный суд Германии. Вот как ФКС Германии описывает данное право: начиная использовать Интернет, осуществляя в ход в сеть, личности становятся открыты бесчисленное количество возможности, принимая каждую конкретная личность решает – не использовать личную информацию, искажать личную информацию, скрывать часть личных данных, или предоставлять свои данные в полном объеме без сокрытия и искажений. В первую очередь информация раскрывается или не раскрывается владельцу сервиса или сайта, а после другим пользователям путем сообщения или несообщения сведений о своей личности.

Как мы видим вариантов поведения существует большое количество. Само право на свободу информационного самоопределения человек реализует в момент принятия решения кому, куда, для чего какие данные он передает.

ФКС Германии в 2008 году было принято ещё одно важное решение, которое называется «основное право на обеспечение конфиденциальности и целостности информационно-технических систем», его связывают с «информационным самоопределением» и называют судьбоносным. Данное право связали с развитием цифровых технологий и отнесли к конституционным. До решения 2008 года эта информация не защищалась тайной личной переписки и телефонных переговоров, неприкосновенностью жилища, правом на информационное самоопределение. Теперь защищается перечисленными выше правами.

При посещении нового сайта, не важно российского или зарубежного, пользователю предлагается «Принять cookie» или «Accept cookie». Связано это с тем, что в Европе с 2018 года Общим регламентом по защите данных были введены нормы, которые запрещали без согласия пользователя собирать информацию о нем, даже при обычном посещении сайта, где человек не вводил персональные данные. Данный документ защищает даже неочевидные случаи распространения персональной информации, например, формирование таргетированной рекламы на основе запросов пользователя в сети. Такая информация собирается с целью извлечения коммерческой выгоды, но это не означает, что она может быть использована в преступной деятельности или вообще стать доступной для широкого круга лиц. В 2022 году произошли крупные утечки у агрегаторов доставки – Яндекс. Еда и Деливери клаб, в сети попали около 1,2 млн строк с данными пользователей [11].

В связи с этим новую актуальность приобретает право на личную неприкосновенность. Ряд авторов находят общие черты с правом на физическую неприкосновенность, или приравнивает к нему, что ни в коем случае проводить нельзя, потому как нарушение права не может зависеть от способа нарушения: реального или киберпосягательства [9].

В части посягательств на личную неприкосновенность в Интернете важно выделить такие явления, как интернет-травля (кибербуллинг) и интернетпреследование (сталкинг). В связи с этим, заметим, что в законодательстве РФ есть составы

преступлений и проступков, которые могли бы защитить от кибersталкинга, но которые сформировались до рассмотрения Интернета и не охватывают все случаи онлайн-преследований.

Среди них можно выделить ответственность за клевету, угроза убийством или причинения вреда здоровью, нарушение неприкосновенности частной жизни и оскорбление (предусмотрена административная ответственность).

Рассмотрим Решение Сыктывкарского городского суда (Республика Коми) от 12 июля 2024 г. по делу № 2а-6793/2024 [13].

Прокуратура выявила в социальной группе в Telegram информацию, создающую опасность причинения вреда жизни и здоровью граждан, особенно несовершеннолетних. Информация включает элементы оскорбления, запугивания и травли, то есть представляет собой форму кибербуллинга.

Прокуратура основывает своё обращение на следующем:

информации создают угрозу интересам несовершеннолетних;

контент группы противоречит нормам российского законодательства, регулирующим распространение информации;

запрещённые виды информации включают пропаганду войны, разжигание ненависти и клевету.

Прокуратура просит признать информацию запрещённой и внести ссылку на страницу в реестр запрещённых ресурсов.

Основополагающими нормами являются: Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), Статья 5.61 (оскорбление), Статья 128.1 (клевета), Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), Статья 110 (доведение до самоубийства), Статья 110.1 (склонение к самоубийству).

Рассмотрев представленные материалы и аргументы сторон, суд удовлетворил требования прокуратуры в полном объёме.

Данное дело демонстрирует активную роль прокуратуры в обеспечении информационной безопасности, особенно в вопросах, касающихся уязвимой аудитории несовершеннолетних. Решение суда подтверждает необходимость эффективного регулирования информационного пространства и защиты граждан от вредоносного контента.

А также решение суда подчёркивает важность активных мер по предотвращению кибербуллинга и пропаганде безопасного пользования Интернетом. Оно служит важным сигналом для владельцев и администраторов интернет-ресурсов о необходимости соблюдать законы и правила, направленные на защиту прав и свобод граждан.

Важно заметить, что угрозы убийством путем отправки сообщений в социальных сетях будет недостаточно для уголовного преследования, но может существенно испортить жизнь человеку, получающему такие сообщения. Помимо прямых угроз онлайн-сталкер может осуществлять и иные действия, например, незаконно собирать и хранить личную информацию о человеке - объекте преследования. Даже если жертва проявляла достаточную внимательность при обращении со своими персональными данными, это не означает, что они находят под защитой, так как случаи утечки такой информацией не всегда зависели от действий самих пользователей, а больше относились к попустительскому отношению к безопасности владельцами сервисов и сайтов.

К сожалению, последствия негативного характера для онлайн-преследователя сегодня могут возникнуть только если есть негативные последствия для жертвы, зачастую, это нарушение права на физическую неприкосновенность. То, что жертва проживает стресс, психологические переживания, что является частью личной неприкосновенности, недостаточно для уголовного и даже административного наказания. В связи с этим предлагаем ввести отдельный состав в Уголовном кодексе РФ за преследование, сталкинг, в том числе в сети Инетрнет.

ЮНИСЕФ, Международный чрезвычайный фонд помощи детям при Организации Объединенных Наций, обеспокоены развитием кибербуллинга [15]. В организации отмечают, что буллинг несмотря на то, что он виртуальный, может причинить значительный вред жертве. Это связывают с его распространением на широкую территорию и длительность. Так, кибербуллинг может преследовать жертву всю её жизнь. Буллинг и кибербуллинг создают замкнутую среду, разрушающую жизнь человека.

Ещё один видом киберпреследования можно назвать киберхарассмент домогательство в сети, и троллинг - провокации или издевательства, характеризующиеся множественностью и происходящими в сети. Исследователи выделяют даже отдельный вид киберхарассмента, который происходит в многопользовательских онлайн-играх: отдельная категория игроков, деятельность которых не нацелена на прохождение игры, а на убийство других игроков. Такое явление даже получило свое название – «гриферы».

Попытки государства перевести отношения в Интернете в правовую плоскость называют цензурой, так как принято считать, что сеть является саморегулируемой средой. Каждый сервис,

Интернет-сайт, компьютерные программы, игры с выходом в сеть имеют собственное пользовательское соглашение, где прописаны правила пользования. Без подписания такого соглашения пользоваться сервисом невозможно. В случае, если пользователь нарушит правила, то операторы или владельцы сервиса могут его заблокировать: на определенное время или навсегда. Чаще всего в правилах содержится уважительное отношение к другим пользователям, общение без оскорблений и травли, соблюдение авторских прав, не размещение запрещенного контента (например, детская порнография, экстремистские материалы и др.). Игнорирование неуважительного отношения к другим пользователям, оскорблений и травли, невыгодно для самого ресурса, так как пользователь может перестать пользоваться этим ресурсом. Нарушение закона, как это будет в случаях с нарушением авторским прав и экстремизмом, повлечет за собой привлечение к ответственности владельцев данных ресурсов. Поэтому ресурсу важно применять меры к нарушителю пользовательских соглашений, вплоть до полной блокировки пользователя. Есть в этой мере и один существенный недостаток: нарушитель может создать новый аккаунт и продолжить нарушать правила сообщества. Есть ресурсы, владельцы которых не применяют меры в связи с поступающими обращениями. В связи с вышеизложенным законодателями и общественниками высказываются предложения о реформировании действующего законодательства, в частности внести новый состав о кибербуллинге в Кодекс об административных правонарушениях.

Другая важная проблема исходит из самой специфики сети Интернет. Технические особенности глобальной информационной сети позволяют довольно просто собирать и хранить информацию о человеке как при жизни, так и после его смерти. Такой феномен получил название «цифровые следы». К ним можно отнести любую информацию, которая была лично размещена человеком, либо третьими лицами, а также информацию, которую собирают владельцы сайтов и сервисов на основе запросов или «кликов».

Цифровые следы сыграли значительную в формировании нового права человека – права на забвение (англ. - right to be forgotten). Изначально право на забвение сформировалось в Европе, в Российской Федерации получило свое официальное закрепление в 2016 году, путем принятия нового Федерального закона, который внес изменения в Закон об информации и статьи Гражданского процессуального кодекса, касающихся возможно удаления информации о себе из сети. Теперь любой человек, легально проживающий на территории Российской Федерации, может потребовать от операторов поисковой системы не выдавать в результатах поиска страницы с информацией о заявителе. По закону право такого требования есть у лиц, информация по которым является недостоверной, распространяется в нарушение нормативного правового акта, неактуальная, то есть которая утратила значение из-за определенных событий или действий. Последнее как раз относится к информации судимости лиц по уголовным делам, которая погашена или снята по реабилитирующим основаниям, под запрет не попадает информация о расследуемом уголовном деле или неснятой, непогашенной судимости.

Приведем в пример Решение № 2-2406/2018 от 16 октября 2018 г. по делу № 2-2406/2018 [14].

Истец обратился в суд с иском к операторам поисковых систем Яндекс и Мейл.ру с требованием прекратить выдачу ссылок на ресурсы, содержащие информацию, ставшую неактуальной и утратившую значение для него. Среди прочей информации фигурирует ссылка на статью, где упоминается задержание истца сотрудниками милиции по подозрению в совершении уголовных преступлений, а также информация о его якобы участии в организованных преступных группах.

В иске указывается, что эта информация нарушает личные права истца, поскольку информация потеряла актуальность и искажает представление о нём в глазах общественности.

Суд отметил, что ответственность операторов поисковых систем ограничивается лишь процедурой фильтрации информации, однако они обязаны реагировать на запросы граждан о прекращении выдачи ссылок на устаревшую или недостоверную информацию. Суд подчеркнул, что операторы не обязаны проверять истинность каждой единицы информации, но должны действовать оперативно и ответственно, исполняя требования законодательства.

Анализируя представленную информацию, суд принял во внимание мнения Европейского Суда по правам человека, подчеркивающие право человека на приватность и защиту персональной информации, особенно если эта информация стала неактуальной или утрачивает своё значение.

В связи с этим, суд удовлетворил требования истца, возложив на операторов поисковых систем обязательство прекратить выдачу ссылок на следующую информацию: сведения о задержании истца сотрудниками милиции в прошлом и информацию о причастности истца к организованным преступным группам. Решение вступило в законную силу и подлежит исполнению.

Следующий проблемный вопрос заключается в том, что в действующем законодательстве не определен минимальный возраст для пользования социальными сетями и другими сервисами,

где человек может распространять информацию, в том числе недостоверную. Кто тогда в данном случае будет нести ответственность за действия несовершеннолетнего?

Проведенный в исследовании анализ показывает, что в сфере цифровой трансформации прав человека существуют проблемы, которые необходимо решить.

Решение проблемных вопросов, связанных с использованием сети Интернет, невозможно без принятия нормативных правовых актов. В частности, они должны содержать международно-правовые стандарты, обязательные для национального законодателя. Это не является решением всех указанных в работе проблем, Российская Федерации даже обгоняет многие страны по уровню цифровизации, но единая нормативная правовая база позволит странам, к примеру, в темпе и эффективно сотрудничать при совершении интернациональных преступлений. Сегодня, например, уже предлагается принять Всеобщую декларацию цифровых прав.

Отметим, что «разорванность» и непоследовательность правового регулирования приводят к затруднениям в реализации прав человека и неоправданному вмешательству в этот процесс. Первоначальное расхождение произошло из-за того, что легальный термин «средство массовой информации» не вместил в себя всего многообразия способов распространения информации, доступных современному человеку, и законодательство разошлось: ограничения для однопорядковых прав были установлены в разных актах – Законе о СМИ [5] и Законе об информации [2]. При этом объект ограничения один – право на распространение информации, цели ограничений одинаковы – не допустить нарушения прав человека и безопасности государства. Нужны и единые подходы, нельзя предусматривать разные по объему ограничения и разную ответственность только из-за способа распространения информации.

Призыв к изменению законодательства прозвучал и в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [6]. В Стратегии делается акцент на необходимости совершенствования действующего законодательства, создание новый правовых норм, которые бы регулировали деятельность средств массовой информации. Средства обеспечения доступа к информации также должны быть реформированы, должна быть проведена четкая граница между теми, что могут быть отнесены к СМИ, и теми, кто таковыми не являются. В качестве примера таких средств можно назвать новостные агрегаторы, видеоконтент, социальные сети, мессенджеры, телеграм-каналы. В документе предложили новый термин описания таких средств – средство обеспечения доступа к информации. По мнению автора, он мог бы прийти на смену термину «средство массовой информации» и объединить все формы распространения информации.

Таким образом, в первую очередь необходимо выработать единый подход к понимаю распространителя информации без привязки к средствам массовой информации. Реальность такова, что распространителем информации в связи с развитием Интернета сегодня может являться любой человек, организация, государственный орган или государство в целом. Работа над систематизацией нормативного правового материала также внесет правовую определенность в данное явление.

При разработке нормативно-правовой базы в области цифровых прав следует учитывать принятые международные правовые акты, судебную практику зарубежных стран и достижения России в данной сфере. В национальном законодательстве необходимо также закрепить право каждого человека на равный и беспрепятственный доступ к Интернету, установить исчерпывающий и понятный перечень оснований, по которым доступ к информации может быть ограничен. Также необходимо создать работающие механизмы по защите персональных данных и предупреждению совершения преступлений, посягающих на неприкосновенность личной жизни.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – Электронный ресурс. – Режим доступа:http://www.pravo.gov.ru.

[2] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 # 149-ФЗ (последняя редакция). – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=mmc3vk8cku598945491.

[3] Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ (последняя редакция). – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/?ysclid=mmc3xc3ge8777862201.

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025). – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

[5] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 31.07.2025) «О средствах массовой информации». – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/?ysclid=mmc56cnlia880691267.

[6] Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/?ysclid=mmc59hccta461287718.

[7] Александров А. П. Актуальные проблемы конституционного права : монография / А. Ю. Александров, А. П. Альбов, С. Б. Верещак [и др.]. – Москва : Русайнс, 2023. – 223 с.

[8] Варламова Н. В. Классификация прав человека: подходы к проблеме / Н.В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 4. – С. 152.

[9] Волкова А. Ю. Физическая неприкосновенность как объект распоряжения свободы воли лица / Полицейская деятельность. – 2024. – № 4. – С. 25-34.

[10] В IT-сфере совершено почти 500 000 преступлений за восемь месяцев 2025 года. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/10/23/1149083-v-it-sfere-soversheno-pochti-500-000-prestuplenii.

[11] В сети оказались данные курьеров «Яндекс Еды» и Delivery Club. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://wylsa.com/v-seti-okazalis-dannye-kurerov-yandeks-edy-i-delivery-club/.

[12] Лихобабин В. С. Классификация конституционных прав и свобод человека и гражданина / В. С. Лихобабин // Молодой ученый. – 2022. – № 20 (415). – С. 339-342.

[13] Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 12 июля 2024 г. по делу N 2а-6793/2024. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.garant.ru%2Ffiles%2F0%2F4%2F1771240%2Freshenie_siktivkarskogo_gorodskogo_suda_respubliki_komi_ot_12_iyulya_2024_g_po_delu.odt&wdOrigin=BROWSELINK.

[14] Решение № 2-2406/2018 от 16 октября 2018 г. по делу № 2-2406/2018 Кировский районный суд г. Перми (Пермский край) – Гражданские и административные. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/h8x0b8ylBElq/?ysclid=mmc32x7tso389758133.

[15] ЮНИСЕФ (Международный чрезвычайный фонд помощи детям при Организации Объединенных Наций). – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://fireman.club/inseklodepia/yunisef-mezhdunarodnyj-chrezvychajnyj-fond-pomoshhi-detyam-organizacii-obedinennyx-nacij/?ysclid=mmc517n03k151269914.

[16] Vasak K. Human Rights: A ThirtyYear Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. – No. 11. – P. 28–29.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, as amended by 14.03.2020, is published on the Official Internet portal of legal information. - Electronic resource. - Access mode: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Federal Law "On Information, Information Technology and Information Protection" of 27.07.2006 # 149-FZ (latest edition). - Electronic resource. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=mmc3vk8cku598945491.

[3] Federal Law "On Communications" dated 07.07.2003 No. 126-FZ (latest edition). - Electronic resource. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/?ysclid=mmc3xc3ge8777862201.

[4] Labor Code of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 197-FZ (as amended 29.09.2025). - Electronic resource. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

[5] Law of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 2124-1 (as amended by 31.07.2025) "On Mass Media." - Electronic resource. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/?ysclid=mmc56cnlia880691267.

[6] Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030." - Electronic resource. - Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/?ysclid=mmc59hccta461287718.

[7] Alexandrov A.P. Actual problems of constitutional law: monograph/A. Yu. Alexandrov, A.P. Albov, S. B. Vereshchak [and others]. - Moscow: Rusines, 2023. - 223 s.

[8] Varlamova N.V. Classification of Human Rights: Approaches to the Problem/N.V. Varlamova // Comparative Constitutional Review. – 2009. – № 4. - S. 152.

[9] Volkova A. Yu. Physical integrity as an object of ordering the free will of a person/Police activity. – 2024. – № 4. - S. 25-34.

[10] Almost 500,000 crimes were committed in the IT sphere in eight months of 2025. - Electronic resource. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/

10/23/1149083-v-it-sfere-soversheno-pochti-500-000-prestuplenii.

[11] Data from Yandex Food and Delivery Club couriers appeared on the network. - Electronic resource. – Режим доступа: https://wylsa.com/v-seti-okazalis-dannye-kurerov-yandeks-edy-i-delivery-club/.

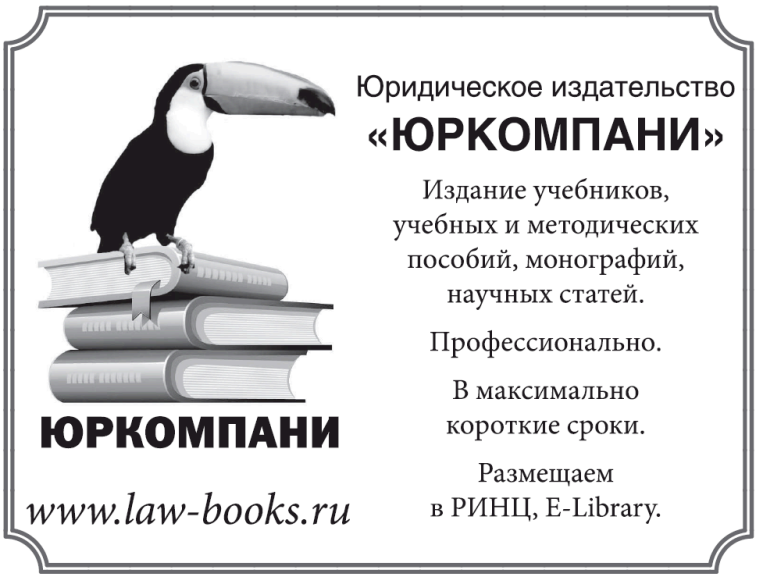
[12] Likhobabin V. S. Classification of constitutional rights and freedoms of man and citizen/ V. S. Likhobabin // Young scientist. – 2022. – № 20 (415). - S. 339-342.

[13] Decision of the Syktyvkar City Court of the Komi Republic of July 12, 2024 in case No. 2a-6793/2024. - Electronic resource. – Режим доступа: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.garant.ru%2Ffiles%2F0%2F4%2F1771240%2Freshenie_siktivkarskogo_gorodskogo_suda_respubliki_komi_ot_12_iyulya_2024_g_po_delu.odt&wdOrigin=BROWSELINK.

[14] Decision No. 2-2406/2018 of October 16, 2018 in case No. 2-2406/2018 Kirovsky District Court of Perm (Perm Territory) - Civil and administrative. - Electronic resource. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/h8x0b8ylBElq/?ysclid=mmc32x7tso389758133.

[15] UNICEF (United Nations International Children's Emergency Fund). - Electronic resource. – Режим доступа: https://fireman.club/inseklodepia/yunisef-mezhdunarodnyj-chrezvychajnyj-fond-pomoshhi-detyam-organizacii-obedinennyx-nacij/?ysclid=mmc517n03k151269914.

[16] Vasak K. Human Rights: A ThirtyYear Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. – No. 11. – P. 28–29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-32-39

ШИКИНА Дарья Александровна,
студент 3 курса магистратуры национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск,
e-mail: dasha.ryabova.133@mail.ru

ЛЕВИН Валерий Федорович,
уполномоченный по правам человека в Республике Мордовия, г. Саранск,
e-mail: ombudsman13@mail.ru

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЗАЩИТА ПРАВ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

Аннотация. *В статье анализируется роль института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе обеспечения и защиты семейных ценностей. Рассматриваются конституционно-правовые основы института семьи, раскрывается содержание государственной семейной политики, а также исследуются правовые механизмы, находящиеся в распоряжении федерального и региональных омбудсменов. Особое внимание уделяется специфике защиты прав многодетных семей как приоритетной категории граждан. На основе анализа действующего законодательства, судебной практики и деятельности Уполномоченного формулируются предложения по совершенствованию правовых инструментов и повышению эффективности правозащитной деятельности в сфере семейных отношений.*

Ключевые слова: *Уполномоченный по правам человека, семейные ценности, защита семьи, многодетная семья, государственная семейная политика, права ребёнка, правозащитный механизм.*

SHIKINA Daria Alexandrovna,
Master's degree student in the third year at National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk

LEVIN Valery Fedorovich,
Ombudsman for Human Rights in the Republic of Mordovia, Saransk

THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONER IN THE SYSTEM OF FAMILY VALUES PROTECTION: LEGAL MECHANISMS AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF LARGE FAMILIES

Annotation. *This article analyzes the role of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation in the system of ensuring and protecting family values. It examines the constitutional and legal foundations of the institution of family, reveals the content of state family policy, and examines the legal mechanisms available to federal and regional ombudsmen. Particular attention is paid to the specifics of protecting the rights of large families as a priority category of citizens. Based on an analysis of current legislation, judicial practice, and the activities of the Commissioner, proposals are formulated to improve legal instruments and increase the effectiveness of human rights advocacy in the area of family relations.*

Key words: *Human Rights Commissioner, family values, family protection, large family, state family policy, children's rights, human rights mechanism.*

Современное российское государство последовательно декларирует семью и традиционные семейные ценности в качестве фундаментальной основы своего развития. Конституционные положения, закрепляющие защиту семьи, материнства и детства, находят своё развитие в отраслевом законодательстве и стратегических документах. В этом контексте институт Уполномоченного по правам человека (далее – Уполномоченный) приобретает особое значение, выступая не только как дополнительный гарант прав личности, но и как специализированный механизм контроля за реализацией государственной политики в сфере семьи.

Актуальность темы обусловлена комплексом факторов. С одной стороны, сохраняется ряд системных проблем в области социальной поддержки семей, особенно многодетных. С другой стороны, наблюдается тенденция к усложнению общественных отношений, что требует гибких и оперативных правовых инструментов защиты. Традиционные судебные и административные процедуры не всегда способны обеспечить своевременное и эффективное восстановление нарушенных прав, что повышает востребованность института внесудебной защиты.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правового статуса и полномочий Уполномоченного по правам человека в контексте защиты семейных ценностей и прав многодетных семей, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию его деятельности.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

анализируются конституционно-правовые основы института семьи в Российской Федерации;

исследуется правовой статус Уполномоченного по правам человека и его место в системе органов государственной власти;

рассматриваются конкретные правовые механизмы защиты прав семей, находящиеся в арсенале омбудсмена;

выявляются ключевые проблемы защиты прав многодетных семей;

формулируются предложения по повышению эффективности деятельности Уполномоченного.

Теоретическую базу исследования составили труды специалистов в области знаний о статусе и роли Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, включая работы С. К. Баума, Д. Б. Громова, Н. Ф. Лукашовой, С. П. Степкина, Д. Е. Феоктистова, А. В. Цыбулевского, Э. С. Юсубова и др.

Методология исследования. При решении поставленных задач применялся широкий спектр методов: наряду с общенаучными подходами – историко-логическим, системно-функциональным, социологическим и диалектическим – задействовались методы специально-юридического характера, среди которых сравнительно-правовой, формально-юридический, формально-логический и структурно-логический.

Защита прав и свобод граждан составляет одно из центральных направлений деятельности Уполномоченного в Российской Федерации. Как независимый орган правозащитного контроля, он призван обеспечивать соблюдение конституционно закреплённых прав личности в рамках действующего правового порядка.

Согласно позиции Д. Е. Феоктистова, место омбудсмена в структуре государственного аппарата определяется совокупностью взаимосвязанных элементов: гарантиями и принципами деятельности, организационным устройством, кругом полномочий и мерой ответственности. Деятельность данного института не сводится к контрольным функциям — она предполагает участие в формировании стандартов и стратегических подходов к защите прав, что обеспечивает переход от реагирования на уже возникшие нарушения к их предупреждению. По мере эволюции статуса омбудсмена, что прослеживается по материалам последних лет, его роль как инструмента противодействия нарушениям прав и свобод возрастает, а вместе с ней укрепляется и доверие граждан к институтам публичной власти [9, с. 8].

По мнению Н. Ф. Лукашовой, «статус Уполномоченного по правам человека представляет собой комплекс правовых норм, который четко устанавливает его полномочия, требования к кандидату на эту должность, а также процедуры назначения и ответственности. Она подчеркивает, что правовой статус омбудсмена включает в себя функциональные задачи, которые направлены на достижение эффективного взаимодействия с органами публичной власти, международными организациями и другими заинтересованными сторонами» [5, с. 12].

А. В. Цыбулевский в своей статье указывает, что «институт омбудсмена представляет собой важный элемент демократической системы, обеспечивающий защиту прав и свобод граждан. Он выступает в роли независимого арбитра, который помогает разрешать споры между гражданами и государственными органами. Омбудсмен контролирует деятельность власти, особенно в случаях, когда граждане сталкиваются с административным произволом» [11].

Основным общим правовым средством защиты, применяемым омбудсменом, является рассмотрение жалоб и обращений [11, с. 151].

Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устанавливает многообразие форм подачи обращений к органам публичной власти, включая письма, электронные сообщения и устные заявления [6]. Однако закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека» не фиксирует явно, в какой форме следует обращаться к Уполномоченному, что создает правовую неясность. Тем не менее, анализируя действующее законодательство, официальный сайт и практику работы, можно заключить, что Уполномоченный принимает только письменные и электронные жалобы, поскольку наличие копий ранее принятых решений становится обязательным условием для их рассмотрения [8, с. 141].

Порядок обращения к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации определяется Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека» [7]. Стоит отметить, что обратиться за защитой своих прав может не только гражданин Российской Федерации, но и иностранные граждане, и лица без гражданства, которые находятся на территории Российской Федерации.

«К Уполномоченному по правам человека обращаются в том случае, если ранее заявитель (субъект, чьи права были нарушены) подавал жалобу на действия или бездействие государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих и обжаловал данные действия или бездействие в судебном или административном порядке. Если заявитель не удовлетворен принятым решением, он может обратиться к Уполномоченному, который выступает как последняя инстанция. Вместе с тем полномочия прокуратуры в данной сфере имеют установленные границы: обращения, касающиеся актов палат Федерального Собрания и законодательных органов субъектов Российской Федерации, находятся за пределами её надзорной компетенции.

Сроки обращения с жалобой закреплены в законодательстве как механизм, обеспечивающий своевременное реагирование на предполагаемые нарушения. Отсчёт годичного периода начинается с того момента, когда лицо получило сведения о допущенном нарушении своих прав. Что касается оформления, подаваемый документ должен отвечать требованиям чёткой структуры и содержать полный набор необходимых сведений.

Получив жалобу и ознакомившись с её содержанием, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации определяет форму реагирования применительно к каждому отдельному случаю. При положительном решении о принятии жалобы к рассмотрению инициируется проверка обстоятельств дела. В ходе этой процедуры к участию могут привлекаться профильные государственные структуры – прежде всего органы прокуратуры, - задачей которых становится детальное исследование ситуации с целью установить, какие меры способны обеспечить защиту прав обратившегося лица.

После того как проверка завершена, ответственный орган направляет свои материалы Уполномоченному. Опираясь на собранные данные, тот выносит итоговое решение [4, с. 870].

Одним из ограничений для Уполномоченного является невозможность обращения к тому органу или должностному лицу, чьи действия были обжалованы. Данная мера направлена на предотвращение конфликта интересов.

«Во время проверки Уполномоченный наделен широкими полномочиями: он может посещать органы власти, получать необходимые документы и материалы, а также взаимодействовать с должностными лицами, за исключением судей. Кроме того, Уполномоченный вправе запрашивать проведение экспертных исследований и знакомиться с уголовными, гражданскими, административными делами и делами об административных правонарушениях» [12, с. 57].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, завершив проверку, уведомляет заявителя о проделанной работе и о выявленных нарушениях. Если нарушения прав заявителя действительно установлены, омбудсмен обязан предпринять соответствующие меры для их устранения. Для этого он направляет заключение к соответствующим государственным органам или должностным лицам, предлагая рекомендации по восстановлению прав и свобод заявителя.

«Согласно статье 35 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», органы власти и должностные лица обязаны в течение одного месяца реагировать на заключение Уполномоченного. Пропуск установленного срока без должных действий воспринимается как воспрепятствование законной деятельности Уполномоченного, что в свою очередь может привести к юридическим последствиям» [7].

Если заявитель располагает достаточными возможностями для самостоятельной защиты своих прав, Уполномоченный вправе ограничиться указанием на компетентные органы, куда следует направить обращение. Подобный подход стимулирует граждан к более деятельному участию в отстаивании собственных интересов. Передача жалобы профильному ведомству или должностному лицу позволяет рационально рас-

пределить нагрузку между различными уровнями государственной власти. Отказ в рассмотрении обращения также входит в перечень допустимых решений, однако сопровождается обязательной мотивировкой – это условие выступает инструментом обеспечения подотчётности Уполномоченного.

С распространением цифровых коммуникаций – процесс, заметно интенсифицировавшийся в период пандемии COVID-19, - доля обращений к Уполномоченному, поступающих по электронной почте, существенно возросла [10].

Среди ключевых механизмов деятельности Уполномоченного выделяется право инициировать проверки вступивших в силу судебных решений на предмет их соответствия закону. Для реализации этого права он вправе направлять должностным лицам, наделённым надзорными функциями, соответствующие обращения с изложением своей позиции, а также добиваться проведения необходимых проверочных мероприятий. С этим связана и возможность беспрепятственного доступа в органы государственной власти и местного самоуправления с правом истребования документов. Отдельного внимания заслуживает полномочие обращаться в Конституционный суд Российской Федерации – оно приобретает особое значение в ситуациях, когда нарушения прав граждан носят массовый либо серьёзный характер и требуют восстановительных мер в пределах установленной компетенции [2, с. 170].

Среди полномочий Уполномоченного выделяется право выступать с докладами непосредственно на заседаниях Государственной Думы. При фиксировании систематических или особо грубых нарушений прав граждан парламент вправе получить от него предложение о создании специальной комиссии – той самой, которая и должна провести расследование конкретных случаев (практика подобных обращений существует, хотя и применяется нечасто).

Уполномоченный может направлять замечания и предложения в государственные органы – это открывает реальный канал участия в выработке решений на разных уровнях власти. Субъектам законодательной инициативы при необходимости адресуются обращения с конкретными предложениями по корректировке действующего регулирования. Именно через такие механизмы омбудсмен получает возможность действовать на опережение – вмешиваться прежде, чем нарушение успело оформиться [11, с. 152].

Механизм защиты прав и свобод граждан в России осуществляется через аппарат уполномоченного по правам человека. Аппарат уполномоченного выполняет ряд функций, включая прием и регистрацию жалоб от граждан, а также предоставление разъяснений о правовых возможностях защиты. Сотрудники аппарата анализируют поступившие обращения, рассматривают их в пределах своей компетенции и осуществляют передачу жалоб в соответствующие государственные органы для дальнейшего разбирательства.

«Практическая реализация данного механизма зачастую заключается в выездах сотрудников аппарата на места для проверки заявленных нарушений. Они оценивают ситуацию, собирают информацию и материалы, что позволяет более детально разобраться в произошедших нарушениях. Понимание реальных обстоятельств нарушений прав помогает принимать обоснованные решения и разрабатывать рекомендации для государственных органов» [11, с. 153].

В рамках данного исследования отметим, что фундамент правового регулирования семейных отношений в России заложен в Конституции Российской Федерации. Часть 1 статьи 7 провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Семья в данном контексте представляет собой не только социальный институт, но и первичную структурную единицу общества, которой государство обеспечивает особый охранительный статус.

Конституция Российской Федерации закрепляет государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства в части 2 статьи 7. По своей природе эта норма программная — её содержание раскрывается через положения Семейного кодекса РФ и соответствующих федеральных законов. Часть 1 статьи 38 возлагает на родителей равные права и обязанности в сфере воспитания детей, одновременно гарантируя защиту детства со стороны государства. Совокупность названных конституционных положений образует правовую основу, на которой выстраивается система мер поддержки семьи.

Среди конституционных норм, регулирующих семейные отношения, выделяется правило, закреплённое в части 3 статьи 38: совершеннолетние дети, сохранившие трудоспособность, обязаны обеспечивать поддержку родителям, которые её утратили. За этим требованием стоит идея о взаимной ответственности между поколениями – ответственности, которая укрепляет связи внутри семьи как социального института.

Правовая защита семьи на конституционном уровне выстроена достаточно последовательно. Вместе с тем одних нормативных гарантий недостаточно – их действенность определяется тем, насколько отлажен надзор за работой исполнительных структур. Эту задачу во многом берёт на себя институт Уполномоченного по пра-

вам человека.

Правозащитная работа Уполномоченного по защите семейных ценностей строится на применении ряда юридических механизмов. Среди них центральное место занимает разбор как индивидуальных, так и коллективных жалоб, поступающих от граждан.

Когда гражданин или семья обращаются с жалобой на ущемление своих прав – будь то отказ в льготах, пособиях или зачислении в образовательное учреждение – Уполномоченный приступает к проверке изложенных обстоятельств. Для её проведения он располагает полномочиями истребовать у государственных структур необходимые документы и материалы. Если нарушение подтверждается, соответствующему органу или должностному лицу направляется заключение, содержащее рекомендации по восстановлению ущемлённого права.

Процедура, применяемая омбудсменом при разборе поступивших жалоб, существенно отличается от судебного разбирательства степенью формальности: от гражданина не требуется ни оплачивать государственную пошлину, ни привлекать профессионального юриста для представления своих интересов. Именно эта особенность превращает институт омбудсмена в инструмент, реально открытый для широкого круга лиц.

Аналитическая деятельность занимает значительное место в работе института. Доклад о деятельности Уполномоченного, который ежегодно направляется Президенту РФ и палатам Федерального Собрания, включает не только сводные данные по рассмотренным обращениям, но и разбор системных нарушений в отдельных областях правоприменения. Те разделы, где рассматриваются вопросы социальной политики и защиты семьи, впоследствии выносятся на обсуждение в профильных комитетах Государственной Думы и становятся отправной точкой при разработке законодательных инициатив.

Право законодательной инициативы входит в число инструментов, которыми омбудсмен пользуется на практике – через направление соответствующих предложений уполномоченным субъектам. На основе обращений, поступающих от многодетных семей, формируется пакет рекомендаций, направленных на корректировку действующих нормативных актов как федерального, так и регионального уровня.

Многодетная семья занимает особое место в системе государственных приоритетов – прежде всего потому, что демографическая политика страны во многом опирается на поддержку именно таких семей. Работа Уполномоченного в этой сфере строится с учётом повышенной социальной значимости данной категории: права многодетных семей входят в число направлений, которым уделяется приоритетное внимание.

Однако на практике многодетные родители часто сталкиваются с административными барьерами при реализации своих прав.

К числу наиболее распространённых проблем относятся:

сложности при постановке на учёт для получения земельных участков;

недостаточная информированность о доступных мерах поддержки;

бюрократические проволочки при оформлении пособий;

трудности с обеспечением детей местами в дошкольных образовательных учреждениях;

случаи формального подхода со стороны органов социальной защиты к рассмотрению заявлений.

В этой ситуации роль Уполномоченного становится ключевой. Он выступает в качестве «медиатора» между гражданином и сложной бюрократической машиной государства. Рассматривая обращение многодетной семьи об отказе в предоставлении земельного участка из-за формальных неточностей в документах (например, отсутствие справки о составе семьи старого образца), омбудсмен может указать органу власти на необходимость руководствоваться принципом приоритета содержания над формой и защитить право семьи на государственную поддержку.

Кроме того, Уполномоченный осуществляет мониторинг реализации региональных программ поддержки многодетных семей. В случае выявления системных сбоев он вправе обратиться к высшему должностному лицу субъекта РФ с предложением принять меры по исправлению ситуации.

За 2024 год в аппарат Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка поступило 17 917 обращений от граждан, из которых 1 943 обращения были поданы многодетными семьями. Это составляет примерно 10,8% от общего числа обращений. Для сравнения, в 2023 году поступило 14 587 обращений, что говорит о росте числа обращений на 22,8% за год. Основные темы обращений многодетных семей касались права жить и воспитываться в семье, вопросов социального обеспечения, жилищных проблем, образования и охраны здоровья детей.

«В 2025 году в Республике Мордовия в адрес Уполномоченного поступило 1702 обращения граждан – это почти на 5 % меньше, чем годом ранее. Основная категория – пенсионеры и инвалиды. Для работы по их вопросам (а это пенсионные начисления, льготы) привлекаются специалисты Социального фонда.

При этом обращений от многодетных семей

в 2025 году не поступало. Это объясняется тем, что в регионе ведётся активная семейно-ориентированная политика, направленная на поддержку таких семей, что снижает необходимость обращения к омбудсмену.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Республике Мордовия указывается, что проблематика многодетных семей прорабатывается преимущественно в рамках региональных программ поддержки – именно это, судя по всему, и объясняет сокращение числа обращений по данной категории [3].

Деятельность омбудсмена, при всей её значимости, наталкивается на ряд реальных ограничений. Пожалуй, наиболее ощутимое из них – рекомендательная природа выносимых заключений. Орган власти может отвергнуть позицию Уполномоченного, не утруждая себя мотивировкой (хотя именно такой отказ становится поводом для усиленного контроля с его стороны).

Серьёзную сложность представляет и то, что Аппарат Уполномоченного оказывается перегружен – поток обращений граждан действительно велик и охватывает самый широкий круг вопросов. Сроки рассмотрения жалоб по сложным социальным делам от этого, надо признать, заметно растягиваются.

Для улучшения механизмов защиты семейных прав стоит обратить внимание на несколько направлений, которые действительно заслуживают практического осмысления.

Законодательная база нуждается в последовательном обновлении: нормы, регулирующие имущественные и личные отношения внутри семьи, требуют приведения в соответствие с актуальными социальными реалиями. Правоприменительная практика при этом складывается неравномерно, что обусловливает необходимость выработки единых подходов к толкованию спорных положений.

Доступность правовой помощи для семей с низким уровнем дохода остаётся ограниченной. Расширение сети бесплатного юридического консультирования способно существенно изменить положение тех, кто лишён возможности самостоятельно отстаивать свои интересы в судебном или административном порядке.

Межведомственное взаимодействие органов опеки, социальной защиты и судебных инстанций на практике зачастую носит формальный характер. Выстраивание координационных механизмов между указанными структурами позволило бы сократить сроки рассмотрения дел и снизить риск принятия противоречивых решений.

Просветительская работа с населением в части разъяснения семейных прав и способов их защиты также представляет самостоятельное направление. Осведомлённость граждан о существующих инструментах правовой охраны напрямую влияет на готовность своевременно обращаться за защитой.

Среди направлений совершенствования правозащитного механизма выделяется необходимость нормативного закрепления более строгой ответственности должностных лиц, игнорирующих законные требования или рекомендации Уполномоченного.

Взаимодействие с региональными уполномоченными пока остаётся недостаточно выстроенным – согласованная вертикаль дала бы правозащитной работе ту системность, которой ей сейчас не хватает на разных уровнях. Укрепление института общественных представителей на местах позволило бы оперативнее фиксировать сведения о нарушениях: именно такие люди первыми замечают то, что до центра доходит с опозданием. Что касается аналитических докладов, их влияние на законодателей во многом определяется тем, насколько экспертное сообщество реально участвует в подготовке, а не просто упоминается в списке источников.

Институт Уполномоченного по правам человека занимает в российской правовой системе место, которое не перекрывается ни одним судебным органом: это внесудебный механизм защиты прав граждан. Семейная тематика при этом остаётся одним из самых активных направлений его работы – семьи с детьми входят в число социально уязвимых групп населения, а получение государственной поддержки на практике нередко оборачивается серьёзными затруднениями.

Практика омбудсмена показывает: рассмотрение жалоб граждан, подготовка тематических докладов и внесение законодательных предложений складываются в работающий механизм надзора за тем, как реализуются конституционные гарантии в области защиты семьи.

Для многодетных семей эта работа приобретает особый вес – им чаще других приходится продираться сквозь административные барьеры.

Рекомендации Уполномоченного сегодня носят во многом консультативный характер – и это существенно снижает их практическую отдачу. Чтобы институт работал эффективнее, органы власти должны воспринимать эти рекомендации не как пожелания, а как ориентиры, от которых сложно уклониться.

Взаимодействие с гражданским обществом при этом остаётся ничуть не менее важным направлением. Семейные ценности защищаются не только нормами права – реальные механизмы складываются там, где государственные структуры и общественные институты действуют согласованно. Без такой связки конституцион-

ные принципы социального государства рискуют остаться декларацией, а не живой практикой.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Баум С. К. К вопросу о статусе уполномоченного по правам человека в России // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 97. – С. 169-172.

[3] В Мордовии ведется семейно-ориентированная политика» -Уполномоченный по правам человека в РМ доложил Главе республики об итогах работы. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://e-mordovia.ru/glava-rm/novosti/v-mordovii-vedetsya-semeyno-orientirovannay%D0%B8%D1%82a-politika-upolno/?ysclid=moprsweivh168936486.

[4] Громов Д. Б. О некоторых вопросах организации института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Аллея науки. – 2024. – № 12. – С. 868-874.

[5] Лукашова Н. Ф. Взаимодействие уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с органами государственной власти и другими структурами в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект. – Саратов, 2012. – 22 с.

[6] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон № 59 ФЗ : с изменениями на 28 декабря 2024 года : [принят Государственной думой 21 апреля 2006 года : одобрен Советом Федерации 26 апреля 2006 года] // Доступ из СПС Консультант Плюс.

[7] Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ : с изменениями на 29 мая 2023 года : [одобрен Государственной Думой 25 декабря 1996 года : одобрен Советом Федерации 12 февраля 1997 года] // Доступ из СПС Консультант Плюс.

[8] Степкин С. П. Внесудебная защита прав граждан: важность и проблемы эффективной деятельности института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 6. – С. 138-144.

[9] Феоктистов Д. Е. Конституционно-правовой статус уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование. – Саратов, 2012. – 224 с.

[10] Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19: дайджест // Департамент международного и регионального сотрудничества СП РФ. – 2023. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf..

[11] Цыбулевский А. В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: проблемы и перспективы правоприменительной практики // Проблемы права: теория и практика. – 2024. – № 67. – С. 146-158.

[12] Юсубов Э. С. Роль уполномоченного по правам человека в защите прав личности в контексте изменений законодательства // Уральский форум конституционалистов: материалы VIII Уральского форума конституционалистов. – Екатеринбург, 2023. – С. 55-60.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of 14.03.2020 was published on the Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Baum S.K. On the Status of the Human Rights Commissioner in Russia // Trends in the Development of Science and Education. – 2023. – No. 97. – Pp. 169-172.

[3] A family-oriented policy is being pursued in Mordovia - The Human Rights Commissioner in the Republic of Mordovia reported to the Head of the Republic on the results of his work. – Electronic resource. – Access mode: https://e-mordovia.ru/glava-rm/novosti/v-mordovii-vedetsya-semeyno-orientirovannay%D0%B8%D1%82a-politika-upolno/?ysclid=moprsweivh168936486.

[4] Gromov D. B. On some issues of organizing the institution of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation // Alley of Science. – 2024. – No. 12. – P. 868-874.

[5] Lukashova N. F. Interaction of the Human Rights Commissioner in a constituent entity of the Russian Federation with government bodies and other structures in the sphere of protecting the rights and freedoms of man and citizen: constitutional and legal aspect. – Saratov, 2012. – 22 p.

[6] On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 59-FZ: with amendments as of December 28, 2024: [adopted by the State Duma on April 21, 2006: approved by the Federation Council on April 26, 2006] // Access from the SPS Consultant Plus.

[7] On the Human Rights Commissioner in the Russian Federation: Federal Constitutional Law

No. 1-FKZ: with amendments as of May 29, 2023: [approved by the State Duma on December 25, 1996: approved by the Federation Council on February 12, 1997] // Access from the SPS Consultant Plus.

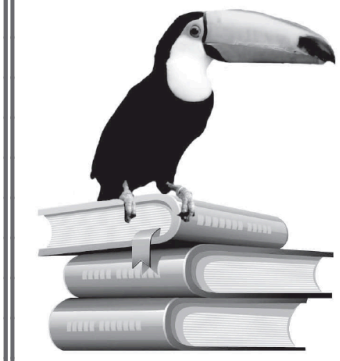
[8] Stepkin S. P. Extrajudicial Protection of Citizens' Rights: Importance and Problems of Effective Activities of the Institute of Human Rights Commissioners in the Russian Federation // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2024. – No. 6. – P. 138-144.

[9] Feoktistov D. E. Constitutional and legal status of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation: a comparative legal study. – Saratov, 2012. – 224 p.

[10] Digital technologies and cybersecurity in the context of the spread of COVID-19: digest // Department of International and Regional Cooperation of the Accounts Chamber of the Russian Federation. – 2023. – Electronic resource. – Access mode: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf..

[11] Tsybulevsky A. V. Institute of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation: problems and prospects of law enforcement practice // Problems of Law: Theory and Practice. – 2024. – No. 67. – P. 146-158.

[12] Yusubov E. S. The role of the human rights commissioner in protecting individual rights in the context of legislative changes // Ural Forum of Constitutionalists: materials of the VIII Ural Forum of Constitutionalists. - Ekaterinburg, 2023. – P. 55-60.

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-40-47
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

РЕЙЦ Анна Николаевна,
Юго-Западный Государственный университет,
Курск, Россия,
e-mail: reitsanna@yandex.ru

АЗАРОВА Ксения Витальевна,
Юго-Западный Государственный университет,
Курск, Россия,
e-mail: azarrovaksenia@mail.ru

ЛЕВШАКОВА София Романовна,
Юго-Западный Государственный университет,
Курск, Россия,
e-mail: sofialevsakova@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические аспекты участия некоммерческих организаций в системе оказания юридической помощи населению Российской Федерации. Анализируются доктринальные подходы к определению понятия, сущности, форм и видов юридической помощи, а также особенности правового статуса некоммерческих организаций как субъектов правозащитной деятельности. Автор выделяет две группы НКО, участвующих в оказании юридической помощи: профессиональные организации (адвокатские палаты, адвокатские образования, нотариальные палаты), созданные исключительно для этих целей, и правозащитные организации, осуществляющие такую деятельность в рамках более широких уставных целей. Выявляются системные проблемы, препятствующие эффективному участию НКО в оказании юридической помощи: отсутствие единых квалификационных требований к лицам, оказывающим помощь в рамках правозащитных организаций; недостаточное и неравномерное финансирование системы бесплатной юридической помощи; пробелы в законодательстве, в частности нераспространение права на бесплатную помощь на юридические лица; организационная разобщённость и отсутствие координации между государственными структурами и НКО. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к решению выявленных проблем, сочетающего законодательные изменения, организационные меры и цифровизацию, что позволит повысить доступность и качество юридической помощи для социально уязвимых категорий граждан.*

Ключевые слова: *юридическая помощь, некоммерческие организации, бесплатная юридическая помощь, квалифицированная юридическая помощь, правозащитные организации, доступность правосудия, правовой статус НКО, формы юридической помощи, адвокатская деятельность, нотариат, правовое просвещение.*

REITS Anna Nikolaevna,
Southwestern State University, Kursk, Russia

AZAROVA Ksenia Vitalievna,
Southwestern State University, Kursk, Russia

LEVSHAKOVA Sofia Romanovna,
Southwestern State University, Kursk, Russia

THE LEGAL STATUS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE SYSTEM OF PROVIDING LEGAL ASSISTANCE: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation. *The article examines the theoretical and practical aspects of the participation of non-profit organizations in the system of providing legal assistance to the population of the Russian Federation. The author analyzes doctrinal approaches to defining the concept, essence, forms and types of legal assistance, as well as the features of the legal status of non-profit organizations as subjects of human rights activities. Two groups of non-profit organizations involved in the provision of legal assistance are distinguished: professional organizations (bar associations, bar formations, notary chambers) created exclusively for these purposes, and human rights organizations that carry out such activities within the framework of broader statutory goals. Systemic problems hindering the effective participation of non-profit organizations in the provision of legal assistance are identified: the absence of uniform qualification requirements for persons providing assistance within human rights organizations; insufficient and uneven funding of the free legal aid system; gaps in legislation, in particular the non-extension of the right to free assistance to legal entities; organizational fragmentation and lack of coordination between state structures and non-profit organizations. It is concluded that an integrated approach is needed to address the identified problems, combining legislative changes, organizational measures and digitalization, which will improve the accessibility and quality of legal assistance for socially vulnerable categories of citizens.*

Key words: *legal assistance, non-profit organizations, free legal aid, qualified legal assistance, human rights organizations, access to justice, legal status of non-profit organizations, forms of legal assistance, advocacy, notary public, legal awareness.*

Право на получение квалифицированной юридической помощи, закреплённое в статье 48 Конституции Российской Федерации [1], является одной из фундаментальных гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина, без которой невозможно существование правового государства и полноценное функционирование гражданского общества. В условиях современных вызовов – экономической нестабильности, санкционного давления, проведения специальной военной операции, а также введения режима контртеррористической операции на отдельных территориях – проблема доступности и качества правовой поддержки населения приобретает особую остроту и требует переосмысления роли всех институтов, участвующих в её обеспечении. Ежегодно возрастает число лиц, нуждающихся в юридической помощи, особенно среди социально уязвимых категорий – малоимущих, инвалидов, пенсионеров, ветеранов, граждан, пострадавших от чрезвычайных ситуаций, а также участников специальной военной операции и членов их семей. При этом традиционные государственные механизмы, включая государственные юридические бюро и адвокатуру, не всегда способны оперативно и в полном объёме удовлетворить растущий спрос ввиду ограниченности ресурсов, бюрократических барьеров и недостаточной территориальной доступности. В этой связи возрастает роль некоммерческих организаций, которые по своей правовой природе ориентированы на достижение социально полезных целей, не имеют извлечение прибыли в качестве основной цели и могут выступать эффективными субъектами оказания юридической помощи, особенно для тех граждан, которые по различным причинам не могут получить поддержку в государственных структурах. Однако, несмотря на очевидный потенциал НКО, их правовой статус как участников системы оказания юридической помощи остаётся недостаточно исследованным, а реальный вклад сдерживается рядом системных проблем, требующих как теоретического осмысления, так и практических решений на уровне законодательства и правоприменительной практики. Настоящая работа ставит своей целью комплексный анализ теоретических и практических аспектов участия некоммерческих организаций в системе оказания юридической помощи, выявление существующих противоречий и пробелов в правовом регулировании, а также разработку конкретных предложений по совершенствованию законодательства и организационных механизмов, направленных на повышение доступности и качества юридической помощи через институт НКО.

Юридическая помощь представляет собой многогранную правовую категорию, которая в доктрине традиционно рассматривается как профессиональное содействие субъектам права в реализации их прав, свобод и законных интересов, осуществляемое законными средствами и методами, в целях предупреждения, минимизации или устранения неблагоприятных юридических последствий. Как справедливо отмечают

О.П. Мелешко и Ю.Г. Кипселиди [2], данный институт является одной из ключевых гарантий, обеспечивающих фактическую реализацию конституционных правомочий, наряду с судебной защитой и иными правовыми механизмами. Содержание юридической помощи раскрывается через совокупность характерных признаков, которые позволяют отграничить её от смежных явлений, таких как правовое просвещение, юридическое информирование или бытовые консультации. Во-первых, это особый субъектный состав: с одной стороны – квалифицированный специалист-юрист, обладающий специальными знаниями, умениями и навыками, подтверждёнными соответствующим образованием и опытом; с другой – нуждающееся лицо, будь то физическое или юридическое лицо, которое не может самостоятельно в силу объективных или субъективных причин реализовать свои правомочия. Во-вторых, юридическая помощь всегда носит адресный и индивидуальный характер, то есть она непосредственно ориентирована на интересы конкретного субъекта и связана с определённой правовой ситуацией, что отличает её от общих рекомендаций или разъяснений законодательства, рассчитанных на неопределённый круг лиц. В-третьих, юридическая помощь характеризуется нуждаемостью получателя, под которой понимается неспособность или нежелание лица самостоятельно действовать в правовом поле в силу различных причин – правовой неграмотности, физических или психических недостатков, тяжёлого материального положения, временных затруднений и т.п. В-четвёртых, оказание юридической помощи предполагает личную заинтересованность получателя, его волеизъявление на обращение за помощью, хотя в отдельных случаях, прямо указанных в законе (например, в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь), помощь оказывается в обязательном порядке независимо от желания обвиняемого (п. 1 ст. 51 УПК РФ) [3]. Наконец, важнейшим критерием выступает квалифицированность, под которой понимается не только формальное наличие высшего юридического образования, но и реальный уровень профессионализма, подтверждённый практическим стажем, рекомендациями, а также соблюдением профессиональных стандартов и этических норм. В этом смысле юридическая помощь принципиально отличается от консультаций непрофессионалов, которые не влекут юридической ответственности за качество рекомендаций и не могут гарантировать достижение позитивного результата. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчёркивал, что право на квалифицированную юридическую помощь предполагает, что она оказывается лицом, имеющим необходимые знания и опыт, действующим добросовестно и разумно, а государство обязано создавать условия для реализации этого права, включая финансирование системы бесплатной помощи и контроль качества (см., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П [4]).

Разграничение понятий «юридическая помощь» и «юридическая услуга» остаётся дискуссионным в юридической науке, и от его решения зависит определение правового режима деятельности субъектов, а также меры их ответственности. В действующем законодательстве эти термины нередко используются как синонимы, что создаёт определённую терминологическую неопределённость. Однако, как обоснованно указывает Д.Н. Асанова [5], юридическая помощь чаще ассоциируется с безвозмездной деятельностью, направленной на предупреждение, минимизацию или ликвидацию неблагоприятных юридических последствий, тогда как юридическая услуга носит возмездный характер и является объектом гражданского оборота, регулируемого нормами Гражданского кодекса Российской Федерации о возмездном оказании услуг. Это различие имеет важное практическое значение, поскольку определяет, в частности, налоговый режим, требования к лицензированию (там, где оно требуется), а также объём ответственности исполнителя. Например, адвокаты, действуя в рамках Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6], оказывают именно юридическую помощь, которая не является предпринимательской деятельностью, и их ответственность застрахована в установленном порядке. В то же время коммерческие юридические фирмы предоставляют услуги на основании договора возмездного оказания услуг, и их ответственность регулируется нормами гражданского законодательства о подряде или возмездном оказании услуг, включая возможность взыскания убытков за ненадлежащее исполнение. Для целей настоящего исследования важно учитывать, что помощь может быть как платной, так и бесплатной, причём бесплатная помощь является исключением из общего правила и оказывается лишь в случаях, прямо предусмотренных законом.

Формы и виды юридической помощи многообразны и могут классифицироваться по различным основаниям, что имеет существенное значение для определения компетенции конкретных субъектов и выбора оптимального способа защиты прав. По субъектному составу выделяют ква-

лифицированную (профессиональную) и неквалифицированную (непрофессиональную) помощь. Квалифицированная помощь оказывается лицами, имеющими высшее юридическое образование и обладающими соответствующими компетенциями, и влечёт юридическую ответственность за ненадлежащее качество. Неквалифицированная помощь, напротив, не требует специальной подготовки и не порождает юридической ответственности, однако её использование в сложных правовых ситуациях крайне рискованно и не может гарантировать защиту прав. По источнику финансирования помощь подразделяется на платную и бесплатную. Платная помощь является преобладающей и оказывается в рамках договора возмездного оказания услуг, при этом цена и качество определяются рыночными механизмами. Бесплатная помощь предоставляется в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», и финансируется за счёт бюджетных средств либо за счёт добровольных взносов и пожертвований, что делает её уязвимой для недофинансирования и снижения качества. По способу совершения действий помощь может быть активной, когда юрист самостоятельно и непосредственно совершает юридически значимые действия (подача исков, участие в судебных заседаниях, направление адвокатских запросов), и пассивной, когда юрист лишь консультирует и информирует клиента, предоставляя рекомендации, но не вмешиваясь в процесс реализации прав напрямую. Активная форма, как правило, более эффективна, поскольку позволяет избежать ошибок, связанных с самостоятельными действиями клиента, однако она требует больших временных и финансовых затрат. Пассивная форма часто применяется при бесплатной помощи ввиду ограниченности ресурсов, однако её результативность ниже, так как клиент, не обладая специальными знаниями, может неправильно интерпретировать советы или допустить ошибки при их реализации. По форме фиксации выделяют устную и письменную помощь. Устная помощь типична для консультирования и участия в судебных прениях, письменная – для составления процессуальных и иных юридических документов, что особенно важно в гражданском и арбитражном процессах, где требования к форме документов строго регламентированы. В отраслевом разрезе различают помощь по гражданским, уголовным, административным, трудовым, семейным, налоговым и иным делам, что влияет на процессуальные особенности и требования к специализации юриста. Например, уголовно-процессуальная помощь требует знания Уголовно-процессуального кодекса и практики его применения, а также навыков защиты в суде присяжных, в то время как гражданско-правовая помощь связана с договорной работой, взысканием долгов, разделом имущества и т.п. Законодательство, в частности статьи 2 Федерального закона № 63-ФЗ и статьи 6 Федерального закона № 324-ФЗ, закрепляет основные виды юридической помощи, включая консультирование, составление правовых документов, представительство в судах, арбитражных судах и государственных органах, а также участие в качестве защитника в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях. С общетеоретических позиций виды юридической помощи также классифицируются в зависимости от отраслевой принадлежности (частноправовая и публично-правовая) и характера действий (материально-правовая и процессуальная), что нашло отражение в работах М.С. Баранникова [7] и В.С. Кашковского [8].

Институт бесплатной юридической помощи в России получил системное оформление сравнительно недавно, и его становление было связано с признанием необходимости обеспечения доступа к правосудию для наименее защищённых слоёв населения. Принятие Федерального закона № 324-ФЗ стало важным шагом вперёд, поскольку законодательно определило категории граждан, имеющих право на получение бесплатной помощи, виды такой помощи, а также субъектов, её оказывающих, включая государственные юридические бюро, адвокатов, нотариусов, а также некоммерческие организации, включённые в государственную систему бесплатной помощи. В настоящее время право на бесплатную юридическую помощь имеют более семнадцати категорий граждан, среди которых малоимущие, инвалиды I и II групп, ветераны Великой Отечественной войны, Герои Советского Союза и Российской Федерации, граждане, пострадавшие от чрезвычайных ситуаций, а также участники специальной военной операции и члены их семей. Однако, несмотря на прогрессивность правового регулирования, анализ правоприменительной практики и научной литературы выявляет ряд существенных проблем, которые снижают эффективность данного института и препятствуют реализации конституционного права на квалифицированную помощь. Как отмечает К.В. Литвинова [9], доктринальное исследование вопросов оказания бесплатной юридической помощи позволяет выявить наиболее эффективные механизмы защиты прав и законных интересов нуждающихся лиц и определить основные пути развития рассматриваемого института. Во-первых, критерии нуждаемости, в частности отнесение к категории малоимущих, привязаны к величине прожиточного минимума,

который устанавливается регионами самостоятельно и значительно варьируется по субъектам Российской Федерации. Это противоречит принципу равенства прав граждан, закреплённому в Конституции РФ, и требует унификации подхода на федеральном уровне, возможно, путём установления единых федеральных стандартов нуждаемости или применения коэффициентов дифференциации.

Во-вторых, размеры финансирования деятельности адвокатов и юридических клиник, участвующих в государственной системе бесплатной помощи, остаются явно недостаточными. Ставки вознаграждения, устанавливаемые субъектами Российской Федерации, значительно ниже рыночных цен на юридические услуги, что негативно сказывается на мотивации квалифицированных специалистов к участию в этой системе. Например, в Курской области стоимость устной консультации в рамках бесплатной помощи составляет 600 рублей, письменной – 900 рублей, за день участия в суде – 1000 рублей (Закон Курской области от 27.11.2012 № 106-ЗКО [10]), тогда как рыночная стоимость аналогичных услуг в несколько раз выше. Такое положение дел приводит к тому, что адвокаты либо уклоняются от участия в системе бесплатной помощи, либо выполняют свои обязанности формально, что снижает качество услуг и подрывает доверие граждан к институту. Необходимо пересмотреть подходы к финансированию, увеличив бюджетные ассигнования и предусмотрев индексацию ставок с учётом инфляции и реальных затрат на оказание помощи. Проблема финансового обеспечения также поднимается в работах А.Е. Михалевой [11], которая обосновывает необходимость правовых средств обеспечения финансовой доступности юридической помощи.

В-третьих, отсутствуют единые стандарты качества бесплатной юридической помощи и эффективные механизмы контроля за её оказанием. В настоящее время закон не устанавливает чётких критериев оценки качества, сроков оказания помощи, а также порядка обжалования действий (бездействия) лиц, оказывающих бесплатную помощь. Это создаёт риск злоупотреблений как со стороны получателей, так и со стороны исполнителей. В целях повышения качества целесообразно разработать и утвердить на федеральном уровне минимальные стандарты, включающие требования к профессиональной подготовке, объёму консультаций, срокам ответов, а также внедрить систему независимой оценки, в том числе с использованием опросов получателей помощи и аудита выборочных дел. Кроме того, сохраняется дискуссия о правовом информировании как элементе юридической помощи: некоторые авторы настаивают на включении информирования в систему помощи, однако представляется более обоснованным рассматривать его как самостоятельное направление правового просвещения, поскольку информирование не решает конкретной проблемы конкретного лица, а носит общий характер и инициируется распространителем информации, а не получателем. В этой связи действующее законодательство обоснованно выделяет правовое информирование в отдельную главу (глава 5 ФЗ № 324-ФЗ), регулирующую информационное обеспечение деятельности по оказанию бесплатной помощи, но не смешивающую его с самой помощью. Сходную позицию разделяют и зарубежные исследователи, в частности М. Барендрехт [12], который отмечает, что правовое информирование является экономичным, но менее эффективным по сравнению с индивидуальным консультированием.

Особое место в системе оказания юридической помощи занимают некоммерческие организации, которые в силу своей правовой природы не ставят извлечение прибыли в качестве основной цели и не распределяют полученный доход между участниками. Согласно статье 2 Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», НКО создаются для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и иных общественно полезных целей, включая защиту прав и законных интересов граждан. Основными признаками НКО выступают: некоммерческая цель, зафиксированная в уставе; организационное единство – существование только в предусмотренных Гражданским кодексом РФ [13] организационно-правовых формах, перечень которых является исчерпывающим; наличие обособленного имущества, находящегося на балансе организации и позволяющего ей отвечать по обязательствам; государственная регистрация и приобретение статуса юридического лица, с момента внесения записи в Единый государственный реестр юридических лиц (Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ); запрет на распределение прибыли между участниками (с отдельными исключениями для потребительских кооперативов, где прибыль может распределяться в виде кооперативных выплат). Среди всех форм НКО следует различать две группы: организации, созданные исключительно для оказания юридической помощи (адвокатские палаты, адвокатские образования, нотариальные палаты), и организации, которые могут осуществлять правозащитную деятельность в рамках более широких уставных целей (общественные объединения, ассоциации, фонды и др.). Первая группа действует на основании специальных законов и обладает обязательным про-

фессиональным составом, что гарантирует высокий уровень квалификации. Адвокатские палаты и образования оказывают юридическую помощь в соответствии с Федеральным законом № 63-ФЗ, нотариальные палаты – в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, и все эти субъекты подлежат строгому контролю со стороны профильных органов и профессиональных сообществ. Вторая группа, напротив, не имеет обязательных требований к юридической подготовке своих сотрудников и волонтёров, что существенно влияет на качество оказываемой помощи и создаёт риски для граждан, обращающихся за поддержкой. При этом, основным недостатком остаётся отсутствие законодательно закреплённых требований к профессионализму лиц, оказывающих юридическую помощь в рамках НКО. Как следствие, нередко встречаются случаи неквалифицированного консультирования, неправильного составления процессуальных документов, что не только не помогает гражданам, но и усугубляет их правовое положение, лишая их возможности обратиться за помощью к профессионалам в срок.

Отдельную проблему составляет отсутствие в законодательстве возможности получения бесплатной юридической помощи юридическими лицами. По своей правовой природе организации не могут быть отнесены к малоимущим, поскольку их финансовое положение определяется иными критериями, и в нормальной экономической ситуации они способны оплачивать юридические услуги из собственных средств. Однако в экстраординарных ситуациях организации могут оказаться в критическом положении и нуждаться в правовой поддержке не меньше, чем физические лица. Ярким примером служат события в Курской области в 2024 году, когда многие организации столкнулись с невозможностью исполнить договорные обязательства, утратой имущества, массовыми хищениями и необходимостью защиты своих прав в судах – при этом они были лишены права на бесплатную юридическую помощь по ФЗ № 324-ФЗ. Указанный пробел требует восполнения путём внесения соответствующих изменений в закон, предусмотрев возможность оказания бесплатной помощи организациям, пострадавшим в результате чрезвычайных и иных форс-мажорных обстоятельств, а также социально ориентированным НКО, которые сами оказывают помощь населению, но не имеют ресурсов на оплату правовых услуг. Такое дополнение позволило бы обеспечить более полную реализацию принципа социальной справедливости и поддержки предпринимательства в кризисных условиях.

Недостаточное финансирование деятельности НКО, участвующих в оказании бесплатной юридической помощи, является ещё одной серьёзной проблемой. Хотя закон возлагает на субъекты Российской Федерации обязанность по финансовому обеспечению государственной системы бесплатной помощи, реальные объёмы выделяемых средств далеки от потребностей, как уже было указано на примере Курской области. Это приводит к тому, что многие НКО, желающие участвовать в системе, вынуждены работать на энтузиазме, что не может быть устойчивым в долгосрочной перспективе. Кроме того, отсутствует прозрачная методика расчёта необходимых объёмов финансирования, не учитываются региональные особенности и реальная потребность в помощи. В целях решения данной проблемы необходимо разработать федеральные нормативы финансового обеспечения оказания бесплатной юридической помощи, учитывающие средние рыночные цены на юридические услуги, уровень инфляции, а также количество потенциальных получателей в каждом регионе. Также целесообразно создать фонд поддержки НКО, оказывающих юридическую помощь, за счёт федеральных и региональных бюджетов, а также привлекать средства грантовых программ. При этом важно обеспечить прозрачность и целевой характер использования средств, а также внедрить систему независимой оценки качества, чтобы избежать нецелевого расходования и формального подхода.

Подводя итог исследованию, следует констатировать, что некоммерческие организации представляют собой значимый, но пока недоиспользованный ресурс в системе оказания юридической помощи. Их участие способствует повышению доступности правовой поддержки для социально уязвимых слоёв населения, однако на пути реализации этого потенциала стоят серьёзные препятствия: отсутствие единых квалификационных требований, недостаточное финансирование, пробелы в законодательстве (в частности, нераспространение бесплатной помощи на юридические лица), организационная разобщённость и отсутствие цифровых инструментов координации. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего как законодательные изменения, так и организационные меры, а также активное взаимодействие государства и гражданского общества. В частности, необходимо разработать и принять федеральный закон или внести изменения в действующий ФЗ № 324-ФЗ, устанавливающие единые стандарты оказания юридической помощи НКО, включая требования к образованию и стажу лиц, её оказывающих, механизмы контроля качества, а также порядок финансирования и отчётности. Целесообразно расширить круг получателей бесплатной помощи за счёт включения юридических лиц, пострадавших в

чрезвычайных ситуациях, а также социально ориентированных НКО, нуждающихся в правовом сопровождении своей деятельности. Необходимо увеличить объём бюджетного финансирования, установив федеральные нормативы и предусмотрев индексацию, а также активно привлекать грантовые средства и благотворительные взносы. Важным шагом станет создание единой цифровой платформы, аккумулирующей информацию о правовых услугах, доступных от НКО и государственных структур, и позволяющей гражданам получать оперативные консультации и отслеживать ход оказания помощи. Наконец, необходима системная работа по повышению правовой грамотности населения и разъяснению возможностей получения помощи через НКО, включая проведение информационных кампаний, размещение материалов в СМИ и социальных сетях, а также организацию «горячих линий» и выездных консультаций. Только при условии реализации указанных мер можно обеспечить полноценное функционирование института юридической помощи и реализацию конституционного права каждого на квалифицированную правовую поддержку, что является одним из ключевых показателей зрелости правового государства и развитости гражданского общества. Перспективным представляется также изучение механизмов саморегулирования НКО в этой сфере, включая разработку кодексов профессиональной этики и создание общественных советов по контролю качества. Практическая значимость таких исследований очевидна, поскольку они позволят выработать научно обоснованные рекомендации для законодателя и правоприменителя, направленные на совершенствование правового регулирования и повышение уровня защиты прав граждан.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[4] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[5] О бесплатной юридической помощи в Курской области в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи : Закон Курской области от 27.11.2012 № 106-ЗКО (ред. от 08.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью „Агентство корпоративной безопасности“ и гражданина В. В. Макеева» // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Асанова Д. Н. Особенности разграничения понятия юридических услуг и юридической помощи // Образование и право. — 2021. — № 10. — С. 144–146.

[8] Баранников М. С. Система и формы оказания юридической помощи // Закон и право. — 2021. — № 6. — С. 85–89.

[9] Кашковский В. С. Юридическая помощь как правовое средство // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. — Вып. 4 (72). — С. 271–276.

[10] Литвинова К. В. О бесплатной юридической помощи в РФ: нормативные и правовые аспекты // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2024. — № 3 (72). — Т. 3. — С. 182–186.

[11] Мелешко О. П., Кипселиди Ю. Г. О понятии юридической помощи // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 8. — С. 72–77.

[12] Михалева А. Е. Правовые средства обеспечения финансовой доступности юридической помощи // Юридическая наука. — 2015. — № 3. — С. 55–58.

[13] Barendrecht M. Legal aid, accessible courts or legal information? Three access to justice strategies compared // Global Jurist. — 2010. — Vol. 11, Issue 1. — P. 349–37.

[14] Михалева А.Е. Правовые средства обеспечения финансовой доступности юридической помощи // Юридическая наука. – 2015. – № 3. – С. 55–58.

[15] Barendrecht M. Legal aid, accessible courts or legal information? Three access to justice strategies compared // Global Jurist. – 2010. – Vol. 11. – Issue 1. – P. 349–376.

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата

обращения: 08.09.2026.).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 11.03.2025) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 26.07.2026) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[4] On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Federal Law No. 31.05.2002 of 63-FZ (as amended on 22.04.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[5] On free legal assistance in the Kursk region within the framework of the state system of free legal assistance: Law of the Kursk region of 27.11.2012 No. 106-ZKO (as amended by 08.08.2025) // SPS "ConsultantPlus.".

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.01.2007 No. 1-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of the Corporate Security Agency limited liability company and citizen V. V. Makeev «SPS» ConsultantPlus".

[7] Asanova D.N. Peculiarities of delimitation of the concept of legal services and legal assistance // Education and law. — 2021. — № 10. - S. 144-146.

[8] Barannikov M.S. System and forms of legal assistance // Law and Law. — 2021. — № 6. - S. 85-89.

[9] Kashkovsky V. S. Legal assistance as a legal means // Bulletin of the University of Tambov. Series: Humanities. — 2009. - Issue 4 (72). - S. 271-276.

[10] Litvinova K. V. On free legal assistance in the Russian Federation: regulatory and legal aspects // International scientific journal "Bulletin of Science." — 2024. — № 3 (72). - VOL. 3. - S. 182-186.

[11] Meleshko O. P., Kipselidi Yu. G. On the concept of legal aid // Gaps in Russian law. — 2016. — № 8. - S. 72-77.

[12] Mikhaleva A.E. Legal means of ensuring financial accessibility of legal aid // Legal science. — 2015. — № 3. - S. 55-58.

[13] Barendrecht M. Legal aid, accessible courts or legal information? Three access to justice strategies compared // Global Jurist. — 2010. — Vol. 11, Issue 1. — P. 349–37.

[14] Mikhaleva A.E. Legal means of ensuring financial accessibility of legal aid // Legal science. – 2015. – № 3. - S. 55-58.

[15] Barendrecht M. Legal aid, accessible courts or legal information? Three access to justice strategies compared // Global Jurist. – 2010. – Vol. 11. – Issue 1. – P. 349–376.

[16] Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 11.03.2025) // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-48-51
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

РОМАНОВА Елена Николаевна,
заведующий кафедрой русского и иностранных языков юридического факультета, кандидат педагогических наук, доцент, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, e-mail: toromelena@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ США В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы взаимосвязи между этикой и процессом ювенальной юстиции на примере системы ювенального правосудия США. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более пристального внимания к аспектам гуманистической направленности правосудия в отношении несовершеннолетних. На примере эволюции этических взглядов в сфере ювенального правосудия, анализа этических дебатов и инициатив по реформированию системы ювенального правосудия обосновано положение о том, что принципы соблюдения интересов ребёнка, реабилитации и процессуальной справедливости являются неотъемлемой частью принятия этичных решений в системе правосудия в отношении несовершеннолетних. Сделан вывод об этической необходимости вовлечения семей и сообществ, применения практик восстановительного правосудия и внесения законодательных изменений, которые ставят во главу угла справедливость, равноправие и положительные результаты для несовершеннолетних правонарушителей.*

Ключевые слова: *ювенальное правосудие, несовершеннолетние правонарушители, этические нормы, этическая дилемма, реабилитация, восстановительное правосудие.*

ROMANOVA Elena N.,
Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Faculty of Law, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vladimir Law Institute, Federal Penitentiary Service of Russia

ETHICAL ISSUES IN THE US JUVENILE JUSTICE SYSTEM

Annotation. *This article examines the relationship between ethics and the juvenile justice process using the US juvenile justice system as an example. The relevance of this study stems from the need for greater attention to the humanistic aspects of juvenile justice. Using the evolution of ethical views in juvenile justice, an analysis of ethical debates, and initiatives to reform the juvenile justice system as examples, it substantiates the proposition that the principles of the best interests of the child, rehabilitation, and procedural fairness are integral to ethical decision-making in the juvenile justice system. It concludes that there is an ethical need to engage families and communities, implement restorative justice practices, and introduce legislative changes that prioritize fairness, equality, and positive outcomes for juvenile offenders.*

Key words: *juvenile justice, juvenile offenders, ethical standards, ethical dilemma, rehabilitation, restorative justice.*

Важной частью правовой системы государства являются правовые способы защиты несовершеннолетних от влияния негативных факторов, препятствующих их просоциальному развитию. Личность несовершеннолетних характеризуется неустойчивостью физического, эмоционального и когнитивного состояния, что вызывает необходимость гуманистической направленности правосудия, строгом соблюдении этических норм в отношении данной категории граждан. Проблемы, связанные с соблюдением этических норм в отношении несовершеннолетних правонарушителей находят свое отражение в исследованиях российских ученых. В них рассмотрены исторические корни ювенальной юстиции [3], некоторые аспекты развития гуманистической направленности правосудия в отношении несовершеннолетних [5], современное состояние права и

правоприменительной практики в области гуманизации правовых отношений, затрагивающие интересы детей и подростков[2, 4].

Важную роль в формировании политики, процедур и подхода к несовершеннолетним правонарушителям лежат этические нормы, составляющие основу системы правосудия в отношении несовершеннолетних. Основополагающим этическим принципом в сфере ювенального правосудия является приоритетное внимание к интересам несовершеннолетних, их благополучию, развитию и перспективам на будущее.

В ряде зарубежных стран (Ирландия, Швейцария, Италия, Япония, Новая Зеландия и другие) накоплен большой опыт в рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних с участием лиц, имеющих знания в области педагогики, психологии, социологии. Однако по оценкам отечественных специалистов в этой области эффективность их деятельности не всегда однозначна [1]. Целью данного исследования является выявление сложной взаимосвязи между этикой и процессом ювенальной юстиции на примере системы ювенального правосудия США.

Этические нормы, лежащие в основе системы правосудия США в отношении несовершеннолетних, берут своё начало в конце 19-го и начале 20-го веков, когда были учреждены первые суды по делам несовершеннолетних. В этот период произошёл сдвиг парадигмы: от жёсткого обращения с несовершеннолетними правонарушителями в уголовных судах для взрослых к более реабилитационному в специализированных судах по делам несовершеннолетних, основанному на вере в податливость психики молодых людей. Однако в связи с ростом числа преступлений среди несовершеннолетних во второй половине 20-го века появилась тенденция к ужесточению мер в отношении преступлений, что повлияло на политику в отношении несовершеннолетних и подняло вопрос об этическом балансе между наказанием и реабилитацией [8].

Этические подходы в сфере ювенального правосудия признают приоритет направленности на реабилитацию, однако проблемы, связанные с эффективностью реабилитационных мер сохраняются. Их недостаточно результативное применение, ставит перед системой этическую дилемму между толерантностью и необходимостью наказания.

Принципы соблюдения интересов ребёнка, реабилитации и процессуальной справедливости являются неотъемлемой частью принятия этичных решений в системе правосудия в отношении несовершеннолетних, формируя этическую основу, на которой она строится.

Система ювенальной юстиции США сталкивается с устойчивыми расовыми и социально-экономическими различиями, что вызывает этические опасения по поводу справедливости и равного отношения к представителям разных социальных слоев и национальностей. Исследования неизменно показывают непропорционально высокую представленность расовых меньшинств и экономически неблагополучной молодёжи в этой системе [9]. Выявление и устранение расовых предубеждений являются важнейшими этическими императивами. С этой целью программы обучения и постоянное повышение квалификации специалистов в области ювенального правосудия, обеспечивая принятие решений на основе рассмотрения каждого конкретного случая, а не предвзятых представлений.

Серьёзные этические вопросы вызывают и решения о передаче несовершеннолетних правонарушителей в суд для взрослых, поскольку существуют серьезные опасения по поводу возможности более сурового наказания в суде для взрослых и его влияния на перспективы реабилитации несовершеннолетнего в будущем. Дебаты о том, как найти баланс между ответственностью и реабилитацией, сосредоточены вокруг установления чётких и прозрачных критериев для принятия решений о передаче несовершеннолетних в суд для взрослых [10].

Еще одной из серьезных этических проблем являются последствия применения ограничений и одиночного заключения в системе правосудия по делам несовершеннолетних. Исследования показывают, что длительная изоляция и применение ограничений могут усугубить психологические расстройства и препятствовать реабилитации [6]. В основе разработки политики, которая обеспечивает баланс между поддержанием безопасной среды и уважением достоинства и прав несовершеннолетних правонарушителей положены этические нормы, включающие в себя ограничение продолжительности одиночного заключения, внедрение альтернатив, в которых приоритет отдаётся реабилитации, и обеспечение надлежащего удовлетворения потребностей несовершеннолетних в области психического здоровья.

Растущее число правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, вызвало введение правовых реформ, которые предписывают привлечение многих подростков к ответственности наравне со взрослыми. Сторонники этих реформ утверждают, что они являются просто ответом на неспособность традиционных судов по делам несовершеннолетних должным образом бороться с насильственными преступлениями, совершёнными подростками. Однако противники такого подхода придерживаются мнения, что модель регулирования, основанная на научных знаниях

о подростковом возрасте и преступности среди несовершеннолетних, более совместима с приверженностью системы правосудия принципам справедливости [11].

Этичной альтернативой, делающей акцент на ответственности посредством восстановительных процессов, а не карательных мер стало восстановительное правосудие. Этот подход направлен на вовлечение всех заинтересованных сторон, включая жертву, преступника и общество, в совместную работу по устранению вреда, причинённого преступлением. Сосредоточившись на диалоге, возмещении ущерба и реабилитации, восстановительное правосудие соответствует этическим принципам, которые ставят во главу угла как ответственность, так и возможность позитивных преобразований. Большинство подростков перерастают свою склонность к участию в преступной деятельности и восстановительные меры могут повлиять на траекторию их взрослой жизни.

Этические нормы в сфере правосудия по делам несовершеннолетних всё больше направлены на вовлечение семей в процесс реабилитации Этические императивы включают предоставление семьям ресурсов, поддержки и права голоса при принятии решений для обеспечения благополучия несовершеннолетнего и сообщества [7].

Этические дебаты в сфере ювенальной юстиции часто приводят к законодательным изменениям, направленным на совершенствование системы. Последние тенденции включают в себя переход к ограничению использования тюремного заключения, особенно за мелкие правонарушения, и повышенное внимание к программам альтернативного наказания.

Следовательно, ключевыми факторами реформирования в данной области с целью создания справедливой и беспристрастной системы ювенальной юстиции заключается в достижении правильного баланса между привлечением несовершеннолетних к ответственности и предоставлением возможностей для реабилитации, вовлечение семей и сообществ в процесс реабилитации, а также внесение законодательных изменений, соответствующих этическим принципам.

Проблемы, существующие в Соединенных Штатах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, в значительной мере характерны и для других стран. К ним можно отнести и неравенство, обусловленное расовой принадлежностью и социально-экономическим статусом, сложное принятие решений о передаче дел в суд для взрослых и этические аспекты содержания под стражей, предоставление необходимых ресурсов семьям и общественности, вовлеченных в процесс реабилитации. Проведенное исследование ключевых этических основ ювенального правосудия США, опыта соблюдения этических норм, решения проблем и развития инициатив по его реформированию необходимо для более полного понимания соответствия принимаемых мер к несовершеннолетним правонарушителям и потребностями защиты их прав и благополучия в отечественной системе правосудия.

Учитывая заинтересованность специалистов, политиков и общественности в оздоровлении общества, следует вести постоянный диалог для решения этических дилемм, оценки влияния существующих практик и изучения инновационных подходов, которые соответствуют меняющемуся пониманию развития несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Бутяйкин И.А., Юрчук В.С. Тенденции развития ювенальной юстиции в зарубежных странах // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки.– 2018.– № 3 (17).– С.50-54.

[2] Карнозова Л. М. Российское уголовное правосудие в отношении несовершеннолетних и ювенальная юстиция // Гос-во и право. — 2008. – № 3.–С.54-64.

[3] Пиджаков А.Ю. Исторические корни ювенальной юстиции // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 1(6). –С.2-5.

[4] Сунцова Е.А. Ювенализация государственной политики и российского законодательства в интересах детей // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 196-201.

[5] Юрчук В.С., Передина И.В. Некоторые аспекты развития гуманистической направленности правосудия в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. – 2015. – № 3. – С. 4–8.

[6] Barnert, Elizabeth S. et al. “How Does Incarcerating Young People Affect Their Adult Health Outcomes?” Pediatrics.– 2017.–139(2).

[7] Dodson, Kimberly & Whitehead, J.T. Juvenile Justice Ethical Issues: How Should We Treat Juveniles?–2014. // URL;.https: //www.researchgate.net/publication/297361734_ Juvenile_Justice_Ethical_Issues_How_Should_We_ Treat_Juveniles (дата обращения 10.07.2026).

[8] Fagan, J., &Zimring, F. E. The changing borders of juvenile justice: Transfer of adolescents to the adult criminal court. University of Chicago Press.– 2000.–456 p.

[9] Hartney C, Vuong L. Created Equal Racial and Ethnic Disparities in the US Criminal Justice System. National Council on Crime and Delinquency – 2009.–44 p.

[10] Loeber, R., & Farrington, D. P. From juvenile delinquency to adult crime: Criminal careers, justice

policy, and prevention. Oxford University Press. – 2012.–399 p.

[11] Scott, E. S., & Steinberg, L. Rethinking juvenile justice. Harvard University Press. –2008.– 384 p.

References:

[1] Butyaykin I.A., Yurchuk V.S. Trends in the development of juvenile justice in foreign countries // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2. Legal Sciences .- 2018.- No. 3 (17) .- S.50-54.

[2] Karnozova L. M. Russian criminal justice against minors and juvenile justice // State and law. — 2008. - NO. 3.-P.54-64.

[3] A.Yu. Pidzhakov. Historical roots of juvenile justice // Juvenile justice issues. – 2006. – № 1(6). -S.2-5.

[4] Suntsova E.A. Juvenalization of state policy and Russian legislation in the interests of children // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 7. - S. 196-201.

[5] Yurchuk V.S., Peredina I.V. Some aspects of the development of the humanistic orientation of juvenile justice // Juvenile justice issues. – 2015. – № 3. - S. 4-8.

[6] Barnert, Elizabeth S. et al. “How Does Incarcerating Young People Affect Their Adult Health Outcomes?” Pediatrics.– 2017.–139(2).

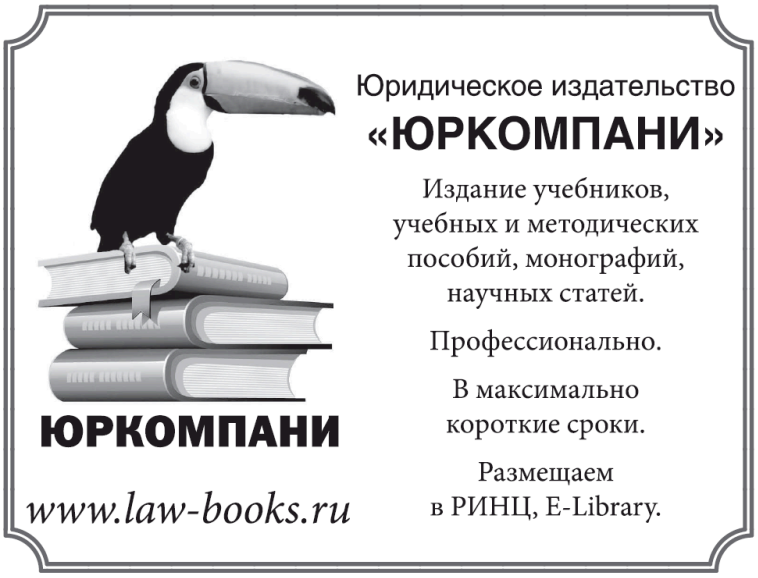
[7] Dodson, Kimberly & Whitehead, J.T. Juvenile Justice Ethical Issues: How Should We Treat Juveniles?–2014. // URL;.https: //www.researchgate.net/publication/297361734_ Juvenile_Justice_Ethical_Issues_How_Should_We_ Treat_Juveniles (дата обращения 10.07.2026).

[8] Fagan, J., &Zimring, F. E. The changing borders of juvenile justice: Transfer of adolescents to the adult criminal court. University of Chicago Press.– 2000.–456 p.

[9] Hartney C, Vuong L. Created Equal Racial and Ethnic Disparities in the US Criminal Justice System. National Council on Crime and Delinquency – 2009.–44 p.

[10] Loeber, R., & Farrington, D. P. From juvenile delinquency to adult crime: Criminal careers, justice policy, and prevention. Oxford University Press. – 2012.–399 p.

[11] Scott, E. S., & Steinberg, L. Rethinking juvenile justice. Harvard University Press. –2008.–384 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-52-56
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна,
доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: pavlovna.76@mail.ru

АНДРЕЕВА Марина Мирославовна,
старший преподаватель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: marina-andreeva.2011@yandex.ru

ГЕВОРГЯН Кирилл Константинович,
аспирант кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: kirill199822@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ КОНКРЕТНОГО ЛИЦА

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые вопросы возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, касающиеся реализации таким лицом права на защиту и обязанности следователя, дознавателя его уведомления о подозрении, процедура которого не нашла закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. В целях разрешения обозначенных вопросов авторами вносятся предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство.*

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, подозреваемый, проверка сообщения о преступлении, защитник, уведомление о подозрении.*

ALEKSANDROVA Olga Pavlovna,
Associate Professor, Department of Law Enforcement, Criminal Law and Process, Pskov State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

ANDREEVA Marina Miroslavovna,
Senior Lecturer at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University

GEVORGYAN Kirill Konstantinovich,
Postgraduate Student at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University

SOME ISSUES OF INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST A SPECIFIC PERSON

Annotation. *The article discusses selected issues of initiating criminal proceedings against a specific person, concerning such a person's exercise of the right to defense and the duties of an investigator or inquiry officer to notify the person of suspicion – a procedure that has not been fixed in criminal procedure legislation. In order to resolve these issues, the authors propose amendments to the criminal procedure legislation.*

Key words: *initiation of a criminal case, suspect, verification of a crime report, defense counsel, notification of suspicion.*

Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица представляет собой особый вариант процессуального решения, обусловленный наличием достаточных данных, позволяющих идентифицировать субъекта преступления. Несмотря на многолетнюю научную полемику, данный институт прочно утвердился в правоприменительной практике.

Законодателем в диспозиции ряда норм Уголовного кодекса РФ (УК РФ) конкретно определены субъекты состава преступления (например, ст. 106 – «Убийство матерью новорожденного ребенка», ст. 157 – «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», ст. 200.4 – «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», ст. 313 – «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи» и др.), следовательно, уже на этапе проверки сообщения о преступлении должны быть собраны достаточные данные о лице его совершившем, так как в противном случае будет отсутствовать квалифицирующий признак преступления, и уголовное дело должно возбуждаться по факту совершения преступления в отношении конкретного лица. По смыслу положений п. 1 ч. 1 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, с момента принятия указанного решения приобретает статус подозреваемого и в отношении него начинает осуществляться уголовное преследование, то есть деятельность стороны обвинения по его изобличению в совершении преступления, в ходе которого могут применяться меры принуждения, а потому вопросы законности и обоснованности такого возбуждения уголовного дела, соблюдения конституционных гарантий прав и свобод личности, по-прежнему остаются актуальными.

Приобретение лицом статуса подозреваемого влечет возникновение комплекса прав, закрепленных в ч. 4 ст. 46 УПК РФ. Среди них ключевое значение имеют: право знать, в чем лицо подозревается, и получить копию соответствующего процессуального документа; право давать объяснения и показания либо отказаться от их дачи; право пользоваться помощью защитника, в том числе и бесплатно, до первого допроса иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально; право представлять доказательства; право заявлять ходатайства и отводы; право на переводчика и др.

Особого внимания заслуживает право на защиту, так как в вопросе реализации данного права до возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, то есть на этапе проведения проверки, по причине того, что ч. 1.1 ст. 144 , ст. 16, ч. 1 ст. 49 и п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ не корреспондируются друг с другом, в науке и правоприменении уже с момента введения законодателем в 2017 г. п. 6 ч. 3 ст. 49 в указанный Кодекс идет оживленная дискуссия.

Участниками процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении следователь или дознаватель обязаны разъяснить их права и обязанности, закрепленные в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

В соответствии с указанной нормой лицо, в отношении которого проводится проверка, вправе пользоваться услугами адвоката.

Однако в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ законодатель уже говорит об участии защитника, «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144» УПК РФ. Указанное положение не корреспондируется ни с самим определением защитника, закрепленном в ч. 1 обозначенной выше нормы, под которым понимается лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке «защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу», ни с положениями нормы-принципа, гарантирующей в ст. 16 УПК РФ «обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту», которое они могут реализовать, в том числе и воспользовавшись помощью защитника бесплатно. Полагаем, что на этапе проверки сообщения о преступлении, когда еще не установлена достаточная совокупность признаков преступления и не возбуждено уголовное дело, речь не должна идти о защитнике, так как согласно определению уголовного преследования, оно осуществляется только в отношении подозреваемого или обвиняемого, а не лица, в отношении которого проводится проверка.

С учетом изложенного выше и в целях устранения обозначенных противоречий, представляется целесообразным исключить п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, сохранив за лицом, в отношении которого проводится проверка право воспользоваться услугами адвоката за счет собственных средств.

Второй вариант разрешения обозначенной проблемы видится в расширении понятия «уголовного преследования» и включение в него помимо подозреваемого и обвиняемого также «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», с внесением соответствующих изменений в УПК РФ.

Однако в рассматриваемой ситуации существуют и иные точки зрения, которые заслуживает внимания, и также могут быть восприняты законодателем.

Так, например, Д.А. Варнавский приходит к выводу о необходимости участия защитника на стадии возбуждения уголовного дела, а также «обеспечения защиты прав и законных интересов лица, явившегося в правоохранительные органы для добровольного сообщения о совершенном им преступлении, с момента подачи им соответствующего заявления и начала производства в отношении его процессуальных действий, связанных с проверкой достоверности сделанного заявления» [4, с. 11-12].

По мнению В.Н. Махова, целесообразно внесение «в УПК РФ нормы о возможности признания лица подозреваемым при проверке сообщения о преступлении» [6, с. 155].

Рыжаков А.П. делает вывод о том, что «у лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может быть защитник» и предлагает распространить на такое лицо ряд прав подозреваемого [7].

Г.П. Химичева, О.В. Химичева и Д.В. Шаров отмечают, что понятие подозреваемого постепенно размывается и подразумевает в настоящее время не только то лицо, в отношении которого выдвинуто официальное подозрение и осуществляется уголовное преследование, но и любое иное лицо, которое фактически преследуется за совершение преступления, изобличается в этом [9, с. 83-86; 10 с. 56-61].

Д.В. Ванин и А.В. Калинкин придерживаются точки зрения, что уже на стадии возбуждения уголовного дела фактически осуществляется уголовное преследование, то есть изобличение лица в совершении преступления, которое должно иметь право на защиту. Указанные авторы предлагают дополнить УПК РФ нормой, регламентирующей процессуальные статус нового участника – «изобличаемый» [3, с. 220-221].

На основе анализа норм УПК РФ, решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, практики Европейского Суда по правам человека, уголовно-процессуального законодательства Казахстана, Белоруссии, Узбекистана О.П. Александрова, Л.Ю. Буданова, В.Б. Шабанов делаю вывод о возможности участия «защитника до момента выдвижения официального подозрения или обвинения, закрепленного в предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством документах» [2, с. 170-171]. По мнению указанных авторов, целесообразна «корректировка понятия защитника в национальном законодательстве и закрепления возможности его участия не только с момента выдвижения официального подозрения или обвинения, но и с момента начала осуществления процессуального действия, затрагивающего права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка, сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, либо следственного действия, направленного на изобличение лица в совершении преступления» [2 с. 171, 173-174].

На практике возникает проблема обеспечения реального доступа к защитнику на ранних стадиях. Нередко лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, узнает об этом постфактум, что лишает его возможности своевременно реализовать право на защиту. Законодатель предусматривает обязанность дознавателя или следователя разъяснить подозреваемому его права при первом допросе, однако реализация данного права не всегда обеспечивается в полном объеме.

Однако, согласно ч. 4 ст. 146 УПК РФ следователь обязан незамедлительно уведомить лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, о принятом решении. Полагаем, что в данном случае имеется терминологическая неточность, так как речь уже идет не о лице, в отношении которого возбуждено уголовное дело, а о подозреваемом с учетом положений п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Однако законодатель не описывает в тексте закона ни сроки, ни саму процедуру уведомления подозреваемого о возбуждении в отношении него уголовного дела и вручения копии постановления, а также разъяснения его прав и существа подозрения, ни способ фиксации указанных юридически значимых фактов, что, как представляется, нельзя охарактеризовать как положительный момент правовой действительности.

Так, А.М. Шинкарева отмечает, что обозначенные выше гарантии «слабо реализуются на практике. Изучение уголовных дел показало, что в 43,6 % случаев подозреваемый, в отношении которого возбуждено дело, с постановлением ознакомлен не был и копию его не получал, что является прямым нарушением прав подозреваемого. В большей части изученных дел (55,7 %) подозреваемый ознакомлен с постановлением о возбуждении в отношении него дела, но лишь в 0,7 % изученных дел он получил копию постановления, что подтверждается собственноручными записями подозреваемых на постановлениях, находящихся в делах» [11, с. 205].

Кроме того, М.Т. Аширбекова [1, с. 20], Н.С. Манова [5], В.Н. Махов [6, с. 155], И.В. Смолькова [8, с. 75], А.М. Шинкарева [11, с. 205-210] и др. указывают на необходимость законодательного закрепления сроков уведомления о подозрении, процессуальной фиксации такого уведомления подозреваемого и вручения копии постановления о возбуждении уголовного дела, а также разъяснения его прав, с чем нельзя не согласиться.

С учетом изложенного, полагаем целесо-

образным внести изменения в ч. 4 ст. 146 УПК РФ, предусмотрев обязанность уполномоченных должностных лиц не просто уведомить лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, а также еще разъяснить существо подозрения и его права под роспись и изложить это в следующей редакции: «О принятом решении руководитель следственного органа, следователь, дознаватель незамедлительно уведомляют заявителя, а также подозреваемого, в отношении которого возбуждено уголовное дело, обязаны лично вручить подозреваемому копию постановления о возбуждении уголовного дела, разъяснить существо подозрения, а также права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, о чем составляется протокол».

Внесенные предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства, как представляется, смогут обеспечить реализацию гарантий прав подозреваемого, способствовать единой правоприменительной практике.

Список литературы:

[1] Аширбекова М.Т. Об уточнении нормативных требований к содержанию постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. Краснодар, 2022. С. 14-20.

[2] Буданова Л.Ю., Александрова О.П., Шабанов В.Б. Обеспечение права на защиту от уголовного преследования в России и некоторых зарубежных странах // Журнал прикладных исследований. 2022. № 4. Том2. С. 166-176.

[3] Ванин Д.В., Калинкин А.В. Проблемы обеспечения прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование в стадии возбуждения уголовного дела // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 215-222.

[4] Варнавский Д.А. Проверка сообщений о преступлении: генезис и перспектива: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М. 2018. 31 с.

[5] Манова Н.С. Об основаниях и процедуре выдвижения подозрения в Российском уголовном процессе // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Махов В.Н. О подозреваемом в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 155-157.

[7] Рыжаков А.П. У лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может быть защитник // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Смолькова И.В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица как основание его признания подозреваемым (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 4 (173). С. 71-78.

[9] Химичева Г.П. К вопросу о корректировке принципа презумпции невиновности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 83-86.

[10] Химичева О.В., Шаров Д.В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении пре¬ступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56–61.

[11] Шинкарева А.М. Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица как основание формализации подозрения // Сборник научных трудов: Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. ФГБОУ ВПО, «Самарский государственный университет». Самара, 2012. С. 202-210.

References:

[1] Ashirbekova M.T. On clarification of regulatory requirements for the content of the decision to initiate a criminal case against a specific person // Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of the formation of the Department of Criminal Procedure. Krasnodar, 2022. S. 14-20.

[2] Budanova L.Yu., Aleksandrova O.P., Shabanov V.B. Ensuring the right to protection against criminal prosecution in Russia and some foreign countries // Journal of Applied Research. 2022. № 4. Volume 2. S. 166-176.

[3] Vanin D.V., Kalinkin A.V. Problems of ensuring the rights of a person against whom criminal prosecution is being carried out at the stage of initiating a criminal case // Legal policy and legal life. 2023. № 3. S. 215-222.

[4] Varnavsky D.A. Checking Crime Reports: Genesis and Perspective: Abstract. diss.... cand. jurid. sciences. M. 2018. 31 pp.

[5] Manova N.S. On the grounds and procedure for raising suspicions in the Russian Criminal Procedure // SPS "ConsultantPlus.".

[6] Makhov V.N. On the suspect in the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1. S. 155-157.

[7] A.P. Ryzhakov. The person against whom the crime report is checked may have a defender // SPS "ConsultantPlus.".

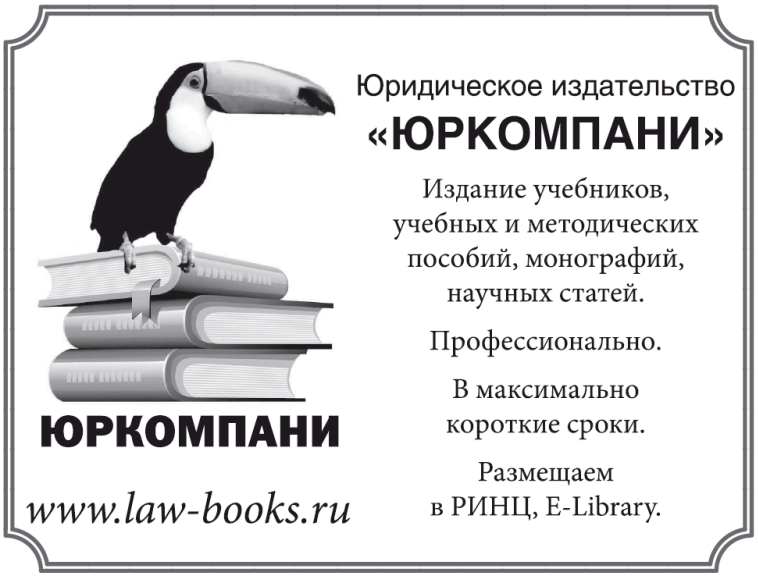
[8] I.V. Smolkova. Initiation of a criminal case against a specific person as the basis for his recognition as a suspect (paragraph 1 of part 1 of article 46 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) // Lex Russica (Russian law). 2021. T. 74. № 4 (173). S. 71-78.

[9] G.P. Khimicheva. On the issue of adjusting the principle of the presumption of innocence // Bulletin of Economic Security. 2016. № 5. S. 83-86.

[10] O.V. Khimicheva, D.V. Sharov. Some

aspects of ensuring the rights of a person during detention on suspicion of committing a pre ¬ crime // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 5. S. 56-61.

[11] Shinkareva A.M. Resolution on the initiation of a criminal case against a specific person as a basis for formalizing suspicion // Collection of scientific works: Actual problems of the modern criminal process of Russia. FSBEI HPE, "Samara State University." Samara, 2012. S. 202-210.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-57-65

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант 3 курса Российской государственная академии интеллектуальной собственности, Москва, Россия
e-mail: andre2000andre@mail.ru

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ САМОЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. *В цифровой среде принятие решения о защитном воздействии и его непосредственное техническое исполнение могут принадлежать разным лицам либо быть разнесены во времени посредством автоматизированной системы, что осложняет квалификацию соответствующего поведения как самозащиты авторского права. Цель исследования состоит в установлении юридически значимых признаков самозащиты и условий сохранения такой квалификации при несовпадении лица, принимающего защитное решение, и фактического исполнителя. Используются формально-догматический, сравнительно-доктринальный, системный и функциональный подходы. Обосновывается, что самозащита предполагает совокупность трёх признаков: наличие юридического основания самостоятельно осуществлять защиту соответствующей правовой позиции, достаточно определённое одностороннее решение о защитном воздействии и непосредственное формирование этим воздействием защитного результата. Физическое несовпадение управомоченного лица и исполнителя само по себе не исключает самозащиты, однако при внешнем исполнении необходимы положительное правовое основание его юридического отнесения к управомоченному лицу и отсутствие самостоятельного решения исполнителя по существу защитного воздействия. Предложенное разграничение позволяет квалифицировать автоматизированное исполнение и отличать его от самостоятельного инфраструктурного реагирования цифровой платформы.*

Ключевые слова: *самозащита гражданских прав; авторское право; защита авторских прав; защитное решение; защитное воздействие; опосредованное исполнение; автоматизированное исполнение; информационный посредник; цифровая платформа.*

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
2nd year postgraduate, Russian State Academy of Intellectual Property Moscow, Russia

QUALIFYING CRITERIA FOR COPYRIGHT SELF-HELP ON THE INTERNET

Annotation. *Digital enforcement may separate the formation of a protective decision from its technical implementation: the relevant functions can be performed by different persons or divided in time through an automated system. This raises the question of when such conduct can still be legally attributed to the right holder as copyright self-help. The article identifies the qualifying criteria for self-help and examines their operation where the person making the protective decision does not physically perform the ensuing technical action. The analysis combines doctrinal, systemic and functional approaches. It is argued that copyright self-help requires three cumulative elements: a legal basis entitling a person to protect the relevant legal position independently; a sufficiently definite unilateral decision on the protective action; and the direct production of a protective result by that action. Physical identity between the entitled person and the immediate executor is not indispensable. Where execution is entrusted to another person, however, there must be a positive legal basis for attributing that execution to the entitled person, while the executor must not make an independent substantive decision concerning the grounds, addressee, type or scope of the protective action. The proposed approach also clarifies the distinction between automated execution of a pre-defined decision and an independent response by an information intermediary or digital platform.*

Key words: *self-help; copyright; copyright enforcement; protective decision; legal attribution; third-party execution; automated execution; information intermediary; digital platform.*

Самозащита прямо названа в статье 12 ГК РФ среди способов защиты гражданских прав, а статья 14 ГК РФ допускает её осуществление в пределах, соразмерных нарушению и необходимых для его пресечения. Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 также исходит из возможности лица, право которого нарушено, самостоятельно осуществлять его защиту [1]. Вместе с тем применительно к авторским правам в сети Интернет указание на самостоятельность защитного поведения не разрешает вопрос о квалификации значительной части фактически существующих способов реагирования. В цифровой среде обнаружение нарушения, определение необходимого воздействия и непосредственное создание технического результата могут быть разделены между правообладателем, его представителем или работником, внешним исполнителем, цифровой платформой и автоматизированной системой. Поэтому одинаково проблематичны как требование обязательного личного технического выполнения правообладателем каждой операции, так и противоположная квалификация всякого ограничения, наступившего после его обращения, в качестве его самозащиты. Возникает вопрос о том, при каких юридически значимых условиях защитное воздействие, фактически осуществляемое иным лицом либо автоматизированной системой, сохраняет качество самозащиты авторского права и где проходит граница между исполнением решения управомоченного лица и самостоятельным решением другого участника.

В цивилистике эта проблема осложняется неоднородностью представлений о содержании самозащиты. Наиболее строгая модель связывает её прежде всего с фактическими действиями самого управомоченного лица. О. Д. Сатаров, исследуя современное состояние института, подчёркивает преимущественно фактический характер действий при самозащите и их непосредственную связь с противодействием посягательству. В авторско-правовом контексте близкую границу проводит В. Л. Михайликов, отделяя фактическую самозащиту от юридических мер оперативного воздействия, характерных прежде всего для обязательственных отношений Федорова [2]. Такой подход имеет существенное достоинство: самозащита не растворяется во всей совокупности односторонних внесудебных действий. Однако из фактического характера воздействия ещё не следует необходимость физического совпадения носителя защищаемой правовой позиции с лицом, выполняющим каждую техническую операцию.

Более широкие конструкции допускают включение в содержание самозащиты не только фактических, но и юридически значимых односторонних действий. Соответствующие подходы представлены, в частности, в работах С. В. Лавровой и Д. Е. Феоктистова; Д. Н. Латыпов рассматривает самозащиту в более широкой системе неюрисдикционного осуществления защиты [3]. Для цифровой среды достоинство подобных концепций заключается в отказе от зависимости правовой квалификации от материальной формы воздействия. Вместе с тем одной внесудебности и одностороннего характера поведения недостаточно: иначе в область самозащиты могут одновременно попасть обращение к нарушителю, оперативная мера в договорном отношении, предварительная техническая охрана и собственное решение владельца цифровой инфраструктуры. Эта проблема заметна и в современной специальной литературе по интеллектуальным правам. Т. Т. Алиев обоснованно разграничивает самозащиту и меры оперативного воздействия, связывая первую преимущественно с абсолютными правами, но среди рассматриваемых форм самостоятельного реагирования называет неоднородные по юридической функции действия – от технических ограничений до уведомлений и блокирования контента [4]. Их общая направленность на защиту интеллектуального права ещё не показывает, чьим решением формируется конкретный защитный результат.

Преодоление противопоставления узкой фактической и более широкой юридико-фактической моделей требует не замены одного критерия другим, а установления совокупности юридически значимых признаков. Представляется, что квалификация действия как самозащиты авторского права предполагает, во-первых, наличие у лица юридического основания самостоятельно осуществлять защиту соответствующей правовой позиции; во-вторых, достаточно определённое одностороннее решение о защитном воздействии; в-третьих, непосредственное формирование этим воздействием защитного результата. Первый признак выражает необходимую связь между защищаемой правовой позицией, действующим лицом и предоставленной правом возможностью самостоятельно осуществлять её защиту. Для исключительного права такая связь следует из общих положений статей 1229, 1250 и 1252 ГК РФ, однако круг возможных юридических оснований самостоятельной защиты ими не исчерпывается [5]. Само наличие интереса в прекраще-

нии нарушения либо фактическая способность воздействовать на цифровой ресурс такого основания не заменяют.

Непосредственное формирование защитного результата, в свою очередь, позволяет отделить самозащиту от действий, которые лишь подготавливают или инициируют последующее реагирование. Связь статьи 14 ГК РФ с действиями, необходимыми для пресечения нарушения, согласуется с доктринальным пониманием самозащиты как непосредственного противодействия посягательству. Функционально этим она отличается, например, от самоохраны, ориентированной преимущественно на предупреждение нарушения, а также от доказательственной фиксации или уведомления, ближайший результат которых состоит соответственно в сохранении сведений либо в инициировании последующего поведения другого лица [6]. Поэтому направление правообладателем требования об удалении произведения само по себе не становится непосредственным пресечением: если материал удаляет адресат после самостоятельного решения исполнить требование, именно его последующее поведение создаёт фактический пресекательный результат.

Наиболее существенное значение для цифровой среды имеет второй признак – достаточно определённое одностороннее решение о защитном воздействии. Его необходимо отличать от общего намерения защищать принадлежащие лицу права, абстрактной политики реагирования на нарушения и предварительной технической настройки. Решение приобретает квалификационное значение постольку, поскольку в необходимой для соответствующей ситуации степени определяет условия применения воздействия и характер последующей реакции. В зависимости от используемого средства это может предполагать определение принципа установления адресата, вида воздействия, условий его запуска и пределов реакции. Речь при этом не идёт о введении особой разновидности сделки или нового гражданско-правового института: решение характеризует юридическую принадлежность выбора конкретного защитного воздействия.

Достаточная определённость такого решения не предполагает обязательного нового волеизъявления после каждого отдельного случая нарушения. В цифровой среде практически значима ситуация, когда лицо заранее формулирует условное решение, связывающее определённое событие с заранее установленной реакцией. Юридически значимым здесь является различие между общей профилактической настройкой и решением, достаточно конкретизирующим последующее воздействие. Само программирование системы или введение общего технического режима ещё не образует самозащиту. Защитное значение возникает при актуализации предусмотренного воздействия в связи с конкретизированным посягательством и непосредственном формировании соответствующего результата. Иначе технические средства, постоянно ограничивающие возможность неправомерного использования произведения, пришлось бы признавать самозащитой независимо от наличия какого-либо посягательства, что смешивало бы охранительную и защитную функции.

Выделение достаточно определённого решения позволяет иначе поставить вопрос о «собственном» характере самозащиты. Самостоятельность поведения управомоченного лица и физическая личность исполнителя характеризуют разные аспекты защитного воздействия. Гражданское право в принципе допускает несовпадение лица, в правовой сфере которого формируются последствия действия, и лица, непосредственно совершающего соответствующие операции. Институт представительства является здесь не специальной моделью самозащиты, а системным подтверждением такой возможности. П. А. Гришин допускает осуществление самозащиты управомоченным лицом либо его представителем. В Определении Верховного Суда РФ от 27 февраля 2017 г. № 309-ЭС16-21250 по делу № А60-47032/2015 не была отвергнута квалификация действий представителя правообладателя, осуществлявшего видеозапись при приобретении спорного товара, как действий в целях самозащиты [7]. Значение этого примера ограничено конкретной фабулой, связанной преимущественно с доказательственной фиксацией, поэтому он не устанавливает общего правила о передаче представителю права самостоятельно определять пресекательное воздействие.

Ещё очевиднее невозможность универсального требования личного физического исполнения проявляется применительно к юридическому лицу. Согласно статье 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя обязанности через свои органы. Исследование И. П. Политовой показывает сложность формирования и выражения воли организации посредством поведения физических лиц, включённых в её структуру [8]. Поэтому необходимо различать формирование решения самой организации и выполнение уже принятого решения. Если орган или иное внутренне компетентное лицо в пределах предоставленных полномочий определяет содержание защитного воздействия, такое решение может составлять процесс формирования решения самого юридического лица, а не самостоятельное решение внешнего субъекта. Иное имеет место, когда уже принятое решение лишь

технически реализуется работником или другим внутренним исполнителем. Физическое различие между лицом, сформировавшим волю организации, и лицом, выполнившим отдельную операцию, в таком случае не означает появления второго самостоятельного защитного решения.

Однако из сказанного не следует, что совершение операции любым третьим лицом может быть автоматически приписано правообладателю. При внешнем исполнении одного отсутствия самостоятельного усмотрения исполнителя недостаточно. Необходимо положительное правовое основание, позволяющее юридически связать исполнение с решением управомоченного лица. В разных случаях такая связь может следовать из полномочия, организационных или трудовых отношений, договора либо иного допускаемого гражданским правом основания. Фактическая подконтрольность или возможность дать техническую команду сами по себе не объясняют, почему результат деятельности другого субъекта должен юридически рассматриваться как исполнение решения лица, осуществляющего самозащиту. Статьи 402–403 ГК РФ, регулирующие исполнение обязательства третьим лицом и ответственность должника за действия привлечённых им лиц, имеют здесь только системно-аналогическое значение: они подтверждают принципиальную известность гражданскому праву разделения физического исполнения и его юридического отнесения, но не устанавливают специального основания осуществления самозащиты абсолютного авторского права через внешнего подрядчика [9].

Для определения границы внешнего исполнения необходимо также различать исполнительское и материально-правовое усмотрение. Исполнительское усмотрение относится к способу реализации уже определённого воздействия. Исполнитель может выбирать технический инструмент, последовательность операций, маршрут исполнения, момент совершения действия внутри заданного временного интервала или проверять формальные технические реквизиты. Такие решения отвечают преимущественно на вопрос о том, как выполнить уже заданное воздействие, не изменяя его юридического содержания.

Иная ситуация возникает, если внешний субъект самостоятельно устанавливает наличие нарушения по существу, оценивает правомерность спорного использования и применимость исключений, определяет адресата воздействия, решает, следует ли применять ограничение, либо самостоятельно избирает его вид и объём. В этих случаях он отвечает уже не на вопрос о техническом способе исполнения, а определяет какое защитное воздействие должно быть осуществлено. Тем самым формируется новое содержательное решение другого лица. Предлагаемое разграничение не следует понимать как закрытый легальный перечень: речь идёт об аналитическом критерии, позволяющем определить, остаётся ли деятельность третьего лица исполнением достаточно определённого решения управомоченного лица либо приобретает качество самостоятельного защитного или инфраструктурного реагирования. Именно в этой точке физическая самостоятельность исполнителя отделяется от юридической самостоятельности защитного решения.

Такой подход применим и к автоматизированному исполнению. Использование программы само по себе не устраняет первоначального человеческого или организационного решения и одновременно не позволяет без дополнительного анализа приписать конкретный результат пользователю системы. Исследования цифрового волеизъявления и смарт-контрактов показывают принципиальную разделимость предварительно сформированной воли и последующего программного исполнения. Е. Е. Фролова и А. М. Берман отмечают, что при автоматизированном исполнении компьютерная программа реализует заранее определённый порядок операций без необходимости нового волеизъявления стороны в момент исполнения; аналогичную разделимость первоначального волеизъявления и последующего автоматического исполнения исследует Е. В. Зайнутдинова [10]. В современной литературе А. В. Свецкий также рассматривает смарт-контракт как технологическую форму реализации предварительно выраженной воли сторон, подчёркивая различие между формированием воли и автоматизмом последующего исполнения [11]. Эти конструкции относятся прежде всего к обязательственному праву, поэтому не являются непосредственным нормативным основанием автоматизированной самозащиты авторских прав. Они важны в более узком смысле – как подтверждение того, что разнесение во времени формирования решения и его программной реализации само по себе не разрушает юридической связи между ними.

Такое понимание согласуется и с пунктом 2 статьи 309 ГК РФ, допускающим автоматическое исполнение обязательства при наступлении определённых обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон. Эта норма также используется только как системная аналогия. Статья 1299 ГК РФ, в свою очередь, подтверждает существование специальной категории технических средств защиты авторских прав, однако наличие технического средства не предрешает квалификацию конкретного реактивного воздействия, осуществляемого с его помощью, как самозащиты [12]. Значение имеет не тех-

ническая форма операции, а то, какое решение она реализует и какой результат непосредственно создаёт.

Показательной моделью для проверки этого вывода служит система Content ID. А. С. Вартанов описывает механизм, при котором правообладатели предоставляют платформе эталонный контент, система автоматически выявляет совпадения, а последующая реакция зависит от заранее выбранной правообладателем политики. Официальные материалы YouTube также предусматривают, что Content ID автоматически сопоставляет загружаемый материал с предоставленными правообладателями файлами, а при обнаружении совпадения к видео в зависимости от настроек правообладателя может применяться блокирование, монетизация либо отслеживание [13]. Такая модель демонстрирует техническую возможность отделить предварительное определение реакции от её последующего программного выполнения.

Вместе с тем Content ID не следует квалифицировать как самозащиту в целом. Платформа устанавливает архитектуру системы, перечень доступных реакций, критерии использования инструмента и процедуры оспаривания, а конкретное применение политики может зависеть от совокупности технических правил. Пример подтверждает лишь более узкий тезис: отсутствие нового человеческого действия в момент автоматического запуска не исключает юридической связи результата с ранее сформированным достаточно определённым решением. Напротив, если система получает возможность самостоятельно формировать содержательные критерии, оценивать допустимость использования или определять необходимый объём ограничения на основании обстоятельств, не охваченных первоначальным решением, вопрос о юридической принадлежности конкретного воздействия требует отдельной квалификации.

Последняя граница приобретает особую актуальность при использовании адаптивных алгоритмов. Исследование WIPO 2026 г., посвящённое применению искусственного интеллекта для противодействия нарушениям авторских прав, указывает одновременно на возможности автоматизированного мониторинга и удаления и на сложности содержательной оценки допустимого использования, исключений и ложноположительных результатов; отдельно подчёркивается значение человеческого контроля при автоматизированных ограничениях [14]. Эти обстоятельства не дают основания формировать специальную российскую гражданско-правовую конструкцию «решения алгоритма». Напротив, они показывают предел вывода о детерминированном исполнении: чем больше конкретное воздействие зависит от новой содержательной оценки обстоятельств после первоначальной настройки, тем меньше оснований объяснять его исключительно ранее сформированным решением пользователя системы.

Противоположную проверочную ситуацию образует собственное реагирование цифровой платформы после обращения правообладателя. Статья 1253.1 ГК РФ придаёт поведению информационного посредника после получения заявления самостоятельное юридическое значение, а пункты 77–78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 требуют определять его положение с учётом фактически осуществляемой деятельности [15]. Поэтому последовательность «обращение правообладателя – последующее ограничение контента» не позволяет сама по себе считать ограничение действием правообладателя. Между ними могут находиться проверка обращения, оценка обстоятельств и самостоятельное решение инфраструктурного участника.

Функциональный характер этой оценки прослеживается и в судебной практике. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 декабря 2020 г. № 5-КГ20-96-К2 по делу № 3-400/2019 обращено внимание на необходимость исследовать фактический характер деятельности владельца интернет-ресурса, порядок использования сайта, круг лиц, способных размещать материалы, инициатора их размещения и степень участия владельца ресурса [16]. Судебный акт непосредственно не разрешает вопрос о самозащите, но подтверждает недопустимость квалификации поведения владельца цифровой инфраструктуры исключительно по его формальному статусу либо по факту получения обращения. Аналогичный функциональный подход используется А. В. Старковым при анализе участия владельцев сайтов, агрегаторов и платформ в отношениях по поводу интеллектуальных прав [17].

Особенно наглядно самостоятельность инфраструктурной функции проявляется в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 39-П. Применительно к рассмотренной модели маркетплейса Конституционный Суд предусмотрел проверку представленных правообладателем сведений, запрос у продавца доказательств легального использования соответствующего объекта и, при наличии установленных условий, временное приостановление размещения информации о товаре на период, необходимый правообладателю для обращения за судебной защитой. При этом владелец маркетплейса не принимает окончательного решения о материально-правовом споре, а устанавливает наличие

признаков нарушения в пределах определённой Судом процедуры [18]. Само Постановление вступило в силу немедленно после провозглашения; вместе с тем конституционно-правовое истолкование пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 ГК РФ, содержащееся в пункте 1 его резолютивной части, за исключением пересмотра судебных актов по делу заявителя, подлежит общему применению с 16 сентября 2026 г. Поэтому до указанной даты новая модель не может характеризоваться как уже получившая сложившееся последующее правоприменение. Современная литература справедливо связывает Постановление № 39-П с повышением стандарта осмотрительности маркетплейса и конкретизацией его собственного поведения после получения достаточно обоснованного обращения [19].

Для рассматриваемой проблемы существенно не то, является ли такое платформенное решение свободным или в значительной степени нормативно предопределённым. Даже достаточно детально установленная законом обязанность инфраструктурного участника не превращает его действие в действие правообладателя, если юридическое основание его поведения и возложенная на него проверочная функция принадлежат самому участнику инфраструктуры. Инициатива правообладателя в такой ситуации запускает процедуру, но не поглощает последующее решение. Поэтому внешне одинаковое ограничение доступа может иметь различную правовую природу: в одном случае оно технически воспроизводит достаточно определённое решение управомоченного лица, в другом – является результатом собственной оценки и решения платформы.

Предложенная конструкция наиболее осторожного применения требует применительно к внешнему техническому подрядчику. В исследованном российском материале отсутствуют специальная норма и достаточная судебная практика, непосредственно устанавливающие условия осуществления самозащиты авторского права посредством такого исполнителя. Поэтому нельзя формулировать общее правило о «делегировании» самозащиты. Вместе с тем физическое участие внешнего лица не должно исключать соответствующую квалификацию автоматически. Если существует положительное гражданско-правовое основание юридического отнесения исполнения к управомоченному лицу, само защитное воздействие достаточно определено этим лицом, а исполнитель не принимает нового решения по существу основания, адресата, вида или объёма воздействия, такое участие потенциально совместимо с сохранением самозащитного характера поведения. Вывод остаётся условным и требует проверки применительно к конкретному правовому основанию и фактическому распределению функций.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие взаимосвязанные выводы. Во-первых, квалификация самозащиты авторского права в сети Интернет предполагает совокупность трёх юридически значимых признаков: наличие у лица юридического основания самостоятельно осуществлять защиту соответствующей правовой позиции, достаточно определённое одностороннее решение о защитном воздействии и непосредственное формирование этим воздействием защитного результата. Ни внесудебность, ни фактическая форма операции, ни инициатива правообладателя по отдельности такой квалификации не обеспечивают.

Во-вторых, собственный характер самозащиты не требует универсального физического совпадения управомоченного лица и непосредственного исполнителя. При их несовпадении юридическая принадлежность достаточно определённого решения раскрывает содержание второго квалификационного признака, а при внешнем исполнении дополнительно необходимо установить положительное правовое основание его юридического отнесения к управомоченному лицу. Отсутствие самостоятельности исполнителя является необходимой отрицательной характеристикой, но само по себе такого основания не заменяет.

В-третьих, при разграничении исполнения и самостоятельного решения следует учитывать характер усмотрения другого лица. Выбор технического способа реализации уже заданного воздействия не равнозначен самостоятельному определению содержания защиты. Установление нарушения по существу, выбор адресата, решение о применении воздействия, его виде или объёме свидетельствуют о формировании нового содержательного решения и требуют самостоятельной квалификации поведения соответствующего субъекта.

В-четвёртых, эта конструкция позволяет единообразно оценивать противоположные цифровые ситуации. Детерминированное программное выполнение заранее достаточно определённого условного решения потенциально совместимо с самозащитой после актуализации воздействия в связи с конкретизированным посягательством. Напротив, собственная содержательная проверка и решение цифровой платформы не становятся самозащитой правообладателя только потому, что соответствующая процедура была инициирована его обращением. Следовательно, самостоятельность самозащиты авторского права в цифровой среде должна пониматься прежде всего как юридическая принадлежность защит-

ного решения и непосредственно формируемого им результата, а не как обязательность личного технического совершения каждой операции.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 12, 14; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8. П. 10.

[2] Сатаров О. Д. Самозащита в гражданском праве: вид гражданско-правовой возможности и объект защиты // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 4 (185). С. 71–81. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.071-081; Михайликов В. Л. Формы защиты авторских прав // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 136–140.

[3] Лаврова С. В. О формах защиты и самозащиты гражданских прав // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 114–118; Феоктистов Д. Е. О правовой природе самозащиты гражданских прав // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (215). С. 156–158; Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.3. Пермь, 2022.

[4] Алиев Т. Т. К вопросу о самозащите и иных способах неюрисдикционной защиты интеллектуальных прав // IP: Теория и практика. 2025. № 3 (11). С. 64–72.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496. Ст. 1229, 1250, 1252.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 14; Сатаров О. Д. Самозащита в гражданском праве: вид гражданско-правовой возможности и объект защиты // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 4 (185). С. 72–74; Гришин П. А. Самозащита и самоохрана гражданских прав и законных (охраняемых законом) интересов: разграничение охранительных институтов отечественного права // Юридические исследования. 2018. № 6. С. 35–37.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 182; Гришин П. А. Самозащита и самоохрана гражданских прав и законных (охраняемых законом) интересов: разграничение охранительных институтов отечественного права // Юридические исследования. 2018. № 6. С. 36; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2017 г. № 309-ЭС16-21250 по делу № А60-47032/2015.

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 53; Политова И. П. Воля и волеизъявление: монография. М.: Проспект, 2016. С. 77–91.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 402–403.

[10] Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 57–83. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.57.83; Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 126–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.126.147..

[11] Свецкий А. В. Автономия воли в эпоху алгоритмов на примере смарт-контрактов // Политика и Общество. 2026. № 1. С. 80–91. DOI: 10.7256/2454-0684.2026.1.78891..

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 309, п. 2; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496. Ст. 1299.

[13] Вартанов А. С. Защита авторских прав на формат онлайн-шоу // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 49. № 2. С. 109–117. DOI: 10.17323/tis.2024.21719; YouTube Help. How Content ID works [Электронный ресурс]. URL: https://support.google.com/youtube/answer/2797370?hl=en (дата обращения: 26 августа 2026 г.).

[14] Martin S. Artificial Intelligence Tools for Dealing with Copyright Piracy: Technological, Legal and Policy Dimensions. WIPO/ACE/18/35. Geneva, 2026. P. 18, 21–22.

[15] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Россий-

ской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496. Ст. 1253.1; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7. П. 77–78.

[16] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2020 г. № 5-КГ20-96-К2 по делу № 3-400/2019.

[17] Старков А. В. Гражданско-правовая охрана пресс-публикаций при их онлайн-использовании новостными агрегаторами: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. Пермь, 2024.

[18] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Мир Хобби”». П. 5.2–5.3; резолютивная часть, п. 1, 4–5.

[19] Федорова П. С. Маркетплейс как информационный посредник: повышенный стандарт осмотрительности в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.2026 г. № 39-П // Право и политика. 2026. № 7. С. 181–198. DOI: 10.7256/2454-0706.2026.7.81141..

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 12, 14; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the application by the courts of certain provisions of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8. P. 10.

[2] Satarov O. D. Self-defense in civil law: type of civil opportunity and object of protection // Actual problems of Russian law. 2026. VOL. 21. № 4 (185). S. 71-81. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.071-081; Mikhailikov V. L. Forms of copyright protection // Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2010. № 2 (73). No. 11. S. 136-140.

[3] Lavrova S.V. On the forms of protection and self-defense of civil rights // Legal science. 2017. № 6. S. 114-118; Feoktistov D.E. On the legal nature of self-defense of civil rights // Law and state: theory and practice. 2022. № 11 (215). S. 156-158; Latypov D.N. System of ways to protect civil rights in the Russian Federation: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3. Perm, 2022.

[4] Aliyev T. T. On the issue of self-defense and other methods of non-jurisdictional protection of intellectual rights // IP: Theory and practice. 2025. № 3 (11). S. 64-72.

[5] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496. Art. 1229, 1250, 1252.

[6] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 14; Satarov O. D. Self-defense in civil law: type of civil opportunity and object of protection // Actual problems of Russian law. 2026. VOL. 21. № 4 (185). S. 72-74; Grishin P.A. Self-protection and self-protection of civil rights and legitimate (protected by law) interests: delimitation of protective institutions of domestic law // Legal research. 2018. № 6. S. 35-37.

[7] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 182; Grishin P.A. Self-protection and self-protection of civil rights and legitimate (protected by law) interests: delimitation of protective institutions of domestic law // Legal research. 2018. № 6. S. 36; Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of February 27, 2017 No. 309-ES16-21250 in case No. A60-47032/2015.

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 53; Politova I.P. Volya and expression of will: monograph. M.: Prospect, 2016. S. 77-91.

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 402–403.

[10] Frolova E. E., Berman A. M. Ways of expressing the will of the parties in the context of digital transformation: current trends in law enforcement // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. VOL. 17. № 3. S. 57-83. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.57.83; Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of a smart contract: general and special // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 3. S. 126-147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.126.147..

[11] Svetsky A.V. Autonomy of will in the era of algorithms on the example of smart contracts // Politics and Society. 2026. № 1. S. 80-91. DOI: 10.7256/2454-0684.2026.1.78891..

[12] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 309, item 2; Civil Code

of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496. Art. 1299.

[13] Vartanov A.S. Copyright protection for the format of online shows // Works on intellectual property. 2024. T. 49. № 2. S. 109-117. DOI: 10.17323/tis.2024.21719; YouTube Help. How Content ID works. URL: https://support.google.com/youtube/answer/2797370?hl=en (accessed August 26, 2026).

[14] Martin S. Artificial Intelligence Tools for Dealing with Copyright Piracy: Technological, Legal and Policy Dimensions. WIPO/ACE/18/35. Geneva, 2026. P. 18, 21–22.

[15] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496. Art. 1253.1; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7. P.77-78.

[16] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 1, 2020 No. 5-KG20-96-K2 in case No. 3-400/2019.

[17] Starkov A.V. Civil protection of press publications when used online by news aggregators: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3. Perm, 2024.

[18] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 39-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs 1 and 3 of Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Mir Hobby limited liability company." CL. 5.2-5.3; the operative portion of claims 1, 4-5.

[19] Fedorova P. S. Marketplace as an information intermediary: an increased standard of diligence in the light of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.06.2026 No. 39-P // Law and Politics. 2026. № 7. S. 181-198. DOI: 10.7256/2454-0706.2026.7.81141..

- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-66-69
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

АБРАМИТОВ Сергей Анатольевич,
доцент кафедры теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета, ORCID ID 0000-0003-0824-4395, e-mail: sabramitov@yandex.ru

ДНЕПРОВСКАЯ Марина Анатольевна,
доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета, ORCID ID 0000-0002-9411-1048, e-mail: dneprovskayama@ex.istu.edu

АИПОВ Герман Тимурович,
студент 5 курса института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: aipovgerman245@gmail.com

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОТ 20 МАРТА 2025 Г. № 33-ФЗ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ

Аннотация. *В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы использования терминов и дефиниций в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Отмечается необходимость определения в законе терминов «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», «задачи местного самоуправления», «муниципальные правовые акты» и иных терминов, имеющих первостепенное значение для регулирования местного самоуправления. Предложены некоторые меры, направленные на совершенствование законодательного регулирования.*

Ключевые слова: *термины, дефиниции, закон, Федеральный закон № 33-ФЗ, местное самоуправление, муниципальный, муниципальные правовые акты.*

ABRAMITOV Sergey Anatolevich,
Associate Professor of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law Irkutsk National Research Technical University

DNEPROVSKAYA Marina Anatolevna,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence Irkutsk National Research Technical University

AIPOV German Timurovich,
5th year student at the Institute of Economics, Management and Law Irkutsk National Research Technical University

FEDERAL LAW NO. 33-FZ OF MARCH 20, 2025: SOME ISSUES OF THE USE OF TERMS

Annotation. *The article discusses some problematic issues of the use of terms and definitions in the Federal Law "On the general Principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority." It is noted that the law should define the terms "issues of direct*

provision of vital activity of the population", "tasks of local self-government", "municipal legal acts" and other terms of primary importance for the regulation of local self-government. Some measures aimed at improving legislative regulation are proposed.

Key words: *terms, definitions, law, Federal Law No. 33-FZ, local government, municipal, municipal legal acts.*

Возникновение, развитие общественных отношений в сфере местного самоуправления в настоящее время при интеграции органов местного самоуправления в единую систему публичной власти требует тщательного законодательного регулирования данных отношений.

К основе правового регулирования отношений в области местного самоуправления относятся Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), действуют положения гл. 3 данного Закона, и Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2] (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ).

Данные нормативно-правовые акты содержат значительное количество терминов, дефиниций, имеющих существенное значение для регулирования вопросов организации местного самоуправления. В связи с этим заслуживают рассмотрения некоторые вопросы, связанные с использованием терминов в Федеральном законе № 33-ФЗ.

Как справедливо указывает В.Ю. Туранин с юридической терминологией непосредственно связана регулятивная функция права, эффективное действие и применение правовых норм. Эффективность применения правовых норм, отраженных в законах, впрямую зависит от того, насколько точно, логично сформулировано то или иное нормативное предписание, насколько ясно написана соответствующая статья [3, с. 5]. Так, по мнению В.Ю. Туранина и Д.А. Волкова, использование понятной терминологии, наполненной единым смыслом, позволяет сформировать однозначное понимание предписаний законодателя, исключить двоякое восприятие норм права и сформировать тождественную практику применения закона на всей территории его действия [4, с. 813]. Согласимся с указанной позицией.

У Федерального закона № 33-ФЗ имеются недостатки, в том числе технико-юридического характера, касающиеся использования терминов, а также дефиниций, посредством которых законодатель закрепляет свое понимание терминов. Например, как отмечают Н.В. Уманцев и К.А. Ершов Закон № 33-ФЗ не содержит определения основных терминов, применяемых при решении вопросов местного значения и подобное неоправданное упущение в отношении юридического определения множества как уже существующих, так и вновь вводимых понятий может привести к возникновению правовой двусмысленности и трудностей в процессе применения законодательства, что способно привести к нарушению прав и охраняемых законом интересов населения, формированию оснований злоупотребления властью [5, с. 163].

Прежде всего, интерес вызывает тот факт, что в Федеральном законе № 33-ФЗ отсутствует начальная, специальная статья, в которой содержатся термины и понятия, являющиеся основными с позиции правового регулирования. Примечательно, что в Федеральном законе № 131-ФЗ была ст. 2, утратившая юридическую силу, в которой указанные основные термины и понятия содержались. Представляется, что это является определенным отходом от позиции в правотворческой практике, согласно которой термины, дефиниции, определяющие содержание терминов, понятий, являющихся наиболее значимыми в аспекте правового регулирования, закрепляются в начале нормативно-правового акта в соответствующем структурном элементе.

Отметим, что в Федеральном законе № 33-ФЗ отсутствует положение, согласно которому слова «муниципальный» и «местный» и образованные на их основе слова, словосочетания применяются в одном значении в случаях, касающихся осуществления местного самоуправления. Причем, в самом законе содержатся такие словосочетания, образованные на основе указанных слов, например, «местные традиции», «муниципальная должность», «муниципальный архив» и др. На наш взгляд, отсутствие подобного положения является проблемой, способной создать определенные трудности при реализации норм Федерального закона № 33-ФЗ и других нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в области местного самоуправления, определенные сложности, затруднения в правоприменении. В этой связи позитивным примером можно считать положение ранее действовавшей ст. 2 Федерального закона № 131-ФЗ упомянутой выше, в соответствии с которым слова «местный» и «муниципальный», а также образованные на их основе слова, словосочетания применяются в одном значении в случаях, касающихся осуществления местного самоуправления.

Заслуживает внимания содержащееся в Фе-

деральном законе № 33-ФЗ понятие «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Термин, обозначающий данное понятие, часто упоминается в самом Законе. Отметим, что для уточнения смысла указанного термина в законе используется термин-синоним «вопросы местного значения», данный термин стоит в скобках вслед за уточняемым термином «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» в ст. 1 Федерального закона № 33-ФЗ.

Так, Н.Л. Пешин отмечает отождествление вопросов местного значения с вопросами непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения в ст. 1 данного Федерального закона [6, с. 23]. В свою очередь М.Ю. Дитятковский указывает на отсутствие в законе определения вопросов местного значения. Согласимся с его мнением, что в Конституции РФ такое понятие как вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения не используется и есть неопределенность относительно того как должно реализовываться конституционное положение о том, что местное самоуправление обеспечивает прежде всего самостоятельное решение населением вопросов местного значения и что же именно население должно решать самостоятельно, если отсутствует в законе само определение вопросов местного значения [7, с. 28].

Стоит заметить, что Федеральный закон № 33-ФЗ не содержит определений таких терминов, имеющих первостепенное значение для регулирования вопросов организации местного самоуправления, как «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», «вопросы местного значения».

Есть и еще случаи отсутствия законодательной дефиниции у терминов, используемых в Федеральном законе № 33-ФЗ. Так, в ст. 1 Закона содержится термин «задачи местного самоуправления», имеющий существенное значение для регулирования отношений, например, в области определения компетенции органов местного самоуправления, но сам термин в Законе не определен. Представляется, что значение данного термина требует точного понимания.

Следует также заметить, что в указанном Законе, регулирующем, в том числе, вопросы правовой основы местного самоуправления, не содержится определения такого понятия, как «муниципальные нормативные правовые акты». Сам термин используется в Законе, однако в нем отсутствует дефиниция, раскрывающая содержание соответствующего понятия. Кроме того, в Законе содержится термин «муниципальные правовые акты», например он присутствует в заголовке гл. 6, что указывает на большое значение данного термина, в частности, для регулирования вопросов формирования системы муниципальных правовых актов. Однако дефиниция термина «муниципальные правовые акты» в Законе отсутствует. Отметим, что дефиниция понятия «муниципальный правовой акт» содержалась в Федеральном законе № 131-ФЗ в ст. 2, утратившей силу, и указанный правовой акт определялся как решение, принятое населением муниципального образования непосредственно по вопросам местного значения, либо как решение, принятое органом местного самоуправления, должностным лицом местного самоуправления по вопросам местного значения, вопросам осуществления отдельных государственных полномочий, переданных указанным органам, другим вопросам, отнесенным уставом муниципального образования в соответствии с федеральными законами к указанных полномочиям органов, должностных лиц, документально оформленные, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, устанавливающие, изменяющие общеобязательные правила или имеющие индивидуальный характер.

Проведенный анализ положений Федерального закона № 33-ФЗ, а также научных публикаций позволяет сделать вывод о наличии определенных проблем в правовом регулировании вопросов организации местного самоуправления, в частности, отсутствие в указанном Законе положения, согласно которому в нормативно-правовых актах слова «местный» и «муниципальный», а также образованные на их основе слова, словосочетания применяются в одном значении в случаях, касающихся осуществления вопросов местного самоуправления, а также неопределенность таких терминов, непосредственно связанных с регулированием местного самоуправления, как «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», «вопросы местного значения», «задачи местного самоуправления», «муниципальные правовые акты» и др. Представляется, что для устранения данных проблем необходимо внесение соответствующих изменений в Федеральный закон № 33-ФЗ. В заключении стоит отметить, что упорядочение понятий, терминов Закона, формулирование в нем дефиниций, в которых законодатель дает определение содержания терминов для выражения своей воли, в немалой степени будет способствовать установлению правовой определенности как в правотворческой, так и правореализационной практике, включая правоприменительную практику.

Список литературы:

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ.

2003. № 40. Ст. 3822.

[2] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

[3] Туранин, В.Ю. Значение юридической терминологии для права и особенности ее общеправового исследования / В.Ю. Туранин // Право и образование. 2009. № 3. С. 4-10.

[4] Туранин, В.Ю. Юридическая терминология в ракурсе зарубежного опыта нормативного конструирования / В.Ю. Туранин, Д.А. Волков // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 4. С. 812-818.

[5] Уманцев, Н.В. Трансформация муниципального законодательства: новые горизонты и вызовы / Н.В. Уманцев, К.А. Ершов // Вестник Калужского университета. Серия 3. История. Политика. Право. 2025. № 2(7). С. 158-166.

[6] Пешин, Н.Л. Реформа местного самоуправления в России 2025 года: переход к модели единой публичной власти / Н.Л. Пешин // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 19-28.

[7] Дитятковский, М.Ю. Об определении компетенции местного самоуправления в новом федеральном законе о местном самоуправлении // Правоприменение. 2026. Т. 10, № 1. С. 25-35.

References:

[1] On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on 20.03.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822.

[2] On the general principles of the organization of local self-government in a unified system of public authority: Federal Law of 20.03.2025 No. 33-FZ (ed. 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 12. Art. 1200.

[3] Turanin, V.Yu. The importance of legal terminology for law and the peculiarities of its general legal research/V.Yu. Turanin // Law and education. 2009. № 3. S. 4-10.

[4] Turanin, V.Yu. Legal terminology from the perspective of foreign experience in regulatory design/V.Yu. Turanin, D.A. Volkov // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2022. T. 47, NO. 4. S. 812-818.

[5] Umantsev, N.V. Transformation of municipal legislation: new horizons and challenges/ N.V. Umantsev, K.A. Ershov // Bulletin of Kaluga University. Series 3. History. Politics. Right. 2025. № 2(7). S. 158-166.

[6] Peshin, N.L. Local Government Reform in Russia 2025: Transition to a Model of Unified Public Power/N.L. Peshin // North Caucasian Legal Bulletin. 2026. № 1. S. 19-28.

[7] Dityatkovsky, M.Yu. On the definition of the competence of local self-government in the new federal law on local self-government // Law enforcement. 2026. VOL. 10, NO. 1. S. 25-35.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-70-74

СТРЫГИНА Светлана Владимировна,
кандидат филос. наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, http://orcid.org/0000-0003-0786-9385,
e-mail: naukasvet@yandex.ru

РОЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Аннотация. *Статья посвящена роли права в решении стратегических задач государства по сохранению исторической памяти народа. Подчеркивается, что важность этой задачи доказывается внесенными изменениями в Конституцию Российской Федерации об обязанностях государства сохранять память защитников Отечества. Обращается внимание на необходимость в таком случае эффективного правового регулирования по сбережению культурно - исторического наследия, где немаловажное значение играют памятники, составляющие его стержень. Среди таковых особо выделяются воинские захоронения, имеющие неоценимую значимость в формировании самоидентификации. Отмечается, что большую роль в сохранении исторической памяти имеет конструктивное нормативное регулирование, которое должно отвечать современным требованиям проводимой политики в государстве. Подвергаются анализу принятые в последние годы нормативные акты, регулирующие охрану воинских захоронений. Показана актуальность принимаемых мер и их ценность в увековечении героического прошлого народа, доказывается, что правовое регулирование в этих случаях имеет не только юридический, но и идеологический смысл. В статье раскрываются существующие проблемы в законодательной регламентации, приводящие к недостаточной охране объектов на муниципальном уровне. Обосновывается мысль, что недостатки в правовом регулировании порождают формальные основания для утраты живой истории. Обращается внимание, что отсутствует норма об изъятии земельных участков с воинскими захоронениями, находящимися в региональной и муниципальной собственности из гражданского оборота, что является пробелом в праве. Показано, что мемориалы, памятники представляют исторические объекты как символы памяти и уважения к погибшим защитникам, поэтому должны рассматриваться не как объект обычного имущественного оборота, а как элементы правовой преемственности поколений и уважения к историческому наследию. Утверждается, что нарративные практики легитимируют единство нации. Делается вывод, что правовое регулирование, соответствующее социальным реалиям, создает нормативную базу для формирования единства, самоидентификации народа, способствуя национальной безопасности государства, сохраняя историческую память.*

Ключевые слова: *нормативное регулирование, воинские захоронения, историческая память, пробелы в праве, единство народа, самоидентификация.*

STRYGINA Svetlana Vladimirovna,
Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of the State Theory and Law of Saratov named after N.G. Chernyshevsky

THE ROLE OF LEGAL REGULATION IN THE MEMORIALIZATION OF MILITARY BURIALS IN PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

Annotation. *The article is devoted to the role of law in addressing the state's strategic tasks related to preserving the historical memory of the people. It is emphasized that the importance of*

this task is demonstrated by the amendments made to the Constitution of the Russian Federation regarding the state's obligations to preserve the memory of the defenders of the Fatherland. Attention is drawn to the need for effective legal regulation in this case to safeguard the cultural and historical heritage, in which monuments that form its core play a significant role. Among such monuments, military burial grounds are particularly notable, as they are of inestimable importance in shaping self identification. It is noted that constructive regulatory regulation plays a significant role in preserving historical memory and must meet the modern requirements of the state's policy. The regulatory acts adopted in recent years that govern the protection of military burial sites are analysed. The relevance of the measures taken and their value in perpetuating the heroic past of the people are demonstrated; it is proven that legal regulation in these cases plays not only a legal but also an ideological role. The article reveals the existing problems in legislative regulation that lead to insufficient protection of sites at the municipal level. The idea is substantiated that shortcomings in legal regulation create formal grounds for the loss of living history. Attention is drawn to the fact that there is no provision on the withdrawal of land plots containing military burial sites, which are in regional and municipal ownership, from civil circulation, which constitutes a gap in the law. It is shown that memorials and monuments represent historical objects as symbols of memory and respect for the fallen defenders, and therefore should be considered not as objects of ordinary property circulation, but as elements of the legal continuity of generations and respect for historical heritage. It is claimed that narrative practices legitimize the unity of the nation. It is concluded that legal regulation, which corresponds to social realities, creates a normative framework for the formation of unity and the self identification of the people, contributing to the national security of the state and preserving historical memory.

Key words: *regulatory framework, military burial sites, historical memory, gaps in the law, national unity, self identification.*

Введение

В каждом государстве право обусловлено проводимой политикой по реализации выдвинутых идей. Поэтому от полноты их нормативного регулирования зависит эффективность реализации поставленных задач. Это относится в полной мере к правовой легитимации национальных приоритетов современного развития страны, где выдвинуто сохранение исторической памяти, представляющей российскую духовную ценность. Об этом говорится в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента № 809 от 09.11.2022 [8]. В этом документе выделяется задача обеспечения государственной охраны объектов культурного наследия, к которым относятся памятники истории и культуры, составляющие стержень гигантского ресурса, который может быть успешно использован в глобальной конкуренции государства в современный период [5, С. 5].

Объекты культурного наследия выполняют следующие функции:

Создание национального нарратива, который способствует формированию национальной идентичности при помощи главных идей и ценностей.

Они определяют национальную самобытность народа Российской Федерации и отдельных регионов, складывающуюся на протяжении сотен лет.

Это материальное свидетельство истории и развития той или иной культуры, цивилизации.

Обеспечивают связь поколений как процесс преемственности в развитии человеческого рода.

Особое значение сохранения исторической памяти в нашей стране говорит факт закрепления этого положения в ст. 67.1 Конституции РФ, появившийся после внесения поправок в 2020 году о том, что государство призвано обеспечивать сохранение памяти о защитниках Отечества, о недопущении умаления роли их подвигов.

Обсуждение

Немаловажно значение в сохранении исторической памяти играет нормативное регулирование мер ее охраны, которое должно отвечать современным требованиям проводимой политики. Это прослеживается на том массиве нормативных актов, которые регулируют сохранность памятников истории и культуры. Их статус определяется, в частности, Федеральным законом от 14 января 1993 г. N 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», а также ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ.

Принципиальную важность в сохранении исторической памяти народа имеют такие памятники истории и культуры, как военные обелиски и захоронения. В соответствии с ч. 1, п. 3 ст. 99 Земельного Кодекса РФ военные захоронения относятся к объектам культурного наследия [4].

Придание государственно - правового характера их сохранности укрепляет единство стра-

ны и имеет неоценимое значение в формировании коллективной памяти. Коллективная память связывает поколения посредством нарратива (ощущением связи с прошлым, причастности к его героическому наследию), что есть важнейшее условие непрерывности процесса историко-культурной преемственности и самоидентификации народа. Национальный нарратив формирует чувство причастности к истории своей семьи, родины, поскольку общие символы, могилы героев, защита государством ценностей помогают ощущать граждан единым целым.

Необходимо подчеркнуть, что абсолютное большинство населения страны (не зависимо от возраста), по сведениям Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в 2025-2026 годах накануне Дня Победы, гордится подвигами героев в Великой отечественной войне и считает важным сохранить память о них [3].

Нельзя не упомянуть, что, не смотря на различные задачи, память и история тесно связаны между собой. Корнющенко-Ермолаева Н.С. пишет, что если память формирует ценностное отношение к прошлому, то история стремится к объективности (посредством исторического критицизма и верификации) [6, С. 9].

Придавая большое значение сохранению исторической памяти народа, Правительством РФ было принято Постановление «О некоторых вопросах установки надписей и обозначений на воинские захоронения и памятники Великой Отечественной войны» № 2228 от 21 декабря 2023 года, где впервые была определена установка графических идентификаторов QR-кодов на памятники и воинских захоронения. Это позволяет создать удобный дополнительный мобильный формат распространения достоверной информации о значимых для нашей страны исторических событиях, в том числе среди иностранных туристов и за рубежом.

Ряд внесенных изменений в Федеральный Закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» № N 4292-1 от 14 января 1993 г. позволили присвоить воинским захоронениям статус отдельного вида объектов культурного наследия федерального, регионального и муниципального значения по аналогии с объектами археологического наследия [10].

В Земельном Кодексе РФ закреплено, что из оборота могут изыматься те земельные участки, на которых находятся воинские захоронения при условии, если это относится к федеральной собственности. В то же время отсутствует норма об их изъятии из гражданского оборота, если они находятся в региональной и муниципальной собственности, что означает наличие пробела в праве. Недостатки в правовом регулировании порождают формальные основания для сделок с этими объектами культурного наследия, что может привести к их утрате, не дающей возможность обеспечить защиту в целях мемориализации памяти погибших при защите Отечества.

Особенно остро стоит вопрос в тех случаях, когда захоронения существуют фактически, подтверждаются визуальными признаками (надгробия, ухоженные могилы, памятники), свидетельствами местных жителей, которые их приводят в порядок и спасают, но юридически не признаны, поскольку до сих пор не зарегистрированы. При таких условиях появляются трудности процедурных оснований немедленного реагирования на охрану этих историко - мемориальных ценностей. Это актуально особенно по отношению к тем территориям, где во время Великой Отечественной войны велись бои, а в связи с расширением границ городов, они оказываются в городской зоне.

На региональных и муниципальных территориях существует проблема постановки на кадастровый учет захоронений, подтверждающаяся исками органов прокуратуры о возложении обязанности зарегистрировать право муниципальной собственности на выявленное воинское захоронение. Так, решением Бологовского городского суда Тверской области от 25 декабря 2025 года по исковому заявлению межрайонного прокурора, действующего в интересах неопределенного круга лиц, была возложена обязанность на администрацию муниципального округа зарегистрировать воинское захоронение летчиков, погибших в 1942 году, которое имеется на местном кладбище д. Старый Березай. В процессе судебного заседания было выявлено, что администрацией не проводится уточнение и постановка на кадастровый учет таких священных объектов [11].

Воинские захоронения – это не просто участки, они должны рассматриваться элементом правовой преемственности поколений и уважения к историческому наследию. Мемориалы, памятники, обелиски представляют символы памяти и уважения к погибшим защитникам [2, С. 114].

Важной мерой обеспечения мемориализации воинских захоронений является внесение дополнения в законодательство об установке на них специального знака, указывающего на то, что это место охраняется государством. Специальный знак или табличка сообщает, что объект подпадает под государственную защиту, подразумевая уважительное отношение и запрет на разрушение или осквернение.

В целях обеспечения сохранности воинских захоронений, признанных объектами культурного наследия народов Российской Федерации, в местах, где они расположены, устанавливаются зоны их охраны в порядке, определяемом законо-

дательством Российской Федерации [9].

Результат

Придание легитимации исторической памяти означает ее провозглашение одной из главных ценностей в обществе, поскольку она выступает «хронотопным» единством, позволяющим оценить прошлые события, чтобы продолжать развиваться обществу дальше.

По этой причине имеющееся правовое регулирование предстает социально оправданным, помогающим разрешать проблемы в государстве. Закон должен быть действенным, чтобы содействовать развитию общественных отношений. Вследствие этого получают развитие различные отрасли права, при помощи которых можно легитимировать историческую память.

Право, проявляя свое предназначение инструмента по разрешению имеющихся проблем и противоречий в обществе, может развиваться и в сторону ужесточения, вытесняя негативные формы поведения. В нашей стране законодательство, в соответствии с требованиями поставленных в стране задач, идет по пути ужесточения уголовного наказания в исследуемый области. Поэтому ст. 243. 4 УК РФ (в редакции 04.08.2026 года) расширяя и усиливая ответственность, включает в состав преступления кроме уничтожения, либо повреждения воинских захоронений, еще их осквернение. Вышеуказанное свидетельствует о последовательности проводимой правовой политики, поскольку подобные меры стали ответом на увеличение числа таких резонансных фактов в стране, а потом и на территории недружественных стран.

Решение задач политики по сохранению исторической памяти, укреплению единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности и сохранения общечеловеческих ценностей проявляется в отношении к воинским захоронениям. Той важной части мемориальной культуры, которая служит опорой национального самосознания и единства на разных этапах исторического развития. Отсюда вытекает, что правовое регулирование военных захоронений имеет не только юридический, но и идеологический смысл.

Создание памятников на местах воинских захоронений относится к коммеморативным практикам, имеющим весомость в сохранении исторической памяти, поскольку они направлены на передачу и сохранение памяти о значимых событиях или известных людях прошлого. «Когда возникает поклонение, память в ее основном, опытном смысле превращается в нечто иное: она становится коммеморациями» - писал выдающийся ученый Мегилл Аллан [7, С. 152].

Заключение

В связи с провозглашенной политикой сохранения единства нашего народа, законодательство в этой области все более совершенствуется. В правовой политике государства по сохранению исторической памяти, право и мораль полностью совпадают, они имеют нравственный характер, поскольку противостоят попыткам забвения подвигов народа в Великой Отечественной войне, обеспечивают укрепление гражданского и национального единства.

Это связано с целями сплочения общества, чему способствует сохранение и поддержание культурно - исторических объектов, где особо выделяются военные захоронения, служащие символом народной памяти. Историческое забвение приводит к искажению подвига народа, фальсификации прошлого. Поэтому право призвано быть орудием преобразования общества, будучи средством проведения государственной политики, преодолевая имеющиеся проблемы, направляя ее в сторону прогресса и гуманизма.

Как видно из анализируемых документов, право отражает жизнь во всем ее многообразии, о чем выдающийся ученый С.С. Алексеев пишет: «живет, функционирует в гуще фактических, внешних, практических отношений, является для них особой "формой"» [1, С. 61].

Сохранение исторической памяти – это конституционное право народа, которое требует своевременного нормативного эффективного подтверждения.

Список литературы:

[1] Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — М.: Издательство НОРМА, 2001. 752 с.

[2] Бурганова Г.В. Правовой режим земель гражданских и воинских захоронений. Монография. Казань. 2024. 206 с.

[3] ВЦИОМ: россияне считают важным сохранить память о Великой Отечественной войне. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/istoricheskaja-pamjat-rossijan-o-velikoi-otechestvennoi-voine (дата обращения 27.08.2026).

[4] Земельный кодекс (ЗК РФ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147.

[5] Клебанов Л. Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана: монография. 3-е изд., испр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 168 с.

[6] Корнющенко-Ермолаева Н.С. Коллективная память как социальный феномен и её роль в развитии современного общества. Автореферат дисс.канд филос наук. Томск, 2022. 19 с.

[7] Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.

[8] Об утверждении Основ государственной

политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (с изменениями и дополнениями). Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, 14 ноября 2022 г. N 46 ст. 7977.

[9] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 119 // СЗ РФ. 2021. № 18. Ст. 3063.

[10] Об увековечении памяти погибших при защите Отечества. Федеральный Закон N 4292-1 от 14 января 1993 г (с измен на. 8 февраля 2025 г.) // Российская газета от 17 февраля 1993 г.

[11] Решение № 2А-123/2026 2А-123/2026(2А-857/2025;)~М-808/2025 2А-857/2025 М-808/2025 от 5 февраля 2026 г. по делу № 2А-123/2026. Бологовский городской суд (Тверская область) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/YCcfll2tPLrn/.

References:

[1] Alekseev S. S. Ascent to law. Searches and solutions. - M.: Publishing house NORMA, 2001. 752 pp.

[2] Burganova G.V. Legal regime of lands of civil and military graves. Monograph. Kazan. 2024. 206 pp.

[3] VTsIOM: Russians consider it important to preserve the memory of the Great Patriotic War. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/istoricheskaja-pamjat-rossijan-o-velikoi-otechestvennoi-voine (дата обращения 27.08.2026).

[4] Land Code (PC RF) // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 44 Art. 4147 dated October 29, 2001.

[5] Klebanov L. R. Historical and cultural monuments: legal status and protection: monograph. 3rd ed., Rev. M.: Norm: INFRA-M, 2021. 168 pp.

[6] Kornyushchenko-Ermolaeva N.S. Collective memory as a social phenomenon and its role in the development of modern society. Abstract of thesis of philos sciences. Tomsk, 2022. 19 pp.

[7] Megill A. Historical epistemology. M.: "Canon+" ROOI "Rehabilitation," 2007. 480 s.

[8] On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values (as amended and supplemented). Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 // Collection of legislation of the Russian Federation, November 14, 2022 N 46 Art. 7977.

[9] On amending certain legislative acts of the Russian Federation. Federal Law of April 30, 2021 No. 119 // SZ RF. 2021. № 18. Art. 3063.

[10] On perpetuating the memory of those killed in the defense of the Fatherland. Federal Law No. 4292-1 of January 14, 1993 (from change to. February 8, 2025) // Rossiyskaya Gazeta dated February 17, 1993.

[11] Decision No. 2A-123/2026 2A-123/2026 (2A-857/2025;) ~ M-808/2025 2A-857/2025 M-808/2025 of February 5, 2026 in case No. 2A-123/2026. Bologovsky City Court (Tver Oblast) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/YCcfll2tPLrn/.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-75-79

СТАРИКОВА Мария Константиновна,
старший преподаватель кафедры трудового и экологического права, Юридический институт Сибирский федеральный университет, г. Красноярск,
e-mail: mstarikova@sfu-kras.ru

НЕЙРОДАННЫЕ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема правового регулирования нейротехнологий и нейроданных в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием нейротехнологий, расширяющих возможности по фиксации, анализу и манипуляции мозговой активностью человека, что порождает значительные риски для психической целостности личности, когнитивной свободы и приватности. В работе анализируются положения Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федерального закона № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан» применительно к правовому статусу нейроданных. Автор приходит к выводу, что действующее российское законодательство не выделяет нейроданные в отдельную категорию информации с особым правовым режимом, в связи с чем возникает правовая неопределенность: нейроданные могут одновременно квалифицироваться как биометрические персональные данные, сведения о состоянии здоровья или медицинская тайна, что влечёт различные требования к их обработке и защите. В статье обосновывается необходимость закрепления нейроданных в качестве особой категории персональных данных, требующей усиленного режима правовой охраны. Анализируются подходы к формированию института нейроправ в международном праве и зарубежном законодательстве, в частности, опыт Чили, США и рекомендации ЮНЕСКО. Автор предлагает формирование специальной правовой категории, охватывающей такие права, как психическая неприкосновенность, когнитивная свобода и психическое самоопределение, а также расширительное толкование уже существующих прав - на уважение частной жизни, достоинство личности и свободу мысли. Сделан вывод о том, что нейроправа следует рассматривать как логическое развитие действующего права, направленного на защиту психической целостности личности в условиях цифровой трансформации.*

Ключевые слова: *нейротехнологии, нейроданные, персональные данные, биометрические данные, нейроправа, психическая целостность, когнитивная свобода.*

STARIKOVA Mariia Konstantinovna,
Senior lecturer of the Department of Labor and Environmental Law, Law institute Siberian federal university Krasnoyarsk

NEURONAL DATA AS A SPECIAL CATEGORY OF PERSONAL DATA

Annotation. *The article discusses the problem of legal regulation of neurotechnology and neurodata in the Russian Federation. The relevance of the research is due to the rapid development of neurotechnologies that expand the possibilities for recording, analyzing and manipulating human brain activity, which poses significant risks to the mental integrity of the individual, cognitive freedom and privacy. The paper analyzes the provisions of Federal Law №. 152-FZ "On Personal Data" and Federal Law №. 323-FZ "On Public Health Protection" in relation to the legal status of neural data. The author concludes that current Russian legislation does not classify neural data into a separate category of information with a special legal regime, which creates legal uncertainty: neural data can simultaneously be classified as biometric personal data, health information, or medical secrets, which entails different requirements for their processing and protection. The article substantiates the need to consolidate neural data as a special category of personal data requiring enhanced legal protection. The article analyzes approaches to the formation of the institute of neuro-law in international law and foreign legislation, in particular, the experience of Chile, the United States and UNESCO recommendations. The author suggests the formation of a special legal category covering*

such rights as mental integrity, cognitive freedom, and mental self-determination, as well as an expanded interpretation of existing rights to respect for privacy, personal dignity, and freedom of thought. It is concluded that neuro-law should be considered as a logical development of the current law aimed at protecting the mental integrity of the individual in the context of digital transformation.

Key words: *neurotechnology, neuro-data, personal data, biometric data, neuro-law, mental integrity, cognitive freedom.*

Введение

В связи с развитием нейротехнологий, происходит цифровая трансформация в различных сферах, таких как экономика, образование и здравоохранение, а также происходят изменения и в правовой сфере. Это связано с тем, что при применении нейротехнологиий возможно фиксировать, анализировать и манипулировать мозговой активностью при помощи различных цифровых устройств.

Под нейротехнологиями следует понимать такие технологии, которые позволяют регистрировать, анализировать, воспроизводить нейронную активность, при применении нейронных интерфейсов, с помощью которых представляется возможным анализировать мозговую деятельность, а также исследовать когнитивные процессы. Следовательно, нейротехнологии могут использоваться с целью проведения экспериментальных исследований, путем проведения МРТ для визуализации головного мозга.

Такие технологии могут применяться для изучения работы мозга, исследования когнитивных функций, а также могут помочь в выявлении патологических состояний больных при различных заболеваниях нервной системы.

На сегодняшний день, появились различные нейроинтерфейсы, в частности нейроимпланты, которые могут интегрироваться с нейронными сетями мозга а также нейроинтерфейсы «мозг-компьютер». Однако, правовое регулирование нейротехнологий в действующем российском законодательстве не закреплено. Кроме того, закрепление регулирования является выжным, так как применение и использование нейротехнологий может существенно повлиять на здоровье, сознание, психику и поведение человека, что сопряжено с определёнными рисками.

Основные риски, которые могут быть связанны с нейротехнологиями, можно разделить на три ключевые группы.

К первой группе следует относить медико-биологические риски. В результате любых повреждений мозга, имплантируемые электроды, могут вызвать отторжения, а также различные воспалительные реакции. Также, при нейростимуляции мозга, возможен риск внезапных побочных явлений, которые могут повлиять на изменение поведения, а также когнитивных функций, которые ставят под сомнение границы личной свободы, кроме того появляется риск возникновения зависимости от внедрения нейроустройств (например, при управлении парализованными конечностями).

Ко второй группе можно относить технологические риски. Это возможность взлома нейроинтерфейсов, технические сбои в работе устройств и потенциальная необратимость вызванных ими изменений.

К третьей группе следует относить правовые и этические риски. Среди них можно выделить: опасения, связанные с автономией, конфиденциальностью, справедливостью и ответственностью.

Следовательно, применение нейротехнологий должно строиться на принципе баланса между начуно-техническим прогрессом, который демонстрирует новые перспективы для социума и страны, а также должно выражаться в обеспечение безопасности неотчуждаемых прав человека и личности.

Таким образом, констатируем, что использование нейротехнологий может использоваться для оценки эффективности реабилитационных мероприятий, особенно для людей с неврологическими расстройствами, а также при проведении диагностических исследований. При этом внедрение данных технологий сопряжено с рисками, связанными с этическими, технологическими и другими аспектами. Поэтому предметом нашего исследования являются риски, которые возникают в связи с использованием нейротехнологий, а также меры, которые, по нашему мнению, нужно предпринять для их нивелирования.

Основное исследование

В законодательстве Российской Федерации не содержится конкретного закона, в котором введен термин - «нейротехнологии». Так, в ГОСТе от 23.12.2020 Р 59277-2020 под названием «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» понятие нейротехнологии закреплено, как - «технологии, которые используют или помогают понять работу мозга, мыслительные процессы, высшую нервную деятельность, в том числе технологии по усилению, улучшению работы мозга и психической деятельности».

Международным комитетом по биоэтике Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) преду-

смотрено разделение нейротехнологий на такие виды, как нейровизуализирующие и нейромодулирующие [1].

В Рекомендациях Совета по ответственным инновациям в области нейротехнологий, принятых Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2025 году, нейроданные содержат следующее определение - это такие сведения, в которых содержится специфическая и функциональная информация о состоянии здоровья, психической сфере и физиологических характеристиках человека.

Действующее российское законодательство не выделяет нейроданные в отдельную категорию информации с особым правовым режимом. Отсутствие специального регулирования создает правовую неопределенность: нейроданные могут квалифицироваться одновременно по нескольким основаниям, каждое из которых влечет различные требования к обработке и защите [2, 131].

Согласно ст.1 ФЗ № 152-ФЗ, ПД – это такие сведения медицинского характера, полученные после проведения диагностических исследований, как ЭЭГ или МРТ. Следовательно, можно сделать вывод, что к персональным данным, относится «любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определённому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

В контексте законодательства ФЗ № 152-ФЗ о персональных данных следует отметить, что правовой режим нейроданных не является единым: он варьируется в зависимости от характера собираемой информации:

Биометрические персональные данные: так на основании сведений о физиологических и биологических особенностях человека, можно установить его личность. Метод ЭЭГ, направлен на изучение мозговой активности, в процессе которого возможна детализация некоторых физиологических особенностей. Собственно, с целью установления личности, (к примеру, по уникальному рисунку отпечатка пальца, представляется возможным разблокировать мобильный телефон), данные сведения следует отождествлять биометрическими;

Законодательство выделяет специальные категории персональных данных, к которым относится информация о состоянии здоровья, интимной жизни, расовой и национальной принадлежности, наличии судимости, политических и религиозных убеждениях.

Так, особые условия обработки специальных и биометрических персональных данных закреплены в статьях 10 и 11 Федерального закона № 152 ФЗ. Часть 1 статьи 11 предусматривает обязательное получение письменного согласия субъекта в случаях, когда биометрические персональные данные обрабатываются для идентификации личности. Следовательно, если нейроданные квалифицируются как биометрические персональные данные, их обработка для целей идентификации также будет обусловлена необходимостью получения согласия субъекта.

В связи с этим возникает вопрос: «а следует ли получать данное согласие, если цели обработки нейроданных носят иной, не идентификационный характер»?

Так, согласно ч. 4 ст. 10 возможна обработка специальных категорий персональных данных, если она осуществляется в медико-профилактических целях, в целях установления медицинского диагноза, оказания медицинских и медико-социальных услуг, с учётом того, что обработка таких данных проводится лицом, профессионально занимающимся медицинской деятельностью и обязанным в соответствии с законодательством Российской Федерации сохранять врачебную тайну.

Законодателем предусмотрены такие ключевые элементы как:

медицинские цели – используемые для целевого назначения и обработки таких данных;

медицинский работник, который обязан в соответствии с возложенной на него обязанностью сохранять врачебной тайны, является специальным субъектом.

Таким образом, можно констатировать, что к нейроданным, относится содержательная сторона психической деятельности человека, а не физические параметры, которые представляют биометрию (геометрия лица, отпечатки пальцев, голос, манера поведения). Поэтому, нейроданные не сталкиваются с традиционными биометрическими персональными данными, то есть по содержанию они выходят за рамки привычной биометрии.

Проанализировав ФЗ № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан» нейроданные можно отнести к сведениям, которые составляют медицинскую тайну. Например, если нейроданные получены в рамках медицинского обследования (ЭЭГ) или используются для диагностики, то данные сведения будут относиться к медицинской тайне. Это означает, что медицинская организация обязана обеспечивать конфиденциальность данных.

Однако существуют следующие риски. В результате использования таких технологий, появляется возможность регистрации активности нервной системы человека, мозга, а также других элементов нервной системы, которые позволяют сделать выводы о намерениях, воспоминаниях, а также когнитивных способностях человека. Появляется возможность «считывания» мыслей, намерений, эмоционального состояния. Кроме того, возможна манипуляция сознания, путём навязывания эмоций и мыслей через нейростимуляцию.

Следующий риск относится к дискриминации в трудовых отношениях, так как использование нейроданных может применяться для оценки когнитивных способностей работника еще на этапе собеседования, а также может стать причиной расторжения трудового договора.

На основе действующего законодательства можно выделить следующие категории: нейроданные, которые используются для идентификации, т.е. биометрия. Нейроданные, раскрывающие состояние здоровья человека, относящиеся к специальной категории и нейроданные, полученные в медицинских целях, которые составляют медицинскую тайну.

Концепция «нейроправ» (нейротехнологий) обсуждается в доктрине международного и национального права, а также в контексте этики. Эта концепция предполагает: пересмотр понятия прав человека через включение ментальной сферы как объекта правовой охраны - в целях недопущения неконтролируемого вмешательства нейротехнологий и законодательного закрепления позитивной свободы в отношении изменения психических процессов.

Так, Д. М. Алиев в своей статье «Концепция целостности личности и нейроправа: обзор дискуссионных вопросов» анализируют вызовы, создаваемые развитием нейротехнологий, и обсуждает различные доктринальные подходы к защите психической целостности. Автор соглашается с существующей точкой зрения, согласно которой «нейроправа» следует рассматривать не как абсолютно новые права, а как логическое развитие уже давно существующих прав, а именно права на психическую целостность личности.

Роберто Андорно, в своей работе «Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology», провел параллельный анализ новых тенденций в нейротехнологиях и положений о правах человека и пришел к выводу, что возможности, открываемые нейротехнологическими разработками, заставят пересмотреть концепцию определённых прав человека, а возможно и создадут новые права для защиты людей от потенциального вреда.

Собственно, Р. Андорно определил четыре классификации нейроправ: «право на когнитивную свободу, право на психическую неприкосновенность, право на психическую целостность и право на преемственность личности».

М. Йенка, определяет «нейроправа», как этические, правовые, социальные и естественные принципы свободы человека, которые действуют исключительно к человеческому головному и ментальному пространствам [4, 1373].

Соответственно, можно выделить некоторые подходы к концепции:

Представляется необходимым формирование специальной правовой категории, охватывающей такие права, как психическая неприкосновенность, когнитивная свобода и психическое самоопределение, а также расширительное толкование уже существующих прав: на уважение частной жизни, достоинство личности и свободу мысли [3].

Таким образом, нейроданные, полученные вне этих категорий имеют в настоящее время правовой пробел в российском законодательстве.

В соответствии с вышесказанным, требуется закрепить особый правовой режим нейроданных, как для особой категорию информации, которая должна находиться под специальной защитой. Поскольку, такие данные позволяют считывать мысли, намерения, сознание, возникают риски манипулирования личностью, риски дискриминации по когнитивным свойствам человека, а также и по когнитивным способностям.

Считаем, что необходимо признать нейроданные, как особую категорию персональных данных с усиленным режимом, поскольку изначально методы сканирования мозговой активности разрабатывались для медицинских и прочих научно-исследовательских целей, однако, прогресс в области нейротехнологий ежедневно расширяет возможности по анализу и коммерциализации ментальных данных человека. В связи с этим происходит подъем этических, социальных и правовых проблем работы с такими данными.

В течение последнего года два штата США, Колорадо и Калифорния, включили нейроданные в перечень персональных данных. В Колорадо нейроданные отнесены к категории чувствительных персональных данных, в Калифорнии – к категории биологических данных.

Управление Комиссара по информации Великобритании (ICO) определяет нейроданные не только как первичные сведения, непосредственно получаемые из нервной системы человека (включая как головной мозг, так и всю нервную систему), но также как производные выводы, построенные на основе таких данных.

Европейский надзорный орган по защите данных (EDPS) совместно с испанским управлением по защите данных (AEPD) указывают на необходимость применения к обработке нейроданных не только общих принципов защиты данных, но и специальных требований, установленных для особых категорий — в частности, биометрических персональных данных и сведений о состоянии здоровья [5].

В Чили введена поправка в Конституцию, которая направлена на сохранение умственной работоспособности, а также приобретенной из этого информации. Кроме того, введена концеп-

ция регулирования нейротехнологий для защиты мозговой деятельности и нейроданных от потенциальных нарушений.

В ноябре 2025 года ЮНЕСКО разработан проект Рекомендаций об этике нейротехнологий, закрепляющий принципы неприкосновенности человеческого сознания и предотвращение несанкционированного использования нейронных данных и иных злоупотреблений.

Заключение

Основываясь на текущем российском законодательстве, можно сделать вывод, что данные нейровизуализации (нейроданные) являются специальной категорией данных (ст. 10 ФЗ № 152-ФЗ) (к примеру, инофрмация о состоянии здоровья). Однако, нейроданные также могут показывать наличие медицинских болезней в случае, когда нейроданные используют для управления нейроинтерфейсами (в том случае, когда системы для обмена информацией между мозгом и электронным устройством были специально разработаны).

Кроме того, суждение, что нейроданные следует относить к биометрическим данным является неоднозначным. Согласно (ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ): «под биометрическими персональными данными понимаются сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных». Следовательно при использовании нейроданных не всегда удается установить личность конкретного гражданина.

Таким образом, в ходе проведенного исследования автор приходит к выводу, что выявлена правовая неопределенность в отнесении нейроданных к какой-либо категории персональных данных, в связи с чувствительными особенностями нейронных данных, а также необходимостью соблюдения баланса между развитием инноваций и защитой прав человека могут быть спроектированы и внедрены нормативные стандарты или же поправки к законодательству в области персональных данных.

Также, рекомендуем закрепить понятие «нейроправа», как новые права, направленные на защиту психологической целостности от неправомерного использования нейротехнологий. Например, право на когнитивную свободу (право свободного использования нейротехнологий в личных целях) или право на неприкосновенность мыслительной деятельности (защита мозговой активности как самостоятельного источника данных).

Список литературы:

[1] Штодина Д. Д. «Нейропространство» и права человека: дискуссионные аспекты // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51. № 4. С. 66-79. DOI: 10.17323/tis.2024.23973.

[2] Никишин В. Д. Правовая и нейроправовая экспертиза информационных материалов: потенциал нейротехнологий для противодействия когнитивным угрозам и разработки моделей правового регулирования медиасреды. Lex russica. 2026. Т. 79. № 5. С. 120–138. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.120-138..

[3] Крылатова И. Ю. Природа нейроправ человека и достоинства личности в условиях развития нейротехнологий, особенности их этико-правового регулирования // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 4. С. 104–112. DOI 10.35853/ vestnik.gu.2024.12-4.08.

[4] Бушкова А.В. Права человека в условиях развития нейротехнологий / А.В. Бушкова, Е.Л. Иванова. — DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(4).1371- 1379. - EDN XNQSKX // Baikal Research Journal. - 2025. - Т. 16, № 4. - С. 1371–1379.

[5] Жарова А.К. От битов к мыслям: классификация нейроданных в контексте защиты информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. №b1(48). С. 44–50. DOI: 10.47475/2311- 696X-2026-48-1-44-50.

References:

[1] D. D. Stodin "Neurospace" and Human Rights: Discussion Aspects // Works on Intellectual Property. 2024. VOL. 51. № 4. S. 66-79. DOI: 10.17323/tis.2024.23973.

[2] Nikishin V. D. Legal and neuro-legal expertise of information materials: the potential of neurotechnologies to counter cognitive threats and develop models of legal regulation of the media environment. Lex russica. 2026. T. 79. № 5. S. 120-138. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.120-138..

[3] Krylatova I. Yu. The nature of human neurorights and individual dignity in the context of the development of neurotechnologies, the peculiarities of their ethical and legal regulation // Bulletin of the Humanitarian University. 2024. T. 12, NO. 4. S. 104-112. DOI 10.35853/ vestnik.gu.2024.12-4.08.

[4] Bushkova A.V. Human Rights in the Development of Neurotechnologies/A.V. Bushkova, E.L. Ivanova. — DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(4).1371- 1379. - EDN XNQSKX // Baikal Research Journal. - 2025. - T. 16, NO. 4. - S. 1371-1379.

[5] Zharova A.K. From bits to thoughts: classification of neurodata in the context of information protection // Law and order: history, theory, practice. 2026. №b1(48). S. 44-50. DOI: 10.47475/2311- 696X-2026-48-1-44-50.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-80-86

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧЕРНЫШЁВА Ольга Валериевна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСКОЛКОВ Александр Валерьевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

БЕЛОКУРОВ Геннадий Иванович,
Доцент кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

СОКОЛОВ Павел Сергеевич,
старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки ФКОУ ВО Пермского института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ "БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ" (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ МВД И ФСИН)

Аннотация. *Подготовка сотрудников правоохранительных органов по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» приобретает особую значимость в условиях роста профессиональных рисков, чрезвычайных ситуаций и повышенных требований к сохранению жизни и здоровья личного состава. Для подразделений МВД и ФСИН данная дисциплина является не только элементом образовательной программы, но и важным инструментом формирования готовности к действиям в условиях угроз различного характера: от бытовых и техногенных опасностей до служебных экстремальных ситуаций.*

Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования подходов к обучению, учитывающих специфику служебной деятельности, высокий уровень стресса и ответственность за безопасность как самих сотрудников, так и окружающих. В статье рассматриваются основные проблемы подготовки правоохранительных органов по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности», а также поднимается вопрос о повышении практической направленности обучения на примере МВД и ФСИН.

Ключевые слова: *безопасность жизнедеятельности; профессионально-прикладная направленность; уголовно-исполнительная система; профессиональная безопасность; подготовка кадров.*

KAZNACHEV Valery Alexandrovich,
Candidate of Psychological Sciences Associate Professor of the Department of Physics, fire and tactical-special training Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

CHERNYSHEVA Olga Valerievna,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor associate professor of the department social and humanitarian disciplines Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

OSKOLKOV Alexander Valerievich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines and organization of execution of punishments, not related to the isolation of convicts from society Pskov branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

BELOKUROV Gennady Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Physical Training and Sports Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

SOKOLOV Pavel Sergeevich,
Senior Lecturer, Department of Fire and Physical Training, Federal Educational Institution of Higher Education, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF TRAINING OF LAW ENFORCEMENT EMPLOYEES IN THE DISCIPLINE "LIFE SAFETY" (BASED ON THE EXAMPLE OF EMPLOYEES OF THE MIA AND FSIN)

Annotation. *Training of law enforcement officers in the discipline “Life Safety” is of particular importance in the context of increasing professional risks, emergency situations and increased requirements for preserving the life and health of personnel. For departments of the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service, this discipline is not only an element of the educational program, but also an important tool for developing readiness to act in the face of threats of a different nature: from domestic and man-made dangers to work-related extreme situations.*

The relevance of the topic is due to the need to improve approaches to training that take into account the specifics of work activities, high levels of stress and responsibility for the safety of both the employees themselves and those around them. The article discusses the main problems of training law enforcement agencies in the discipline “Life Safety”, and also raises the issue of increasing the practical orientation of training using the example of the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service.

Key words: *life safety; professional and applied orientation; penal system; professional safety; personnel training.*

Подготовка сотрудников правоохранительных органов по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» имеет для МВД и ФСИН не только образовательное, но и прикладное значение, поскольку именно эти ведомства работают в условиях повышенного риска для жизни, здоровья и психологической устойчивости личного состава. В отличие от гражданских организаций, где вопросы безопасности часто сводятся к соблюдению общих регламентов, для сотрудников правоохранительной системы БЖД выступает инструментом профессиональной готовности к действиям в экстремальной и нередко быстро меняющейся обстановке. От уровня такой подготовки напрямую зависят сохранение жизни сотрудников, эффективность выполнения служебных задач и снижение числа травм, профессиональных заболеваний и чрезвычайных происшествий. Специфика деятельности МВД и ФСИН определяет содержание обучения: сотрудники сталкиваются с физическим сопротивлением, угрозой применения оружия, пожарами, массовыми беспоряд-

ками, транспортными происшествиями, воздействием опасных веществ, а в учреждениях ФСИН — еще и с рисками, связанными с замкнутыми пространствами, высокой плотностью контингента, возможностью групповых нарушений режима и эпидемиологическими угрозами. Поэтому дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» должна быть ориентирована не на абстрактное усвоение норм, а на развитие устойчивых навыков оценки опасностей, принятия решений в условиях дефицита времени и грамотного применения средств индивидуальной и коллективной защиты.

Важным направлением подготовки является формирование у обучающихся понимания того, что безопасность в правоохранительной деятельности носит комплексный характер. Она включает физическую, техническую, медицинскую, психологическую и организационную составляющие. Например, сотрудник должен уметь не только правильно действовать при пожаре или массовом отравлении, но и распознавать признаки стрессового перенапряжения, уметь работать в средствах защиты, оказывать первую помощь, соблюдать правила эвакуации и взаимодействовать с другими подразделениями. Такой подход особенно актуален для МВД, где оперативность реагирования и мобильность имеют решающее значение, и для ФСИН, где профилактика чрезвычайных ситуаций связана с постоянным контролем режимной обстановки.

Отдельного внимания требует практико-ориентированная форма обучения. Традиционные лекционные методы недостаточны, если они не дополняются тренингами, ситуационными задачами, моделированием чрезвычайных обстоятельств и отработкой алгоритмов поведения. Эффективность подготовки возрастает, когда обучающиеся участвуют в разборе реальных инцидентов, анализируют ошибки, учатся прогнозировать развитие опасной ситуации и выбирать оптимальный способ действий. Для ведомственных образовательных организаций особенно важна интеграция БЖД с огневой, тактической, строевой и медицинской подготовкой, поскольку именно в их сочетании формируется реальная готовность к службе. Таким образом, подготовка сотрудников МВД и ФСИН по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» должна рассматриваться как системный элемент профессионального образования. Ее цель заключается не только в передаче знаний о возможных опасностях, но и в формировании культуры безопасности, ответственности за личную и коллективную защищенность, а также способности действовать уверенно и грамотно в экстремальных условиях. Именно такой подход позволяет повысить устойчивость правоохранительных органов к рискам служебной деятельности и обеспечить более высокий уровень защищенности общества в целом.

Подготовка сотрудников правоохранительных органов по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» приобретает особую значимость в условиях усложнения социальной обстановки, роста техногенных рисков, распространения экстремальных ситуаций и повышения требований к профессиональной устойчивости личного состава. Для подразделений МВД и ФСИН данная дисциплина выступает не только как элемент общей образовательной подготовки, но и как важнейший компонент формирования готовности к действиям в условиях, сопряжённых с угрозой для жизни, здоровья и психологического состояния сотрудников. Специфика служебной деятельности в этих ведомствах предполагает постоянное взаимодействие с источниками повышенной опасности: правонарушителями, агрессивной средой, чрезвычайными происшествиями, пожарами, авариями, массовыми беспорядками, а также с последствиями природных и техногенных катастроф. В связи с этим вопрос качественного обучения основам безопасности жизнедеятельности выходит за рамки теоретического знания и напрямую связан с практической результативностью службы. Проблема подготовки по данной дисциплине заключается в том, что традиционные подходы к преподаванию нередко оказываются недостаточно адаптированными к реальным условиям служебной деятельности сотрудников МВД и ФСИН. Формальное усвоение нормативно-правовых основ, общих правил охраны труда, первой помощи и действий в чрезвычайных ситуациях не обеспечивает сформированности устойчивых навыков безопасного поведения и принятия решений в обстановке дефицита времени, стресса и неопределённости. Между тем именно такие условия являются типичными для деятельности сотрудников правоохранительных органов. Следовательно, обучение должно быть ориентировано не только на передачу знаний, но и на развитие практических умений, профессиональной бдительности, способности к быстрому анализу обстановки и выбору адекватных мер защиты.

Особую актуальность рассматриваемая проблема приобретает в системе МВД, где сотрудники ежедневно сталкиваются с рисками при охране общественного порядка, задержании правонарушителей, сопровождении массовых мероприятий и ликвидации последствий инцидентов. В ФСИН значительная часть угроз связана с пребыванием в замкнутой режимной среде, высокой вероятностью конфликтных ситуаций, рисками применения насилия, распространением инфекционных заболеваний, возможными пожарами и нарушениями санитарно-гигиенических требова-

ний. Таким образом, содержание дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» должно учитывать ведомственную специфику и формировать у сотрудников способность действовать не только в стандартных, но и в нестандартных, опасных и кризисных ситуациях. Введение в проблему подготовки по данной дисциплине также связано с необходимостью переосмысления её места в системе профессионального образования. Безопасность жизнедеятельности следует рассматривать как междисциплинарную основу, связывающую правовые, организационные, медицинские, психологические и тактические аспекты служебной деятельности. Такой подход позволяет обеспечить целостное представление о рисках и способах их предупреждения. Кроме того, он способствует формированию у будущих и действующих сотрудников культуры безопасности, что особенно важно в условиях высокой профессиональной нагрузки и постоянного взаимодействия с опасными факторами. Таким образом, проблема подготовки сотрудников правоохранительных органов по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» обусловлена как объективной спецификой службы, так и необходимостью повышения уровня профессиональной защищённости личного состава. Для МВД и ФСИН это не второстепенное направление обучения, а практическая необходимость, от которой зависит сохранение жизни и здоровья сотрудников, устойчивость их служебной деятельности и эффективность выполнения возложенных на них задач.

Профессиональная деятельность сотрудников МВД и ФСИН отличается высокой степенью напряженности, обусловленной не только юридической сложностью выполняемых задач, но и постоянным воздействием факторов, создающих угрозу жизни, здоровью и психологическому благополучию. Специфика профессиональных рисков в этих ведомствах определяется необходимостью действовать в условиях противодействия со стороны правонарушителей, ограниченного времени на принятие решений, высокой ответственности за последствия и регулярного контакта с агрессивной средой. В системе МВД основными угрозами выступают риск вооруженного нападения, физического сопротивления при задержании, участие в массовых беспорядках, дорожно-транспортные происшествия при несении службы, а также воздействие стрессовых ситуаций при работе с жертвами преступлений, несовершеннолетними правонарушителями и лицами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Для сотрудников патрульно-постовой службы, следствия, уголовного розыска и подразделений специального назначения характерна необходимость оперативного реагирования в условиях неопределенности, что повышает вероятность ошибок и травматизма.

Не менее сложен характер рисков в деятельности ФСИН. Здесь профессиональные угрозы связаны с постоянным нахождением в замкнутом пространстве учреждений исполнения наказаний, контактом с осужденными, значительная часть которых обладает выраженной криминальной субкультурой и может демонстрировать агрессивное, манипулятивное либо скрытое деструктивное поведение. Сотрудники пенитенциарной системы сталкиваются с опасностью группового неповиновения, захвата заложников, нападений с применением самодельных предметов и холодного оружия, а также с рисками при конвоировании и охране спецконтингента. Дополнительную угрозу представляют санитарно-эпидемиологические факторы: распространение инфекционных заболеваний, контакт с биологически опасными материалами, повышенная вероятность травм в условиях ограниченного пространства и нарушения режима безопасности. Общей особенностью профессиональной среды МВД и ФСИН является высокая психоэмоциональная нагрузка. Регулярное пребывание в ситуации конфликта, необходимость сохранять самообладание, принимать решения в экстремальных условиях и одновременно соблюдать требования законности формируют хронический стресс. Это способствует развитию профессионального выгорания, снижению внимания, ухудшению сна, повышенной раздражительности и эмоциональному истощению. В результате возрастает вероятность ошибок, которые могут привести как к травмированию самого сотрудника, так и к угрозе для окружающих. Кроме того, в обеих системах значимым риском является неблагоприятное воздействие служебного режима: ненормированный рабочий день, ночные дежурства, недостаточная восстановительная пауза, высокая плотность контактов с конфликтными и асоциальными лицами.

Отдельного внимания заслуживают психологические угрозы, связанные с накоплением травматического опыта. Сотрудники МВД и ФСИН нередко становятся свидетелями насилия, смерти, жестокого обращения и иных тяжелых событий, что может приводить к посттравматическим стрессовым реакциям. При отсутствии своевременной профилактики и поддержки подобные состояния отрицательно влияют на работоспособность, дисциплину и качество исполнения служебных обязанностей. Таким образом, профессиональные риски в деятельности сотрудников МВД и ФСИН имеют комплексный характер, сочетая физические, психологические, социальные и санитарно-гигиенические угрозы. Это требует целенаправленной подготовки по дисциплине

«Безопасность жизнедеятельности», ориентированной не только на знание нормативных требований, но и на формирование устойчивых навыков поведения в опасных ситуациях, самоконтроля, командного взаимодействия и профилактики служебных травм.

Формирование компетенций по безопасности жизнедеятельности у сотрудников правоохранительных органов должно носить прикладной и непрерывный характер, поскольку их профессиональная деятельность связана с воздействием широкого спектра опасных факторов: от физического противодействия правонарушителей и применения специальных средств до работы в условиях пожара, массовых беспорядков, эпидемиологических угроз и техногенных аварий. Для МВД и ФСИН особенно важно, чтобы знания по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» не ограничивались теоретическим усвоением норм и правил, а превращались в устойчивые алгоритмы действий, позволяющие минимизировать риски для сотрудников, задержанных, осужденных и гражданского населения. Практическая подготовка должна опираться на моделирование типичных и экстремальных ситуаций служебной деятельности. Например, для сотрудников полиции это могут быть сценарии задержания вооруженного правонарушителя, эвакуации граждан из здания при угрозе возгорания, оказания первой помощи пострадавшему до прибытия медиков, взаимодействия при ликвидации последствий дорожно-транспортного происшествия. Для работников ФСИН актуальны тренировки по предупреждению и пресечению групповых неповиновений, действиям при обнаружении пожара или задымления в режимном объекте, обеспечению личной и коллективной безопасности при конвоировании и приеме спецконтингента. Такие занятия позволяют развивать не только профессиональную осведомленность, но и быстроту принятия решений, стрессоустойчивость, умение действовать в составе подразделения.

Важнейшим элементом формирования компетенций является междисциплинарная интеграция. Безопасность жизнедеятельности должна преподаваться не изолированно, а в увязке с тактико-специальной подготовкой, огневой подготовкой, медицинской подготовкой, психологической подготовкой и правовыми основами служебной деятельности. Это дает возможность сотруднику воспринимать безопасность не как отдельный учебный предмет, а как практический принцип организации всей службы. Особенно значимо освоение правил использования индивидуальных средств защиты, средств связи и наблюдения, а также соблюдение требований охраны труда и режима служебного времени, поскольку нарушение даже формально незначительных инструкций может привести к тяжелым последствиям. Отдельное внимание следует уделять формированию навыков оказания первой помощи. В условиях службы именно сотрудники правоохранительных органов нередко оказываются первыми на месте происшествия. Умение остановить кровотечение, провести сердечно-легочную реанимацию, правильно эвакуировать пострадавшего, распознать признаки шока или отравления существенно повышает шансы на сохранение жизни до прибытия специализированных служб. Для этого необходимо регулярное практическое отрабатывание соответствующих действий на тренажерах, манекенах и в учебно-имитационной среде, а также проверка знаний не только в форме тестирования, но и в ходе ситуационных задач.

Эффективность формирования компетенций повышается при использовании методов проблемного обучения, деловых игр, кейс-метода и разборов реальных служебных случаев. Анализ происшествий, допущенных ошибок и правильных решений помогает сотрудникам лучше понимать причинно-следственные связи между нарушением требований безопасности и наступившими последствиями. В системе МВД и ФСИН такой подход особенно ценен, поскольку способствует развитию культуры профилактики, при которой сотрудник заранее прогнозирует угрозы и выстраивает безопасную модель поведения. Таким образом, практические аспекты формирования компетенций по безопасности жизнедеятельности у сотрудников правоохранительных органов сводятся к регулярной тренировке действий в опасных ситуациях, интеграции теории с профессиональной подготовкой, освоению первой помощи и развитию устойчивых навыков предупреждения рисков. Только при таком подходе дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» становится реально работающим инструментом повышения надежности и эффективности службы в МВД и ФСИН.

Совершенствование подготовки кадров МВД и ФСИН по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» должно опираться на специфику служебной деятельности, связанную с повышенными рисками, психоэмоциональными нагрузками и необходимостью оперативного принятия решений в условиях угрозы жизни и здоровью. В отличие от общей гражданской подготовки, обучение сотрудников правоохранительных органов должно быть максимально прикладным и ориентированным на реальные служебные ситуации: чрезвычайные происшествия в местах массового пребывания людей, аварии на объектах транспорта и инфраструктуры, пожары, техногенные инциденты, массовые беспорядки, захват

заложников, а также особенности действий в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Одним из ключевых направлений совершенствования является обновление содержания учебных программ. В них целесообразно включать современные требования к обеспечению личной и коллективной безопасности, алгоритмы действий при различных видах чрезвычайных ситуаций, основы первой помощи, эвакуации, использования средств индивидуальной защиты, а также вопросы профилактики профессиональных рисков. Особое внимание следует уделять темам, связанным с противодействием террористическим угрозам, обеспечением безопасности при сопровождении спецконтингента, действиям при массовых нарушениях режима, возгораниях, отравлениях и иных нештатных ситуациях, характерных для МВД и ФСИН.

Не менее важным направлением выступает усиление практической составляющей обучения. Традиционные лекционные формы должны дополняться тренингами, ситуационными задачами, деловыми играми и имитационным моделированием чрезвычайных обстоятельств. Для сотрудников МВД и ФСИН особенно эффективно проведение занятий на специализированных полигонах, в учебных городках и с использованием средств виртуальной реальности, позволяющих отрабатывать алгоритмы действий в условиях, максимально приближенных к реальным. Такой подход способствует формированию устойчивых навыков, снижает уровень растерянности в критических ситуациях и повышает готовность к самостоятельным и согласованным действиям [1, С. 986-988]. Следует также развивать междисциплинарный подход. «Безопасность жизнедеятельности» должна быть тесно связана с огневой, тактико-специальной, медицинской, психологической и правовой подготовкой. Это позволит формировать у сотрудников целостное представление о безопасности как о комплексной системе, включающей не только физическую защиту, но и оценку рисков, правомерность действий, сохранение здоровья и психологическую устойчивость. Важным элементом является обучение руководящего состава вопросам организации безопасной служебной деятельности, поскольку именно от управленческих решений во многом зависит уровень защищенности личного состава.

Перспективным направлением является внедрение модульно-компетентностного подхода, при котором результаты обучения оцениваются не только по объему усвоенных знаний, но и по сформированности конкретных профессиональных компетенций. Для МВД и ФСИН это означает способность сотрудника распознавать угрозу, выбирать адекватный способ реагирования, оказывать первую помощь, организовывать эвакуацию, действовать в составе группы и соблюдать требования охраны труда и служебной дисциплины. Оценка должна включать практические зачеты, тестирование, решение кейсов и итоговые комплексные проверки [2, С. 285-286]. Наконец, существенное значение имеет регулярное повышение квалификации преподавателей и обновление материально-технической базы образовательных организаций. Без современной учебной литературы, тренажеров, наглядных пособий и технических средств обучения невозможно обеспечить высокое качество подготовки. В целом совершенствование обучения по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» в системе МВД и ФСИН должно быть направлено на формирование у сотрудников не формальных знаний, а устойчивой готовности к безопасным и эффективным действиям в любых условиях служебной деятельности.

Список литературы:

[1] Русейкина, М. А. Роль уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в механизме обеспечения безопасности жизнедеятельности / М. А. Русейкина, А. М. Черняев // Пожарная и аварийная безопасность: Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции, посвящённой 35-й годовщине со дня образования МЧС России, Иваново, 13–14 ноября 2025 года. – Иваново: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», 2025. – С. 985-989. – EDN YVYCDL.

[2] Целуйко, А. В. Об основных мерах по защите населения в условиях специальной военной операции / А. В. Целуйко // Гражданская оборона на страже мира и безопасности: Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 5-ти частях, Москва, 28 февраля 2025 года. – Москва: Академия государственной противопожарной службы, 2025. – С. 283-287. – EDN GKYINQ.

[3] Актуальные вопросы организации управления в РСЧС: Сборник научных трудов / Составитель С.В. Горинова. Том Выпуск 5. – Иваново: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и

ликвидации последствий стихийных бедствий», 2020. – 79 с. – EDN EYNPRC.

[4] Бирюкова, Э. Р. Особенности взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с органами местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера / Э. Р. Бирюкова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 2(20). – С. 12-17. – EDN OXOSXR.

[5] Кашибадзе, А. Г. Совершенствование подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в чрезвычайных ситуациях / А. Г. Кашибадзе, А. П. Семикина // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 01 февраля – 01 2020 года. Том Выпуск 8 Часть 1. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2020. – С. 118-122. – EDN ECGGJM.

[6] Безопасность жизнедеятельности: основные термины, понятия и определения. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – 44 с. – ISBN 978-5-93035-798-1. – EDN IECFLS.

[7] Основы психологии безопасности в уголовно-исполнительной системе: учебное пособие / Б. В. Александров, М. В. Комаров, Н. Н. Тавтилова, О. С. Тронь. – Рязань: ИП Колупаева Е.В., 2026. – 106 с. – ISBN 978-5-907955-43-1. – EDN IZZXXR.

References:

[1] Ruseykina, M. A. The role of the penitentiary system of the Russian Federation in the mechanism for ensuring life safety/M. A. Ruseykina, A. M. Chernyaev // Fire and emergency safety: Collection of materials of the XX International Scientific and Practical Conference dedicated to the 35th anniversary of the founding of the EMERCOM of Russia, Ivanovo, November 13-14, 2025. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters," 2025. - S. 985-989. – EDN YVYCDL.

[2] Tseluiko, A.V. On the main measures to protect the population in a special military operation/ A.V. Tseluiko // Civil Defense guarding peace and security: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference dedicated to World Civil Defense Day. In 5 parts, Moscow, February 28, 2025. - Moscow: Academy of State Fire Service, 2025. - S. 283-287. – EDN GKYINQ.

[3] Topical issues of management organization in the RSChS: Collection of scientific works/ Compiled by S.V. Gorinova. Volume Issue 5. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters," 2020. – 79 c. – EDN EYNPRC.

[4] Biryukova, E. R. Peculiarities of the interaction of institutions and bodies of the penitentiary system with local authorities in the field of protecting the population and territories from natural and man-made emergencies/ E. R. Biryukova // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. – 2019. – № 2(20). - S. 12-17. – EDN OXOSXR.

[5] Kashibadze, A. G. Improving the training of employees of the penitentiary system for emergency situations/A. G. Kashibadze, A. P. Semikina // Legal science and practice: Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, February 01 - 01 2020. Volume Issue 8 Part 1. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. - S. 118-122. – EDN ECGGJM.

[6] Life safety: basic terms, concepts and definitions. - Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. - 44 p. - ISBN 978-5-93035-798-1. – EDN IECFLS.

[7] Fundamentals of safety psychology in the penal system: a textbook/B.V. Alexandrov, M.V. Komarov, N.N. Tavtilova, O.S. Tron. - Ryazan: IP Kolupaeva E.V., 2026. - 106 p. - ISBN 978-5-907955-43-1. – EDN IZZXXR.

- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-87-94
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

КОМАРОВА Валентина Викторовна,
профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права России МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего образования Российской Федерации, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, e-mail: VVKOMAROVA@msal.ru

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. *Современные вызовы и запросы на образ будущего актуализируют создание новых моделей жизнедеятельности государства и общества, практическую их реализацию как в политико-программных документах, так и в отраслевых актах. Пространственное развитие и социальная архитектура новые правовое явления и в российском законодательстве не имеют легального определения, представляют научный интерес, имеющий практическое применение. Автором исследованы подходы к доктринальному наполнению в сравнительно-правовом и межотраслевом ракурсе избранных терминов, выявлены общие цели и публичные интересы, формы их достижения. Сделан вывод о том, что социальная архитектура как более объемное понятие, влияет на управленческие модели, использует механизмы пространственного развития для достижения актуальных задач современности, включая моделирование будущей картины развития общества и государства, в его пространственных пределах.*

Ключевые слова: *социальная архитектура, пространственное развитие, конституционно-правовые целеполагания, соуправление, общественная миссия, функции, формы.*

KOMAROVA Valentina Viktorovna,
Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Russia, Kutafin Moscow State Law University, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of the Russian Federation

SPATIAL DEVELOPMENT AND SOCIAL ARCHITECTURE IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. *Modern challenges and requests for an image of the future actualize the creation of new models of the life of the state and society, their practical implementation both in political and programmatic documents and in sectoral acts. Spatial development and social architecture are new legal phenomena that do not have a legal definition in Russian legislation, but are of scientific interest and have practical applications. The author examines the approaches to the doctrinal content in the comparative legal and intersectoral perspective of the selected terms, identifies common goals and public interests, and the forms of their achievement. It is concluded that social architecture, as a more comprehensive concept, influences management models and uses spatial development mechanisms to achieve current challenges, including modeling the future development of society and the state within its spatial boundaries.*

Key words: *social architecture, spatial development, constitutional and legal goals, co-management, public mission, functions, forms.*

Пространственное развитие и социальная архитектура в российском законодательстве не имеют легального определения и представляют собой научный интерес, имеющий практическое применение, поскольку явились ответом на современные вызовы, вызовы неопределенности и запрос на образ будущего. Происходят социальные и технологические изменения: развитие искусственного интеллекта, нейросетей и цифровых технологий влияет (не всегда положительно) на когнитивные способности человека и социальные институты, управленческие механизмы.

Е. Н. Пятшева справедливо отмечает: «Прежние методы управления перестали быть эффективными. Сегодня встал вопрос о «чуткой власти», которая благодаря современным социальным технологиям может услышать, чего хотят люди, и предложить им те форматы коммуникации управленческих решений, которые будут направлены на наиболее быстрое и качественное удовлетворение их потребностей.»[16; с. 65]

Наблюдается кризис социальных институтов: некоторые традиционные форматы образования, воспитания, социальной защиты, корпоративного управления и государственной службы не успевают адаптироваться к новым реалиям, вследствие чего теряют эффективность. Как следствие, происходит рост неопределенности – поэтому и усиливается запрос на формирование нового образа будущего и новых парадигм социального развития, публичного управления.

Социальная архитектура тесно связана с территорией, с ее развитием. В этой связи отметим новый термин в рамках обозначенной темы — пространственное развитие.

В научной литературе сложились различные подходы к определению и соотношению понятий «пространственное развитие» и «территориальное развитие». Как правило, «пространственное развитие» рассматривается с узкой и с широкой позиций. В узком смысле упор делается на совершенствовании инфраструктуры и оптимизации расселения (территориальное развитие), в широком — пространственное развитие охватывает весь комплекс социально-экономических процессов, протекающих на определённой территории, включая территориальное развитие [9; с. 49].

Пространственное развитие по нашему мнению, представляет собой комплексную категорию, включающую стратегические цели пространственного развития, инструменты территориального планирования, институты особых правовых режимов и процессуальные аспекты изменения границ (страны, субъектов Федерации, муниципальных образований); оптимизации расселения и улучшение условий жизни населения в социально-экономической, экологической сфере; безопасности окружающей среды.

В системе публичного управления содержание термина «пространственное развитие» представляет собой комплексный процесс, направленный на качественное преобразование территориально-хозяйственных систем, улучшение условий жизни населения и эффективное использование экономического потенциала территории: это и градостроительная политика, землепользование, транспортная доступность, экологическая безопасность, экономическая, социальная и инфраструктурная сферы, социально- экономическое благополучие, гражданский мир, сохранение культурного и исторического наследия.

Основа пространственного развития – социальное благополучие, гражданский мир и согласие, которые невозможны без взаимного доверия государства и общества, общественной безопасности, в основе которой лежит безопасность личности. Всё это в той или иной мере, по мнению автора, является также и сферой социальной архитектуры.

Отметим новый фактор в рамках исследования, закрепленный в процесс конституционной реформы 2020 г.: общественное здоровье, который наравне с социально-экономическими моделями развития, экологической обстановкой, государственной политикой в отношении условий жизни (включая уровень здравоохранения, труда, быта, отдыха, образования и культуры), демографической политикой, составляет факторы оказывающее влияние на формирование и реализацию в интересах человека, общества и государства его пространственного развития [10].

Еще одной точкой соприкосновения в рамках заявленной темы, по мнению автора, являются интересы. Как одна из основ пространственного развития и социальной архитектуры, в контексте конституционного права они представлены, в основном, в виде публичного интереса. Корифеи отраслевой науки по-разному определяли его содержание:

сквозь призму правового регулирования (Ю.А. Тихомиров: публичный интерес служит основой для правового регулирования и может ограничивать частные интересы, но такое ограничение не должно быть произвольным: необходимо наличие законодательно закреплённых оснований и соразмерность вмешательства [18; с. 57-58]); как обособленную, самостоятельную сущность (В.Е. Чиркин: «публичный интерес в территориальном развитии не сводится к сумме частных интересов, а представляет собой качественно иное образование, имеющее собственную природу и механизмы реализации» [20; с. 52]; как результат согласования, служащий общему благу (С.А. Авакьян: «публичный интерес

выражает конституционные цели государства и общества, а его реализация служит обеспечению общего блага, которое не может быть достигнуто без согласования интересов Федерации и ее субъектов» [1; с. 18]); сквозь призму социального государства (М.В. Баглай: «публичные интересы связаны с задачами социального государства и обязанностью органов власти обеспечивать равенство условий жизнедеятельности граждан независимо от места их проживания» [3; с. 130]).

По мнению автора, применительно к теме научной работы, публичный интерес в пространственном развитии выражается прежде всего в обеспечении: единства территории государства и ее целостности; равных условий жизнедеятельности населения и всестороннего развития личности; рационального использования природных ресурсов; устойчивого социально-экономического развития территорий; доступности инфраструктуры, национальной безопасности. Пространственное развитие сегодня ставит во главу угла интересы человека, общества и государства. И если в отношении уточнения интересов государства поможет их правовое закрепление (в том числе в политико-правовых документах), то интересы общества и конкретного человека должны быть выявлены, прежде всего в правовом поле, поскольку именно они лежат в основе нормативно закрепленных государственных интересов. Существующие механизмы их формирования, выявления, закрепления, в силу стремительно изменяющейся окружающей действительности, необходимо по возможности видоизменять и дополнять новыми, учитывая комплексность поставленных задач.

Одним из выходов может стать социальная архитектура и деятельность социальных архитекторов, рассматриваемая как один из ответов на внутренние и внешние вызовы, поскольку «новая сущность способна создавать устойчивые социальные институты и процессы, обеспечивать гармонизацию общества и адаптацию к меняющейся реальности» [15].

Авторы, исследующие динамику становления в России нового явления - социальной архитектуры определяют общественную миссию и общественную сущность нового направления – «… активное вовлечение социума в процессы преобразования и форм общежития, и ценностей, и видов коммуникации. Отсюда формируется доминанта социальной архитектуры – стратегическая работа с доверием, направленная на построение долгосрочной коммуникационной инфраструктуры для диалога между государством, бизнесом и обществом» [25; с. 7].

А.А. Назаров акцентирует в своим определении суть исследуемого явления и его междисциплинарность: «Социальная архитектура — это «инженерия смыслов», объединяющая опыт великих реформ России и современные технологии управления. В отличие от манипуляций прошлого, сегодня в центре системы стоит доверие. Это междисциплинарная область, где эксперты проводят диагностику общества и проектируют его развитие» [13; с. 63].

«Общественная миссия социальной архитектуры заключается в реализации масштабных социальных задач, направленных на устойчивое развитие общества и государства. Это решение повседневных проблем инфраструктуры и благополучия, а также работа с более высокоуровневыми вызовами: демографическим развитием, межэтническим и межконфессиональным миром, укреплением семейных ценностей. Главная цель – вовлечение граждан в формирование социальной среды и образа будущего, что требует от социального архитектора не только профессионализма, но и способности работать с сообществами, объединяя различные социальные слои и интересы» [14].

Е. Н. Пятшева предлагает несколько функций, которые призваны выполнять специалисты социальной архитектуры: медиация и выстраивание диалога; снижение тревожности и работа с общественными настроениями; вовлечение граждан, интеграция особых групп (напр. разработка специальных решений для адаптации ветеранов СВО, людей с ограниченными возможностями, мигрантов требует тонкой настройки социальных лифтов и общественных связей) [16; с. 67].

Социализация общества ведет к социальной стабильности – основе устойчивого развития, как общей цели социальной архитектуры и пространственного развития.

Этому способствуют повышение уровня социализации общества, рост его консолидации вокруг национальных идей, снижение уровня дифференциации жизни населения и зависимости экономики страны от мировых финансовых кризисов путём создания альтернативных отечественных проектов по стратегическим направлениям развития и т.д.

Политологи рассматривают социальную архитектуру как новое направление деятельности внутриполитического блока: «… демонстрирует новый этап во взаимодействии государства с институтами гражданского общества, приоритетом которого является обеспечение процесса консолидации граждан и государства, обеспечение легитимности власти», как новый этап взаимодействия «… во взаимодействии государства с институтами гражданского общества, приоритетом которого является обеспечение процесса консолидации граждан и государства, обеспечение ле-

гитимности власти» [4; с. 820-830].

Д. Д. Сорокина и Ф. А. Милевская следующим образом формулируют свой авторский подход, акцентируя внимание на стратегической составляющей исследуемого явления: «под социальной архитектурой понимается стратегия, направленная на выявление, активизацию и интеграцию социального потенциала для совместного достижения целей общественного развития с помощью проектирования и формирования устойчивых и институционализированных механизмов взаимодействия между государством, обществом и отдельно взятым гражданином» [17; с. 146].

Шарахина Л.В. и Ачкасова В.А. социальную архитектуру рассматривают как синтез для создания устойчивых моделей управления: «социальная архитектура представляет собой некий синтез социального и политического векторов, основанный на социально-конструктивистском подходе. Ее новизна заключается в ориентации на создание устойчивых моделей управления через коммуникационное проектирование социальной среды, основанной на взаимопонимании и гражданском участии» [25; с. 7].

Группа ученых в этом направлении исследуют социальную архитектуру как метод управления. Можно выделить несколько подходов. Одна группа авторов рассматривают его сквозь призму субъектного состава: «метод управления общественными проектами, при котором локальные сообщества рассматриваются не просто как выгодоприобретатели, а именно как соавторы и соучастники позитивных изменений, превращается в важнейший инструмент территориального развития» [12; с. 3]; вторая группа считает что это «новая управленческая логика, основанная на совместной работе над изменением среды и качества жизни людей» [12; с. 4]. Аналогичный подход мы видим у А.Д. Харичева: «Социальная архитектура – новая управленческая логика, основанная на совместной работе над изменением среды и качества жизни людей. В центре этой логики – человек. Это не про технологические манипуляции, а про доверие, вовлеченность и реальные эффекты для отдельных сообществ и общества в целом. Социальная архитектура расширяет функционал политического консультирования, путем перехода от краткосрочных к стратегически значимым проектам» [19].

Отметим еще одно направление в определении социальной архитектуры. Авторы акцентируют внимание на изменении целей и способов управления. Так, А. Н. Чумиков и М.П. Бочаров придерживаются следующей позиции: «в ходе разработки концепции социальной архитектуры в G2C деятельности необходима смена доминанты с задач «информировать» и «предоставить услугу» на «заслужить доверие» и «вовлечь»» «конструкций социальной архитектуры C2G формата, то здесь актуализируется смена установки от «свободы говорить» к «быть услышанным», то есть к развитию краудсорсинговых технологий преодоления общественной пассивности и реализации конструктивных замыслов» [22; с. 18; 23; с.22; 24].

Л.В. Шарахина и В.А. Ачкасова считают, что, «…по сути социальная архитектура, стимулирует переход от патерналистской модели реализации государственной социальной политики и социальных инвестиций бизнеса к соуправлению» [25; с.7].

Фактически, создается новый механизм соуправления.

Отметим, что идеи диалога между органами власти и институтами гражданского общества в национальной науке не нова [8; с. 107]. Российским подходом к построению гражданского общества является социал-демократическая модель, основанная на принципах партнерства и сотрудничества между государством и обществом [21; с. 147].

Таким образом, социальная архитектура — это проектирование и реализация социальных практик и инициатив, направленных на решение актуальных общественных задач, создание эффективных коммуникаций между различными социальными группами, институтами и государственными структурами. Одной их таких задач, по мнению автора, является и пространственное развитие территории. Кроме того, перед пространственным развитием территории стоят некоторые сходные, с социальной архитектурой, задачи, например, социальная устойчивость.

Социальная архитектура является отражением более общей архитектуры публичной власти, конституционной ценностью для которой является ст. 2 Конституции России, закрепляющей высшей ценностью человека, его права и свободы.

К общественным и государственным задачам, характерным для пространственного развития и социальной архитектуры отнесем устойчивое развитие. Это общая цель социальной архитектуры и пространственного развития, а социализация общества ведет к социальной стабильности – основе устойчивого развития.

Одним из базовых целеполаганий в социальной архитектуре, впрочем, как и в пространственном развитии, можно назвать социальную устойчивость. Исследователи социальной устойчивости акцентируют внимание на основном объекте — человеке: «Социальная составляющая устойчивости развития региона должна быть ориентирована на человека, направлена на со-

хранение стабильности социокультурных систем. Справедливое разделение благ является одним из основных индикаторов данного подхода» [6; с. 16]. А.Ю. Гайфуллин исследует социальную устойчивость как «состояние элементов общества на определенной территории, обеспечивающее стабильность функционирования всей пространственной социальной системы и устойчивое положение ее агентов, противодействуя внешним и внутренним угрозам в длительной перспективе» [5; с.105], в качестве ориентира развития называет устойчивое положение агентов, т.е. людей. Отметим, что концепция пространственного развития так же называет в качестве ориентира человека и его интересы.

В мае 2024 года глава государства в своем Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [26] национальными целями назвал: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотической и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Очевидно, что наличие в перечне таких категорий, как «экологическое благополучие» и «технологическое лидерство», отражает стремление государства охватить стратегическим планированием весь спектр современного развития, включая вопросы климата, цифровизации и инноваций, что соответствует современным вызовам. Указ № 309 прямо предписал Правительству Российской Федерации обеспечить согласование документов стратегического планирования с новыми национальными целями, что стало отправной точкой для пересмотра всей системы пространственного планирования.

Среди приоритетов пространственного развития до 2030 года, утвержденных распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4132-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [27], выделяются: укрепление транспортной и логистической связанности территорий (включая развитие международных транспортных коридоров и внутренней инфраструктуры), поддержка опорных населенных пунктов и агломераций как центров экономического роста; комплексное развитие сельских территорий и малых городов, ускоренное освоение стратегически значимых макрорегионов (в том числе Арктики, Дальнего Востока и Сибири).

Существенное внимание в Стратегии уделяется снижению межрегиональной дифференциации; переходу к более комплексному территориальному планированию, предполагающему согласование интересов федерального центра, субъектов РФ, муниципальных образований, бизнеса и населения; принципу человеко ориентированности пространственного развития: приоритет отдается созданию комфортной среды проживания, развитию социальной инфраструктуры (образования, здравоохранения, культуры), обеспечению экологической безопасности и повышению качества жизни населения.

Для реализации данной задачи необходимо развитие существующих и создание новых институциональных механизмов, способствующих открытому диалогу, обратной связи и учету общественного мнения при формировании государственной политики, при этом учитывая специфику российского контекста и национального менталитета [4; с.825], разделяя так же позицию авторов в том, что «разработка эффективных механизмов взаимодействия государства и общества в российских условиях требует синтетического подхода, учитывающего как важность гражданской активности, контроля и критики, так и особенности социал-демократической модели (стремление к консенсусу, партнерству и коллективным действиям)», дополним необходимостью использовать работающие механизмы для достижения новых целей, преобразовывая их под современные запросы и возможности, дополняя новые процедуры в оправдавшие себя способы взаимодействия и, безусловно, вводить новые формы взаимодействия [7; с. 17].

Формы достижения целей и задач социальной архитектуры так же привлекают внимание, прежде всего, своей сложностью и многоуровневостью. О.Г. Романовская и А. В. Кулакова подчеркивают, что «Формирование социальной архитектуры происходит в рамках междисциплинарных управленческих практик, основанных на признании сложности и аутентичности самоорганизации общества» [11].

А. Н. Чумиков исследуя практики социальной архитектуры, называет проектирование, бюджетирование, развитие территориального общественного самоуправления, патриотическое воспитание, популяризация здорового образа жизни и др. [22; с. 17].

Д. Д. Сорокина и Ф. А. Милевская в своем определении социальной архитектуры называют следующие формы достижения ее цели: проектирование и формирование устойчивых и институционализированных механизмов взаимодействия между государством, обществом и отдельно взятым гражданином [17; с. 146].

Можно отнести правовое обеспечение государственной политики по противодействию новым вызовам, например, социальным деструкциям, в частности запрет пропаганды движения «чайлдфри»: баланс между защитой репродуктивных прав и традиционных семейных ценностей; конституционное закрепление содержания «семья». Очевидно и то, что социальная архитектура использует и смежные механизмы пространственного развития.

Пространственное развитие в России демонстрирует высокую чувствительность к социальной политике – одном из базовых составляющих социальной архитектуры, которая реализуется через механизмы государственных программ социального обеспечения и социальных услуг (развитие систем здравоохранения, образования, культуры и другие), и, как следствие, для достижения смежных задач могут использоваться и однотипные механизмы, характерные и для решения задач социальной архитектуры. Сквозным ресурсным механизмом, обеспечивающим реализацию национальных целей, выступает система национальных проектов.

В заключении отметим, что исследуемые термины «социальная архитектура» и «пространственное развитие» в национальной доктрине новые, многоаспектные и комплексные, взаимозависимые и взаимообусловленные.

Кроме того, они представляются как сложная система, требующая комплексного подхода не только в создании доктринальных основ, но и правового регулирования в едином ключе в связи с тем, что социальная архитектура как более объемное понятие, влияет на управленческие модели, использует механизмы пространственного развития для достижения актуальных задач современности, включая моделирование будущей картины развития общества и государства, в его пространственных пределах.

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 т. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — Т. 2.

[2] Амандурдыев И., Амангелдиев Д., Аммырадов Р. Архитектура и социальное взаимодействие: как проектирование пространства влияет на общественные связи // Вестник науки. 2024. № 9 (78).

[3] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. 15-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022.

[4] Борисенков А.А., Макаров А.В., Лайков М.А. Социальная архитектура как новое направление деятельности внутриполитического блока // выпуск 3(115) Политическая социология. 2025, том 15 с. 823-832.

[5] Гайфуллин А.Ю. Методический подход к оценке социальной устойчивости территориальных образований // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 1. С. 104–109.

[6] Катов В. В. Динамика уровня жизни, социально-демографическая устойчивость региона // Ученые записки. – 2017. – № 1(21). – С. 2. – с. 11-16.

[7] Комарова В. В. Двустороннее взаимодействие граждан и органов публичной власти: цифровые права или цифровые возможности // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – № 2. – С. 10-20.

[8] Комарова В. В. Органы публичной власти и субъекты гражданского общества: правовое оформление взаимодействия // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 2(146). – С. 104-107.

[9] Комарова В.В. Конституционные основы пространственного развития // Муниципальный правовой инжиниринг в системе пространственного развития Российской Федерации: учебное пособие / под ред. С.Ю. Колмакова. – М., 2026. – 565 с.

[10] Комарова В.В. Национальные модели правового обеспечения здорового и активного долголетия в условиях применения медицинских технологий: российский и зарубежный опыт. Монография / Рук-ль авт.колл., д.ю.н., проф. В.В. Комарова. - М.: Изд-во «ЮРКОМПАНИ», 2026 — 356 с.

[11] Кулакова А. В., Романовская О.Г. Роль архитектуры в формировании социальной среды города // Вестник молодежной науки. 2023. № 3 (40).

[12] Минченко Е. Н., Полетаев О. В. Социальная архитектура в российских компаниях, 2025. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Doklad_o_luchshih_praktikah_kompanii_v_sfere_sots_arhitektury.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

[13] Назаров А.А. «Сборка смыслов социальной архитектуры: как история и практика формируют образование» // Государство. Вып. 5, 2026 г., с. 60-65.

[14] Наум Телешевский: Общественная миссия социальной архитектуры — в реализации масштабных социальных задач, направленных на устойчивое развитие общества и государства // https://tvspb.ru/news/2026/06/4/naum-teleshevskij-obshhestvennaya-missiya-soczialnoj-arhitektury-v-realizaczii-masshtabnyh-soczialnyh-zadach-napravlennyh-na-ustojchivoe-razvitie-obshhestva-i-gosudarstva (дата обращения 20.07.2026).

[15] Обзор. Социальная архитектура: мис-

сия и перспективы // https://rosatomgrad.ru/obzor-soczialnaya-arhitektura-missiya-i-perspektivy/.

[16] Пятшева Е. Н. Социальная архитектура в России: phenomenon or effect // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 11, № 1(166). – С. 63-69.

[17] Сорокина Д. Д., Милевская Ф. А. Социальная архитектура в современной России: практика реализации // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 10. – С. 147-151. с. 146.

[18] Тихомиров Ю. А. Публичное право : учебник. – М. : БЕК, 1995. – С. 57–58.

[19] Харичев А.Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 7. С. 4–10.

[20] Чиркин В. Е. Территориальная организация публичной власти : монография — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021.

[21] Чумаков Д.Д. Изучение моделей взаимодействия гражданского общества и института государства: теоретико-концептуальный аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 3. С. 142-147.

[22] Чумиков А. Н. Коммуникации государства и граждан как конструкции социальной архитектуры // Русская политология. – 2026. – № 1(38). – С. 17-23.

[23] Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Государственный PR. Социально-политические коммуникации— М.: Проспект, 2025.— 448с.

[24] Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Управление коммуникациями.— М.: Дашков и К, 2023.—544с.

[25] Шарахина Л.В., Ачкасова В.А. Новые векторы стратегических коммуникаций: социальная архитектура как актуальная повестка // Litera. 2025. № 10. С. 1-10.

[26] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // pravo.gov.ru (дата обращения: 04.05.2026).

[27] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // pravo.gov.ru (дата обращения: 04.05.2026).

References:

[1] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia. Training course: training manual: in 2 volumes - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2023. - VOL. 2.

[2] Amandurdyev I., Amangeldiev D., Amanmyradov R. Architecture and social interaction: how space design affects public relations // Bulletin of Science. 2024. № 9 (78).

[3] Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook. 15th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2022.

[4] Borisenkov A.A., Makarov A.V., Likes M.A. Social architecture as a new area of activity of the domestic political bloc // issue 3 (115) Political sociology. 2025, vol. 15 pp. 823-832.

[5] Gayfullin A.Yu. Methodological approach to assessing the social stability of territorial formations // News of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2016. № 1. S. 104-109.

[6] Katov V.V. Dynamics of living standards, socio-demographic stability of the region // Scientific notes. – 2017. – № 1(21). - S. 2. - p. 11-16.

[7] Komarova V. V. Bilateral interaction between citizens and public authorities: digital rights or digital opportunities // Journal of the Belarusian State University. Right. – 2023. – № 2. - S. 10-20.

[8] Komarova V. V. Public authorities and civil society entities: legal formalization of interaction // Law and state: theory and practice. – 2017. – № 2(146). - S. 104-107.

[9] Komarova V.V. Constitutional foundations of spatial development // Municipal legal engineering in the system of spatial development of the Russian Federation: textbook/ed. S.Yu. Kolmakova. - M., 2026. - 565 s.

[10] Komarova V.V. National models of legal support for healthy and active longevity in the context of the use of medical technologies: Russian and foreign experience. Monograph/Autocall, Ph.D., prof. V.V. Komarova. - M.: Publishing house "YURKOMPANI," 2026 - 356 p.

[11] Kulakova A.V., Romanovskaya O.G. The role of architecture in the formation of the social environment of the city // Bulletin of youth science. 2023. № 3 (40).

[12] Minchenko E.N., Poletaev O.V. Social architecture in Russian companies, 2025. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Doklad_o_luchshih_praktikah_kompanii_v_sfere_sots_arhitektury.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

[13] Nazarov A.A. "Assembly of the meanings of social architecture: how history and practice shape education "// State. No. 5, 2026, pp. 60-65.

[14] Naum Teleshevsky: The social mission of social architecture is to implement large-scale social tasks aimed at the sustainable development of society and the state // https://tvspb.ru/news/2026/06/4/naum-teleshevskij-obshhestvennaya-missiya-soczialnoj-arhitektury-v-realizaczii-masshtabnyh-soczialnyh-zadach-napravlennyh-na-ustojchivoe-razvitie-obshhestva-i-gosudarstva (accessed on 20.07.2026).

[15] Overview. Социальная архитектура: миссия и перспективы // https://rosatomgrad.ru/obzor-soczialnaya-arhitektura-missiya-i-perspektivy/.

[16] Pyatsheva E.N. Social architecture in Russia: phenomenon or effect // Economics and management: problems, solutions. – 2026. - T. 11, NO. 1 (166). - S. 63-69.

[17] Sorokina D. D., Milevskaya F. A. Social architecture in modern Russia: implementation practice // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – № 10. - S. 147-151. from. 146.

[18] Tikhomirov Yu. A. Public law: textbook. - M.: BECK, 1995. - S. 57-58.

[19] Kharichev A.D. Civilization "Russia "// Notepad of civil education. 2025. № 7. S. 4-10.

[20] Chirkin V.E. Territorial organization of public power: monograph - Moscow: Norm: INFRA-M, 2021.

[21] Chumakov D.D. Study of models of interaction between civil society and the institution of the state: theoretical and conceptual aspect // Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. 2014. № 3. S. 142-147.

[22] Chumikov A. N. Communications of the state and citizens as a construction of social architecture // Russian political science. – 2026. – № 1(38). - S. 17-23.

[23] Chumikov A.N., Bocharov M.P. State PR. Socio-political communications - M.: Prospect, 2025. - 448s.

[24] Chumikov A.N., Bocharov M.P. Communications Management. - M.: Dashkov and K, 2023. - 544s.

[25] Sharakhina L.V., Achkasova V.A. New vectors of strategic communications: social architecture as an urgent agenda // Litera. 2025. № 10. S. 1-10.

[26] Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 "// pravo.gov.ru (date of appeal: 04.05.2026).

[27] Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 4146-r "On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast until 2036 "// pravo.gov.ru (circulation date: 04.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-95-97

ВИНОГРАДОВА София Алексеевна,
магистр НИУ ИЗиСП при Правительстве РФ,
юридический факультет, г. Москва,
e-mail: Sovin3012@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу актуальности концепции разграничения политической и юридической ответственности органов публичной власти в современной России. В условиях продолжающегося реформирования системы публичной власти в Российской Федерации, вопросы разграничения видов ответственности приобретают особую остроту, поскольку от их корректного доктринального решения напрямую зависит эффективность механизмов контроля за деятельностью властных институтов.*

Ключевые слова: *политическая ответственность, юридическая ответственность, конституционно-правовая ответственность, публично-правовая ответственность, органы публичной власти, позитивная ответственность, негативная ответственность.*

VINOGRADOVA Sofia Alekseevna,
Master's Student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (IZiSP), Faculty of Law, Moscow

ON THE RELEVANCE OF RESEARCHING THE ISSUES OF LEGAL LIABILITY OF PUBLIC AUTHORITY BODIES

Annotation. *This article analyzes the relevance of the concept of distinguishing between political and legal liability for public authority bodies in contemporary Russia. Amidst the ongoing reform of the public authority system in the Russian Federation, the issue of differentiating between types of liability has become particularly acute, as the effectiveness of mechanisms for overseeing the activities of government institutions depends directly on a correct doctrinal resolution of this matter.*

Key words: *political liability, legal liability, constitutional-legal liability, public-law liability, public authority bodies, positive liability, negative liability.*

Актуальность исследования проблем юридической ответственности органов публичной власти обусловлена тем, что этот институт, несмотря на его конституционное закрепление, до настоящего времени не получил полноценного теоретического оформления. Формирование полноценной концепции ответственности публичной власти признаётся важнейшим элементом правовой системы современного российского общества, однако вряд ли следует говорить об ответственности публичной власти как о сложившемся правовом институте, находящемся «на страже» интересов личности, общества и государства. Это обстоятельство актуализирует необходимость обращения к концепции разграничения политической и юридической ответственности, поскольку без понимания генезиса данной проблематики невозможно выстроить действенную систему мер ответственности.

Отсутствие в современной отечественной правовой науке единой концепции института ответственности представителей государства - органов публичной власти, должностных лиц и служащих, предопределена дискуссионностью вопросов трактовки категории, классификации видов и аспектов юридической ответственности [3].

Полное отражение основных признаков юридической ответственности в работах философов, социологов и другие представителей социально-гуманитарных наук невозможно без исследований этой категории правоведами. Однако, следует обратить внимание, что большую часть исследований в этом направлении осуществляется в пространстве правонарушений.

В советском правоведении категория юридической ответственности раскрывалась в основ-

ном в контексте государственного принуждения, причём «именно этот аспект ответственности рассматривается чуть ли как не единственный - просто потому, что недостаточно разработана проблема ответственности в целом в её позитивном аспекте» [5].

В отечественной правовой науке дискуссионными остаются вопросы определенности, ясности и недвусмысленности базовых понятий юридической ответственности. Исследователи отмечают дихотомию добровольной и государственно-принудительной, негативной и позитивной, ретроспективной и интроспективной, и других характеристик [6].

Связывая юридическую ответственность только с совершением правонарушения (О. Э. Лейст, О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, С. Н. Братусь и др.) правомерные поступки и действия субъектов выводят за рамки юридической ответственности, которая является результатом противоправного поведения, влекущего меры государственного принуждения и наказания.

Идея диалектического единства (негативной и позитивной) юридической ответственности обосновывается в работах Н. А. Витрука, М. А. Краснова, В. Н. Кудрявцева, Д. А. Липинского, Е. А. Лукашевой, А. В. Малько, Н. И. Матузова, Б. С. Эбзеева и др.

По мнению одних ученых (В. А. Тархова и Н. В. Витрука) обязанность давать отчёт в своих поступках и действиях есть то общее, что объединяет позитивный и негативный виды юридической ответственности. Другие (Б. Т. Базылев, В. А. Елеонский) полагают, что суть позитивной ответственности заключается в обязанности соблюдать требования и предписания правовых норм. Предлагается рассматривать юридическую ответственность как статутную, закреплённую нормативно ещё до наступления факта противоправного или правомерного поведения (Е. В. Черных, Н. И. Матузов) [7] Как фактическое правомерное поведение рассматривают позитивную юридическую ответственность субъекта А. Н. Тарбагаев и И. С. Ретюнских [4].

Как добровольную форму реализации юридической ответственности, которая возникает при возложении обязанностей на субъект права, рассматривает позитивную ответственность В. Н. Кудрявцев [2, с. 287].

Мы полагаем, то следует согласиться с мнением судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука, который обозначил, что признание позитивной ответственности субъектов категорией юридической науки и наличия таковой в правомерном поведении являет собой обогащение теории ответственности [1, с.22, 32].

Настоящая статья не претендует на всеобщность и универсальность сделанных выводов. Её цель не состоит в том, чтобы дать исчерпывающие ответы на все вопросы, связанные с рассматриваемой проблемой, или предложить окончательное решение. Работа носит постановочный и поисковый характер: она лишь очерчивает проблемное поле, фиксирует ключевые противоречия и предлагает возможные подходы к их осмыслению. Ограничения обусловлены как выбранной методологией, так и рамками эмпирического материала, поэтому полученные результаты следует рассматривать как предварительные, требующие дальнейшей проверки и уточнения.

Вместе с тем данная статья предопределяет направления дальнейших исследований. Она может стать отправной точкой для углублённого теоретического анализа, расширения эмпирической базы, проведения сравнительных и междисциплинарных исследований, а также для разработки практических рекомендаций. Представленные материалы и выводы не столько подводят итог, сколько открывают пространство для научной дискуссии, постановки новых вопросов и выдвижения дополнительных гипотез. Автор надеется, что работа будет способствовать дальнейшему осмыслению обозначенной проблематики и послужит импульсом для последующих изысканий в данной области.

Методологически создание концепции юридической ответственности органов публичной власти может быть обеспечено использованием комплекса общенаучных и частнонаучных методов познания. Системный метод может быть использован в качестве основного, поскольку ответственность органов публичной власти рассматривается как сложноорганизованный правовой институт, включающий разные структурные элементы, а сама публичная власть - как системное образование, элементы которого находятся в устойчивых взаимосвязях. Диалектическая логика, иллюстрирующая действия позитивного и негативного аспектов юридической ответственности позволит проследить внутреннюю противоречивость предмета исследования и выявить закономерности его эволюции. Формально-юридический метод может быть использован при анализе норм конституционного, муниципального и административного права, закрепляющих основания и меры ответственности органов публичной власти. Сравнительно-правовой метод позволит сопоставить отечественные и зарубежные подходы к разграничению политической и юридической ответственности. Междисциплинарный анализ и синтетический подход к исследованию проблемы ответственности в сфере организации государства, публичной власти и управления способен обеспечить целостность анализируемого

явления. Кроме того, методы анализа и синтеза, позволят определить критерии разграничения политической и юридической ответственности и выявить их сущностные характеристики.

Практическая значимость выводов и предложений, сформулированных в исследованиях по данной тематике, могут быть использованы в нормотворческой деятельности при совершенствовании законодательства о публичной власти, в частности при разработке систематизированных норм о конституционной ответственности, поскольку российское законодательство в настоящее время не содержит такого систематизированного регулирования. Материалы исследования могут найти применение в правоприменительной практике при разрешении коллизий, связанных с квалификацией деяний должностных лиц как политических или юридических деликтов. Кроме того, результаты работы могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курсов конституционного права, муниципального права и теории государства и права. Закреплённый в законодательстве механизм юридической ответственности органов публичной власти способен создавать гарантию высокой результативности работы данных субъектов, а правовой институт ответственности государства позволяет создавать дополнительные сдержки и противовесы власти, смягчать её автократические проявления.

В заключении хотелось бы сделать ряд выводов, имеющих значение как для теории, так и для практики. Во-первых, разграничение политической и юридической ответственности органов публичной власти остаётся одной из наиболее дискуссионных проблем современной юридической науки, поскольку, несмотря на все попытки исследователей провести такое разграничение, сделать это по формальным критериям до настоящего времени не представляется возможным. Во-вторых, политическая ответственность не сводится к ответственности юридической, однако она не существует вне правовой формы: конституционная ответственность выступает своеобразной формой политической ответственности, воплощённой в реальном нормативно-правовом оформлении. В-третьих, публично-правовая ответственность охватывает по объекту и объективной стороне отношения, регулируемые не только конституционным, но и иными отраслями публичного права, а её фактическим основанием является публичное правонарушение, которое должно быть основано на вине нарушителя и иметь полный состав. В-четвёртых, для формирования полноценной концепции ответственности публичной власти необходима систематизация доктринальных установок, касающихся природы публичной власти, целей и критериев привлечения её к ответственности, а также конструирование конкретных правотворческих механизмов, позволяющих обеспечить не только формальное, но и реальное применение мер ответственности. Дальнейшее исследование проблемы должно быть направлено на разработку теоретически обоснованных и практически применимых критериев разграничения политической и юридической ответственности, что позволит повысить эффективность контроля за деятельностью органов публичной власти и укрепить доверие граждан к институтам государства.

Список литературы:

[1] Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М. : РАП, 2008. 324 с.

[2] Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М. : Наука, 1986. 448 с.

[3] Кокурина О.Ю. Проблема широкого понимания публично-правовой ответственности власти в контексте правостимулирующей политики в сфере государственной и муниципальной службы // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 35-45.

[4] Кокурина О.Ю. Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3 . С. 7-11.

[5] Косолапов Р. И., Марков В. С. Свобода и ответственность. М. : Политиздат, 1969. 96 с.

[6] Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. М . :РИОР, ИНФРА-М, 2019. 139 с.

[7] Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Саратовский университет. 1987. 294 с.

References:

[1] Vitruk N.V. General Theory of Legal Liability. Moscow: RAP, 2008. 324 p.

[2] Kudryavtsev V.N. Law, Act, Liability. Moscow: Nauka, 1986. 448 p.

[3] Kokurina O.Yu. The Problem of a Broad Understanding of the Public-Law Liability of Authority in the Context of Legal Incentive Policy in the Sphere of State and Municipal Service // Administrative Law and Process. 2021. No. 8. P. 35–45.

[4] Kokurina O.Yu. Individual, Society, Public Authority: Mutual Liability as an Imperative for State Stability // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 3. P. 7–11.

[5] Kosolapov R.I., Markov V.S. Freedom and Responsibility. Moscow: Politizdat, 1969. 96 p.

[6] Lipinsky D.A., Musatkina A.A. Legal Liability, Sanctions, and Protective Measures. Moscow: RIOR, INFRA-M, 2019. 139 p.

[7] Matuzov N.I. Legal System and the Individual. Saratov: Saratov University, 1987. 294 p.

- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-98-101
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук, профессор кафедры техносферной безопасности, Уральский государственный университет путей сообщения; профессор кафедры техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет; старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВАЛИДАМ РАВНЫХ С ДРУГИМИ ГРАЖДАНАМИ ПРАВ И СВОБОД

Аннотация. *Адаптированная для инвалидов и других маломобильных групп населения среда является основой обеспечения инвалидам равных с другими гражданами прав и свобод. Потребность в безбарьерной среде испытывает большинство населения. Становясь маломобильным человеку, все трудней становится преодолевать барьеры. Но хуже всего приходится инвалидам, или как это принято говорить, людям с ограниченными возможностями. Поэтому доступность связывают именно с этой категорией населения, изучение ее потребностей лежит в основе принципов равноправия.*

В статье проанализирована Международная и Российская правовая основа для обеспечения инвалидам равных с другими гражданами прав и свобод.

Ключевые слова: *инвалид, инвалидность, маломобильная группа населения, права, законодательство, доступная среда.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Technosphere Safety, Ural State University of Railway Transport, Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University, Ural State Agrarian University, Senior Researcher, Ural Research Veterinary Institute, Federal State Budgetary Scientific Institution, Ural Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL AND RUSSIAN LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING EQUAL RIGHTS AND FREEDOMS FOR PERSONS WITH DISABILITIES WITH OTHER CITIZENS

Annotation. *An environment adapted for people with disabilities and other limited mobility groups is the foundation for ensuring equal rights and freedoms for people with disabilities. The need for a barrier-free environment is felt by the majority of the population. As people with limited mobility become more and more difficult to overcome, overcoming barriers becomes increasingly difficult. But people with disabilities, or as they are commonly called, people with limited mobility, are particularly disadvantaged. Therefore, accessibility is specifically associated with this category of the population, and studying their needs is at the core of the principles of equality.*

This article analyzes the international and Russian legal framework for ensuring equal rights and freedoms for people with disabilities.

Key words: *disabled person, disability, low-mobility population group, rights, legislation, accessible environment.*

Цель – анализ международного и Российского законодательства по обеспечению инвалидам равных с другими гражданами прав и свобод.

Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи:

проанализировать международное и Российское законодательства по обеспечению инвалидам равных с другими гражданами прав и свобод.

Методы исследования – аналитический и теоретический методы исследования.

Инвалидность является составной частью человеческого существования. Почти каждый из нас приобретает какую-либо стойкую или временную форму инвалидности на каком-либо этапе своей жизни. Мы должны прилагать больше усилий для устранения барьеров, из-за которых инвалиды во многих случаях оказываются изолированными от общества.

На протяжении многих лет политика в отношении инвалидов изменялась: она прошла путь от обычного ухода за инвалидами в соответствующих учреждениях до получения образования детьми-инвалидами и реабилитации лиц, ставших инвалидами уже в зрелом возрасте.

Определенный шаг в этом направлении сделали США, где в 1933 году на пост президента страны был избран Франклин Рузвельт, обе ноги которого были парализованы.

После тяжелой и кровавой Второй мировой войны в мире осталось большое количество инвалидов, которые способствовали популяризации идеи человеческого достоинства.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 года была принята Всеобщая декларация прав человека, провозгласившая право людей на равные возможности.

В 60-х годах прошлого века начала разрабатываться новая концепция инвалидности, тесно увязывающая медицинские аспекты ограничения возможностей инвалидов с характером и структурой окружающей его среды и отношением к нему общества.

1981 год был объявлен Организацией Объединенных Наций Международным годом инвалидов, важным итогом которого явилось принятие резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1982 года Всемирной программы действий в отношении инвалидов. Подчеркивалось право инвалидов на равные с другими гражданами возможности и на равное улучшение условий жизни в результате экономического и социального развития. Кроме того, впервые инвалидность была определена как функция отношений между инвалидами и их окружением.

Организация Объединенных Наций провела с 1983 по 1992 годы десятилетие инвалидов и в 1992 году учредила ежегодный Международный день инвалидов – 3 декабря. [1]

Конвенция о правах инвалидов – конвенция ООН, принятая Генеральной Ассамблеей 13 декабря 2006 года и вступившая в силу 3 мая 2008 года.

Одновременно с Конвенцией принят и вступил в силу Факультативный протокол к ней.

Со вступлением в силу Конвенции был учрежден Комитет по правам инвалидов – орган надзора за исполнением Конвенции, уполномоченный рассматривать доклады государств-участников Конвенции, выносить по ним предложения и общие рекомендации, а также рассматривать сообщения о нарушениях Конвенции государствами-участниками Протокола.

В статье 1 Конвенция определяет «смену парадигмы» в том, что касается отношения и подходов к инвалидам: «к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному эффективному участию в жизни общества наравне с другими».

В статье 1 Конвенции установлено, что ее цель заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми ин валидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства.

Для достижения этой цели в статье 3 Конвенции закреплен ряд принципов, на которых базируются все ее остальные положения.

К этим принципам, в частности, относятся:

полное и эффективное вовлечение и включение инвалидов в общество;

равенство возможностей;

недискриминация по признаку инвалидности;

доступность для инвалидов окружающей среды.

В тех случаях, когда инвалидам не обеспечивается доступность услуг и архитектурных объектов, происходит их дискриминация.

В статье 2 Конвенции дискриминация по признаку инвалидности определяется как любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, в результате которых инвалид не может реализовать свои права и свободы в политической, экономической, социальной, куль-

турной, гражданской или любой иной области.

Согласно статье 5 Конвенции государства запрещают любую дикриминацию по признаку инвалидности и гарантируют инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве. Это, в частности, означает, что государство устанавливает обязательные для исполнения требования, направленные на обеспечение доступности для инвалидов деятельности организаций, предоставляющих услуги населению.

Доступность для инвалидов достигается с помощью разумного приспособления. В статье 2 Конвенции разумное приспособление определяется как внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод.

Разумное приспособление заключается в том, что деятельность организации приспосабливается для инвалидов двумя способами. Во-первых, обеспечивается доступность зданий и сооружений данной организации путем оборудования их пандусами, широкими дверными проемами, надписями шрифтом Брайля, и т. п. Во-вторых, обеспечивается доступность для инвалидов услуг этих организаций путем изменения порядка их предоставления, оказания инвалидам дополнительной помощи при их получении, и т. п.

С помощью разумного приспособления формируется доступная среда для инвалидов.

Важной составляющей доступной среды является универсальный дизайн. Статья 2 Конвенции определяет универсальный дизайн как дизайн предметов, обстановок, программ и услуг, призванный сделать их в максимально возможной степени пригодными к пользованию для всех людей без необходимости адаптации или специального дизайна. Универсальный дизайн не исключает ассистивные (т. е. вспомогательные) устройства для конкретных групп инвалидов, где это необходимо.

В целом универсальный дизайн направлен на то, чтобы сделать обстановку, предметы максимально пригодными для использования всеми категориями граждан.

Положения Конвенция ООН о правах инвалидов образуют международную правовую основу для обеспечения инвалидам равных прав и свобод.

Статистика инвалидов в России насчитывала более 11 млн человек. Практически половина из них – мужчины и женщины трудоспособного возраста.

По данным Росстата детей-инвалидов в России более 600 тыс. человек.

Статья 39 Конституции РФ 1993 г. гарантирует каждому нуждающемуся социальное обеспечение по инвалидности.

Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» является основным документом, определяющий политику государства в отношении инвалидов и инвалидности. [3]

Проблема существовавшей системы социальной защиты инвалидов заключалась в отсутствии в законодательстве норм, обязывающих все организации оказывать инвалидам помощь в преодолении барьеров, препятствующих им получать услуги наравне с другими.

Конвенция о правах инвалидов подписана Российской Федерацией 24 сентября 2008 года.

15 мая 2012 года вступил в силу Федеральный закон № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов».

Конвенция ратифицирована Российской Федерацией 25 сентября 2012 года, после чего стала частью российского законодательства.

Постановлением Правительства РФ от 17.03.2011 г. № 175 утверждена государственная программа РФ «Доступная среда» на 2011–2015 годы. [2]

Цель – формирование условий для беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам и услугам, а так- же интеграции инвалидов с обществом и повышения уровня их жизни.

Основные задачи:

оценка состояния доступности;

повышение уровня доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения;

устранение социальной разобщенности инвалидов и граждан, не являющихся инвалидами;

обеспечение равного доступа инвалидов к реабилитационным услугам и иные задачи.

Правительство РФ Постановлением от 1 декабря 2015 г. № 1297 утвердило государственную программу РФ «Доступная среда» на 2011–2020 годы.

Цели Программы – создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни.

Задачи Программы:

обеспечение равного доступа инвалидов к приоритетным объектам и услугам в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения;

обеспечение равного доступа инвалидов к реабилитационным и абилитационным услугам, включая обеспечение равного доступа к профессиональному развитию и трудоустройству;

обеспечение объективности и прозрачности деятельности учреждений медико-социальной экспертизы.

Ответственный исполнитель Программы – Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации.

Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» содержит ряд взаимоувязанных норм, определяющих обязанности органов государственной власти по созданию для инвалидов безбарьерной среды. [4]

Основные положения, определяющие государственную политику по вопросам создания доступной среды жизнедеятельности для инвалидов, включены, в частности, в статью 15 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Выводы:

Применение «Конвенции о правах инвалидов» на территории страны осуществляется путем принятия государственными органами нормативно- правовых актов, конкретизирующих способы реализации конкретных положений Конвенции.

Список литературы:

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов.

[2] Государственная программа РФ «Доступная среда» на 2011–2020 г.

[3] Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

[4] Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов».

References:

[1] United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities.

[2] State Program of the Russian Federation "Accessible Environment" for 2011–2020.

[3] Federal Law of 24.11.1995 No. 181-FZ (as amended on 29.06.2015) "On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation".

[4] Federal Law of December 1, 2014 No. 419-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Issues of Social Protection of Persons with Disabilities in Connection with the Ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities".

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-102-108
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ВАСИЛЬЕВ Даниил Юрьевич,
Аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: reidriar2015@yandex.ru

ПРОЦЕДУРА СКРИНИНГА РЕЗЮМЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности процедуры скрининга резюме с применением искусственного интеллекта (ИИ). Делаются выводы о наличии преимуществ этой технологии в скрининге, однако, вместе с тем, указывается на риски, связанные с техническими недостатками ИИ, которые могут привести к дискриминации и нарушению прав соискателей. Акцентируется внимание на том, что действующее трудовое законодательство России не адаптировано для защиты трудовых прав от их нарушения системами ИИ при скрининге. На основании анализа зарубежного опыта, приведенного на примере Европейского союза, Китая и США, выдвигаются предложения по принятию в России комплексного закона в сфере ИИ и формировании технического регулирования, которые бы дополнили действующее отечественное трудовое законодательство, и адаптировали его к рассмотренным вызовам.*

Ключевые слова: *скрининг; резюме; искусственный интеллект; соискатели; трудовое законодательство; зарубежный опыт.*

VASILIEV Daniil Yurievich,
Post-graduate student, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

PROCEDURE OF SCREENING OF RESUME WITH USING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: LEGAL REGULATION IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. *This article is about specificities of resume screening with using of artificial intelligence (AI). There are conclusions about advantages of this technology, while also pointing out the risks associated with AI's technical issues, which could lead to discrimination and violation of job applicant rights. The article emphasizes that current Russian labor law is not adapted for protection against discrimination caused by AI systems during screening of resume, and that there is a lack of specific AI legislation in Russia. Based on an analysis of international experience, including the European Union, China, and the United States, the article proposes the adoption of a complex AI law and technical regulation in Russia, which would be addition for current Russian labor legislation and adapt it for reviewed challenges.*

Key words: *screening; resume; artificial intelligence; job applicants; labor legislation; foreign experience.*

На первых этапах «воронки найма» в большинстве случаев используется процедура т.н. «скрининга» – анализа и оценки резюме соискателя как сжатого описания наиболее важных качеств и характеристик, которые представляют интерес у потенциального работодателя. Сама по себе трудоправовая процедура направлена на реализацию содержания трудовых правоотношений – прав и обязанностей их субъектов [1,с.515]. Процедура скрининга в свою очередь нацелена на отбор соискателей с целью выявления наиболее подходящих из них, в связи с чем обеспечивает реализацию права работодателя на заключение трудового договора.

Несмотря на то, что сама суть данной процедуры – лишь первичный анализ деловых качеств соискателя по наиболее важным критериям (наличие необходимого образования, стажа и т.д.),

тем не менее, она требует времени и ответственного подхода. Как правило, одному лицу, ответственному за подбор персонала, необходимо посмотреть множество резюме, вплоть до десятков.

Один, максимум несколько специалистов, должны осуществить скрининг значительного количества резюме, это может затянуться и сопровождаться субъективизмом в оценивании резюме. Проявление личных предпочтений лицом, ответственным за подбор работников, нарушает требования трудового законодательства об оценке деловых качеств соискателя, а также повышает риск упущения работодателем подходящего работника.

В связи с данными сложностями для нужд работодателей стали разрабатываться различные системы искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ), которые позволили бы повысить скорость скрининга и вывести на качественно новый уровень его эффективность.

Полагаем, в науке трудового права наиболее корректно определение ИИ сформулировано И.В. Крыловым. А именно: «программа для ЭВМ, которая создана при помощи машинного обучения и иных технических подходов и может быть использована работником и (или) работодателем для решения задач, связанных с реализацией трудовых прав и обязанностей» [5,с.12].

По нашему мнению, приведенное определение отражает суть ИИ и демонстрирует наиболее приемлемый сценарий его применения в трудовом праве, особенно в процедуре скрининга:

ИИ использует технические решения, которые позволяют ему выполнять многие рутинные и повторяющиеся задачи быстрее, точнее и с более высокой производительностью по сравнению с человеком. В случае с обработкой множества резюме, данный технический аспект ИИ выступит как мощный инструмент для выполнения данной задачи;

ИИ – это технология, лишенная человеческих факторов (усталости, потери концентрации и т.д.). ИИ имеет потенциал функционировать как полностью независимая и беспристрастная оценочная система;

ИИ может использоваться работодателем для достижения целей по поиску и подбору работников как инструмент в рамках процедуры скрининга. ИИ оптимизирует его, и тем самым позволяет работодателю осуществлять найм более эффективно.

Примеры, демонстрирующие интеграцию алгоритмов ИИ в программное обеспечение для скрининга резюме, уже имеются. В частности, в России применяются системы Skillaz, «Хантфлоу», «Xenia» и др. Их функционал позволяет осуществлять скрининг с автоматизацией, причем зачастую, они интегрируются в единый комплекс с рекрутинговыми онлайн-платформами по взаимодействию соискателей и работодателей («HH.ru», «Авито», «Работа в России» и т.п.). Данные системы способны оперативно осуществить скрининг, выделить главные составляющие анализируемого резюме и выставить первичную оценку с рекомендациями о допуске к дальнейшим отборочным процедурам или отклонении кандидатуры соискателя, ранжировать список отобранных резюме. Решение о дальнейшем взаимодействии с соискателем (и тем более – заключением трудового договора) остается за человеком, ИИ лишь автоматизирует скрининг, как ресурсоемкую процедуру, связанную с поиском и отбором соискателей.

Таким образом, использование ИИ в скрининге резюме представляет собой, на первый взгляд, достаточно эффективный сценарий оптимизации этой процедуры. Преимущества ИИ, помимо вычислительных функций, обеспечивающих массовый скрининг, включают также и возможности для его качества: отсутствие человеческого фактора и строгое следование заложенным в систему алгоритмам.

Однако описанные преимущества являются лишь одной стороной использования ИИ для скрининга резюме. Обратная представляет собой многочисленные риски и уже имеющиеся негативные прецеденты, доказывающие, что ИИ не лишен недостатков, а качество его алгоритмов – серьезный вызов.

Обеспечение массового скрининга благодаря ИИ осуществляется за счет автоматической оценке резюме. Однако критерии и порядок формирования такой оценки – остаются под вопросом. И.В. Крылов справедливо отмечает: процесс разработки и настройки системы ИИ под определенного пользователя важен, поскольку в нее могут быть заложены решения, ведущие к дискриминации [4,с.8]. Автором приводятся примеры ошибок в обучении системы ИИ, которые, по нашему мнению, могут привести, в том числе, к некачественной оценке резюме: проблемы с переизбытком или недостатком данных для обучения, статистическими закономерностями, переносом в систему предвзятости к определенным категориям лиц.

Наиболее ярким примером стал т.н. «кейс Amazon» конца 2010-х годов, когда выяснилось, что ИИ данной организации, осуществлявший скрининг резюме соискателей, отдавал предпочтение тем, что были составлены мужчинами [13]. Причина крылась в ошибках настройки системы.

В этом заключается проблема использования ИИ для скрининга – прозрачность алгоритмов для оценки резюме. Каковы гарантии того, что

они обучены и настроены надлежащим образом? Ведь в противном случае, технические просчеты приведут к тому, что работодатель будет использовать систему ИИ, которая будет отбирать соискателей по критериям, не связанными с деловыми качествами.

В одном случае, это может быть вызвано объективными причинами, которые не зависели от воли работодателя и были вызваны ошибками в разработке и настройке системы ИИ. Данная ситуация вредит обеим сторонам. Соискателю будет отказано в заключении трудового договора в связи с ошибками системы ИИ, которая номинально используется для оценки именно деловых качеств, а фактически будет фокусироваться на иных признаках. Работодатель же может упустить потенциального работника, который мог вполне подойти для замещения вакантной должности, но из-за ошибок в оценивании резюме был отклонен системой ИИ.

В другом случае, работодатель может умышленно заказать разработку такой системы ИИ, которая бы осуществляла скрининг резюме согласно критериям, продиктованным субъективным мнением работодателя. Это могут быть личные убеждения, предвзятость по определенным признакам, не связанным с деловыми качествами (национальность, возраст, знак зодиака и т.п.). А также – расчет, связанный с нежеланием принимать на работу лиц, которые будут нуждаться в повышенных гарантиях и затратах работодателя (беременные женщины, инвалиды и т.д.).

Действующее российское трудовое законодательство, с одной стороны, предусматривает гарантии при заключении трудового договора. Во-первых, общий принцип запрета дискриминации, закрепленный в ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ТК РФ)[7]. Во-вторых, в ст. 64 ТК РФ предусмотрены запреты на установление предпочтений, не связанных с деловыми качествами соискателей, при переговорах о приеме на работу.

Однако дискриминационный характер работы алгоритмов ИИ в отношении соискателя зафиксировать и доказать будет проблематично. Как справедливо заметила Н.В. Закалюжная, ТК РФ не учитывает специфику алгоритмических решений [2,с.16] а гарантии, закрепленные в ТК РФ, не рассчитаны на противодействие дискриминации со стороны ИИ. Направление судебной экспертизы алгоритмов ИИ и правоприменительная практика, сопряженная с данными проблемами, только начинают формироваться [3]. При этом доказывание отличается спецификой алгоритмов ИИ – «непрозрачностью», заключающиеся в невозможности достоверно определить особенности и порядок функционирования алгоритмов.

Специальное техническое регулирование, которое бы устанавливало стандарты качества алгоритмов ИИ для скрининга резюме, в России по состоянию на 2026 год отсутствует, есть лишь общие государственные стандарты в сфере ИИ, которых, полагаем, не вполне достаточно. Аналогичная ситуация сложилась и с правовым регулированием: отечественного закона в сфере ИИ нет, он лишь находится в статусе разработки. Не так давно вступил в силу закон о поддержке развития ИИ в России [9], но он не содержит конкретных правовых предписаний, которые бы регулировали разработку, внедрение и функционирование систем ИИ для скрининга резюме. С 2019 года действует утвержденная Указом Президента Российской Федерации Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года [8]. Однако она носит рамочный характер и не содержит правовых норм, которые бы устанавливали конкретную модель регулирования отношений в сфере ИИ и не закрепляет юридической ответственности за вред, причиненный алгоритмами систем ИИ.

Приходится констатировать, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует специальное правовое и техническое регулирование, которые бы обеспечивали надлежащее применение ИИ в скрининге резюме работодателями. Права соискателей защищены общими гарантиями для заключения трудового договора, которые не способны эффективно защищать от дискриминации, проявляемой системами ИИ при скрининге.

Вместе с тем, в различных иностранных государствах уже существует достаточно прогрессивный законодательный опыт по регулированию создания, введения в эксплуатацию и применения систем ИИ, которые используются для скрининга резюме соискателей. Ключевыми представителями такого опыта являются Европейский союз, Китай и Соединенные Штаты Америки (далее по тексту – США).

В Европейском союзе в 2025 году вступил в силу Закон об ИИ (далее – Закон ЕС) [14], который стал нормативно-правовым актом, регулирующим различные аспекты отношений в сфере ИИ. Системы ИИ в этом законе классифицируются по уровню риска их применения. Те, что применяются для подбора кадров (в том числе для скрининга резюме) относятся к группе высокорисковых, т.к. они могут повлиять на жизнь и карьерные перспективы. Законом ЕС установлены требования по проверке таких систем техническим стандартам еще до выхода в оборот работодателями. Закон ЕС закрепляет, что является лишь дополнением к правовому регулированию в соответствующей сфере, в том числе наемного труда. То есть

им закрепляются основные определения, принципы и порядок стандартизации, разработки, введения в эксплуатацию и применения систем ИИ для подбора работников, и это дополняет в свою очередь национальное трудовое законодательство конкретного государства-члена Европейского союза.

Помимо требований к самим системам ИИ для скрининга, установлены обязательства и для работодателей, которые будут применять такие системы: информировать соискателей о том, что их деловые качества будут проходить оценку при помощи ИИ, периодически проходить аудит используемой системы на предмет качества ее алгоритмов, в том числе после обновлений [6]. В случае нарушения требований Закона ЕС об ИИ, в зависимости от тяжести и вида правонарушения может быть назначено наказание – от крупного штрафа до приостановки деятельности организации.

В Китайской Народной Республике законодательный опыт в сфере ИИ иной: длительное время там действовало секторальное регулирование применения ИИ, а единого закона не существовало. Однако, по состоянию на 2026 год, в данной стране прорабатывается проект общего нормативно-правового акта в сфере ИИ [10]. Одними из его положений является закрепление принципов применения систем ИИ в трудовых правоотношениях. В частности, указывается, что работодатель не имеет права использовать ИИ во вред, в том числе до заключения трудового договора. Работодатель обязан разъяснить соискателю, какая система ИИ и каким образом будет оценивать его деловые качества, а также правовые основания ее применения. Стандарты для алгоритмов технического характера также формируются и вводятся. Помимо этого, в Китае учреждено специальное ведомство – Управление киберпространства, в том числе ответственное за оборот систем ИИ, техническое и правовое регулирование в данной сфере. За нарушение правил регулирования предусматриваются различные виды ответственности и наказаний. Грамотное развитие этих идей и дальнейшая доработка проекта, очевидно, позволит усилить защиту соискателей и усовершенствовать регулирование применения ИИ для скрининга вкупе с имеющимися трудоправовыми гарантиями.

В США в 2018 было издано Распоряжение Президента США № 13859 «О сохранении лидерства в сфере искусственного интеллекта» [11], не закрепляющее конкретных правовых механизмов регулирования ИИ в области наемного труда. При этом, связи с особенностью политико-правового устройства данной США, каждый штат вправе самостоятельно решать вопрос о правовом регулировании применения ИИ.

Наиболее выдающимся в этом плане, полагаем, является Иллинойс, где уже с 2020 года действовал закон об использовании ИИ при скрининге резюме с видеоинтервью, а с 2026 – новый, усовершенствованный закон, разработанный в этом же направлении (далее – Закон Иллинойс 2026 года)[12]. Несмотря на то, что он нацелен на регулирование процедуры скрининга резюме с видеоинтервью, суть процедуры и особенностей применения алгоритмов ИИ, в целом, совпадают со скринингом обычного резюме: сформировать первичную оценку деловых качеств и проверить формально-юридические основания для решения о дальнейшем взаимодействии с соискателем.

Содержание Закона Иллинойс 2026 года сводится к следующим основным положениям:

Соискатель должен быть проинформирован о том, что его резюме будет оцениваться с применением ИИ. Эта норма существовала и ранее, однако в актуальном законе она доработана: работодатель должен предоставить не просто абстрактные, а конкретные сведения о системе ИИ, которая будет применяться для скрининга, указать, какие именно качества и на основании каких критериев она будет оценивать;

Работодатель обязан запросить письменное согласие соискателя на прохождение процедуры и сделать это только после вышеописанного информирования. Соискатель в свою очередь имеет право отозвать свое согласие;

За соискателем закрепляется право на отказ от скрининга видеоинтервью и возможность пройти альтернативную отборочную процедуру. Работодатель не может прекратить взаимодействие с соискателем лишь на том основании, что он отказался от скрининга с применением ИИ;

Работодатель обязан по заявлению соискателя предоставить запись видеоинтервью и баллы, сформированные системой ИИ после скрининга.

Стоит отметить также, что в Иллинойс работодатели, использующие ИИ при скрининге видеоинтервью, должны направлять в Департамент торговли и экономических возможностей штата отчеты со статистическими данными, раскрывающими сведения о числе принятых на работу лиц, их этническом, расовом, половом составе. Таким образом ответственное ведомство Иллинойс собирает и анализирует информацию о том, насколько массово и качественно функционируют системы ИИ, ответственные за подбор кадров, чтобы потенциально выявлять негативные закономерности и предпринимать меры в оперативные сроки. Разрабатываются и технические стандарты, необходимые для разработчиков ИИ. За нарушения установленных норм предусмотрены

штрафы.

Можно заключить, что Закон Иллинойс 2026 года предоставил соискателям гарантии, связанные с информированием о предстоящей процедуре, а также право на альтернативный способ проверки деловых качеств и запрос материалов и сведений, связанных со осуществленным скринингом, что может быть потенциально использовано в качестве доказательств в случае трудового спора.

Обобщая зарубежный опыт, следует отметить следующее. Россия не единственная страна, в которой первоначально возникли сложности с регулированием применения ИИ в целом и при подборе работников в частности. Тем не менее, в настоящее время ключевые страны-игроки на рынке ИИ проделали значительную законодательную и технико-нормативную работу над вопросами регуляции применения данной технологии. Можно проследить некоторые закономерности в том, как в различных частях мира с различными правовыми системами, стала вырабатываться модель правового регулирования применения ИИ в процедуре скрининга резюме:

Евросоюз, Китай и некоторые штаты США пошли в итоге по пути разработки отдельного закона в сфере ИИ, либо специального закона о применении ИИ для подбора кадров;

Законы об ИИ этих стран являются дополняющими по отношению к отраслевому трудовому законодательству, закрепляя общие положения, терминологию и принципы применения ИИ, в том числе в трудовых отношениях и при скрининге резюме. В США, при этом, приведенный в качестве примера Закон Иллинойс 2026 года носит более узконаправленный трудоправовой характер, но также дополняет, а не заменяет действующие нормы законодательства штата о наемном труде и правах человека;

Во всех приведенных примерах прослеживается риск-ориентированный подход – законодатели не запрещают работодателям подбирать работников при помощи скрининга резюме, а возводят для этого определенные границы: закрепляют гарантии для соискателей и обязанности для работодателей, опираясь на необходимость учета степени тех рисков, что может принести ИИ в рассматриваемой отборочной процедуре, с целью их снижения. Евросоюз изначально пошел по этому пути, США и Китай постепенно, но также переходят на данный подход;

В данных примерах можно заметить переход от рамочного и секторального регулирования ИИ для скрининга резюме, к более формализованному и комплексному, охватывающему множество аспектов от общей терминологии и принципов использования до юридической ответственности;

Сочетание правового и технического регулирования;

Соискатели как минимум информируются о предстоящей процедуре, а в ряде примеров – дают на нее согласие.

Следует подвести итоги. ИИ для скрининга резюме может выступить помощником работодателя для подбора работников, помогая осуществлять первичную и самую рутинную процедуру: отбор соискателей посредством оценки их резюме. Мощности и возможности ИИ позволяют автоматизировать скрининг и тем самым экономить время и ресурсы ответственных за найм лиц со стороны работодателя.

Обратная сторона такой автоматизации и повышение эффективности скрининга представляются неоднозначными. Как гипотетические, так и уже проявившиеся в практике проблемы, связанные с применением ИИ в скрининге резюме, демонстрируют: данная технология способна привести к нарушению прав и законных интересов. В первую очередь – соискателей, однако и работодатели могут пострадать от технического несовершенства систем ИИ.

Действующие в России нормы трудового права, обеспечивающие гарантии при заключении трудового договора, полагаем, недостаточно эффективны для противодействия дискриминации, обусловленной особенностями функционирования ИИ. Существующих отечественных технических стандартов для качества алгоритмов также пока что недостаточно для обеспечения надлежащего качества скрининга. Зарубежный опыт показывает, что как минимум на территории Евросоюза, Китая и США, уже сформировалось и продолжает развиваться законодательство об ИИ, регулирующее и сферу трудовых отношений, в том числе использование ИИ для подбора кадров, и в частности – скрининга резюме. И его дополняет специальное техническое регулирование, обрамленное в правовые рамки.

Представляется, что данный зарубежный опыт будет полезен для регулирования применения ИИ в скрининге резюме уже на территории Российской Федерации. Имеющиеся наработки отечественных законодателей по закону об ИИ следует развивать с учетом данного опыта и необходимости сочетания правовых и технических норм, т.к. ИИ является технологией и его функционирование напрямую зависит от качества алгоритмов. Задать им необходимый уровень, контролировать до введения и во время эксплуатации работодателями – представляется необходимым. Комплексный закон об ИИ даст определение и признаки самой технологии, принципы ее использования, базовые нормы об использовании в тру-

довых отношениях (в скрининге резюме, в частности) и дополнит ими уже сложившееся трудовое законодательство, которое претерпит некоторые правки для приведения в соответствии с этим законом.

Принцип запрета дискриминации, гарантии при заключении трудового договора в ТК РФ – сохранятся, просто адаптируются с учетом новых реалий, представ в обновленном качестве (информирование, получение согласия и т.д.). Конкретные же особенности скрининга и специфику его применения каждый работодатель сможет подробно раскрыть в локальных нормативных актах, соблюдая предписание об их соответствии вышестоящему законодательству о труде и ИИ.

Так работодатель сможет использовать ИИ, реализовывая право на подбор необходимых работников, и соискатели смогут проходить процедуру скрининга с приемлемыми рисками, бóльшим доверием к данной технологии и при наличии специальных гарантий. Благодаря этому, в эпоху развития и применения ИИ в трудовом праве, удастся поддерживать оптимальное соотношение интересов субъектов трудовых правоотношений, что является одной из задач российского трудового законодательства как в настоящее время, так и в обозримом будущем.

Список литературы:

[1] Васильев Д.Ю. Значение материально-правовых процедур для трудового правоотношения: теоретические аспекты // Образование и право. - № 8 . – 2025. – С. 508-516.

[2] Закалюжная Н.В. Новые формы проявления дискриминации в трудовых отношениях и методология борьбы с ними // Трудовое право в России и за рубежом. – № 4. – 2025. – С. 15-18.

[3] Как доказать вину ИИ: экспертиза, бремя доказывания и защита интересов клиента // Moscow Digital School: интернет-портал. – URL: https://mosdigitals.ru/blog/kak-dokazat-vinu-ii-ekspertiza-bremya-dokazyvaniya-i-zashhita-interesov-klienta?ysclid=msor1ns32k193517710 (дата обращения: 25.07.2026).

[4] Крылов И.В. Применение работодателем систем искусственного интеллекта для оценки деловых качеств при подборе персонала: дискриминационные риски // Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 2. – С. 6-9.

[5] Крылов И.В. Трудоправовые аспекты использования искусственного интеллекта: автореферат диссертации … кандидата юридических наук. – М, 2024. – 217 с.

[6] Регулирование ИИ в Европе: что должен знать бизнес в 2025 году // WCR Consulting: сайт. – URL: https://wcr-consulting.com/blog/2025/10/20/ai-regulation-in-europe-what-businesses-need-to-know-in-2025/#4 (дата обращения: 28.07.2026).

[7] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г. – № 1. – Ст. 3.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2019 г. – № 41. – Ст. 5700.

[9] Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=610695720 (дата обращения: 26.07.2026).

[10] Artificial Intelligence Law of the People's Republic of China (Draft for Suggestions from Scholars) // Center for security and emerging technology: интернет-портал. – URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0592_china_ai_law_draft_EN.pdf (дата обращения: 29.07.2026).

[11] Executive Order 13859—Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-13859-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence (дата обращения: 30.07.2026).

[12] Illinois AI Video Interview Law Takes Effect: What Employers Must Know in 2026 // Introl. – URL: https://introl.com/blog/illinois-ai-video-interview-law-employer-notification-2026 (дата обращения: 30.07.2026).

[13] Insight - Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // Reuters: интернет-портал. – URL: https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G/ (дата обращения: 23.07.2026).

[14] The Act Text // EU Artificial Intelligence Act: интернет-портал. – URL: https://artificialintelligenceact.eu/the-act/ (дата обращения: 27.07.2026).

References:

[1] Vasiliev D.Yu. Significance of material and legal procedures for labor relations: theoretical aspects // Education and law. - № 8 . – 2025. - S. 508-516.

[2] Zakalyuzhnaya N.V. New forms of discrimination in labor relations and methodology for combating them // Labor law in Russia and abroad. – № 4. – 2025. - S. 15-18.

[3] How to prove the guilt of AI:

expertise, burden of proof and protection of the client's interests // Moscow Digital School: Internet portal. – URL: https://mosdigitals.ru/blog/kak-dokazat-vinu-ii-ekspertiza-bremya-dokazyvaniya-i-zashhita-interesov-klienta?ysclid=msor1ns32k193517710 (дата обращения: 25.07.2026).

[4] Krylov I.V. The use of artificial intelligence systems by the employer to assess business qualities in the selection of personnel: discriminatory risks // Labor law in Russia and abroad. – 2023. – № 2. - S. 6-9.

[5] Krylov I.V. Labor aspects of the use of artificial intelligence: abstract of the dissertation... Candidate of Law. - M, 2024. - 217 s.

[6] Regulating AI in Europe: What Businesses Should Know in 2025 // WCR Consulting: Website. – URL: https://wcr-consulting.com/blog/2025/10/20/ai-regulation-in-europe-what-businesses-need-to-know-in-2025/#4 (дата обращения: 28.07.2026).

[7] Labor Code of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 1 dated 2002. - Art. 3.

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation of 2019 - No. 41. - Art. 5700.

[9] Federal Law of 26.07.2026 No. 243-FZ "On Support for the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation "// Official Internet Portal of Legal Information. - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=610695720 (accessed on: 26.07.2026).

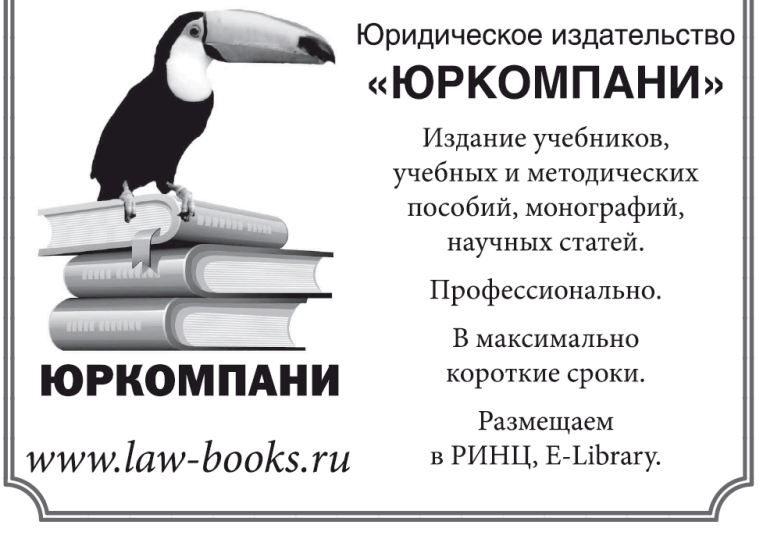
[10] Artificial Intelligence Law of the People's Republic of China (Draft for Suggestions from Scholars) // Center for security and emerging technology: интернет-портал. – URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0592_china_ai_law_draft_EN.pdf (дата обращения: 29.07.2026).

[11] Executive Order 13859—Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-13859-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence (дата обращения: 30.07.2026).

[12] Illinois AI Video Interview Law Takes Effect: What Employers Must Know in 2026 // Introl. – URL: https://introl.com/blog/illinois-ai-video-interview-law-employer-notification-2026 (дата обращения: 30.07.2026).

[13] Insight - Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // Reuters: интернет-портал. – URL: https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G/ (дата обращения: 23.07.2026).

[14] The Act Text // EU Artificial Intelligence Act: интернет-портал. – URL: https://artificialintelligenceact.eu/the-act/ (дата обращения: 27.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-109-115

МАКСИМКИН Яков Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева,
e-mail: maksimkin.yaa@ssau.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ТОКЕНИЗИРОВАННЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ГОНКОНГА

Аннотация. *Российский закон видит в токенизированной ценной бумаге особый объект – цифровой финансовый актив, гонконгский – обычную ценную бумагу, сменившую форму учета. В статье эти конструкции проверяются на трех участках: где возникает и переходит право, кто допущен к сделкам, чем защищен инвестор. Разбираются долговые цифровые финансовые активы, программа «LEAP», практика арбитражных судов и Конституционного Суда РФ, дело Re Gatecoin; итогом служат рекомендации эмитентам, кредиторам и участникам трансграничных проектов.*

Ключевые слова: *токенизированные ценные бумаги; цифровые финансовые активы; цифровые права; распределенный реестр; фиксация прав; сделки; Гонконг; защита инвесторов.*

MAKSIMKIN Yakov Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Law Institute, Samara National Research University, Candidate of Legal Sciences

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF TOKENIZED SECURITIES UNDER THE LAWS OF RUSSIA AND HONG KONG

Annotation. *Russian law treats a tokenized security as a distinct object – a digital financial asset; Hong Kong law treats it as an ordinary security that has merely changed its form of record-keeping. The article tests these constructions at three points: where a right arises and passes, who is admitted to transactions, and how the investor is protected. It discusses debt digital financial assets, the LEAP programme, the practice of Russian commercial courts and the Constitutional Court, and the Re Gatecoin case; the outcome is a set of recommendations for issuers, creditors and participants in cross-border projects.*

Key words: *tokenized securities; digital financial assets; digital rights; distributed ledger; recording of rights; transactions; Hong Kong; investor protection.*

Когда за записью в распределенном реестре стоит акция или облигация, правопорядку приходится выбирать: признать такую запись новым объектом права или лишь новой формой существования прежнего. Зарубежная литература называет подобные инструменты tokenized securities [13] и чаще всего описывает их через образ «цифрового двойника» – прежний регулируемый актив в новой технологической упаковке [14]. Россия и Гонконг выбрали противоположные ответы: первая сконструировала для этих инструментов отдельную нишу цифровых финансовых активов (далее – ЦФА), второй распространил на них общее фондовое законодательство, не создавая нового объекта. Дальнейшее изложение сопоставляет обе конструкции на трех участках – где возникает и переходит право, как совершаются сделки, чем обеспечена судебная защита – и завершается выводами для практики.

Нормативную основу в России образует Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой

валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), действующий с 1 января 2021 г [16]. Статистика выпусков показывает, что инструмент прижился и масштабируется [10]; следующим шагом стало обособление долговых ЦФА Федеральным законом от 15.12.2025 № 466-ФЗ [17]. Гонконг двигался от практики к программным документам: сначала – размещения токенизированных «зеленых» гособлигаций 2023–2024 гг., не имевшие мировых аналогов, затем – Программное заявление 2.0 от 26 июня 2025 г. (концепция «LEAP») с планом ревизии правил фиксации прав, расчетов и учета под задачи токенизации [18].

Ключ к российской модели – статус ЦФА как цифровых прав, то есть особой разновидности имущественных прав в смысле ст. 128 и 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [19]. Категория «токенизированная ценная бумага» отечественному закону неизвестна и употребляется здесь исключительно как функциональная характеристика. Перечень удостоверяемых прав закрыт (ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА): денежные требования, участие в капитале непубличного акционерного общества, осуществление прав по эмиссионным ценным бумагам либо требование их передачи, – однако и в «фондовых» вариантах сам ЦФА ценной бумагой не становится, оставаясь юридически обособленным от нее объектом [3]. Той же логике подчинены новеллы: долговой ЦФА, сводимый к денежным требованиям о цене приобретения и периодических платежах (ч. 2.1, 2.2 ст. 1 Закона о ЦФА), экономически заменяет облигацию, юридически ею не являясь [12]; учет акций непубличных обществ, существующих в форме ЦФА, ведет не регистратор, а оператор информационной системы [6].

Гонконг решает ту же задачу средствами квалификации, а не конструирования. Единственный юридически значимый вопрос состоит в том, отвечает ли токен признакам «ценных бумаг» либо доли в коллективной инвестиционной схеме по Ордонансу о ценных бумагах и фьючерсах (Securities and Futures Ordinance, Cap. 571); при положительном ответе включается весь фондовый инструментарий – лицензирование, проспекты, запреты злоупотреблений, – а лицензионный режим платформ виртуальных активов (Cap. 615) уступает место режиму Cap. 571 [20]. Позиция регулятора выстраивалась поэтапно: Заявление Комиссии по ценным бумагам и фьючерсам (SFC) от 28 марта 2019 г. подвело security tokens под фондовое регулирование, а циркуляры от 2 ноября 2023 г. описали такие инструменты как ценные бумаги в «технологической обертке» (tokenisation wrapper), исходя из того, что сама по себе токенизация не делает продукт «сложным» [21]. За этим стоит формула «одинаковая деятельность – одинаковые риски – одинаковое регулирование», которую сегодня разделяет большинство развитых рынков [8].

Первый срез сравнения – возникновение и переход прав. Российский закон придал реестровой записи конститутивную силу: выпуск порождает права у первого обладателя с внесением записи о выпуске, а их переход к приобретателю завершается записью о переходе (ст. 2, 4 Закона о ЦФА) [6]; обладателем цифрового права ст. 141.1 ГК РФ считает того, кто способен распоряжаться им в информационной системе. Инфраструктурно учет замкнут на операторов информационных систем, включаемых Банком России в специальный реестр и поднадзорных ему, – привычные регистраторы и депозитарии в этой схеме не участвуют [4]. Связку двух учетных контуров призван обеспечить институт цифрового свидетельства (ст. 9 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ): выдаваемая депозитарием неэмиссионная бездокументарная бумага подтверждает принадлежность утилитарного цифрового права и открывает ему дорогу на организованный рынок [22]; Е.Н. Абрамова обосновывает распространение этого механизма и на ЦФА [1].

Гонконгское право, напротив, титульной силы за DLT-записью по общему правилу не признает: принадлежность акции определяется реестром участников компании, отчуждение опосредуется передаточным документом и уплатой гербового сбора. Практика поэтому строит токенизацию на расщеплении позиций: юридический титул концентрируется у номинального держателя или центрального депозитария, инвестору принадлежит бенефициарный интерес, а распределенный реестр берет на себя учет и расчеты. Показательно, что противоположные исходные решения приводят к одинаковому практическому итогу: и в России, и в Гонконге инвестор в конечном счете зависит от корректности записи, которую ведет профессиональный субъект, и именно на этого субъекта ложится основной массив регуляторных требований.

Второй срез – порядок совершения сделок. Российский оборот ЦФА организован по принципу двойного посредничества: помимо оператора информационной системы, купля-продажа и обмен требуют участия оператора обмена ЦФА, включенного в отдельный реестр Банка России (ст. 10 Закона о ЦФА), – контур обращения, который в литературе не без оснований называют замкнутым [4]. Внутри контура действует дифференциация приобретателей: Указание Банка России от 23.09.2025 № 7176-У описывает признаки ЦФА, доступных лишь квалифицированным инвесторам, и ограничивает годовые вло-

жения остальных суммой 600 тыс. рублей [23]. Платежное использование ЦФА по общему правилу исключено; единственное изъятие – внешнеторговые договоры между резидентами и нерезидентами, где эти активы допущены к роли средства трансграничных расчетов [24]. Автоматизация исполнения, свойственная таким инструментам, сохраняет отмеченные А.И. Савельевым риски: запись может разойтись с действительной принадлежностью права, а техническая ошибка – оказаться необратимой [7].

В Гонконге периметр очерчен лицензированием видов деятельности: дилинг, консультирование и управление применительно к токенизированным бумагам требуют разрешений по Cap. 571, причем площадке, допускающей их к торгам, лицензия на дилинг ценными бумагами нужна независимо от ее статуса платформы виртуальных активов [25]. Циркуляры SFC от 02.11.2023 добавляют посредникам обязанности должной осмотрительности, информирования клиентов и обеспечения сохранности активов [26]. Розничный доступ при этом расширяется поступательно: за первым авторизованным для розницы токенизированным продуктом – токеном на золото (2024 г.) – последовали фонды денежного рынка (2025 г.), а размещения токенизированных гособлигаций стали регулярными [27]; концепция «LEAP» открывает вторичные торги токенизированными биржевыми фондами на лицензированных площадках, и в течение 2026 г. в Законодательный совет планируется внести законопроект о лицензировании дилеров и кастодианов цифровых активов [28]. Контраст с российским решением очевиден: гонконгский периметр строится вокруг допуска инструментов публичного рынка к организованному вторичному обращению, российский – вокруг удержания оборота внутри операторского контура, и платой за такой контроль становится ограниченная ликвидность.

Третий срез – судебная защита. Российские суды устойчиво рассматривают цифровые активы как имущество: еще в банкротном деле гражданина Ц. содержимое криптокошелька было включено в конкурсную массу в качестве иного имущества [29], и, хотя цифровая валюта и ЦФА – разные правовые режимы (ст. 128 ГК РФ), имущественная логика в равной мере работает для цифровых прав. Арбитражная практика выработала и процессуальный инструментарий: у должника истребуются сведения о принадлежащих ему ЦФА с указанием эмитента и реквизитов личного кабинета в информационной системе [30]. Конституционный Суд РФ, признав ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА неконституционной в части лишения судебной защиты требований лиц, получивших цифровую валюту способами, не связанными с майнингом, лишь из-за неуведомления налогового органа, закрепил общий вектор на расширение защиты [31]; mutatis mutandis эти позиции применимы к обращению взыскания на ЦФА и к понуждению операторов вносить записи. Гонконгская практика пришла к сопоставимому результату средствами общего права: в деле Re Gatecoin Ltd криптоактивы признаны «имуществом» (property), способным быть предметом траста, пусть в отношении большинства клиентов платформы траст и не был установлен [32]. Совпадение имущественной квалификации в столь разных системах – весомый довод в пользу того, что она отражает существо отношений, а не особенности отдельного правопорядка.

Что в итоге объединяет столь разные системы? Реестровая запись юридически значима и там, и там; оборот в обоих случаях доверен лицензируемым профессиональным субъектам под надзором Банка России и SFC; приоритетом обоих регуляторов остается инвестор без квалифицированного статуса; наконец, обе судебные системы увидели в токенизированных активах имущество – со всеми вытекающими возможностями ареста, включения в конкурсную массу, залога, а в Гонконге и траста, что доктрина встраивает в более широкий сюжет трансформации права собственности в цифровой среде [9]. Водораздел проходит по исходной конструкции. Пока российское цифровое право остается объектом, юридически отличным от ценной бумаги, – с сопутствующими удвоением режимов и разнобоем терминологии [5] – гонконгская «оболочка» сохраняет за инструментом весь защитный арсенал фондового права. Отсюда и разные границы токенизации: в России – акции непубличных обществ внутри операторского контура, в Гонконге – инструменты публичного рынка со свободным вторичным обращением. Платежная функция решена зеркально: российский запрет (с внешнеторговым изъятием) против отдельного гонконгского режима – с 1 августа 2025 г. Ордонанс о стейблкоинах (Stablecoins Ordinance, Cap. 656) закрепил лицензирование Валютным управлением Гонконга эмитентов привязанных к фиатным валютам стейблкоинов с требованиями резервирования и погашения по номиналу [33].

Сравнение подсказывает и конкретные рабочие правила. Договорная работа с ЦФА начинается с решения о выпуске: именно описание удостоверяемых прав определяет объем защиты приобретателя и применимые ограничения, а для долговых ЦФА – обязательность условий ч. 1.2 ст. 3 Закона о ЦФА; выпуск акций непубличного общества в этой форме заранее сверяется с требованиями Банка России. В соглашениях об отчуждении разумно прямо оговаривать привяз-

ку перехода прав к записи в информационной системе и распределять риски технических сбоев оператора. Кредиторам и арбитражным управляющим доступна апробированная модель истребования сведений о ЦФА должника – эмитент, оператор, данные доступа [34]. В трансграничных проектах отправной точкой становится тест токена на признаки securities и коллективной инвестиционной схемы по Cap. 571 с проверкой лицензий посредников; розничное предложение возможно только для авторизованных SFC продуктов. Наконец, для российского законодателя небесполезен гонконгский опыт организованного вторичного обращения: ограниченная ликвидность замкнутого контура операторов обмена (ст. 10 Закона о ЦФА) могла бы смягчаться в том числе развитием конструкции цифрового свидетельства.

Итог сравнения – не выбор «лучшей» модели, а понимание цены каждой из них. Специальный объект (lex specialis) дает российскому регулятору контроль над периметром, но ценой обособления от классического фондового рынка; технологическая оболочка сохраняет Гонконгу единство рынка, но требует постоянной донастройки привычных правил под новую форму учета. Появление долговых ЦФА в России и намеченная Гонконгом унификация режима цифровых активов показывают, что обе системы движутся навстречу друг другу, а значит, пространство для взаимного заимствования решений будет только расширяться.

Список литературы:

[1] Абрамова Е.Н. Место цифрового свидетельства в системе ценных бумаг // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 9. С. 62 – 76.

[2] Аюшеева И.З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 32 – 43.

[3] Захаркина А.В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 504 – 526.

[4] Козлов Д.О. Цифровые активы: проблемы правового регулирования как препятствие практической реализации инвестиционных проектов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 5 (260). С. 66 – 72.

[5] Мурадян С.В. Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 123 – 151.

[6] Мухамадеева Р.А. Залог акций, выпускаемых в виде цифровых финансовых активов // Законодательство. 2023. № 10. С. 37 – 41.

[7] Савельев А.И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 36 – 51.

[8] Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 212 с.

[9] Уваров М.А. Трансформация права собственности в условиях цифровизации: публично-правовой подход // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 58 – 68.

[10] Фрумина С.В. Эволюция цифровой трансформации российского фондового рынка: поэтапный анализ внедрения fintech-решений // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 7 (ч. 1). С. 153 – 163.

[11] Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. 2-е изд. М.: Проспект, 2025. 882 с.

[12] Чеховская С.А., Суховецкая Е.К. Цифровые финансовые активы в системе долговых финансовых инструментов // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 6. С. 130 – 143.

[13] Ярутин Я.К., Гуляева Е.Е. Международное и российское правовое регулирование оборота криптоактивов: понятийно-терминологическая корреляция // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 3. С. 725 – 751.

[14] Dell Erba M. Tokenization and the Legal Architecture of Finance // SSRN. 2026. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=6624379 (дата обращения: 14.08.2026).

[15] Lavayssiere X. Legal Structures of Tokenised Assets // European Journal of Risk Regulation, 2025. May. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/european-journal-of-risk-regulation/article/legal-structures-of-tokenised-assets/5D3537D89F9AD858339424E1D60D7C43 (дата обращения: 21.08.2026).

[16] Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[17] Федеральный закон от 15.12.2025 № 466-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.07.2026).

[18] Policy Statement 2.0 on the Development of Digital Assets in Hong Kong / FSTB, 26.06.2025. URL: https://www.info.gov.hk (дата обращения: 10.07.2026).

[19] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[20] Securities and Futures Ordinance (Cap. 571) // Hong Kong e-Legislation. URL: https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap571 (дата обращения: 30.07.2026); Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Ordinance (Cap. 615), s. 53ZRA // Hong Kong e-Legislation. URL: https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap615!en (дата обращения: 30.07.2026).

[21] Statement on Security Token Offerings; Circular on Intermediaries Engaging in Tokenised Securities-Related Activities; Circular on Tokenisation of SFC-Authorised Investment Products / SFC. URL: https://apps.sfc.hk/edistributionWeb/gateway/EN/circular/doc?refNo=23EC52 (дата обращения: 10.07.2026).

[22] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

[23] Указание Банка России от 23.09.2025 № 7176-У «Об определении признаков цифровых финансовых активов…» // Вестник Банка России. 2025. № 58.

[24] Федеральные законы от 14.07.2022 № 331-ФЗ и от 11.03.2024 № 45-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5298; 2024. № 12. Ст. 1569. См. также: Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2025. С. 170 – 176; С. 341 – 367.

[25] Guidelines for Virtual Asset Trading Platform Operators / SFC, June 2023. URL: https://www.sfc.hk/-/media/EN/assets/components/codes/files-current/web/guidelines/Guidelines-for-Virtual-Asset-Trading-Platform-Operators/Guidelines-for-Virtual-Asset-Trading-Platform-Operators.pdf?rev=f6152ff73d2b4e8a8ce9dc025030c3b8 (дата обращения: 10.07.2026).

[26] Circular on Intermediaries Engaging in Tokenised Securities-Related Activities / SFC, 02.11.2023. URL: https://apps.sfc.hk/edistributionWeb/gateway/EN/circular/doc?refNo=23EC52 (дата обращения: 10.07.2026).

[27] LCQ10: Promoting virtual asset development / HKSAR Government, 30.07.2025. URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202507/30/P2025073000312.htm (дата обращения: 10.07.2026).

[28] Policy Statement 2.0 on the Development of Digital Assets in Hong Kong. URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202506/26/P2025062600269.htm (дата обращения: 10.07.2026).

[29] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.07.2026).

[30] См., например, Определения Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.02.2024 по делу № А56-106556/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10b8c40c-7abd-4504-a012-3e685ea98fa4/7b544d99-3fde-4211-95fb-6cdeacc64c5c/A56-106556-2022_20240202_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.07.2026), от 10.06.2024 по делу № А56-124585/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ff739d08-561e-45f3-8b4c-46c28067ce79/c4a901d3-1953-41f4-8ee9-1f065f6fa901/A56-124585-2022_20240610_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.07.2026).

[31] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.07.2026).

[32] Re Gatecoin Limited (In Liquidation) [2023] HKCFI 914. URL: https://legalref.judiciary.hk/lrs/common/search/search_result_detail_frame.jsp?DIS=151622&QS=%24%28gatecoin%29&TP=JU (дата обращения: 10.07.2026).

[33] Stablecoins Ordinance (Cap. 656) // Hong Kong e-Legislation. URL: https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap656 (дата обращения: 18.08.2026).

[34] См., например, рассмотренные выше Определения Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делам № А56-106556/2022, № А56-124585/2022.

References:

[1] E.N. Abramova. Place of digital certificate in the securities system // Journal of Russian Law. 2025. VOL. 29. № 9. S. 62-76.

[2] Ayusheeva I.Z. Digital objects of civil rights // Lex Russica. 2021. T. 74. № 7. S. 32-43.

[3] A.V. Zakharkina. Fundamentals of civil theory of digital financial assets // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 57. S. 504-526.

[4] Kozlov D.O. Digital assets: problems of legal regulation as an obstacle to the practical implementation of investment projects // Property relations in the Russian Federation. 2023. № 5 (260). S. 66-72.

[5] Muradyan S.V. Digital Assets: Legal Regulation and Risk Assessment // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. VOL. 1. № 1. S. 123-151.

[6] Mukhamadeeva R.A. Pledge of shares issued in the form of digital financial assets // Legislation. 2023. № 10. S. 37-41.

[7] Savelyev A.I. Some risks of tokenization and blockchain of civil law relations // Law. 2018. № 2. S. 36-51.

[8] Sinitsyn S.A. Russian and foreign civil law in the conditions of robotization and digitalization: monograph. M.: Infotropic Media, 2021. 212 pp.

[9] Uvarov M.A. Transformation of property rights in the context of digitalization: a public-

legal approach // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (75). S. 58-68.

[10] Frumina S.V. Evolution of the digital transformation of the Russian stock market: a phased analysis of the implementation of fintech solutions // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2025. No. 7 (part 1). S. 153-163.

[11] Digital law: textbook/under the general. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. 2nd ed. M.: Prospect, 2025. 882 pp.

[12] Chekhovskaya S.A., Sukhovetskaya E.K. Digital financial assets in the system of debt financial instruments // Journal of Russian Law. 2025. VOL. 29. № 6. S. 130-143.

[13] Yarutin Y.K., Gulyaeva E.E. International and Russian legal regulation of the turnover of cryptoassets: conceptual and terminological correlation // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. VOL. 1. № 3. S. 725-751.

[14] Dell Erba M. Tokenization and the Legal Architecture of Finance // SSRN. 2026. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=6624379 (access date: 14.08.2026).

[15] Lavayssiere X. Legal Structures of Tokenised Assets // European Journal of Risk Regulation, 2025. May. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/european-journal-of-risk-regulation/article/legal-structures-of-tokenised-assets/5D3537D89F9AD858339424E1D60D7C43 (дата обращения: 21.08.2026).

[16] Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part I). Art. 5018.

[17] Federal Law No. 15.12.2025 of 466-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (access date: 10.07.2026).

[18] Policy Statement 2.0 on the Development of Digital Assets in Hong Kong / FSTB, 26.06.2025. URL: https://www.info.gov.hk (дата обращения: 10.07.2026).

[19] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // C3 of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[20] Securities and Futures Ordinance (Cap. 571) // Hong Kong e-Legislation. URL: https: //www.elegislation.gov.hk/hk/cap571 (access date: 30.07.2026); Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Ordinance (Cap. 615), s. 53ZRA // Hong Kong e-Legislation. URL: https:// www.elegislation.gov.hk/hk/cap615! en (access date: 30.07.2026).

[21] Statement on Security Token Offerings; Circular on Intermediaries Engaging in Tokenised Securities-Related Activities; Circular on Tokenisation of SFC-Authorised Investment Products / SFC. URL: https://apps.sfc.hk/edistributionWeb/gateway/EN/circular/doc?refNo=23EC52 (дата обращения: 10.07.2026).

[22] Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation "// NW RF. 2019. № 31. Art. 4418.

[23] Bank of Russia Ordinance No. 23.09.2025 , dated 7176-U, "On the Identification of Digital Financial Assets... "// Bank of Russia Bulletin. 2025. № 58.

[24] Federal Laws of 14.07.2022 No. 331-FZ and 11.03.2024 No. 45-FZ // C3 RF. 2022. No. 29 (part III). Art. 5298; 2024. № 12. Art. 1569. See also: Digital law: textbook/under the general. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. M.: Prospect, 2025. S. 170-176; S. 341-367.

[25] Guidelines for Virtual Asset Trading Platform Operators / SFC, June 2023. URL: https://www.sfc.hk/-/media/EN/assets/components/codes/files-current/web/guidelines/Guidelines-for-Virtual-Asset-Trading-Platform-Operators/Guidelines-for-Virtual-Asset-Trading-Platform-Operators.pdf?rev=f6152ff73d2b4e8a8ce9dc025030c3b8 (дата обращения: 10.07.2026).

[26] Circular on Intermediaries Engaging in Tokenised Securities-Related Activities / SFC, 02.11.2023. URL: https://apps.sfc.hk/edistributionWeb/gateway/EN/circular/doc?refNo=23EC52 (дата обращения: 10.07.2026).

[27] LCQ10: Promoting virtual asset development / HKSAR Government, 30.07.2025. URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202507/30/P2025073000312.htm (дата обращения: 10.07.2026).

[28] Policy Statement 2.0 on the Development of Digital Assets in Hong Kong. URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202506/26/P2025062600269.htm (access date: 10.07.2026).

[29] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 15.05.2018 No. 09AP-16416/2018 in case No. A40-124668/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.07.2026).

[30] See, for example, Decisions of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and the Leningrad Region dated 02.02.2024 in case No. A56-106556/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10b8c40c-7abd-4504-a012-3e685ea98fa4/7b544d99-3fde-4211-95fb-6cdeacc64c5c/A56-106556-2022_20240202_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (contact date: 10.07.2026), dated 10.06.2024 in case No. A56-124585/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ff739d08-561e-45f3-8b4c-46c28067ce79/c4a901d3-1953-41f4-

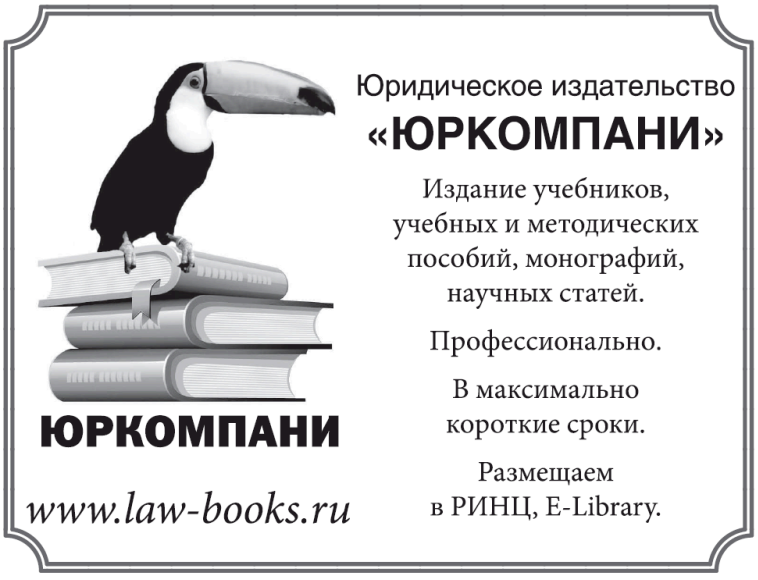
8ee9-1f065f6fa901/A56-124585-2022_20240610_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.07.2026).

[31] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru (access date: 10.07.2026).

[32] Re Gatecoin Limited (In Liquidation) [2023] HKCFI 914. URL: https://legalref.judiciary.hk/lrs/common/search/search_result_detail_frame.jsp?DIS=151622&QS=%24%28gatecoin%29&TP=JU (дата обращения: 10.07.2026).

[33] Stablecoins Ordinance (Cap. 656) // Hong Kong e-Legislation. URL: https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap656 (access date: 18.08.2026).

[34] See, for example, the Decisions of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and the Leningrad Region discussed above in cases No. A56-106556/2022, No. A56-124585/2022.

- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-116-120
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

КРАСНОПЕРОВА Е.А.,
кандидат биологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный аграрный университет», г. Троицк, Россия, e-mail: EA.G@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СЕЛЬСКИЕ РЕГИОНЫ

Аннотация. *В статье предлагаются меры по возвращению и строительству цехов по переработке сельскохозяйственной продукции в районных центрах. Это повышает экономический интерес фермерских и лично-подсобных хозяйств к росту животноводческой продукции, что будет способствовать стабилизации социально-экономической обстановке на селе. Появятся, новые рабочие места и повысятся доходы селян. Внедрение инновационных подходов в агропромышленный комплекс будет способствовать росту престижа профессий в сельском хозяйстве и повышению привлекательности жизни в сельской местности.*

Ключевые слова: *экология, агропромышленный комплекс, природно-ресурсный потенциал, безопасные продукты питания, сельское хозяйство, пищевая промышленность*

KRASNOPEROVA E.A.,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, FSBEI HE "South Ural State Agrarian University," Troitsk, Russia

PROSPECTS FOR MODERNIZATION OF THE AGRICULTURAL SECTOR AND ITS IMPACT ON RURAL REGIONS

Annotation. *Under the innovative economy, it is customary to understand an economy based on the constant introduction of scientific and technological progress in its industry. The article suggests measures for the return and construction of workshops for processing agricultural products in district centers. This increases the economic interest of farmers and private farms in the growth of livestock products, which will contribute to the stabilization of the socio-economic situation in rural areas. The introduction of innovative approaches to the agro-industrial complex will contribute to increasing the prestige of agricultural professions and making rural life more attractive.*

Key words: *ecology, agro-industrial complex, natural resource potential, safe food products, agriculture, food industry.*

АПК в настоящее время находится на новом этапе развития. Внедрение цифровых технологий проникает во многие сферы деятельности. Генная инженерия позволяет не только повышать продуктивность скота, но и формировать иные селекционные признаки, получение которых ранее считалось невозможным или труднодостижимым. Например, селекция на повышение белка в молоке. Одним из достижений генной инженерии молочного скотоводства является рост продуктивности стада за последние 25-30 лет в 1,5-2 раза. Разумеется, что такой подъем продуктивности вызван не только наследственными новых технологий доения и ухода за животными.

Прежде без генной инженерии за столь короткий промежуток времени такого роста продуктивности достигнуть не удавалось. Большие изменения происходят в кормлении скота. Широкое распространение получают методы заготовки консервирования и использования кормов. Применение гибридных семян позволяет выращивать кукурузу молочно-восковой и восковой спелости в условиях Южного Урала. Силос из такой кукурузы способствует росту продуктивности молочного стада, хорошо поедается молодняком крупного рогатого скота, свиноматками на подсосе откормочным поголовьем. Современные системы заготовки грубых и сочных кормов предполагают

использование химических и бактериологических консервантов и заквасок, позволяющих существенно снизить потери кормов при их хранении. Одновременно это способствует улучшению качеству молока, мяса говядины и свинины. Не маловажен и тот факт, что удалось снизить расход кормов на единицу продукции на 10-15%. Все это способствовало росту конкурентоспособности.

Вместе с тем инвестиционная политика включает в себя не только применение отмеченных выше направления развития АПК. Существенным направлением инновационной экономики является рациональное использование природно-ресурсного потенциала страны в целом и региона в частности.

Челябинская область характеризуется значительными площадями естественных выпасов, особенно это касается степных районов. Между тем поголовье крупного рогатого скота, лошадей, и овец в этих районах сократилось в 2 и более раза. В дореформенный период в области насчитывалось около 1 млн. овец, из которых более 80% приходилось на общественное поголовье. В настоящее время овцы содержатся только в лично-подсобных хозяйствах и незначительного числа фермерских хозяйств. Поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось более, чем в 2 раза. Заметим, что продуктивность естественных выпасов была очень низкой и не могла обеспечивать потребности пастбищных животных в зеленой траве. За прошедшие 25-30 лет пастбища отдохнули и значительно повысили свою продуктивность. Не следует полагать, что они стали высокопродуктивными и не нуждаются в их окультуривание и уходе.

Примерно четверть это населения представлена лицами исповедующих ислам. В их культуре употребление конины – признак среднего и высокого достатка жителей. Регион располагает хорошей племенной базой для разведения крупного рогатого скота мясных пород. На базе племенных заводов ведется целенаправленно селекционно-племенная работа учеными Российского научно-исследовательского института мясного скотоводства. Из всего перечисленного мы делаем следующий вывод: природно-климатические условия Челябинской области для развития отраслей животноводства используются недостаточно. Резкое сокращение поголовья скота всех видов не только снизило производство животноводческой продукции, но и обострило социально-экономическую ситуацию. Безработица получила широкое распространение в сельских поселениях.

Как это не покажется странным, но производители животноводческого сырья, основной проблемой считают реализацию произведенной продукции. Это вполне объяснимо и логично, до коренных социально-экономических реформ практически в каждом районом центре имелись молокоперерабатывающие предприятия. В Челябинской области насчитывалось четыре крупных мясоперерабатывающих предприятия (в г. Челябинске, Магнитогорске, Златоусте. В настоящее время в области осталось четыре мясоперерабатывающих предприятия. Мелкие и даже средние производители молока и скота на мясо испытывают большие трудности с реализацией выращенной продукции. В дореформенное время в каждом районном центре имелись цеха по забою скота и изготовлению мясных изделий.

Это были предприятия принадлежащей потребительской кооперации. В настоящее время потребительская кооперация Челябинской области не занимается закупками излишков молока и скота на мясо, овощей и картофеля они функционируют за счет предприятий общественного питания и торговой деятельности. В принципе предприятия Роспотребсоюза не стали заниматься торгово-закупочной деятельностью излишков молока, мяса, овощей у населения, хотя ради этого они и создавались.

Основная торговля продовольственными товарами осуществляется торговыми сетями в городах промышленных и районных центров. Отличительными особенностями этих предприятий является однородность продукции, поступающих на реализацию в подготовленном виде, широкий ассортимент товаров и большой объем реализации. Торговые сети создавались для работы в мегаполисах, где имеется емкий рынок сбыта, более высокие душевые доходы домашних хозяйств.

Торговля осуществляется в расфасованном виде и определенной таре. Сети хорошо используют современные тенденции в работе с покупателями. В частности, у них имеется широкий ассортимент товаров готовых непосредственно к употреблению, а также продукты не требующих длительной подготовки (наборы для супов, шашлыков и продуктов быстрого приготовления). Естественно, что партнерами торговых сетей могут выступать только крупные торгово-закупочные предприятия, осуществляющие подготовку к реализации (разрубку туш, расфасовку продукции в мелкую тару). Мелкие и средние сельхозпредприятия не могут выполнять подготовительные работы, они не располагают соответствующим оборудованием и кадрами.

Таким образом, мелкие, и средние агропредприятия остаются за бортом торговых сетей. Крупные аграрные предприятия (птицефабрики, свинокомплексы, тепличные комбинаты и др.) располагают собственными товаропроводящими сетями. Например, птицефабрика «Равис» имеет

собственную торговую сеть, насчитывающая более 200магазинов. Свинокомплекс ОАО «Ариант» имеет собственную торговую сеть не только в пределах Челябинской области, но и соседней Свердловской и Ханты-Мансийском округе. Чуриловский тепличный комбинат также имеет торгово-проводящую сеть «Витаминка». Макаронная фабрика АО «Макфа», Увельская крупяная компания ООО «Увелка» и ООО «Ситно» г. Магнитогорск вышли на общероссийский рынок. Продукция этих крупных предприятий известна во многих регионах РФ и за ее пределами (Узбекистан, Киргизия). Эти широко известные холдинги Челябинского АПК ежегодно получают хорошую прибыль.

Анализ показывает, что, сосредоточив в одних руках выращивание кормов их переработку, производство мясо свиней и птицы, куриных яиц и одновременно занимаясь реализацией произведенной продукции через собственные товаропроводящие сети позволяет вырабатывать товары с высокой добавленной стоимостью и получать хорошую прибыль. Это не является изобретение отечественных фирм, а такой опыт широко культивируется в странах Европы, Азии и США. Игнорировать этот опыт не целесообразно, его надо использовать и творчески применять. По существу, это инновационные технологии, имеющие хорошие перспективы для развития АПК. Мы полагаем было бы целесообразно создавать в районах цеха по заготовке и переработке сельскохозяйственной продукции, выращенной в лично-подсобных хозяйствах граждан.

Инновационные технологии в АПК имеют свои отличительные особенности, соблюдения которых являются непременным условием эффективного производства. Современное общество обязано позаботиться о том, в каком состоянии оно оставит нашим потомкам возможность выращивания пищевых ресурсов в необходимом количестве и должного качества. Именно поэтому рациональное использование земли, водного и воздушного бассейнов для нужд сельского хозяйства имеют исключительно важное значение.

Выращиванием сельскохозяйственного сырья будет и впредь сосредоточено в крупных агрохолдингах, средних и малых производителях. Наиболее эффективно и успешно функционируют в настоящее время агрохолдинги. Их успех мы объясняем следующими обстоятельствами. Во-первых, они ведут производство на огромных площадях исчисляемых десятками тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. Таким образом, объективно создается эффект крупномасштабного производства: лучше используют ремонтную базу, современные помещения для содержания скота и птицы, имеют капитальные помещения для ремонта техники, хранения зерна и кормовых ресурсов. Все это малодоступно средним и малым товаропроизводителям.

Во-вторых: чаще всего агрохолдинги совмещают выращивание сырья с его дальнейшей переработкой. Произведенное сырье обычно перерабатывается в подготовленную к реализации продукцию. Например, крупный агрохолдинг ООО «Подовинное молоко» Октябрьского района выкупил Южноуральский молочный завод и поставляет торговым сетям готовую к реализации продукцию. Это означает, что они продают продукт с более высокой добавленной стоимостью, что в значительной мере повышает эффективность их производства.

В-третьих, наиболее крупные агрохолдинги имеют в своем составе собственную торговую сеть. Конечно, через нее реализуется не вся выращенная продукция, но большая ее часть. Это еще более повышает конкурентоспособность этих предприятий на рынке. Большинство средних и малых предприятий способно выращивать сельскохозяйственное сырьё. У них не возможности перерабатывать свой товар в конечные продукты потребления. Они реализуют его предприятия посредникам: элеваторы, молочные заводы, мясокомбинаты. Те в свою очередь перерабатывают сырье и поставляют его в торговые сети.

Для Челябинской области еще характерно и то, что лучшая масса товарного зерна поставляется на мировой рынок. Именно этим объясняется снижение потребительских характеристик хлебобулочных изделий в Челябинской области, на которые постоянно жалуются покупатели. Для этих товаропроизводителей основной проблемой является лишение доступа к муниципальным региональным рынкам. Это ниша занята торговыми сетями, которым легче закупать импортный картофель из Египта и Израиля и продавать его по 50 руб./кг и выше, чем иметь дело с отечественными производителями картофеля. Последние не имеют современных хранилищ для картофеля и овощей с регулируемой температурой и влажностью для длительного хранения и машин для сортировки картофеля, помещения для подготовки товара к реализации.

Территория Челябинской области весьма привлекательна для отдыха и туризма. Этот природный потенциал до сих пор используется не в полную меру. Привлекая туристов, в том числе и жителей промышленных центров и городов области, мы будем способствовать достижению взаимосвязанных целей. Усилится конкуренция на продовольственном рынке, и ее отличие состоит в следующем. Если горожане и туристы будут удовлетворены ассортиментом и качеством, предлагаемым им продуктов, они будут стремиться, если не ежедневно, то периодически приобретать ее

на вновь открывшихся рынках. Конечно, цена на деликатесные мясные и молочные продукты (сметана, кумыс и др.) будут иметь более высокую розничную цену. Но покупатель готов заплатить ее в обмен на высокое качество. Несомненно, это составит определенную конкуренцию торговым сетям. Хотя экономически торговые сети в состоянии выдержать конкуренцию.

Среди жителей сельских поселений появится экономический интерес содержания скота и птицы. Особенно это касается разведению домашней птицы (гусей, индеек, кур-несушек). У них появится свой рынок сбыта, и они могут расширять ассортимент предлагаемой продукции, например, предлагая покупателям огурцы, томаты т овощи домашней заготовки, варить на продажу варенье, а том числе из дикорастущих ягод. Это будет способствовать росту доходов населения, стабилизировать его численность. Пропагандируя туризм выходного дня в сельских поселениях, люди получают полноценный отдых на природе и приобретают для своих семей высококачественные продукты питания. Регулярное полноценное питание является важнейшим фактором формирования здоровья и работоспособности.

Первые результаты окажутся успешными, т.е. продукция, произведенная в сельских поселениях, будет востребованной и конкурентоспособной, то следующим шагом к распространению сельского туризма будет создание необходимой инфраструктуры: строительство гостинец и кемпингов, бань, оборудованных мест отдыха, в т.ч. и у воды. Появление устойчивого рынка сбыта фермерских крестьянских хозяйств и лично-подсобных хозяйств граждан, повысить не только экономический интерес к аграрному труду, но и может стать привлекательной сферой для постоянного места жительства и комплексного развития сельских территорий. Сосредоточение на сельских территориях не только производство сырья, но и изготовление полноценных продуктов питания поспособствует укреплению сельской экономики, за счет более высокой добавленной стоимости, где появятся новые рабочие места и село почувствует перспективы своего развития. Последнее является базой для стабилизации сельского населения, сократив его миграцию в города и крупные поселения. Таким мы представляем себе развитие инновационной экономики в аграрном секторе области.

Перспективы развития сельских поселений мы видим в том, чтобы создавать на местах цеха по переработке части сельскохозяйственного сырья и организовать торговлю готовыми продуктами питания, формировать конкурентную среду для стабильного развития сельских территорий.

Список литературы:

[1] Баутин В.М. Вызовы модернизации аграрного образования и проблемы подготовки кадров // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – № 5. – С. 12-17.

[2] Иванова В.Н., Серегин С.Н., Новосельцева А.В. Основные направления реализации стратегии национальной безопасности в сфере продовольственной независимости России // Пищевая промышленность. – 2016. – № 4. – С. 40-43.

[3] Галатов А. Н., Литовченко В.Г., Красноперова Е.А. Иванов В.А., Глянькова Л.М., Лунина М.Ю. Обеспечению продовольственной безопасности – комплексной подход // Кормление сельскохозяйственных животных и кормопроизводство. – 2015. – № 4. – С. 29-35.

[4] Ермоленко. А.А. Субъектная целостность российской экономики: взгляд через призму теории интегрированных субъектов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Экономика. – 2018. Т. 20. – № 2. – С. 5-15.

[5] Красноперова Е.А. Основные проблемы экологизации АПК // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им Н.Э. Баумана. – 2016. – № 4 (228). – С. 67-71.

[6] Красноперова Е.А. Экология и социальная ответственность бизнеса в сфере АПК // Вестник Новосибирского государственного аграрного университета. – 2017. – № 3 (44). – С. 164-169.

[7] Красноперова Е.А., Юлдашбаев Ю.А. Эколого-экономическая и иные оценки технологий АПК // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. № 64. – С. 104-109.

[8] Красноперова Е.А., Кармацких Ю.А., Костомахин Н.М. Пути развития и основные проблемы животноводства Челябинской области // Кормление сельскохозяйственных животных и кормопроизводство. – 2024. – № 7 (228). – С. 31-40.

[9] Никифорова А.О., Кармацких Ю.А. Влияние некоторых паратипических факторов на продуктивное долголетие коров // Главный зоотехник. – 2025. – № 9 (266). –С. 16-26.

[10] Уразова А.А., Кармацких Ю.А. Производство пробиотиков для животных в России // В сборнике: Молодежная наука для развития АПК. сборник трудов LX студенческой научно-практической конференции. Тюмень, 2023. С. –151-156.

References:

[1] Bautin V.M. Challenges of modernization of agricultural education and problems of personnel training // Economy of agricultural and processing enterprises. – 2016. – № 5. - S. 12-17.

[2] Ivanova V.N., Seregin S.N., Novoseltseva

A.V. The main directions of implementation of the national security strategy in the field of food independence of Russia // Food industry. – 2016. – № 4. - S. 40-43.

[3] Galatov A.N., Litovchenko V.G., Krasnoperova E.A. Ivanov V.A., Gleskova L.M., Lunina M.Yu. Ensuring food security - an integrated approach // Feeding farm animals and feed production. – 2015. – № 4. - S. 29-35.

[4] Ermolenko. A.A. Subject integrity of the Russian economy: a view through the prism of the theory of integrated subjects // Bulletin of Volgograd State University. Economics series. – 2018. T. 20. – № 2. - S. 5-15.

[5] Krasnoperova E.A. Main problems of greening the agro-industrial complex // Scientific notes of the Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman. – 2016. – № 4 (228). - S. 67-71.

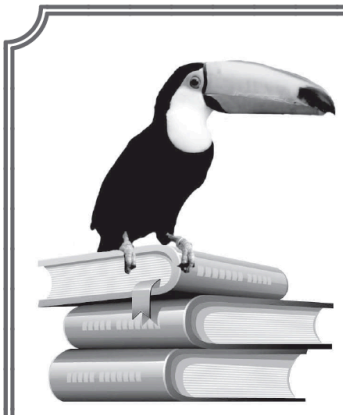
[6] Krasnoperova E.A. Ecology and social responsibility of business in the agricultural sector // Bulletin of the Novosibirsk State Agrarian University. – 2017. – № 3 (44). - S. 164-169.

[7] Krasnoperova E.A., Yuldashbaev Yu.A. Ecological and economic and other assessments of agricultural technologies // Proceedings of the Kuban State Agrarian University. – 2017. № 64. - S. 104-109.

[8] Krasnoperova E.A., Karmatskikh Yu.A., Kostomakhin N.M. Ways of development and the main problems of animal husbandry in the Chelyabinsk region // Feeding of farm animals and feed production. – 2024. – № 7 (228). - S. 31-40.

[9] Nikiforova A.O., Karmatskikh Yu.A. The influence of some paratypical factors on the productive longevity of cows // Chief livestock specialist. – 2025. – № 9 (266). -C. 16-26.

[10] Urazova A.A., Karmatskikh Yu.A. Production of probiotics for animals in Russia // In the collection: Youth science for the development of the agro-industrial complex. collection of works of the LX student scientific-practical conference. Tyumen, 2023. S. -151-156.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-121-125

ВОЛЬНОВ Алексей Сергеевич,
аспирант кафедры «Уголовного права и процесса» частного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки,
e-mail: 2772391@gmail.com

ПРЕДПИСАНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ОРГАНА КАК МЕРА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНКУРЕНЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *В настоящей статье автором исследуется правовая природа предписания антимонопольного органа как меры, направленной на обеспечение конкуренции при осуществлении экономической концентрации в условиях цифровой экономики, при этом особое внимание уделяется трансформации традиционных подходов антимонопольного контроля под воздействием сетевых эффектов, возрастания роли данных и ускорения рыночных изменений; обосновывается, что специфика цифровых рынков обусловливает недостаточность классических структурных и поведенческих моделей регулирования, поскольку последствия концентрации проявляются не только в ценовых параметрах, но и в ограничении доступа к инфраструктуре, снижении мобильности пользователей и ослаблении конкурентной среды, вследствие чего предписание приобретает значение гибкого правового инструмента, способного адаптироваться к особенностям конкретного рынка и сделки; анализируются проблемные аспекты применения предписаний, включая неопределенность критериев их соотнесения с иными мерами антимонопольного реагирования, недостаточную разработанность процедурных гарантий для участников концентрационных сделок, сложности технического контроля за исполнением обязательств, связанных с данными и интерфейсами, а также вопросы трансграничного исполнения; в работе делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства о защите конкуренции посредством развития комбинированного применения структурных и поведенческих условий, расширения практики условных обязательств и института пересмотра предписаний, а также усиления международной координации антимонопольных органов, что позволит повысить эффективность контроля за экономической концентрацией и обеспечить баланс публичных и частных интересов в цифровой экономике.*

Ключевые слова: *антимонопольное регулирование, экономическая концентрация, цифровая экономика, предписание антимонопольного органа, конкуренция, цифровые рынки, данные.*

VOLNOV Alexey Sergeevich,
graduate student of the Department of Criminal Law and Process of a private educational institution of higher education "St. Petersburg University of Management Technologies and Economics," 5.1.2 Public Law (State Law) Sciences

ANTIMONOPOLY AUTHORITY ORDER AS A MEASURE TO ENSURE COMPETITION IN ECONOMIC CONCENTRATION IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. *In this article, the author examines the legal nature of the prescription of the antimonopoly authority as a measure aimed at ensuring competition in the implementation of economic concentration in the digital economy, with particular attention paid to the transformation of*

traditional approaches to antimonopoly control under the influence of network effects, the growing role of data and accelerating market changes; it is justified that the specificity of digital markets leads to the insufficiency of classical structural and behavioral models of regulation, since the consequences of concentration are manifested not only in price parameters, but also in restricting access to infrastructure, reducing user mobility and weakening the competitive environment, as a result of which the prescription acquires the importance of a flexible legal instrument that can adapt to the characteristics of a particular market and transaction; problematic aspects of the application of regulations are analyzed, including the uncertainty of the criteria for their correlation with other antimonopoly response measures, insufficient development of procedural guarantees for participants in concentration transactions, difficulties in technical control over the fulfillment of obligations related to data and interfaces, as well as issues of cross-border execution; the work concludes that it is necessary to further improve the legislation on the protection of competition by developing a combined application of structural and behavioral conditions, expanding the practice of contingent obligations and the institution of revising regulations, as well as strengthening international coordination of antimonopoly authorities, which will increase the efficiency of control over economic concentration and ensure a balance of public and private interests in the digital economy.

Key words: *antimonopoly regulation, economic concentration, digital economy, antimonopoly authority order, competition, digital markets, data.*

Цифровизация экономических отношений существенно трансформировала условия функционирования товарных рынков, что неизбежно отразилось на механизмах государственного регулирования конкуренции. Секторы цифровой экономики характеризуются выраженными сетевыми эффектами, мультипликативной ролью данных как стратегического ресурса и повышенной скоростью рыночных трансформаций, в результате чего традиционные подходы к оценке экономической концентрации оказываются не вполне адекватными сложившейся практике. Сегодня особенно важно найти правовые механизмы, которые позволили бы антимонопольному органу действовать не только постфактум – фиксируя совершившиеся нарушения конкуренции, – но и упреждающе, формируя условия для восстановления рыночного порядка и его дальнейшего удержания. Одним из таких механизмов служит предписание ФАС, чье правовое содержание и функциональное назначение на цифровых рынках заслуживают отдельного теоретико-правового исследования.

Контроль за экономической концентрацией в цифровой среде сопряжен с рядом методологических трудностей, главная из которых – определение границ релевантных товарных рынков. Цифровые платформы работают трансгранично и имеют многостороннюю структуру, поэтому точно установить круг участников рынка и масштаб их взаимного влияния бывает проблематично. К тому же в IT-секторе высокая концентрация активов, как правило, сочетается с активной инновационной деятельностью, и тогда антимонопольная политика сталкивается с необходимостью выдержать баланс между стимулированием технологического развития и сдерживанием монополизации.

Особенности цифровых рынков, в свою очередь, обусловливают то обстоятельство, что отрицательные результаты экономической концентрации проявляются не только в привычном повышении цен, но также в падении качества индивидуализации услуг, сужении мобильности пользователей и ухудшении условий доступа к инфраструктурным компонентам платформенной экономики. По этой причине регулятор обязан избирать такие способы воздействия, которые учитывали бы многоаспектный характер названных изменений и позволяли соразмерно реагировать на риски, свойственные цифровой конкурентной среде.

Предписание как мера, направленная на обеспечение конкуренции при осуществлении экономической концентрации, обладает известной степенью гибкости, поскольку позволяет соотносить содержание правовых требований со спецификой конкретного товарного рынка и особенностями соответствующей конкурентной среды. Вместе с тем правовые механизмы применения предписаний в условиях цифровой экономики остаются недостаточно разработанными как в доктринальном, так и в нормативном аспекте. В частности, не выработаны четкие критерии соотношения данной меры с иными способами реагирования антимонопольного органа, не в полной мере определены процедурные гарантии участников концентрационных сделок, а вопросы обеспечения исполнения предписаний в трансграничном контексте по существу остаются нерешенными. Восполнение обозначенных пробелов представляется необходимым для повышения эффективности антимонопольного регулирования и формирования правовых условий, адекватных вызовам

цифровизации. Настоящее исследование направлено на выявление особенностей применения предписания антимонопольного органа в качестве меры по обеспечению конкуренции при экономической концентрации в цифровой экономике, анализ его соотношения с другими инструментами антимонопольного воздействия и обоснование направлений совершенствования соответствующего правового регулирования.

В доктрине российского конкурентного права традиционно выделяются структурные и поведенческие условия, содержащиеся в предписаниях антимонопольного органа. Как справедливо отмечают Е.В. Козлитин и С.Б. Авдашева, «структурные предписания предполагают продажу определенной части бизнеса на затронутых слиянием рынках, которая позволила бы приблизительно восстановить распределение долей по состоянию до сделки. Поведенческие предписания включают прямые регулирующие требования к ценам или условиям сделок, заключаемых компаниями» [1, с. 5]. Применительно к цифровой экономике рассматриваемая типология утрачивает свою полноту: обязательства, предполагающие техническое обособление данных либо обеспечение доступа к программным интерфейсам, соединяют в себе элементы структурного вмешательства в рыночную организацию и регулирования поведенческого порядка. Российская правоприменительная практика указывает на превалирование условий поведенческого свойства, однако на высококонцентрированных цифровых рынках, где входные барьеры задаются доступом к крупным информационным массивам, означенные меры сплошь и рядом не достигают необходимого эффекта. Данное обстоятельство вызывает потребность в совместном задействовании обеих групп обязательств.

Специфика цифровых рынков – выраженные сетевые эффекты, мультипликативная роль информации как стратегического ресурса и повышенная скорость инновационных трансформаций –существенно затрудняет прогнозирование последствий экономической концентрации. Д.Т. Абдуллин обоснованно указывает, что «при осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках возникает необходимость обеспечения прав и законных интересов потребителей, поскольку в результате совершения сделки (иного действия) по экономической концентрации доступ приобретателя (участника реорганизации) к объединенным большим данным и сетевой эффект могут привести к возникновению у него рыночной власти» [2, с. 10]. В подобных условиях приоритетное значение приобретает гибкость правовых мер: предписания должны конструироваться с учетом возможных сценариев развития рынка, а не исходя из статичной модели его состояния.

Один из способов обеспечить такую гибкость – предусмотреть в предписании обязательства под условием, которые вступают в силу только при наступлении конкретных обстоятельств: возникновения непреодолимых барьеров входа, превышения покупателем установленной доли на рынке, сокращения инвестиций в инновации со стороны объекта концентрации. Исполнять их придётся лишь тогда, когда антиконкурентные риски проявятся в действительности. Это позволяет регулятору не вмешиваться преждевременно, пока дальнейшее развитие рынка ещё трудно предсказать. Вместе с тем для сторон сделки такая модель создаёт правовую неопределённость, а регулятор вынужден нести дополнительные административные затраты на длительный надзор.

В цифровой экономике доступ к данным как элемент предписания обособился в самостоятельную проблему. Требования раскрывать информацию конкурентам или технически разграничивать данные участников сделки способны устранить антиконкурентные последствия концентрации. Однако в российском праве механизмы технического контроля за такими обязательствами до сих пор не проработаны ни в доктрине, ни в нормативном поле. В результате их практическая эффективность остаётся невысокой, и назревает необходимость выработать специальные процедуры проверки исполнения.

За нарушение требований законодательства о контроле за конкуренцией закон предусматривает административную ответственность в виде штрафов: за неисполнение в установленный срок предписания антимонопольного органа (ч. 2.3 ст. 19.5 КоАП РФ), а также за нарушение порядка и сроков подачи ходатайств (ч. 3, 4 ст. 19.8 КоАП РФ). Перечисленные составы правонарушений формальны по своей природе: ответственность наступает вне зависимости от того, выявлены ли антиконкурентные последствия. Такой подход законодателя обеспечивает превентивный характер антимонопольного контроля, однако одновременно возобновляет дискуссию о соотношении формального и материального начал в системе антимонопольного регулирования.

Гражданско-правовые последствия включают принудительную ликвидацию или реорганизацию хозяйствующего субъекта (ст. 27 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от. 08.03.2026) (далее по тексту – Закон о защите конкуренции), а также признание сделки недействительной (ст. 28, 29 Закона о защите конкуренции). Существенно, что суд применяет указанные меры при условии доказанности факта, что сделка привела либо может

привести к антиконкурентным последствиям. В этой связи позиция

М.А. Егоровой о значении фактических изменений в состоянии конкурентной среды, а не формальной стороны действий, находит отражение в подходе Пленума Верховного Суда РФ [3]. Дискуссионным остается вопрос о правовой природе сделок, совершенных с нарушением порядка согласования; в доктрине преобладает точка зрения И.С. Шиткиной об их оспоримости, что в контексте цифровых рынков представляется более адекватным по сравнению с абсолютной недействительностью [4].

В 2023 г. в рамках «пятого антимонопольного пакета» законодатель урегулировал институт пересмотра предписания в части содержания или порядка его исполнения как по инициативе адресата, так и по инициативе регулятора (ч. 11 ст. 33 Закона о защите конкуренции). Значение данного института для обеспечения баланса между публичными и частными интересами раскрыто в работе Ю.С. Поварова; пересмотр позволяет адаптировать предписание к изменившимся условиям рынка без отмены первоначального решения. В условиях цифровой экономики, где прогнозирование развития конкурентной среды затруднено, данный институт приобретает особое значение [5].

Таким образом, в условиях цифровой экономики института предписаний требуется дальнейшее совершенствование с учетом специфики высокотехнологичных рынков. Представляется целесообразным развитие подходов, ориентированных на комбинированное применение структурных и поведенческих условий, расширение практики условных обязательств, зависящих от наступления конкретных антиконкурентных рисков, а также углубление координации российского регулятора с зарубежными ведомствами в отношении трансграничных сделок. Необходимым представляется и дальнейшее теоретическое осмысление правовой природы обязательств, связанных с доступом к данным, для обеспечения единообразия в правоприменительной практике.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что предписание антимонопольного органа по-прежнему выступает в цифровой экономике одним из основных способов защиты конкуренции при концентрации хозяйствующих субъектов. Однако само содержание этого института, его форма и механизмы применения нуждаются в существенной перестройке. На высокотехнологичных рынках структурные и поведенческие предписания уже не разделить так чётко, как прежде. Обязательства по доступу к данным и алгоритмам не подпадают ни под одну из этих категорий – это скорее гибридный инструмент. Выбирать конкретное предписание следует, ориентируясь на специфику сделки и динамику рынка, а не только на формальную классификацию. Проще говоря, нужно комбинировать разные виды предписаний, подбирая их под каждый случай.

Теория и практика конкурентного права не продвинутся дальше без отработки механизмов условных обязательств, которые становятся обязательными лишь при наступлении заранее оговорённых антиконкурентных рисков. Также нужно ввести процедуру пересмотра предписаний, чтобы адаптировать их к изменениям на цифровых рынках. Отдельно стоит вопрос доступа к большим данным: здесь предстоит определить порядок раздельного хранения информации, предоставления интерфейсов третьим лицам и технического контроля за исполнением. Не менее актуальна международная координация при вынесении предписаний по трансграничным сделкам. Когда национальные регуляторы действуют каждый сам по себе, риск конфликтов и разночтений в правоприменении заметно возрастает.

Дальнейшее совершенствование института предписаний требует согласования публичного интереса в защите конкуренции с частными интересами участников рыночного оборота. Разработанные направления развития правового регулирования, включая условные обязательства и специальные меры воздействия в отношении субъектов цифровых рынков, призваны привести механизмы антимонопольного контроля в соответствие с вызовами технологической трансформации и могут составить базис для последующей модернизации законодательства о защите конкуренции.

Список литературы:

[1] Козлитин, Е.В. Результаты невыполненных предписаний антимонопольного органа (на примере структурных предписаний при поглощении ТНК-ВР Роснефтью) / Е.В. Козлитин, С.Б. Авдашева // Современная конкуренция. – 2015. – Т. 9, № 6(54). – С. 5-19.

[2] Абдуллин, Д.Т. Правовое регулирование антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики: дис. … канд. юрид. наук / Д.Т. Абдуллин; МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2024. –190 с.

[3] Егорова, М.А. Некоторые вопросы государственного контроля экономической концентрации группы лиц / М.А. Егорова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 1. – С. 38-43.

[4] Шиткина, И. Правовое регулирование экономической концентрации (в свете нового Федерального закона «О защите конкуренции») /

И. Шиткина // Хозяйство и право. – 2007. – № 1(360). – С. 14-23.

[5] Поваров, Ю.С. Пересмотр антимонопольных предписаний по сделкам экономической концентрации: значение, условия и порядок / Ю.С. Поваров // Конкурентное право. – 2023. – № 2. – С. 10-13.

References:

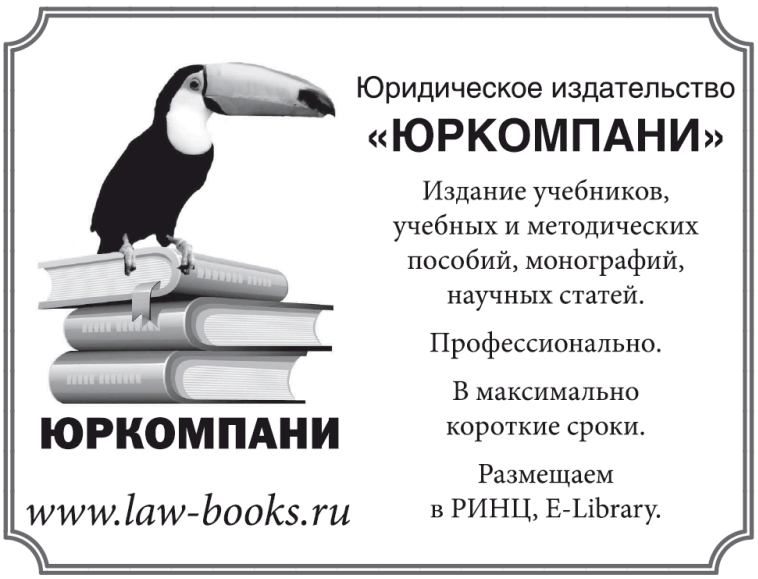
[1] Kozlitin, E.V. Results of Unfulfilled Instructions of the Antimonopoly Authority (using the Example of Structural Instructions during the Acquisition of TNK-BP by Rosneft) / E.V. Kozlitin, S.B. Avdasheva // Modern Competition. - 2015. - Vol. 9, e6 (54). - Pp. 5-19.

[2] Abdullin, D.T. Legal Regulation of Antimonopoly Control over Economic Concentration in the Sphere of Entrepreneurial Activity in the Context of the Digital Economy: Dis. ... Cand. of Law / D.T. Abdullin; Lomonosov Moscow State University. - Moscow, 2024. - 190 p.

[3] Egorova, M.A. Some Issues of State Control over Economic Concentration of a Group of Persons / M.A. Egorova // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. – 2016. – № 1. – P. 38-43.

[4] Shitkina, I. Legal regulation of economic concentration (in light of the new Federal Law "On Protection of Competition") / I. Shitkina // Business and Law. – 2007. – № 1 (360). – P. 14-23.

[5] Povarov, Yu.S. Revision of antitrust regulations on economic concentration transactions: meaning, conditions and procedure / Yu.S. Povarov // Competition law. – 2023. – № 2. – P. 10-13.

- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-126-132
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

САЧЕНКО Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alex_sachenko@list.ru

СВАРЧЕВСКИЙ Константин Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: svarchewsky@yandex.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ ДЕНЕГ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ИСКАМ ПРОКУРОРА ОБ ОБРАЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА В ДОХОД ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Цифровизация экономических отношений неизбежно приводит к появлению таких видов объектов гражданских прав как цифровые денежные средства, что формирует новые подходы к правоприменению и их правовой квалификации в том числе со стороны судебных органов государственной власти. Во взаимоотношениях с органами прокуратуры по поводу обращения имущества в доход государства суды общей юрисдикции в основном руководствуются общепринятым подходом восприятия денежных средств исходя из их дифференциации гражданским законодательством на наличные и безналичные. В то же время, постепенное вхождение в гражданский оборот цифровых денежных средств, в том числе и цифрового рубля, позволяет использовать иной подход, как к правовому пониманию цифровых денежных средств, так и к их правовой квалификации в части защиты публично-правовых интересов государства, в том числе по искам прокуратуры. Ввиду этого, дается положительная характеристика использованию судами общей юрисдикции категории денежных средств как обособленного объекта гражданских прав в контексте цифровых денежных единиц на основе чего предлагается отдельное выделение таких объектов в отдельную группу объектов гражданских прав.*

Ключевые слова: *цифровые денежные средства, судебное толкование, суды общей юрисдикции, иски, судебный акт.*

SACHENKO Alexey Leonidovich,
Candidate of Law, Associate Professor, North-West Branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

SVARCHEVSKY Konstantin Gennadievich,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia,

ISSUES OF LEGAL QUALIFICATION OF DIGITAL MONEY BY COURTS OF GENERAL JURISDICTION ON THE PROSECUTOR'S CLAIMS ON THE CONVERSION OF PROPERTY INTO STATE INCOME

Annotation. *The digitalization of economic relations inevitably leads to the emergence of such types of objects of civil rights as digital money, which forms new approaches to law enforcement*

and their legal qualification, including by judicial authorities. In dealing with the prosecutor's office regarding the conversion of property into state revenue, courts of general jurisdiction are mainly guided by the generally accepted approach to the perception of funds based on their differentiation by civil law into cash and non-cash. At the same time, the gradual entry of digital money into civil circulation, including the digital ruble, allows for a different approach to both the legal understanding of digital money and its legal qualification in terms of protecting the public legal interests of the state, including through lawsuits filed by the prosecutor's office. In view of this, a positive characteristic is given of the use by courts of general jurisdiction of the category of monetary funds as a separate object of civil rights in the context of digital monetary units, on the basis of which a separate allocation of such objects into a separate group of objects of civil rights is proposed.

Key words: *digital money, judicial interpretation, courts of general jurisdiction, lawsuits, judicial act.*

Адаптация общественных отношений, складывающихся между участниками гражданского оборота, в настоящее время затрагивает процесс цифровизации, как технического явления, предопределяющего различные процессы как в мировой, так и национальной моделях развития экономики.

В связи с этим, определяющими данный вектор развития общественных отношений являются Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а так же Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Так же стоит заметить, и то, что в свое время Правительством РФ была сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [1].

Очевидно, что вышеуказанные нормативные акты создают правовое пространство по постепенному вхождению в систему гражданских правоотношений нетрадиционных институтов, таких как, например, смарт-контракты, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровой рубль. Несмотря на то, что фактическое использование данных инструментов во взаимодействии между гражданами и юридическими лицами насчитывает более десяти лет, стоит заметить, что поиск наиболее удобных форматов правового регулирования указанных институтов продолжается и по сей день.

Значительную роль в рассматриваемом сегменте правоотношений играют кредитно-расчетные обязательства, которые в свете расширения такого явления как цифровизация экономики приобрели, по сути, новое отражение как в теории, так и складывающейся правоприменительной практике.

Не углубляясь в детали теоретико-правового размышления места цифровых обязательств в системе гражданского законодательства, стоит обратить внимание на отдельные составляющие их реализации на практике, в особенности с учетом ряда вопросов их правового осмысления.

Современное правопонимание денег, как объектов гражданских прав, опосредовано в первую очередь содержанием статьи 128 ГК РФ, согласно которой, наличные деньги приравнены по своему правовому режиму к вещам, а безналичные деньги к имуществу. Процесс постепенного внедрения в качестве средства платежа цифрового рубля, несколько видоизменил содержание указанной нормы, дополнив ее тем, что цифровой рубль приравнен к безналичным денежным средствам, представляя собой имущественное право [2]. Это, в частности, позволяет сделать вывод о том, что цифровой рубль позиционируется в качестве права требования с точки зрения определения его правового режима действующим гражданским законодательством.

Однако, если обратить внимание на то как понимание цифрового рубля представлено его эмитентом – ЦБ РФ, стоит отметить тот факт, что согласно официальной информации, обнародованной ЦБ РФ цифровой рубль — это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег [3]. В то же время Банк России исходит из того, что цифровой рубль является дополнением к его как наличной, так и безналичной форме. То есть, Банк России, выступая в качестве регулятора финансового рынка, исходит из того, что цифровой рубль является самостоятельной, а по сути, третьей формой рубля.

Таким образом, складывается ситуация, при которой гражданским законодательством цифровой рубль приравнивается к имущественным правам, в то время как Банк России исходит из того, что цифровой рубль – это третья, своеобразная форма денег, что позволяет сделать вывод о том, что и эмитентом, и регулятором отечествен-

ной финансовой системы допускается наличие третьей, своеобразной формы денег – цифровых денег.

Своеобразным наложением на различное правопонимание и цифровых денег и цифрового рубля, явилось появление цифровых финансовых активов как новой правовой категории, вмещающей в себе и представление о цифровых правах, как таковых и о цифровых платежных единицах, в частности.

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы [4].

Если более подробно рассмотреть предложенную законодателем данную правовую конструкцию, то стоит заметить тот факт, что за неимением иной оговорки цифровые финансовые активы могут быть рассмотрены исключительно в системе обязательственного правоотношения, поскольку, как указано выше цифровой финансовый актив представляет собой «права, включающие денежные требования». В рассматриваемом контексте большое значение представляет собой такая категория как «требование». В связи с чем стоит заметить, что субъективное право требование в соответствии со ст. 307 ГК РФ присуще исключительно кредитору как управомоченной стороне в обязательстве. Более того, в системе гражданских прав такое субъективное право, как право требование, за исключением обязательственных отношений не возникает. Другим критерием в выделении особенностей правового понимания цифрового финансового актива, является то, что и юридически, и фактически он может выступает в качестве платежного инструмента, то есть является субъективным правом кредитора требовать уплаты денег, что вполне соответствует правовой дефиниции «обязательства». Но являясь платёжным инструментом, в силу которого должник осуществляет уплату денег в пользу кредитора, цифровой финансовый актив не является основанием возникновения такого требования. Соответственно, основаниями возникновения обязательственных правоотношений между абстрактными кредитором и таким же абстрактным должником могут выступать только те юридические факты, которые предусмотрены действующим гражданским законодательством.

Но стоит сделать отдельную оговорку о том, что цифровой финансовый актив не может выступать платежной единицей, каковым выступает цифровой рубль или цифровая валюта, но при этом благодаря ему осуществляется процесс перемещения цифровых денег от одного лица к другому лицу.

Нельзя обойти стороной и тот факт, что цифровой финансовый актив имеет сходство с цифровыми правами. В частности, как следует из содержания ст. 141.1 ГК РФ, под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, существующие только в сложившейся информационной системе и этой же системой опосредованные в части осуществления, распоряжения и передачи третьим лицам. Таким образом, при сопоставлении таких категорий как «цифровые обязательственные права» и «цифровой финансовый актив», очевидно, что в основе каждого из этих понятий лежит базовая категория – обязательство, которая выступает в качестве самостоятельного вида гражданского правоотношения. В связи с этим, очевидно, что законодательное регулирование цифровых финансовых активов как частно-правового инструмента лежит в плоскости обязательственного правоотношения.

При этом, данная категория – «цифровое обязательство», несмотря на традиционный характер своей правовой природы полностью подчиняется работе автономной информационной системы. Следовательно, условия исполнения обязательства, как минимум, наряду с правовой регламентацией обеспечивается техническими условиями развития информационной среды и сопутствующими правовыми продуктами.

Одновременно с этим, стоит заметить, что информационная система – это технический инструмент исполнения обязательства и (или) принятия исполнения обязательства, в связи с чем правомерно заключение о том, что информационная система должна идентифицировать основание возникновения обязательства, его содержание, самостоятельно определять профиль должника и кредитора, так же идентифицируя стороны в обязательстве.

Ввиду этого, закономерным представляется то, что внедрение цифровых технологий и информационных систем в процессе исполнения обязательств с правовой точки зрения усложняет процесс взаимоотношений между кредитором и должником, но с другой стороны, процесс вос-

препятствования инновационно-технической стороне развития гражданского оборота видится не просто бессмысленным и крайне негативным явлением в масштабах развития не только отечественной, но и мировой экономики.

В таких условиях развития цифровых обязательственных отношений, обусловленных оборотом цифровых денег большое значение приобретает защита интересов государства и общества, в части недопущения легализации незаконно полученных доходов. При этом, сложности в правовой регламентации цифровых денег могут создавать состояние правовой неопределенности, что достаточно негативно сказывается на защите интересов публично-правовых участников гражданского оборота и обеспечения интересов государства в целом, а также при вынесении соответствующих судебных актов, направленных на защиту публичных интересов.

В любом случае, когда речь идет о защите публично-правовых интересов общества и государства, правом на обращение в суд с иском обладает прокурор. Ввиду того, что данный вопрос достаточно обширный с точки зрения правового регулирования как со стороны материального, так и процессуального права, особого внимания, по нашему мнению, заслуживают отдельные аспекты деятельности прокурора по обращению в суд общей юрисдикции с иском об обращении имущества в пользу государства.

Анализируя теоретическое восприятие данной группы отношений, необходимо заметить, что по мнению ряда ученых, таких как, Голоманчук Э.В., Попов К.А., Астафурова О.А. «нормы о противодействии коррупции давно перестали находиться исключительно в уголовном и специальном законодательстве и появились в ГК РФ» [5]. В то же время существует и позиция о том, что «определить отраслевую принадлежность обращения имущества в доход государства как меры юридической ответственности однозначно нельзя», поскольку несмотря на то, что в рассматриваемый сегмент отношений хотя и регулируется нормами гражданского и гражданского процессуального законодательства, все же необходимо учитывать публичный характер прекращения права собственности на данном основании [6]. Однако, очевидным является то, что обращение имущества в доход государства в порядке подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК является санкцией за правонарушение [7], в связи с чем уместно воспринимать правовую природу такой ответственности в качестве одного из видов гражданско-правовой ответственности. Подобной позиции придерживается К.И. Скловский и на наш взгляд, она может служить отправной точкой к дальнейшему исследованию проблем правового регулирования обращения имущества в доход государства.

Нельзя не отметить позицию Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» [8] указал на то, что обращение прокурора об изъятии имущества в доход государства не носит компенсаторного характера по отношению к конкретному лицу, а напротив, цели компенсации не являются определяющими: оно служит особого рода неблагоприятным последствием противоправного поведения, применяемым в случае несоблюдения лицом антикоррупционных требований и запретов. В то же время Конституционный Суд РФ исходит из того, что такое обращение прокурора в судебные органы обеспечивается соответствующими гражданско-правовыми основаниями. Как следует из вышеуказанного Постановления КС РФ уполномоченный на предъявление иска об обращении в доход государства имущества и денежных средств прокурор действует не в целях восстановления нарушенных субъективных гражданских прав публично-правового образования, а в целях защиты общественных и государственных интересов, что соответствует характеру возложенных на прокуратуру Российской Федерации публичных функций (статья 129 Конституции Российской Федерации), связанных с поддержанием правопорядка.

Таким образом, очевидно, что позиция К.И. Скловского вполне соответствует содержанию Постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П, и во многом отражает подход судебной системы к вопросу реализации права прокурора на обращение имущества в доход государства. Так же данный подход находит свое отражение и в практике Верховного Суда Российской Федерации, в частности, в содержании Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2025 № 307-ЭС24-22235 по делу № А56-85715/2023 где указано на необходимость поддержания правопорядка и защиты интересов государства и общества посредством обращения прокурора с соответствующим иском в суд.

При этом стоит выделить то обстоятельство, что Верховный Суд РФ в данном определении указывает на обращение в доход государства имущества и отдельно денежных средств. И хотя в фабуле дела, равно как и в содержании данного судебного акта не ставится вопрос о разграничении имущества и денежных средств, данное уточнение Верховного Суда РФ видится неслучайным.

Причина, позволяющая сделать данное заключение состоит в изложенной выше проблеме неоднозначности правовой трактовки денежных средств, содержащейся в ст. 128 ГК РФ и отождествляющей денежные средства в безналичной форме с имуществом, которую юридически, а следовательно и фактически устраняет Верховный Суд РФ в отдельно взятом судебном акте.

Представляется, что такая позиция несмотря на то, что она носит частный характер и адресована конкретным участникам конкретного дела, является абсолютно правильной и применимой в той ситуации, когда в качестве объектов, подлежащих изъятию в пользу государства, будут заявлены цифровые деньги.

Подобного рода явления, равно как и дела, рассматриваемые по правилам искового производства судами общей юрисдикции, сводятся к тому, что цифровая валюта (или криптовалюта) на сегодняшний день квалифицируются в качестве имущества. Так, например, Определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2023 г. № 88-4181/2023 по требованию о взыскании неосновательного обогащения, цифровая валюта рассматривается в качестве имущества, хотя в содержании данного судебного акта так же используется категория «денежные средства» в качестве синонимического понятия цифровой валюты. Исходя из чего допустимо сделать вывод о том, что отождествление цифровой валюты в частности и цифровых денег вообще в качестве имущества вполне соответствует логике ст. 128 ГК РФ, в том виде, в каком данная норма присутствовала в ГК РФ до вступления в силу положений Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», в силу чего в практике деятельности судов общей юрисдикции абсолютно правомерно рассматривалась цифровая валюта, в качестве имущества. С точки зрения уточнения правовой квалификации, следует отметить, что такие виды объектов, как цифровые деньги воспринимались судами общей юрисдикции в качестве имущества особого рода.

Данное заключение исходит из того, согласно содержанию обобщенной позиции Верховного Суда РФ, содержащейся в Обзоре судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы [9], денежные средства, хотя отдельно и выделены в качестве правовой категории, приравниваются к имуществу. В то же время стоит заметить и то, что в содержании вышеуказанного Обзора Верховного Суда РФ, не осуществляется какая-либо градация денежных средств на наличные, безналичные и тем более цифровые, что вполне допускает ситуацию, при которой денежные средства рассматриваются в качестве имущества, но не имущественных прав.

Таким образом, вполне допустима и логична позиция судов общей юрисдикции, содержащаяся в различных судебных актах, согласно которой деньги, в том числе и цифровые деньги приравниваются к имуществу. С отдельной оговоркой стоит сказать о том, что на сегодняшний день в силу гражданско-правовых норм, определяющих правовой режим цифровых денег, отсутствует четкая граница между цифровым рублем и цифровой валютой, поскольку в силу ст. 128 ГК РФ по своему правовому режиму данные объекты являются имущественными правами.

Допустимо полагать, что с целью единообразного понимания цифровых денег, в практике судов общей юрисдикции используется правовая категория «денежные средства», даже в контексте того, что под ними понимается не цифровой рубль, а криптовалюта. Так, в частности, исходя из содержания Апелляционного определения Верховного суда Республики Татарстан от 16.05.2022 по делу № 33-6422/2022, 2-1419/2022 [10] необходимо сделать вывод о том, что правовое понимание криптовалюты, равно как и цифровой валюты не позволяет отождествлять такие виды объектов с имуществом, в связи с чем и используется понятие «денежные средства». Подобного рода правовая квалификация цифровых денег со стороны судебных органов расценивается исключительно положительно, тем более, что исходя из содержания позиции Верховного Суда РФ изложенной в Обзоре судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, допустимо использовать понятие «денежные средства» и по отношению к цифровым денежным единицам.

Впрочем, в теории гражданского права и ранее указывалось на наличие отдельного восприятия денежных средств с точки зрения публично-правового регулирования и порядка определения их правого режима со стороны сложившейся частно-правовой практики. В ряде случаев данная проблематика устранялось предложением к возвращению к более привычной классификации объектов гражданских прав, где денежные средства были бы поименованы в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. [11 с.111].

Полагаем, что данное предложение имеет право на свое существование в контексте того явления, что с 01 сентября 2026 года Федеральным законом от 23.07. 2025 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12] будет обеспечиваться хождение цифрового рубля в качестве средства платежа, что фактически ознаменовывает новую эпоху в развитии не только национальной платежной системы, но и экономики в целом. В том числе и по этой причине, развитие оптимальных правовых конструкций в части регламентации цифровых денег, по-нашему мнению, будет являться одним из направлений государственной правовой политики в части совершенствования гражданского законодательства.

Относительно же деятельности судов общей юрисдикции в части правовой квалификации цифровых денег по искам прокурора об обращении имущества в доход государства, то на сегодняшний день, с целью обеспечения законности и справедливости и, в свою очередь, единообразия применения норм права, при рассмотрении соответствующих категорий дел стоит исходить из того, что используемая судами правовая категория «денежные средства» является наиболее универсальной, поскольку не отрицает общепринятого подхода к восприятию денег как имущества или имущественных прав, в зависимости от их формы, но в то же время позволяет применять аналогию права в вопросах определения правого режима криптовалюты и иных видов цифровых финансовых активов.

Список литературы:

[1] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/;.

[2] Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» http://www.kremlin.ru/acts/bank/49555;.

[3] Что такое цифровой рубль? Зачем он нужен? https://cbr.ru/fintech/dr/;.

[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018;.

[5] Голоманчук Э.В., Орлова Е.Р., Попов К.А. К вопросу о понятиях конфискации и обращения имущества в доход государства как основаниях для прекращения права собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2024, № 10 С. 81;.

[6] Голоманчук Э.В., Орлова Е.Р., Попов К.А. К вопросу о понятиях конфискации и обращения имущества в доход государства как основаниях для прекращения права собственности pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=155380&cacheid=B68341ECAFDFE30986692A61C1B3CB03&mode=splus&rnd=LCJMrA#HS2QzpUXF3OE0bNS;.

[7] Скловский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2021, № 11;.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда // Собрание законодательства РФ , 11.11.2024, № 46, ст. 7029;.

[9] Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017 г.) // https://www.vsrf.ru/documents/all/16173/?ysclid=mcvrffikyp6791681;.

[10] Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 16.05.2022 по делу № 33-6422/2022, 2-1419/2022 https://pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=472102&cacheid=29E1DE0CA0F0741D5D43A2FBB1E84FF7&mode=splus&rnd=AXFkJw#zp9nRqUeu8uxQAou2;.

[11] Сварчевский К.Г., Саченко А.Л. Проблемы правовой квалификации цифрового рубля как объекта гражданско-правовых отношений: соотношение частно-правового и публично-правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации 2024. № 12 (279). С. 111.

[12] Федеральный закон от 23.07.2025 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230045?ysclid=mdml4lzfxf662799971.

References:

[1] The national program "Digital Economy of the Russian Federation" approved by the minutes

of the meeting of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects of June 4, 2019 No. 7 https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/;.

[2] Federal Law of 24.07.2023 No. 339-FZ "On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" http://www.kremlin.ru/acts/bank/49555;.

[3] What is the digital ruble? Why is it needed? https ://cbr.ru/fintech/dr/;.

[4] Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 (as amended by 28.12.2024) "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation, 03.08.2020, No. 31 (Part I), Article 5018;.

[5] Golomanchuk E.V., Orlova E.R., Popov K.A. On the question of the concepts of confiscation and conversion of property into state revenue as grounds for termination of property rights // Property relations in the Russian Federation, 2024, No. 10 C. 81;.

[6] Golomanchuk E.V., Orlova E.R., Popov K.A. On the question of the concepts of confiscation and conversion of property into state revenue as grounds for termination of ownership // pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi? req = doc & base = CJI & n = 155380 & cacheid = B68341ECAFDFE30986692A61C1B3CB03 & mode = splus & rnd = LCJMrA # HS2QzpUXF3OE0bNS;.

[7] Sklovsky K.I. Application of legislation on the conversion into state revenue of property obtained as a result of violation of anti-corruption legislation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 2021, No. 11;.

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.10.2024 No. 49-P In the case of checking the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph 2 of paragraph 2 of Article 200, paragraph 2 of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11.11.2024, No. 46, Art. 7029;.

[9] Review of judicial practice in cases of prosecutors' statements about the circulation of property to the income of the Russian Federation, in respect of which evidence of its acquisition for legitimate income was not presented in accordance with anti-corruption legislation (approved by. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 30.06.2017 g) https ://www.vsrf.ru/documents/all/16173/? ysclid = mcvrffikyp6791681;.

[10] Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated 16.05.2022 in case No. 33-6422/2022, 2-1419/2022 // https: //pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=472102&cacheid=29E1DE0CA0F0741D5D43A2FBB1E84FF7&mode=splus&rnd=AXFkJw#zp9nRqUeu8uxQAou2;.

[11] Svarchevsky K.G., Sachenko A.L. Problems of legal qualification of the digital ruble as an object of civil law relations: the ratio of private-legal and public-legal regulation // Property relations in the Russian Federation 2024. № 12 (279). P. 111.

[12] Federal Law of 23.07.2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation "// http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230045?ysclid=mdml4lzfxf662799971.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-133-138
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ЧЕКУШКИН Алексей Александрович,
главный специалист отдела исковой работы по жилищным вопросам Муниципального бюджетного учреждения городского округа Самара «Центр Администрирования Управления Муниципальной Собственностью»,
e-mail: chekushkin.lex@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ СПОРОВ – ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В настоящей статье изучаются особенности определения подсудности наследственных дел. Целью работы является изучение проблематики наследственных правоотношений с точки зрения института подсудности. При подготовке статьи были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и общенаучные методы. В качестве фактора, осложняющего подсудность наследственных дел, указывается на недостаток сведений и документов, позволяющих определить верную подсудность дела до принятия заявления к производству. Автором приводятся примеры ситуаций, при которых определение подсудности дела осложняется сходством с экономическими спорами, подсудными арбитражному суду. Отмечается неоднозначная практика в рамках споров с органами государственной власти по делам о взыскании задолженности, возникающей по долгам наследодателя и по долгам наследников спорного имущества. Освещаются особенности споров с органами государственной власти по спорам о выморочном имуществе. Рассматривается вопрос подсудности наследственных дел в особом производстве, конфликта между подсудностью дел особого и искового производства. Указывается на особую подсудность по оспариванию нотариальных действий. Отмечена тенденция «национализации» подсудности споров, в том числе по делам о зарубежном наследовании. Предлагаются критерии разграничения подсудности наследственных споров.*

Ключевые слова: *подсудность; гражданский процесс; арбитражный процесс; экономические споры; судебная система; гражданское процессуальное право; наследственные споры; выморочное имущество; оспаривание нотариальных действий; исключительная подсудность.*

CHEKUSHKIN Aleksei Alexandrovich,
chief specialist of the Department of Claim Work on Housing Issues, Municipal Budget Institution of the Urban District of Samara "Center for Administration of Municipal Property Management"

DISTINGUISHING THE JURISDICTIONAL COMPETENCE INHERITANCE DISPUTES – ISSUES OF PRACTICAL APPLICATION

Annotation. *This article examines the peculiarities of determining territorial jurisdiction in succession cases. The aim of the work is to study the issues of hereditary legal relations from the perspective of the institute of territorial jurisdiction. In preparing the article, formal-legal, comparative-legal, and general scientific methods were used. The lack of information and documents allowing to determine the correct territorial jurisdiction of a case before accepting the claim for proceedings is indicated as a factor complicating the jurisdiction of succession cases. The author provides examples of situations in which the determination of territorial jurisdiction is complicated by similarity with economic disputes falling under the jurisdiction of commercial courts. The ambiguous practice within disputes with state authorities regarding the collection of debts arising from the debts of the testator and debts of heirs regarding disputed property is noted. The peculiarities of disputes with state authorities concerning escheat property are highlighted. The question of territorial*

jurisdiction of succession cases in special proceedings and the conflict between the jurisdiction of special and contentious proceedings is considered. Special attention is given to territorial jurisdiction in challenging notarial actions. A tendency toward the 'nationalization' of dispute jurisdiction, including in cases of foreign succession, is noted. Criteria for delineating the territorial jurisdiction of succession disputes are proposed.

Key words: *jurisdiction; civil procedure; arbitration procedure; inheritance economic disputes; judicial system; civil procedural law; inheritance disputes; escheated property; contestation of notarial acts; exclusive jurisdiction.*

Определение подсудности гражданского дела до направления искового заявления в суд является важным этапом досудебной работы. Процессуальное законодательство устанавливает правила определения подсудности споров, позволяющих определить компетентный суд в рамках родовой и территориальной подсудности спора. Вместе с тем в процессе практического применения норм процессуального законодательства могут возникать ситуации, при которых определение подсудности спора может вызывать сложности в связи с наличием определенных факторов, влияющих на подсудность дела. Отсюда возникает необходимость изучить спорные моменты правоприменения и определить, как можно классифицировать наследственные дела исходя из обстоятельств определения подсудности.

По общему правилу иски по наследственным спорам должны подаваться по месту жительства ответчика – иного наследника, с которым имеется спор, либо по месту нахождения организации (уполномоченного государственного органа) – по искам о выморочном имуществе. С учетом положений об исключительной подсудности споры, связанные с недвижимым наследственным имуществом, рассматриваются по месту нахождения такого имущества. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N 9 при возникновении спора о правах на наследственное имущество, в состав которого входят несколько объектов недвижимости, находящихся на территории юрисдикции различных районных судов, а также по делам о разделе такого имущества иск в отношении всех этих объектов может быть предъявлен по месту нахождения одного из них по месту открытия наследства. В случае, если по месту открытия наследства объекты недвижимости не находятся, иск подается по месту нахождения любого из них[1]. По делам о наследстве подсудность спора также определяется по правилам исключительной подсудности в соответствии с частью 2 статьи 30 ГПК РФ по искам кредиторов наследодателя, предъявляемые до принятия наследства наследниками. В данном случае такие споры должны рассматриваться по месту открытия наследства.

Вопрос определения подсудности наследственных споров может осложняться в зависимости от практической ситуации и наличия необходимых сведений. В частности, к спорам о наследстве относятся дела по взысканию задолженности по долгам умершего. В данном случае правильное определение подсудности осложняется тем обстоятельством, что кредитор может не иметь достаточной информации для верного определения компетентного суда. И если ресурсоснабжающие организации, по крайней мере, владеют информацией о лицевом счете, местоположении имущества, то кредиторы могут быть сильно ограничены в наличии актуальной информации. К моменту обращения в суд у умершего мог измениться состав имущества, семейное положение, место жительства. При этом сведения о наследниках, не обратившихся к нотариусу с заявлением о принятии наследства по закону, но фактически принявших наследство, могут быть в целом недоступны, если такие лица не были зарегистрированы по месту жительства умершего. Установить лиц, которые фактически на дату смерти проживали вместе с умершим, по таким спорам возможно только при содействии суда, имеющего соответствующие властные полномочия для направления запроса в органы внутренних дел, местного самоуправления для осуществления проверочных мероприятий (опроса соседей для установления проживающих лиц, выхода на места и т.д.). При этом суд теоретически может произвести выездное судебное заседание для непосредственного выяснения проживающих в наследственном имуществелиц, однако вероятность проведения таких заседаний по широкому кругу дел сомнительна. Суды явно не располагают таким количеством времени, чтобы осуществлять выездные судебные заседания по каждому иску кредиторов. В случае отсутствия у наследодателя недвижимого имущества подсудность спора по искам кредиторов умершего до обращения наследников, пропустивших срок на вступление в наследство и желающих признать право собственности на движимое имущество и денежные средства, изначально определить корректно может быть проблематично.

По делам особого производства подсудность дела определяется по месту жительства или месту нахождения заинтересованного лица по делам об установлении юридических фактов

(отцовства, об объявлении гражданина умершим, установлении факта принадлежности правоустанавливающих документов и т.д.). Русинова Е.Р. отмечала, что подсудность наследственного дела может меняться в зависимости от вида производства[2]. В частности, по делам об установлении отцовства гражданин может подать заявление об установлении соответствующего юридического факта в порядке особого производства. Суд при исследовании всех обстоятельств по делу вправе привлечь к участию в деле заинтересованных лиц – иных наследников, права которых могут быть затронуты данным заявлением. При установлении наличия спора о праве суд должен оставить заявление об установлении факта отцовства без рассмотрения. Подсудность соответствующего дела в данном случае будет определяться не по месту жительства заявителя, а по месту жительства ответчика-иного наследника. При этом исследователями также отмечались случаи «конфликта» между подсудностью дел особого производства и искового – в частности, по делу об установлении факта иждивения даже при наличии спорного недвижимого имущества суды вышестоящих инстанций не нашли оснований для применения правил исключительной подсудности, поскольку требования об установлении факта иждивения не были направлены на разрешение спора между наследниками относительно наследственного имущества[3],[4].

Нельзя не упомянуть о делах об оспаривании завещания. В этом случае подсудность дела определяется в силу императивных требований статьи 310 ГПК РФ – по месту нахождения нотариуса или по месту нахождения должностного лица, уполномоченного на совершение нотариальных действий. На первый взгляд, в данном случае правило определения подсудности дела является схожим с общим правилом определения территориальной подсудности дела по месту нахождения ответчика. Однако было бы не совсем правильно трактовать таким образом данную норму. Данное правило не является случайным, связано с особым характером системы нотариата в правовой системе нашей страны. Ярков В.В. отмечал особый публично-правового характер нотариата, называл его частью правоохранительной системы России[5]. Следовательно, в описываемой ситуации при оспаривании завещания подсудность дела определяется в силу прямого указания закона по месту нахождения особого субъекта – нотариуса либо лица, приравненного к нему. В науке также встречается мнение о том, что по делам об оспаривании нотариальных действий норма о подсудности по существу является правилом определения исключительной территориальной подсудности[6].

Вопросы признания права собственности на выморочное имущество в рамках судебного разбирательства представляют особый интерес. При столкновении в суде потенциальных наследников и соответствующих государственных органов происходит столкновение частного и публичного интереса, при этом набор определяющих исход дела обстоятельств является в определенной степени индивидуальным для каждого дела. В одном случае суд может прийти к выводу о том, что наследник фактически вступил в наследство после смерти умершего, а в другом встать на сторону государственного органа, если сочтет, что меры, предпринятые потенциальным наследником для вступления в наследство были недостаточными, или установит, что наследник не проявлял должного интереса к жизни умершего.

Стоит отметить проблематику разграничения наследственных дел с экономическими спорами. По общему правилу, закрепленному Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N 9, дела по спорам, возникающим из наследственных правоотношений, в том числе дела по требованиям, основанным на долгах наследодателя, подсудны районным судам. При этом по делам, возникающим из наследственных правоотношений, при наличии требований, подсудных арбитражному суду, которые одновременно невозможно разделить с основным заявлением согласно части 4 статьи 22 ГПК РФ подлежат рассмотрению и разрешению в суде общей юрисдикции[1]. Вместе с тем разграничение наследственных и экономических споров зачастую может быть не так очевидно. Например, Рамазанова Т.Ф. описывала дело, в рамках которого судья районного суда возвратил исковое заявление о включении в состав наследства имущества в виде доли в уставном (складочном) капитале общества, мотивировав это тем, что исходя из субъектного состава участников и существа правоотношений, данное дело подсудно арбитражному суду[7]. При этом областной суд при обжаловании отменил данное определение и указал на наследственный характер спора, а не хозяйственный. Нельзя не отметить, что в рамках дел по взысканию задолженности с наследников имущества умершего нередки случаи, когда суды общей юрисдикции при отсутствии наследников по закону и при возникновении задолженности после смерти умершего в рамках исков ресурсоснабжающих организаций к неустановленному собственнику имущества направляют дело по подсудности в арбитражный суд [8],[9]. При этом суд в таких случаях исходит из того, что поскольку имущество является выморочным, задолженность возникла после смерти наследодателя и не является задолженностью умершего, спор

по существу является экономическим спором между юридическими лицами – взыскателем и органом местного самоуправления/государственным органом. Таким образом, разграничение хозяйственных и наследственных дел происходит исходя из субъектного состава правоотношений и существа дела, которые в совокупности позволяют установить верную подсудность спора.

Помимо данных споров возможны споры об установлении совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах, о признании договоров купли-продажи, дарения заключенными/состоявшимися и т.д. Многообразие наследственных споров является действительно внушительным. Тем не менее, основные правила определения подсудности будут действовать и в этих случаях. Исключениями могут стать ситуации совершения лицами недобросовестных действий, направленных на изменение подсудности данных споров. В этом случае лицо может намеренно обратиться в суд, к подсудности которого не будет относиться рассмотрение конкретного спора, пытаться скрыть сведения от суда о наличии потенциальных наследников по закону, которые, например, фактически вступили в наследство, но не обращались к нотариусу в юридически значимый период и не знают о рассмотрении дела. Таким образом, действия недобросовестных лиц в данном случае могут привести к затягиванию рассмотрения дела, связанным с установлением заинтересованных лиц, передачей дела по подсудности в компетентный суд и иным потенциально неблагоприятным последствиям в отношении наследников. Нивелировать данные последствия могут помочь только действия суда и иных добросовестных участников процесса, направленные на установление всех обстоятельств по делу. С учетом изложенного, представляется верным отметить, что действия недобросовестных лиц могут выступать в качестве фактора, который может повлиять на подсудность наследственных споров.

Следует отметить, что существующая тенденция по расширению компетенции российских судов, ее «национализации», также затронула и наследственные дела. Как отмечали Ренц И.Г. и Ярков В.В. «отныне, если иное не следует из международного договора, для признания себя компетентными и открытия наследственного производства российскому нотариусу или суду в случае спора о заграничном наследстве достаточно обнаружить в его составе любое движимое имущество на национальной территории и проверить соблюдение ряда специальных условий…»[10]. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 26.03.2024N 12-П прямо указывал, что требование об определении отношений по наследованию движимого имущества по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, не должно исключать при названных обстоятельствах оформление прав на наследственное имущество, находящееся на территории Российской Федерации[11]. Таким образом, вопросы подсудности по наследственным спорам остаются актуальными не только в рамках национального правопорядка, но и зарубежного права с учетом расширения российской юрисдикции.

С учетом вышеизложенного, по способу определения подсудности наследственные споры можно разделить на несколько групп. Первая группа споров – это споры с наследниками, подсудность которых определяется по общим правилам определения территориальной подсудности по месту нахождения ответчика, организации, по делам особого производства – по месту нахождения заявителя. Вторая группа – это споры, рассматриваемые по правилам исключительной подсудности, а именно: связанные с недвижимостью, подсудность которых определяется по местонахождению имущества умершего либо преимущественной части его недвижимого имущества; связанные с исками кредиторов наследодателя, предъявляемыми до принятия наследства наследниками по месту открытия наследства. Третья группа – специальные споры, подсудность которых определяется в силу прямого указания закона (по делам об оспаривании завещания) либо исходя из специфики современного правоприменения (по делам о зарубежном наследовании).

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 9 от 29.05.2012 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 7, июль, 2012.

[2] Русинова Е.Р. Русинова Евгения Рудольфовна Некоторые процессуальные вопросы, возникающие при рассмотрении дел об установлении отцовства умершего лица // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2011. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-protsessualnye-voprosy-voznikayuschie-pri-rassmotrenii-del-ob-ustanovlenii-ottsovstva-umershego-litsa (дата обращения: 01.09.2026).

[3] Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 и от 24 декабря 2020 года № 45. В 2 ч. Ч. 1 / Н. А. Васильчикова, Ю. М. Боброва, Э. А. Кузбагаров, Н. Н. Никифорова, А. Ю. Пиддубривная, М. Ю. Порохов, К. А. Тарасевич; под общ.ред. Н. Н. Никифоровой.

– Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 128, [1] с.

[4] Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2020 г. по делу № 88-2974/ 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Ярков В. Публично-правовой характер нотариальной деятельности // Российская юстиция. – 1997. – № 6. – С. 31–32.

[6] Золотарёва Е. В. Осуществление судебного контроля за нотариальными действиями // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2012. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-sudebnogo-kontrolya-za-notarialnymi-deystviyami (дата обращения: 03.09.2026).

[7] Рамазанова Т.Ф. Рамазанова Тарана Фахратовна СУДЕБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСОВ ПОДСУДНОСТИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-rassmotrenie-voprosov-podsudnosti-nasledstvennyh-del (дата обращения: 03.09.2026).

[8] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 2 сентября 2025 г. N 03АП-3043/25 по делу N А33-11875/ [Электронный ресурс]. // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Юрист, объединенный с ГАРАНТ-LegalTech. Малый пакет. 1-ОД Интернет лицензионная. – 2024. – URL: http://internet.garant.ru (дата обращения: 06.09.2026).

[9] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2026 г. N 13АП-32140/25 по делу N А42-6309/ [Электронный ресурс]. // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Юрист, объединенный с ГАРАНТ-LegalTech. Малый пакет. 1-ОД Интернет лицензионная. – 2025. – URL: http://internet.garant.ru (дата обращения: 06.09.2026).

[10] Ренц И. Г., Ярков В. В. Защита экономических интересов российских лиц в условиях национализации юрисдикции // EuropeanandAsianLawReview. – 2026. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-ekonomicheskih-interesov-rossiyskih-lits-v-usloviyah-natsionalizatsii-yurisdiktsii (дата обращения: 01.09.2026).

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2024 N 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Конституционный Суд РФ, 2024.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9 of 29.05.2012 (as amended on 24.12.2020) "On judicial practice in inheritance cases" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation," No. 7, July, 2012.

[2] Rusinova E.R. Rusinova Evgenia Rudolfovna Some procedural issues that arise when considering cases of establishing the paternity of a deceased person // Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. – 2011. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-protsessualnye-voprosy-voznikayuschie-pri-rassmotrenii-del-ob-ustanovlenii-ottsovstva-umershego-litsa (дата обращения: 01.09.2026).

[3] Commentary to the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 9 "On judicial practice in inheritance cases" as amended by the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 and December 24, 2020 No. 45. In 2 hours Ch. 1 N. A. Vasilchikova, Yu. M. Bobrova, E. A. Kuzbagarov, N. N. Nikiforova, A. Yu. Piddubrivnaya, M. Yu. Porokhov, K. A. Tarasevich; under general ed. N. N. Nikiforova. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023. - 128, [1] s.

[4] Determination of the Fifth Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 7, 2020 in case No. 88-2974/2020. Access from the ConsultantPlus legal system.

[5] Yarkov V. Public legal nature of notarial activity // Russian Justice. – 1997. – № 6. - S. 31-32.

[6] Zolotareva E.V. Implementation of judicial control over notarial actions // Vestnik VSU. Series: Right. – 2012. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-sudebnogo-kontrolya-za-notarialnymi-deystviyami (дата обращения: 03.09.2026).

[7] Ramazanova T.F. Ramazanova Tarana Fakhratovna JUDICIAL CONSIDERATION OF ISSUES OF JURISDICTION OF HEREDITARY CASES // Law and State: Theory and Practice. – 2022. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-rassmotrenie-voprosov-podsudnosti-nasledstvennyh-del (дата обращения: 03.09.2026).

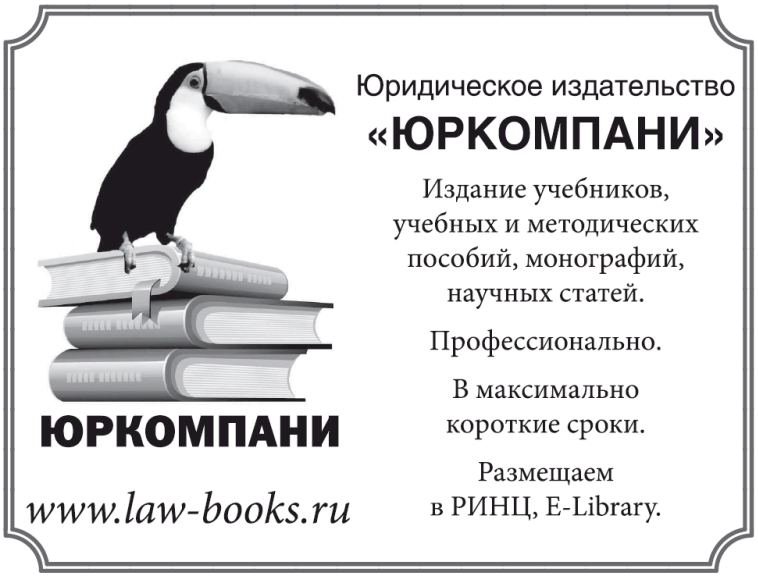
[8] Decision of the Third Arbitration Court of Appeal of September 2, 2025 N 03AP-3043/25 in case N A33-11875 [Electronic resource] // EPS "GARANT SYSTEM": GARANT-Lawyer, combined with GARANT-LegalTech. Small package. Internet 1-OD is licensed. – 2024. - URL: http://internet.garant.ru (access date: 06.09.2026).

[9] Order of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of March 10, 2026 N 13AP-32140/25 in case N A42-6309 [Electronic resource] // EPS "GARANT SYSTEM": GARANT-Lawyer, combined with GARANT-LegalTech. Small package. Internet 1-

OD is licensed. – 2025. - URL: http://internet.garant.ru (access date: 06.09.2026).

[10] Renz I.G., Yarkov V.V. Protection of the economic interests of Russian persons in the context of nationalization of jurisdiction // European and Asian Law Review. – 2026. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-ekonomicheskih-interesov-rossiyskih-lits-v-usloviyah-natsionalizatsii-yurisdiktsii (дата обращения: 01.09.2026).

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.03.2024 N 12-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 1224 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.E. Statsenko." Access from the ConsultantPlus legal system. - Constitutional Court of the Russian Federation, 2024.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-139-147
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

САЧЕНКО Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: alex_sachenko@list.ru

КОЛЕСНИКОВА Марианна Михайловна,
кандидат юридических наук, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: marianna0044@mail.ru

ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПРОКУРОРА О ПРИЗНАНИИ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ

Аннотация. *Современные экономические реалии, обусловленные значительной ролью государства как регулятора отношений в сфере предпринимательства, формируют новые подходы к правоприменению и правовой квалификации экономической целесообразности заключаемых сделок в сфере предпринимательства. Особую значимость в этой связи имеет тенденция распространения обращений в суд прокурора с требованиями о признании экономических сделок недействительными. В то же время судебная практика в отношении оценивания действий хозяйствующих субъектов складывается неоднородно. С целью возможного совершенствования единообразия экономического правосудия по подобного рода категориям дел, дана оценка критериев экономической целесообразности сделок арбитражными судами по искам прокурора о признании ее недействительной.*

Ключевые слова: *сделка, экономическая целесообразность, требования прокурора, недействительность, разумность и добросовестность, хозяйствующие субъекты, экономические споры.*

SACHENKO Alexey Leonidovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, North Western Branch, Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia

KOLESNIKOVA Marianna Mikhailovna,
Candidate of Legal Sciences, North Western Branch, Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia

LEGAL CRITERIA FOR ECONOMIC FEASIBILITY IN ARBITRATION PROCEDURAL PRACTICE WHEN CONSIDERING THE PROSECUTOR'S CLAIMS TO DECLARE TRANSACTIONS INVALID

Annotation. *Modern economic realities, shaped by the significant role of the state as a regulator of relations in the business sphere, are shaping new approaches to law enforcement and the legal assessment of the economic feasibility of transactions in the business sphere. Of particular importance in this regard is the trend towards an increase in the number of appeals filed by prosecutors to the courts with demands to declare economic transactions invalid. At the same time, judicial practice regarding the assessment of the actions of economic entities is heterogeneous. In order to potentially improve the uniformity of economic justice in such categories of cases, the criteria*

for the economic feasibility of transactions have been assessed by arbitration courts in response to the prosecutor's claims to declare the transaction invalid.

Key words: *transaction, economic feasibility, prosecutor's claims, invalidity, reasonableness and good faith, economic entities, economic disputes.*

Постепенное регулирование экономических отношений в российском обществе демонстрирует основные этапы государственно-правовой политики в сфере как гражданского, так и торгового оборота. Идеализация максимальной свободы при осуществлении предпринимательской деятельности, в последние четверть века претерпело ряд изменений с точки зрения восприятия и трактования сложившегося законодательства, регулирующего предпринимательские отношения. В данном случае необходимо отметить то, что подобного рода изменения происходят без кардинальной смены вектора правовой политики государства, которое по-прежнему стоит на началах свободы предпринимательства, включая такие конституционно-правовые принципы как свобода экономических отношений, так и свободное осуществление предпринимательской деятельности. Более того, глобальные явления, имеющие место в современном мире, такие как, цифровизация экономики, унификация экономических процессов, свидетельствуют о незыблемости базовых принципов функционирования российской экономики. Однако, в части развития различных экономических отношений в мировой экономике очевидным становится то, что достижение абсолютной свободы при осуществлении предпринимательской деятельности является утопичной как в теории, так и на практике. Поэтому даже в содержании ст. 34 Конституции РФ говорится о том, что любая экономическая деятельность имеет рамки закона, несмотря на то, что внутри таких рамок присутствует максимальная свобода для предпринимателя. Если же обратить внимание на подобные явления в зарубежных правопорядках, то становится очевидным и то, что во многих государствах, служивших своего рода эталоном развития для отечественной экономики в девяностые годы прошлого века, имеет место активное вмешательство государства в регулирование различных сегментов экономики. На современном временном отрезке, подобного рода явления объясняются необходимостью обеспечения стабильности развития общественных отношений в отдельно взятом государстве, реализации мер социальной поддержки, защиты интересов национального товаропроизводителя в условиях мировой конкуренции на рынке. Ввиду этого, вполне оправданы меры протекционизма и государственного контроля со стороны ряда лидеров европейских государств в отношении собственных участников предпринимательской деятельности, выраженных в государственном субсидировании производств, введении заградительных пошлин и тому подобное.

По этой причине обеспечение публично-правовых интересов в сегменте российского предпринимательства представляется вполне логичным и обоснованным с позиции сложившейся мировой практики. Общеизвестно, что целевой установкой любой предпринимательской деятельности в соответствии с содержанием ст. 2 ГК РФ является систематическое извлечение прибыли, поэтому получение доходов является тем правовым интересом, которым руководствуется предприниматель, заключая различные сделки с различными участниками гражданского оборота. Отсюда следует и то, что целевой установкой осуществления любой предпринимательской сделки является получение прибыли, даже с учетом того, что изначально сам предприниматель несет экономические затраты, рассчитывая на получение доходов за счёт добавленной стоимости впоследствии.

Данное заключение во многом вытекает из содержания нормы статьи 252 НК РФ в которой указано то, что любые расходы, которые несет налогоплательщик в том числе и предприниматель, должны быть экономически оправданными. Соответственно, получение прибыли, как минимум, учитывается органами публичной власти при восприятии понятия «экономическая целесообразность» деятельности хозяйствующего субъекта.

Такой же позиции придерживается Министерство финансов РФ, закрепляя то, что обоснованность расходов должна оцениваться с учетом объективных обстоятельств, свидетельствующих о намерениях налогоплательщика получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской или иной экономической деятельности [1].

Хотя в данном случае не затрагивается содержание понятия «экономическая целесообразность», тем не менее следует сделать вывод о том, что одним из первичных признаков экономической целесообразности заключения сделки является несение расходов со стороны хозяйствующего субъекта. Однако, с точки зрения правовой оценки несения расходов предпринимателем, органы публичной власти должны руководствоваться критерием экономической обоснованности расходов. При этом экономическая обоснованность расходов обеспечивается целевой установкой предпринимательской деятельности, именуе-

мой в вышеуказанном случае – экономическим эффектом в результате осуществления реальной экономической деятельности. Таким образом, по своему содержанию совпадает понимание основной цели осуществления предпринимательской деятельности как со стороны частно-правового, так и публично-правового регулирования, которая заключается в извлечение прибыли со стороны предпринимателя.

По этой причине, с точки зрения понимания рамок экономической целесообразности, в заключении сделок предпринимателем можно выделить следующие критерии: наличие расходов со стороны хозяйствующего субъекта, экономическая обоснованность расходов и наличие единой цели – получение прибыли в качестве конечного результата заключения сделки.

Изначально схожая модель была заложена арбитражной практикой еще двадцать лет назад, когда на тот момент Высшим Арбитражным Судом РФ было издано Постановление Пленума № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [2]. В частности, в п. 3 данного Постановления содержатся такие категории как «действительный экономический смысл», «разумные экономические причины» а так же «цели делового характера». Поэтому стоит заметить, что такие категориальные понятия затрагивали изначально налоговые отношения, но впоследствии стали широко применяться при оценке экономических отношений выйдя за рамки их публично-правового восприятия. Например, в отношениях, связанных с привлечением к гражданско-правовой ответственности лиц, контролирующих должника в рамках признания его банкротом, такие критерии как «действительный экономический смысл» и «разумные экономические причины» [3] играют важнейшую роль для признания судом приобретенной выгоды незаконной, чему предшествует признание сделки недействительной в спорах между частно-правовыми субъектами. Данная правовая характеристика в оценке, поведения какого-либо субъекта со стороны арбитражного суда применяется достаточно широко. В частности, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.03.2026 № Ф07-7321/2025 по делу № А13-2542/2022 связывает экономический смысл с получением выгоды, которая обуславливается разумными экономическими причинами. Подобная позиция арбитражного суда, выступающего в вышеприведенном примере в качестве суда кассационной инстанции подтверждает то, что такие оценочные понятия как «действительный экономический смысл» и «экономическая целесообразность» с течением времени стали синонимичными понятиями, которые объединены целевой установкой – получение выгоды.

В системе предпринимательских отношений, к пониманию экономической целесообразности сделки примыкает конструктивный критерий оценки добросовестности в осуществлении прав и обязанностей участников гражданского оборота. По нашему мнению, данный общий принцип-презумпция, закрепленный в ч. 5 ст. 10 ГК РФ представляет собой еще один критерий, предопределяющий оценку в действиях хозяйствующего субъекта экономической целесообразности при заключении им сделки. В частности, это отражается в содержании п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], где указано, что при оценке добросовестности действий участников гражданского оборота рассматривается такое поведение субъекта, которое должно учитывать права и законные интересы другой стороны, в том числе и при заключении сделки, поскольку сделкой, в любом случае являются действия граждан и юридических лиц, осуществляющих, в рассматриваемом контексте, предпринимательскую деятельность. Вышеизложенное подкрепляется тем, что с точки зрения теоретического восприятия теснейшей взаимосвязи добросовестности и экономической целесообразности при заключении предпринимательской сделки указывается на ведущую роль суда в оценке данных критериев. Так, в частности, Иванов А.А. рассуждая о роли суда по осуществлению правовой квалификации договора указывает на сочетание принципов экономической целесообразности и добросовестности при анализе предмета и сущности взаимоотношений между сторонами договора [5, с. 57]. В контексте анализа юридически значимых действий, Ю.В. Виниченко рассуждая о судейском усмотрении говорит о бесспорности оценивания действий добросовестной стороны [6, с. 68] с допустимой возможностью указания таких понятий «незначительность», «существенность», «соразмерность». При этом обеспечение соблюдения баланса интересов каждой из сторон так же образует своеобразный критерий при осуществлении защиты публично-правовых интересов в рассмотрении конкретного спора. В ряде теоретических источников указано на то, что реализация такого критерия как соблюдение баланса интересов при оценке судом поведения участника экономического оборота напрямую опосредует то, будет ли решение правосудным или нет [7].

Представляется, что указанные выше критерии оценивания добросовестности поведения стороны в большей степени определяют границы

построения модели гражданско-правового отношения в целом и, по этой причине, учитываются судом в любом случае, когда речь идет об установлении факта недобросовестного поведения участника гражданского оборота. Однако, в части определения критериев экономической целесообразности сделки, критерий добросовестного поведения участника сделки, вытекающий из предпринимательских отношений, имеет ряд особенностей, что в целом, не исключает факта того, что оценка судом добросовестности поведения участника предпринимательских отношений имеет место в любом случае, когда речь идет об экономической целесообразности заключения сделки в целом.

Несмотря на то, что критерий добросовестности поведения участников гражданского оборота учитывается судом в любом случае в силу презумпции, закрепленной ч. 5 ст. 10 ГК РФ, представляется важным обратить внимание на содержание пункта 1 данной статьи, раскрывающей признаки недобросовестного поведения, которое выражается в действиях в обход закона, с целью причинения вреда другому лицу. Особое внимание представляет указание закона на то, что действия, которые осуществляются участником гражданского оборота, в том числе хозяйствующим субъектом, могут быть оценены судом как недобросовестные, в том случае, если совершаются с целью причинения вреда как имущественным правам, так и нематериальным благам. Несмотря на очевидность объективности суждений на данный счет, стоит заметить то, что в основе любой гражданско-правовой сделки, равно как и предпринимательской сделки лежит законный интерес, что обуславливает в итоге, возникновение прав и обязанностей сторон сделки.

Как отмечалось выше цель предпринимательской сделки состоит в извлечении прибыли, что выражается в восприятии такой сделки, как экономически обоснованной. Содержание экономической целесообразности конкретной сделки можно оценить лишь после ее заключения и, как правило, уже после совершения самой сделки. Исключительным правом на предмет оценивания сделки, в том числе в части ее экономической целесообразности и добросовестности действий предпринимателя при ее исполнении, обладает только арбитражный суд, признавая сделку недействительной и применяя в данном случае соответствующие последствия. Это, в частности отражается в позиции Верховного Суда РФ, которая содержится в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2025 год, где указано следующее: «… если сделка нарушает установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ запрет на недобросовестное осуществление гражданских прав, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной на основании положений статьи 10 и пункта 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию» [8]. В этой связи, видится необходимым отметить так же и то, что при определении критерия экономической целесообразности сделки стоит учитывать также характер действий сторон, максимально способствовавший не только достижению экономического эффекта от такой сделки, но и исключающий возможность причинения вреда как самим фактом заключения сделки, так и ее исполнением. Таким образом, экономический эффект, ожидаемый от добросовестного поведения участников сторон по предпринимательской деятельности, является своего рода изначальной «каузой» или основанием для общей оценки экономической целесообразности сделки. Соответственно, никак не может оцениваться в качестве сделки такие действия хозяйствующего субъекта, которые привели к причинению вреда и (или) нарушению закона, либо посягательству на публично-правовые интересы общества, охраняемые государством. В контексте исследования данного вопроса важно обратить внимание на достаточно широкие полномочия органов прокуратуры в части защиты публично-правовых интересов, имеющих место при осуществлении предпринимательской деятельности различными участниками гражданского оборота.

Представляется, что анализ содержания ст. 52 АПК РФ, в контексте рассматриваемой темы будет излишним, однако, стоит заметить то обстоятельство, что прокурор обладает правом на признание сделки недействительной не будучи ее участником, но при этом обладая процессуальными правами и обязанностями, в том числе и вытекающими в процессе аргументации отсутствия экономической целесообразности заключенной сделки, если таковой затрагиваются интересы публично-правовых образований. При этом, соответствующее публично-правовое образование так же вправе выступить в качестве истца в лице уполномоченного органа, с соответствующей мотивацией на предмет отсутствия экономического основания сделки.

Подобное правомочие публично-правового образования разъясняется в п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» [9], однако, в ряде случаев теоретического восприятия данных правоотношений, указывается на то, что в делах по иску прокурора о признании сделки недействительной

орган государственной власти выступает одним из ответчиков наряду с другой стороной сделки [10]. Подобная точка зрения так же имеет место, поскольку, сформировавшаяся судебная практика, свидетельствует о распространенности факта привлечения уполномоченного органа в качестве ответчика [11]. В целом же, подобного рода явление не имеет принципиального значения, поскольку даже привлеченная в качестве ответчика сторона вправе обосновывать или опровергать наличие экономической целесообразности заключения сделки.

В этой связи необходимо обратить внимание на исключения в отношении сложившейся реализации принципа свободы предпринимательской деятельности со стороны органов судебной власти, осуществляющих судопроизводство по экономическим спорам. Например, Постановлением Второго арбитражного апелляционного суда от 20.05.2009 по делу № А29-10933/2008 отдельно указано на возможность ограничения свободы предпринимательской деятельности законом, поскольку таковая не носит абсолютный характер, при этом такие ограничения не могут осуществляться произвольно и необходимы для защиты прав и законных интересов других лиц, в том числе и государства [12]. Таким образом, защита публично-правовых интересов в предпринимательской сфере необходима с целью восстановления нарушенных прав, поэтому допускается то, что в процессе исполнения предпринимательской сделки могут быть нарушены законные интересы государства, несмотря на то, что сама по себе экономическая целесообразность сделки как таковая имеет место быть. По этой причине, можно выделить еще один критерий экономической целесообразности сделки – это правовые последствия, возникающие в отношении третьих лиц. В нашем случае, таким третьим лицом выступает государство как публично-правовое образование, либо уполномоченный им орган государственной власти.

В судебной практике подобного рода явления широко распространены и в объективных реалиях они выражаются в том, что именно прокурор, осуществляя защиту публично-правовых интересов, вправе инициировать судебное разбирательство на предмет признания сделки недействительной. Как отмечалось ранее, в подобных случаях интерес по сделке, равно как ее экономическое обоснование, не имеет юридического значения, поскольку инициация признания сделки недействительной осуществляется государством, не являющейся стороной по сделке, в лице прокурора. В особенности это важно, когда речь идет о заключении и дальнейшем исполнении государственных контрактов, что иногда выражается в нарушении процедур заключения таких сделок, а порой и прямым нарушением антикоррупционного законодательства.

Не переходя границы публично-правового регулирования сделок с участием государства по поводу соблюдения процедуры их заключения, важно обратить внимание на анализ содержания экономической целесообразности уже заключенной сделки с учетом интересов государства. В данном контексте стоит лишь заметить то, что с одной стороны экономическая целесообразность заключения сделки хозяйствующим субъектом выражается в возможности извлечения прибыли, а с другой стороны сопровождается юридически значимым требованием уже бюджетного законодательства об экономической эффективности расходования бюджетных средств с учетом разумности и результативности их использования. В этой связи, автономность волеизъявления сторон по подобным сделкам выражается в том, что при рассмотрении расходования бюджетных средств, публично-правовые субъекты, являясь участниками бюджетного процесса и, выступая стороной по сделке, наделены правом самостоятельно определять экономическую обоснованность совершения экономической операции. Фактически это вытекает из содержания п. 23 Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» [13], однако, при этом, обращено внимание на то, что в каждом конкретном случае участник бюджетного процесса должен руководствоваться необходимостью и целесообразностью совершения расходной операции во исполнение сделки.

В свою очередь, на уполномоченный орган, в нашем случае на прокурора, обратившегося с иском о признании сделки недействительной, возлагается обязанность доказать неэффективность расходования бюджетных средств, ввиду возможности использовать их меньший объем. Здесь особо важно заметить тот факт, что отсутствие экономической обоснованности бюджетных расходов как юридического факта, подлежит доказыванию в каждом конкретном деле. Например, из содержания Определения ВАС РФ от 13.01.2014 № ВАС-18963/13 явствует то, что наличие у иных поставщиков аналогичного товара с более низкими или более высокими ценами не может нарушать прав поставщика, выполнившего свои обязательства по договору поставки, на получение денежных средств, указанных в договоре, в качестве цены за поставленный товар [14]. В данном конкретном примере наглядно иллюстрируется подход, который сегодня можно применить весьма условно, учитывая и тот факт, что

Высший арбитражный суд трансформировался в Коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ, но тем не менее в рассматриваемом случае экономическая целесообразность заключения сделки публично-правовым образованием не зависит от критерия ценообразования, что порождает право требовать оплаты поставленного товара для государственных или муниципальных нужд. Однако вопрос об оптимизации расходов бюджетных средств никогда не терял своей актуальности и поэтому в настоящее время большое значение представляет собой право хозяйствующего субъекта требовать исполнения в том случае если сделка им исполнена, но впоследствии признается недействительной. С другой стороны, в противовес данному субъективному праву участника предпринимательской деятельности выступает требование прокурора о взыскании в пользу государства полученной прибыли в рамках применения односторонней реституции.

Интерес, в связи с этим взывает то, как арбитражной практикой разрешаются вопросы применения последствий признания сделки недействительной. Здесь важно заметить еще раз то, что для предпринимателя экономическая целесообразность сделки состоит в возможности извлечения прибыли в результате ее исполнения и по этой причине применение арбитражными судами реституции как последствия признания сделки недействительной осуществляется с учетом такого критерия как извлечение прибыли в результате осуществления сделки, поскольку для предпринимателя это прибыль, полученная им на законном основании, а для государства, в лице прокурора – это незаконно полученные доходы. В связи с этим заслуживает внимание позиция арбитражного суда, изложенная в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.08.2026 № Ф04-1753/2026 по делу № А46-17426/2025, согласно которой, исполнение ничтожного контракта не препятствует возврата оплаты в порядке реституции, поскольку иной подход позволял бы недобросовестным лицам извлекать прибыль из противозаконных действий, нарушая публичный правопорядок [15].

Такой подход вполне соответствует общему восприятию установления факта недействительности сделки, в случае нарушения порядка ее заключения, поскольку в данном случае имеют место быть действия совершенные в обход закона, что является формой злоупотребления правом. Более конкретно данная позиция отражена в п. 20 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 г, из которого следует то, что у исполнителя по сделки не возникает право требования оплаты, в том случае если сделка осуществлялась во исполнение интересов государственного или муниципального заказчика, в отсутствии государственного или муниципального контракта [16].

Таким образом, вопрос о неприменении реституции при признании сделки недействительной ввиду несоблюдения требований к заключению государственного или муниципального контракта к исполнителю сделки – хозяйствующему субъекту окончательно снят в пользу государства, а экономическая целесообразность сделки, из которой исходила сторона, не имеют юридического значения. Но, иногда случаются исключения, в связи с чем, заслуживает внимание анализ решения Арбитражного суда Чувашской республики по делу № А79-5405/2024. В данном случае имело место быть весьма распространённое явление, позволяющее обойти требования Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части исполнения процедуры заключения контракта в виде его дробления на самостоятельные сделки, без проведения обязательных процедур. При этом данный факт был установлен судом и данное обстоятельство было отражено в мотивировочной части решения, однако в ней же было указано на то, что предмет сделки был передан заказчику без каких-либо замечаний со стороны последнего. Так же было указано на то, что результат работ находится в эксплуатации, что означает использование полученного по сделке заказчиком. Но примечательно то, что суд сделал вывод о том, что на основании вышеуказанных фактов, действия подрядчика являются законными и добросовестными и по этой причине в применении односторонней реституции в данном случае было отказано.

Конечно, на основании этого преждевременно делать вывод о системном подходе к определению критерия экономической целесообразности, которая выражается в том, что исполнение по сделке фактически используется государственным или муниципальным заказчиком, но нельзя не обратить внимание на то, что данное решение вступило в законную силу, в связи с чем такая позиция арбитражного суда носит преюдициальный характер.

В вышеизложенном понимании обстоятельств дела со стороны судебного органа, критерием экономической целесообразности сделки помимо факта заключения сделки является факт передачи предмета исполнения по договору государственному заказчику без замечаний, что,

по-нашему мнению, является второстепенным, поскольку большее юридическое значение имеет установленный судом факт использования работ заказчиком. То есть фактическое использование полученного по сделке, даже в том случае, если в последствии правомерность заключения самой сделки будет ставиться под сомнение, может рассматриваться в рамках конкретного достигнутого результата, вполне законно, поскольку данные действия напрямую затрагивают вопрос экономической целесообразности заключения сделки. В рамках изложенного примера, с одной стороны, предпринимателем-исполнителем осуществлены действия по достижению материального результата по сделке, в связи с чем им был получен соответствующий доход, прибыль, с другой стороны заказчик эксплуатирует результат, полученный им по сделке, который был им принят. То есть таким образом, складываться ситуация, когда все стороны по сделке получили удовлетворение, достигнув определенного ими правового интереса, но в силу нарушения порядка заключения сделки, таковая законно и обоснованно признается ничтожной.

Ввиду вышеизложенного, стоит отметить тот факт, что в вопросах реализации критериев экономической целесообразности сделок, в целом, отсутствует единообразное понимание таких критериев не только со стороны органов, осуществляющих правосудие по экономическим спорам, но и со стороны теоретического восприятия таких принципов как добросовестность сторон при осуществлении ими гражданских прав, включая осуществления прав по предпринимательским сделкам, соблюдения баланса интересов сторон по сделке.

Вместе с этим нельзя не указать очевидные, сформировавшиеся арбитражной практикой критерии восприятия экономической целесообразности сделки. Базовой основой, по нашему мнению, является специальная направленность заключения предпринимательской сделки, выражающейся в извлечение прибыли. По своему содержанию, данная целевая установка является результатом трансформации правового интереса предпринимателя по сделке, что выражается в том, что изначально, не получая какого-либо дохода, предприниматель несет расходы, сопряженные с исполнением сделки. Как отмечалось ранее такие расходы должны быть экономически оправданы результатом сделки, при стоит заметить, что окончательный результат по сделке может быть и не достигнут, но при этом начальные или промежуточные результаты по сделке в любом случае должны иметь место.

По этой причине, взаимосвязь расходов предпринимателя, обусловленная, в свою очередь, достижением какого-либо результата по сделке, так же может служить самостоятельным критерием оценки экономической целесообразности сделки.

Вполне допустимо рассматривать изложенное в контексте некоего алгоритма оценки экономической целесообразности сделки, даже в том, случае, если судом рассматривается иск прокурора о признании ее недействительной. По нашему мнению, во-первых он должен основываться на целевой установке сделки, которая выражается в получении прибыли во-вторых. Во-вторых – это установленный факт несения расходов, которые экономически оправданы целью заключения конкретной сделки. В-третьих – это наличие связи между основанием конкретной сделки и теми расходами который понес предприниматель в связи с ее исполнением. И, наконец, в-четвертых- это наличие не просто результата по сделке, а такого результата (не обязательного конечного результата), который дает возможность использовать полученное по сделке заказчиком. По крайней мере сегодня подобное вытекает из анализа отдельных судебных актов, в которых судами ставился вопрос об экономической целесообразности заключенной сделки в случае ее оспаривания прокурором.

Конечно, указанные критерии никак не могут быть опровергнуты судом в ходе конкретного судебного разбирательства, поскольку по аналогии с ч. 5 ст. 71 АПК РФ никакие доказательства ни уж тем более выборочные критерии их оценки не обладают законной силой и не являются заранее установленными для арбитражного суда. Однако, в условиях стремительно развивающихся экономических отношений и расширения сферы их государственного регулирования указанные критерии могут служить ориентиром как для законотворческого процесса, так и правоприменительной деятельности в системе функционирования экономического правосудия в целом.

Список литературы:

[1] Письмо Минфина России от 24.01.2025 № 03-03-06/1/5826 // https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/tax_relations/Answers/orgprofit?id_39=126824pismo_minfina_rossii_ot_11.02.2019__0303148047_o_primenenii_s_01.01.2019_amortizatsionnoi_premii_v_otnoshenii_sudov_zaregistrirovannykh_v_rmrs&ysclid=msokdpqmib737381780;.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ № 12, декабрь, 2006.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 (ред. от 23.12.2025) «О

некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» / Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, март, 2018.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015.

[5] Иванов А.А. Роль суда в правовой квалификации инвестиционных договоров в строительстве // Российский судья. 2026. № 1. С. 57 - 61.

[6] Виниченко Ю.В. О правовой судьбе постройки, самовольно возведенной частично на чужом земельном участке // Хозяйство и право. 2025. № 1. С. 57 - 68;.

[7] Юсупов М.-Б.Р. Злоупотребление правом как основание для признания сделки недействительной // Гражданское право. 2025. № 6. С. 23.

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025) https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_54/?ysclid=msx2kt7v62632062165.

[9] Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ, № 5, май, 2012.

[10] Михайлова Е.В. Иск прокурора в арбитражном процессе как средство защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. 2026. № 8. С. 51.;.

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2025 № 18-КГ25-292-К4 (УИД 23RS0044-01-2023-001286-42) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=866112&ysclid=mszsp84043594965837#swj8jSVRO7PcrqSH.

[12] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20.05.2009 по делу № А2910933/2008 // https://pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi?SORTTYPE=0&BASENODE=2364812&req=doc&cacheid=FBE4464203E690AB740EF8C4E0E48E58&mode=backrefs&rnd=vcqiaQ&base=RLAW096&n=41804#wonfjSVCi06ELmmG.

[13] Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодексаРоссийскойФедерации» // https://www.vsrf.ru/documents/arbitration/18976/?ysclid=mt1ajz0ig4534070434.

[14] Определение ВАС РФ от 13.01.2014 № ВАС-18963/13 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56117180/?ysclid=mt1fte6tcg736644682.

[15] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.08.2026 № Ф04-1753/2026 по делу № А46-17426/2025https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38258239/?ysclid=mt1luk52h8906449647.

[16] Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ", № 12, декабрь, 2017.

References:

[1] Письмо Минфина России от 24.01.2025 № 03-03-06/1/5826 // https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/tax_relations/Answers/orgprofit?id_39=126824pismo_minfina_rossii_ot_11.02.2019__0303148047_o_primenenii_s_01.01.2019_amortizatsionnoi_premii_v_otnoshenii_sudov_zaregistrirovannykh_v_rmrs&ysclid=msokdpqmib737381780;.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2006 No. 53 "On the Assessment by Arbitration Courts of the Reasonableness of the Taxpayer Receiving Tax Benefits "// Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 12, December, 2006.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 (ed. 23.12.2025) "On some issues related to bringing the debtor's controlling persons to justice in bankruptcy "/Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 3, March, 2018.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 8, August, 2015.

[5] Ivanov A.A. Role of the Court in the Legal Qualification of Investment Contracts in Construction // Russian Judge. 2026. № 1. S. 57-61.

[6] Vinichenko Yu.V. On the legal fate of the building, arbitrarily erected partially on someone else's land // Economy and law. 2025. № 1. S. 57-68;.

[7] Yusupov M.-B.R. Abuse of law as a basis for invalidating a transaction // Civil law. 2025. № 6. S. 23.

[8] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2025) (approved by. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025) https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_54/

?ysclid=msx2kt7v62632062165.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.03.2012 No. 15 "On Certain Issues of the Prosecutor's Participation in the Arbitration Process "// Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 5, May, 2012.

[10] Mikhailova E.V. The prosecutor's claim in the arbitration process as a means of protecting the economic interests of the state // Journal of Russian Law. 2026. № 8. S. 51.;.

[11] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.08.2025 No. 18-KG25-292-K4 (UID 23RS0044-01-2023-001286-42) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=866112&ysclid=mszsp84043594965837#swj8jSVRO7PcrqSH.

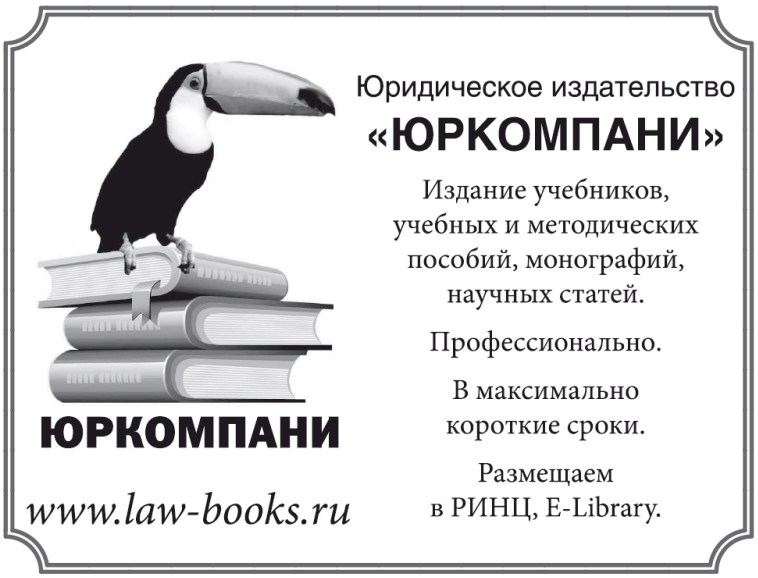
[12] Ruling of the Second Arbitration Court of Appeal dated 20.05.2009 in case No. A2910933/2008 // https ://pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi? SORTTYPE = 0 & BASENODE = 2364812 & req = doc & cacheid = FBEE4464203E690AB740EF8C4E0E48E58 & mode = backrefs & rnd = vcqiaQ & base = RLAW096 & n = 41804 # wonfjSVCi06ELmmG.

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.06.2006 No. 23 (ed. 28.05.2019) "On some issues of application by arbitration courts of the norms of the Budget Code of the Russian Federation "// https : //www.vsrf.ru/documents/arbitration/18976/? ysclid = mt1ajz0ig4534070434.

[14] Determination of the RF SAC dated 13.01.2014 No. SAC-18963/13 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56117180/?ysclid=mt1fte6tcg736644682.

[15] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 11.08.2026 No. F04-1753/2026 in case No. A46-17426/2025https : //www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38258239/? ysclid = mt1luk52h8906449647.

[16] Review of judicial practice in the application of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" (approved by. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 28.06.2017) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation," No. 12, December, 2017.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-148-154
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ВОРОНОВ Евгений Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Россия, Курск, e-mail: mail@law-books.ru

БЫСТРОВ Иван Юрьевич,
студент ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», ORCID ID 0009-0001-6630-5558, e-mail: bystrov.ivan05@gmail.com

НОСОВА Юлия Руслановна,
студент ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет, e-mail: julia052717@yandex.ru

РОДИОНОВ Никита Евгеньевич,
студент ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», e-mail: mail@law-books.ru

ШАТУХИНА Арина Андреевна,
студент ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», e-mail: arinashatuhna@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ

Аннотация. *В статье подвергаются комплексному анализу правовая природа и терминологические коллизии, сопутствующие институту апелляционного и кассационного представления прокурора в гражданском судопроизводстве. Автор обосновывает, что представление прокурора занимает промежуточное, гибридное положение между классическим актом прокурорского реагирования на судебные ошибки и процессуальной жалобой стороны, что обусловливает его двойственную юридическую конструкцию. Данная правовая неопределенность порождает системные коллизии, проявляющиеся одновременно на трех уровнях: доктринальном (отсутствие единообразного понимания сущности представления), нормативном (несогласованность терминов в ГПК РФ, АПК РФ и Законе о прокуратуре) и правоприменительном (разноречивая судебная практика по вопросу о пределах полномочий прокурора и процессеуальных сроках). Установлено, что первопричиной указанных противоречий выступают именно законодательные дефекты, включая нечеткое определение предмета представления, смешение оснований для его принесения с основаниями для жалоб иных участников процесса, а также отсутствие единых критериев оценки законности судебных актов по представлению. Эти недостатки не могут быть преодолены исключительно путем толкования высшими судебными инстанциями и требуют безотлагательного внесения изменений в ГПК РФ, АПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». В работе сформулированы конкретные предложения по совершенствованию указанных нормативных актов, в том числе предлагается унифицировать терминологию, четко разграничить апелляционное и кассационное представление по объему полномочий прокурора, а также закрепить процедурные гарантии для реализации прокурором своей функции в целях укрепления законности и единства судебной практики.*

Ключевые слова: *прокурор, представление прокурора, гражданский процесс, апелляционное представление, кассационное представление, терминологические коллизии, правовая природа, суд.*

VORONOV Evgeny Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russia.

BYSTROV Ivan Yuryevich,
student of the Southwest State University

NOSOVA Yulia Ruslanovna,
student of the Southwest State University

RODIONOV Nikita Evgenievich,
student of the Southwest State University

SHATUKHINA Arina Andreevna,
student of the Southwest State University

PROSECUTOR'S PRESENTATION IN CIVIL PROCEEDINGS: LEGAL NATURE AND TERMINOLOGICAL COLLISIONS

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the legal nature and terminological conflicts associated with the institution of appellate and cassation representation of the prosecutor in civil proceedings. The author substantiates that the prosecutor's representation occupies an intermediate, hybrid position between the classic act of prosecutorial response to judicial errors and the procedural complaint of the party, which determines its dual legal structure. This legal uncertainty generates systemic conflicts that manifest themselves simultaneously on three levels: doctrinal (lack of a uniform understanding of the essence of representation), normative (inconsistency of terms in the CPC RF, APC RF and the Law on the Prosecutor's Office) and law enforcement (contradictory judicial practice on the issue of the limits of the prosecutor's powers and procedural terms). It has been established that the root cause of these contradictions are precisely legislative defects, including the unclear definition of the subject of the submission, the confusion of the grounds for its submission with the grounds for complaints from other participants in the process, as well as the lack of uniform criteria for assessing the legality of judicial acts on the submission. These shortcomings cannot be overcome solely by interpretation by the highest judicial authorities and require urgent amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Agribusiness Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". The paper formulates specific proposals for improving these regulations, including the proposal to unify terminology, clearly distinguish the appellate and cassation representation by the scope of the prosecutor's powers, as well as to consolidate procedural guarantees for the prosecutor to exercise his function in order to strengthen the legality and unity of judicial practice.*

Key words: *prosecutor, prosecutor's representation, civil procedure, appeal representation, cassation representation, terminological conflicts, legal nature, court.*

Введение

Правовая природа полномочий прокурора по обжалованию судебных актов в гражданском процессе остаётся одним из наиболее дискуссионных вопросов. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и основанная на нём правоприменительная практика рассматривают обжалование незаконных судебных актов как неотъемлемый элемент правозащитной функции прокурора, предписывая прокурорам «своевременно реагировать» на каждое незаконное судебное постановление (п. 7 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 11.01.2021 № 2). Гражданское процессуальное законодательство, напротив, конструирует полномочия прокурора как дискреционные: статья 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) ставит возможность их реализации в зависимость от формы его участия в деле, а статья 320 ГПК РФ закрепляет право на апелляционное представление лишь за «прокурором, участвующим в деле».

Данное противоречие неизбежно сказывается на единообразии судебной практики, поскольку суды при разрешении одного и того же процессуального вопроса вынуждены выбирать между взаимоисключающими моделями, не имея для этого законодательно закреплённого критерия. Именно этот фундаментальный разрыв между конструкцией процессуального закона и

моделью, реализуемой на практике, и составляет существо проблемы: правовая природа представления прокурора остаётся неопределённой, что порождает системные коллизии, не устранимые одним судебным толкованием.

В отечественной науке отдельные аспекты данной проблемы получили освещение в работах Е.Р. Ергашева, Т.А. Литвиновой, А.А. Ковалева и др. Однако основное внимание указанных авторов сосредоточено на частных вопросах - природе процессуальных средств прокурора, терминологическом оформлении его полномочий, статусе прокурора в цивилистическом процессе и круге должностных лиц, правомочных приносить представление. При этом отсутствие легальной дефиниции представления, фиксирующей его смешанную публично-правовую и процессуальную природу, до настоящего времени не рассматривалось в качестве общей причины всех перечисленных коллизий, что обусловливает необходимость настоящего исследования.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе анализа законодательства, доктрины и судебной практики выявить проблемы правового регулирования представления прокурора в гражданском процессе и предложить меры по их устранению. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определить правовую природу представления прокурора в его соотношении с актами прокурорского реагирования и процессуальными жалобами; рассмотреть терминологические коллизии между ГПК РФ, АПК РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», а также различие в определении круга лиц, правомочных приносить представление, в зависимости от судебной инстанции; проанализировать практику Верховного Суда РФ по вопросу обжалования судебных актов прокурором; разработать предложения по совершенствованию законодательства в указанной сфере.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучных методов, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, а также метод анализа судебной практики и доктринальных источников. Эмпирическую основу составили постановления Пленума Верховного Суда РФ, приказы Генеральной прокуратуры РФ и определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, отражающие проблемы правоприменения в исследуемой сфере.

Результаты и обсуждение

Представление прокурора занимает промежуточное положение между актом прокурорского реагирования и процессуальной жалобой, не совпадая полностью ни с тем, ни с другим. Традиционная квалификация представления в качестве акта прокурорского реагирования наталкивается на отсутствие у него определяющего признака — императивности. В отличие от представления об устранении нарушений закона, которое вносится в адрес поднадзорного органа и подлежит безотлагательному рассмотрению, судебное представление выражает лишь позицию прокурора по вопросам применения и толкования права, а единственным субъектом правоприменения здесь выступает суд, который вправе как согласиться с доводами представления, так и отклонить их. Как указывает Е.Р. Ергашев, процессуальные ненадзорные средства прокурора не обладают признаком императивности и потому не могут причисляться к актам прокурорского реагирования [Ергашев Е.Р., 2022]; эту позицию разделяет Т.А. Литвинова, подчёркивая, что применительно к судебному представлению сам термин «акт прокурорского реагирования» является неподходящим [Литвинова Т.А., 2024 С 95].

Эту двойственность воспроизводит и позиция самой Генеральной прокуратуры. Так, пункт 7 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (далее – Приказ Генпрокуратуры № 2) формулирует вынесение представления как императивную обязанность, тогда как пункт 7.3 того же приказа допускает, что при обжаловании судебного акта иным участником процесса прокурор может ограничиться подготовкой возражений; аналогичное совмещение императивной и диспозитивной моделей воспроизводится в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве»(далее – Приказ Генпрокуратуры № 473). Тем самым ведомственное регулирование не устраняет доктринальную и законодательную неопределённость, а закрепляет её на уровне подзаконных актов. Представление прокурора не укладывается ни в категорию акта прокурорского реагирования, ни в категорию процессуального обращения частного лица, обладая смешанной публично-правовой и процессуальной природой.

Отсутствие легальной дефиниции представления порождает терминологическую неопределенность, при которой один и тот же процессуальный институт получает три различных наименования в зависимости от вида судопроизводства. ГПК РФ последовательно использует термин «представление» (ст. 320, 376, 391.1), АПК РФ — термин «жалоба» применительно к апелляционному и кассационному обжалованию и «представление» лишь для надзорного производства (ст. 257,

273, 291.1), а Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» использует понятие «протест» (ст. 36). Эта коллизия находит концентрированное выражение в Приказе Генпрокуратуры № 473, который на протяжении всего текста использует двойную конструкцию «жалоба (представление)» (пункты 10, 15, 18). Появление подобной формулы в ведомственном акте означает, что правоприменитель, столкнувшись с рассогласованностью на законодательном уровне, вынужден дублировать оба термина, не имея возможности сделать однозначный выбор. Е.А. Касаткина и С.В. Солоухина прямо связывают эту двойственность со снижением статуса прокурора: использование термина «жалоба» применительно к прокурору нивелирует публично-правовую природу его полномочий и ставит его в один ряд с частными участниками процесса [Касаткина Е.А., Солоухина С.В., 2022, с. 153].

Проблема терминологической неопределённости на этом не исчерпывается - она закономерно переходит в неопределённость в определении круга должностных лиц, правомочных выносить представление. Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (далее - Постановление ВС РФ № 16) устанавливает максимально широкий перечень лиц, обладающих правом на принесение апелляционного представления: Генеральный прокурор РФ и его заместители, прокуроры субъектов РФ и их заместители, прокуроры городов и районов, а также приравненные к ним прокуроры. Пункт 5 постановления Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (далее - Постановление ВС РФ № 17) исключает из этого перечня прокуроров городов и районов для кассационной инстанции. Данное различие воспроизводится и в пункте 7.1 Приказа Генпрокуратуры № 2, который прямо противопоставляет право на апелляционное представление, принадлежащее «прокурору, участвующему в деле», праву на кассационное представление, принадлежащее исключительно вышестоящим прокурорам. Если признать, что публичная функция прокурора по обеспечению законности едина и не зависит от уровня судебной инстанции, то сужение круга правомочных лиц при переходе от апелляции к кассации выступает как произвольное. Закон не содержит каких-либо критериев, оправдывающих такую дифференциацию, что и даёт основания характеризовать её именно как коллизию, а не как продуманное законодательное решение. Как отмечает А.А. Ковалев, неопределённость в вопросе о том, какое именно должностное лицо вправе подписать представление, порождает проблемы правоприменения, которые прокурорам приходится решать посредством ведомственного нормотворчества, не имеющего силы закона и не обязательного для суда [Ковалев А.А., 2021, с. 5].

Таким образом, отсутствие легальной дефиниции представления, которая фиксировала бы его смешанную публично-правовую и процессуальную природу, является не просто проблемой, а системообразующим пробелом, воспроизводящим неопределённость на всех уровнях регулирования. Данная проблема проявляется в двух взаимосвязанных формах. Первая носит общий характер и затрагивает и апелляционное, и кассационное производство: статья 45 ГПК РФ, оперируя понятием «прокурор, участвующий в деле», не дает ответа на вопросы о том, что первично - физическое присутствие прокурора в заседании или нормативное основание для его участия, - и какое именно должностное лицо вправе принести представление. Вторая форма специфична для кассационной инстанции: пункт 5 Постановления ВС РФ № 17, в отличие от пункта 9 Постановления ВС РФ № 16, исключает прокуроров городов и районов из круга лиц, правомочных на кассационное обжалование, не содержа при этом какого-либо обоснования такой дифференциации. В совокупности эти факторы создают правовую неопределённость, которая делает неизбежным переход коллизий с нормативного уровня на правоприменительный, где они проявляются уже в форме противоречивой судебной практики.

Наряду с неопределённостью круга лиц, правомочных приносить представление, и неясностью в вопросе о значении фактического участия прокурора в деле, статья 45 ГПК РФ содержит ещё один пробел: она не определяет содержательный объём полномочий прокурора по обжалованию, не устанавливая ни закрытого перечня оснований для вынесения представления, ни правила о том, сохраняется ли это полномочие у вышестоящего прокурора, если нижестоящий его не реализовал. Данный пробел породил две разнонаправленные ошибки в судебной практике, для исправления которых потребовалось вмешательство Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ).

Так, в определении от 2 сентября 2025 г. № 56-КГПР25-15-К9 Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ оценивала ситуацию, при которой прокурор субъекта РФ принёс кассационное представление по делу, где прокурор участвовал в судах первой и апелляционной инстанций и давал заключение, однако апелляционное представление ранее не подавал(№ 56-КГПР25-15-

К9). Нижестоящий суд возвратил представление без рассмотрения, сочтя, что отсутствие апелляционного представления свидетельствует о неисчерпании иных способов обжалования и, как следствие, об отсутствии права на кассационное обжалование. Такой вывод стал возможен потому, что статья 45 ГПК РФ прямо не устанавливает, что полномочие вышестоящего прокурора на обжалование не зависит от процессуального поведения нижестоящего. ВС РФ признал это ограничение произвольным, указав, что процессуальное законодательство не ставит реализацию права прокурора на кассационное обжалование в зависимость от того, оспаривалось или нет судебное решение в апелляционном порядке, а сама возможность обжалования «обусловлена особым правовым статусом прокурора, предполагающим отсутствие собственного процессуального интереса по спору и выполнение исключительно правозащитной функции».

В отличие от приведённого случая, в определении от 27 мая 2025 г. № 18-КГ25-178-К4 Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ рассматривала противоположную ошибку. Суды трёх инстанций восстановили прокурору срок на апелляционное обжалование по делу, в котором прокурор не обращался с заявлением в суд первой инстанции, не вступал в процесс для дачи заключения, а интересы Российской Федерации уже представляло ТУ Росимущества, самостоятельно реализовавшее право на обжалование. При этом спор о сносе самовольных построек не относился к категории дел, по которым участие прокурора является обязательным в силу части 3 статьи 45 ГПК РФ. Причина данной ошибки состоит в том, что статья 45 ГПК РФ не содержит закрытого перечня оснований, при которых прокурор вправе принести представление, что позволило нижестоящим судам истолковать его полномочия расширительно. ВС РФ пресёк такое расширение, констатировав, что «принесение прокурором апелляционного представления возможно не в любом случае, а лишь тогда, когда его участие допускается в соответствии с положениями статьи 45 ГПК РФ».

Таким образом, судебная практика обнаруживает ещё один аспект неопределённости статьи 45 ГПК РФ, дополняющий описанные ранее проблемы. Закон не устанавливает содержательный объём полномочий прокурора по обжалованию, не закрепляя ни исчерпывающего перечня оснований для принесения представления, ни правила о независимости полномочий вышестоящего прокурора от процессуального поведения нижестоящего. Неопределённость в данных аспектах, порождает противоречивую судебную практику, для преодоления которой необходимо прямое законодательное вмешательство.

Устранение названных коллизий требует системного вмешательства, охватывающего как гражданское процессуальное законодательство, так и корреспондирующие ему нормы АПК РФ и законодательства о прокуратуре.

Во-первых, часть 2 статьи 320 ГПК РФ, ставящую право на апелляционное представление в зависимость от процессуального статуса «прокурора, участвующего в деле», необходимо изложить в редакции, закрепляющей это право за прокурором, который обращался в суд первой инстанции с заявлением, вступал в процесс для дачи заключения либо должен был участвовать в деле в силу закона независимо от фактического присутствия в судебном заседании; аналогичные изменения надлежит внести в часть 2 статьи 376 ГПК РФ.

Во-вторых, часть 2 статьи 376 ГПК РФ следует дополнить положением, согласно которому полномочие вышестоящего прокурора на принесение кассационного представления не зависит от того, реализовал ли нижестоящий прокурор право на апелляционное обжалование.

В-третьих, статью 45 ГПК РФ необходимо дополнить исчерпывающим перечнем оснований, при которых прокурор вправе принести представление, что исключит как необоснованное ограничение, так и произвольное расширение его полномочий.

Наряду с перечисленными изменениями, первостепенное значение имеет закрепление в ГПК РФ легальной дефиниции представления, фиксирующей его смешанную публично-правовую и процессуальную природу. Такая дефиниция должна отражать, что представление, с одной стороны, производно от конституционно-правовой функции прокуратуры по обеспечению законности, а с другой — реализуется исключительно в процессуальной форме, где единственным субъектом правоприменения выступает суд.

Терминологическая коллизия между процессуальным и отраслевым законодательством требует приведения статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в соответствие с нормами ГПК РФ, для чего термины «опротестование» и «протест» необходимо заменить на «принесение представления» и «представление», а часть вторую данной статьи — признать утратившей силу. Одновременно в статьях 257, 273 и 291.1 АПК РФ надлежит заменить термин «жалоба» на «представление» применительно к прокурору, сохранив прежнее наименование для иных участников процесса. Наряду с этим требуется законодательная унификация состава должностных лиц, правомочных приносить представление в апелляционную и кассационную

инстанции, что позволит урегулировать данный вопрос непосредственно в федеральном законе и исключить его зависимость от актов судебного толкования.

Заключение

Проведённое исследование позволило установить, что все выявленные коллизии порождены единым системным дефектом, а именно отсутствием в ГПК РФ легальной дефиниции представления, фиксирующей его смешанную публично-правовую и процессуальную природу. Данный пробел воспроизводится на всех уровнях правового регулирования: законодатель не проводит последовательно ни одну из двух конкурирующих моделей обжалования, подзаконные акты закрепляют эту двойственность в виде взаимоисключающих предписаний, а суды, лишённые единого нормативного критерия, колеблются между неправомерным ограничением полномочий прокурора и столь же необоснованным их расширением.

Предложенные законодательные изменения в совокупности устраняют указанный системный дефект. Их реализация устраняет правовую неопределённость, при которой каждый элемент регулирования существует в режиме конкурирующих толкований, и закрепляет объём и адресатов данного процессуального средства прямыми нормативными предписаниями, обязательными и для правоприменителя, и для суда.

Список литературы:

[1] Ергашев Е.Р. Процессуальные и иные средства и акты прокурорского реагирования: правовая природа и проблемы правового регулирования // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 122–129.

[2] Касаткина Е.А., Солоухина С.В. К вопросу об унификации норм, регламентирующих участие прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Аграрное и земельное право. 2022. № 6 (210). С. 152–155.

[3] Ковалев А.А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами апелляционной инстанции // Право и политика. 2021. № 4. С. 1–9.

[4] Литвинова Т.А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами проверочных инстанций // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 7 (164). С. 86–100.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 (ред. от 19.11.2024) «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 8.

[7] Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 (ред. от 19.10.2022) «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[8] Приказ Генпрокуратуры России от 07.07.2017 № 473 (ред. от 19.10.2022) «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[9] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2025 г. № 56-КГПР25-15-К9 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 18-КГ25-178-К4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=536617&dst=100001#s9XfSPVzO4GzNwO8 (дата обращения: 15.07.2026).

References:

[1] Ergashev E.R. Procedural and other means and acts of prosecutorial response: legal nature and problems of legal regulation // Russian Legal Journal. 2022. № 2. S. 122-129.

[2] Kasatkina E.A., Soloukhina S.V. On the unification of the norms governing the participation of the prosecutor in civil and arbitration proceedings // Agrarian and land law. 2022. № 6 (210). S. 152-155.

[3] Kovalev A.A. Participation of the prosecutor in the consideration of civil cases by the courts of appeal // Law and politics. 2021. № 4. S. 1-9.

[4] Litvinova T.A. Participation of the prosecutor in the consideration of civil cases by the courts of verification instances // Actual problems of Russian law. 2024. № 7 (164). S. 86-100.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.06.2021 No. 16 "On the application by the courts of the norms of civil procedure legislation governing the proceedings in the court of appeal "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. № 7.

[6] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.06.2021 No. 17 (ed. 19.11.2024) "On the application by the courts of the norms of civil procedure legislation governing the proceedings in the court of cassation "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. № 8.

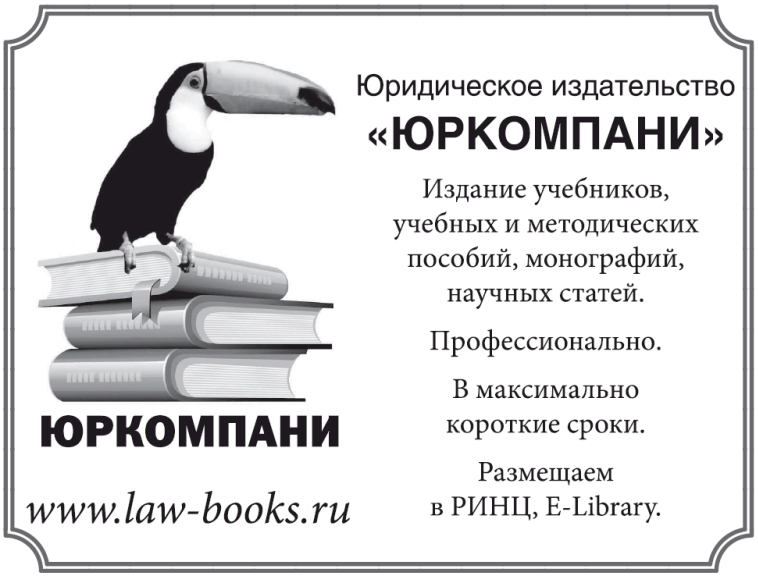
[7] Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 11.01.2021 No. 2 (ed. 19.10.2022) "On ensuring the participation of prosecutors in civil and administrative proceedings "// Access from SPS" ConsultantPlus.".

[8] Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 07.07.2017 No. 473 (ed. 19.10.2022) "On the exercise by prosecutors of powers in arbitration proceedings "// Access from SPS" ConsultantPlus.".

[9] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of September 2, 2025 No. 56-KGPR25-15-K9 // Access from SPS "ConsultantPlus.".

[10] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of May 27, 2025 No. 18-KG25-178-K4 // Access from SPS "ConsultantPlus.".

[11] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 10.06.2026) URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=536617&dst=100001#s9XfSPVzO4GzNwO8 (accessed on: 15.07.2026).

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-155-162
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ГЕНДЕЕВ Эрдни Николаевич,
Академия управления МВД России, адъюнкт,
полковник полиции,
e-mail: erdni.gendeev.81@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ ПОНИМАНИЯ ЗАКОННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. *Статья посвящена сравнительно-правовому анализу моделей понимания законности в административном праве Германии, США и Эстонии. Автор исследует институциональные и процессуальные механизмы обеспечения законности, сложившиеся в континентальной и англосаксонской правовых семьях, а также в правовой системе Эстонии, испытавшей влияние обеих традиций. Научная новизна публикации определяется тем, что впервые в отечественной административно-правовой доктрине проводится системное сопоставление германской модели нормоконтроля (Normenkontrollverfahren), американской доктрины «пристального взгляда» (hard look doctrine) и эстонской модели превентивного надзора с позиций их адаптационного потенциала для совершенствования механизмов обеспечения законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Обосновывается необходимость внедрения элементов превентивного ведомственного нормоконтроля нормативных правовых актов МВД России, а также расширения процессуальных гарантий законности при применении мер административного принуждения сотрудниками полиции. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства, включая дополнение Федерального закона «О полиции» положениями о превентивной проверке ведомственных нормативных актов и усилении мотивировочной составляющей административных решений сотрудников ОВД.*

Ключевые слова: *законность, административное право, нормоконтроль, надлежащая правовая процедура, превентивный контроль, сотрудники органов внутренних дел, сравнительно-правовой анализ.*

GENDEEV Erdni Nikolaevich,
Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, postgraduate student, Police Colonel

FOREIGN MODELS OF UNDERSTANDING LEGALITY IN ADMINISTRATIVE LAW (A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Annotation. *The article is devoted to a comparative legal analysis of the models for understanding legality in the administrative law of Germany, the USA, and Estonia. The author examines the institutional and procedural mechanisms for ensuring legality that have developed in the continental and Anglo Saxon legal families, as well as in the legal system of Estonia, which has been influenced by both traditions.*

The scientific novelty of the publication lies in the fact that, for the first time in domestic administrative and legal doctrine, a systematic comparison is carried out of the German model of normative control (Normenkontrollverfahren), the American "hard look" doctrine, and the Estonian model of preventive supervision — from the standpoint of their adaptation potential for improving the mechanisms for ensuring legality in the activities of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

The paper substantiates the need to introduce elements of preventive departmental normative control of regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as to expand the procedural guarantees of legality when police officers apply administrative enforcement measures. Specific proposals for improving legislation are formulated, including amendments to the Federal Law "On Police" with provisions on the preventive review of departmental regulatory acts and on strengthening the reasoning component of administrative decisions made by internal affairs officers.

Key words: *legality, administrative law, normative control, due process, preventive control, internal affairs officers, comparative legal analysis.*

Категория законности традиционно относится к числу фундаментальных понятий юридической науки, определяющих основы взаимоотношений государства и личности. В российском административном праве законность провозглашается в качестве важнейшего принципа деятельности органов исполнительной власти, однако её содержание нередко раскрывается преимущественно на доктринальном уровне, без достаточной операционализации в виде конкретных процессуальных и институциональных механизмов. Как справедливо отмечает А.В. Должиков, «законность кажется общим местом в российском правоведении, включая административное право. Она провозглашается в качестве цели и принципа деятельности органов исполнительной власти. Однако в качестве ограничения административного произвола этот принцип не получил должного анализа» [1, с. 926].

Особую актуальность проблема понимания законности приобретает применительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел. Сотрудник полиции, наделённый широкими властными полномочиями, включая право на применение мер государственного принуждения, одновременно выступает субъектом, чьи действия должны соответствовать не только формальным требованиям закона, но и фундаментальным принципам правового государства. Законность в деятельности сотрудников ОВД имеет высокую степень значимости, что обуславливается тем, что органы внутренних дел являются самой многочисленной правоохранительной государственной структурой, обладают особым функциональным предназначением, осуществляют свою работу круглосуточно, а их службы и подразделения максимально приближены к гражданам [2, с. 11]. При этом нарушение сотрудником полиции законности означает нарушение конституционных прав и свобод граждан, поскольку данная деятельность связана с защитой личности, её здоровья, прав и интересов, а полиция наделена широкими правами по применению принуждения [3, с. 8].

В этой связи представляет существенный теоретический и практический интерес обращение к зарубежному опыту понимания и обеспечения законности в административном праве. Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить институциональные и процессуальные механизмы, которые могут быть адаптированы для совершенствования российской правовой системы, в том числе в части, касающейся деятельности сотрудников органов внутренних дел. Цель настоящей статьи — провести сравнительно-правовое исследование моделей понимания законности в административном праве Германии, США и Эстонии, выявить их концептуальные особенности и сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики в сфере административно-правового регулирования деятельности сотрудников ОВД.

1. Германская модель: законность как Normenkontrolle и материальный нормоконтроль.** В континентальной правовой семье законность традиционно трактуется как режим строгого и неуклонного соблюдения правовых предписаний (Gesetzmäßigkeit), что нашло отражение в германской доктрине Rechtsstaat (правовое государство). В отличие от России, где дискуссия о законности нередко ведётся на уровне общих принципов, в Федеративной Республике Германия законность нормативных административно-правовых актов проверяется через институт нормоконтроля (Normenkontrollverfahren), закреплённый в § 47 Закона об административных судах (Verwaltungsgerichtsordnung – VwGO) [4].

Сущность данного механизма заключается в том, что Высший административный суд земли по заявлению любого лица, чьи права затронуты подзаконным актом, вправе проверить его действительность. Согласно § 47 (2) VwGO, заявление может подать «каждое физическое или юридическое лицо, утверждающее, что правовое предписание или его применение нарушает его права или нарушит их в обозримом будущем, а также каждый орган в течение одного года после опубликования правового предписания» [5]. При этом проверка осуществляется не только на предмет соответствия формальным требованиям (компетенция, процедура), но и на предмет соответствия материальным конституционным принципам, включая принцип соразмерности (Verhältnismäßigkeitsprinzip) и принцип правовой определённости (Bestimmtheitsgebot).

Как отмечает Г. Шмидт, «законность в

немецкой административно-правовой доктрине — это не статичное состояние, а динамический процесс постоянной верификации правовых актов на предмет их непротиворечия вышестоящим нормам и фундаментальным правам» [6, S. 89]. Данный подход имеет принципиальное значение для понимания германской модели: законность здесь не сводится к декларативному требованию соблюдения законов, а обеспечивается системой процессуальных фильтров, позволяющих выявлять дефектные акты до их применения в конкретных правоотношениях.

Важной особенностью германской модели является то, что нормоконтроль носит абстрактный характер: суд проверяет соответствие оспариваемого акта вышестоящим нормам вне связи с конкретным правоприменительным казусом. Решение Высшего административного суда земли о признании акта недействительным имеет общеобязательную силу (allgemein verbindlich), а его резолютивная часть подлежит опубликованию в том же порядке, в каком было опубликовано само правовое предписание [5]. Это создаёт дополнительные гарантии законности, исключая применение неконституционного или незаконного акта не только к заявителю, но и ко всем иным лицам.

В контексте деятельности сотрудников органов внутренних дел германская модель представляет интерес прежде всего с точки зрения возможности оспаривания ведомственных нормативных актов, определяющих процедуры применения мер административного принуждения. В России ведомственные приказы МВД России, регулирующие порядок осуществления отдельных административно-процессуальных действий, нередко содержат положения, ограничивающие права граждан способами, не предусмотренными федеральным законом. Абстрактный нормоконтроль таких актов, по аналогии с § 47 VwGO, позволил бы выявлять и устранять подобные дефекты на системном уровне, не дожидаясь судебного обжалования конкретных действий сотрудников.

2. Англосаксонская модель: законность как надлежащая правовая процедура (due process of law).** В англосаксонской правовой семье (США, Великобритания) понятие законности имеет выраженный процедурный оттенок и связывается с доктриной due process of law (надлежащая правовая процедура), закреплённой в V и XIV поправках к Конституции США [7]. Сущность данного подхода заключается в том, что законным признаётся не всякий акт, изданный компетентным органом, а только тот, который принят с соблюдением справедливых процедур: право быть выслушанным, право на доступ к доказательствам, право на независимое и беспристрастное рассмотрение дела.

Административная процедура США (Administrative Procedure Act – APA, 5 U.S.C. §§ 551–559, 701–706) устанавливает единые требования к процедуре принятия решений федеральными агентствами, включая обязательное уведомление заинтересованных лиц, возможность представления возражений и право на судебное обжалование [8]. При этом суды США, интерпретируя положения APA, последовательно развивают доктрину «hard look doctrine» (принцип пристального взгляда), согласно которой суд не ограничивается формальной проверкой соблюдения процедуры, а оценивает, является ли принятое решение разумным и основанным на фактических данных.

Данная доктрина, сформировавшаяся в решениях Верховного суда США по делам Citizens to Preserve Overton Park v. Volpe (1971) и Motor Vehicle Manufacturers Association v. State Farm Mutual Automobile Insurance Co. (1983), требует от суда «поискового и тщательного» (searching and careful) анализа оснований, по которым агентство приняло оспариваемое решение [9]. Согласно разделу 706 (2) (A) APA, суд вправе признать действие агентства незаконным, если оно является «произвольным, капризным, злоупотреблением дискрецией или иным образом не соответствующим закону» (arbitrary, capricious, an abuse of discretion, or otherwise not in accordance with law) [10]. Применяя данный стандарт, суды требуют от агентств создания адекватной фактической и аналитической базы для принимаемых решений, что существенно ограничивает административный произвол.

Принципиальное значение для российской практики имеет то обстоятельство, что в американской модели законность обеспечивается не только на стадии судебного контроля, но и на стадии принятия административного решения. Доктрина due process требует, чтобы само решение было мотивированным и основанным на доказательствах, доступных заинтересованным лицам. Это создаёт предпосылки для формирования «прозрачной» административной процедуры, в которой законность является не внешним требованием, а имманентным свойством процесса принятия решений.

Применительно к деятельности сотрудников полиции американская модель представляет интерес в части, касающейся процедурных гарантий при применении мер административного принуждения. В российской практике нередки случаи, когда сотрудники ОВД принимают решения (о задержании, досмотре, изъятии документов) без надлежащего документального оформления и мотивировки, что впоследствии затрудняет оценку их законности. Как показывает анализ судебной практики, суды нередко отказывают в удовлетворении требований о признании незаконными

действий сотрудников полиции, ссылаясь на презумпцию законности их действий, если заявитель не представил доказательств обратного [3, с. 8]. Доктрина «пристального взгляда» предполагает обратную логику: бремя обоснования законности решения лежит на органе, принявшем это решение.

3. Эстонская модель: законность как превентивный контроль и цифровое единство правового пространства.** Особый интерес представляет опыт Эстонии, где понимание законности в административном праве сформировалось под влиянием как германской, так и скандинавской традиций. Закон «Об административном производстве» (Haldusmenetluse seadus, далее – HMS) [11] в § 3 закрепляет принцип законности как основополагающий, однако его содержание раскрывается через систему конкретных требований: обязательность письменной формы решения, мотивированность, пропорциональность, а также право лица знакомиться со всеми материалами дела.

Согласно § 3 (1) HMS, «в административном производстве основные права и свободы лица и иные его субъективные права могут быть ограничены только на основании закона» [11]. Далее § 3 (2) устанавливает, что «административный правовой акт и действие должны быть пригодными, необходимыми и пропорциональными по отношению к поставленной цели» [11]. Таким образом, законность в эстонской модели не ограничивается требованием соответствия закону, но включает также требование соразмерности ограничения прав, что сближает её с германским подходом.

Отличительной чертой эстонской модели является использование инфраструктуры X-tee (электронное межведомственное взаимодействие), которая обеспечивает не только формальное, но и фактическое единство правового пространства, исключая коллизии между ведомственными актами. Как отмечают M. Kask и A. Saar, «X-tee не просто техническая платформа для обмена данными; это институциональный механизм, обеспечивающий согласованность правоприменительных решений различных ведомств и их соответствие единым правовым стандартам» [12, p. 128]. Контрольный механизм в Эстонии включает как судебный нормоконтроль (административные суды на основе Закона об административных судах 2023 г.), так и внесудебный — институт канцлера юстиции (омбудсмена), который осуществляет превентивный надзор за законностью проектов нормативных актов [13].

Институт канцлера юстиции представляет особый интерес для российской практики. Канцлер юстиции Эстонии наделён полномочиями проверять соответствие проектов нормативных актов Конституции и законам до их принятия. При выявлении несоответствия канцлер вправе обратиться к органу, разработавшему проект, с мотивированным предложением о приведении его в соответствие с законом. Если орган не реагирует на обращение, канцлер может обратиться в Государственный суд (Riigikohus) с ходатайством о признании акта неконституционным. Данный механизм позволяет предотвращать принятие незаконных актов на ранней стадии, не дожидаясь их применения и последующего судебного обжалования.

Важно отметить, что эстонская модель проводит чёткое разграничение между административным и деликтным (süüteomenetlus) производством. Согласно разъяснениям Государственного суда Эстонии, «административное и деликтное производство имеют разные цели, вследствие чего они могут протекать и параллельно. Основная цель административного надзорного производства — предотвращение, выявление и устранение угрозы публичному порядку и нарушений. Основная цель деликтного производства — выявление обстоятельств, указывающих на правонарушение, и эффективная уголовно-правовая защита благ» [14]. При этом деликтное производство не заменяет административное, и административный орган не вправе уклоняться от исполнения своих обязанностей по принятию административных мер (например, предписаний) под предлогом ведения деликтного производства [14].

Данное разграничение имеет существенное значение для российской практики, где нередко возникает конкуренция между административно-правовыми и уголовно-процессуальными механизмами реагирования на правонарушения, совершаемые сотрудниками ОВД. Эстонский подход ориентирует на параллельное использование обоих механизмов, каждый из которых служит собственным целям, что позволяет избегать ситуаций, когда возбуждение уголовного дела «поглощает» административно-правовую реакцию на нарушение.

Адаптационный потенциал зарубежных моделей для России, на основе проведённого сравнительно-правового анализа позволяет скорректировать понимание законности в административном праве: в отличие от декларативного подхода, доминирующего в российской доктрине, зарубежные модели демонстрируют, что законность — это режим, обеспечиваемый системой процессуальных и институциональных фильтров (нормоконтроль, надлежащая процедура, омбудсмен). Применительно к российским реалиям предлагается ряд конкретных предложений, направленных на совершенствование механизмов обеспечения законности в деятельности сотрудников органов

внутренних дел.

Предложение 1: Внедрение превентивного ведомственного нормоконтроля нормативных правовых актов МВД России.

По аналогии с § 47 VwGO и эстонской моделью канцлера юстиции предлагается дополнить систему ведомственного нормотворчества МВД России институтом обязательной превентивной проверки проектов нормативных правовых актов на предмет их соответствия федеральным законам и конституционным принципам. В отличие от существующей практики правовой экспертизы, которая нередко носит формальный характер, превентивный нормоконтроль должен включать содержательную оценку соответствия проекта акта принципам соразмерности, правовой определённости и защиты прав граждан.

Как отмечается в юридической литературе, «превентивный нормоконтроль, безусловно, необходим, однако он не должен быть судебным, поскольку в суде должны рассматриваться конкретные правовые конфликты, возникшие в связи с применением нормативного правового акта. Предварительный нормоконтроль должен заключаться в проверке проекта нормативного акта на стадии принятия и согласования, т.е. до его официального опубликования и вступления в силу. Эту функцию осуществляют законодательные органы, а также ведомства, осуществляющие нормативно-правовое регулирование (ведомственный нормоконтроль)» [15, с. 112]. Превентивный ведомственный нормоконтроль позволяет предотвращать принятие незаконных актов, не дожидаясь их применения и последующего судебного обжалования, что особенно важно для актов, регулирующих применение мер административного принуждения, где цена ошибки особенно высока.

В качестве конкретной меры предлагается создать в структуре Договорно-правового департамента МВД России специализированное подразделение по превентивному нормоконтролю, наделённое полномочиями приостанавливать принятие проектов нормативных актов, содержащих положения, ограничивающие права граждан способами, не предусмотренными федеральным законом.

Предложение 2: Расширение процессуальных гарантий законности при применении мер административного принуждения сотрудниками полиции.

Опираясь на американскую доктрину due process и hard look doctrine, предлагается дополнить Федеральный закон «О полиции» положением, обязывающим сотрудника при применении мер административного принуждения (задержание, досмотр, изъятие документов, применение физической силы и специальных средств) составлять мотивированный рапорт, в котором указываются конкретные фактические обстоятельства, послужившие основанием для применения соответствующей меры, и нормативные правовые акты, которыми сотрудник руководствовался.

В настоящее время Федеральный закон «О полиции» устанавливает, что «полиция в пределах своих полномочий принимает меры по восстановлению нарушенных прав и свобод» (ч. 3 ст. 9), а «действия сотрудников полиции должны быть обоснованными и понятными для граждан» (ч. 2 ст. 9) [16]. Однако механизм реализации этих требований остаётся недостаточно определённым. Введение обязательного мотивированного рапорта позволит, во-первых, обеспечить внутренний контроль за законностью применения мер принуждения, во-вторых, создать доказательственную базу для последующей оценки законности действий сотрудника, в-третьих, дисциплинировать сотрудников, побуждая их к более тщательному анализу оснований для применения принуждения.

Предложение 3: Институционализация превентивного надзора за законностью ведомственных актов.

Опираясь на эстонскую модель канцлера юстиции, предлагается рассмотреть вопрос о создании в структуре аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации специализированного подразделения по превентивному надзору за законностью проектов нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, в том числе МВД России. Данное подразделение должно быть наделено полномочиями по проверке проектов актов на предмет их соответствия Конституции РФ, федеральным законам и общепризнанным принципам, и нормам международного права, а также правом обращения к органу, разработавшему проект, с мотивированным предложением о его корректировке.

Эстонский опыт показывает, что институт омбудсмена может эффективно выполнять превентивную функцию, не подменяя при этом судебный контроль. Канцлер юстиции Эстонии активно использует свои полномочия для предотвращения принятия незаконных актов, что способствует снижению судебной нагрузки и повышению качества нормативного регулирования [13]. В российских условиях создание аналогичного института потребует внесения изменений в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», однако потенциальные выгоды в виде повышения законности ведомственного нормотворчества и снижения количества нарушений прав граждан

сотрудниками ОВД представляются существенными.

Предложение 4: Разграничение административного и дисциплинарного производства по делам о правонарушениях, совершаемых сотрудниками ОВД.

Опираясь на эстонскую модель разграничения административного и деликтного производства, предлагается уточнить положения ст. 2.5 КоАП РФ и Федерального закона «О службе в органах внутренних дел» в части, касающейся конкуренции административной и дисциплинарной ответственности. В настоящее время ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ устанавливает, что за административные правонарушения сотрудники ОВД несут дисциплинарную ответственность, за исключением случаев, прямо указанных в ч. 2 этой статьи. Такой подход создаёт ситуацию, когда за правонарушения, посягающие на права граждан (например, побои, мелкое хулиганство), сотрудник может избежать административной ответственности, понеся лишь дисциплинарное взыскание.

Представляется целесообразным дополнить ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ указанием на то, что сотрудники ОВД несут административную ответственность на общих основаниях за правонарушения, посягающие на права и свободы человека и гражданина, а также за правонарушения, совершённые в состоянии опьянения. Дисциплинарная ответственность при этом не исключается, но не подменяет административную. Такой подход соответствует логике разграничения административного и деликтного производства в эстонской модели, где каждое производство служит собственным целям и не поглощается другим.

Практическое значение сформулированных предложений для деятельности сотрудников ОВД, имеют непосредственное практическое значение для организации деятельности сотрудников органов внутренних дел по реализации полномочий в сфере административных правонарушений.

Во-первых, превентивный ведомственный нормоконтроль позволит исключить из ведомственных приказов МВД России положения, создающие условия для злоупотреблений и нарушений прав граждан. Например, если ведомственный акт устанавливает процедуру досмотра, не предусмотренную КоАП РФ, превентивная проверка позволит выявить это несоответствие до вступления акта в силу.

Во-вторых, обязательный мотивированный рапорт о применении мер административного принуждения создаст процессуальные гарантии законности, аналогичные американской доктрине due process. Сотрудник будет вынужден документально обосновывать каждое ограничение прав граждан, что снизит риск произвольных действий и повысит уровень общественного доверия к полиции.

В-третьих, институционализация превентивного надзора за ведомственными актами обеспечит внешний контроль за законностью нормативного регулирования в сфере деятельности ОВД, что особенно важно в контексте требований ч. 5 ст. 6 Федерального закона «О полиции» о государственном контроле за деятельностью полиции [16].

В-четвёртых, разграничение административной и дисциплинарной ответственности будет способствовать более справедливому и эффективному реагированию на правонарушения, совершаемые сотрудниками ОВД. Сотрудник, совершивший административное правонарушение против личности, должен нести административную ответственность наравне с другими гражданами, что соответствует принципу равенства перед законом и укрепляет доверие общества к органам внутренних дел.

Проведённый сравнительно-правовой анализ моделей понимания законности в административном праве Германии, США и Эстонии позволяет сделать следующие выводы.

В германской модели законность обеспечивается через институт абстрактного нормоконтроля, позволяющий любому лицу оспорить подзаконный акт вне связи с конкретным правоприменительным казусом. В американской модели акцент сделан на процессуальных гарантиях (due process) и судебном контроле с применением стандарта «пристального взгляда» (hard look doctrine), требующего от административных органов создания адекватной фактической и аналитической базы для принимаемых решений. В эстонской модели сочетаются элементы германского и скандинавского подходов, при этом особое значение придаётся превентивному контролю (институт канцлера юстиции) и цифровой инфраструктуре X-tee, обеспечивающей единство правового пространства.

Общим для всех трёх моделей является понимание законности не как декларативного принципа, а как режима, обеспечиваемого системой процессуальных и институциональных фильтров. Законность не сводится к требованию соответствия закону; она включает также требования соразмерности, правовой определённости, мотивированности и процессуальной справедливости.

Для российской практики, в том числе в сфере деятельности сотрудников органов внутренних дел, зарубежный опыт представляет значительный интерес. Предложенные в статье меры — внедрение превентивного ведомственного нормоконтроля, расширение процессуальных гарантий при применении мер административного

принуждения, институционализация превентивного надзора за ведомственными актами, разграничение административной и дисциплинарной ответственности — направлены на повышение эффективности механизмов обеспечения законности и укрепление доверия граждан к органам внутренних дел.

Реализация этих предложений потребует внесения изменений в Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и КоАП РФ, а также корректировки ведомственных нормативных актов МВД России. Однако потенциальные выгоды в виде снижения количества нарушений прав граждан, повышения качества нормативного регулирования и укрепления законности в деятельности сотрудников ОВД представляются существенными. Дальнейшие исследования в этом направлении должны быть сосредоточены на разработке конкретных механизмов реализации предложенных мер и оценке их эффективности с учётом специфики российского административно-правового регулирования.

Список литературы:

[1] Должиков А.В. Принцип законности и ограничение административного произвола // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2025. — Т. 18, № 5. — С. 925–933. [Электронный ресурс]. URL: https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/156120 (дата обращения: 15.09.2026).

[2] Законность в деятельности сотрудников полиции: выпускная квалификационная работа. — Омск: Омская академия МВД России, 2021. — С. 11. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.eioskuimvd.ru/jirbis2/_docs_file/BKP/2021/ (дата обращения: 15.09.2026).

[3] Фасхутдинов Р.Р. Единство законности, целесообразности и справедливости в административной деятельности сотрудников полиции: выпускная квалификационная работа. — 2025. — С. 8. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.eioskuimvd.ru/jirbis2/_docs_file/BKP/2025/ (дата обращения: 15.09.2026).

[4] Verwaltungsgerichtsordnung (VwGO) in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. März 1991 (BGBl. I S. 686), die zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 15. November 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 354) geändert worden ist. — § 47 (Normenkontrollverfahren). [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/vwgo/ (дата обращения: 15.09.2026).

[5] § 47 VwGO (Normenkontrollverfahren). [Электронный ресурс]. URL: https://www.rechtsportal.de/Mietrecht/Gesetze/Gesetze/Verfahrensrecht/Verwaltungsgerichtsordnung/ (дата обращения: 15.09.2026).

[6] Schmidt H. Rechtsstaatsprinzip und Gesetzmäßigkeit der Verwaltung: Eine dogmatische und rechtsvergleichende Untersuchung. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2023. — S. 89–112.

[7] Constitution of the United States of America: as ratified in 1788 and amended through 1992. — Amendment V, Amendment XIV, § 1 (Due Process Clause). [Электронный ресурс]. URL: https://www.congress.gov/constitution (дата обращения: 15.09.2026).

[8] Administrative Procedure Act (APA): 5 U.S.C. §§ 551–559, 701–706. — §§ 553 (Rulemaking), 554 (Adjudications), 706 (Scope of Review). [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/5/part-I/chapter-5/subchapter-II (дата обращения: 15.09.2026).

[9] Motor Vehicle Manufacturers Association v. State Farm Mutual Automobile Insurance Co., 463 U.S. 29 (1983) (Hard Look Doctrine). [Электронный ресурс]. URL: https://www.oyez.org/cases/1982/82-354 (дата обращения: 15.09.2026).

[10] Arbitrary and Capricious Review (The “Hard Look” Doctrine). [Электронный ресурс]. URL: https://opencasebook.org/casebooks/16721-regulatory-policy-administrative-law-and-process/resources/4.2.1 (дата обращения: 15.09.2026).

[11] Haldusmenetluse seadus [Закон об административном производстве Эстонии]: RT I 2001, 58, 354. — § 3 (Legality principle), § 6 (Proportionality). [Электронный ресурс]. URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/HS (дата обращения: 15.09.2026).

[12] Kask M., Saar A. Legality and Legal Certainty in Estonian Administrative Law: The Role of X-tee and Preventive Norm Control // Juridica International. — 2024. — Vol. 33. — P. 121–135.

[13] Õiguskantsler [Канцлер юстиции Эстонии]. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oiguskantsler.ee (дата обращения: 15.09.2026).

[14] Määruse nr 3-23-2858/48 p-s 17.1 (разъяснение Государственного суда Эстонии о разграничении административного и деликтного производства). [Электронный ресурс]. URL: https://www.riigiteataja.ee/kohtulahendite_liigitus.html (дата обращения: 15.09.2026).

[15] Превентивный нормоконтроль в государственном управлении // Юрист. — 2026. — № 5. — С. 59–65. [Электронный ресурс]. URL: https://lawinfo.ru/articles/13865/ (дата обращения: 15.09.2026).

[16] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/32615 (дата обращения: 15.09.2026).

References:

[1] Dolzhikov A.V. The principle of legality and

limitation of administrative arbitrariness // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. — 2025. - T. 18, NO. 5. - S. 925-933. [Electronic resource]. URL: https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/156120 (access date: 15.09.2026).

[2] Legality in the activities of police officers: graduation qualification work. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. - S. 11. [Electronic resource]. URL: http://lib.eioskuimvd.ru/jirbis2/_docs_file/BKP/2021/ (access date: 15.09.2026).

[3] Faskhutdinov R.R. Unity of legality, expediency and justice in the administrative activities of police officers: graduation qualification work. — 2025. - S. 8. [Electronic resource]. URL: http://lib.eioskuimvd.ru/jirbis2/_docs_file/BKP/2025/ (access date: 15.09.2026).

[4] Verwaltungsgerichtsordnung (VwGO) in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. März 1991 (BGBl. I S. 686), die zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 15. November 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 354) geändert worden ist. — § 47 (Normenkontrollverfahren). [Electronic resource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/vwgo/ (access date: 15.09.2026).

[5] § 47 VwGO (Normenkontrollverfahren). [Electronic resource]. URL: https://www.rechtsportal.de/Mietrecht/Gesetze/Gesetze/Verfahrensrecht/Verwaltungsgerichtsordnung/ (дата обращения: 15.09.2026).

[6] Schmidt H. Rechtsstaatsprinzip und Gesetzmäßigkeit der Verwaltung: Eine dogmatische und rechtsvergleichende Untersuchung. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2023. — S. 89–112.

[7] Constitution of the United States of America: as ratified in 1788 and amended through 1992. — Amendment V, Amendment XIV, § 1 (Due Process Clause). [Electronic resource]. URL: https://www.congress.gov/constitution (access date: 15.09.2026).

[8] Administrative Procedure Act (APA): 5 U.S.C. §§ 551–559, 701–706. — §§ 553 (Rulemaking), 554 (Adjudications), 706 (Scope of Review). [Electronic resource]. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/5/part-I/chapter-5/subchapter-II (дата обращения: 15.09.2026).

[9] Motor Vehicle Manufacturers Association v. State Farm Mutual Automobile Insurance Co., 463 U.S. 29 (1983) (Hard Look Doctrine). [Electronic resource]. URL: https://www.oyez.org/cases/1982/82-354 (access date: 15.09.2026).

[10] Arbitrary and Capricious Review (The “Hard Look” Doctrine). [Electronic resource]. URL: https://opencasebook.org/casebooks/16721-regulatory-policy-administrative-law-and-process/resources/4.2.1 (дата обращения: 15.09.2026).

[11] Haldusmenetluse seadus [Estonian Administrative Procedure Act]: RT I 2001, 58, 354. — § 3 (Legality principle), § 6 (Proportionality). [Electronic resource]. URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/HS (access date: 15.09.2026).

[12] Kask M., Saar A. Legality and Legal Certainty in Estonian Administrative Law: The Role of X-tee and Preventive Norm Control // Juridica International. — 2024. — Vol. 33. — P. 121–135.

[13] Õiguskantsler [Estonian Chancellor of Justice]. Official website. [Electronic resource]. URL: https://www.oiguskantsler.ee (access date: 15.09.2026).

[14] Määruse nr 3-23-2858/48 p-s 17.1 (Estonian State Court clarification on the distinction between administrative and tort proceedings). [Electronic resource]. URL: https://www.riigiteataja.ee/kohtulahendite_liigitus.html (дата обращения: 15.09.2026).

[15] Preventive regulatory control in public administration // Lawyer. — 2026. — № 5. - S. 59-65. [Electronic resource]. URL: https://lawinfo.ru/articles/13865/ (access date: 15.09.2026).

[16] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ "On Police" (amended and supplemented). [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/32615 (access date: 15.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-163-168

ЯСТРЕБОВА Анастасия Максимовна,
студент 4 курса, МГУ им. М. В. Ломоносова,
Юридический факультет,
e-mail: yastrebova-04@mail.ru

СМЫШНИКОВ Марк Романович,
студент 4 курса, МГУ им. М. В. Ломоносова,
Юридический факультет,
e-mail: m.smyshnikov@mail.ru

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О ДИСПОЗИТИВНОМ НАЧАЛЕ В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕПУБЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ)

Аннотация. *В современном современной гражданско-правовой доктрине уже довольно давно идет полемика о «диспозитивизации» отдельных норм и институтов корпоративного права. В данной статье проводится анализ отдельных спорных положений, приводится аргументированная критика и законодательные предложения. Автор приходит к выводу о невозможности широкого применения концепции «американского типа корпорации» в рамках российского правового поля, однако признает возможность ослабления императивного регулирования применимо к отдельным институтам.*

Ключевые слова: *диспозитивность, преимущественное право покупки доли (акций), секундарное право, автономия воли, исключение участника из ООО, свобода договора, корпорация, оборот долей в ООО.*

IASTREBOVA Anastasiia Maksimovna,
4-th year student, Lomonosov Moscow State University
Faculty of Law

SMYSHNIKOV Mark Romanovich,
4-th year student, Lomonosov Moscow State University
Faculty of Law

DISPOSITIVENESS IN CORPORATE LAW: BRIEF NOTES (USING THE EXAMPLE OF CJSCs AND LLCs)

Annotation. *In the modern civil law doctrine, a debate on the "dispositivization" of certain norms and institutions of corporate law has been ongoing for quite some time. This article analyzes specific controversial provisions, provides reasoned criticism, and offers legislative proposals. The authors conclude that the widespread application of the "american-style corporation" concept within the Russian legal framework is impossible, while acknowledging the possibility of relaxing imperative regulation with respect to certain institutions.*

Key words: *dispositive nature, pre-emptive right to purchase a stake (shares), secondary right, party autonomy (autonomy of will), expulsion of a member from an LLC, freedom of contract, corporation, transfer of stakes in an LLC.*

Что такое диспозитивность? В широком смысле слова, под ней понимается возможность участника гражданского оборота выбирать и осуществлять по своему усмотрению какую-либо модель поведения, разумеется, в очерченных законом рамках. Как отмечает В. Ф. Яковлев, диспозитивность служит одной из основных черт гражданско-правового метода, и проявляется она в обилии диспозитивных норм. Остро стоит вопрос, какая норма может тогда считаться диспозитивной? Согласно, Постановлению Пленума ВАС № 16, норму следует считать императивной при наличии следующих условий: 1) если она содержит явно выраженный запрет предусмотреть

иное (например, соглашение будет признаваться ничтожным при отступлении от этих условий); 2) при отсутствии явно выраженного запрета, норму следует считать императивной, если это необходимо для защиты охраняемых законом интересов (слабая сторона в договоре, публичный интерес) или если это вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора. В противном случае норму следует признавать диспозитивной.

Однако, как отмечали Б. Б. Черепахин и В. Ф. Яковлев, далеко не любая норма гражданского права диспозитивна, напротив, в гражданско-правовом регулировании достаточно императивных норм.

В континентально-правовой семье корпоративному праву исторически свойственна как раз императивность. Сформировался такой метод регулирования, в первую очередь, в силу достаточно долгого существования концессионной системы создания юрлиц (так, в Германии эта система была отменена лишь в 1870 году). А. А. Кузнецов полагает, что генезис императивности несколько глубже: исторически, первыми корпорациями были континентальные компании, например, знаменитая Ост-Индская; их деятельность регулировалась централизованно «сверху». Ключевые вопросы корпоративного управления, например, распределение дивидендов или вопросы торговой стратегии, решались непосредственно изданием закона на это счет. Это предопределило императивные корни корпоративного регулирования.

Российская правовая традиция исходит из толкования норм корпоративного законодательства преимущественно в императивном ключе. Однако сейчас в доктрине и в позитивном праве можно выделить определенный «тренд на диспозитивность». Доказательство тому, например, можно найти в новеллах о преимущественном праве покупки доли в ООО. Ранее условие о наличии у участников преимущественного права в доктрине считалось императивным, так как Закон об ООО не указывал, что в уставе можно предусмотреть его отсутствие. Такую позицию разделяли Е. В. Глухов, В. А. Белов и другие. Такая же позиция разделялась отчасти и судебной практикой. Однако существовал и другой полюс доктрины, в частности, А. А. Кузнецов считал, что нет политико-правовых оснований считать норму императивной. И. С. Чупрунов приводил следующие аргументы в пользу диспозитивности нормы: 1) во-первых, стоит проводить аналогию с Законом об АО, где нормы о преимущественном праве явно диспозитивны, значит, законодатель полагает, что в регулировании непубличных обществ (ООО и непубличное АО) можно воздержаться от «жесткого» регулирования вопроса; 2) во-вторых, существуют формы типовых уставов ООО, которые позволяют прямо исключить преимущественное право. Таким образом, вряд ли можно полагать, что Минэкономразвития идет вразрез с действующим законом, прямо его нарушая. Иными словами, норму явно следуют «читать» диспозитивно. Данный тезис окончательно укрепился лишь 1 сентября 2025 года, когда вступили в силу новые правила о преимущественном праве в ООО. Отныне на уровне закона закреплено, что преимущественное право можно «отключить» в уставе. Норма бесповоротно закрепилась в статусе диспозитивной.

Рассуждая о большей «диспозитивизации» норм о непубличных обществах, стоит напомнить, что диспозитивность не исчерпывается оговоркой «если иное не установлено уставом/договором». Поэтому предлагается пропускать положения, сферу действия которых предлагается «расширять», через «фильтр диспозитивности», оговоренный в Постановлении Пленума ВАС о свободе договора и ее пределах. То есть, необходимо будет учитывать не только то, что положения закона не содержат указания на явно выраженный запрет иного, но и на потенциальный защитный эффект нормы или сущность регулирования, которое может требовать императивного вмешательства в отношения.

Полагаю, с проблемы преимущественных прав можно начать анализ положений, которые требуют большей диспозитивности. В Законе об ООО зафиксирована формулировка «преимущественное право покупки доли». Значит ли это, что отношения такого преимущественного права будут распространяться только на договор купли-продажи доли? Некоторые ученые, например Д. В. Ломакин, указывают, что да. Такое же ограничительное толкование разделила судебная практика, исходя из буквального толкования закона. Но стоит ли участникам дать возможность договориться, что положения о преимущественных правах будут распространяться и на иные возмездные сделки? Р. В. Макин и И. С. Чупрунов полагают, что да, и нет оснований с ними спорить. Дело в том, что конструкцию преимущественного права легко обойти путем заключения договора мены, дарения, соглашения об отступном касательно доли - судебная практика стоит на неприменении к таким соглашениям правил о преимущественном праве. Такое положение дел по факту приводит к нарушению идеи о стабильном числе участников и недопущении неизвестных третьих лиц до управления в ООО. Суды констатируют, что часто «грантор» пытается сознательно обойти преимущественное право. Классическая схема - дарение третьему лицу крайне небольшой части

своей доли (преимущественное право не подлежит применению), а потом продажа этому новому участнику ООО оставшейся части своей доли. В таком случае сделка считается притворной, т.к. прикрывает единый договор купли-продажи доли, а у оставшихся участников ООО возникает право на иск о переводе прав и обязанностей на себя.

Возникает вопрос, как избежать таких злоупотреблений? Если и даровать участникам преимущественное право приобретения доли по иным возмездным сделкам, то как это сделать? Для начала стоит рассмотреть теоретические конструкции действия преимущественного права покупки в активной фазе. Первая возможная теоретическая модель - транслативная. После заявленного в суде требования о «переводе прав и обязанностей на себя», участник общества как бы становится на место контрагента грантора по сделке, происходит, по меткому выражению Е. А. Суханова, «личная суброгация». Совсем иная модель - конститутивная, в ней при требовании о переводе прав и обязанностей возникает договорное требование участника общества к грантору о передаче доли по цене продажи третьему лицу. То есть, если в первом случае договор один, просто в нем меняется лицо, то во втором случае существует два параллельных договорных правоотношения.

Исходя из представленный выше теорий, можно представить следующую ситуацию. Предположим (de lege ferenda), что участники ООО оговорили в уставе, что в случае отчуждения доли по любой возмездной сделке (или некоторым сделкам, отличным от ДКП), будет срабатывать преимущественное право покупки доли. То есть, грантор, предположим, отчуждает долю по договору мены, и в случае «нарушения» преимущественного права у оставшихся участников ООО право требовать передачи доли по договору купли-продажи. Данное требование будет договорным, следовательно, у оставшихся участников будет на вооружении арсенал договорных средств защиты. Следовательно, у нас создается два параллельных договорных правоотношения - купля-продажа и мена.

Конечно, такая конструкция представляется стройной исключительно в рамках конститутивной теории. В парадигме транслативной концепции получается своего рода «юридическое перерождение»: меняется не только контрагент по сделке в результате «личной суброгации», но и само существо сделки - она превращается из договора мены в куплю-продажу.

Не вникая в теоретическую конструкцию преимущественного права в активной фазе, стоит лишь отметить, что представленный выше способ является не единственно возможным для применения преимущественного права к иным сделочным правоотношениям. В своей работе о преимущественном праве И. С. Чупрунов предлагает т.н. «концепцию эквивалентного предоставления». Раскроем на примере мены как это работает. Предположим, грантор отчуждает долю по договору мены. Данное юридическое действие «активирует» преимущественное право у оставшихся участников, но у них возникает договорное требование так же по договору мены. Но что участники ООО могут дать грантору взамен? И всегда ли «преимущественное право мены» сработает? Чтобы получить свой долю, отчуждаемую гранатором, и «перевести на себя права и обязанности», участнику было бы логично предоставить грантору то же самое, что и его контрагент по договору мены. Поэтому возможности участника ООО несколько ограничены в зависимости от того, что передает контрагент грантора по мене. Если речь идет о «родовом обязательстве» и передается не индивидуально-определенный товар, то преимущественным правом фактически будет можно воспользоваться, так как аналогичный товар можно будет приобрести на открытом рынке. Однако если речь идет об индивидуально-определенном товаре, то преимущественное право мены не подлежит применению - участник общества просто не сумеет предоставить «то же самое». Иными словами, концепция эквивалентного предоставления грантору не является универсальной.

Подводя итог обсуждению, хотел бы обозначить свою позицию: мне кажется допустимым расширение сферы действия преимущественного права и на иные возмездные сделки, но с той оговоркой, что при совершении грантором иной возмездной сделки должно активироваться преимущественное право покупки доли. Возникает вопрос, а какова будет цена доли? Здесь должен применяться механизм заранее определенной цены, то есть в уставе необходимо оговорить цену доли или порядок ее определения. Справедливо будет отметить, что аналогичный подход уже закреплен в ст. 7 ФЗ об АО. С учетом того, что начала законодательства о преимущественных права диспозитивны, то нет политико-правовых оснований сторонам запретить очертить круг сделок грантора с долями, активирующими преимущественное право оставшихся участников.

Конечно, некоторые иные положения о преимущественном праве тоже требуют большей «диспозитивизации». Например, это положения о сроках подачи иска о переводе прав и обязанностей в случае продажи доли с нарушением преимущественного права. Не вдаваясь в правовую природу этого срока (с точки зрения доктрины, он, конечно, пресекательный, но судебная

практика позволила применять к нему правила об исковой давности), стоит отметить несколько моментов. Положения о преимущественном праве покупки строятся на диспозитивных началах, иными словами, нет никаких политико-правовых оснований запрещать «настраивать» у уставе ООО преимущественное право по своему усмотрению, в известных пределах, конечно. Срок в 3 месяца, безусловно, немаленький. ООО все же является объединением капиталов, но личность учредителя имеет немалое значение. Иными словами, учредители ООО, которые скорее всего друг друга знают и знают свои жизненные привычки, темпы ведения бизнеса. Таким образом, почему бы им не настроить срок подачи иска по своему усмотрению? Однако важно помнить, что, несмотря на возражения Д. В. Ломакина, преимущественное право покупки доли по своей сути является sui generis секундарным правом, которое порождает состояние правовой неопределенности, связанности. И прекращаться оно должно, по выражению Э. Зеккеля, «умолчанием», то есть для секундарных прав должен быть установлен срок, причем пресекательный. Этот срок не должен быть большим - секундарные права это «стресс» для нормального оборота. Подводя итоги, стоит сказать, что учредителям стоит даровать опцию настройки этого секундарного права, но в известных пределах. Диапазон от 2 до 5 месяцев стоить считать оптимальным.

Рассуждая о преимущественном праве покупки доли, нельзя игнорировать и общие вопросы оборота долей в ООО. Согласно первоначальной редакции ФЗ об ООО, сделка о передаче доли требовала лишь простой письменной формы, что, конечно, обеспечивало повышенную оборотоспособность долей. На практике, как отмечали Д. И. Степанов и Л. А. Новоселова, имелся ряд злоупотреблений. Например, часто подпись лица в договоре просто подделывалась. Регулирование оборота долей в настоящее время значительно усложнено, так как переход доли требует нотариального удостоверения под страхом недействительности. Императивность этих положений не стоит ставить под сомнение, так как «пореформенные положения» об обороте долей созданы с обоснованной целью - защиты оборота и третьих лиц. Иными словами, «тест на обоснованную императивность» пройден. Однако есть небольшой нюанс, который подмечает Д. И. Степанов: довести до сведения регистрирующего органа информацию о совершении сделки с долями должен именно нотариус. Не особо понятно столь жесткое регулирование этого вопроса, вполне обоснованно было бы к этой ситуации применить гибкое регулирование и позволить контрагентам по договору оговорить, что один из них донесет соответствующую информацию до регистрирующего органа вместо нотариуса. Такое решение позволит как снизить общую нагрузку нотариуса, так и позволит избежать известной задержки в связи с передачей информации нотариусом. Можно возразить, что в законе установлен двухдневный срок для такой передачи - но стоит учесть человеческий фактор. Даже если проигнорировать довод о том, что «в бизнесе каждый день на счету», стоит учесть рисковую ситуацию, связанную с человеческим фактором. Нотариус может попросту опоздать, а вот участник общества, обладая куда большим интересом в передаче информации, опаздывать точно не заинтересован. Положения закона нуждаются в более тонкой настройке. Таким образом, положения закона стоить дополнить формулировкой о том, что довести до сведения регистрирующего органа информацию может как нотариус, так и контрагент по сделке, если подобная опция установлена соглашением сторон.

Самый сложный вопрос в рамках обсуждения диспозитивности это вопрос корпоративного управления. Здесь в рамках сравнительно-правовой дискуссии сталкиваются два подхода: широкий англо-американский и императивный континентальный. Чтобы рассмотреть англо-американский подход, обратимся к труду «The Anatomy of Corporate Law», в котором передана концептуально центральная мысль, что такое корпоративное право. Корпоративное право имеет договорное «нутро», следовательно, закон лишь предлагает «стандартную форму договора», которую участники полностью или частично принимают. По сути, речь идет о максимальной договорной свободе. Толковать сей метод как абсолютно диспозитивный тоже было бы ошибкой: есть ряд процедур, например специфическое голосование через представителей proxy solicitation, которые урегулированы детально и императивно. Однако нет сомнений, что традиционный континентальный метод регулирования корпоративных образований совсем другой и тяготеет к императивному. Последовательный критик диспозитивного подхода Е. А. Суханов в «Сравнительном корпоративном праве» акцентирует внимание, что привилегия гибкого корпоративного управления дарована в континентальной традиции только хозтовариществам в силу неограниченной субсидиарной ответственности участников. Хозяйственные общества такой привилегией не обладают, что в первую очередь выражается в наличии строго очерченной законом исключительной компетенции даже в непубличных обществах. Проблема перераспределения компетенций видится мне исключительно интересной, но в рамках дискуссии о корпоративном управлении я бы сосредоточился на терминальных стадиях существования ком-

пании. Речь пойдет об основаниях исключения участника.

Дедлок - неразрешимый корпоративный конфликт - это состояние, близкое к терминальному для общества. Одно из путей разрешения - это исключение участника. В законе четко поименованы основания для исключения - но можно ли соглашением сторон в уставе исключить применение некоторых из них? Нет - четко отвечает на наш вопрос п. 1 ст. 64 ГК РФ. Решение негибкое, но его стоит признать обоснованным (несмотря на возражения апологетов диспозитивности, например, Д. И. Степанова) - оно защищает само общество от фактического прекращения деятельности [5, с. 54-56]. Нас будет интересовать другой ракурс этой проблемы: а можно ли в уставе дополнить установленные законом основания исключения? В законе не сказано об этом прямо, следовательно часть теоретиков (О. В. Петникова и др.) и судебная практика толкует данный в законе перечень как закрытый. Строго говоря, как отмечает А. А. Кузнецов, перечень можно расширить «окольным путем»: грубое нарушение обязанности участника это прямое основание для исключения, а п. 2 ст. 9 Закона об ООО позволяет установить дополнительные обязанности участников. Однако не видится политико-правовых оснований не допускать расширения перечня оснований для исключения в уставе. Однако отказ от принципа numerus clausus не стоит толковать расширительно, установление дополнительных оснований стоит подчинять определенным правилам. Во-первых, следует считать недопустимыми «абсолютно потестативные» основания исключения, то есть без объяснения причин и только по воле других участников. Уже с 1970 года Верховный суд Германии ограничивал произвольное исключение участника по воле большинства и без достаточных оснований. Во-вторых, в построении открытой модели оснований для исключения стоит ориентироваться на испанскую доктрину. Пусть перечень оснований и открыт, но должен существовать тест на их допустимость. В Испании такой тест состоит из двух требований: 1) направленность основания на защиту интересов общества и 2) должны быть связаны с поведением или качествами участника, которые не дают обществу нормально функционировать. В целях обеспечения недопущения дедлоков и длительных «простоев» бизнеса стоит допустить открытый список оснований исключения участника, но лишь с указанными выше оговорками. Таким образом, в законе следует закрепить возможность расширить список, указанный в ст. 67 ГК РФ и в статье 10 Закона об ООО, но с указанием, что такие дополнения должны защищать интересы общества и должны быть связаны с поведением или личностью участника, которые не дают обществу нормально функционировать.

Подводя итоги, стоит сказать, что российское корпоративное право находится на перепутье: с одной стороны дает о себе знать исторически императивное регулирование деятельности хозяйственных обществ, правильность которого отстаивают в своих трудах Д. В. Ломакин, Е. А. Суханов и др. С другой стороны - все громче звучат лозунги о диспозитивизации, свободе договора, уменьшении трансакционных издержек и переходу к американскому типу корпорации. Звучат такие предложения не только с высоких трибун научных конференций, но и в кабинетах Минэкономразвития (можно вспомнить предложения об отмене императивного регулирования хозяйственных обществ, предложенные в ходе обсуждения гл. 4 ГК). Иногда эти предположения оказываются очень смелыми, так, анализируя институт минимального уставного капитала, Д. И. Степанов допускал по образцу некоторых скандинавских стран и вовсе отказ от такого института. Может быть, диспозитивность требуется проводить и не столь «широкими мазками», а более осторожно. Цель диспозитивности, рассуждая несколько утилитарно, заключается не только в обеспечении инвестиционной привлекательности юрисдикции, но и в гарантии удобства настройки бизнеса в общем.

В российском корпоративном праве существуют институты, которые могут быть отличными проводниками автономии воли сторон - например, корпоративный договор (акционерное соглашение). Несмотря на некоторые проблемы, требующие доработки (непубличность, сближение статуса с уставом, внешний эффект, позволяющий оспаривать решения собраний, возможность участия третьих лиц), именно этот институт способен стать релевантным каналом диспозитивности в ближайшие годы. Этот институт одновременно и защищает миноритариев (диктатура акционерного большинства побеждается договорным единогласием!), и способен к гибким изменениям без проведения общих собраний.

Список литературы:

[1] Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица: очерк истории и теории: учебное пособие для вузов. М. : Статут, 2003. 316 с.

[2] Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М. : Статут, 2017. 160 с.

[3] Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. : Статут, 2008. 510 с.

[4] Макин Р. В. Оборот долей в обществе с ограниченной ответственностью: регулирование

на момент принятия Закона об ООО, текущее состояние, актуальные проблемы // Корпоративное право в ожидании перемен : сборник статей к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А. А. Кузнецов. М. : Статут, 2020. С. 275–305.

[5] Степанов Д. И. Дедлоки в российском корпоративном праве: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 7–64.

[6] Степанов Д. И. Для чего необходим минимальный уставный капитал и как определять его уровень? // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 4. С. 86–111.

[7] Степанов Д. И. Реформа законодательства об ООО: к принципу свободы договора в корпоративном праве // Корпоративный юрист. 2009. № 7. С. 12–18.

[8] Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 : Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. 624 с.

[9] Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право : монография. М. : Статут, 2014. 460 с.

[10] Черепахин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. М. : Статут, 2024. 369 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).

[11] Чупрунов И. С. Преимущественное право покупки доли (акций) : монография. М. : Статут, 2022. 410 с.

[12] Шиткина И. С. (отв. ред.). Корпоративное право : учебный курс : в 6 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2025. 521 с.

[13] Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М. : Статут, 2006. 238 с.

References:

[1] Kozlova N.V. The concept and essence of a legal entity: an essay on history and theory: a textbook for universities. M.: Statute, 2003. 316 pp.

[2] Kuznetsov A. A. The limits of autonomy of will in corporate law: a short essay. M.: Statute, 2017. 160 s.

[3] Lomakin D.V. Corporate legal relations: general theory and practice of its application in business companies. M.: Statute, 2008. 510 s.

[4] Makin R.V. Turnover of shares in a limited liability company: regulation at the time of adoption of the Law on LLC, current status, current problems // Corporate law in anticipation of changes: a collection of articles on the 20th anniversary of the Law on LLC/resp. ed. A. A. Kuznetsov. M.: Statute, 2020. S. 275-305.

[5] Stepanov D.I. Dedloki in Russian corporate law: problems and solutions // Bulletin of Civil Law. 2018. № 4. S. 7-64.

[6] Stepanov D.I. What is the minimum authorized capital and how to determine its level ? // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. № 4. S. 86-111.

[7] Stepanov D.I. Reform of LLC legislation: to the principle of freedom of contract in corporate law // Corporate lawyer. 2009. № 7. S. 12-18.

[8] Sukhanov E. A. Civil law: textbook: in 4 vols. T. 1: General part. 3rd ed., Revised and add. M.: Statute, 2023. 624 p.

[9] Sukhanov E. A. Comparative corporate law: monograph. M.: Statute, 2014. 460 s.

[10] Cherepakhin B. B. On the question of private and public law. M.: Statute, 2024. 369 p. (Series "Classics of Russian Civil Studies").

[11] Chuprunov I. S. Preemptive right to purchase a share (shares): monograph. M.: Statute, 2022. 410 pp.

[12] Shitkina I.S. (resp. ed.). Corporate law: training course: 6 t. 1. 2nd ed., Revised and add. M.: Statute, 2025. 521 p.

[13] Yakovlev V.F. Civil law method of regulating public relations. M.: Statute, 2006. 238 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-169-175
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ОКОРОКОВ Андрей Андреевич,
студент 2 курса магистратуры по специальности "Правовое обеспечение государственного и муниципального управления", РАНХиГС,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЖАЛОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается обжалование нормативных правовых актов органов публичной власти как один из способов судебного контроля за законностью публичного управления и защиты прав граждан и организаций. Цель исследования – выявить основные проблемы, возникающие при оспаривании нормативных правовых актов, и определить возможные направления совершенствования порядка их судебной проверки. Проанализированы нормативные правовые акты, научная литература и судебная практика. В работе использованы формально-юридический и системный методы. Рассмотрены основания оспаривания нормативных правовых актов, разграничение нормативных и индивидуальных актов, вопросы компетенции суда и последствия признания нормативных правовых актов недействующими. Проведенный анализ показывает, что судебная проверка нормативных правовых актов необходима не только для защиты нарушенных прав, но и для устранения незаконного регулирования и предупреждения правовых коллизий. Обоснована необходимость более тщательной предварительной правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов и предложена последовательность определения порядка их судебного оспаривания. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании правового регулирования и практики оспаривания актов органов публичной власти.*

Ключевые слова: *судебный нормоконтроль, нормативный правовой акт, органы публичной власти, административное судопроизводство, публичное управление.*

OKOROKOV Andrey Andreevich,
2nd year graduate student in the specialty "Legal support of state and municipal administration", RANEPA

APPEAL OF REGULATORY ACTS OF PUBLIC AUTHORITIES

Annotation. *The article considers the appeal of regulatory legal acts of public authorities as one of the ways of judicial control over the legality of public administration and the protection of the rights of citizens and organizations. The purpose of the study is to identify the main problems that arise when challenging regulatory legal acts, and to determine possible directions for improving the procedure for their judicial verification. Normative legal acts, scientific literature and judicial practice are analyzed. The work uses formal-legal and systemic methods. The grounds for challenging regulatory legal acts, the distinction between regulatory and individual acts, issues of court competence and the consequences of recognizing regulatory legal acts as invalid are considered. The analysis shows that judicial verification of regulatory legal acts is necessary not only to protect violated rights, but also to eliminate illegal regulation and prevent legal conflicts. The need for a more thorough preliminary legal examination of draft regulatory legal acts is justified and a sequence for determining the procedure for their judicial challenge is proposed. The results obtained can be used to improve legal regulation and the practice of challenging acts of public authorities.*

Key words: *judicial regulation, regulatory legal act, public authorities, administrative proceedings, public administration.*

Введение

Нормативные правовые акты органов публичной власти устанавливают правила, обязательные для граждан и организаций, и тем самым могут влиять на их права и обязанности. Такие акты могут вводить определенные требования, ограничения и обязанности. Поэтому важно, чтобы они соответствовали законодательству и принимались в пределах полномочий соответствующего органа.

Необходимость судебного контроля за нормативными правовыми актами связана прежде всего с тем, что органы публичной власти должны действовать в пределах своей компетенции и соблюдать требования актов более высокой юридической силы [1; 2]. Подзаконный или муниципальный акт не может изменять определенное законом регулирование или вводить требования, для установления которых у соответствующего органа отсутствуют полномочия. На практике нарушение может становиться очевидным уже после применения спорного акта: например, при отказе в предоставлении услуги, предъявлении дополнительного требования или возложении на гражданина обязанности, которая непосредственно не предусмотрена законом.

В юридической литературе оспаривание нормативных правовых актов рассматривается с разных сторон. Одним из главных вопросов остается разграничение полномочий судов при рассмотрении таких дел, на что обращает внимание О. В. Брежнев [5]. При этом особенности судебного рассмотрения могут зависеть и от содержания самого нормативного регулирования: А. С. Домченко связывает их с обязательными требованиями, устанавливаемыми органами исполнительной власти [7]. Вопрос о судебной защите публичных прав описывается А. В. Ильиным применительно к оспариванию административных актов [9], тогда как В. Б. Немцева акцентирует внимание на особенностях судебного решения по делам об оспаривании нормативных правовых актов [11]. Отдельное направление связано с разграничением нормативных и индивидуальных актов. И. В. Мешалкина связывает такое разграничение с выбором порядка их оспаривания [10], а Е. А. Пашкова – с определением порядка рассмотрения соответствующей категории дел [12]. Таким образом, в литературе затрагиваются как вопросы определения вида спорного акта и компетенции суда, так и вопросы судебной защиты и последствий рассмотрения дела.

При этом на практике возникают вопросы о правовой природе конкретного документа, применимом порядке его оспаривания и компетенции суда. Значение имеет и то, какие последствия наступают после признания нормативного правового акта недействующим.

В связи с этим целью исследования было рассмотреть основные проблемы оспаривания нормативных правовых актов органов публичной власти и определить возможные направления совершенствования судебного контроля за их законностью.

Научная новизна исследования состоит в предложенной последовательности определения порядка судебного оспаривания нормативного правового акта. В отличие от рассмотрения отдельных условий судебной проверки, в работе эти вопросы объединены в единую последовательность: от определения правовой природы документа и полномочий органа до выбора порядка судебной защиты и компетентного суда.

Дополнительно выделено различие между прекращением действия нормативного правового акта и восстановлением нарушенного права конкретного лица. В работе также предложено использовать предварительную правовую экспертизу проектов нормативных правовых актов с применением цифровых инструментов для выявления очевидных правовых коллизий.

Материалы и методы

В работе использовались нормативные правовые акты, регулирующие деятельность органов публичной власти и порядок их оспаривания, а также научные публикации по вопросам административного судопроизводства и судебного нормоконтроля. Основными источниками стали Конституция Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по делам об оспаривании нормативных правовых актов [1–3]. При изучении судебной практики анализировались позиции Верховного Суда РФ по вопросам определения правовой природы нормативных правовых актов, проверки полномочий органов публичной власти, соблюдения процедуры принятия актов и последствий их признания незаконными [14-17].

При проведении исследования применялись формально-юридический и системный методы. С помощью формально-юридического метода рассматривались нормы законодательства, основания для оспаривания нормативных правовых актов и порядок их судебной проверки. Системный метод использовался для рассмотрения этих вопросов во взаимосвязи с полномочиями органов публичной власти и защитой прав граждан и организаций. При анализе научных работ сопоставлялись различные подходы авторов к рассматриваемой проблеме. В ходе работы сопоставлялись положения законодательства и мнения исследователей по вопросам оспаривания нормативных правовых актов. Рассмотрены основные пробле-

мы, которые возникают при определении вида спорного акта, выборе порядка его оспаривания, определении компетенции суда и установлении последствий судебной проверки.

Результаты исследования

Нормативный правовой акт отличается от индивидуального решения прежде всего характером содержащихся в нем правил. Он устанавливает общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неоднократное применение и распространяющиеся на неопределенный круг лиц. Поэтому при определении его правовой природы необходимо учитывать название документа, его содержание, круг адресатов и характер установленных правил [5; 10; 12; 13].

По результатам анализа мы предлагаем последовательность, которой следует придерживаться при определении порядка судебного оспаривания нормативного правового акта. Сначала необходимо установить, является ли спорный документ нормативным, и проверить полномочия органа, который его принял. Затем оценить содержание спорного регулирования и его соответствие акту большей юридической силы, а также соблюдение порядка принятия и введения акта в действие. После этого можно определить порядок оспаривания и компетентный суд с учетом последствий судебной проверки.

Последовательность действий можно представить следующим образом:

1. Правовая природа документа → 2. Полномочия органа → 3. Акт большей юридической силы и содержание регулирования → 4. Порядок принятия и введения в действие → 5. Порядок оспаривания и компетентный суд → 6. Последствия судебного решения.

Предлагаемая последовательность важна, когда спор о законности нормативного регулирования связан с конкретным решением органа публичной власти. В таком случае правильное определение предмета спора позволяет выбрать соответствующий порядок судебной защиты и избежать обращения в ненадлежащий суд.

Одним из основных оснований для оспаривания нормативного правового акта является его противоречие законодательству, имеющему более высокую юридическую силу. Подзаконный акт предназначен для конкретизации законодательства, но не должен изменять установленное законом регулирование. Если ведомственный приказ, постановление регионального органа или муниципальный нормативный акт устанавливает правило, противоречащее федеральному закону, появляется основание для судебной проверки такого акта [2; 3]. Проверка законности нормативного правового акта не сводится к сопоставлению его положений с нормами закона. Суд также оценивает полномочия органа, принявшего акт, и соблюдение установленной процедуры.

Разграничение нормативных и индивидуальных актов определяет предмет судебной проверки и процессуальную форму. При обжаловании нормативного акта проверяется законность установленного им регулирования, тогда как при оспаривании индивидуального акта оценивается конкретное решение органа публичной власти и его влияние на права определенного лица [10; 12; 13]. Различие особенно важно в случаях, когда конкретное решение принято на основании нормативного акта – тогда необходимо отделить вопрос о законности самого регулирования от вопроса о законности его применения к конкретному лицу.

Выявленная нами проблема возникает в случаях, когда один документ содержит одновременно правила общего характера и положения, адресованные конкретным лицам. Тогда формальное наименование документа не позволяет определить порядок его обжалования, а оценка только одного из содержащихся в нем положений может привести к неверному определению предмета спора. Поэтому при наличии смешанного содержания нужно устанавливать правовую природу именно тех положений, которые затрагивают права заявителя, и определять, направлено ли их действие на регулирование неопределенного круга лиц либо на разрешение конкретной ситуации.

Выявленный вопрос определения компетентного суда возникает в тех случаях, когда предмет спора можно связать как с нормативным регулированием, так и с конкретным решением органа публичной власти. В такой ситуации стоит выяснить, что именно является судебной проверкой: установленное правило либо решение, принятое при его применении. От этого зависит применяемая процессуальная форма и компетенция суда. При оспаривании нормативного правового акта суд не ограничивается доводами заявителя, а проверяет полномочия органа, порядок принятия акта и его соответствие законодательству [12].

В деле № 5-КАД24-48-К2 возник вопрос о подсудности дела об оспаривании постановления Правительства Москвы о комплексном развитии территории [14]. Нижестоящие суды исходили из организационно-распорядительного характера документа и передали дело в арбитражный суд. Верховный Суд Российской Федерации с таким выводом не согласился. При определении характера документа суд исходил из его содержания и установил, что содержащиеся в нем правила распространяются на неопределенный круг лиц и рассчитаны на неоднократное применение. Поэтому документ был признан нормативным, а судебные акты о передаче дела в арбитражный

суд отменены. Это дело показывает, что неправильное определение характера документа может привести и к неправильному выбору суда. Поэтому сначала необходимо установить, какой именно акт является предметом спора, и только после этого определять порядок его судебного оспаривания и компетенцию суда.

В другом деле Верховный Суд оценивал не только содержание спорного регулирования. В апелляционном определении от 30 июля 2024 г. № АПЛ24-275 суд проверил соответствие оспариваемых положений акту большей юридической силы, полномочия органа, принявшего нормативный акт, соблюдение установленной процедуры и порядок введения положений в действие [15]. Это показывает, что при проверке нормативного правового акта оценивается совокупность обстоятельств, связанных с его законностью.

Аналогичные критерии были применены в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 25 января 2024 г. № АПЛ23-488 [16]. Суд проверял соответствие оспариваемого нормативного положения законодательству и обстоятельства, связанные с его принятием и действием. В результате оснований для признания спорного положения недействующим установлено не было. Данный пример доказывает, что результатом судебного нормоконтроля может быть и отказ в удовлетворении требований, если проверка не выявила несоответствия нормативного регулирования законодательству.

Анализ судебной защиты позволил нам выделить еще одну практическую задачу разграничения устранения незаконного нормативного регулирования и восстановления нарушенного права конкретного лица. Признание нормативного правового акта недействующим само по себе не отменяет автоматически решения или действия, принятые на его основании. В зависимости от обстоятельств может потребоваться самостоятельное оспаривание такого решения или действия.

При признании нормативного правового акта недействующим также важен вопрос о том, с какого момента прекращается его действие. Согласно статье 215 КАС РФ, суд может признать нормативный правовой акт полностью или в части недействующим со дня его принятия либо с другой даты, определенной судом [12]. Поэтому дата, с которой акт перестает действовать, может иметь значение и для отношений, возникших в период его применения.

Стоит сказать, что решение суда затрагивает не только того, кто обратился с иском. Согласно статье 216 КАС РФ, признанный недействующим нормативный правовой акт не применяется с даты, установленной судом. Это касается и актов меньшей юридической силы, если они повторяют содержание признанного недействующим акта или основаны на нем [12].

Особое значение рассмотренные вопросы имеют для муниципального управления. Органы местного самоуправления принимают нормативные документы по широкому кругу вопросов, включая использование муниципального имущества, благоустройство территории, предоставление муниципальных услуг и бюджетные отношения.

В целях предупреждения подобных споров мы предлагаем усилить предварительную правовую экспертизу проектов нормативных правовых актов. Такая проверка должна включать оценку содержания проекта, полномочий органа, принимавшего его, и соответствия проекта действующему законодательству. Дополнительным инструментом может быть автоматизированное сопоставление проекта с действующими нормативными положениями для выявления дублирования норм и очевидных правовых коллизий. При этом цифровая проверка не заменяет юридическую экспертизу, поскольку не позволяет самостоятельно оценить все правовые последствия предлагаемого регулирования и обоснованность принятия конкретного акта. Окончательная правовая оценка проекта должна проводиться специалистом.

Обсуждение

Проведенный анализ показывает, что правильное определение правовой природы спорного документа имеет непосредственное значение для выбора порядка судебной защиты. Этот вывод соответствует позиции И. В. Мешалкиной, которая связывает разграничение нормативных и индивидуальных актов с выбором надлежащей процессуальной формы [10]. Сходные положения рассматриваются и в работе О. В. Брежнева, где определение нормативного характера акта связывается в том числе с разграничением компетенции судов [5].

Предложенная в работе последовательность проверки развивает данный подход, связывая определение характера документа с последующими процессуальными действиями и вопросом о компетенции суда. Практическое преимущество такого подхода состоит в том, что он позволяет раньше выявить возможную ошибку в выборе способа судебной защиты. Если сразу перейти к оценке конкретного решения органа, не установив характер документа, на котором оно основано, можно неверно определить предмет спора. Последовательная проверка позволяет сначала определить, что именно нарушает права заявителя, а затем выбрать соответствующий способ защиты.

Выявленная связь между правовой приро-

дой акта и компетенцией суда согласуется с выводами Е. А. Пашковой, рассматривающей вопросы подведомственности дел об оспаривании нормативных и ненормативных актов органов государственного управления [12]. Вместе с тем для практической защиты прав важно учитывать и характер последствий применения спорного документа. Если незаконным признано нормативное регулирование, это не всегда означает, что последствия его применения к конкретному лицу устраняются автоматически. В зависимости от ситуации может потребоваться отдельное оспаривание решения или действия, принятого на основании такого акта.

Результаты анализа судебной практики также показывают, что судебный контроль имеет более широкое значение, чем разрешение индивидуального спора. Признание нормативного правового акта недействующим направлено на устранение незаконного регулирования, которое может затрагивать неопределенный круг лиц. На значение последствий судебного нормоконтроля обращает внимание Э. Ю. Ермаков [8], а особенности судебного решения по таким делам рассматривает В. Б. Немцева [11]. Это дает основание рассматривать судебное решение не только как способ защиты конкретного заявителя, но и как средство изменения действующего нормативного регулирования.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о предупреждении правовых коллизий до обращения в суд. Предварительная правовая экспертиза проекта должна включать проверку его содержания, полномочий органа и соответствия действующему законодательству. Использование цифровых инструментов может помочь выявить дублирование норм и очевидные противоречия с действующим регулированием. При этом окончательная правовая оценка проекта должна оставаться за специалистом.

Из проведенного анализа следует, что судебный контроль не должен рассматриваться как единственный способ устранения ошибок в нормативном регулировании. Часть возможных нарушений может быть выявлена еще на этапе подготовки проекта, что может снизить вероятность принятия положений, которые впоследствии потребуют судебной проверки.

Выводы

При рассмотрении дел об оспаривании нормативных правовых актов важно последовательно определить характер спорного документа, проверить полномочия органа, который его принял, оценить соответствие спорного регулирования законодательству и соблюдение порядка принятия акта. Такая последовательность помогает определить порядок судебного обжалования и компетентный суд.

Анализ показал, что признание нормативного правового акта недействующим и восстановление нарушенного права конкретного лица не всегда совпадают. Если на основании такого акта ранее было принято индивидуальное решение или совершено действие, для защиты нарушенного права может потребоваться отдельное обращение в суд.

Снизить количество подобных споров может более тщательная проверка проектов нормативных правовых актов до их принятия. Она должна включать оценку содержания проекта, полномочий принимающего органа и его соответствия действующему законодательству. Для поиска очевидных правовых коллизий могут использоваться цифровые инструменты, однако окончательная правовая оценка должна оставаться за специалистом.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

[4] Бояршинова Е.С. Особенности обжалования актов административных органов и их должностных лиц // Вестник магистратуры. 2020. № 10-2 (109). С. 9–10.

[5] Брежнев О.В. Оспаривание нормативных правовых актов органов публичной власти в порядке конституционного и административного судопроизводства: проблемы разграничения подведомственности // Российский судья. 2025. № 1. С. 39–44. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-1-39-44..

[6] Добровольский Я.В. Ненормативные правовые акты, решения, действия (бездействие) органов местного самоуправления как объект обжалования // Столыпинский вестник. 2023. № 11. С. 5463–5475. DOI: 10.55186/27131424_2023_5_11_7..

[7] Домченко А.С. Рассмотрение судами дел об оспаривании нормативных правовых актов органов исполнительной власти, устанавливающих

обязательные требования: проблемы и перспективы / А.С. Домченко // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 27–30. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-27-30..

[8] Ермаков Э.Ю. Юридические последствия судебного нормоконтроля требуют дальнейшего совершенствования / Э.Ю. Ермаков // Российский судья. 2020. № 7. С. 30–35.

[9] Ильин А. В. Оспаривание административных актов: монография / А. В. Ильин. - Москва: Статут, 2024. - 134 с.

[10] Мешалкина И.В. Разграничение нормативных и индивидуальных актов в целях выбора надлежащей процессуальной формы оспаривания // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 320–327. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/4/320-327..

[11] Немцева В.Б. Особенности судебного решения по делам об оспаривании нормативных правовых актов // Lex Russica. 2018. № 2 (135). С. 105–118.

[12] Пашкова Е.А. Подведомственность дел об оспаривании нормативных и ненормативных правовых актов органов государственного управления / Е.А. Пашкова // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 286–295. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-286-295..

[13] Смолина Ю.М. Предмет защиты при оспаривании индивидуальных правовых актов органов публичной власти как критерий определения вида судопроизводства // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-zaschity-pri-osparivanii-individualnyh-pravovyh-aktov-organov-publichnoy-vlasti-kak-kriteriy-opredeleniya-vida (дата обращения: 09.08.2026).

[14] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2024 № 5-КАД24-48-К2 // Юридическая информационная система «Легалакт». URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2391110 (дата обращения: 26.08.2026).

[15] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2024 № АПЛ24-275 // Юридическая информационная система «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-30072024-n-apl24-275/ (дата обращения: 26.08.2026).

[16] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2024 № АПЛ23-488 // Юридическая информационная система «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-25012024-n-apl23-488/ (дата обращения: 26.08.2026).

[17] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2024 № 45-КАД24-18-К7 // // Юридическая информационная система «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25122024-n-45-kad24-18-k7/ (дата обращения: 26.08.2026).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ) // NW RF. 2020. № 31. Art. 4398.

[2] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Art. 1391.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 50 "On the Practice of Consideration by Courts of Cases Challenging Regulatory Legal Acts and Acts Containing Explanations of Legislation and Having Regulatory Properties.".

[4] Boyarshinova E.S. Features of appealing acts of administrative bodies and their officials // Bulletin of magistracy. 2020. № 10-2 (109). S. 9-10.

[5] Brezhnev O.V. Challenging regulatory legal acts of public authorities in constitutional and administrative proceedings: problems of delimitation of jurisdiction // Russian judge. 2025. № 1. S. 39-44. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-1-39-44..

[6] Dobrovolsky Y.V. Non-normative legal acts, decisions, actions (inaction) of local self-government bodies as an object of appeal // Stolypinsky Bulletin. 2023. № 11. S. 5463-5475. DOI: 10.55186/27131424_2023_5_11_7..

[7] Domchenko A.S. Consideration by the courts of cases challenging regulatory legal acts of executive authorities establishing mandatory requirements: problems and prospects/ A.S. Domchenko // Administrative law and process. 2022. № 5. S. 27-30. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-27-30..

[8] Ermakov E.Yu. The legal consequences of judicial control require further improvement/E.Yu. Ermakov // Russian judge. 2020. № 7. S. 30-35.

[9] Ilyin A.V. Challenging administrative acts: monograph/A.V. Ilyin. - Moscow: Statute, 2024. - 134 s.

[10] Meshalkina I.V. Delimitation of normative and individual acts in order to choose the due process form of challenging // Vestnik VSU. Series:

Right. 2025. № 4 (63). S. 320-327. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/4/320-327..

[11] Nemtseva V.B. Peculiarities of the court decision on cases challenging regulatory legal acts // Lex Russica. 2018. № 2 (135). S. 105-118.

[12] Pashkova E.A. Jurisdiction of cases on challenging normative and non-normative legal acts of public administration bodie E.A. Pashkova // Legal policy and legal life. 2024. № 4. S. 286-295. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-286-295..

[13] Smolina Yu.M. Subject of protection when challenging individual legal acts of public authorities as a criterion for determining the type of legal proceedings // Public Service and Personnel. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-zaschity-pri-osparivanii-individualnyh-pravovyh-aktov-organov-publichnoy-vlasti-kak-kriteriy-opredeleniya-vida (дата обращения: 09.08.2026).

[14] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.09.2024 No. 5-KAD24-48-K2 // Legal Information System "Legalact." URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2391110 (access date: 26.08.2026).

[15] Appellate Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.07.2024 No. APL24-275 // Legal Information System "Legalact." URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-30072024-n-apl24-275/ (дата обращения: 26.08.2026).

[16] Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.01.2024 No. APL23-488 // Legal Information System "Legalact." URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-25012024-n-apl23-488/ (дата обращения: 26.08.2026).

[17] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2024 No. 45-KAD24-18-K7 // Legal Information System "Legalact." URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25122024-n-45-kad24-18-k7/ (дата обращения: 26.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-176-181
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

РЯБИНКИН Герман Юрьевич,
аспирант кафедры правового регулирования экономики и финансов Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail: ryabinkin.g@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ГРАНТОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Аннотация. *В настоящей статье исследуются системные проблемы правового регулирования привлечения к юридической ответственности за нарушение условий грантовых соглашений в Российской Федерации. Автор обращает внимание на то, что ввиду отсутствия специального закона о грантах возникает устойчивая межотраслевая коллизия между частноправовой моделью и публично-правовым режимом. Данный дуализм вынуждает суды квалифицировать грант либо как договор пожертвования, либо как бюджетную субсидию, что полностью меняет принципы доказывания вины и применение санкций. Автор анализирует специфику квалификации нецелевого использования средств контролирующими органами, выявляя доминирование жесткого бухгалтерского формализма, при котором незначительные перестановки внутри утвержденной сметы приравниваются к противоправному расхищению фондов. Рассматривается правовая уязвимость временных научных коллективов, лишенных гражданской правосубъектности. Этот дефект нормативной базы приводит к переложению рисков, а именно, вся полнота имущественной ответственности за действия всей исследовательской группы переносится на руководителя проекта как на физическое лицо. Также исследуется проблема избыточной криминализации споров в сфере НИОКР, когда объективное недостижение запланированных показателей эффективности или отрицательный результат научной работы необоснованно квалифицируются правоохранительными органами как мошенничество по ст. 159 УК РФ. Подобный репрессивный подход полностью игнорирует специфику инновационной деятельности, создавая сдерживающий эффект для научного сообщества. В заключении предложен комплекс законодательных мер, направленных на снижение правовых рисков добросовестных исследователей, включая кодификацию самостоятельного грантового контракта, модернизацию санкционных механизмов и нормативное закрепление права на обоснованный риск.*

Ключевые слова: *грант, грантовое соглашение, бюджетная субсидия, пожертвование, нецелевое использование средств, научный коллектив, право на риск, уголовная ответственность.*

RYABINKIN German Yurievich,
Postgraduate student of the Department of legal regulation of economics and finance of the Institute of public administration and management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LIABILITY FOR VIOLATION OF THE TERMS OF THE GRANT AGREEMENT

Annotation. *This article examines systemic issues in the legal regulation of liability for breach of grant agreement terms in the Russian Federation. The author notes that the absence of a specific law on grants has led to a persistent intersectoral conflict between the private law model and the public law regime. This dualism forces courts to classify grants as either donations or budget subsidies, which completely alters the principles of proving guilt and applying sanctions. The author analyzes the specifics of qualifying misappropriation of funds by regulatory authorities, revealing the prevalence*

of rigid accounting formalism, where minor adjustments within the approved budget are equated with the illegal embezzlement of funds. The legal vulnerability of temporary research teams, deprived of civil legal personality, is examined. This regulatory framework defect leads to risk transfer, namely, full financial liability for the actions of the entire research team is transferred to the project manager as an individual. The article also examines the problem of excessive criminalization of R&D disputes, whereby the objective failure to achieve planned performance indicators or negative scientific results are unreasonably classified by law enforcement agencies as fraud under Article 159 of the Russian Criminal Code. This repressive approach completely ignores the specifics of innovation, creating a deterrent effect on the scientific community. The conclusion proposes a set of legislative measures aimed at reducing the legal risks faced by bona fide researchers, including the codification of independent grant contracts, the modernization of sanctions mechanisms, and the legal recognition of the right to take justified risks.

Key words: *grant, grant agreement, budget subsidy, donation, misuse of funds, research team, right to risk, criminal liability.*

Введение. Государственное финансирование через систему грантов выступает важнейшим инструментом поддержки фундаментальной науки, прикладных разработок и технологических стартапов в Российской Федерации. Финансовые ресурсы распределяются через специализированные государственные фонды и ведомства, такие как Российский научный фонд (РНФ) или Фонд содействия инновациям (ФСИ). Однако получатели этих средств сталкиваются с серьезными юридическими рисками в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения условий соглашений.

Основная сложность заключается в глубокой несогласованности правового регулирования грантовой деятельности. В частности, термин «грант» одновременно используется в гражданском, бюджетном и налоговом законодательстве, при этом каждая отрасль трактует его содержание по-своему [14, с. 18]. Отсутствие единого базового закона о грантах приводит к тому, что за незначительные ошибки в отчетности или за объективные неудачи в исследованиях к исполнителям применяются жесткие санкции, вплоть до требования полного возврата предоставленного финансирования. Соответственно, возникает актуальная необходимость в проведении научного анализа причин возникновения указанных рисков и поиске путей их устранения.

Методология. Нормативную основу исследования составили положения Гражданского (ГК РФ), Бюджетного (БК РФ) и Уголовного (УК РФ) кодексов Российской Федерации. В качестве доктринальной базы использованы научные труды российских ученых, специализирующихся на данной проблематике (О.В. Белявский, И.В. Листратов, Д.И. Провалинский, М.В. Соколова). Методологический аппарат включает системно-структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы анализа, что позволило сопоставить частноправовые механизмы договора пожертвования со спецификой императивно-властных отношений, возникающих при распределении бюджетных субсидий.

Результаты и обсуждение. Рассматривая проблемы правового регулирования ответственности за невыполнение условий грантового соглашения, прежде всего обратим внимание на присутствие межотраслевой коллизии. В данном случае можно говорить о том, что главное теоретическое и практическое противоречие в анализируемом вопросе заключается в неопределенности правовой природы данного соглашения. На практике конкурируют две основные концепции.

Прежде всего, следует говорить о гражданско-правовом подходе (ст. 582 ГК РФ) [2]. В соответствии с этой моделью, грант квалифицируется как пожертвование. Иными словами, как дарение в общеполезных целях. В рамках этой парадигмы стороны признаются равноправными субъектами. Гражданско-правовая ответственность наступает только при наличии вины исполнителя (ст. 401 ГК РФ) [1], а форс-мажорные обстоятельства освобождают от применения санкций. Основной охранительной мерой является отмена пожертвования, требующая обязательного доказывания факта использования имущества не по целевому назначению.

Вторая концепция подразумевает бюджетно-правовой подход (стст. 78, 78.1 БК РФ) [3]. Следует отметить, что абсолютное большинство государственных грантов юридически оформляются в качестве бюджетных субсидий. В данном режиме отношения сторон выстраиваются на началах власти и подчинения, где государство выступает жестким контролирующим органом. Указанная проблема подробно исследуется в научной работе Д.И. Провалинского [7]. Автор подчеркивает, что «подталкивание» к замещению субсидий грантами приводит к искажению правовой природы последних. Наличие вины или внешних негативных факторов в рамках бюджетного подхода не имеет решающего значения. В этом случае правоприменитель руководствуется фор-

мальным составом правонарушения, когда любой факт несоблюдения бюджетных регламентов порождает обязанность возврата предоставленных средств государству.

На практике возникают случаи необоснованного предъявления исковых требований о возврате всей суммы гранта – предоставленных денежных средств в качестве субсидии. Так, например, Минсельхоз Республики Крым предъявил исковые требования о возврате субсидии индивидуальным предпринимателем только потому, что предположила высокий риск предоставления недостоверной информации отчетности со стороны предпринимателя, при этом, документально свои требования Минсельхоз не подтвердил [8]. Более того, ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», не проверив полученную отчетность от грантополучателя, обратилось в суд с иском о возврате полной суммы субсидии, предоставленной по грантовому соглашению [9].

Соответственно, констатируем, что в современной правоприменительной практике преобладает строгий бюджетно-правовой подход. Такое положение дел существенно ухудшает положение грантополучателей и нивелирует диспозитивные защитные механизмы гражданского права. Более того, отсутствие непосредственно специального правового регулирования ответственности сторон, которые заключили грантовое соглашение, приводит к необоснованным исковым требованиям, что порождает недоверие к использованию института гранта для развития новых решений и технологий.

В качестве следующей проблемы можно выделить формализм при квалификации нецелевого использования средств. Органы финансового контроля подходят к проверкам целевого расходования грантов с позиции строго бухгалтерского учета. Любое отклонение от первоначальной сметы расходов, даже продиктованное экономической необходимостью, признается нарушением обязательств.

Например, если исполнитель по причине изменения рыночной конъектуры или прекращения поставок необходимого зарубежного оборудования перенаправил средства со статьи «командировки» на статью «расходные материалы», не пройдя установленную законом длительную процедуру согласования, к нему применяется требование о полном возврате всей суммы гранта. Такого рода жесткость не позволяет разграничить намеренное расхищение денег и добросовестное, экономически оправданное управление проектом. Государство привлекает к ответственности за ошибки в оформлении бумаг так же строго, как и за совершение кражи денежных средств.

Более того, возникают проблемы при установлении фактов нецелевого расходования средств либо фактов недостижения поставленных целевых задач грантополучателем. Показательным в данном случае является случай, когда Министерство сельского хозяйства Чувашской Республики требовало возврата суммы гранта ввиду недостижения ответчиком показателей использования субсидии. И только при рассмотрении дела в суде было установлено, что фактически имевшиеся у ответчика средства гранта были использованы по целевому назначению и в пропорциональном соотношении были достигнуты планируемые показатели [10]. Таким случаи еще раз свидетельствуют о присутствии достаточно формального подхода грантодателей в области предоставления субсидий.

В качестве проблемы так же выделим и отсутствие правосубъектности научного коллектива и риски персональной ответственности. В данном случае следует упомянуть научный труд исследователя О.В. Белявского, который указывает, что в российском гражданском праве научный коллектив не признается самостоятельным субъектом права, а, следовательно, не имеет статуса юридического лица, органов управления и обособленного имущества [5]. Для решения этой проблемы фонды заключают трехсторонние соглашения, где одним из ключевых участников выступает руководитель проекта как физическое лицо.

В результате возникает материально-правовой дисбаланс, когда организация (вуз или НИИ), на счета которой поступают денежные средства, выполняет лишь посреднические функции [16] и выводится из-под удара фискальных претензий, а всю полноту финансовой ответственности за действия членов коллектива несет лично руководитель. Соответственно, именно руководитель проекта оказывается в ситуации колоссального риска [15], отвечая личным имуществом за действия третьих лиц, не имея при этом законных корпоративных рычагов принуждения или контроля в отношении них.

Проблемой видится и избыточная криминализация договорных обязательств в сфере НИОКР. Наиболее деструктивным фактором для российской научной и деловой среды является перевод гражданско-правовых и бюджетных споров в плоскость уголовного преследования. Если инновационный проект не достигает запланированных показателей эффективности или срывает сроки, правоохранительные органы нередко квалифицируют действия исполнителя по ст. 159 УК РФ (мошенничество) [4]. Безусловно, на практике встречаются случаи, когда действительно грантополучатели либо распоряжаются предо-

ставленной им суммой по своему усмотрению [12], либо предоставляют недостоверные сведения в отчетности [11].

Вместе с тем, присутствует практика оправдательных приговоров, а также вполне обоснованное мнение бизнес-омбудсменов (таковых, как Михаил Петриченко) о том, что «…административное давление на бизнес проявляется не только в проверках контрольно-надзорных органов, но и в дублирующих функциях и полномочиях госорганов по контролю и надзору, в непомерных временных и финансовых затратах бизнеса на выполнение установленных правил, когда в санкциях за нарушения не учитывается экономика предприятия, а для организаций с разным оборотом применяют одинаковые штрафы, а также в отсутствии механизмов, препятствующих переводу гражданских и административных нарушений в уголовную плоскость…» [13]. Данная позиция еще раз свидетельствует о том, что на сегодняшний день присутствует серьезная проблема избыточной криминализации действий грантополучателей и отсутствия оптимального правового регулирования института ответственности в данной сфере.

Следственные органы исходят из жесткой вменительной конструкции, когда недостижение результатов свидетельствует об изначальном умысле на хищение средств путем обмана. При этом специфика научно-исследовательской деятельности, которая всегда сопряжена с академическим и инновационным риском, полностью игнорируется. В науке отрицательный результат (доказывание ошибочности гипотезы) также является важным итогом работы.

Как подчеркивают в своем исследовании И.В. Листратов и М.В. Соколова, отсутствие четких гражданско-правовых стандартов ответственности приводит к тому, что добросовестные исследователи оказываются под угрозой уголовного преследования за честные научные неудачи, что создает «эффект замораживания» и снижает инновационную активность в стране [6]. С данной позицией сложно не согласиться.

Заключение. Таким образом, действующий в Российской Федерации правовой механизм ответственности за нарушение условий грантов излишне формализован и ориентирован преимущественно на карательные публично-правовые меры. Для восстановления баланса интересов государства и грантополучателей необходимо внести изменения и дополнения в действующее законодательство России.

Прежде всего, следует говорить о необходимости введения договора гранта в ГК РФ, следует дополнить данный кодифицированный акт самостоятельной главой и закрепить конструкцию грантового соглашения. При этом, такая конструкция должна содержать в себе четкие разграничения от договора пожертвования и государственных закупок.

Далее представляется важным закрепить в законодательстве понятие «обоснованного научного и инновационного риска». В случае, если исполнитель действовал добросовестно и соблюдал научную методологию, недостижение количественных показателей эффективности не должно влечь за собой финансовую, административную или уголовную ответственность.

Следует отказаться от требования тотального возврата гранта при формальных ошибках в отчетах. За задержку документов должны быть установлены предупреждения или же штрафы, а полное изъятие средств использовать исключительно при доказанном умышленном хищении денежных средств на не связанные с проектом цели.

Представляется важным также наделить временные коллективы ограниченной правосубъектностью. В данном случае можно говорить о введении аналогии с институтом простого товарищества, который отражен в главе 55 ГК РФ. Это позволит распределять ответственность между всеми участниками проекта.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета. – 1994. – № 238-239.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Российская газета. – 1996. – № 23.

[3] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Российская газета. – 1998. – № 153-154.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // Российская газета. – 1996. – № 113.

[5] Белявский, О. В. Проблемы правового регулирования грантовой поддержки фундаментальных научных исследований в Российской Федерации / О. В. Белявский // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 170-189.

[6] Листратов, И. В. Гражданско-правовая ответственность за нарушение обязательств получателем гранта Президента Российской Федерации / И. В. Листратов, М. В. Соколова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12 (240). – С. 359-362.

[7] Провалинский, Д. И. К вопросу о разграничении правовых категорий гранты и субсидии / Д. И. Провалинский // Вопросы российского и

международного права. – 2022. – Т. 12. – № 1А. – С. 9-17.

[8] Решение Арбитражного суда Республики Крым от 11 марта 2025 г. По делу № Ф83-2445/2024. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/3qHlAllctHWQ/ (дата обращения: 21.07.2026).

[9] Решение Арбитражного суда города Москвы от 6 июня 2024 г. По делу № Ф40-38742/2024. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/j1UgHUFC415J/ (дата обращения: 21.07.2026).

[10] Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 11 февраля 2026 г. по делу № А79-8005/2025. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc (дата обращения: 21.07.2026).

[11] Глава крестьянского фермерского хозяйства осуждена за хищение бюджетных средств // Следственное управление СК РФ по Сахалинской области. – Режим доступа: https://sakh.sledcom.ru/news/item/1917007/ (дата обращения: 21.07.2026).

[12] Женщина признана виновной в мошенничестве при получении гранта на развитие семейных животноводческих ферм // Администрация городского округа города Калуги. – Режим доступа: https://www.kaluga-gov.ru/news/46754/ (дата обращения: 21.07.2026).

[13] Руководитель фермерского хозяйства оправдана облсудом по делу о субсидиях. – Режим доступа: https://www.vzsar.ru/news/2020/03/10/rykovoditel-fermerskogo-hozyaystva-opravdana-oblsydom-po-dely-o-sybsidiyah.html (дата обращения: 21.07.2026).

[14] Малый А. Ф. О юридическом содержании конституционно-правовой терминологии / А. Ф. Малый // Право и государственность. 2026. № 2(11). С. 14-19. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.002. – EDN VQXKQI.

[15] Краснова С. В. Национальные проекты в системе правового регулирования общественных отношений / С. В. Краснова // Право и государственность. 2026. № 1(10). С. 52-56. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.007. – EDN ZENRPO.

[16] Китрова Е. В. Проблемы определения административно-правового статуса докторанта в Российской Федерации / Е. В. Китрова // Право и государственность. 2025. № 2(7). С. 35-41. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.005. – EDN HVORXY.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended by 10.06.2026) // Rossiyskaya Gazeta. – 1994. – № 238-239.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.06.2025, as amended on 09.06.2026) // Rossiyskaya Gazeta. – 1996. – № 23.

[3] Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 No. 145-FZ (as amended by 26.06.2026) // Rossiyskaya Gazeta. – 1998. – № 153-154.

[4] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 10.06.2026, as amended on 29.06.2026) // Rossiyskaya Gazeta. – 1996. – № 113.

[5] Belyavsky, O. V. Problems of legal regulation of grant support for fundamental scientific research in the Russian Federation/O. V. Belyavsky // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2018. - T. 13. – № 4. - S. 170-189.

[6] Listratov, I.V. Civil liability for violation of obligations by the recipient of a grant from the President of the Russian Federation/I.V. Listratov, M.V. Sokolova // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – № 12 (240). - S. 359-362.

[7] Provalinsky, D. I. On the delimitation of legal categories of grants and subsidies/D. I. Provalinsky // Issues of Russian and international law. – 2022. - VOL. 12. - No. 1A. - S. 9-17.

[8] Decision of the Arbitration Court of the Republic of Crimea dated March 11, 2025 in case No. F83-2445/2024. - Access mode: https://sudact.ru/arbitral/doc/3qHlAllctHWQ/ (access date: 21.07.2026).

[9] Decision of the Moscow Arbitration Court of June 6, 2024. In case No. F40-38742/2024. - Access mode: https://sudact.ru/arbitral/doc/j1UgHUFC415J/ (access date: 21.07.2026).

[10] Decision of the Arbitration Court of the Chuvash Republic dated February 11, 2026 in case No. A79-8005/2025. - Access mode: https://sudact.ru/arbitral/doc (access date: 21.07.2026).

[11] The head of a peasant farm was convicted of embezzlement of budget funds // Investigation Department of the RF IC for the Sakhalin Region. - Access mode: https://sakh.sledcom.ru/news/item/1917007/ (access date: 21.07.2026).

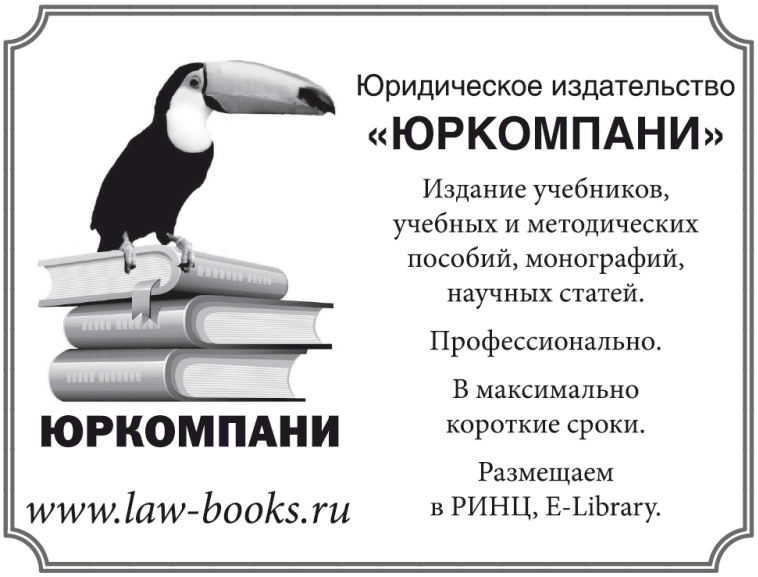
[12] A woman was found guilty of fraud in obtaining a grant for the development of family livestock farms // Administration of the city district of Kaluga. - Access mode: https://www.kaluga-gov.ru/news/46754/ (access date: 21.07.2026).

[13] The farm manager is acquitted by the regional court in the subsidy case. – Режим доступа: https://www.vzsar.ru/news/2020/03/10/rykovoditel-fermerskogo-hozyaystva-opravdana-oblsydom-po-dely-o-sybsidiyah.html (дата обращения: 21.07.2026).

[14] Maly A.F. On the legal content of constitutional and legal terminology // Law and statehood. 2026. № 2(11). S. 14-19. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.002. – EDN VQXKQI.

[15] Krasnova, S.V. National projects in the system of legal regulation of public relations / S.V. Krasnova // Law and statehood. 2026. № 1(10). S. 52-56. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.007. – EDN ZENRPO.

[16] Kitrova, E.V. Problems of determining the administrative and legal status of a doctoral student in the Russian Federation/E.V. Kitrova // Law and statehood. 2025. № 2(7). S. 35-41. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.005. – EDN HVORXY.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-182-188
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

АЗИМКОВ Евгений Аскольдович,
аспирант Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ЦИФРОВЫХ ТОРГОВЫХ ПЛОЩАДКАХ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые механизмы противодействия недобросовестной конкуренции на маркетплейсах. Анализируются нормы Закона о защите конкуренции, практика Федеральной антимонопольной службы в отношении Wildberries и Ozon, а также новеллы Закона о платформенной экономике 2025 года. Автор критически оценивает эффективность предупреждений ФАС, коллективного доминирования и существующих запретов. Формулируются предложения по усилению регулирования.*

Ключевые слова: *недобросовестная конкуренция, маркетплейс, цифровые платформы, злоупотребление доминирующим положением, ФАС, Закон о платформенной экономике, самопредпочтение.*

AZIMKOV Evgeny Askoldovich,
graduate student of the Russian State University for the Humanities (RSUH)

LEGAL MECHANISMS FOR COUNTERING UNFAIR COMPETITION ON DIGITAL MARKETPLACES

Annotation. *The article examines legal mechanisms for countering unfair competition on marketplaces. It analyzes the provisions of the Law on Protection of Competition, the practice of the Federal Antimonopoly Service regarding Wildberries and Ozon, and the novelties of the 2025 Platform Economy Law. The author critically assesses the effectiveness of FAS warnings, collective dominance and existing prohibitions. Proposals for strengthening regulation are formulated.*

Key words: *unfair competition, marketplace, digital platforms, abuse of dominant position, FAS, Platform Economy Law, self-preferencing.*

Введение

Цифровые торговые площадки (маркетплейсы) за короткий срок превратились в ключевой канал сбыта для сотен тысяч российских предпринимателей. По оценке Федеральной антимонопольной службы, две крупнейшие платформы - Wildberries и Ozon совместно занимают около 80 % рынка онлайн-торговли.

Такая степень концентрации рыночной власти создает объективные предпосылки для возникновения конфликтов между операторами площадок, продавцами и потребителями.

На практике эти конфликты проявляются в ряде устойчивых практик. Продавцы регулярно сталкиваются с односторонним изменением тарифов на логистику и хранение уже после приемки товара на склад, существенным увеличением сроков перечисления денежных средств за реализованные товары, принудительным включением товаров в акции без согласия продавца, блокировкой личных кабинетов по непрозрачным основаниям и манипуляциями с алгоритмами ранжирования.

Покупатели, в свою очередь, нередко вводятся в заблуждение платными маркировками («оригинал» и подобные), которые создают видимость проверки подлинности товара, хотя такой проверки платформа фактически не проводит.

С точки зрения действующего законодательства указанные действия могут квалифицироваться по нескольким основаниям. Навязывание контрагенту невыгодных условий договора подпадает под запрет, установленный пунктом 3 части 1 статьи 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Создание дискриминационных условий и злоупотребление доминирующим положением также охватываются этой статьей. Введение потре-

бителей в заблуждение может рассматриваться как акт недобросовестной конкуренции в соответствии со статьей 14 того же Закона. Кроме того, с 2023 года действует специальная норма - статья 10.1 Закона о защите конкуренции, прямо адресованная владельцам цифровых платформ.

Несмотря на наличие этих запретов, эффективность правового реагирования долгое время оставалась ограниченной. Федеральная антимонопольная служба преимущественно использовала инструмент предупреждений, который позволял относительно быстро устранять отдельные нарушения, но не создавал устойчивых системных ограничений. Ситуация начала меняться с принятием Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», основные положения которого вступают в силу с 1 октября 2026 года.

Закон впервые устанавливает специальные требования к прозрачности правил работы платформ, порядку рассмотрения жалоб и ответственности операторов.

Возникает закономерный вопрос: достаточно ли существующего арсенала правовых средств - норм Закона о защите конкуренции, практики предупреждений ФАС и новых положений Закона о платформенной экономике - для того, чтобы реально ограничить возможности крупнейших маркетплейсов по использованию своей рыночной власти? Или мы наблюдаем ситуацию, при которой формальные механизмы есть, а действенная защита интересов продавцов и покупателей по-прежнему остается фрагментарной?

Целью настоящей статьи является анализ действующих правовых механизмов противодействия недобросовестной конкуренции на цифровых торговых площадках, оценка их эффективности на примере практики в отношении Wildberries и Ozon, а также формулирование предложений по совершенствованию регулирования.

Центральным нормативным актом, регулирующим вопросы защиты конкуренции на цифровых торговых площадках, остается Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». К деятельности маркетплейсов применяются несколько ключевых норм этого Закона.

Статья 10 Закона о защите конкуренции запрещает злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением. Наиболее часто к маркетплейсам применяются следующие формы такого злоупотребления:

навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора (п. 3 ч. 1 ст. 10);

создание дискриминационных условий (п. 8 ч. 1 ст. 10);

экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) (п. 5 ч. 1 ст. 10).

Именно по этим основаниям Федеральная антимонопольная служба квалифицировала одностороннее изменение тарифов после приемки товара, увеличение сроков выплат продавцам и принудительное включение товаров в акции.

Статья 14 Закона о защите конкуренции устанавливает общий запрет недобросовестной конкуренции. К числу запрещенных актов относятся, в частности:

введение в заблуждение относительно характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара либо в отношении его производителей (п. 1 ч. 1 ст. 14);

некорректное сравнение хозяйствующего субъекта и/или его товара с другим хозяйствующим субъектом и/или его товаром (п. 2 ч. 1 ст. 14);

незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности (п. 4 ч. 1 ст. 14).

На практике по этой статье оцениваются платные маркировки («оригинал» и аналогичные), которые создают у потребителей ложное представление о проверке подлинности товара платформой.

Особое значение имеет статья 10.1 Закона о защите конкуренции, введенная Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ (так называемый «пятый антимонопольный пакет»). Эта норма специально адресована владельцам цифровых платформ и запрещает им совершать действия (бездействие), результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц.

Статья 10.1 существенно расширила возможности антимонопольного контроля именно в цифровой среде.

С 1 октября 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации».

Этот закон впервые комплексно регулирует отношения между операторами цифровых платформ, продавцами (партнерами) и владельцами пунктов выдачи заказов. Среди наиболее значимых новелл:

требования к прозрачности правил работы платформы;

обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб партнеров;

запрет на применение мер ответственности и ограничений без предварительного уведомле-

ния и возможности обжалования;

установление административной ответственности за нарушение требований закона.

На практике до вступления в силу Закона о платформенной экономике основным инструментом реагирования Федеральной антимонопольной службы оставались предупреждения (ст. 39.1 Закона о защите конкуренции).

В период 2024–2026 годов такие предупреждения неоднократно выдавались как ООО «Интернет Решения» (Ozon), так и ООО «РВБ» / Wildberries.

Предметом предупреждений становились, в частности, навязывание невыгодных условий договора, автоматическое включение товаров в акции без согласия продавца, изменение тарифов после приемки товара на склад и использование вводящих в заблуждение маркировок.

Таким образом, действующее регулирование сочетает классические запреты Закона о защите конкуренции, специальную норму о цифровых платформах и новый отраслевой закон, который должен усилить превентивный и процессуальный компоненты защиты. Вопрос, однако, заключается в том, насколько эти инструменты способны реально ограничить рыночную власть двух доминирующих площадок.

Среди типичных форм недобросовестной конкуренции на площадках можно выделить следующие наиболее распространенные практики:

Навязывание невыгодных условий Изменение тарифов на логистику и хранение уже после того, как товар принят на склад. Увеличение сроков выплат. Привязка стоимости перевозки к цене товара, а не к себестоимости услуги.

Принудительное участие в акциях Автоматическое включение товаров продавца в распродажи без его согласия и за его счет.

Манипуляции с видимостью Снижение позиции карточки в выдаче, ограничение доступа к личному кабинету, непрозрачные алгоритмы ранжирования.

Введение в заблуждение Платные знаки «оригинал», которые создают у покупателя впечатление проверки подлинности, хотя платформа никакой проверки не проводит.

Самопредпочтение Продвижение собственных товаров или товаров «избранных» продавцов за счет остальных.

Все эти действия могут квалифицироваться и как злоупотребление доминированием, и как недобросовестная конкуренция. Проблема в доказательстве.

Анализ практики Федеральной антимонопольной службы и жалоб продавцов позволяет выделить несколько устойчивых моделей поведения крупнейших маркетплейсов, которые наиболее часто становятся предметом антимонопольной оценки.

Навязывание невыгодных условий договора. Одна из самых распространенных практик - изменение существенных условий сотрудничества уже после того, как продавец передал товар на склад платформы. Речь идет, в частности, об увеличении тарифов на хранение и логистику, изменении сроков перечисления денежных средств за реализованные товары, а также о привязке стоимости перевозки к цене товара, а не к реальным затратам платформы.С точки зрения Закона о защите конкуренции такие действия квалифицируются как навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него (п. 3 ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 135-ФЗ). Именно по этому основанию ФАС в 2024–2026 годах неоднократно выдавала предупреждения и Wildberries, и Ozon. Проблема заключается в том, что оферты площадок, как правило, содержат широкие полномочия на одностороннее изменение тарифов. Это существенно затрудняет доказывание «навязывания» в судебном порядке.

Принудительное участие в акциях и распродажах. Широкое распространение получила практика автоматического включения товаров продавца в маркетинговые акции без его предварительного согласия и за его счет. Скидка фактически оплачивается продавцом, при этом он лишен возможности отказаться от участия. Такие действия также подпадают под запрет навязывания невыгодных условий (п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции). Кроме того, они могут рассматриваться как создание дискриминационных условий, если участие в акциях фактически становится условием сохранения нормальной видимости товара. ФАС в 2025 году прямо требовала от площадок обеспечить возможность продавца выразить согласие на участие в автоматических акциях.

Манипуляции с видимостью товара и доступом к кабинету. К этой группе относятся снижение позиции карточки товара в поисковой выдаче, ограничение или полная блокировка доступа к личному кабинету продавца, а также применение непрозрачных алгоритмов ранжирования, которые существенно ухудшают положение отдельных продавцов без мотивированного обоснования.С юридической точки зрения такие действия могут квалифицироваться как создание дискриминационных условий (п. 8 ч. 1 ст. 10) либо как злоупотребление доминирующим положением в форме ущемления интересов контрагентов. Дополнительную сложность создает то, что алгоритмы ранжирования представляют собой «черный ящик». Продавцу крайне трудно доказать причинно-следственную связь между действиями

платформы и снижением продаж.

Введение потребителей в заблуждение. Отдельного внимания заслуживает использование платных маркировок (например, знака «оригинал»). Такие обозначения формируют у покупателя впечатление, что платформа провела проверку подлинности товара. На самом деле речь идет лишь о платной опции, не сопровождающейся какой-либо верификацией. Данная практика подпадает под запрет введения в заблуждение, установленный пунктом 1 части 1 статьи 14 Закона о защите конкуренции. Именно по этому основанию ФАС в апреле 2026 года выдала предупреждение Ozon в связи с использованием знака «оригинал».

Самопредпочтение (self-preferencing). Наиболее системной и одновременно наиболее сложной для доказывания практикой остается продвижение платформой собственных товаров либо товаров «избранных» продавцов за счет остальных участников. Это может выражаться в приоритетном показе в выдаче, более выгодных условиях продвижения или скрытом использовании данных продавцов. Хотя прямого запрета самопредпочтения в российском законодательстве пока нет (в отличие от европейского DMA), такие действия могут квалифицироваться через общие нормы о злоупотреблении доминирующим положением (ст. 10 и ст. 10.1 Закона о защите конкуренции) как создание препятствий доступу на рынок или ущемление интересов хозяйствующих субъектов.

Все перечисленные практики theoretically могут быть квалифицированы и как злоупотребление доминирующим положением, и как акты недобросовестной конкуренции.

Однако на практике возникает серьезный доказательственный барьер. Оферты маркетплейсов сформулированы максимально широко, алгоритмы непрозрачны, а информация о внутренних правилах ранжирования и условиях применения санкций, как правило, недоступна продавцу. В результате даже при очевидном экономическом давлении юридически доказать нарушение удается далеко не всегда.

Российский антимонопольный контроль в отношении цифровых платформ до сих пор остается преимущественно ex post. Федеральная антимонопольная служба и суды реагируют уже после того, как спорная практика применена и продавцы понесли убытки. Классические инструменты - статьи 10, 10.1 и 14 Закона о защите конкуренции - требуют доказывания конкретного нарушения, наличия доминирования (или коллективного доминирования) и негативных последствий для конкуренции либо интересов контрагентов.

Это делает защиту реактивной и относительно медленной.

Европейский подход, закрепленный в Digital Markets Act (DMA), построен иначе. Он устанавливает для крупнейших платформ-«привратников» (gatekeepers) прямые, заранее действующие запреты: на самопредпочтение, на использование данных бизнес-пользователей в конкуренции с ними, на анти-стиринг, на непрозрачное ранжирование и ряд других практик.

Российский законодатель пока не пошел по пути введения аналогичных ex ante запретов. Даже новый Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики», вступающий в силу с 1 октября 2026 года, сохраняет в значительной степени рамочный и процедурный характер.

В этих условиях особенно остро стоят три взаимосвязанных вопроса.

Первый. Можно ли квалифицировать алгоритмическое понижение карточки товара как создание дискриминационных условий (п. 8 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции) или как злоупотребление по статье 10.1, если сам алгоритм представляет собой «черный ящик»? Продавец, как правило, не имеет доступа ни к параметрам ранжирования, ни к данным о том, почему именно его товар потерял позиции. Без раскрытия хотя бы основных критериев алгоритма доказывание дискриминации становится крайне затруднительным. Закон о платформенной экономике требует определенной прозрачности правил, однако прямо не обязывает раскрывать логику рекомендательных и поисковых алгоритмов.

Второй. Должна ли платформа, в отношении которой ФАС установила коллективное доминирующее положение (Wildberries и Ozon совместно занимают около 80 % рынка), нести повышенные обязанности по обоснованию любых существенных изменений тарифов и условий договора? Действующее законодательство такой специальной обязанности не содержит. Пункт 3 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции запрещает навязывание невыгодных условий, но не требует от доминирующего субъекта заранее и подробно мотивировать каждое изменение оферты. В результате площадки продолжают односторонне корректировать тарифы после приемки товара, ссылаясь на свободу договора.

Третий. Насколько эффективен основной на сегодняшний день инструмент реагирования - предупреждение ФАС (ст. 39.1 Закона о защите конкуренции), если за его неисполнение далеко не всегда следуют крупные штрафы и возбуждение полноценных антимонопольных дел? Практика 2024–2026 годов показывает, что площадки часто устраняют формальные нарушения, указанные в предупреждении, но через некоторое время

внедряют новые, близкие по сути механизмы. Мягкость последствий снижает превентивный эффект этого инструмента.

Пока эти вопросы остаются без четкого законодательного и правоприменительного ответа, асимметрия сил между двумя крупнейшими маркетплейсами и тысячами продавцов сохраняется. Формальные запреты существуют, однако реальное положение слабой стороны договора по-прежнему определяется в первую очередь внутренней политикой самой платформы, а не внешними правовыми ограничениями.

Предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Анализ действующего регулирования и правоприменительной практики показывает, что существующие инструменты идеально реагируют на уже совершенные нарушения, но слабо предотвращают их. Для изменения этой ситуации предлагается комплекс мер, сочетающих точечные запреты, повышение прозрачности и усиление ответственности.

1. Прямой запрет на изменение существенных условий после приемки товара

Целесообразно прямо закрепить в Федеральном законе «О защите конкуренции» (в статье 10 или 10.1) либо в Законе о платформенной экономике запрет на одностороннее изменение существенных условий договора - тарифов на логистику, хранение, возврат, а также сроков перечисления денежных средств - после того, как товар принят платформой на склад.

Изменение таких условий должно допускаться только с предварительного письменного (в том числе электронного) согласия продавца либо по истечении заранее установленного в оферте срока уведомления (не менее 30 календарных дней).

Такой запрет устранил бы одну из самых массовых и болезненных практик, которую ФАС уже неоднократно квалифицировала как навязывание невыгодных условий (п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции), но которая продолжает воспроизводиться в новых формах.

2. Обязанность раскрытия основных параметров алгоритмов ранжирования

Необходимо установить обязанность операторов цифровых платформ, занимающих доминирующее или коллективное доминирующее положение, раскрывать основные параметры и критерии алгоритмов ранжирования и рекомендации в той части, которая непосредственно влияет на видимость товаров добросовестных продавцов.

Речь не идет о полном раскрытии коммерческой тайны. Достаточно публикации в понятной форме ключевых факторов, влияющих на позицию карточки (релевантность, конверсия, соблюдение сроков поставки, рейтинг продавца, участие в программах платформы и т.п.), а также уведомления продавца о существенном снижении видимости его товаров с указанием основных причин.

Такая обязанность могла бы быть включена в Закон о платформенной экономике как элемент требования прозрачности правил работы платформы.

3. Презумпция недобросовестности при систематических мерах против одного продавца

Предлагается законодательно установить опровержимую презумпцию недобросовестности (злоупотребления доминирующим положением) в случаях, когда платформа систематически (два и более раза в течение шести месяцев) применяет к одному и тому же продавцу меры, существенно ухудшающие его положение (блокировка кабинета, резкое снижение видимости, существенное увеличение тарифов, принудительные акции), без представления мотивированного и проверяемого обоснования.

Бремя доказывания добросовестности и экономической обоснованности таких мер должно переходить на платформу. Это частично компенсировало бы информационную асимметрию и сложность доказывания для продавцов.

4. Усиление административной ответственности за неисполнение предупреждений ФАС

Действующая конструкция предупреждения (ст. 39.1 Закона о защите конкуренции) теряет эффективность, когда за его игнорирование не следуют ощутимые санкции. Целесообразно внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, установив специальные составы ответственности за неисполнение предупреждения, выданного владельцу цифровой платформы, с оборотно-ориентированными штрафами.

Размер штрафа должен быть достаточным, чтобы экономически невыгодным становилось формальное «исправление» нарушения с последующим внедрением аналогичной практики под другим названием.

5. Развитие института отраслевых соглашений (меморандумов)

Параллельно с жесткими запретами следует развивать механизм согласованного регулирования. Предлагается законодательно закрепить возможность заключения отраслевых соглашений (меморандумов о добросовестных практиках) между операторами крупнейших цифровых платформ, ассоциациями продавцов и Федеральной антимонопольной службой.

Такие соглашения после утверждения ФАС могли бы приобретать характер рекомендуемых или даже обязательных правил поведения для

участников рынка.

Этот инструмент позволит быстрее реагировать на новые практики, чем законодательные изменения, и создаст пространство для поиска баланса интересов без постоянного административного давления.

Реализация предложенных мер не устранит полностью асимметрию сил между платформами и продавцами. Однако она способна существенно повысить предсказуемость правил игры и снизить возможности для произвольного использования рыночной власти.

Заключение

Недобросовестная конкуренция на цифровых торговых площадках - это не случайный набор отдельных нарушений и не следствие «злой воли» конкретных менеджеров. Это системный результат крайней асимметрии сил, при которой две платформы контролируют примерно 80 % рынка и фактически самостоятельно определяют правила доступа к этому рынку.

Пока сохраняется такая конструкция, любые частные запреты будут давать лишь временный эффект.

Действующие механизмы - предупреждения Федеральной антимонопольной службы, общие запреты статей 10, 10.1 и 14 Закона о защите конкуренции, а также новые положения Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» - позволяют относительно быстро гасить наиболее вопиющие вспышки. Площадки меняют формулировки оферт, отменяют отдельные спорные практики, вводят формальные процедуры обжалования. Однако системного баланса эти инструменты пока не создают.

Как только одно ограничение обходится, появляется новая, чуть более изощренная конструкция, которая достигает той же экономической цели.

Ключевая проблема заключается в том, что правила игры по-прежнему в значительной степени пишутся самими платформами.

Продавец присоединяется к договору, условия которого он не может реально согласовать, а затем вынужден подстраиваться под их постоянные изменения. В такой модели он объективно остается слабой стороной, даже если формально обладает всеми правами, предусмотренными антимонопольным законодательством.

Поэтому задача законодателя и регулятора состоит не только в том, чтобы оперативно реагировать на жалобы и выдавать очередные предупреждения. Необходимо менять саму конструкцию отношений.

Это требует сочетания нескольких подходов: прямых запретов на наиболее токсичные практики (одностороннее изменение тарифов после приемки товара, принудительные акции), повышения прозрачности алгоритмов, переноса бремени доказывания в случаях систематического давления на конкретного продавца и создания реально работающих процедур защиты внутри платформ.

Пока эти шаги не сделаны, мы будем продолжать бороться с последствиями, оставляя нетронутой причину - практически неограниченную рыночную власть двух доминирующих цифровых площадок. Устойчивый баланс возможен только тогда, когда правила перестанут быть внутренним делом платформ и станут действительно общими для всех участников оборота.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

[2] Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 29. Ст. 5325.

[3] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4687.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[5] Постановление Правительства РФ от 10.07.2023 № 448 (о моратории на проверки IT-компаний) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 29.

[6] Предупреждения Федеральной антимонопольной службы в адрес ООО «Интернет Решения» (Ozon) и ООО «РВБ» (Wildberries) за 2024–2026 гг. (официальный сайт ФАС России).

[7] Доклад Федеральной антимонопольной службы о состоянии конкуренции на рынке цифровых торговых площадок (2024–2025 гг.).

[8] Тотьев К.Ю. Конкурентное право: учебник. М.: Юрайт, 2024. 512 с.

[9] Егорова М.А. Конкурентное право: учебник. 3-е изд. М.: Юстицинформ, 2025. 480 с.

[10] Касьянов Р.А. Антимонопольное регулирование цифровых платформ в России и Европейском союзе // Закон. 2025. № 4. С. 45–62.

[11] Петров Д.А. Злоупотребление доминирующим положением на цифровых рынках // Вестник экономического правосудия. 2025. № 2. С. 78–95.

[12] Варламова А.Н. Недобросовестная конкуренция в условиях цифровой экономики // Хо-

зяйство и право. 2024. № 11. С. 12–28.

[13] Карапетян А.А. Меры антимонопольного реагирования в отношении владельцев цифровых платформ: российский и европейский опыт // Российское конкурентное право и экономика. 2025. № 2. С. 34–51.

[14] Иванов А.Ю. Самопредпочтение цифровых платформ: проблемы квалификации // Конкурентное право. 2025. № 3. С. 15–27.

[15] Серегин Д.И. Правовое регулирование платформенной экономики: новые вызовы // Журнал российского права. 2026. № 1. С. 56–71.

[16] Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) // Official Journal of the European Union. L 265. 12.10.2022.

[17] Guidance on the application of Article 102 TFEU to abusive exclusionary conduct by dominant undertakings (European Commission, 2023).

[18] Обзор судебной практики по спорам с участием маркетплейсов (2023–2025 гг.) / под ред. А.В. Гаврилова. М.: Статут, 2026.

[19] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / под ред. И.Ю. Артемьева. М.: Статут, 2024.

[20] Цифровые рынки и конкурентное право: сборник статей / отв. ред. С.А. Пузыревский. М.: Норма, 2025.

References:

[1] Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ "On Protection of Competition" (as amended on 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3434.

[2] Federal Law of 10.07.2023 No. 301-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Protection of Competition" "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 29. Art. 5325.

[3] Federal Law of 31.07.2025 No. 289-FZ "On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 31. Art. 4687.

[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 (as amended on 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 10.07.2023 No. 448 (on a moratorium on inspections of IT companies) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 29.

[6] Warnings of the Federal Antimonopoly Service to LLC Internet Solutions (Ozon) and LLC RVB (Wildberries) for 2024-2026 (official website of the FAS Russia).

[7] Report of the Federal Antimonopoly Service on the state of competition in the digital marketplace market (2024-2025).

[8] Totiev K.Yu. Competition law: textbook. M.: Yurayt, 2024. 512 s.

[9] Egorova M.A. Competition law: textbook. 3rd ed. M.: Justicinform, 2025. 480 s.

[10] Kasyanov R.A. Antitrust regulation of digital platforms in Russia and the European Union // Law. 2025. № 4. S. 45-62.

[11] Petrov D.A. Abuse of a dominant position in digital markets // Bulletin of Economic Justice. 2025. № 2. S. 78-95.

[12] Varlamova A.N. Unfair competition in the digital economy // Economy and law. 2024. № 11. S. 12-28.

[13] A.A. Karapetyan. Antitrust response measures against owners of digital platforms: Russian and European experience // Russian competition law and economy. 2025. № 2. S. 34-51.

[14] Ivanov A.Yu. Self-preference of digital platforms: problems of qualification // Competitive law. 2025. № 3. S. 15-27.

[15] Seregin D.I. Legal regulation of the platform economy: new challenges // Journal of Russian Law. 2026. № 1. S. 56-71.

[16] Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) // Official Journal of the European Union. L 265. 12.10.2022.

[17] Guidance on the application of Article 102 TFEU to abusive exclusionary conduct by dominant undertakings (European Commission, 2023).

[18] Review of judicial practice on disputes involving marketplaces (2023-2025)/ed. A.V. Gavrilov. M.: Statute, 2026.

[19] Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Protection of Competition "/ed. I.Yu. Artemyev. M.: Statute, 2024.

[20] Digital Markets and Competition Law: A Collection of Articles/Ed. ed. S.A. Puzyrevsky. M.: Norm, 2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-189-194

ЛИТВИНОВА Светлана Федоровна,
кандидат юридических наук, доцент, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НА ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Аннотация. *Целью данной статьи является обоснование потребности в совершенствовании коллизионного регулирования международного частного права в связи с появлением метавселенных и разработка предложений по изменению соответствующих норм, закрепленных в разделе VI «Международное частное право» ГК РФ. Это было на основе определения соотношения общественных отношений и метавселенных. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод правового моделирования. В работе критически анализируются существующие подходы к определению метавселенной. Доказывается ошибочность пространственно-онтологического подхода, поскольку метавселенная не порождает новых субъектов права и общественных отношений, а лишь выступает новой цифровой формой реализации прав и обязанностей существующих субъектов. Установлено, что элементы метавселенной (цифровые активы) не могут выступать классическим «иностранным элементом», осложняющим гражданские правоотношения, ввиду отсутствия у виртуального пространства территориальных границ и неразрывной связи юридических фактов с волей субъекта. Обоснована невозможность применения традиционных коллизионных привязок (в частности, закона места нахождения вещи) к нематериальным цифровым активам. На основе метода правового моделирования автором разработаны конкретные предложения по совершенствованию статей 1205 и 1206 ГК РФ. Предлагается определять вещные права на цифровые активы по личному закону собственника, а на цифровые финансовые активы, внесенные в российские реестры, — по праву Российской Федерации. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности и доктрине международного частного права.*

Ключевые слова: *метавселенная; международное частное право; коллизионное регулирование; цифровые активы; вещные права; иностранный элемент; коллизионные привязки; цифровой финансовый актив.*

LITVINOVA Svetlana Fedorovna,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

CONFLICT-OF-LAWS REGULATION OF PROPERTY RIGHTS OVER METAVERSE DIGITAL ASSETS

Annotation. *The purpose of this article is to substantiate the need to improve the conflict-of-laws regulation in private international law in light of the emergence of metaverses, and to develop proposals for amending the relevant provisions enshrined in Section VI «Private International Law» of the Civil Code of the Russian Federation. This was based on determining the relationship between social relations and metaverses. The methodological framework of the study comprises formal-legal, comparative-legal, and legal modeling methods. The paper critically analyzes existing approaches to defining the metaverse. It is argued that the spatial-ontological approach is flawed, as the metaverse does not give rise to new subjects of law or social relations, but merely serves as a new digital form for the exercise of rights and obligations by existing subjects. It is established that the elements of the metaverse (digital assets) cannot constitute a classic «foreign element» complicating civil legal relations, due to the absence of territorial boundaries in the virtual space and the inseparable link between legal facts and the will of the subject. The study substantiates the inapplicability of traditional conflict-of-laws connecting factors (in particular, the law of the location of the property) to intangible*

digital assets. Using the legal modeling method, the author has developed specific proposals to amend Articles 1205 and 1206 of the Civil Code of the Russian Federation. It is proposed that property rights over digital assets be determined by the personal law of the owner, while rights over digital financial assets recorded in Russian registries should be governed by the law of the Russian Federation. The findings of this study can be utilized in legislative drafting and the doctrine of private international law.

Key words: *metaverse; private international law; conflict-of-laws regulation; digital assets; property rights; foreign element; connecting factors; digital financial assets.*

Введение

В современной научной литературе интерес вызывают новые явления — метавселенные, появление которых связывают с возникновением проблем правового регулирования. Для понимания их сущности и потребностей в совершенствовании законодательства необходимо, прежде всего, рассмотреть взаимосвязь этих явлений с общественными отношениями, которые являются предметом регулирования. Это обусловило цель и задачи данного исследования.

Целью данной статьи является обоснование потребности в совершенствовании коллизионного регулирования международного частного права в связи с появлением метавселенных и разработка предложений по изменению соответствующих норм, закрепленных в разделе VI «Международное частное право» ГК РФ.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Общенаучные методы — анализ и синтез, системно-структурный, диалектический — позволили рассмотреть метавселенную как целостное явление в системе общественных отношений и выявить её ключевые характеристики. Из числа частнонаучных методов использованы: формально-юридический метод — для анализа норм раздела VI ГК РФ и понятийного аппарата международного частного права; сравнительно-правовой метод — для сопоставления доктринальных подходов к определению метавселенной и коллизионному регулированию цифровых активов; логико-юридический метод — для построения доказательных конструкций о невозможности применения классических коллизионных привязок к виртуальным объектам; метод правового моделирования — для разработки предложений по совершенствованию коллизионных норм ГК РФ.

Основная часть

В отношении понятия «метавселенная» в российской научной литературе нет единой точки зрения. В частности, В. И. Фатхи определяет метавселенную как «виртуальное пространство» [1, с. 13], М. С. Ситников — как «информационную систему, направленную на имитацию физического мира» [2, с. 69; 3, с. 260], Е. В. Холодная — как «направление (область) развития цифровых технологий» [4, с. 117, 127], А. Д. Севергин рассматривает ее в качестве, прежде всего, особого «пространства» [5, с. 50-51; 6, с. 122].

Таким образом, в российской научной литературе можно выделить как минимум три основных научно-методологических подхода к определению метавселенной: пространственно-онтологический подход (В. И. Фатхи, А. Д. Севергин), системно-технический (инструментальный) подход (М. С. Ситников) и технологически-эволюционный подход (Е. В. Холодная).

В строгом теоретическом смысле ни пространство, ни технологии (инструменты), ни эволюция не являются предметом правового регулирования. Тем не менее, рассмотрение соотношения социальных связей и метавселенной возможно в рамках пространственно-онтологического подхода, рассматривающего метавселенную как новую среду социальных отношений, поскольку представители такого подхода фокусируются на том, что в ней существует «схожее по возможностям коммуницирование с реальным» [1, с. 13], что государства могут осуществлять суверенитет и юрисдикцию над ней [6, с. 122–123]. При таком подходе метавселенная отождествляется с государственной территорией, что обусловливает такие проблемы правового регулирования «отношений в виртуальной среде» [1, с. 13], как-то: необходимость определения статуса виртуальных активов и имущества, трехмерных цифровых объектов, цифровых двойников, цифровых копий реальных субъектов правоотношений и т.д.; [1, с. 13]; определения границ юрисдикции государств по аналогии с космическими объектами, морскими и воздушными судами [6, с. 122] и т. п.

По мнению В. И. Фатхи, А. Д. Севергина, рассматривающих метавселенные как пространство, в пределах которого возникают виртуальные отношения. Представляется, что этот подход к определению соотношения общественных отношений и метавселенной является ошибочным и противоречащим теории права.

В общественных отношениях, которые регулируются правом (правоотношениях), традиционно выделяют следующие элементы: субъекты, объект и содержание. Субъектом правоотношений могут стать субъекты права, обладающие правосубъектностью. В этой связи возникает во-

прос о возможности существования виртуальных субъектов права и наделения их правосубъектностью, включающей способность иметь права и нести обязанности, самостоятельно их реализовывать и исполнять, а также нести юридическую ответственность. Ответ очевиден — нет. Субъект права обладает волей [7], правосознанием и правовой культурой [8, с. 23], чего лишен виртуальный субъект.

Справедливости ради необходимо отметить, что представители пространственно-онтологического подхода также не наделяют правосубъектностью аватаров, цифровых двойников, цифровые копии реальных субъектов правоотношений правосубъектностью. В рамках их концепции правосубъектностью наделены физические, юридические лица и государство [1; 6, с. 75]. Представляется, что их позиция об общественных отношениях в метавселенной ошибочна. Если в метавселенной нет особых (цифровых) субъектов права, то и речи об общественных отношениях в ней быть не может. Они представляют собой связи между реальными субъектами права. Субъекты права находятся под суверенитетом государства, на территории которого они имеют место жительства или место нахождения или деятельности.

В связи с этим привлекает интерес позиция соавторов статьи о финансовой грамотности цифровых граждан в метавселенных [3]. Авторы дают четкое юридическое определение: «под цифровым гражданством необходимо понимать устойчивую правовую связь лица с государством, осуществляемую посредством цифровых форм, блокчейн технологий и выражающуюся в совокупности взаимных прав и обязанностей». [3, с. 259]. Ключевое слово здесь — «лица» (то есть человека). Авторы не создают новый вид субъекта права с новым правовым статусом (например, «электронное лицо» или «цифровую личность»), а описывают новую форму реализации прав и обязанностей уже существующего субъекта — физического лица, что находится в контексте их системно-технического подхода к определению метавселенной. По всей видимости, термин «цифровое гражданство» не точный. Правильнее было бы говорить о цифровой форме реализации взаимных прав и обязанностей граждан и государства.

Субъекты права вступают в публичные и частные отношения, которые являются реальными. В рамках данной статьи интерес представляют частные отношения в контексте существования метавселенных: вещные, обязательственные, деликтные. В рамках таких отношений метавселенная (ее элементы) могут рассматриваться как объекты правоотношений. Поскольку объекты метавселенной не имеют материального воплощения, то они могут быть рассмотрены в качестве цифровых активов, обладающих экономической ценностью, которые являются «цифровыми представлениями о собственности, ценности или правах в электронной цифровой системе» [9, с. 120], «информационным ресурсом, производным от права на ценность и обращающийся в распределенном реестре в виде уникального идентификатора» [19 с. 139], имуществом, для которого характерна двоичная форма существования; обладающее стоимостью; в отношении которого есть право на использование [10, с. 35] или объектов интеллектуальных прав. Несмотря на то, что понятие «цифровой актив» не определено действующим законодательством, один из его видов — цифровой финансовый актив имеет легальное определение. По своей сущности они представляют собой цифровые права [11, п. 15 ст. 2]. Иные цифровые активы как объекты правоотношения могут рассматриваться в контексте ст. 128 ГК РФ как «иное имущество» [12, ст. 128], по крайней мере, до легального их определения. В соответствии со статьей 1186 ГК РФ к международным частным отношениям относятся гражданско-правовые отношения с участием иностранных лиц или гражданско-правовые отношения, осложненные иным иностранным элементом, в том числе, когда объект гражданских прав находится за границей. Иностранное лицо (субъект правоотношения) определяется по гражданству или месту учреждения юридического лица в контексте теории инкорпорации. Определение места нахождения метавселенной и ее объектов затруднено тем, что виртуальное пространство не имеет границ, на которое не распространяется суверенитет и юрисдикция государства. Из этого можно сделать вывод, что объекты, а именно цифровые активы метавселенной, не могут «осложнять» гражданские правоотношения в качестве иностранного элемента. В этом случае «наиболее тесная связь» объекта с правопорядком определяется через личный закон субъекта.

Традиционно в российской доктрине в качестве иностранного элемента, осложняющего частные отношения называют юридический факт: событие или действие, которые влекут возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Действия — волевой акт субъекта права, он не может быть от него отделим, поэтому говорить о действиях в виртуальном пространстве представляется неверным. Действия совершают там, где находятся субъекты. В этой связи представляется надуманной проблема определения места совершения интернет-деликта (lex loci delicti). Я. С. Куташевская предлагает уйти от территориального принципа определения применимого права к отношениям, возникшим из

трансграничного причинения вреда посредством использования сети Интернет [13], Т. В. Бородина связывает развитие «института коллизионных привязок в деликтных обязательствах» с «выработкой специальных решений для цифровых и транснациональных деликтов» [14, с. 34]. Такую необходимость авторы связывают с особенностью причинения вреда, когда лицо, виновное находится на территории одного государства, оборудование, с помощью которого причинен вред, — в другой. Поскольку юридический факт — причинение вреда цифровым активам неразрывно связан с личностью, волей лица, его причинившего, то к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, целесообразно применять право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для требования о возмещении вреда (п. 1 ст. 1219 ГК РФ).

Таким образом, понятие «международные гражданские отношения» можно конкретизировать с учетом виртуального объекта: это отношениям с участием иностранных лиц и/или осложненные иностранным юридическим фактом.

В этом связи становится невозможным применение статьи 1205 «Право, подлежащее применению к вещным правам», п. 1, 4 статьи 1206 «Право, подлежащее применению к возникновению и прекращению вещных прав», в которых закреплены коллизионные нормы, определяющие применимое право к вещным права, к возникновению и прекращению вещных прав, по праву страны места нахождения имущества [15] .

Г. К. Дмитриева предложила два частных подхода к урегулированию вещных прав на цифровые активы и к их возникновению и прекращению: первый подход, отражающий общую концепцию правового регулирования, —«разрешение соответствующих споров на основе личного закона лиц, совершающих обмен цифровыми активами», второй — «предполагает применение коллизионных правил, применяемых в случаях с трансграничной куплей-продажей» [16, с. 126].

Иной подход предлагают авторы, которые определяют применимое право к цифровым финансовым активам (ЦФА). М. Ю. Кузьменков отказывается от поиска традиционных вещно-правовых привязок для цифровых финансовых активов из-за их нематериальной и распределенной природы. Вместо этого он предлагает определять возникновение и прекращение прав через место ведения реестра (информационной системы/платформы), что в условиях российского законодательства жестко привязывает эти отношения к российскому праву как праву страны, где зарегистрирован оператор платформы и где фактически совершается юридически значимое действие (внесение записи в реестр) [17]. С его позицией солидарны и З. Р. Ханова, К. Г. Сапарова. По мнению авторов, в абсолютном большинстве трансграничных споров с участием резидентов РФ будет применяться российское право как право страны, с которой отношение имеет наиболее тесную связь [18]. С этим подходом можно согласиться.

Заключение

На основании проведенного исследования, представляется целесообразным внести изменения в статью 1205 ГК РФ, дополнив ее абзацем следующего содержания: «право собственности и иные вещные права на цифровые активы определяются личным законом собственника, а на цифровые финансовые активы, которые внесены в реестр в Российской Федерации, — по российскому праву». П. 1 статьи 1206 дополнить новым абзацем следующего содержания: «Возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав по договору на цифровые активы определяется правом страны, применяемым к такому договору». П. 4 статьи 1206 дополнить абзацем следующего содержания: «Возникновение права собственности и иных вещных прав на цифровые активы в силу приобретательной давности определяется по личному закону лица, у которого возникает право собственности».

Список литературы:

[1] Фатхи В. И. Метавселенные: проблемы правового регулирования // Философия права. – 2022. – № 4. – С. 13–18.

[2] Ситников М. С. Право и метавселенная: некоторые вопросы теории и практики // Цифровое право. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 1–21.

[3] Боков Ю. А., Миронова С. М., Ситников М. С. Финансовая грамотность цифровых граждан в метавселенных: фантастика или недалекое будущее? // RUDN Journal of Law. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 255–279.

[4] Севергин, А. Д. Правовая природа метавселенной // Цифровое право. – 2023. – С. 36–53.

[5] Холодная Е. В. О правовой концепции метавселенных // Lex russica. – 2024. – Т. 77, № 3. – С. 116–128.

[6] Севергин А. Д. Юрисдикция государств в метавселенной // Международное право. – 2024. – № 4. – С. 121–136.

[7] Воронина С. В., Филиппова Т. А. Виды волеизъявления по гражданскому законодательству: доктринальный подход и правоприменительная практика // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 86–90.

[8] Березовская Е. В. Субъекты права: теоретико-методологический анализ // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 23–28.

[9] Крупочкин А. В. Цифровые активы: классификации и определение // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2024. – № 6. – С. 114–122.

[10] Н.М. Михайленко, А.А. Косарева. Правовая сущность цифровых активов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2024. – С. 34–41.

[11] Федеральный закон от 04.08.2026-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» [Электронный ресурс]. – № 282. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540983/..

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994-ФЗ (ред. от 10.06.2026) [Электронный ресурс]. – № 51. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/..

[13] Куташевская Я. С. Отдельные проблемы коллизионного регулирования интернет-деликтов // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в правотворческой деятельности: материалы XIII Международной научно-практической конференции, Саратов, 20 июля. – 2020. – С. 166–168.

[14] Бородина Т. В. Коллизионные привязки в деликтных обязательствах: анализ традиционных и современных подходов // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2026. – № 3. – С. 127–135.

[15] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. – № 146. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/..

[16] Дмитриева Г. К. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 120–128.

[17] Кузьменков М. Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 152–159.

[18] Ханова З.Р., Сапарова К.Г. Коллизионное регулирование цифровых прав в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 163–168.

[19] Абубакаров М. В. Цифровые активы, технология блокчейн и сервисы для управления цифровыми активами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 139–141.

References:

[1] Fathi V.I. Metaverse: Problems of Legal Regulation // Philosophy of Law. – 2022. – № 4. - S. 13-18.

[2] Sitnikov M.S. Law and metaverse: some questions of theory and practice // Digital law. – 2023. - T. 4, NO. 1. - S. 1-21.

[3] Bokov Yu. A., Mironova S. M., Sitnikov M. S. Financial literacy of digital citizens in metaverse: fiction or the near future? // RUDN Journal of Law. – 2025. - T. 29, NO. 1. - S. 255-279.

[4] Severgin, A. D. The legal nature of the metaverse // Digital law. – 2023. - S. 36-53.

[5] Cold E.V. On the legal concept of metaverse // Lex russica. – 2024. - T. 77, NO. 3. - S. 116-128.

[6] Severgin A.D. Jurisdiction of States in the Metaverse // International Law. – 2024. – № 4. - S. 121-136.

[7] Voronina S.V., Filippova T.A. Types of expression of will under civil law: doctrinal approach and law enforcement practice // Izvestia of Altai State University. – 2017. – № 3. - S. 86-90.

[8] Berezovskaya E.V. Subjects of law: theoretical and methodological analysis // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 1. - S. 23-28.

[9] Krupochkin A.V. Digital assets: classifications and definition // Bulletin of the PRUE named after G.V. Plekhanov. – 2024. – № 6. - S. 114-122.

[10] Mikhailenko N.M., A.A. Kosareva. The legal essence of digital assets // Izvestia TulSU. Economic and legal sciences. – 2024. - S. 34-41.

[11] Federal Law dated 04.08.2026-FZ "On Digital Currencies and Digital Rights" [Electronic Resource]. – № 282. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540983/..

[12] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994-FZ (as amended on 10.06.2026) [Electronic Resource]. – № 51. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/..

[13] Kutashevskaya Y. S. Some problems of conflict of laws regulation of Internet torts // Interaction of power, business and society in law-making activities: materials of the XIII International Scientific and Practical Conference, Saratov, July 20. – 2020. - S. 166-168.

[14] Borodina T.V. Conflict bindings in tort obligations: analysis of traditional and modern approaches // International scientific journal "Bulletin of Science." – 2026. – № 3. - S. 127-135.

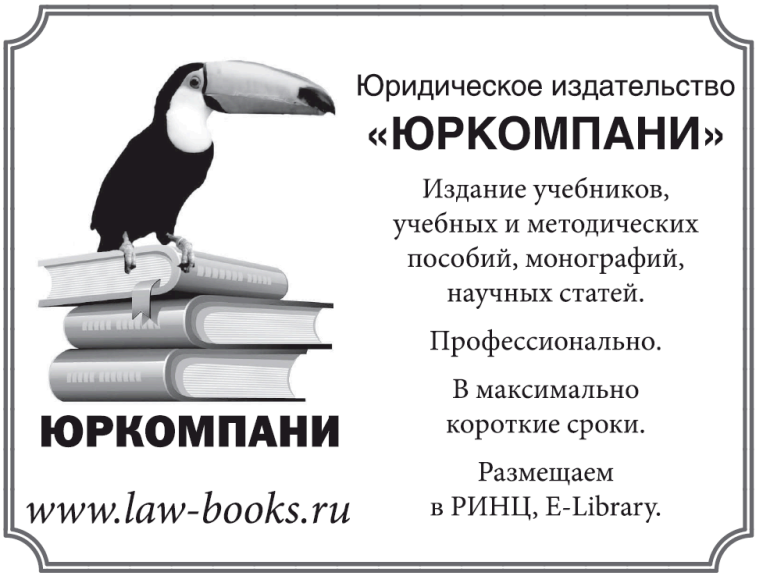
[15] Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11 .2001-FZ (as amended on 08.08.2024) [Electronic resource]. – № 146. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/..

[16] Dmitrieva G.K. Digital financial assets: problems of conflict of laws regulation // Actual problems of Russian law. – 2019. – № 5. - S. 120-128.

[17] Kuzmenkov M. Yu. Conflict regulation of the circulation of digital rights // Actual problems of Russian law. – 2021. - T. 16, NO. 3. - S. 152-159.

[18] Khanova Z.R., Saparova K.G. Conflict regulation of digital rights in the Russian Federation // Gaps in Russian legislation. – 2023. - T. 16, NO. 2. - S. 163-168.

[19] Abubakarov M.V. Digital assets, blockchain technology and services for managing digital assets // Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2021. – № 2. - S. 139-141.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-195-200
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

КУРДЮКОВА Юлия Сергеевна,
Томский государственный университет, ассистент,
e-mail: kurdykova1997@icloud.com

ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ: ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ПРАКТИКИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В рамках исследования, проведенного при написании настоящей работы, был изучен вопрос об особенностях требований законодательного уровня, которые предъявляются к медицинским организациям частной системы здравоохранения и проверка соблюдения которых оценивается контрольно-надзорными органами в ходе проведения соответствующих мероприятий. В ходе написания настоящей работы также были сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в части корректировки требований, предъявляемых к медицинским организациям частной системы здравоохранения с учетом материально-технического обеспечения и объемов, оказываемых ими платны.*

Ключевые слова: *риск-ориентированный подход, контрольно-надзорная деятельность, профилактические мероприятия, медицинская организация, государственный надзор, государственный контроль.*

KURDYUKOVA Yulia Sergeevna,
Tomsk State University, Assistant

SPECIFIC FEATURES OF REQUIREMENTS IMPOSED TO PRIVATE HEALTHCARE ORGANIZATIONS AS PART OF SUPERVISORY ACTIVITIES: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. *This research study examines the specific requirements imposed on private healthcare organizations as part of supervisory activities. The subject of the analysis is the provisions of current legislation that contain requirements for compliance with which a medical organization and its activities are inspected as part of supervisory activities.*

Key words: *risk-based approach, control and supervisory activities, preventive measures, medical organization, state supervision, state control.*

Контрольные (надзорные) мероприятия имеют двойственную природу: с одной стороны, создают ограничения при ведении предпринимательской деятельности, с другой – направлены на удовлетворение интересов личности, общества и государства за счет повышения качества производимых товаров, оказываемых услуг, что, безусловно, должно стимулировать субъектов предпринимательской деятельности [1].

Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» является «новым» этапом развития системы контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации. Принципиальная новизна заключается в том, что законодателем выбран риск-ориентированный подход как фундаментальный при планировании и проведении контрольно-надзорных мероприятий в отношении подконтрольных лиц. Важность соизмеримости при реализации контрольной функции государства в сфере экономических отношений была неоднократно отмечена и в позиции Конституционного Суда Российской Федерации, и только лишь в 2021 году, де-юре, была закреплена в положениях действующего законодательства.

Актуальность темы настоящего исследования заключается в том, что по состоянию на начало 2026 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 56 424 медицинских организаций частной формы собственности, при этом существенный рост пришелся на период с 2021 по 2025 год (+10%). По этой причине важно детально проанализировать концепцию нового

федерального закона о государственного контроле (надзоре) и муниципальном контроле, которая предполагает активное внедрение и реализацию профилактических мер, а также мер по выявлению и пресечению правонарушений в рамках единого риск-ориентированного подхода как базового.

В качестве приоритетной задачи исследования, проведенного в рамках настоящей работы, следует выделить:

проанализировать суть риск-ориентированного подхода;

оценить влияние риск-ориентированного подхода на развитие медицинских организаций частной системы здравоохранения;

выявить проблемы и сформулировать пути решения в рамках реализации риск-ориентированного подхода контрольно-надзорной деятельности.

Первоначально важно проанализировать содержание риск-ориентированного подхода, которое сводится к следующему:

формулируются критерии риска, которые отражают вероятность наступления тех или негативных последствия для охраняемым законом общественным интересам;

разрабатывается система расчета отнесения подконтрольного субъекта к конкретному критерию риска;

устанавливается перечень допустимых видов контрольно-надзорных мероприятий, а также периодичность их проведения соответствующие конкретной категории риска.

Основу риск-ориентированного подхода составляют критерии риска и порядок отнесения подконтрольного субъекта к конкретному критерию. В этом контексте важно не забывать о принципе справедливости, в том числе при организации и проведении контрольно-надзорных мероприятий. Данный принцип неоднократно упоминал в собственных позициях Конституционный Суд Российской Федерации. Важность соблюдения принципа справедливости заключается в том, что чем ниже уровень риска, присвоенного подконтрольному лицу, тем реже в отношении него будут проводиться контрольно-надзорные мероприятия. Нарушение принципа справедливости в анализируемом аспекте чревато тем, что существует потенциальный риск упустить факт причинения вреда охраняемым законом общественным интересам и ценностям.

Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – ФЗ-248) предусмотрено, что контрольные (надзорные) мероприятия могут проводиться планово, а также внепланово [2].

Инициирование процедуры организации и проведения контрольно-надзорных мероприятий осуществляется в контексте планирования с учетом требований, предъявляемых к подконтрольных субъектам соответствующего сектора экономики. Анализируемые требования, в том числе и предъявляемые к медицинским организациям частной системы здравоохранения имеют как профильный (требования санитарно-эпидемиологического законодательства, требования к качеству медицинской помощи и пр.), так и непрофильный характер (требования к обработке, хранению и распространению персональных данных, требования пожарной безопасности и пр.). Виды и периодичность проведения плановых контрольно-надзорных мероприятий устанавливается в соответствии с категорией риска к которой отнесен подконтрольный субъект, что полностью отвечает требованиям части 1 ст. 25 ФЗ-248.

Понятие «риск причинения вреда (ущерба) является легальным и под ним законодатель определил «вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда (ущерба) различного масштаба и тяжести охраняемым законом ценностям».

Следуя по пути от общего к частного, важно обратить внимание на конкретные категории риска, выделяемые законодателем в положениях ныне действующего законодательства о контроле и надзоре, среди них: чрезвычайно высокий риск; высокий риск; значительный риск; средний риск; умеренный риск и низкий риск [3].

Отмечу, что для подконтрольных субъектов, отнесенных к категории чрезвычайно высокого риска установлено требование о проведении в отношении них не менее одного, но и не более двух контрольно-надзорных мероприятий в год планового характера. В отношении подконтрольных субъектов отнесенных к категории высокого риска допускается проведение либо одного планового контрольно-надзорного мероприятия, но в течение 2 (двух) лет, либо возможна замена на профилактические мероприятия с периодичностью 1 (один) раз в год.

При анализе положений ныне действующего законодательства о контроле и надзоре, в том числе и ст. 25 ФЗ-248, важно обратить внимание на то обстоятельство, что формулировка «виды, периодичность проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий, периодичность проведения обязательных профилактических визитов в отношении объектов контроля, отнесенных к определенным категориям риска, устанавливаются соразмерно рискам причинения вреда (ущерба).» является достаточно абстрактной, размытой, что в действительности не позволяет в полной мере обеспечить достижение главной це-

ли контрольно-надзорной деятельности – минимизация риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований. Для того, чтобы более детально обосновать высказанную позицию, следует проанализировать государственный контроль (надзор) за деятельностью медицинских организаций, а именно частной системы здравоохранения как наиболее уязвимой группы субъектов, осуществляющих медицинскую деятельность.

Тема исследовательской работы является новой в литературе отсутствуют комплексные исследования по данному вопросу; актуальность темы возросла в связи с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», а также по причине стремительного роста медицинских организаций частной системы здравоохранения на рынке [4].

Для изучения вопроса в рамках настоящего исследования, во-первых, нужно указать, что деятельность медицинских организаций, в том числе и частной системы здравоохранения, на предмет соответствия качеству и безопасности медицинской деятельности регулируется положениями Постановления Правительства РФ от 29.06.2021 № 1048 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности» (далее – ПП РФ № 1048). Упомянутый нормативный правовой акт в качестве предмета проведения контрольно-надзорных мероприятий рассматривает:

соблюдение медицинскими организациями требований, указанных в законодательстве об охране здоровья, в том числе предъявляемых к объектам в которых непосредственно оказываются медицинские услуги;

соблюдение лицензионных требований, предъявляемых к медицинским организациям всех форм собственности.

Анализируя положения действующего законодательства, устанавливающего требования к отдельным аспектам осуществления медицинской деятельности медицинскими организациями частной системы здравоохранения, полагаем, что медицинские организации распределяются по категориям риска в зависимости от критериев тяжести потенциально возможных негативных последствий, которые могут наступить в результате несоблюдения требований законодательства. Распределение медицинских организаций по категориям риска производится на основе открытых данных, размещенных в Едином реестре лицензий на осуществление медицинской деятельности. К слову, чрезвычайно высокий риск присваивается медицинским организациям с показателем 453 000, низкий риск – менее 21 300.

Обращаем внимание, что спорным видится принятие решение об отнесение медицинской организации к определенной категории риска основываясь лишь на информации из Единого реестра лицензий на осуществление медицинской деятельности: данные сведения носят формальный характер и не отражают действительную ситуацию в клинике: количество пациентов, используемое оборудование и пр. [5]

При анализе показателей риска, присвоенным работам (услугам), составляющим медицинскую деятельность, с учетом видом и условий оказания медицинской помощи (Приложение к критериям отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих медицинскую деятельность к определенной категории риска) парадоксальным видятся заданные показатели риски: к слову, максимальный показатель установлен для медицинской помощи в стационарных условиях по анестезиологии и реаниматологии, онкологии, акушерству и гинекологии - 5293, но даже эти показатели в совокупности не превышают минимального порогового значения низкой категории риска. Как следствие, можно сделать вывод о том, что ни один из видов медицинской деятельности не подлежит проверки в плановом порядке.

Спорным видится механизм отнесения медицинской организации к конкретной категории риска вследствие отсутствия учета особенностей медицинской деятельности каждого подконтрольного субъекта в индивидуальном порядке. Важно учитывать и риски, связанные с использованием медицинского оборудования, используемого в ходе осуществления медицинской деятельности; характер и сложности медицинского вмешательства.

В частности, возникает вопрос: почему доврачебная медицинская помощь (например, сестринское дело) в рамках которого могут быть назначены уход за больным одновременно с высокотехнологической медицинской помощью, например, по хирургии или акушерству и гинекологии отнесены к низкой категории риска?

В этой связи видится предложение об изменении вида показателей, которые используются при отнесении того или иного вида медицинской деятельности к конкретной категории риска, в частности, предлагается дополнить Приложение к Положению о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности (утв. Постановлением Правительства РФ от 29.06.2021 № 1048 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопас-

ности медицинской деятельности») разделом IV уточняющими критериями. Полагаем, что требуется комплексная доработка критериев определения категории риска [6].

Безусловно при осуществлении медицинской деятельности контролируемые субъекты используют медицинские изделия под которыми «понимаются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека». Для получения лицензии на осуществление медицинской деятельности контролируемый субъект уже должен приобрести медицинское оборудование в соответствии со стандартами оснащения лицензируемого вида медицинской деятельности [7].

Как следствие, медицинские организации являются контролируемыми субъектами в рамках государственного контроля (надзора) в сфере обращения медицинских изделий.

Критерии и категории риска государственного контроля (надзора) в сфере обращения медицинских изделий установлены положениями Постановления Правительства РФ от 30.06.2021 № 1066 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за обращением медицинских изделий».

В данном аспекте нас интересует применение, эксплуатация, клинические испытания медицинских изделий при осуществлении медицинской деятельности, поскольку медицинские организации непосредственно используют медицинские изделия при осуществлении медицинской деятельности.

Исходя из целевого назначения деятельности контролируемого субъекта определяется числовой показатель на основании которого и присваивается категория риска. Анализируя перечень критериев В и присвоенный каждому из них числовой показатель возникают вопросы об эффективности такого подхода: к слову, перечень медицинских изделий, используемых при оказании первичной специализированной медико-санитарной помощи в условиях дневного стационара по хирургии (присваивается 5 баллов), по мнению законодателя, представляет большую опасность в сравнении с набором медицинских изделий, используемых при оказании первичной специализированной медико-санитарной помощи в условиях дневного стационара по рентгенологии (присваивается 4 балла).

Парадокс ситуации видится в том, что, если сравнивать минимальный набор оборудования необходимый и достаточный для осуществления медицинской деятельности, а именно при оказании первичной специализированной медико-санитарной помощи в условиях дневного стационара по хирургии и по рентгенологии, то можно сформулировать следующие важные моменты:

Во-первых, в соответствии с Приложением 3 к Приказу Министерства здравоохранения РФ от 9 июня 2020 г. № 560н «Об утверждении Правил проведения рентгенологических исследований» медицинская организация как в момент лицензирования, так и в ходе осуществления медицинской деятельности должна быть оснащена аппаратом рентгеновским стационарным для рентгенографии цифровой или аналоговый. Помимо этого, рентгенология предполагает возможность проведения исследований магнитно-резонансной томографии, рентгеновской остеоденситометрии, рентгеновской томометрии, как следствие, для каждого из этого направлений профильный кабинет должен быть оснащен соответствующим рентгеновским аппаратом. Результат применения медицинских изделий при оказании медицинской помощи по рентгенологии может быть необратимым и привести к изменениям в цепочках дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) и рибонуклеиновая кислота (РНК), что способно привести к раковым заболеваниям, лучевой болезни, генетическим изменениям и мутациям. В дополнение к этому, важно отметить, что в юридической литературе неоднократно поднимался вопрос об отнесении рентгенологических аппаратов и аппаратных установок с возможностью лазерного облучения к источникам повышенной опасности.

Во-вторых, анализируя перечень медицинских изделий, обязательных к наличию в медицинской организации при оказании первичной специализированной медико-санитарной помощи в условиях дневного стационара по хирургии (Приложение № 6 к Приказу Министерства здравоохранения РФ от 15 ноября 2012 г. № 922н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю «хирургия»), следует отметить, что в перечне отсутствуют технически сложные медицинские изделия

(аппараты), которые могут повредить клетки ДНК и РНК в организме человека, привести к необратимым последствиям в результате изменения качественного состава клеток.

Результаты и обсуждение. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что законодателем формально определены критерии отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих применение, эксплуатацию, проведение клинических испытаний медицинских изделий при осуществлении предпринимательской деятельности. Как следствие, эффективность контрольных (надзорных) мероприятий, которые проводятся в отношении контролируемых субъектов каждой категории риска, будет сведена к нулю. При этом, важно отметить, что в отношении контролируемых лиц отнесенных к низкой категории риска плановые контрольные (надзорные) мероприятия не проводятся вовсе, что кратно повышает риски наступления негативных последствий, если всесторонне не учесть специфические особенности деятельности каждого контролируемого лица.

Резюмируя вышесказанное, предлагается уточнить перечень критериев для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих применение, эксплуатацию, проведение клинических испытаний медицинских изделий при осуществлении предпринимательской деятельности в целях отнесения их к категории риска, в том числе за счет включения таких критериев, как:

применение медицинских изделий для проведения рентгенологических исследований и иных источников излучения, а равно иных медицинских изделий, представляющих потенциальную угрозу для жизни и здоровья населения.

В этой связи, предлагается установить отдельный числовой показатель для каждого класса, предусмотренного пунктом 2 Приложения 2 к Приказу Министерства здравоохранения РФ от 6 июня 2012 г. № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» .

Список литературы:

[1] Ерицян А.В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности // Государство и право. 2002. № 2. С. 105-106.

[2] Зорькина А.В. Контроль и надзор за качеством и безопасностью медицинской деятельности // Законность. - 2016; 3: 16-8 EDN: VSBKBD.

[3] Кривеженко М. Р. Особенности осуществления государственной функции в сфере федерального государственного надзора в сфере обращения лекарственных средств посредством организации и проведения проверок соответствия лекарственных средств для медицинского применения, находящихся в гражданском обороте, установленным требованиям к их качеству / М. Р. Кривеженко, Д. Э. Изотов // Современные научные исследования и инновации. – 2019. – № 6(98). – С. 57. – EDN WQSUIK.

[4] Мартынов, А.В. Административный надзор в Российской Федерации : теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового регулирования : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.14 / Мартынов Алексей.

[5] Мустафина-Бредихина Д.М. Административно-правовое регулирование государственного контроля обязательных требований, предъявляемых к качеству медицинской деятельности в России : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.14 / Мустафина-Бредихина Диана Мядхатовна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2018. С. 26-27.

[6] Пивень Д. В. Контроль (надзор) без взаимодействия с контролируемым лицом, как новая форма контроля за предоставлением платных медицинских услуг: что необходимо знать руководителям медицинских ор ганизаций / Д. В. Пивень, И. С. Кицул, И. В. Иванов // Менеджер здравоохранения. – 2022. – № 3. – С. 4-9. – DOI 10.21045/1811-0185-2022-3-4-9. – EDN LQLCRM.

[7] Старилов Ю.Н. От административной юстиции к административному судопроизводству. Воронеж, 2003. 144 с.

References:

[1] Yeritsyan A.V. State control over compliance with legislation by business entities // State and law. 2002. № 2. S. 105-106.

[2] Zorkina A.V. Control and supervision of the quality and safety of medical activities // Legality. - 2016; 3: 16-8 EDN: VSBKBD.

[3] Krivezhenko M. R. Peculiarities of the implementation of the state function in the field of federal state supervision in the field of circulation of medicines through the organization and conduct of inspections of the compliance of medicines for human use in civil circulation with the established requirements for their quality M. R. Krivezhenko D. E. Izotov // Modern scientific research and innovation. – 2019. – № 6(98). - S. 57. – EDN WQSUIK.

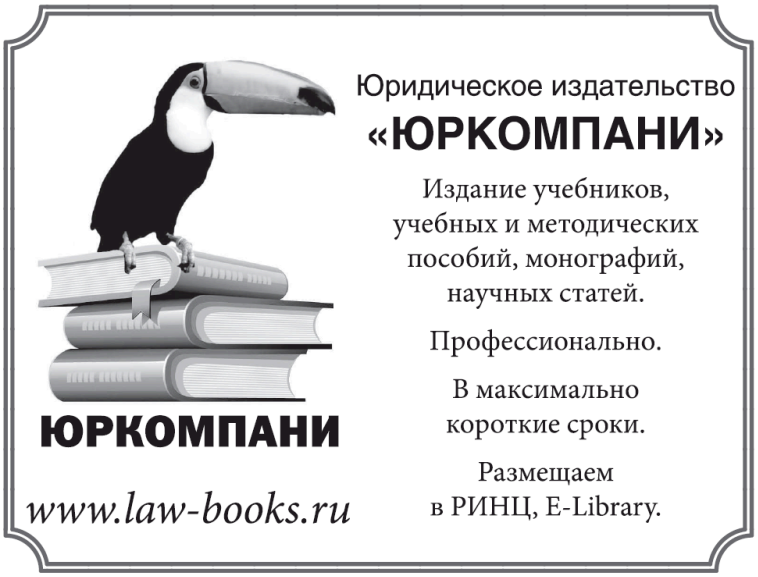
[4] Martynov A.V. Administrative supervision in the Russian Federation: theoretical foundations of construction, practice of implementation and problems of legal regulation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.14 Alexey Martynov.

[5] Mustafina-Bredikhina D.M. Administrative and legal regulation of state control of mandatory requirements for the quality of medical activity in Russia: dissertation... Candidate of Law: 12.00.14

Mustafina-Bredikhina Diana Myadhatovna; [Place of defense: Ros. University of Friendship of Peoples]. - Moscow, 2018. S. 26-27.

[6] Piven D.V. Control (supervision) without interaction with a controlled person, as a new form of control over the provision of paid medical services: what the heads of medical organizations/D.V. Piven, I.S. Kitsul, I.V. Ivanov // Health Manager need to know. – 2022. – № 3. - S. 4-9. – DOI 10.21045/1811-0185-2022-3-4-9. – EDN LQLCRM.

[7] Starilov Yu.N. From administrative justice to administrative proceedings. Voronezh, 2003. 144 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-201-205
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

БЕЛЯКОВ Данила Сергеевич,
аспирант Юго-Западного государственного университета,
e-mail: spartafeed21122000@mail.ru

ПРИЗНАННЫЕ СТОРОНАМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется соотношение признанных сторонами обстоятельств и предмета доказывания в гражданском судопроизводстве. Анализируются положения статьи 68 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, определяющей правовое значение признания обстоятельств одной из сторон, а также их влияние на объем судебного доказывания. Обосновывается, что признание обстоятельств не изменяет содержание предмета доказывания, а лишь освобождает другую сторону от обязанности представления доказательств в отношении соответствующих фактов при отсутствии оснований сомневаться в достоверности такого признания. Сделан вывод о том, что признанные сторонами обстоятельства сохраняют статус юридически значимых фактов, входящих в предмет доказывания, однако их установление осуществляется посредством процессуального акта признания, а не исследования иных доказательств. Отмечается, что сохранение за судом полномочий по проверке признания обстоятельств выступает необходимой гарантией законности судебного решения.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, предмет доказывания, признание обстоятельств, судебное доказывание, доказательства, законность судебного решения.*

BELYAKOV Danila Sergeevich,
graduate student at Southwestern State University

CIRCUMSTANCES AND SUBJECT MATTER RECOGNIZED BY THE PARTIES

Annotation. *The article examines the relationship between the circumstances recognized by the parties and the subject of evidence in civil proceedings. The provisions of Article 68 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which determines the legal significance of the recognition of the circumstances of one of the parties, as well as their impact on the volume of judicial evidence, are analyzed. It is justified that the recognition of circumstances does not change the content of the subject of evidence, but only frees the other party from the obligation to provide evidence in relation to the relevant facts in the absence of reason to doubt the reliability of such recognition. It was concluded that the circumstances recognized by the parties retain the status of legally significant facts included in the subject of evidence, but their establishment is carried out through a procedural act of recognition, and not a study of other evidence. It is noted that the preservation of the court's powers to verify the recognition of circumstances is a necessary guarantee of the legality of the court decision.*

Key words: *civil proceedings, subject of evidence, recognition of circumstances, judicial evidence, evidence, legality of court decision.*

Одним из процессуальных институтов, оказывающих непосредственное влияние на пределы судебного доказывания, является признание сторонами обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела. Несмотря на то что правовые последствия признания обстоятельств закреплены в статье 68 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, вопрос о соотношении признанных сторонами обстоятельств и предмета доказывания до настоящего времени остается дискуссионным. В научной литературе распространена позиция, согласно которой обстоятельства, признанные одной стороной и принятые другой, исключаются из предмета доказывания, поскольку отпадает необходимость в их дальнейшем подтверждении доказательствами. Представляется, что подобный подход не в полной

мере соответствует содержанию процессуального закона и природе предмета доказывания.

Предмет доказывания определяется совокупностью юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению для правильного применения нормы материального права и разрешения конкретного гражданского дела. Его содержание обусловлено прежде всего гипотезой применяемой нормы материального права, а также заявленными требованиями, возражениями сторон и иными обстоятельствами, имеющими значение для возникновения, изменения или прекращения спорного правоотношения. Следовательно, юридический факт приобретает значение элемента предмета доказывания не потому, что он оспаривается участниками процесса, а потому, что именно с его существованием закон связывает определенные правовые последствия [1, с. 134].

Данное обстоятельство имеет принципиальное значение при оценке признания фактов. Если признание одной из сторон автоматически исключало бы соответствующее обстоятельство из предмета доказывания, содержание последнего зависело бы исключительно от процессуального поведения участников спора. Между тем предмет доказывания формируется объективными критериями, определяемыми материальным правом, и не может изменяться вследствие волеизъявления сторон. Например, в споре о взыскании убытков признание ответчиком факта нарушения обязательства не означает, что данный факт перестает иметь юридическое значение. Он по-прежнему остается элементом юридического состава гражданско-правовой ответственности, предусмотренного статьями 15 и 393 Гражданского кодекса Российской Федерации, и подлежит установлению судом. Изменяется лишь способ установления данного обстоятельства: вместо исследования совокупности доказательств суд использует процессуальный акт признания как предусмотренное законом средство его подтверждения.

Указанный вывод подтверждается содержанием статьи 68 ГПК РФ. В соответствии с частью 2 данной статьи признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств. Из буквального содержания нормы следует, что законодатель освобождает сторону исключительно от обязанности представления дополнительных доказательств, но не исключает соответствующие обстоятельства из числа подлежащих установлению судом. Иными словами, предмет доказывания остается неизменным, тогда как изменяется процессуальный механизм подтверждения отдельных юридически значимых фактов.

Подобный подход согласуется и с положениями статьи 56 ГПК РФ. Обязанность доказывания возникает лишь в отношении обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Если после признания обстоятельства обязанность по его доказыванию прекращается, это свидетельствует об изменении распределения процессуальных обязанностей, но не о трансформации самого предмета доказывания. Юридически значимый факт продолжает существовать как необходимый элемент фактического основания судебного решения, поскольку именно на его установлении впоследствии будет основан вывод суда о наличии или отсутствии спорного права [2, с. 41].

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что признание фактов не обладает безусловной обязательной силой для суда. В силу части 3 статьи 68 ГПК РФ суд не принимает признание обстоятельств, если имеются основания полагать, что оно совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела либо под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения или иных обстоятельств, ставящих под сомнение добровольность и достоверность такого признания. В этом случае признанные обстоятельства подлежат доказыванию на общих основаниях.

Указанное законодательное регулирование имеет принципиальное значение для понимания природы предмета доказывания. Если бы признанные обстоятельства действительно исключались из его содержания, суд не обладал бы полномочиями возвращаться к их исследованию после отказа в принятии признания. Однако статья 68 ГПК РФ предусматривает прямо противоположный механизм. При наличии предусмотренных законом оснований суд не связывает себя волеизъявлением стороны и требует подтверждения соответствующих обстоятельств посредством иных доказательств. Следовательно, юридически значимый факт продолжает оставаться элементом предмета доказывания независимо от того, признан он участником процесса или нет.

Процессуальная самостоятельность суда при оценке признания обстоятельств обусловлена задачами гражданского судопроизводства и требованиями законности судебного решения. Согласно части 2 статьи 12 ГПК РФ суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, руководит процессом и создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств. Из этого следует, что признание обстоятельств не освобождает суд от обязанности проверить возможность использования такого процессуального действия при установлении

фактических обстоятельств дела. Судебное решение не может основываться исключительно на формальном согласии стороны с определенными фактами, если имеются объективные основания сомневаться в достоверности такого признания или его соответствии действительным обстоятельствам спорного правоотношения.

Особое значение рассматриваемый вопрос приобретает при определении пределов судебного исследования доказательств. Признание обстоятельств позволяет сократить объем процессуальной деятельности участников дела и способствует реализации принципа процессуальной экономии. Вместе с тем сокращение объема доказывания не означает сокращения предмета доказывания. Суд по-прежнему обязан установить все юридически значимые обстоятельства, однако часть из них устанавливается посредством исследования доказательств, а часть — посредством принятого судом признания соответствующих фактов. Именно поэтому признание обстоятельств следует рассматривать как специальный процессуальный способ их установления, а не как основание изменения содержания предмета доказывания.

Данный вывод представляется особенно важным при разграничении категорий «предмет доказывания» и «объем доказывания», которые в научной литературе нередко отождествляются. Предмет доказывания характеризует совокупность юридически значимых обстоятельств, необходимых для разрешения дела, тогда как объем доказывания отражает фактический круг обстоятельств, подтверждение которых требует представления и исследования доказательств в конкретном процессе. Признание обстоятельств влияет именно на объем доказывания, поскольку исключает необходимость дальнейшего представления доказательств относительно признанного факта. Однако состав юридически значимых обстоятельств, образующих предмет доказывания, при этом остается неизменным. Такой подход позволяет последовательно разграничить содержание указанных процессуальных категорий и избежать смешения материально-правовых оснований судебного решения с процессуальными средствами их установления [3, с. 228].

Рассматривая признание обстоятельств как способ их процессуального установления, необходимо учитывать его влияние на оценку доказательств. В соответствии со статьей 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Вместе с тем признание обстоятельств обладает особенностью, отличающей его от иных средств доказывания. При принятии судом признания соответствующий юридический факт считается установленным без необходимости исследования дополнительных доказательств, однако это не освобождает суд от обязанности оценить само признание с точки зрения его допустимости, добровольности и соответствия обстоятельствам дела. Следовательно, объектом судебной оценки становится не только доказательственная информация, но и процессуальное поведение стороны, выразившееся в признании определенного обстоятельства.

Именно поэтому признание обстоятельств не может рассматриваться в качестве безусловного основания для формирования выводов суда. Судебное решение должно опираться на совокупность установленных юридически значимых обстоятельств, а не исключительно на волеизъявление участников процесса. Если содержание признания вступает в очевидное противоречие с другими материалами дела либо свидетельствует о попытке искусственно сформировать необходимую фактическую основу судебного решения, суд обязан отказать в принятии такого признания и исследовать соответствующие обстоятельства в общем порядке. Данная процессуальная конструкция направлена на предотвращение злоупотребления процессуальными правами и исключение случаев вынесения судебных решений, основанных на фиктивном согласовании позиций сторон.

Практическое значение рассматриваемого вопроса особенно заметно при разграничении признания обстоятельств и признания иска. Несмотря на определенное сходство указанных процессуальных институтов, их правовая природа существенно различается. Признание иска представляет собой распоряжение материальным правом и влечет возможность удовлетворения заявленных требований без дальнейшего рассмотрения спора по существу при соблюдении условий статьи 39 ГПК РФ. Признание обстоятельств, предусмотренное статьей 68 ГПК РФ, не прекращает судебное разбирательство и не освобождает суд от обязанности установить все юридически значимые обстоятельства, необходимые для правильного применения нормы материального права. Оно касается исключительно отдельных фактов, составляющих фактическое основание спора, и не подменяет собой деятельность суда по разрешению дела [4, с. 113].

Необходимо также учитывать, что признание обстоятельств может иметь место лишь в отношении фактических данных, но не вопросов права. Стороны вправе признать факт заключения договора, исполнения обязательства, передачи имущества или совершения иных юридически

значимых действий, однако они не могут посредством признания определить правовую квалификацию спорного отношения либо предрешить применение конкретной нормы материального права. Решение указанных вопросов относится к исключительной компетенции суда и вытекает из принципа jura novit curia, согласно которому именно суд определяет нормы права, подлежащие применению при разрешении конкретного дела. Следовательно, признание обстоятельств не ограничивает процессуальную самостоятельность суда при юридической оценке установленного фактического состава.

Данный вывод подтверждается положениями статьи 196 ГПК РФ, в соответствии с которой при принятии решения суд определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены, какие правоотношения сторон вытекают из установленных фактов и какой закон подлежит применению. Законодатель последовательно разграничивает установление фактических обстоятельств и их правовую оценку. Даже если отдельные обстоятельства признаны сторонами и не требуют дальнейшего доказывания, суд обязан самостоятельно определить их юридическое значение и установить, являются ли они достаточными для возникновения предусмотренных законом правовых последствий.

Представляется, что существующие в научной литературе подходы, связывающие признание обстоятельств с исключением соответствующих фактов из предмета доказывания, основаны преимущественно на смешении категорий предмета доказывания и процесса доказывания. Предмет доказывания характеризует содержание фактического основания судебного решения и определяется объективными признаками спорного правоотношения. Процесс доказывания отражает способы установления этих обстоятельств посредством предусмотренных законом процессуальных средств. Признание обстоятельств оказывает влияние именно на процесс доказывания, изменяя объем доказательственной деятельности участников процесса, но не изменяя совокупность юридически значимых фактов, необходимых для разрешения спора [5, с. 4735].

Такое разграничение имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Признание обстоятельств способствует реализации принципа процессуальной экономии, поскольку исключает необходимость исследования доказательств в отношении фактов, не вызывающих спора между участниками процесса. Одновременно сохраняется процессуальная обязанность суда проверить соответствие признания требованиям статьи 68 ГПК РФ и установить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Тем самым достигается баланс между диспозитивными началами гражданского судопроизводства и публичной обязанностью суда обеспечить законность судебного решения.

Таким образом, признанные сторонами обстоятельства не утрачивают статуса элементов предмета доказывания, поскольку продолжают входить в состав юридически значимых фактов, необходимых для правильного применения норм материального права. Последствием признания является не изменение содержания предмета доказывания, а освобождение соответствующей стороны от обязанности дальнейшего представления доказательств в отношении признанного обстоятельства. Сохранение за судом полномочий по проверке добровольности, достоверности и допустимости признания подтверждает, что установление юридически значимых обстоятельств остается исключительной функцией правосудия. В связи с этим признание обстоятельств следует рассматривать как самостоятельный процессуальный способ установления элементов предмета доказывания, обеспечивающий процессуальную экономию без снижения уровня судебной защиты и гарантий принятия законного и обоснованного судебного решения.

Список литературы:

[1] Гусякова Е. А. Общеизвестные факты как обстоятельства, не подлежащие доказыванию в гражданском судопроизводстве / Е. А. Гусякова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4-2. – С. 128-139.

[2] Бессонова Т. В. Проблемы определения предмета доказывания в гражданском процессе / Т. В. Бессонова, Е. В. Михайлова // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 2. – С. 39-42.

[3] Васьковский Е. В. К вопросу о значении признания в гражданском процессе / Е. В. Васьковский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – № 9. – С. 223-233.

[4] Бочков В. С. Актуальные вопросы института признания факта в арбитражном процессе / В. С. Бочков, А. Р. Габибова // Вестник экономики и права. – 2021. – № 52. – С. 110-116.

[5] Кравченко М. В. Процесс доказывания. Основные этапы процесса доказывания / М. В. Кравченко, Ю. В. Левина // Столыпинский вестник. – 2023. – № 10. – С. 4731-4740.

References:

[1] Gusyakova E. A. Well-known facts as circumstances that cannot be proved in civil proceedings E. A. Gusyakova // Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2017. – № 4-2. - S. 128-139.

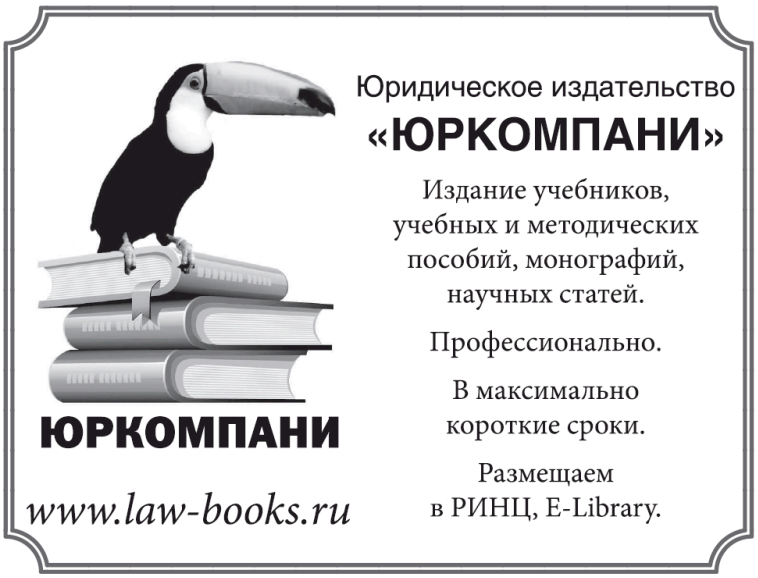
[2] Bessonova T.V. Problems of determining

the subject of evidence in civil proceedings T.V. Bessonova, E.V. Mikhailova // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2019. – № 2. - S. 39-42.

[3] Vaskovsky E.V. On the importance of recognition in civil proceedings E.V. Vaskovsky // Bulletin of the O. E. Kutafin University. – 2015. – № 9. - S. 223-233.

[4] Bochkov V. S. Actual issues of the institution of recognition of fact in the arbitration process V. S. Bochkov, A. R. Gabibova // Bulletin of Economics and Law. – 2021. – № 52. - S. 110-116.

[5] Kravchenko M.V. Proof process. The main stages of the proof process M.V. Kravchenko, Yu. V. Levina // Stolypinsky Bulletin. – 2023. – № 10. - S. 4731-4740.

- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-206-212
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
e-mail: Ivanovasa1@yandex.ru,

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ СЕРВИТУТ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме отрицательного сервитута как не закрепленной в действующем российском гражданском законодательстве разновидности ограниченного вещного права. Исследуются причины устойчивого интереса к данной конструкции, ее соотношение с положительным сервитутом, соседским правом, градостроительными ограничениями и негативным обязательством. Особое внимание уделяется «праву на вид и свет» как наиболее наглядной сфере, в которой обнаруживается дефицит существующего инструментария защиты собственника недвижимости. Обосновывается, что отсутствие прямого законодательного признания отрицательного сервитута не означает отсутствия соответствующей социально-экономической потребности: современный оборот нуждается в вещно-правовом механизме, обеспечивающем сохранение определенного состояния недвижимости и действующем независимо от смены ее собственника. Доказывается, что отрицательный сервитут не должен конструироваться как универсальный запрет собственнику служащей вещи; его допустимость предполагает наличие господствующей недвижимости, объективной полезности обременения для ее использования, определенности содержания и государственной регистрации. Предлагается модель нормативного закрепления отрицательных сервитутов в ГК РФ и формулируются критерии их разграничения с соседскими ограничениями и обязательственными соглашениями.*

Ключевые слова: *сервитут; отрицательный сервитут; ограниченные вещные права; право собственности; соседское право; право на вид; право на свет; недвижимость; негативное обязательство; государственная регистрация.*

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

RUSSIAN CIVIL LAW NEGATIVE EASEMENT: LEGAL NATURE AND REGULATORY OUTLOOK

Annotation. *The article is devoted to the problem of negative servitude as a type of limited proprietary right that is not enshrined in the current Russian civil legislation. The reasons for the sustained interest in this concept, its relationship with positive servitude, neighborly rights, urban planning restrictions, and negative obligations are examined. Special attention is paid to the "right to view and light" as the most obvious area in which a deficiency in the existing tools for protecting the owner of real estate is revealed. It is substantiated that the absence of direct legislative recognition of a negative easement does not mean that there is no corresponding socio-economic need: modern circulation requires a property-legal mechanism that ensures the preservation of a certain state of real estate and operates independently of a change in its owner. It is proven that*

a negative easement should not be constructed as a universal prohibition on the owner of the servient thing; Its permissibility presupposes the existence of dominant real estate, the objective usefulness of the encumbrance for its use, the clarity of its content, and state registration. A model for the regulatory consolidation of negative easements in the Civil Code of the Russian Federation is proposed, and criteria for their differentiation from neighborly restrictions and contractual agreements are formulated.

Key words: *easement; negative easement; limited property rights; ownership right; neighborly right; right to view; right to light; real estate; negative obligation; state registration.*

В классическом понимании сервитут представляет собой ограниченное вещное право, обеспечивающее полезность одной недвижимости за счет обременения другой. Его конструктивное ядро образуют не столько физическое «пользование» чужой вещью, сколько юридически обеспеченное подчинение определенного элемента хозяйственного господства над служащей вещью интересу господствующей недвижимости.

Современная российская модель сервитутов сформирована преимущественно вокруг идеи ограниченного пользования чужой недвижимостью. Пункт 1 ст. 274 ГК РФ связывает сервитут с правом собственника недвижимости требовать предоставления права ограниченного пользования соседним земельным участком для прохода, проезда, строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов, а также для иных нужд, которые невозможно обеспечить без установления сервитута. Такая формула функционально ориентирована на положительный сервитут: управомоченное лицо получает возможность совершать определенные действия в пространственной сфере чужой вещи. По состоянию на 2026 г. законодательная конструкция статьи 274 ГК РФ принципиально не изменилась и самостоятельной категории отрицательного сервитута не содержит.

Содержательное различие положительного и отрицательного сервитутов носит не родовой, а видовой характер. В первом случае собственник служащей вещи обязан претерпевать определенное пользование со стороны обладателя сервитута; во втором — воздерживаться от действий, которые при отсутствии сервитута входили бы в объем его правомочия пользования: возведения сооружения выше согласованной отметки, перекрытия доступа естественного света, закрытия ценного вида, изменения сложившейся пространственной конфигурации участка, размещения объектов, способных нарушить функциональные преимущества соседней недвижимости. Экономическая ценность такого интереса особенно очевидна применительно к жилой, гостиничной, санаторно-курортной и рекреационной недвижимости, где видовые характеристики и инсоляция способны непосредственно влиять на рыночную стоимость объекта [1; 2].

Внешне отрицательное обременение сходно с негативным обязательством, однако сервитут обладает принципиально иным качеством — прочностью привязки к вещи, свойством следования и возможностью вещно-правовой защиты. Именно эти признаки объясняют практическую востребованность сервитутной формы там, где стороны заинтересованы не в личном обещании конкретного собственника, а в устойчивом правовом режиме недвижимости [3].

Дискуссионность отрицательного сервитута в российской доктрине во многом связана с возражением, основанным на принципе numerus clausus вещных прав. Поскольку отрицательный сервитут прямо не предусмотрен законом, участники оборота не вправе договором создать новое вещное право с абсолютным действием. С данным выводом следует согласиться применительно к действующему праву: соглашение сторон о запрете застройки, закрытия вида либо ограничения высоты сооружения само по себе не способно превратиться в вещное обременение лишь вследствие воли сторон. Но из этого не следует принципиальная недопустимость отрицательного сервитута de lege ferenda. Напротив, numerus clausus требует законодательного принятия такого права, если его экономическая функция устойчива и не воспроизводится иными средствами.

История реформы вещного права показывает, что российский законодатель уже подходил к признанию отрицательных сервитутов. В проекте Федерального закона № 47538-6 предлагалось различать положительные сервитуты, предоставляющие право пользования служащей вещью, и отрицательные, состоящие в запрете собственнику служащей вещи пользоваться ею определенным образом [3]. Соответствующая идея получила отражение и в Модельном законе СНГ «Об ограниченных вещных правах» 2015 г. [4]. Хотя данные положения не стали частью действующего ГК РФ, они подтверждают, что отрицательный сервитут не является концептуально чуждым российской цивилистике.

Наиболее убедительной иллюстрацией потребности в отрицательном сервитуте выступает так называемое право на вид и свет. В доктрине неоднократно подчеркивалось, что видо-

вые характеристики недвижимости имеют самостоятельную экономическую стоимость: для объектов на морском побережье, в горных и рекреационных районах, для гостиничных комплексов и жилья высокого ценового сегмента потеря вида способна существенно уменьшить капитализацию объекта. Аналогично доступ естественного света влияет не только на комфорт, но и на режим использования помещений. Д.А. Монахов обоснованно связывает вопрос о сохранении вида с инвестиционной ценностью недвижимости и указывает на необходимость правового механизма, способного обеспечить соответствующий интерес собственника [1].

В действующем праве защита подобных интересов преимущественно осуществляется через публичные градостроительные, санитарные, строительные и иные нормативы. Однако функциональное назначение таких норм иное. Они устанавливают минимально допустимые стандарты поведения в публичном интересе либо в интересах неопределенного круга лиц и не рассчитаны на индивидуальную охрану дополнительной ценности конкретного объекта. Поэтому ситуация, когда новый объект построен с соблюдением всех обязательных нормативов, но перекрывает особо ценный вид соседнего объекта или существенно снижает его индивидуальную полезность, зачастую остается за пределами эффективной частноправовой защиты [2; 5].

Судебный спор в таких случаях обычно строится вокруг негаторного иска, требований о сносе самовольной постройки либо ссылок на нарушение обязательных расстояний, инсоляции и иных нормативов. Если нарушений публично-правовых требований нет и пользование объектом в целом сохраняется, доказать противоправность поведения соседа крайне сложно. На это прямо обращалось внимание в литературе: российская судебная практика склонна удовлетворять требования о защите света и вида прежде всего при установлении нарушения градостроительных и иных обязательных правил [5].

Однако из того, что право на панорамный вид не должно автоматически возникать у каждого собственника, не следует невозможность его договорного вещного закрепления. Между общим субъективным «правом на красивый вид» и отрицательным сервитутом существует принципиальная разница. Первое претендовало бы на неопределенное ограничение соседей непосредственно из закона. Второй возникает на основании предусмотренного законом юридического факта, имеет индивидуализированный объект, определенное содержание и, как правило, предполагает соглашение собственников и компенсацию собственнику служащей вещи.

Именно поэтому отрицательный сервитут следует рассматривать не как средство создания универсальной привилегии одного собственника за счет другого, а как правовой инструмент конкретного пространственного преимущества недвижимости. Если собственник соседнего участка добровольно принимает возмездное обременение не строить выше определенной отметки или сохранять незастроенной конкретную часть участка, такая договоренность экономически эквивалентна отчуждению части хозяйственной свободы пользования недвижимостью. При наличии государственной регистрации и законодательно установленных пределов у нее имеются достаточные основания для вещных способов защиты.

При этом право на свет требует более осторожного подхода, поскольку минимальные параметры освещенности и инсоляции уже входят в предмет публичного регулирования. Отрицательный сервитут в этой сфере должен обеспечивать не соблюдение обязательного минимума, а дополнительный частный интерес сверх него. Иначе, в таком случае, сервитутное право будет дублировать публичные ограничения и создавать неоправданную конкуренцию режимов.

Одним из важных теоретических вопросов является разграничение отрицательного сервитута с соседским правом. Представляет интерес и заслуживает поддержки позиция Ю.Д. Сюбаевой о необходимости различать законодательные правила, запрещающие соседям закрывать свет или вид, и сервитутные механизмы [5]. Если законодатель считает определенное воздействие недопустимым для всех соседей, соответствующий запрет относится к пределам права собственности и не нуждается в сервитуте. Сервитут возникает там, где общий режим допускает действие собственника, но применительно к конкретным объектам стороны или суд признают необходимость более строгого индивидуального ограничения.

Еще тоньше разграничение отрицательного сервитута и негативного обязательства. По содержанию они действительно могут совпадать: должник обязуется не возводить объект, не менять фасад, не осуществлять определенную деятельность, не перекрывать проход света. Но обязательство действует inter partes и по общему правилу не связывает сингулярного правопреемника собственника обремененной недвижимости автоматически. Вещное право следует за вещью, следовательно, предмет разграничения находится не столько в формуле поведения, сколько в юридическом режиме обязанности.

Из этого вытекает важный вывод: не всякое отрицательное обязательство, связанное с

недвижимостью, должно быть способно приобрести вещно-правовые признаки. Иначе стороны получили бы возможность создавать произвольные «частные градостроительные кодексы», бессрочно сковывающие оборот недвижимости. Вещный эффект допустим лишь для тех ограничений, которые: во-первых, объективно повышают полезность конкретной господствующей недвижимости; во-вторых, имеют пространственную связь с ней; в-третьих, сформулированы достаточно определенно; в-четвертых, не противоречат публичным требованиям и существу права собственности; в-пятых, зарегистрированы как обременение.

Поэтому отрицательный сервитут нельзя отождествлять с любым договорным запретом: обременение существует не ради автономного интереса конкретного кредитора, а ради устойчивой полезности господствующей недвижимости. Отчуждение господствующей вещи должно влечь переход соответствующего сервитутного права, а отчуждение служащей вещи — сохранение обременения.

В этой логике раскрывается и отличие от публичных ограничений. Как справедливо отмечено Д.А. Тоточенко, ограничения, обусловленные территориальными и охранными зонами, устанавливаются преимущественно в публичном интересе, тогда как отрицательный сервитут действует в интересах индивидуально определенного субъекта, точнее — в интересах принадлежащей ему господствующей недвижимости [2].

Главный риск законодательного признания отрицательных сервитутов связан не с их вещно-правовой природой, а с возможностью чрезмерного ограничения собственника служащей вещи. Поэтому конструкция нуждается в более жестком контроле соразмерности.

Во-первых, содержание отрицательного сервитута должно быть исчерпывающе определено. Формулы «не ухудшать вид», «не препятствовать освещению», «не осуществлять деятельность, мешающую соседу» недостаточны для вещного права. Государственная регистрация и абсолютное действие требуют такой степени определенности, при которой из реестровой записи и документа-основания можно установить границы обязанного поведения. Например: запрет возводить объекты выше конкретной абсолютной или относительной отметки; обязанность сохранять свободным от капитальной застройки обозначенный на плане сектор; запрет размещать непрозрачные ограждения выше установленной высоты.

Во-вторых, должен действовать критерий полезности для господствующей недвижимости. Отрицательный сервитут не может служить исключительно личной прихоти собственника либо инструментом ограничения хозяйственной конкуренции. Если запрет не связан с использованием и ценностью господствующего объекта как недвижимости, ему место в обязательственном праве, а не в системе вещных обременений.

В-третьих, необходим принцип наименьшего обременения служащей вещи. По аналогии с общими началами сервитутного регулирования право должно осуществляться способом, наименее затруднительным для обремененного собственника. Если сохранение полезности господствующей вещи возможно путем более узкого по территории или сроку запрета, установление более широкого обременения недопустимо.

В-четвертых, законодатель должен прямо допустить срочные отрицательные сервитуты. Бессрочность не является обязательным свойством сервитута. Рыночная ситуация, видовые характеристики территории и градостроительное развитие могут существенно меняться. Срочность позволяет согласовать долгосрочный интерес собственника господствующей недвижимости с динамикой территориального развития.

В-пятых, необходим механизм изменения и прекращения обременения при существенном изменении обстоятельств, вследствие которого сервитут утрачивает полезность либо становится несоразмерно обременительным. Для отрицательных сервитутов это особенно важно: например, если вид, ради которого был установлен запрет, объективно утрачен вследствие строительства на третьем участке, сохранение прежнего ограничения может лишиться разумного основания.

Наконец, должен быть исключен обход императивных норм. Соглашение об отрицательном сервитуте не может легализовать использование недвижимости, запрещенное публичными нормами, изменять разрешенное использование участка, подменять процедуры территориального планирования или создавать ограничения в отношении третьих лиц, не вытекающие из зарегистрированного вещного права.

Приоритетным основанием возникновения отрицательного сервитута следует признать соглашение собственников господствующей и служащей недвижимости. Такой подход соответствует частноправовой природе индивидуального ограничения и минимизирует риск навязывания собственнику служащей вещи чрезмерных запретов. Соглашение должно содержать сведения об объектах недвижимости, точное описание запрещенных действий, срок при его наличии, размер и порядок выплаты платы либо указание на безвозмездность, а при пространственной локализации запрета — графическое описание соответствую-

щей части объекта.

Вопрос о возможности судебного установления отрицательного сервитута требует дифференцированного решения. Для классического положительного сервитута судебное установление оправдано ситуацией объективной необходимости: без прохода, проезда или иной формы ограниченного пользования объект невозможно нормально использовать. В отношении вида эстетическая или рыночная ценность сама по себе не должна позволять принудительно лишать соседа законной возможности застройки. Поэтому судебный отрицательный сервитут допустим лишь в исключительных случаях, когда без соответствующего запрета использование господствующей недвижимости по назначению становится объективно невозможным либо несоразмерно затрудняется и иного способа устранить проблему нет.

Иной подход может применяться к сервитуту света, если речь идет не просто о комфорте, а о функциональной пригодности помещения, которую невозможно обеспечить иначе. Но и здесь судебное решение должно учитывать публичные нормативы, характер сложившейся застройки и экономические последствия для обеих сторон. Тем самым отрицательный сервитут не должен превращаться в универсальное средство корректировки законной застройки постфактум.

Государственная регистрация для отрицательного сервитута имеет конститутивное значение. Именно запись в Едином государственном реестре недвижимости обеспечивает публичность ограничения и делает оправданным его действие против последующих приобретателей служащей вещи. В реестре должно отражаться не только наличие сервитута, но и содержание запрета в форме, позволяющей потенциальному приобретателю оценить его влияние на хозяйственное использование объекта.

Способы защиты обладателя отрицательного сервитута должны соответствовать вещной природе права. При нарушении запрета он должен иметь возможность требовать пресечения нарушающих действий, восстановления положения, существовавшего до нарушения, а при наличии условий — сноса или изменения возведенного объекта. Однако применение наиболее жестких мер должно подчиняться принципу соразмерности и учитывать добросовестность сторон, характер нарушения, возможность устранения его менее обременительным способом и баланс стоимости объектов.

Наряду с вещными средствами сохраняется возможность взыскания убытков. Уменьшение рыночной стоимости господствующей недвижимости вследствие нарушения зарегистрированного сервитута потенциально представляет собой реальный ущерб, но его размер должен подтверждаться надлежащими доказательствами и причинной связью между нарушением и снижением стоимости.

Отрицательные сервитуты известны многим зарубежным правопорядкам. В российской литературе указывается на их закрепление либо функциональные аналоги в праве Германии, Франции, Италии, Испании, Польши, Великобритании, США, Канады и ряда иных государств [2].

Для отечественной реформы важен не механический перенос конкретной иностранной модели, а общий вывод сравнительного права: устойчивое вещное ограничение собственника в пользу другой недвижимости не противоречит природе собственности при условии типизации содержания и публичности обременения.

Для российского права принципиально сохранить объективно-вещный характер связи. Сервитут должен «обслуживать» недвижимость, а не личные предпочтения ее текущего собственника. По этой причине следует исключить из вещной модели запреты, не имеющие непосредственной связи с использованием господствующей вещи: например, обязательства не вести определенный бизнес лишь для ограничения конкуренции или не отчуждать объект лицам определенной категории.

Сравнительно-правовой опыт также демонстрирует значимость реестровой прозрачности. Чем шире допускаемый спектр отрицательных ограничений, тем выше требования к их формализации и доступности для потенциального приобретателя. Российская система ЕГРН создает техническую основу для такой публичности, однако потребует специальных правил описания пространственных и содержательных параметров сервитута.

Представляется целесообразным закрепить в ГК РФ общее деление частных сервитутов на положительные и отрицательные. При этом законодательная норма не должна ограничиваться декларативным упоминанием отрицательного сервитута. Основной недостаток прежних проектных подходов заключался именно в отсутствии развитой системы критериев, предотвращающих произвольное конструирование частных вещных запретов.

В общей части сервитутного регулирования можно было бы установить, что сервитут предоставляет собственнику господствующей недвижимости право в ограниченных пределах пользоваться служащей недвижимостью либо требовать от ее собственника воздерживаться от определенного способа использования, если такое обременение объективно необходимо или существенно полезно для использования господствующей

недвижимости и не лишает служащую вещь ее хозяйственного назначения.

Специальная норма об отрицательном сервитуте могла бы быть сформулирована следующим образом: «Отрицательным сервитутом признается установленное в пользу собственника недвижимой вещи ограниченное вещное право требовать от собственника другой недвижимой вещи воздерживаться от определенных в соглашении или судебном акте действий по использованию этой вещи. Отрицательный сервитут допускается, если содержание запрета определенно, связано с использованием господствующей недвижимой вещи, соответствует принципу наименьшего обременения и зарегистрировано в установленном законом порядке».

Кроме того, необходимо прямо закрепить возможность установления сервитутов вида и света как частных случаев отрицательного сервитута, не превращая их при этом в безусловные субъективные права каждого собственника. Закон мог бы допустить запрет застройки или изменения объекта в части высоты, пространственного размещения либо иных объективно измеримых параметров, если это необходимо для сохранения согласованного доступа света, визуального коридора или иного свойства господствующей недвижимости.

Плата должна предполагаться, если иное прямо не установлено соглашением или законом. Размер платы может определяться с учетом уменьшения рыночной стоимости и ограничений хозяйственного потенциала служащей недвижимости. Для длительных сервитутов следует допустить периодический пересмотр платы при существенном изменении экономических условий.

Отдельная норма должна регулировать прекращение отрицательного сервитута при отпадении его объективной полезности, невозможности достижения первоначальной цели, соединении господствующей и служащей недвижимости у одного лица, истечении срока, а также при таком изменении обстоятельств, когда сохранение обременения становится явно несоразмерным интересу господствующей вещи. Суду следует предоставить право не только прекращать, но и модифицировать содержание сервитута, если это позволяет сохранить баланс интересов.

Проблема отрицательного сервитута имеет не только догматическое значение. Современный рынок недвижимости все чаще капитализирует нематериальные пространственные характеристики объекта: панорамный вид, открытость горизонта, естественное освещение, отсутствие застройки в определенном секторе, архитектурную целостность территории. При продаже такие характеристики включаются в цену, однако их гражданско-правовая устойчивость нередко оказывается значительно слабее экономического значения.

В результате возникает информационная и правовая асимметрия. Покупатель может платить премию за видовые характеристики, но не получать вещной гарантии их сохранения. Негативное обязательство первоначального собственника соседней недвижимости способно прекратить фактическую эффективность при смене правообладателя. Отрицательный сервитут устраняет именно этот разрыв между капитализацией свойства недвижимости и устойчивостью правового режима, который это свойство обеспечивает.

Для профессионального оборота такой инструмент может быть востребован при комплексном освоении территорий, создании коттеджных и клубных поселков, гостиничных и курортных комплексов, формировании видовых квартир и апартаментов, сохранении визуальных коридоров между объектами. Вместе с тем массовое применение возможно только при оценке влияния обременения на стоимость служащего объекта.

Заключение

Отрицательный сервитут представляет собой доктринально обоснованную и экономически востребованную разновидность ограниченного вещного права, отсутствующую в действующем российском законодательстве. Его содержание состоит не в предоставлении физического доступа к служащей недвижимости, а в обеспеченном запрете собственнику использовать ее определенным образом в интересах полезности другой, господствующей недвижимости.

Отрицательный сервитут не тождествен соседскому ограничению. Соседское право задает общий нормативный предел осуществления права собственности и действует непосредственно из закона; отрицательный сервитут индивидуализирован, возникает на специальном юридическом основании и обеспечивает дополнительный частный интерес конкретной недвижимости. Он также не совпадает с негативным обязательством, поскольку обладает свойством следования и абсолютной защитой.

Наиболее наглядной сферой применения отрицательного сервитута является сохранение доступа света и вида. Действующие градостроительные и иные публичные нормативы защищают минимально допустимые параметры использования территории, но не обеспечивают индивидуальную экономическую ценность видовых характеристик конкретного объекта.

Включение отрицательного сервитута в ГК РФ целесообразно только при установлении жестких квалифицирующих условий: наличие господствующей и служащей недвижимости; объек-

тивная связь запрета с полезностью господствующей вещи; наименьшее обременение служащего объекта; государственная регистрация; презумпция возмездности; возможность изменения и прекращения при отпадении основания обременения.

Предпочтительным основанием возникновения следует считать соглашение собственников. Судебное установление отрицательного сервитута должно иметь исключительный характер и допускаться главным образом тогда, когда без запрета использование господствующей недвижимости по назначению невозможно или несоразмерно затруднено, а иного способа обеспечить соответствующий интерес не существует.

Таким образом, перспективная реформа должна быть направлена не на механическое дополнение перечня сервитутов новым названием, а на создание целостного режима частного вещного ограничения негативного типа. В таком качестве отрицательный сервитут способен занять самостоятельное место между общими пределами права собственности и обязательственными соглашениями, повысив предсказуемость оборота и юридическую защищенность экономически значимых свойств недвижимости.

Список литературы:

[1] Монахов Д.А. Сервитуты: монография. М.: Статут, 2023.

[2] Тоточенко Д.А. Сервитут в отношении земельного участка // Нотариус. 2022. № 4.

[3] Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая Государственной Думой ФС РФ в первом чтении 27 апреля 2012 г.).

[4] Модельный закон «Об ограниченных вещных правах» (принят в г. Санкт-Петербурге 27 ноября 2015 г. Постановлением 43-9 на 43-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ).

[5] Сюбаева Ю.Д. Право на свет и вид в соседском праве // Гражданское право. 2019. № 1.

[6] Краснова Т.С. Отрицательный сервитут в российском праве // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1.

[7] Мисник Г.А. Сервитуты в земельном праве // Экологическое право. 2023. № 6.

[8] Васючкова О.А., Вороньжев А.С. Сервитут вида: понятие и признаки с учетом концептуального признака единства судьбы земельного участка и объекта недвижимости // Юрист. 2023. № 9.

[9] Григорьян Д.В. Обязательственные начала в вещном праве: немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 12.

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 декабря 2025 г.

References:

[1] Monakhov D.A. Easements: monograph. M.: Statute, 2023.

[2] Totochenko D.A. Servitude in relation to the land plot // Notary. 2022. № 4.

[3] Draft Federal Law No. 47538-6 "On Amendments to Parts One, Two, Three and Four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in first reading on April 27, 2012).

[4] Model Law "On Limited Property Rights" (adopted in St. Petersburg on November 27, 2015 by Resolution 43-9 at the 43rd plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States).

[5] Syubaeva Y.D. Right to light and view in neighborhood law // Civil law. 2019. № 1.

[6] Krasnova T.S. Negative easement in Russian law // Leningrad Law Journal. 2017. № 1.

[7] Misnik G.A. Easements in land law // Environmental law. 2023. № 6.

[8] Vasyuchkova O.A., Voronzhev A.S. Servitude of type: concept and features, taking into account the conceptual sign of the unity of the fate of the land plot and the property // Lawyer. 2023. № 9.

[9] Grigoryan D.V. Binding principles in property law: German approach // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. № 12.

[10] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2025), approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation December 22, 2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-213-219
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ЕМЕЛЬЯНОВ Евгений Александрович,
Аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Университет При Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС", Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: emeljanov-1999@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБОРОТА ЗЕМЕЛЬ С ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ РЕЖИМОМ, ПРАКТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена особенностям оборота земель с особым правовым режимом в России. Автор показывает, что специальный статус участка напрямую предопределяет не только порядок его предоставления и отчуждения, но и саму возможность аренды, а также защиту прав участников сделок. Ключевая проблема работы — поиск баланса между свободой частного распоряжения землей и жесткими публичными ограничениями, закрепленными в Земельном кодексе, законодательстве об особо охраняемых территориях, лесном и сельскохозяйственном праве, а также в нормах об оборонных землях. Анализ нормативных актов и судебной практики приводит к выводу: российская система строится не на принципе беспрепятственной сделки, а на модели контролируемого участия таких участков в обороте. Ключевое условие легитимности распоряжения здесь — соответствие категории земли, ее целевому назначению, действующим зональным ограничениям и природе охраняемого государством интереса.*

Ключевые слова: *земельные участки, особый правовой режим, оборот земель, ограничение оборотоспособности, зоны с особыми условиями использования территорий, земли сельскохозяйственного назначения, особо охраняемые территории, судебная практика.*

EMELYANOV Evgeny Alexandrovich,
PhD Student, Autonomous Non-Profit Organization Higher Education "University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC," Russia, St. Petersburg

SPECIFICS OF LAND CIRCULATION UNDER A SPECIAL LEGAL REGIME: RUSSIAN FEDERATION PRACTICE

Annotation. *The article examines the specific features of land turnover under a special legal regime in Russia. The author demonstrates that the special status of a land plot directly predetermines not only the procedure for its provision and alienation, but also the very possibility of lease, as well as the protection of the rights of parties to transactions. The key issue addressed in the work is the search for a balance between the freedom of private disposal of land and the strict public-law restrictions enshrined in the Land Code, legislation on specially protected natural areas, forest and agricultural law, and the norms governing defense lands. An analysis of regulatory acts and judicial practice leads to the conclusion that the Russian system is built not on the principle of unfettered transactions, but on a model of controlled participation of such plots in land turnover. The key condition for the legitimacy of disposal here is the correspondence of the land category, its designated purpose, the applicable zonal restrictions, and the nature of the publicly protected interest.*

Key words: *land plots, special legal regime, land turnover, restrictions on transferability, zones with special conditions for land use, agricultural lands, specially protected natural areas, judicial practice.*

Введение. Вопрос оборота земель с особым правовым режимом в России обнажает главное противоречие всего земельного права. Частник хочет свободно продать или сдать участок, а государство обязано сохранить лес, воду, недра, обороноспособность и городскую инфраструктуру. Для обычной недвижимости этот конфликт почти не заметен — там властвует гражданско-правовая автономия. Но как только речь заходит о земле, автономия сворачивается. А если земля ещё и специальная — сворачивается вдвойне. Сделка здесь становится возможной не потому, что у вас есть свидетельство о праве, а потому, что само местоположение, назначение и законные ограничения этот оборот допускают. [1,7]

При этом особый режим — не одна категория, а целый спектр ситуаций. Где-то землю вообще нельзя приватизировать, где-то можно, но каждый шаг по распоряжению ею связан с экологическими, санитарными или градостроительными запретами. И эти запреты настолько глубоко вшиты в правовой статус участка, что говорить о «земле как товаре» уже не приходится. Скорее это конструктор, где цели использования, субъектный состав и меры контроля склеены в единое целое. Именно поэтому изучать оборот таких земель приходится через призму публичного порядка, а не через привычные нормы купли-продажи.

На практике специальные ограничения доставляют массу проблем. Люди часто узнают о том, что их участок попал в зону с особыми условиями, уже после покупки — когда регистратор отказывает в переходе права или когда соседняя стройка упирается в оборонный сервитут. Суды каждый год разбирают сотни подобных споров, и почти в каждом случае корень конфликта один: сведения о режиме участка появились с опозданием либо вообще не попали в открытые реестры. Экономические ожидания одного человека разбиваются о публичный интерес, о котором он просто не знал. И в этом смысле российский оборот таких земель невозможно назвать рынком. Это скорее система разрешительных процедур, где каждое действие проходит проверку, но проверку не всегда очевидную для самих участников.

Цель этой статьи — показать, как именно специальный статус превращает землю из объекта сделки в объект управления. Для этого придется разобраться, что вообще понимать под особым режимом, чем отличаются земли обороны от сельхозугодий с ограничениями и как суды трактуют нормы, которые кажутся ясными, но на деле оставляют пространство для разночтений. В итоге хочется ответить на главный вопрос: является ли наша модель продуманной системой или она сложилась стихийно, из-за обилия ведомственных интересов и запаздывающих поправок в кодексы.

Материалы и методы. Методологически работа строится на совмещении двух логик: юридической догматики и критического анализа правоприменения. Формально-юридический разбор норм Земельного кодекса нужен был не сам по себе, а чтобы увидеть, где закон говорит «нельзя», а где оставляет пространство для судейского усмотрения. При этом я намеренно не ограничивался текстом статей — исторический срез показал, что ужесточение специального режима шло не линейно, а скачками, всякий раз после крупных конфликтов между бизнесом и ведомствами, когда оказывалось, что формально разрешенное действие приводит к экологическим или градостроительным последствиям. [2,9]

Сравнение общего и особого режимов я провел не для галочки. Оно позволило вычленить главное: в обычном обороте право собственности дает почти все полномочия, а в специальном — это лишь «входной билет», за которым следуют десятки условий. Чтобы уловить эту разницу, пришлось смотреть на оборот не как на цепочку сделок, а как на систему, завязанную на кадастры, реестры, разрешения и судебные иски. Именно здесь возникает разрыв между тем, что написано в кодексе, и тем, что происходит на деле.

Основной массив источников — Конституция, Земельный кодекс, профильные законы об охраняемых территориях и об обороте отдельных категорий. Но ключевым слоем материала стала судебная практика последних пяти лет. В делах о приватизации, аренде и регистрации прав особый режим проявляется не как абстрактная норма, а как конкретное препятствие или, наоборот, как лазейка, которую удалось использовать. Именно через споры видно, где ограничение сработало так, как задумал законодатель, а где превратилось в инструмент бюрократической блокировки. Без анализа этих кейсов любые рассуждения об обороте земель остались бы умозрительными.[5]

Литературный обзор. В литературе сложился устойчивый взгляд на оборот специальных земель через призму правового режима как комплексной конструкции: здесь сплетаются назначение, разрешенное использование, круг субъектов и публичные запреты. Этот подход удобен для описания, но, на мой взгляд, он слишком статичен. Он хорошо объясняет, что ограничено, но почти не отвечает на вопрос, как эти ограничения работают в динамике сделки. А ведь специальный режим часто проявляется не через прямой запрет, а через цепочку согласований, которые могут сделать сделку экономически бессмысленной. Именно этот аспект — разрыв между юридической возможностью и хозяйственной целесо-

образностью — в доктрине проработан слабо.

Исследователи оборотоспособности обычно подчеркивают гибкость законодательных конструкций: для обороны — один набор запретов, для особо охраняемых территорий — другой, для инфраструктурных зон — третий. С этим трудно спорить, но меня в этих работах смущает другое: они часто исходят из того, что публичный интерес заранее ясен и непротиворечив. Судебная практика показывает обратное — один и тот же участок в разных спорах может быть признан и ограниченным, и вполне оборотоспособным. Значит, сама идея «приоритета публичного интереса» требует не декларации, а операционализации: что именно, когда и в чью пользу перевешивает.

Отдельно стоят работы о зонах с особыми условиями использования. Их авторы справедливо отмечают, что такие зоны меняют не категорию, а фактическое содержание права. Собственник остается собственником, но без возможности строить или реконструировать объект — и это превращает его титул в фикцию. Однако здесь, как мне кажется, упускается важный нюанс: ограничения, установленные зоной, могут быть оспорены, если доказать их несоразмерность. Такие прецеденты есть, но они почти не попадают в обзорные статьи. Между тем именно они показывают, что особый режим — не приговор, а поле для юридической борьбы.

В литературе все чаще звучит тезис о смещении правоприменения от формальной проверки документов к оценке реального статуса участка. С этим я согласен, но лишь отчасти. На практике такой «реалистичный» подход нередко оборачивается произволом регистрирующих органов, которые трактуют режим участка в свою пользу. Доктрина же обычно воспроизводит официальную линию, не замечая этого диссонанса. Мне кажется, именно здесь — главная лакуна: исследователи описывают должное, а не сущее, и тем самым подменяют анализ ситуации ее одобрением. [7,14]

Понятие особого режима земель. В российском законодательстве нет отдельной статьи, которая давала бы определение землям с особым правовым режимом. Это понятие собирательное. Оно складывается из норм о категориях земель, правил оборотоспособности, зональных ограничений и механизмов публичного надзора. По сути, сюда попадают участки, которые закон выделяет из общего массива недвижимости либо из-за их природной ценности, либо из-за функциональной нагрузки — оборонной, транспортной, санитарной. И каждый раз основания для такого выделения разные, но результат один: обычные правила купли-продажи и аренды здесь работают иначе, а часто и вовсе не работают.

Специфика этого режима не ограничивается тем, что на участке нельзя строить или сажать лес. Она глубже. Она меняет саму конструкцию прав на землю. Режим определяет, кому участок вообще может принадлежать, можно ли его приватизировать, передать в аренду, и что будет, если владелец нарушит предписания. Поэтому я рассматриваю правовой режим не как обременение, которое «висит» над собственностью, а как неотъемлемую часть самого права. Убрать режим — и останется не право, а пустая формальность. [6]

Для этой работы я беру за основу широкий подход. В него попадают не только земли, которые закон прямо изымает из оборота — например, лесные или оборонные. Но и те, что формально находятся в частных руках, однако расположены в охранной зоне или на особо охраняемой территории. Их можно продать, но покупатель, скорее всего, не сможет там ничего построить. Именно этот разрыв между юридической сделкой и реальной экономикой меня интересует больше всего. Без учета таких нюансов любой разговор об обороте специальных земель превращается в абстракцию.

Нормативная основа. Общий принцип прост: сделки с землей подчиняются гражданскому праву, но только до тех пор, пока земельное законодательство не скажет «стоп». И оно говорит это часто. Земля — редкий случай, когда частная свобода не отрицается, а заранее дозируется системой разрешений и запретов. Гражданский кодекс разрешает продавать, а Земельный — определяет, какую землю можно продавать, а какую нельзя. И если между ними возникает конфликт, побеждает последний.

Таблица 1.

Нормативные основания и особенности оборота земель с особым правовым режимом

Уровень регулирования	Нормативный источник	Ключевые положения	Значение для оборота земель
Конституционный	Конституция РФ, ст. 9, 35, 36, 42, 72	Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни народов; гарантируется право собственности; владение, пользование и	Закрепляет приоритет публичных интересов и конституционные пределы частного распоряжения землей

		распоряжение землей допускаются при соблюдении требований закона; земельное законодательство относится к совместному ведению РФ и субъектов РФ	
Гражданско-правовой	ГК РФ, ст. 130, 131, 209, 260–262	Земельный участок относится к недвижимым вещам; права на недвижимость подлежат государственной регистрации; право собственности включает владение, пользование и распоряжение, но в пределах закона	Определяет общую гражданско-правовую модель оборота земельных участков
Земельно-правовой	ЗК РФ, ст. 1, 2, 3, 7, 11.1, 27, 87, 94–100, 104–107	Устанавливаются принципы земельного законодательства, состав земель, категории земель, порядок образования участков, а также ограничения оборотоспособности; специальный режим земель обороны, особо охраняемых территорий, лесного фонда и иных категорий	Показывает, что оборот участка зависит от категории земли и ее целевого назначения
Специальный	Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»; Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»; Лесной кодекс РФ	Устанавливаются специальные правила отчуждения, аренды, преимущественного выкупа, ограничений использования и режима охраны	Подтверждает, что отдельные категории земель выводятся из общего режима свободного оборота

*Составлено автором на основе Конституции РФ, ГК РФ, ЗК РФ, Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ, Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ и Лесного кодекса РФ.[1-5]

Сердцевина этих правил — 27-я статья Земельного кодекса. Она перечисляет участки, которые либо полностью изъяты из оборота, либо ограничены в нем. Логика законодателя здесь жесткая: если государство считает, что участок важен для обороны, безопасности или сохранения природных ресурсов, частный интерес отступает. Причем ограничение не привязано к тому, «хорошая» земля или «плохая» — оно строится на формальных признаках: фонд, зона, назначение. И это создает свою проблему: участок может быть вполне пригоден для коммерческого использования, но формально числиться в резерве — и всё, сделка невозможна.

Однако самый сложный уровень регулирования — не прямые запреты, а зоны с особыми условиями. Здесь формально ничего не запрещено, право собственности сохраняется в полном объеме. Но стоишь на участке и понимаешь: строить нельзя, копать нельзя, санитарная норма требует отступить на 50 метров. В результате экономический смысл владения обнуляется, хотя с точки зрения закона вы — полноценный собственник. Именно такие случаи, на мой взгляд, создают наибольшие риски в обороте. Потому что прямой запрет очевиден — его видно в выписке. А зону можно не заметить при покупке, и тогда сделка оказывается экономически бессмысленной, хотя юридически безупречной.

Земли, ограниченные в обороте. Эти участки — главный объект специального регулирования. Законодатель сознательно выводит их из рыночной стихии, потому что цена ошибки здесь слишком высока. В одном случае землю вообще

нельзя приватизировать, в другом — нельзя продать определенному лицу, в третьем — можно только пользоваться, но не распоряжаться. Итог один: оборот определяется не волей владельца, а решением государства о допустимости.

Особенно это заметно на землях обороны, лесного фонда, особо охраняемых территорий и санитарных зон. Ограничения там не абстрактны: они привязаны к конкретным рискам. Поэтому суд, оценивая сделку, смотрит не на договор, а на то, совместимо ли распоряжение с режимом территории. И если нет — договор не поможет даже при полном пакете документов.

Именно здесь чаще всего возникают споры. Покупатель видит выписку, платит деньги, а потом выясняется, что участок числится в резерве или попадает в охранную зону. Суды в таких случаях встают на сторону публичного интереса, и добросовестность приобретателя, как правило, не спасает. Это жестко, но системно.[11]

Земли сельскохозяйственного назначения. Их часто путают с землями особого режима, но это не совсем так. Здесь законодатель не запрещает оборот, а пытается его направить. Главная цель — не допустить, чтобы пашня превратилась в коттеджный поселок или просто зарастала бурьяном. Поэтому рынок сельхозземель работает под пристальным контролем.

Собственник здесь — не «царь и бог» своего участка. Он обязан обрабатывать землю, поддерживать плодородие и не менять назначение без разрешения. Если он этого не делает, титул формально остается при нем, но фактически земля может быть изъята или ограничена в использовании. Суды по таким делам редко вникают в тонкости договора — их главный вопрос: используется ли участок как сельскохозяйственный ресурс или как спекулятивный актив. В этом смысле наша модель — это функциональная, а не просто имущественная собственность.

Зоны с особыми условиями использования. Это, пожалуй, самый коварный институт. Потому что здесь нет прямого запрета на сделку. Участок продается, право регистрируется, но потом оказывается, что строить на нем нельзя, санитарная норма требует отступа на 50 метров, а коммуникации подводить запрещено. Собственник есть, а хозяйственного смысла — ноль.

Главная проблема — асимметрия информации. Реестры часто не содержат актуальных данных о зонах, либо они появляются с опозданием. Покупатель ориентируется на выписку, а реальный режим оказывается иным. Тогда сделка формально законна, но экономически бессмысленна. Иски о признании договоров недействительными в таких случаях — обычное дело, хотя суды относятся к ним настороженно, поскольку вины продавца часто нет. Именно здесь я вижу основную лакуну регулирования: закон требует учета ограничений, но не гарантирует их доступности.

Земли обороны, безопасности и инфраструктуры. Здесь регулирование самое жесткое. И это объяснимо: ошибка в обороте такого участка может привести к последствиям, которые невозможно компенсировать деньгами. Поэтому законодатель исходит из презумпции закрытости. Даже если спор формально касается регистрации права, по существу он всегда упирается в вопрос: а может ли эта земля вообще быть в частных руках?

Суды в таких делах максимально сдержанны. Они не расширяют свободу оборота по аналогии с гражданским правом, а толкуют разрешительные нормы буквально. И если в законе сказано «не допускается», значит — не допускается, даже если участок годами использовался и никого не беспокоил. Сходная логика применяется к землям под линейными объектами и территориями, зарезервированными для госнужд. Здесь частный интерес не исключается, но всегда подчинен задаче бесперебойной работы публичной инфраструктуры.

Судебная практика. Суды в спорах о специальных землях действуют предсказуемо: публичный интерес перевешивает частное ожидание, если ограничение прямо установлено законом или территориальным режимом. Для них важен не договор, а статус участка. Можно иметь на руках все документы о праве собственности, но если участок оказался в границах охраняемой зоны или лесного фонда — регистрация будет приостановлена, а сделка — оспорена.

Судьи всё чаще углубляются в фактические обстоятельства: где именно проходит граница зоны, наложен ли сервитут, зарезервирована ли земля под будущую трассу. Исход дела часто зависит не от юридической конструкции, а от точности установления пространственного положения участка. При этом наиболее острые конфликты возникают в ситуациях, когда покупатель узнал об ограничениях постфактум. Здесь сталкиваются две логики: защита доверия к реестрам и приоритет публичной охраны. Пока российская модель выбирает второе, а значит, требования к качеству кадастровых данных будут только ужесточаться.[8,12,13]

Обсуждение. Анализ оборота специальных земель выводит на более широкий вопрос: российское земельное право постепенно отказывается от классической конструкции, где собственник — главное действующее лицо. Теперь участок — это не просто вещь, которой можно распоряжаться по своему усмотрению, а объект, чья юридическая судьба изначально предопределена

публичным режимом. Сделка проходит проверку не по форме договора, а по совместимости с пространственным и функциональным назначением территории.

Для рынка это означает радикальный сдвиг. Юридическая экспертиза земли больше не сводится к проверке документов — она превращается в анализ реального статуса участка, его зонирования, допустимых видов использования. Государство же оказывается перед необходимостью обеспечивать не просто законодательные запреты, но и безупречное качество реестров, потому что без надежной информации даже разумное ограничение становится источником неопределенности.

Практика в России демонстрирует двойственную ситуацию. С одной стороны, суды последовательно защищают публичные интересы, что позволяет сохранять экологически и стратегически значимые территории. С другой — обилие судебных споров само по себе говорит о системной проблеме: нормативная база и информационная среда еще не достигли той ясности, при которой участник оборота может заранее просчитать риски без чрезмерных издержек. Это не упрек судам, а сигнал для законодателя: ограничения работают эффективно только тогда, когда они предсказуемы.

Заключение. Земли с особым правовым режимом — не периферийный сюжет земельного права, а его ключевая точка напряжения. Именно здесь видно, где кончается свобода частной сделки и начинается публичный интерес. Участие таких участков в обороте всегда условно: оно допустимо ровно в той мере, в какой не нарушает охрану природных, санитарных, инфраструктурных или оборонных ценностей. Поэтому право на такой участок никогда не бывает полным — оно всегда ограничено пространственным и функциональным режимом территории.

Российская модель, как показывает анализ, строится не на отдельных запретах, а на системном подчинении оборота логике правового режима. Для любого участника сделки — будь то собственник, арендатор или инвестор — решающим становится не титул и не текст договора, а вопрос о самом объекте: допускает ли его статус то распоряжение, на которое рассчитывает приобретатель. Именно поэтому специальный режим следует рассматривать не как исключение, а как один из стержневых механизмов современного земельного права.

Эффективность этой модели напрямую зависит от баланса между жесткостью ограничений и качеством их оформления. Чем четче определены границы специального режима, чем полнее сведения в реестрах и чем единообразнее судебная практика — тем устойчивее оборот и тем ниже риск конфликта между частными ожиданиями и публичными целями. Дальнейшее развитие законодательства, как мне представляется, должно идти не по пути ужесточения запретов, а по линии повышения их прозрачности и согласованности. Именно предсказуемость, а не запрет, способна примирить охрану специальных территорий с устойчивостью гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). – М. : Официальный текст, 2020.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ.

[3] Земельный кодекс Российской Федерации : от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ.

[4] Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» : от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ.

[5] Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» : от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ.

[6] Бровченко И. Д., Царенко А. А. Оспаривание кадастровой стоимости объектов недвижимости: правовой механизм и практика реализации // В 12 Вавиловские чтения–2025: Сборник статей межд. науч.-практ. конф., посвященной 138-ой годовщине со дня рождения академика. – 2025. – С. 386.

[7] Волкова А. Е. Понятие, сущность и критерии качества финансового учета и отчетности в государственных и муниципальных учреждениях // ББК 60 С88. – 2026. – С. 53.

[8] Кастуева А. О. Особенности наследования недвижимого имущества // Закон и право. – 2025. – №. 11. – С. 129-138.

[9] Караваев Н. В. Имущественный комплекс как недвижимое имущество // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №. 4. – С. 373-376.

[10] Кочетков И. К. Обзор практики удовлетворения требований о возмещении убытков, причиненных установлением зоуит // StudArctic Forum. – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет», 2025. – Т. 10. – №. 2. – С. 40-52.

[11] Староверова О. В. Особенности правового регулирования иностранных инвестиций в Российской Федерации в современных реалиях // Образование. Наука. Научные кадры. – 2026. – №.

1. – С. 103-108.

[12] Тукачёв Д. А. Недвижимость как объект сделки: особенности правового режима и основания недействительности договора купли-продажи // Право и управление. – 2026. – №. 3. – С. 52-58.

[13] Шоимардон А. А. Некоторые проблемы правового режима земель сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. – 2025. – №. 1. – С. 59-63.

[14] Яшина М. Л., Нейф Н. М. Государственные информационные системы как инструмент согласования федеральных и региональных интересов в сельскохозяйственном землепользовании // Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения: материалы XVI Международной научно-практической конференции. 26 июня 2026 г.-Ульяновск: УлГАУ, 2026. – УлГАУ, 2026.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ). - M.: Official text, 2020.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): dated November 30. 1994 No. 51-FZ.

[3] Land Code of the Russian Federation: dated October 25, 2001 No. 136-FZ.

[4] Federal Law "On the Turnover of Agricultural Land": dated July 24, 2002 No. 101-FZ.

[5] Federal Law "On Specially Protected Natural Areas": dated March 14, 1995 No. 33-FZ.

[6] Brovchenko I.D., Tsarenko A.A. Disputing the cadastral value of real estate objects: legal mechanism and implementation practice // B 12 Vavilovsky readings-2025: Collection of articles inter. scientific-practical. conf., Dedicated to the 138th anniversary of the academician's birth. – 2025. - S. 386.

[7] Volkova A.E. The concept, essence and quality criteria of financial accounting and reporting in state and municipal institutions // BBK 60 S88. – 2026. - S. 53.

[8] Kastueva A. O. Features of inheritance of real estate // Law and law. – 2025. – №. 11. - S. 129-138.

[9] Karavaev N.V. Property complex as real estate // Law and state: theory and practice. – 2025. – №. 4. - S. 373-376.

[10] Kochetkov I.K. Review of the practice of satisfying claims for damages caused by the establishment of zoit // StudArctic Forum. - Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Petrozavodsk State University," 2025. - T. 10. – №. 2. - S. 40-52.

[11] Staroverova O. V. Features of the legal regulation of foreign investments in the Russian Federation in modern realities // Education. Science. Scientific cadres. – 2026. – №. 1. - S. 103-108.

[12] Tukachev D.A. Real estate as an object of transaction: features of the legal regime and grounds for the invalidity of the contract of sale // Law and management. – 2026. – №. 3. - S. 52-58.

[13] A. A. Shoimardon. Some problems of the legal regime of agricultural land // Agrarian and land law. – 2025. – №. 1. - S. 59-63.

[14] Yashina M. L., Neif N. M. State information systems as a tool for coordinating federal and regional interests in agricultural land use // Agricultural science and education at the current stage of development: experience, problems and ways to solve them: materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. June 26, 2026 - Ulyanovsk: UlGAU, 2026. - UlGAU, 2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-220-223
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна,
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права НГПУ им. К. Минина,
e-mail: gnotova@yandex.ru

КАРПУКОВА Альбина Анатольевна,
Старший преподаватель кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права НГПУ им. К. Минина,
e-mail: alikata@yandex.ru

РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА АРАВИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (ДОИСЛАМСКИЙ ПЕРИОД И РАННИЙ ИСЛАМ)

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности семейно-брачных отношений на Аравийском полуострове в доисламский период и ранний ислам. Авторами проводится сравнительный анализ норм, регламентирующих важный вопрос регулирования брачных отношений по Корану и Сунне. Подчеркивается, что на Аравийском полуострове в доисламские времена были распространены различные формы брачных обрядов, и практиковалось четыре вида браков. Так, например брак, получивший название «пиках истиба», нужен был для получения потомства, наделённого всевозможными качествами. Внимательно изучив нормы Корана, авторы заключают, что на территории доисламских государств был также распространен и развод, который проходил через обряд «талак». Право на развод в основном принадлежало мужчинам и, чтобы развестись с женой, он должен был произнести специальные слова – «зихар» при свидетелях, после чего брак считался расторгнутым. Важно отметить, что помимо своих детей в мусульманской семье, вполне привычной нормой было усыновление на территории доисламских государств. Особенность процесса заключалась в том, что ребенок становился таким же членом семьи. Авторы полагают, что важную роль в упорядочивании правил, оказывающих влияние на заключение брачных отношении, имеет Сунна, нормы которой задают более определенный образ жизни и более строгую линию запретов. Авторы уверены, что Сунна более подробно раскрывает особенности подготовки и воспитания женщины к брачным отношениям, указывает на важные личностные качества вступающих в брак, поясняет последовательность и правильность действии, которые должны были быть проведены перед вступлением в брак. В заключение авторы пришли к выводу, что важность доисламского периода и раннего ислама становления института брака заключается в переходе от хаоса незафиксированных норм и правил, которые не поддавались строгому ограничению, к контролю со стороны шариата.*

Ключевые слова: *брак, семья, дети, статус женщины, Коран, Сунна, ислам, обряд, шариат, право на развод, усыновление.*

GNETOVA Lyudmila Valentinovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History, Classical Disciplines and Law of the Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

KARPUKOVA Albina Anatolyevna,
Senior Lecturer at the Department of General History, Classical Disciplines and Law of the K. Minin National State Pedagogical University

DEVELOPMENT OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN THE ARABIAN PENINSULA (PRE-ISLAMIC PERIOD AND EARLY ISLAM)

Annotation. *This article examines the characteristics of marital and family relations in the Arabian Peninsula during the pre-Islamic period and early Islam. The authors conduct a comparative analysis of the norms governing the important issue of marital relations according to the Quran and Sunnah. They emphasize that various forms of marriage rites were common in the Arabian Peninsula in pre-Islamic times, with four types of marriages being practiced. For example, marriage, known as "piqah istiba," was intended to produce offspring endowed with all possible qualities. After carefully examining the norms of the Quran, the authors conclude that divorce, carried out through the rite of "talaq," was also common in pre-Islamic states. The right to divorce primarily belonged to men, and to divorce his wife, he had to pronounce the special words "zihar" in the presence of witnesses, after which the marriage was considered dissolved. It is important to note that, in addition to one's own children in Muslim families, adoption was quite common in pre-Islamic states. A distinctive feature of this process was that the child became a member of the family. The authors believe that the Sunnah plays a significant role in codifying the rules influencing marital relations, with its norms establishing a more defined way of life and a stricter line of prohibitions. The authors believe that the Sunnah more thoroughly explains the specifics of a woman's preparation and upbringing for marriage, points out the important personal qualities of those entering into marriage, and clarifies the sequence and correctness of the actions that must be taken before marriage. In conclusion, the authors conclude that the importance of the pre-Islamic and early Islamic period in the development of marriage lies in the transition from the chaos of unwritten norms and rules that were not subject to strict restrictions to the control of Sharia law.*

Key words: *marriage, family, children, women's status, Quran, Sunnah, Islam, ritual, Sharia law, right to divorce, adoption.*

Брачные отношения исламских государств являются важным и основным аспектом, регулирующим общественные и даже политические сферы жизни стран. Брак, развод, опека над детьми, положение женщин строго контролировались правилами шариата, а также на протяжении времени всегда подлежали правовому урегулированию с учетом религиозных обычаев, традиций и коранических заповедей. В большинстве случаев для стран Востока создание семьи является основой формирования моральных, духовных и правовых принципов, которые задавали весь образ жизни.

Длительное время на территории Аравии существовали правила, которые заложили основу для дальнейшего института брака. Изучая ранее существовавшие племена и первые формы государственности, можно выделить ряд особенностей докоранических брачно-семейных отношений. Сведении о семейных правилах и ценностях сохранилось немного. Важно отметить, что в период «джахилии» права женщин были более свободные, нежели после принятия ислама, однако, ограничения имели место быть. Так, в первую очередь, в племенной жизни была характерна коллективность семьи, другими словами, в одной семье было по несколько человек, а ее основа состояла в численном превосходстве мужчин.

На Аравийском полуострове были распространены разные формы брачных обрядов. Один из таких обрядов заключался в том, что во-первых, женщину могли отдавать замуж в раннем возрасте, а во-вторых, в странах Востока уже тогда был распространен «никах» - союз мужчины и женщины заключенный в присутствии имама. Среди обрядов существовал также обмен женщинами – это брак, когда два человека могли отдать своих дочерей замуж друг другу, по-другому его назвали «обменным браком» или «никях аш-шигар». В хадисе, приводимом Бухари и Абу Даудом и передаваемом со слов Аиши Радияллаху Анхо, сообщается, что в доисламские времена практиковалось четыре вида браков. [1] Суть одного из брачных обрядов заключалась в том, что муж, если хотел повысить свои статус или свое материальное состояние, мог отправить свою женщину к другому мужчине и не трогать её до тех пор, пока та не забеременеет. Другими словами, брак, получивший название «пиках истиба», нужен был для получения потомства, наделённого всевозможными качествами. Также в хадисе отмечался еще один обряд, который проходил следующим образом: собиралась группа мужчин в количестве менее десяти человек, после чего каждый из них входил к одной и той же женщине. Забеременев и родив, женщина выжидала несколько дней, а потом посылала за этими мужчинами, ни один из которых не мог ответить

отказом. Когда все они собирались у нее, она говорила им: «Что вы сделали, вам известно, а теперь я родила, и это – твой сын, о такой-то!» Таким образом, она называла того из них, кого хотела, и никто не мог отказаться[1].

На территории доисламских государств также распространялся развод, проходивший через обряд «талак», который был без особых ограничений для мужского пола. Другими словами, право на развод в основном принадлежало мужчинам. Так, чтобы развестись с женой он должен был произнести специальные слова – «зихар» при свидетелях, после чего брак считался расторгнутым. Однако, в некоторых случаях расторгнуть брак могла и женщина. Ещё одной практикой развода не со стороны мужчины была инициатива, которая могла исходить от родственников жены, например, из-за жесткого обращения мужа. В остальных случаях право на развод со стороны женщины было ограничено и проходило только с согласия или по желанию мужчины.

Немало важной особенностью брачных отношений считалось рождение мальчиков, которое было крайне важным, так как за появление девочек считали, что женщина навлекала на себя позор. В связи с этим, в доисламском периоде была распространена практика убийства дочерей. В более позднее время такая практика не сохранилась, а позже это будет отмечено в основном мусульманском источнике – Коране, который призывал «и не убивайте ваших детей из боязни обеднения: Мы пропитаем их и вас; поистине, убивать их — великий грех!» [2]

Действительно, с принятием веры в Коране вводился строгий запрет на эвтаназию. Считалось, что нельзя трогать верующую, подаренную Аллахом, душу во избежание наказания. В связи с этим, можно сделать вывод, что положение женщин в семье всегда строго определялось способностью продолжить род. До появления первенца жена не принималась в семью мужа. Если же у женщины не получалось родить ребенка, то тогда племя, из которого она пришла, было обязано возместить ущерб, в виде выплаты, называемой «дият».

Важно отметить, что помимо своих детей в семье, вполне привычной нормой было усыновление на территории доисламских государств. Особенность процесса заключалась в том, что ребенок становился таким же членом семьи, как и другие. С усыновлением ребенок получал новую фамилию, а также считалось, что он полностью меняет свою родословную. Важно отметить, что с принятием веры практика усыновления или удочерения сохранится, и даже будет более строго контролироваться со стороны шариата. В Коране, который призывал к почитанию и уважению сирот, отмечалось: «…Пожирание имущества сирот - отвратительный проступок, без которого человек вполне может обойтись, поскольку Аллах одаряет его достаточным пропитанием и богатством. Если же он, не взирая на эти обстоятельства, осмеливается на этот дерзкий проступок, то совершает великий грех и ужасное преступление…»[3] В данном толковании аята Корана под «сиротами» понимаются дети, оставшиеся без отца, однако, четкий акцент делается на защиту имущества.

В дальнейшем история брачных отношении Аравии не останавливается на месте. С принятием новой веры сильно изменяются нормы семейных отношений. Вводятся как новые правила, так и удаляются старые обряды и процессы. В первую очередь, речь идет не о наличии определённых прав, так как они, появившись в жизни доисламских государств, закрепятся позднее в шариатах исламского права. Свобода заключается в возможности женщин самим выбирать себе супруга, самим заключать брачные договоры, другими словами, существовавший правовой плюрализм обеспечивал вариативность доисламских норм, так как во многих будущих мусульманских государствах брачные порядки складывались из обычая, городских и местных практик, что, несомненно, позволяло более обширно пользоваться правами. Конечно, нельзя утверждать, что с появлением ислама жизнь стала хуже. Долгое время на женщин смотрели как на низшее существо. Неравенство между женщинами и мужчинами всегда выделялось, даже в наказаниях. Так, например, если преступником являлся мужчина, то возмещение ущерба могло и не быть. В соответствии с этим, рассматривая ситуацию, с другой стороны, можно утверждать об обратном, что жизнь становилась более устойчивее с принятием ислама, у женщин появляется четкий правовой статус, так как такие источники, как Коран и Сунна являлись неизменными нормами и законами, которые заложили фундамент исламского права, а также института брачных отношений.

Изучая 4 суру Корана «Женщины», невозможно не обратить внимание на особенности брачных отношении после принятия ислама. В первую очередь важно выделить аят 38, в котором теперь четко отмечается, что женщины должны быть порядочные, благоговейные и сохранять тайное в том, что хранит Аллах. В дальнейшем по аятам Корана прослеживается уточнение понятия «брачный возраст», которое означает время наступления совершеннолетия для вступления в брак. Важно отметить, что сохранились некоторые брачные практики, которые существовали до принятия ислама т.е.продажи отцами своих дочерей как до принятия ислама, так и после

по-прежнему имела место быть.

Одним из нововведений являлся вопрос развода. До возникновения ислама муж считался разведенным с женой с момента уведомления ее о разводе. Теперь в Коране вводиться понятие «период ожидания». Вступление в силу последствий развода произойдет после истечения периода ожидания, который длится до момента, когда у жены завершатся три менструальных цикла, или, если она оказывалась беременной, то до рождения ребенка.

Основываясь на содержании самого Корана, указанный временной промежуток в первую очередь направлен на то, чтобы обеспечить возможность примирения супругов и предоставить жене право получать материальную поддержку от мужа на протяжении этого периода. Важно отметить, что с принятием Корана условия заключения брака, нормы и правила становятся юридически закреплёнными. Появились требования к согласию вступления брак и к ответственности сторон. Устанавливаются правила признания ребенка, появляются ограничения на внебрачные браки. Дополнения, изменения и нововведения в коранических заповедях юридически оформляют статус женщины, дарит право на наследование доли и имущественные права.

Немало важную роль в усовершенствовании правил, влияющих на заключение брачных отношении, сыграла Сунна. В свою очередь нормы Сунны задают более четкий образ жизни и более строгую линию запретов. Источник более подробно раскрывает особенности проведения подготовки и воспитания женщины к брачным отношениям, указывает на важные личностные качества партнёров, которыми они должны обладать при вступлении в брак, поясняет о последовательности и правильности действии, которые могут или должны быть проведены перед вступлением в брак. После смерти пророка Мухаммеда многие дела и вопросы, которые касалась семьи, решились по примеру его образа жизни. Другими словами, Коран является основным источником изложенных и зафиксированных принципов и правил поведения, а Сунна выступает дополнением, которая в хадисах через поступки и действия пророка раскрывает одобренные с молчаливого согласия одобрения, как в вопросах брака, так и в других отраслях общественной жизни.

Подводя итог, можно сделать вывод, что эволюция брачных отношении является небыстрым процессом, которая складывалась через время, традиции, обряды и откровения, полученные в годы жизни пророка Мухаммеда. Важность двух отмеченных периодов становления института брака заключается в переходе от хаоса незафиксированных норм и правил, которые не поддавались строгому ограничению на доисламских территориях к контролю со стороны шариата. Период жизни существования пророка Мухаммеда и появления основного первого письменного свода законов существенно изменили общественный и семейный уклад жизни народов, так как именно этот период ввел понимание понятия «брак», как сакральный акт, к которому требуется ответственно и бережно относиться.

Список литературы:

[1] Брак у арабов во времена джахилийи/ https://islam.uz/statya/352?ysclid=mrlu1cvuu7831632833 (дата обращения 15.07.2026 г.).

[2] Коран: смысловой перевод / И. Ю. Крачковского. – Москва: Эксмо, 2025.- 576 с. - (Религия. Коран). - ISBN 978-5-04-200475-9. - Текст: непосредственный.; сура 17, аят 31.

[3] Толкование Священного Корана «Облегчение от Великодушного и Милостивого»: Смысловой перевод Корана на русский язык с комментариями Абд ар-Рахмана асСаади: в 3 т. Т. 1 / Пер. с араб. Э. Кулиев. – 2-е изд., испр. – М. : Умма, 2012. – 1152 с. – Часть текста парал. рус., араб.

References:

[1] Marriage among the Arabs during the Jahiliyyah / https://islam.uz/statya/352?ysclid=mrlu1cvuu7831632833 (date of access 15.07.2026).

[2] The Quran: semantic translation / I. Yu. Krachkovsky. - Moscow: Eksmo, 2025. - 576 p. - (Religion. Quran). - ISBN 978-5-04-200475-9. - Text: direct.; Surah 17, verse 31.

[3] Interpretation of the Holy Quran "Ease from the Generous and Merciful": Semantic translation of the Quran into Russian with commentary by Abd ar-Rahman asSaadi: in 3 volumes. Vol. 1 / Translated from Arabic by E. Kuliev. – 2nd ed., rev. – M.: Umma, 2012. – 1152 p. – Part of the text is parallel. Russian, Arabic.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-224-229

ЕМЕЛЬЯНОВ Евгений Александрович,
Аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Университет При Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС", Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: emeljanov-1999@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОЦЕНКА ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена трансформации правового режима земельных участков в России с момента введения рыночных отношений и до текущего состояния законодательства. Анализируется переход земли в разряд недвижимости, становление системы регистрации прав и разграничение гражданско-правовых и земельно-правовых норм, кульминацией которого стало принятие Земельного кодекса. Исследуется современная модель регулирования, где приоритет охраны земель достигается через ужесточение публичных ограничений и гибкую дифференциацию режимов в зависимости от целевого назначения. На основе сопоставления конституционных положений, гражданского и земельного кодексов выявлены как преимущества действующей системы, так и её институциональные противоречия. Автор приходит к выводу, что нынешняя конструкция оборота, соединяющая рыночную свободу с жестким государственным контролем, порождает высокую нормативную сложность, однако именно эта сложность служит фундаментом стабильности всего земельного правопорядка.*

Ключевые слова: *земельные участки, оборот земель, земельное законодательство, право собственности, государственная регистрация, Земельный кодекс РФ, особенности правового регулирования.*

EMELYANOV Evgeny Alexandrovich,
PhD Student, Autonomous Non-Profit Organization Higher Education "University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC," Russia, St. Petersburg

EVOLUTION OF THE LEGAL REGULATION OF LAND PLOT TURNOVER IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ASSESSMENT OF ITS SPECIFIC FEATURES

Annotation. *The article examines the transformation of the legal regime of land plots in Russia from the introduction of market relations to the current state of legislation. It analyzes the transition of land into the category of immovable property, the establishment of the rights registration system, and the demarcation between civil-law and land-law norms, the culmination of which was the adoption of the Land Code. The study explores the current regulatory model, in which the priority of land protection is achieved through the tightening of public restrictions and a flexible differentiation of regimes depending on designated purpose. By juxtaposing constitutional provisions with the Civil Code and the Land Code, the article identifies both the advantages of the existing system and its institutional contradictions. The author concludes that the current structure of land turnover, which combines market freedom with strict state control, generates considerable normative complexity; however, it is precisely this complexity that serves as the foundation for the stability of the entire land legal order.*

Key words: *land plots, land turnover, land legislation, ownership right, state registration, Land Code of the Russian Federation, specific features of legal regulation.*

Введение. Земля в российской правовой системе традиционно занимает особое место, поскольку одновременно выступает объектом природы, основой жизни и деятельности народов, а также объектом имущественного оборота. Именно поэтому правовое регулирование оборота земельных участков никогда не сводилось только к гражданско-правовым механизмам купли-продажи, аренды или наследования. Государство на протяжении последних десятилетий стремилось совместить рыночное обращение земли с ее публичной охраной, что и определило сложный характер развития земельного законодательства.

Эволюция регулирования в РФ отражает общую трансформацию правовой системы от административно-плановой модели к модели, основанной на признании частной собственности и свободе договора. Однако, в отличие от большинства иных объектов гражданского оборота, земля не утратила своей правовой дифференциации — напротив, переход к рынку лишь усилил ее: режим конкретного участка сегодня зависит не только от воли сторон, но и от категории земли, вида разрешенного использования, а также ограничений, установленных в интересах государства, общества и окружающей среды.

Именно эта двойственность и придает теме особую актуальность, выводя ее за рамки сугубо экономического анализа. Цель статьи — проследить этапы развития правового регулирования и выделить особенности современного этапа, на котором противоречие между рыночной свободой и публичными ограничениями достигает наибольшей остроты.

Материалы и методы. Методологическая стратегия исследования строится на сочетании общенаучных и отраслевых юридических инструментов. Базовую роль играют анализ и синтез: они позволяют расчленить полувековой массив земельного законодательства на логически завершённые этапы и одновременно удержать их внутреннюю связь. Для оценки содержательных сдвигов в регулировании задействован сравнительно-правовой метод, который выявляет не только различия между прежними и нынешними нормами, но и скрытые преемственные линии. Толкование же конкретных положений Земельного и Гражданского кодексов осуществляется через формально-юридический подход, что даёт возможность избежать подмены буквы закона доктринальными допущениями. [6]

Системный взгляд на оборот земельных участков исключает его изолированное рассмотрение — напротив, он интегрируется в более широкую конструкцию вещного и публичного права, где каждый институт оказывает взаимное давление на другие. Отдельно стоит выделить историко-правовой метод: без него невозможно проследить, как в переходные периоды менялась сама философия землепользования, превратившись из инструмента реформ в сложившийся нормативный массив. Опорой для такого анализа послужили Конституция РФ, профильные кодексы, Федеральный закон об обороте земель сельхозназначения, а также акты, регламентирующие регистрацию и публичные ограничения прав.

Литературный обзор. В научной литературе оборот земельных участков традиционно осмысляется через противостояние частной собственности и публичных ограничений. Одни авторы настаивают на формировании полноценного рынка как драйвера инвестиций и экономического роста, другие — на приоритете охраны земель, предотвращении спекуляций и сохранении целевого назначения. Однако именно эта полярность, как показывает анализ, порождает главную доктринальную проблему: ни один из подходов в отдельности не даёт критериев для разрешения коллизий, а их механическое сочетание лишь воспроизводит неопределённость. [4,9]

Отдельное направление исследований посвящено исторической эволюции земельного законодательства. В работах по истории рынка земли последовательно выделяются этапы — от исключительной государственной собственности к множественности форм, затем к признанию земли недвижимостью и к современной регистрационной системе. Такой ракурс ценен тем, что демонстрирует: современный оборот — это итог длительной институциональной трансформации, а не разового законодательного решения, и потому любые реформы должны учитывать инерцию предшествующего развития.

Особый интерес исследователей сосредоточен на обороте сельскохозяйственных земель — именно здесь публичные механизмы наиболее жёстки, что объяснимо необходимостью сохранять плодородие и продовольственную безопасность. И если в доктрине преобладает установка на баланс частной свободы и государственного контроля, то в правоприменении этот баланс постоянно смещается в сторону ограничений — и этот разрыв между декларируемой моделью и реальной практикой требует отдельного внимания, выходящего за рамки традиционных обзоров.

Этапы регулирования. Начало 1990-х годов задало вектор, но не создало системы: отказ от монополии государства ознаменовался признанием множественности форм собственности, однако регулирование носило фрагментарный, почти экспериментальный характер. Земельные участки лишь формально были включены в число объектов гражданских прав — на практике их оборот сдерживался отсутствием регистрацион-

ных процедур и устойчивой судебной практики, что делало сделки рискованными.

Следующий этап стал реакцией на эту неопределённость: отнесение земли к недвижимости автоматически связало её судьбу с общим гражданско-правовым массивом. Это означало, что отраслевые земельные нормы более не могли существовать изолированно — они вынужденно встраивались в механизмы вещных прав, обязательств и регистрации. Именно тогда сложился институт государственной регистрации, который и превратил землю из декларативного объекта в реально оборотоспособный актив. [5]

Однако по-настоящему системный характер регулирование обрело лишь с принятием Земельного кодекса, и этот шаг был вызван не столько необходимостью кодификации, сколько накопившимися коллизиями между растущим рынком и архаичными нормами. Кодекс впервые ввел классификацию земель по категориям, очертил границы допустимого оборота в зависимости от целевого назначения и, главное, обозначил публичные интересы, которые рынок сам по себе защитить не мог. Но даже эта кодификация не стала финальной точкой — она скорее перевела регулирование из фазы «хаоса» в фазу «жёсткой конструкции», где за каждым разрешением последовало новое ограничение.

Специальное регулирование. Федеральный закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения стал не просто очередным актом, а водоразделом: он впервые легитимировал идею о том, что для отдельных категорий земель общий гражданско-правовой режим неприемлем. Установив специальные правила приобретения, отчуждения и преимущественного выкупа, законодатель фактически признал — плодородие и продовольственная безопасность требуют изъятий из свободы договора, и эти изъятия должны быть жёстко прописаны, а не оставлены на усмотрение сторон.

Именно этот закон запустил цепную реакцию, в результате которой регулирование пошло по пути не упрощения, а последовательного усложнения. Ужесточение кадастрового учёта, регистрационных процедур и контроля за использованием земли — это не разрозненные меры, а звенья одной цепи, где каждое новое ограничение становится ответом на пробелы предыдущего. При этом ключевым принципом становится дифференциация: юридическая судьба участка теперь определяется не волей собственника, а его категорией и разрешённым использованием, что превращает сделку из частного соглашения в публично-значимую операцию. [7,12]

В итоге современный механизм оборота представляет собой не механическую сумму кодексов и законов, а жёсткую многослойную конструкцию. Нормы Земельного кодекса, Гражданского кодекса и специальных актов здесь не дополняют, а пересекаются и нередко конкурируют друг с другом, и именно эта конкуренция, а не формальное единство, составляет сегодня главную практическую проблему: любая сделка с землёй одновременно подчинена гражданско-правовой логике, административным процедурам и регистрационным фильтрам, что делает её чрезмерно затратной и судебно-непредсказуемой.

Таблица 1. Нормативная эволюция регулирования оборота земельных участков

Этап	Нормативная основа	Краткое содержание	Значение для темы
Конституционно-правовой уровень	Конституция Российской Федерации, ст. 9, 35, 36, 72	Земля признается основой жизни и деятельности народов; гарантируется право частной собственности; владение, пользование и распоряжение землей допускаются при соблюдении требований закона; земельное законодательство относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации	Формирует публично-правовые пределы оборота земельных участков
Гражданско-правовое включение земли в оборот	ГК РФ, ст. 130, 131, 209, 260–262	Земельные участки отнесены к недвижимым вещам; права на них подлежат государственной ре-	Закрепляет землю как объект гражданского оборота

		гистрации; определяется содержание права собственности и пределы распоряжения	
Земельно-правовая дифференциация	ЗК РФ, ст. 1, 2, 3, 7, 11.1	Определяются принципы земельного законодательства, состав земель, регулирование земельных отношений, деление земель по категориям, основания образования земельных участков	Обосновывает различный правовой режим земель в зависимости от категории и назначения
Регистрационно-кадастровая модель	ГК РФ, ст. 131; ЗК РФ, ст. 11.1; нормы о государственной регистрации недвижимости	Оборот земельного участка возможен при наличии индивидуализации объекта, кадастрового учета и государственной регистрации прав	Подчеркивает процедурный характер современного оборота земель

*Составлено автором на основе Конституции РФ, ГК РФ, ЗК РФ и Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». [1-4]

Особенности современного этапа. Современный этап регулирования оборота земельных участков отличается тем, что публичное начало перестало быть фоновым и стало определяющим. Государство сегодня не ограничивается регистрацией сделок — оно задаёт жёсткие рамки распоряжения землёй в зависимости от её категории и целевого назначения, и эта рамка тем уже, чем выше социальная или экологическая значимость участка. Отсюда — высокая дифференциация режимов: оборот сельхозземель, городских территорий или лесного фонда подчинён разным, зачастую несовместимым правилам, что делает единую модель рынка скорее условностью.

Вторым, не менее значимым слоем становится система публичных фильтров — регистрация, кадастр, контроль за использованием и специальные запреты на отчуждение. Однако эти фильтры выполняют двойственную функцию: формально они призваны предотвращать злоупотребления, а по сути — превращают каждый шаг собственника в многоступенчатую процедуру, где риск отказа или задержки заложен в сам механизм. [10]

При этом законодатель последовательно удерживает позицию, что земля не является рядовым товаром. Её оборот всегда остаётся производным от охраны природного ресурса, а потому собственник несёт не только гражданско-правовую, но и публичную ответственность за сохранение целевого назначения участка. И если в доктрине этот подход чаще всего подаётся как «баланс», то в реальности мы видим перекос: свобода распоряжения существенно сужена, а публичные ограничения не просто дополняют рынок, а фактически подменяют его логику административной логикой контроля. Именно это противоречие между декларируемым балансом и реальным доминированием ограничений составляет стержневую коллизию современного этапа.

Правовая оценка. Действующая модель оборота земельных участков даёт юридическую определённость, но цена этой определённости — избыточная сложность. Нормы закреплены, процедуры прописаны, и участники оборота в целом способны прогнозировать последствия сделок, что критически важно для недвижимости, где правовая стабильность напрямую формирует рыночное доверие. Однако предсказуемость достигается за счёт разнородного массива: Земельный кодекс, Гражданский кодекс, специальные законы, подзаконные акты и региональные нюансы создают среду, в которой даже профессиональный правоприменитель рискует столкнуться с коллизиями, а для граждан и бизнеса эти риски оборачиваются реальными транзакционными издержками.

Главный парадокс современного регулирования заключается в том, что оно одновременно и слишком жёсткое, и недостаточно системное. Жёсткое — потому что императивные ограничения пронизывают каждый этап оборота, оставляя свободе договора всё меньше пространства. Недостаточно системное — потому что эти ограничения разбросаны по разным актам, не всегда согласованным между собой, что порождает не единый фильтр, а лоскутный барьер. [5,10]

Земля как объект правового режима действительно требует особого подхода: она не товар в чистом виде, частная собственность на неё

всегда обременена публичными обязанностями. Но именно здесь возникает нерешённый вопрос: где проходит грань между необходимой охраной и избыточным администрированием? Пока законодатель отвечает на него дробными поправками, а не концептуальной ревизией, оборот остаётся заложником собственной нормативной плотности — устойчивым, но громоздким, что в долгосрочной перспективе подрывает его эффективность сильнее, чем отсутствие контроля.

Заключение. Проделанный анализ подтверждает, что российская модель оборота земельных участков прошла путь от фрагментарных решений к институционально оформленной системе, где рыночные механизмы оказались встроенными в жёсткую сетку публичных ограничений. Однако эта зрелость — формальная: внешне конструкция завершена, но внутренне она страдает от гипертрофированной дифференциации и множественности актов, которые не столько дополняют друг друга, сколько конкурируют, оставляя правоприменителю избыточную свободу усмотрения.

Наиболее остро это противоречие проявляется в обороте сельскохозяйственных земель, где публичный интерес выражен максимально, но именно здесь правовая неопределённость порождает обратный эффект — добросовестные приобретатели сталкиваются с непредсказуемостью судебных толкований, а недобросовестные, напротив, находят лазейки в процедурных разрывах между кодексами.

Из этого следует, что вектор развития должен сместиться с количественного наращивания ограничений в сторону их инструментальной пересборки. Упрощение процедур — не самоцель, а условие для того, чтобы публичный контроль перестал быть тотальным фильтром и превратился в точечный механизм, реагирующий именно на риски, а не на любой акт распоряжения. В противном случае сохранение текущего «баланса» будет означать лишь консервацию существующих барьеров, которые уже сегодня делают земельный оборот не столько защищённым, сколько зарегулированным до потери экономического смысла.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). – М. : Официальный текст, 2020.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ.

[3] Земельный кодекс Российской Федерации : от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ.

[4] Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» : от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ.

[5] Аблякимова Э. Э., Набиев Р. А., Мамедгасанов С. З. Правовое регулирование оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения. – Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал» конференция: охрана и защита прав и законных интересов в современном праве Симферополь, 13 декабря 2024 года Организаторы: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал».

[6] Аитов А. Ю., Купряева М. Н. Проблемы и перспективы правового регулирования в российской федерации // актуальные вопросы повышения экономической эффективности агропромышленного комплекса в современных условиях развития агробизнеса. – 2026. – С. 109.

[7] Булгаков В. В., Ермилова Я. В. Тенденции развития и некоторые проблемы земельного законодательства российской федерации на современном этапе. – Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда» конференция: актуальные вопросы права, экономики и управления Ульяновск, 25 апреля 2025 года Организаторы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Ульяновский государственный педагогический университет им. ИН Ульянова. – С. 9-11.

[8] Винцевский В. О., Бурков И. А. Развитие земельно-имущественного комплекса на новых территориях российской федерации // политика. – 2025. – №. 2. – С. 38.

[9] Горбачев А. Н., Захаров Д. Р. Гражданско-правовые аспекты использования земельных участков, входящих в состав сельскохозяйственных угодий // Экономика. Социология. Право. – 2025. – №. 2 (38). – С. 137-144.

[10] Кисельникова А. С., Медянкина А. В. Правовые механизмы стимулирования освоения земельных участков из состава земель населенных пунктов: проблемы реализации // Научный редактор. – 2025. – С. 104.

[11] Рахматуллин Р. Р., Тужилова-Орданская Е. М. Генезис гражданско-правового регулирования земельных участков в россии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №. 5-2 (104). – С. 297-301.

[12] Фролов Б. Д., Чичкин А. В. Правовое значение торгов при отчуждении земельных участков в Российской Федерации // Правовой порядок и правовые ценности. – 2026. – Т. 4. – №. 1. – С. 43-49.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking

into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ). - M.: Official text, 2020.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): dated November 30. 1994 No. 51-FZ.

[3] Land Code of the Russian Federation: dated October 25, 2001 No. 136-FZ.

[4] Federal Law "On the Turnover of Agricultural Land": dated July 24, 2002 No. 101-FZ.

[5] Ablyakimova E. E., Nabiev R. A., Mammadgasanov S. Z. Legal regulation of the turnover of agricultural land plots. - Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial" conference: protection and protection of rights and legitimate interests in modern law Simferopol, December 13, 2024 Organizers: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial.".

[6] Aitov A. Yu., Kupryaeva M. N. Problems and prospects of legal regulation in the Russian Federation // topical issues of increasing the economic efficiency of the agro-industrial complex in the modern conditions of the development of agribusiness. – 2026. - S. 109.

[7] Bulgakov V. V., Ermilova Y. V. Development trends and some problems of land legislation of the Russian Federation at the present stage. - Limited Liability Company "Publishing House "Sreda" conference: topical issues of law, economics and management Ulyanovsk, April 25, 2025 Organizers: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Ulyanovsk State Pedagogical University named after IN Ulyanov. - S. 9-11.

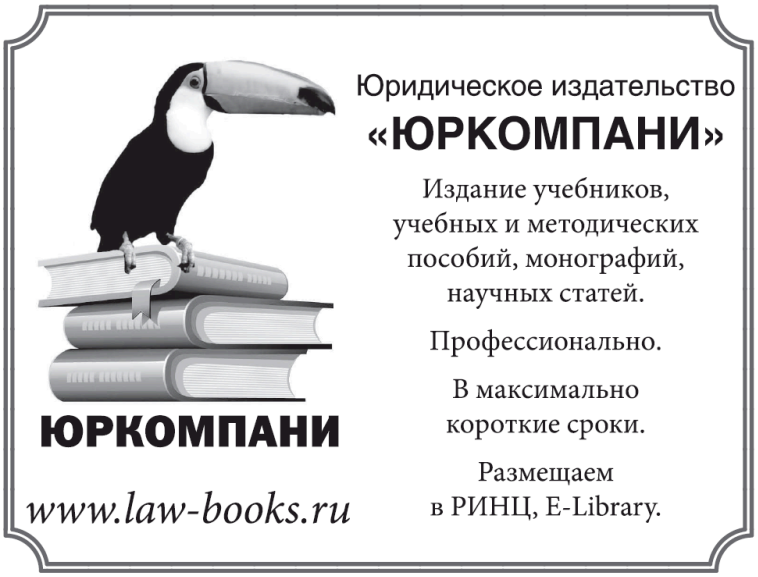
[8] Vintsevsky V.O., Burkov I.A. Development of the land and property complex in the new territories of the Russian Federation // politics. – 2025. – №. 2. - S. 38.

[9] Gorbachev A. N., Zakharov D. R. Civil law aspects of the use of land plots that are part of agricultural land // Economics. Sociology. Right. – 2025. – №. 2 (38). - S. 137-144.

[10] Kiselnikova A. S., Medyankina A. V. Legal mechanisms for stimulating the development of land plots from the composition of the lands of settlements: implementation problems // Scientific editor. – 2025. - S. 104.

[11] Rakhmatullin R.R., Tuzhilova-Ordanskaya E.M. Genesis of Civil Law Regulation of Land Plots in Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – №. 5-2 (104). - S. 297-301.

[12] Frolov B.D., Chichkin A.V. Legal significance of tenders in the alienation of land plots in the Russian Federation // Legal order and legal values. – 2026. - VOL. 4. – №. 1. - S. 43-49.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-230-237
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ХАЛИЛОВА Элина Омаровна,
СЗИУ РАНХиГС 4 курс 40.03.01 "Юриспруденция" образовательная программа "Юридическая деятельность", e-mail: ekhalilova-19@ranepa.ru

ГУММАТОВ Риад Рамизович,
СЗИУ РАНХиГС 4 курс 40.03.01 "Юриспруденция" образовательная программа "Юридическая деятельность" , Россия, г. Санкт-Петербург, e-mail: rgummatov-22@edu.ranepa.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Статья посвящена влиянию цифровизации на юридическую профессию, где технологическая среда переопределяет не только инструментарий, но и саму логику правоприменения. Анализ фокусируется на переходе к электронным процедурам и алгоритмическим решениям, которые видоизменяют стандарты доказывания и распределение ответственности в профессиональной среде. Российская нормативная база и сложившаяся практика свидетельствуют: цифровая трансформация не отменяет сути права, но ужесточает требования к квалификации юриста, делая его труд менее шаблонным и одновременно более уязвимым перед качеством инфраструктуры и защищенностью данных. Ключевым выводом становится утверждение, что в новых условиях профессионализм измеряется не знанием процедур, а способностью управлять опосредованными цифрой процессами, сохраняя контроль над их прозрачностью и логической целостностью.*

Ключевые слова: *юридическая деятельность, цифровизация, электронное правосудие, юридическая профессия, искусственный интеллект, электронный документооборот, цифровые доказательства, правоприменение.*

KHALILOVA Elina Omarovna,
SZIU RANEPA 4th course 40.03.01 "Jurisprudence" educational program "Legal activities"

GUMMATOV Riad Ramizovich,
SZIU RANEPA 4th course 40.03.01 "Jurisprudence" educational program "Legal activity," Russia, St. Petersburg

LEGAL PRACTICE IN THE ERA OF DIGITALIZATION: CHALLENGES AND FUTURE PROSPECTS

Annotation. *This article is devoted to the influence of digitalization upon the legal profession, wherein the technological environment is redefining not merely the practitioner's instrumental resources, but the foundational logic of legal adjudication. The analysis concentrates on the progressive adoption of electronic procedures and algorithmic frameworks, which are reconstituting evidentiary standards and redistributing professional accountability. An assessment of Russia's normative instruments and prevailing judicial practice indicates that digital transformation, while not abrogating the substantive essence of law, imposes elevated competency thresholds upon legal professionals — rendering their work less mechanical, yet concomitantly more susceptible to infrastructure deficiencies and data security risks. The overarching conclusion posits that professional competence in this new paradigm is no longer contingent upon procedural erudition, but upon the capacity to orchestrate digitally mediated legal processes while preserving their transparency and logical consistency.*

Key words: *legal activity, digitalization, e-justice, legal profession, artificial intelligence, electronic document management, digital evidence, law enforcement.*

Введение. Цифровизация давно перестала быть внешним фоном для права и постепенно превратилась в среду, внутри которой осуществляется значительная часть юридической деятельности. Если ещё недавно технологии воспринимались преимущественно как вспомогательный инструмент для ускорения документооборота и хранения информации, то сегодня они заметно влияют на структуру юридической работы, характер взаимодействия между участниками процесса и способы фиксации, передачи и оценки значимых сведений. Меняется не только техническая оболочка профессии, но и логика принятия решений, режим доступа к правосудию, стандарт должной осмотрительности юриста и сама конфигурация профессионального риска.

Юридическая деятельность особенно чувствительна к цифровым изменениям, поскольку строится на точности форм, устойчивости процедур и доверии к подтверждению юридических фактов. Любая технологическая инновация в этой сфере неизбежно затрагивает не только организационные вопросы, но и фундаментальные принципы права: законность, состязательность, равенство сторон, доступность правосудия, конфиденциальность и гарантии надлежащей процедуры. Поэтому цифровизация не может оцениваться лишь как процесс повышения эффективности — она одновременно создаёт новые возможности и формирует уязвимости, требующие более тонкой правовой оценки. [7]

В российской практике этот процесс имеет особую специфику. Цифровые инструменты уже широко применяются в судебной деятельности, при подаче документов, организации удалённого участия в заседаниях, во внутреннем документообороте органов власти и в юридическом сопровождении бизнеса. Однако внедрение технологий происходит неравномерно, а качество правового и организационного сопровождения цифровой трансформации нередко отстаёт от скорости технологической модернизации. В итоге перед юридическим сообществом стоит не задача освоения новых сервисов, а более сложный вопрос: как сохранить правовую определённость и профессиональную ответственность в среде, где решения и действия всё чаще опосредованы платформами, алгоритмами и цифровыми интерфейсами.

Цель статьи — раскрыть особенности юридической деятельности в условиях цифровизации, выявить основные вызовы для юриста и правоприменителя, а также определить ключевые направления дальнейшего развития. Анализ строится не на противопоставлении традиционного и цифрового права, а на понимании того, что юридическая профессия вступила в этап глубокой технологической перестройки: классические правовые функции сохраняются, но реализуются иными способами.

Материалы и методы. Исследование опирается на сочетание общенаучных приёмов и специальных юридических подходов. Анализ и синтез позволили выделить основные векторы цифровой трансформации профессиональной деятельности юриста и проследить, как изменение технической среды перестраивает правовые процедуры. Формально юридический метод применён к нормативным актам, регулирующим электронное взаимодействие, внедрение информационных технологий в судопроизводство и правовые рамки использования искусственного интеллекта в России. Системно структурный взгляд, напротив, потребовал рассматривать юридическую работу не как набор отдельных действий, а как целостный комплекс, где цифровизация одновременно затрагивает документооборот, доказывание, судебную коммуникацию, доступ к информации и принятие решений. Сравнительный анализ традиционных форм и их цифровых аналогов — в первую очередь в сфере представительства, оценки доказательств и подготовки процессуальных бумаг — позволил уловить, что технологии меняют не темп и внешний облик деятельности, а внутренний профессиональный стандарт. [4,9]

Эмпирическую основу составили актуальные публикации о цифровом правосудии, электронном документообороте и эволюции юридической профессии в России, а также сведения о развитии нормативной базы и реальной практике применения соответствующих инструментов. Обращение к этой базе продиктовано характером самого предмета: цифровизация в праве — процесс живой и подвижный, его нельзя постичь через одни лишь абстрактные нормы, не учитывая, как технологии фактически работают в правоприменительной деятельности.

Литературный обзор. В научной литературе цифровизация юридической деятельности осмысляется как многослойное явление, где технологические сдвиги вторгаются не только во внешнюю организацию работы, но и в глубинные свойства правоприменения. Авторы сходятся на том, что переход к электронным формам давно вышел за рамки простой замены бумаги на файл: он перестраивает процессуальную динамику, открывает иные каналы доступа к суду, меняет статус доказательств и заставляет пересмотреть содержание профессионального долга юриста. [5]

Центральное место в дискуссиях занимает электронное правосудие. Исследователи отмечают его несомненные плюсы — повышение доступности, сокращение сроков, оптимизацию документооборота и рост прозрачности. Но одновременно они указывают на новые проблемы: как сохранить непосредственность и устность разбирательства, обеспечить равноправие сторон и защитить информацию, когда взаимодействие с судом происходит через удалённые или частично автоматизированные интерфейсы. Эти вопросы остаются открытыми.

Не менее активно обсуждается трансформация самой профессии. Ключевой тезис здесь состоит в смещении профиля: юрист перестаёт быть исполнителем рутинных бумажных операций и превращается в специалиста, обязаннного разбираться в цифровых платформах, оценивать технологические риски, проверять достоверность электронных данных и удерживать юридический контроль над процессами, которые исполняются алгоритмами. Это принципиальный момент: цифровизация не устраняет юриста автоматически, но обесценивает те модели поведения, которые были рассчитаны на неторопливую, бумажную и институционально замкнутую среду.

Наконец, всё отчётливее звучит тема искусственного интеллекта. Алгоритмические системы уже применяются или рассматриваются как перспективные для аналитики, сортировки материалов, подготовки проектов документов, прогнозирования судебных решений и автоматизации типовых действий. Однако основная полемика разворачивается не вокруг самой допустимости ИИ, а вокруг границ делегирования интеллектуальных операций машине, проблемы объяснимости автоматизированных выводов и главного вопроса — кто берёт на себя ответственность за ошибки в цифровой среде. [12]

Понятие юридической деятельности в цифровой среде. Цифровизация юридической профессии не исчерпывается применением компьютеров, баз данных или систем электронного обмена документами. Речь идёт о перестройке самой профессиональной среды, где значительная часть юридически значимых действий совершается, фиксируется, передаётся и оценивается в цифровом формате. Это меняет структуру работы: юрист обращается теперь не только к норме и фактическим обстоятельствам, но и к технологической платформе, опосредующей их процедурное выражение.

Цифровая среда переопределяет временной ритм профессии. В традиционной модели допускался относительно медленный оборот бумаг, поэтапная проверка фактов и чёткая граница между подготовкой позиции и её процессуальным предъявлением. Цифровые инструменты сжимают эти интервалы, сокращают разрыв между созданием документа и его юридическим действием, порой требуя реакции почти в реальном времени. Отсюда двойной эффект: повышается требование к точности, но одновременно растёт цена ошибки, поскольку среда мгновенно фиксирует и тиражирует результат.

К этому добавляется новое измерение доказательственной сложности. Юристу уже недостаточно понимать правовую природу документа или действия — необходимо учитывать формат хранения, способ аутентификации, уязвимость к техническим изменениям, надёжность каналов связи и соблюдение требований к электронному взаимодействию. Современная практика всё чаще разворачивается на пересечении правового анализа и цифровой верификации, что существенно отличает нынешний этап от прежних моделей.

Электронное правосудие как новая среда работы. Наиболее рельефно цифровизация проявилась в развитии электронного правосудия. Его суть — не в переносе отдельных действий в интернет, а в переустройстве архитектуры общения между судом, сторонами и их представителями. Электронные кабинеты, удалённое участие, автоматизированное движение материалов формируют процессуальную среду, где работа юриста становится более технологически опосредованной, но и более операциональной.

Для практика это означает смену самой техники представительства. В бумажном мире контроль держался на физическом перемещении документов, личном присутствии и наглядной процедуре взаимодействия. В цифровом — центр тяжести смещается к отслеживанию статусов, соблюдению форматов, своевременному доступу к сервисам и умению ориентироваться в судебном интерфейсе. Ошибка здесь чаще процедурно техническая, а не содержательная, однако её последствия для доверителя вполне материальны. [9,14]

При этом электронное правосудие реально расширяет доступ к защите — особенно при дистанционной подаче или участии. Но этот доступ остаётся условным: он упирается в техническое оснащение, цифровую грамотность, стабильность платформ и готовность судьи работать в обновлённой логике. Поэтому эффективность цифровизации суда нельзя мерить одной скоростью. Подлинный критерий — способность сохранить процессуальные гарантии, не сделав правосудие привилегией технологически продвинутых участников.

Таблица 1.

Основные вызовы цифровизации юридической деятельности

Направление изменения	Содержание вызова	Нормативная опора	Практическое значение
Электронный документооборот	Переход от бумажных документов к электронным формам требует соблюдения требований к формату, подписанию и подтверждению отправки	ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»; АПК РФ, ст. 41, 153.1; ГПК РФ, ст. 155.1	Юрист должен обеспечивать юридическую силу электронного документа и корректность его подачи
Электронное правосудие	Участие в заседании через видеоконференцсвязь и удаленные сервисы меняет порядок взаимодействия суда и сторон	АПК РФ, ст. 153.1; ГПК РФ, ст. 155.1; КАС РФ, ст. 142.1	Повышается доступность правосудия, но растут требования к технической готовности и процессуальной дисциплине
Цифровые доказательства	Электронные данные требуют проверки подлинности, целостности и способа получения	АПК РФ, ст. 64, 75; ГПК РФ, ст. 55, 71; ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	Юрист должен уметь оценивать не только содержание, но и цифровое происхождение доказательств
Электронная подпись	Правовая значимость документа зависит от вида электронной подписи и правил ее применения	ФЗ № 63-ФЗ, ст. 5, 6, 9	Ошибка в подписи может лишить документ юридической силы
Защита данных и конфиденциальность	Увеличение электронного обмена информацией повышает риск утечек и несанкционированного доступа	ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных»; ФЗ № 149-ФЗ	Информационная безопасность становится частью профессиональной добросовестности юриста
Использование ИИ	Алгоритмы помогают анализу и подготовке документов, но не могут заменить юридическую оценку и ответственность	ФЗ № 123-ФЗ? *если не хотите спорный акт, лучше оставить как аналитический блок без ссылки на конкретный закон	Возникают вопросы объяснимости, ошибок и распределения ответственности

*Составлено автором на основе Конституции РФ, АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, Федеральных законов от 06.04.2011 № 63-ФЗ, от 27.07.2006 № 149-ФЗ и от 27.07.2006 № 152-ФЗ. [1-5]

Техника работы с документом, доказательствами и алгоритмами. Переход к электронному документообороту изменил не форму юридической бумаги, а весь жизненный цикл документа: от подготовки и подписания до направления, хранения и последующего использования. Для юриста профессиональная аккуратность теперь измеряется не только качеством правовой аргументации, но и умением обеспечить техническую корректность обращения с файлом — его формат, способ удостоверения, подтверждение отправки и возможность верификации становятся частью юридической работы, а не исключительной заботой ИТ службы. Само восприятие документа как носителя воли сместилось: бумага ассоциировалась с устойчивой материальной формой, тогда как цифровой носитель требует доверия к системе удостоверения, электронному следу и процедуре проверки. Правовая сила такого документа опирается не на физическую оболочку, а на соблюдение правил создания и обращения в информационной среде, что переопределяет внутреннюю организацию труда: рутинные операции сокращаются, доступ к материалам ускоряется, но бессистемность и небрежность проявляются быстрее и влекут более серьёзные последствия, чем в бумажном мире.

Не менее остро стоит вопрос об искусственном интеллекте. Российское правовое поле уже содержит нормативные подходы к его определению и экспериментальным режимам внедрения, что знаменует переход от теоретических споров к институциональному оформлению. ИИ рассматривается как средство аналитической поддержки, автоматизации типовых операций и подготовки предварительных выводов, однако юридическая деятельность не поддаётся полной автоматизации без потери сущности. Право оперирует

контекстом, мотивами, балансом принципов и исключениями, которые редко укладываются в формальный шаблон. Алгоритм ускоряет сортировку, поиск практики или структурирование документа, но не несёт профессиональной ответственности и не учитывает ценностного измерения решения. Поэтому главный вопрос не в замене юриста машиной, а в выстраивании модели, где технология усиливает работу, не подменяя правовую оценку машинной имитацией. Перспективен подход, при котором финальная квалификация, интерпретация и ответственность остаются за человеком — это наиболее совместимо с природой юридического труда, основанной на доверии и объяснимости. [8]

Цифровизация радикально трансформировала и доказательственную сферу. Электронные документы, переписка, метаданные, записи цифровых действий приобретают всё больший вес, но одновременно усложняют проверку фактов: вопрос о достоверности теперь зависит от технического контекста возникновения и сохранности данных. Юристу уже недостаточно констатировать существование документа — необходимо понимать, как он создан, кем подписан, в какой системе сформирован, можно ли установить факт его изменения и насколько надёжна процедура получения. Доказывание становится более сложным, хотя внешне кажется удобным и быстрым. Суд, в свою очередь, вынужден оценивать не только содержание, но и цифровую среду происхождения доказательства, что требует дополнительных компетенций и иной процессуальной чувствительности. В этой ситуации роль юриста как посредника возрастает: он должен не просто представить сведения, а сделать их юридически убедительными, когда границы между фактом, файлом и технологическим следом уже не так очевидны, как в бумажной эпохе.

Безопасность, доверие и регуляторные разрывы. Работа с чувствительной информацией всегда была ядром юридической профессии, но цифровизация многократно увеличила масштаб и скорость обращения таких данных. Электронное хранение, удалённый доступ, облачные сервисы и платформенные коммуникации делают информационную безопасность базовой составляющей профессиональной добросовестности, а не дополнительной опцией. Нарушение конфиденциальности в цифровой среде способно причинить ущерб быстрее и в большем объёме, чем при традиционном документообороте. От юриста требуется не только соблюдение этических и процессуальных норм, но и понимание того, как организована защита данных в используемых системах, каковы риски удалённого обмена и насколько надёжны каналы передачи значимых сведений. Безопасность перестаёт быть техническим вопросом и становится частью правовой культуры.

Доверие к цифровой среде, однако, держится на прозрачности процедур. Если участник процесса не понимает, как работает электронная система, на каком основании отклонён документ или почему алгоритм выдал тот или иной результат, правовая определённость ослабевает. Технологии требуют не только внедрения, но и объяснимости для тех, чьи права и обязанности они затрагивают. Именно здесь обнаруживается главный регуляторный разрыв: нормативная система развивается медленнее технологий и чаще реагирует на уже сложившуюся практику, чем задаёт её заранее. Юрист и правоприменитель вынуждены действовать в пространстве частичных решений и постоянно уточняемых процедур.

Особую сложность создаёт межотраслевой характер цифровых инструментов. Один процесс одновременно затрагивает процессуальное право, защиту персональных данных, идентификацию, доказательственное значение электронных действий, допустимость автоматизированной аналитики и распределение ответственности между человеком и системой. Такая многослойность требует внутренней согласованности регулирования. Принцип технологической нейтральности права не должен пониматься упрощённо: закон не обязан зависеть от конкретной платформы, но обязан фиксировать гарантии, без которых цифровая трансформация угрожает справедливости и предсказуемости. Задача регулятора — создать общие рамки, позволяющие использовать цифровые инструменты без разрушения базовых юридических принципов.

Профессиональный профиль в новой реальности. Самые глубокие последствия цифровизации касаются профиля юриста. Современный специалист уже не может ограничиваться знанием норм, практики и навыками письменной аргументации в традиционном смысле. Он обязан ориентироваться в платформах, понимать логику электронного оборота, работать с цифровыми доказательствами и сохранять контроль над юридическим качеством результата в среде, где часть действий автоматизирована или технологически опосредована. Речь не о превращении в программиста, а о формировании новой профессиональной грамотности, где правовое мышление дополняется пониманием технических ограничений и рисков. Юристу нужно уметь задавать системе правильные вопросы: какие данные она использует, какие ошибки допускает, насколько прозрачны выводы, кто отвечает за функционирование и можно ли оспорить полученный результат. [11]

Структура юридической карьеры тоже меняется. Наименее устойчивыми оказываются сег-

менты, где работа строилась на механическом воспроизводстве типовых документов и рутинной сортировке. Напротив, возрастает ценность специалистов, соединяющих правовую квалификацию с аналитическим мышлением, стратегическим видением спора, управлением рисками и навыком работы на стыке права, технологии и организации. Цифровизация не обесценивает профессию, а выводит её на более высокий уровень содержательной сложности. Технологии ускоряют и облегчают рутину, но именно это высвобождает время для задач, которые машина не решит: оценки контекста, поиска нестандартных интерпретаций и принятия ответственности за решение в условиях неполной определённости.

Перспективы, риски и условия устойчивого развития. Дальнейшее движение юридической профессии в цифровую среду не означает отмены классических правовых институтов, но требует их содержательного переоснащения. Электронные сервисы, интеллектуальный поиск и аналитические платформы будут наращивать присутствие в практике, однако устойчивость этого процесса определится не скоростью внедрения, а способностью права встроить технологию в систему процессуальных и профессиональных гарантий. Наиболее реалистичный сценарий — смешанная модель, где рутинные, сортировочные и технически повторяющиеся операции отдаются алгоритмам, а интерпретация, стратегическое решение и ответственность остаются за человеком. Это не просто повышает эффективность, но перераспределяет профессиональное время в пользу задач, требующих сложного мышления, этической чувствительности и работы с неопределённостью.

Однако эффективность не должна становиться самоцелью. Чрезмерное увлечение скоростью и автоматизацией порождает опасную иллюзию, будто право должно стремиться к ускорению любой ценой. Для юридической деятельности это неверно: быстрота не гарантирует справедливости, а автоматизация не равнозначна обоснованности. Напротив, цифровая среда подчас требует более пристальной процедурной внимательности, чем традиционная, поскольку последствия технического сбоя, непрозрачного алгоритма или незафиксированного действия могут оказаться трудноисправимыми. Технология перестаёт быть нейтральным фоном в тот момент, когда судебное действие совершается через интерфейс, доказательство существует в форме данных, а документ обретает силу через электронную подпись. Она становится частью юридической реальности и потому сама нуждается в правовой оценке.

Главный смысл цифровой трансформации — не в замене человека машиной и не в переводе бумажных процедур в экран как самоцели, а в создании среды, где технология усиливает право, а не растворяет его в интерфейсах и автоматике. Если этот баланс соблюдён, цифровизация делает деятельность более доступной, точной и устойчивой. Если нет — она превращается в источник новой непрозрачности, скрытой за внешним удобством решений. Достижение равновесия упирается в несколько условий: сохранение процессуальных гарантий при удалённом взаимодействии, обеспечение конфиденциальности и безопасности данных, преодоление инфраструктурного неравенства между участниками, а также чёткое определение пределов автоматизации там, где ответственность и обоснованность не могут быть делегированы алгоритму.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что цифровизация юридической деятельности — не поверхностная модернизация инструментов, а глубинная перестройка профессиональной среды, где право всё чаще реализуется через электронные каналы, алгоритмическую поддержку и цифровые формы фиксации фактов. Эта трансформация не отменяет центральной роли человеческой оценки, но переопределяет условия, в которых она осуществляется: юрист теперь работает на стыке правового анализа и технологической верификации, а его профессионализм измеряется не только знанием норм, но и способностью контролировать процессы, опосредованные интерфейсами и алгоритмами.

Главная сложность современного этапа заключается в том, чтобы использовать новые возможности без утраты нормативных оснований права. Сохранение процессуальных гарантий, обеспечение конфиденциальности и безопасности данных, преодоление инфраструктурного неравенства и определение разумных пределов автоматизации — эти задачи не решаются разовым внедрением сервисов. Они требуют системной работы над правовыми рамками, судебной практикой и профессиональными стандартами. Технология перестаёт быть нейтральным инструментом в тот момент, когда она начинает влиять на содержание юридических решений, а значит, сама становится предметом правовой рефлексии.

Устойчивое развитие возможно только при формировании зрелой модели, где технологические решения подчинены правовым принципам, а не наоборот. Для этого необходимо не столько ускоренное обновление инфраструктуры, сколько согласованное движение по трём направлениям: совершенствование нормативного регулирования, повышение качества цифрового правосудия и перестройка юридического образования с акцентом на критическую работу в электронной

среде. Без этих условий цифровизация останется набором разрозненных нововведений, которые облегчают рутину, но не укрепляют правовую определённость.

Итоговый вывод таков: цифровая среда не упраздняет право, а предъявляет к нему более высокие требования — к точности, объяснимости, ответственности и способности сохранять человеческое измерение там, где алгоритм предлагает лишь техническое решение. Именно в этой точке пересечения технологической эффективности и правовой сущности лежит подлинный вектор эволюции юридической профессии в ближайшие десятилетия.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). – М. : Официальный текст, 2020.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

[4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.

[5] Федеральный закон «О персональных данных» : от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ.

[6] Арсентьева Н. А., Волкова М. А., Кочанжи И. Д. Тенденции систематизации российского законодательства в условиях цифровизации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – №. 2 (45). – С. 6-10.

[7] БАТЫРБАЕВ Б. С. Развитие юридической профессии в цифровую эпоху: опыт и перспективы республики казахстан и кыргызской республики // Научный журнал" Вестник Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова". – 2026. – Т. 83. – №. 1. – С. 426-433.

[8] Босык О. И. Трансформация высшего юридического образования в условиях цифровой экономики и внедрения искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – №. 11 (180). – С. 169-183.

[9] Дудченко А. В., Голотова М. А., Томбулова Е. Г. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации бизнеса // Закон и право. – 2025. – №. 2. – С. 156-160.

[10] Горбатенко Е. М., Шаповалов А. В. Трансформация правовой культуры в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Epomen. Global. – 2026. – №. 72. – С. 29-37.

[11] Кожевников А. К. Цифровой кодекс Российской Федерации: правовые вызовы и перспективы // StudArctic Forum. – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет», 2025. – Т. 10. – №. 4. – С. 110-122.

[12] Нырков В. В. Проблемы и перспективы системной организации понятийного аппарата юридических наук в контексте цифровизации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – №. 6 (167). – С. 71-78.

[13] Тагиров М. И., Круглов Ф. А. Правовая социализация личности в эпоху цифровизации: вызовы и перспективы // Epomen. Global. – 2026. – №. 70. – С. 256-263.

[14] Шагалиев Д. Р. Правовые вызовы и перспективы использования искусственного интеллекта в адвокатской деятельности // Юридическая наука. – 2025. – №. 11. – С. 299-302.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ). - M.: Official text, 2020.

[2] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: No. 95-FZ dated July 24, 2002.

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation: dated November 14, 2002 No. 138-FZ.

[4] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: dated March 8, 2015 No. 21-FZ.

[5] Federal Law "On Personal Data": dated July 27, 2006 No. 152-FZ.

[6] Arsentieva N. A., Volkova M. A., Kochanzhi I. D. Trends in the systematization of Russian legislation in the context of digitalization // Law and order: history, theory, practice. – 2025. – №. 2 (45). - S. 6-10.

[7] BATYRBAEV B. S. Development of the legal profession in the digital era: experience and prospects of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic // Scientific journal" Bulletin of the Aktobe Regional University named after K. Zhubanov." – 2026. - T. 83. – №. 1. - S. 426-433.

[8] Bosyk O. I. Transformation of higher legal education in the digital economy and the introduction of artificial intelligence // Actual problems of Russian law. – 2025. - T. 20. – №. 11 (180). - S. 169-183.

[9] Dudchenko A. V., Golotova M. A., Tombulova E. G. Problems and prospects of legal regulation of digital business transformation // Law and Law. –

2025. – №. 2. - S. 156-160.

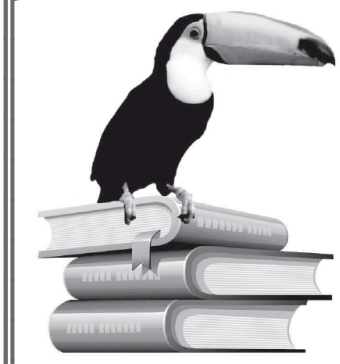
[10] Gorbatenko E. M., Shapovalov A. V. Transformation of legal culture in the context of digitalization: problems and prospects // Epomen. Global. – 2026. – №. 72. - S. 29-37.

[11] Kozhevnikov A.K. Digital Code of the Russian Federation: Legal Challenges and Prospects // StudArctic Forum. - Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Petrozavodsk State University," 2025. - T. 10. – №. 4. - S. 110-122.

[12] V.V. Nyrkov. Problems and prospects of the systemic organization of the conceptual apparatus of legal sciences in the context of digitalization of law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2025. – №. 6 (167). - S. 71-78.

[13] Tagirov M.I., Kruglov F.A. Legal socialization of the individual in the era of digitalization: challenges and prospects // Epomen. Global. – 2026. – №. 70. - S. 256-263.

[14] D. R. Shagaliev Legal Challenges and Prospects for the Use of Artificial Intelligence in Advocacy // Legal Science. – 2025. – №. 11. - S. 299-302.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-238-243

ОСИАШВИЛИ Лука,
аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права ФБГОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
e-mail: osiashvili123@gmail.com

ПРИЗНАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВА

Аннотация. *В статье анализируется признание права собственности на объект долевого строительства в качестве основного вещно-правового способа защиты прав участников строительства. Рассматриваются материально-правовые и процессуальные предпосылки удовлетворения таких исков. Исследуется соотношение данного способа с иными средствами защиты (расторжение договора, взыскание неустойки, обращение взыскания на предмет залога). Выявляются современные тенденции судебной практики и законодательные изменения, направленные на усиление защиты прав добросовестных участников долевого строительства.*

Цель: Работа посвящена признанию права собственности на объект долевого строительства – основному вещно-правовому способу защиты прав участников строительства. Отдельная задача - определить, как это средство защиты соотносится с иными способами.

Методы: В основу положены формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Материалом послужила судебная практика Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции; доктринальные источники обобщены отдельно.

Результаты: Установлены материально-правовые и процессуальные предпосылки, при которых иск о признании права подлежит удовлетворению. Показано, как этот способ защиты соотносится с расторжением договора, взысканием неустойки и обращением взыскания на предмет залога. На конкретных судебных делах прослежено применение соответствующих норм – в том числе с учётом законодательных изменений 2024–2025 гг.

Выводы: Признание права собственности остаётся наиболее востребованным и действенным инструментом защиты добросовестных участников долевого строительства. Предлагается упростить эту процедуру, переведя её в административный порядок – при условии, что строительство завершено, а объект полностью оплачен.

Ключевые слова: *признание права собственности; объект долевого строительства; участник долевого строительства; способ защиты права; судебная практика; Верховный Суд РФ; застройщик; долевое строительство; защита прав граждан.*

OSIASHVILI Luka,
Postgraduate Student of the Department of Business and Corporate Law "Russian State University of Justice"

RECOGNITION OF OWNERSHIP OF A SHARED CONSTRUCTION OBJECT AS THE PRIMARY METHOD OF PROTECTION OF RIGHTS

Annotation. *The article analyzes the recognition of ownership of an object of shared construction as the main material and legal way to protect the rights of construction participants. The substantive and procedural prerequisites for satisfying such claims are considered. The relationship of this method with other means of protection is investigated (termination of the contract, recovery of a penalty, foreclosure on the subject of collateral). Modern trends in judicial practice and legislative changes aimed at strengthening the protection of the rights of bona fide participants in shared construction are revealed.*

Purpose: The work is devoted to the recognition of ownership of the shared construction object - the main material and legal method of protecting the rights of construction participants. A separate task is to determine how this means of protection relates to other ways.

Methods: Based on formal legal and comparative legal methods. The material was the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and courts of general jurisdiction; doctrinal sources are summarized separately.

Results: The material and procedural prerequisites have been established in which the claim for recognition of the right is subject to satisfaction. It is shown how this method of protection relates to termination of the contract, recovery of a penalty and foreclosure on the subject of collateral. On specific court cases, the application of the relevant norms was traced - including taking into account the legislative changes of 2024-2025.

Conclusions: Recognition of property rights remains the most popular and effective tool for protecting bona fide participants in shared construction. It is proposed to simplify this procedure by transferring it to administrative order - provided that the construction is completed and the object is fully paid.

Key words: *recognition of property rights; shared construction facility; participant in shared construction; a way to protect a right; judicial practice; Supreme Court of the Russian Federation; developer; shared construction; protection of citizens' rights.*

Введение

Защита прав граждан – участников долевого строительства является одним из приоритетных направлений современной российской правовой политики. В условиях нестабильности на рынке жилищного строительства, а также в связи с завершением переходного периода, связанного с реформой механизмов финансирования (переход на эскроу-счета), проблема выбора эффективного способа защиты остаётся крайне актуальной. Среди многообразия средств, предусмотренных Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) и общими положениями Гражданского кодекса РФ, признание права собственности на объект долевого строительства занимает особое место, выступая не просто способом защиты нарушенного права, но и конечной целью большинства участников строительства [1, с. 112].

Литературный обзор

В цивилистической доктрине признание права традиционно рассматривается как вещно-правовой способ защиты, цель которого – снять неопределённость относительно правового положения имущества [9, с. 456].

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский относят признание права к группе способов защиты, применение которых подтверждает принадлежность оспариваемого права, – наряду с присуждением к исполнению обязанности в натуре [2]. Показательно, что сами авторы связывают востребованность этого способа именно с вещными правами: право собственности как абсолютное право предполагает наделение собственника «дополнительно к имеющимся способам защиты» также вещно-правовыми средствами – виндикационным и негаторным исками [2]. Требование о признании права, по их наблюдению, нередко предшествует иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения, выполняя функцию предварительного подтверждения права перед обращением к иным средствам защиты [2].

Традиционной альтернативой признанию права выступает требование о расторжении договора и возврате уплаченных денежных средств. Однако, как отмечает С.А. Краснова, расторжение договора и возврат денежных средств в условиях роста цен на недвижимость зачастую не позволяют участнику приобрести равноценное жильё, что снижает эффективность этого способа как средства реального восстановления права [3, с. 330].

Е.Е. Мелюханова обращает внимание на то, что в процедуре банкротства застройщика признание права собственности приобретает характер публично-правовой гарантии восстановления жилищных прав граждан, что открывает возможность удовлетворять такие требования даже при наличии формальных изъянов в оформлении передачи объекта [4, с. 188].

Отдельного внимания заслуживает позиция коллектива авторов под редакцией Ю.А. Тихомирова: унификация вещно-правовых способов защиты в сфере долевого строительства постепенно формирует единую правоприменительную политику, при которой конкуренция судебных актов сходит на нет, а предсказуемость защиты растёт [10, с. 412].

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили акты высших судебных инстанций (определения Судебной коллегии по гражданским делам и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ), Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013 [5], а также решения судов общей юрисдикции по конкретным делам о признании

права собственности на объект долевого строительства и о взыскании расходов на устранение недостатков [7; 8]. Нормативную основу составили Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ, Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». В работе использованы формально-юридический метод (анализ содержания правовых норм и правовых позиций высших судов), сравнительно-правовой метод (сопоставление признания права с иными способами защиты) и метод анализа судебной практики (изучение конкретных судебных решений).

Результаты

Применительно к долевому строительству механизм признания права приобретает особое значение: участник получает возможность оформить титул собственника на конкретное помещение – жилое или нежилое – в уже возведённом либо ещё строящемся объекте, причём без предварительной регистрации права за застройщиком. Актуально это прежде всего тогда, когда застройщик уклоняется от исполнения обязательств или оказывается вовлечён в процедуру банкротства: именно в подобных ситуациях судебное признание права нередко становится единственным практически работающим инструментом защиты.

Указанный подход последовательно реализуется в практике судов общей юрисдикции: так, Стерлитамакский городской суд Республики Башкортостан решением от 29.01.2020 по делу № 2-114/2020 признал за участником долевого строительства право на долю в общей долевой собственности на не завершённый строительством объект, несмотря на отсутствие разрешения на ввод дома в эксплуатацию, – суд исходил из полной оплаты цены договора и уклонения застройщика от исполнения обязательств, притом что специального указания на такой способ защиты Закон № 214-ФЗ не содержит [9].

Верховный Суд РФ в ряде решений сформулировал позицию, согласно которой признание права собственности на объект долевого строительства возможно при одновременном выполнении нескольких условий. Речь идёт о заключённом ДДУ, полной либо частичной оплате объекта со стороны участника, фактическом завершении строительства многоквартирного дома с вводом его в эксплуатацию, а также об уклонении застройщика от передачи объекта и оформления права. Надо сказать, что сама по себе эта совокупность условий давно устоялась в практике, однако применение её в конкретных делах нередко порождало споры.

Основы приведённого подхода были заложены Обзором практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утверждённым Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013 (в ред. от 04.03.2015): судам предписывалось устанавливать факт совершения и действительности сделки, исполнение сторонами взаимных обязательств, факт уклонения застройщика от передачи документов, необходимых для регистрации права, а также степень готовности объекта незавершённого строительства – именно этот перечень лёг в основу последующей практики высших судов [5].

Определённым шагом вперёд стало Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.05.2024 № 5-КГ24-23-К2. В нём суд уточнил принципиально важный момент: отсутствие у застройщика зарегистрированного права на объект незавершённого строительства не может само по себе служить основанием для отказа участнику в иске - при условии, что дом введён в эксплуатацию, а помещение соответствует проектной документации. Иными словами, пробел в регистрации на стороне застройщика не перекладывается на участника, добросовестно исполнившего свои обязательства [13].

Особую роль этот способ защиты играет в делах о банкротстве застройщиков. Параграф 7 главы IX Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» закрепляет специальные правила, ориентированные на приоритетную охрану прав граждан – участников строительства. В рамках конкурсного производства именно признание права собственности позволяет вывести объект из конкурсной массы, и на практике это нередко единственный реально работающий инструмент.

В 2026 году продолжает действовать и совершенствоваться механизм защиты прав через Фонд развития территорий (ранее – Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства) [14]. В соответствии с Федеральным законом от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» участник вправе претендовать на выплату возмещения или на передачу прав на объект незавершенного строительства. Данный публично-правовой механизм, хотя и не является судебным способом защиты в классическом понимании, фактически выполняет компенсаторную функцию и часто рассматривается судами как альтернативный путь, влияющий на выбор надлежащего способа защиты в процессе.

В арсенале правовых инструментов защиты можно встретить и такие механизмы, как

признание права залогодержателя (или участника) на объект незавершённого строительства – это регулируется ст. 13 Закона № 214-ФЗ – а также обращение взыскания на предмет залога и признание договора незаключённым либо недействительным с применением соответствующих последствий. Практика, однако, показывает: перечисленные способы либо носят производный характер, либо вовсе не нацелены на приобретение права собственности – речь идёт скорее о компенсации имущественных потерь, нежели о восстановлении титула. Показательным примером сложностей при обращении к производным способам защиты служит Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.01.2022 № 77-КГ21-5-К1: отменяя акты нижестоящих судов, ВС РФ указал на недопустимость признания договора цессии недействительным по требованию лица, не являющегося его стороной, без установления того, какие права истца были нарушены. Тем самым подчёркнуто, что оспаривание производных прав дольщика не может подменять собой признание права как основной вещно-правовой способ защиты.

Показательна в этом отношении позиция, сформулированная в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.01.2025 № 305-ЭС24-1667 [7]. Там прямо указано, что приоритет в защите прав участника строительства, исполнившего своё денежное обязательство по договору, отдаётся восстановлению возможности получить конкретный объект недвижимости в собственность – и лишь при технической невозможности этого допустима денежная компенсация. Иными словами, имущественное замещение воспринимается судом как вынужденная мера, а не равноценная альтернатива.

Анализ изменений законодательства и судебной практики последних лет позволяет зафиксировать несколько реально работающих направлений, по которым защитные механизмы в строительной сфере совершенствуются.

Введение проектного финансирования с использованием эскроу-счетов заметно снизило финансовые риски для участников долевого строительства – это, безусловно, самый ощутимый результат реформ. Однако устранение одной проблемы не снимает другую: признание права собственности остаётся сложным узлом именно на этапе передачи объекта после ввода в эксплуатацию. Механизм не отлажен до конца, и судебная практика это регулярно подтверждает.

Параллельно нарастает влияние цифровизации, охватывающей две самостоятельные сферы – судопроизводство и регистрационные процедуры. Единая цифровая платформа, внедряемая сейчас в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, объективно сокращает сроки разбирательств по искам о признании прав. Особенно ярко этот эффект виден в делах о банкротстве: задержка с включением требований в реестр кредиторов нередко делает их удовлетворение невозможным.

Ещё один значимый сдвиг – ужесточение ответственности застройщиков за просрочку передачи объектов. Федеральным законом от 7 июля 2025 года № 209-ФЗ в статью 14.28 КоАП РФ («Нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве…») внесены поправки, вступившие в силу 18 июля 2025 года. Ранее за срыв сроков передачи объекта либо за незаконное привлечение средств дольщиков до ввода дома в эксплуатацию должностные лица облагались штрафом в размере от 20 до 50 тысяч рублей, юридические – от 500 тысяч до 1 миллиона рублей. После нововведений эти суммы выросли: для должностных лиц – до 30–60 тысяч, для организаций – до 700 тысяч – 1,5 миллиона рублей. Повышение планки административных санкций, пусть и косвенно, подталкивает девелоперов к своевременному оформлению прав участников.

Новеллы уже находят применение на практике. Так, Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга в решении от 19.06.2025 по делу № 2-2295/2025 применил ограничение, введённое ч. 4 ст. 10 Закона № 214-ФЗ, – совокупный размер имущественных санкций не может превышать трёх процентов от цены договора. В итоге сумма компенсации расходов на устранение недостатков, взысканная в пользу дольщика, была снижена с 559 035,89 руб. до 276 249,99 руб. Этот случай наглядно показывает: законодательные изменения 2024–2025 гг. напрямую влияют на объём судебной защиты участников строительства, а значит, требуют обязательного учёта при выборе способа защиты права [8].

Также продолжается работа над механизмами достройки проблемных объектов – с участием Фонда развития территорий и региональных фондов. Примечательно, что к 2026 году приоритет сместился: вместо выплаты денежных компенсаций акцент делается на физическом завершении строительства. Это, в свою очередь, расширяет круг случаев, когда иск о признании права собственности становится реально применимым инструментом защиты [15].

Обсуждение

Доктринальные работы последних лет фиксируют заметное сближение позиций судов общей юрисдикции и арбитражных судов в спорах о признании права собственности. Надо сказать, это не само собой разумеющийся процесс – за ним стоит многолетняя практика преодоления коллизий между актами разных ветвей судебной

системы. Под редакцией Ю.А. Тихомирова вышла коллективная монография, авторы которой указывают: унификация вещно-правовых способов защиты в сфере долевого строительства постепенно формирует единую правоприменительную политику, при которой конкуренция судебных актов сходит на нет, а предсказуемость защиты – растёт [10, с. 412]. Правда, добиться такого единообразия на практике удаётся далеко не всегда.

Признание права собственности на объект долевого строительства занимает в системе защиты участников строительства особое место – пожалуй, ни один другой механизм не даёт столь прямого выхода к конечному результату, то есть к получению титула собственника на жильё. Реально работающий инструмент, а не декларация.

Заключение

Законодательство в отношении застройщиков продолжает корректироваться, компенсационные инструменты развиваются, но рассматриваемая конструкция защиты по-прежнему сохраняет высокую востребованность. Судебная практика, надо признать, планомерно расширяет круг обстоятельств, допускающих обращение к этому способу, – и такая линия проводится вполне осознанно, с акцентом на реальное, а не бумажное восстановление жилищных интересов граждан. Впрочем, единообразия в подходах пока не достигнуто.

Если говорить о перспективах института, здесь прослеживается отчётливый тренд. При условии, что строительство завершено и оплата произведена в полном объёме, процедуру признания права следовало бы перевести в административное русло – к примеру, через межведомственные комиссии (подобные механизмы в смежных областях уже апробированы). Такое решение позволило бы разгрузить судебную систему и ощутимо ускорить оформление прав для граждан, которым сегодня приходится ждать месяцы там, где сроки могли бы исчисляться неделями.

Проведённый анализ правоприменительных материалов – от решений судов общей юрисдикции по конкретным делам (№ 2-114/2020, № 2-2295/2025) до определений Верховного Суда РФ (№ 77-КГ21-5-К1) – свидетельствует: признание права собственности выступает не декларативной, а реально работающей мерой восстановления жилищных прав. Эффективность этого инструмента при этом находится в прямой зависимости от того, насколько чётко смежные способы защиты урегулированы на законодательном уровне.

Список литературы:

[1] Алексеев С.С. Гражданское право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 640 с.

[2] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Статут, 2001.

[3] Краснова С.А. Защита прав участников долевого строительства: соотношение вещно-правовых и обязательственно-правовых способов // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сборник научных статей / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2022. С. 324–335.

[4] Мелюханова Е.Е. Банкротство застройщиков и защита прав граждан: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 240 с.

[5] Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013, в ред. от 04.03.2015).

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.01.2022 № 77-КГ21-5-К1.

[7] Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.01.2025 № 305-ЭС24-1667.

[8] Решение Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19.06.2025 по делу № 2-2295/2025.

[9] Решение Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 29.01.2020 по делу № 2-114/2020.

[10] Тихомиров Ю.А. (ред.). Законодательная техника и правоприменение в строительной сфере: научно-практическое пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2024. 512 с.

[11] Sally A. Legislative-policy initiatives as a problem-solving process: The case of technology transfer // The Journal of Technology Transfer. 1989. Vol. 14. № 3. Pp. 123–136.

[12] Security and Privacy in Cyber-Physical Systems. Foundations, Principles, and Applications / ed. by H. Song, G. A. Fink, S. Jeschke. New Jersey: Wiley, 2018. 234 p.

[13] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29.07.2017 № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4767.

[15] О внесении изменений в Кодекс Рос-

сийской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 28.12.2025 № 523-ФЗ // Рос. газ. 2025. 30 дек.

References:

[1] Alekseev S.S. Civil law: textbook. 5th ed., Revised and add. M.: Prospect, 2019. 640 p.

[2] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law: General provisions. Ed. 3rd, stereotypical. M.: Statute, 2001.

[3] Krasnova S.A. Protection of the rights of participants in shared construction: the ratio of material and binding legal methods // Seventh Perm Congress of Legal Scholars: a collection of scientific articles/resp. ed. V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. M.: Statute, 2022. S. 324-335.

[4] E.E. Melyukhanova. Bankruptcy of developers and protection of citizens' rights: monograph. M.: Yurlitinform, 2023. 240 s.

[5] Review of the practice of resolving disputes arising from the participation of citizens in the shared construction of apartment buildings and other real estate objects (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 04.12.2013, ed. from 04.03.2015).

[6] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.01.2022 No. 77-KG21-5-K1.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the RF Armed Forces dated 21.01.2025 No. 305-EC24-1667.

[8] Decision of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg of 19.06.2025 in case No. 2-2295/2025.

[9] Decision of the Sterlitamak City Court of the Republic of Bashkortostan dated 29.01.2020 in case No. 2-114/2020.

[10] Yu.A. Tikhomirov (ed.). Legislative technology and law enforcement in the construction sector: scientific and practical manual. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2024. 512 s.

[11] Sally A. Legislative-policy initiatives as a problem-solving process: The case of technology transfer // The Journal of Technology Transfer. 1989. Vol. 14. № 3. Pp. 123–136.

[12] Security and Privacy in Cyber-Physical Systems. Foundations, Principles, and Applications / ed. by H. Song, G. A. Fink, S. Jeschke. New Jersey: Wiley, 2018. 234 p.

[13] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2021): approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 10.11.2021. Access from the legal system "ConsultantPlus.".

[14] On the public law company "Territory Development Fund" and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: feder. law Ros. Federation dated 29.07.2017 No. 218-FZ // Sobr. legislation Ros. Federations. 2017. No. 31 (part I). Art. 4767.

[15] On amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: feder. law Ros. Federation of 28.12.2025 No. 523-FZ // Ros. gas. 2025. Dec. 30.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-244-247
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна,
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права НГПУ им. К. Минина,
e-mail: gnotova@yandex.ru

НИКИТИНА Наталья Алексеевна,
Студент 3 курса НГПУ им. К. Минина,
e-mail: natkamissis.05@gmail.com

ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АЛИМЕНТАХ В ПЕРИОД ДО СЕРЕДИНЫ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Аннотация. *В статье анализируется история возникновения и развития алиментных обязательств с момента появления первых норм до середины 20-х годов XX века. Авторами проводится сравнительный анализ источников, в которых зарождаются правила об алиментах на детей. Подчеркивается, что началом правового регулирования алиментных обязательств являлся 1715 год, в котором был принят Артикул Воинский, впервые закрепляющий конкретное положение относительно обязательств по содержанию несовершеннолетних детей. Внимательно изучив X том Свода законов Российской Империи, авторы пришли к выводу, что именно в нем закреплялись положения относительно брака, семьи и содержания детей. В соответствии с нормами Свода, на членов семьи налагались взаимные обязанности, одними из которых были обязанности родителей по содержанию законных детей. Важно отметить, что Устав благочиния 1782 года также имел похожую норму об обязанности родителей содержать своих детей. Авторы полагают, что важным моментом в развитии института алиментных обязательствах в рамках семейного права считаются 1917-1926 годы. С победой Октябрьской Революции и началом правления большевиков, по идеологическим причинам алиментное законодательство создавалось практически заново. Авторы уверены, что основным сходством между периодом 1917-1926 гг. и ему предшествующим, является наличие признания в обеих системах права необходимости содержания родителями своих детей. В заключение авторы пришли к выводу, что КЗАГС РСФСР 1918 года – это первый документ советского семейного права, в котором были систематизированы и детализированы нормы Декретов 1917 года: «О расторжении брака» и «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и который урегулировал многие вопросы алиментных обязательств.*

Ключевые слова: *алиментные обязательства, внебрачный ребенок, незаконнорожденные дети, законные дети, родители, развод, супруги.*

GNETOVA Lyudmila Valentinovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History, Classical Disciplines and Law of the Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

NIKITINA Natalya Alekseevna,
3rd year student of the Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

GENESIS OF ALIMONY LEGISLATION UNTIL THE MID- 20-Kh OF THE 20TH CENTURY

Annotation. *This article analyzes the history of the emergence and development of alimony obligations from the inception of the first regulations to the mid-1920s. The authors conduct a comparative analysis of the sources where child support regulations originated. They emphasize that the legal regulation of alimony obligations began in 1715, when the Military Article was adopted,*

first establishing a specific provision regarding the obligation to support minor children. Having carefully studied Volume X of the Code of Laws of the Russian Empire, the authors concluded that it was there that provisions regarding marriage, family, and child support were codified. According to the Code's provisions, family members were assigned mutual obligations, one of which was the obligation of parents to support their legitimate children. It is important to note that the 1782 Charter of Decency also contained a similar provision regarding the obligation of parents to support their children. The authors believe that the years 1917-1926 are considered a significant moment in the development of alimony obligations within family law. With the victory of the October Revolution and the beginning of Bolshevik rule, alimony legislation was practically rewritten for ideological reasons. The authors believe that the main similarity between the period of 1917-1926 and the preceding one is the recognition in both systems of the right of parents to support their children. In conclusion, the authors conclude that the 1918 KZAGS RSFSR is the first document of Soviet family law that systematized and detailed the provisions of the 1917 Decrees "On Divorce" and "On Civil Marriage, Children, and the Maintenance of Civil Registry Books," and which regulated many issues related to alimony obligations.

Key words: *alimony obligations, illegitimate child, illegitimate children, legitimate children, parents, divorce, spouses.*

Дореволюционное российское законодательство об алиментных обязательствах прошло долгий путь своего развития, который начался в период Древней Руси. По общепринятому мнению, одним из первых письменных источников, где отражены правовые нормы об алиментах, являлась пространная редакция Русской Правды, окончательный вариант которой датируется концом XIII века. Например, в ст. 95 данного источника содержались сведения о наследовании, согласно которым, дочери не имели право на наследство отца, при условии наличия сыновей. Несмотря на это, дочерям положено было приданое, а обязанность его предоставить лежало на сыновьях. Эта норма права больше относилась к институту наследства, но ее можно интерпретировать как начальный этап зарождения алиментных обязательств в интересах детей [6].

Псковская Судная грамота 1467 года и Соборное Уложение 1649 года, также содержали сведения о развитии института алиментных обязательств, но уже в пользу родителей и защиты их имущества от недостойных наследников. Такая тенденция как закрепление в законах норм, которые в одностороннем порядке оберегали родителей от всевозможных «посягательств» детей, характерна для российского законодательства на протяжении всех периодов истории до правления Петра Великого.

Лишь с начала XIII века ситуация начинает меняться. Отправной точкой являлся 1715 год, в котором был принят Артикул Воинский, впервые закрепляющий конкретное положение относительно алиментных обязательств. Согласно ст. 176, за холостым мужчиной, ставшим отцом внебрачного ребенка, закреплялась юридическая обязанность по содержанию этого ребенка и его матери. Мужчина должен был обеспечивать их «по состоянию его, и платы нечто имеет дать», то есть соразмерно своему финансовому положению. Более того, в случае отказа жениться на матери своего ребенка, мужчине грозило тюремное заключение наказание церковным покаянием [1].

О процессе систематизации отрасли семейного права, можно говорить только в конце XIX столетия, с принятием X тома Свода законов Российской Империи, в 1892 году. Именно этот том были включены межевые и гражданские законы. В рамках последних закреплялись положения относительно брака, семьи и содержания детей.

В соответствии с нормами Свода, на членов семьи налагались взаимные обязанности, одними из которых были обязанности родителей по содержанию законных детей, т.е. рожденных в зарегистрированном браке[8]. Устав благочиния 1782 года также имел схожую норму: «Природная любовь к детям предписывает им (родителям) долг дать детям пропитание, одежду и воспитание… по состоянию»[9]. Формулировки, на наш взгляд, немного различны, но смысл остается тем же, даже спустя столетия.

Что касается внебрачных детей, то на отца были возложены обязанности по их обеспечению в случае необходимости. Данная обязанность со стороны отца прекращалась с наступлением совершеннолетия детей. Мать таких детей также могла рассчитывать на финансовое обеспечение и при этом вкладывалась в содержание своих детей соразмерно имеющимся средствам. Таким образом, часть данного источника легла в основу современного семейного права.

Касаемо периода истории алиментных обязательств XVIII – начала XX века, историк Александр Александрович Васильев утверждал: «Семейное право акцентирует внимание на вопросах обеспечения нуждающихся членов семьи. Капитализацию алиментных выплат не разрешали, поэтому алименты назначались с момента подачи

иска. При этом муж, не обладающий капиталом, не освобождался от своих обязательств по выплате алиментов»[2].

Переломным этапом в развитии института алиментных обязательствах в рамках семейного права считаются 1917-1926 годы. С победой Октябрьской Революции и началом правления большевиков, по идеологическим причинам алиментное законодательство создавалось практически заново[7]. Смена формы правления и политического режима, естественно, повлекла за собой масштабные изменения в большинстве отраслей права, не исключая семейное. Причиной нового взгляда на выплату алиментов стал комплекс политических и социально-экономических преобразований.

По мнению авторов исследования, основным сходством между периодом 1917-1926 гг. и ему предшествующим, являлось наличие признания в обеих системах права необходимости содержания родителями своих детей. Подобные нормы содержались и в X томе Свода законов Российской Империи [8] и в первом документе нового правительства, Декрете ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака»[3].

Кроме того, в обоих документах имелись нормы, позволяющие супругам, в случае развода, договориться, с кем останутся несовершеннолетние дети и в каком размере каждый из родителей их будет обеспечивать[7]. Наконец, ни в одном из указанных источников нет упоминания термина «алименты». В Своде законов, как и в Декрете ВЦИК и СНК «О расторжении брака» используется выражение «издержки по содержанию». Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на глобальные изменения в государстве, нормы права относительно алиментной обязанности родителей по отношению к детям перешли из одного периода в следующий фактически без изменений, с сохранением понятийного аппарата.

Выбор периода 1917-1926 гг. в качестве отправной точки исследования советского законодательства об алиментах обусловлен совокупностью факторов. Во-первых, это время революционных изменений, когда старое законодательство подверглось переосмыслению в соответствии с актуальной социальной и экономической обстановкой. Например, уравнение в правах мужчин и женщин, незаконнорожденных и законных детей.

Указанный выше Декрет «О расторжении брака» 1917 года – первый в алиментном законодательстве не только для выбранного периода, но и в целом для СССР. Его задача состояла в установке основных принципов, на основе которых новое правительство принимало решения в области семейного права до создания полноценного кодекса.

Во-вторых, именно для этого периода характерна активная работа советского государства по созданию новой системы законодательства, некоторые принципы которой отразятся в современных нормативно-правовых источниках. В это время была разработана и принята первая Конституция РСФСР, Кодексы для всех имеющихся отраслей права, в том числе Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС РСФСР) 1918 года, над которым работала комиссия из юристов в области гражданского права, среди которых были А. Г. Гойхбарг, Н. И. Бернштейн и Д. И. Курский. КЗАГС РСФСР 1918 года – это первый документ советского семейного права, в котором были систематизированы и детализированы нормы Декретов 1917 года: «О расторжении брака» и «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния».

Таким образом, период 1917–1926 годов стал временем нововведений и отказа от старых юридических норм в семейном праве в целом и отчасти в алиментном законодательстве. Результатом данного процесса стало принятие Декрета «О расторжении брака» и разработка Кодекса законов об актах гражданского состояния. Эти документы заложили основы для уравнивания прав граждан и формирования новой правовой системы, отражающей социальные и экономические реалии времени.

Более того, в данном кодексе появилась норма о том, что лишение родительских прав не освобождает родителей от издержек на содержание детей. Обязанность содержать детей прекращалась только в связи с нахождением их на общественном или государственном иждивении.

В соответствии с КЗАГС РСФСР, при расторжении брака, между супругами устанавливались и распределялись обязательства, касающиеся обеспечения и воспитания детей, назначался размер выплат по алиментам[4]. Хочется подчеркнуть, что Декрет «О расторжении брака» также имел особое значение, так как именно он являлся первым правовым актом, где юридически было прописано алиментирование супругов. Это представляет особую важность, потому что ранее вопрос об алиментировании супругов не поднимался в законодательстве. Теперь обязанности по воспитанию и содержанию несовершеннолетних и нетрудоспособных детей распределялись между родителями в равной степени. При этом факт наличия зарегистрированного брака в данном случае значения не имел.

КЗАГС 1918 года включал в себя одну любопытную норму: если суд не смог определить биологическое отцовство фактических партнеров

матери, финансовая ответственность за содержание ребенка возлагалась на всех признанных судом сожителей в равной степени (ст. 144)[5]. Такая позиция законодателя подчеркивала один из главных принципов той эпохи– коллективизм. В конкретном случае: совместную ответственность за жизнь ребенка. Более того, был определен минимальный размер содержания, алиментных выплат, который не мог быть ниже 50% от прожиточного минимума для ребенка в конкретном регионе. Так как прожиточный минимум напрямую зависел от экономических условий региона, законопроект также учитывал социальную справедливость, позволяя пересматривать размеры алиментов в зависимости от роста стоимости жизни.

Список литературы:

[1] Артикул воинский [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения:21.07.2026).

[2] Васильев А. А. Проблемные вопросы принудительного взыскания алиментов и альтернативные пути сохранения благополучия детей // Практика исполнительного производства. 2014. № 3. С. 14-25.

[3] Декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака», от 16 декабря 1917 г.

[4] Декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книги актов гражданского состояния» / СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160; Декрет от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» / СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.

[5] Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) (вместе с Инструкцией об освидетельствовании душевнобольных). // СПС КонсультантПлюс.

[6] Пространная Русская Правда [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm (дата обращения: 21.07.2026).

[7] Сагитова И.Ф., Третьякова Ю. С.: «Алиментные обязательства: от Древности до наших дней» // Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 143.

[8] Свод законов Российской Империи., Т. 10, Ч.1., С. 14.

[9] Седунов Е. История становления алиментного законодательства в Российской империи и СССР // Московский экономический журнал. 2015 № 3 URL:http://qje.su/biznesi pravo/istoriya stanovleniya alimentnogozakonodatelstva v rossijskoj imperii i sssr/(дата обращения: 21.07.2026).

References:

[1] Military Article [Electronic resource]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (date accessed: 21.07.2026).

[2] Vasiliev A. A. Problematic issues of forced collection of alimony and alternative ways of preserving the well-being of children // Practice of enforcement proceedings. 2014. No. 3. pp. 14-25.

[3] Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On Divorce", dated December 16, 1917.

[4] Decree of December 18, 1917 "On Civil Marriage, on Children and on Keeping the Book of Civil Status Acts" / SU RSFSR. 1917. No. 11. Art. 160; Decree of December 19, 1917 "On the Dissolution of Marriage" / SU RSFSR. 1917. No. 10. Art. 152.

[5] Code of Laws on Acts of Civil Status, Marriage, Family, and Guardianship Law (adopted by the All-Russian Central Executive Committee on September 16, 1918) (along with the Instructions on the Examination of the Mentally Ill). // SPS ConsultantPlus.

[6] Extensive Russian Truth [Electronic resource]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm (date accessed: 21.07.2026).

[7] Sagitova I.F., Tretyakova Yu.S.: “Alimony Obligations: from Antiquity to the Present Day” // Gramota, 2017. No. 12(86): in 5 parts. Part 4. P. 143.

[8] Code of Laws of the Russian Empire., Vol. 10, Part 1., P. 14.

[9] Sedunov E. History of the Formation of Alimony Legislation in the Russian Empire and the USSR // Moscow Economic Journal. 2015 No. 3 URL: http://qje.su/biznesi pravo/istoriya stanovleniya alimentnogozakodatelstva v rossijskoj imperii i sssr/ (date of access: 21.07.2026).

- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-248-253
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

КАЗАКОВА Татьяна Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Академии ФСИН России,
ORCID ID 0000-0002-1735-8186,
e-mail: tina4242@yandex.ru

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности добровольческой (волонтёрской) деятельности сотрудников уголовно исполнительной системы (УИС) как социально значимого направления профессиональной активности. Волонтерство является наиболее распространенным видом общественной активности населения и опирается в своем развитии на мировой опыт и отечественные традиции добровольчества и благотворительности. Добровольческая (волонтёрская) деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы – это их безвозмездное участие в общественно полезных проектах за пределами служебных обязанностей. Эта деятельность направлена на решение социальных задач, укрепление связей с обществом и личностное развитие самих сотрудников. В статье раскрываются основные формы участия сотрудников УИС в волонтёрских инициативах, включая благотворительность, просветительские проекты и помощь социально уязвимым категориям граждан. Выделены ключевые проблемы, ограничивающие развитие добровольчества в системе: дефицит свободного времени из за специфики службы, недостаточная правовая регламентация статуса волонтёра сотрудника, ограниченность организационных механизмов поддержки добровольческих инициатив. Проанализированы перспективные направления развития волонтёрства в УИС — в том числе интеграция добровольческой деятельности в систему воспитательной работы с личным составом, развитие корпоративного волонтёрства и межведомственное взаимодействие. В статье показан положительный опыт добровольческой деятельности, а также пути более активного вовлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы в волонтерство. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к поддержке добровольчества, сочетающего нормативное регулирование, организационные меры и мотивационные механизмы. Результаты исследования могут быть использованы при разработке ведомственных программ развития волонтёрской деятельности и совершенствовании воспитательной работы в учреждениях УИС.*

Ключевые слова: *добровольческая деятельность, волонтёрство, уголовно исполнительная система, сотрудники, мотивация, социальная активность, благотворительность, корпоративное волонтёрство.*

KAZAKOVA Tatiana Aleksandrovna,
PhD in Pedagogy, Docent, Associate Professor of the Russian and Foreign Languages Department, Academy of the Federal penitentiary service of Russia

VOLUNTARY ACTIVITY OF EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM: PROBLEMS, PROSPECTS

Annotation. *The article examines the features of the volunteer (volunteer) activity of employees of the penal correction system (penal correction system) as a socially significant area of professional activity. Volunteering is the most widespread type of social activity of the population and is based in its development on the world experience and the fatherly traditions of volunteerism and charity.*

The voluntary activity of employees of the penal correction system is their gratuitous participation in socially useful projects outside of their official duties. This activity is aimed at solving social problems, strengthening ties with society and personal development of the employees themselves. The article reveals the main forms of participation of UIS employees in volunteer initiatives, including charity, educational projects and assistance to socially vulnerable categories of citizens. The key problems limiting the development of volunteerism in the system are highlighted: lack of free time due to the specifics of the service, insufficient legal regulation of the employee's volunteer status, limited organizational mechanisms to support volunteer initiatives. The article analyzes promising areas for the development of volunteerism in the educational system, including the integration of volunteerism into the system of educational work with staff, the development of corporate volunteerism and interdepartmental cooperation. The article shows the positive experience of volunteering, as well as ways to more actively involve employees of the penitentiary system in volunteering. It is concluded that there is a need for an integrated approach to supporting volunteerism, combining regulatory regulation, organizational measures and motivational mechanisms. The results of the study can be used in the development of departmental programs for the development of volunteer activities and the improvement of educational work in educational institutions.

Key words: *voluntary activities, volunteerism, penal enforcement system, employees, motivation, social activity, charity, corporate volunteerism.*

Введение

Добровольческая (волонтерская) деятельность – это добровольная форма объединения для достижения общественно значимых целей, способствующая социальной активности и личностному росту его участников. Всплеск волонтёрского движения в России произошёл в период зимней Олимпиады в Сочи в 2014 году. Именно тогда была создана Ассоциация волонтёрских центров как продолжение волонтёрской программы «Сочи-2014». Волонтерское движение в России развивается стремительно, в настоящее время российских волонтеров объединяют такие крупные организации, как Ассоциация волонтерских центров, Волонтеры Победы, Волонтеры медики, Союз волонтерских организаций и движений и др. [1; с. 822]. Добровольческая (волонтёрская) деятельность сотрудников УИС – актуальное направление, которое способствует не только решению социальных задач, но и профессиональному развитию работников, формированию их духовно-нравственных качеств. В условиях гуманизации уголовно-исполнительной системы и реализации государственных программ поддержки добровольчества эта практика приобретает особое значение. Волонтёрство – это просто форма социальной активности, а значимый элемент воспитательной и кадровой работы, способствующий гуманизации пенитенциарной системы и укреплению доверия общества к институтам правопорядка. В современных условиях добровольчество выступает как механизм трансляции гуманистических ценностей, формирования профессиональной этики и развития компетенций, востребованных в служебной деятельности. Добровольческая деятельность дает сотруднику УИС то, чего часто не хватает в рутинной службе: ощущение реального влияния, видимый результат, признание, возможность самореализации. При этом такие практики напрямую работают на миссию пенитенциарной системы: снижают рецидивность, укрепляют правовую культуру, повышают доверие общества.

Основной текст

В современной науке добровольчество трактуется с позиций нескольких парадигм. Социологический подход рассматривает волонтёрство как форму гражданского участия и социального капитала, позволяющую укреплять горизонтальные связи в обществе и снижать социальную напряжённость. Это дает возможность выстраивать конструктивные отношения с местным сообществом, что особенно важно в условиях традиционно высокого уровня недоверия к правоохранительным структурам [6; с. 24]. Психолого-педагогический подход акцентирует внимание на развитии личности волонтёра: формировании эмпатии, ответственности, навыков командной работы и социальной рефлексии. Эти качества напрямую связаны с профессиональной компетентностью сотрудников, чья работа требует высокой степени эмоциональной устойчивости и умения выстраивать коммуникацию с разными категориями граждан [5; с. 31]. Управленческий подход трактует волонтёрство как инструмент кадровой политики и репутационного менеджмента. Участие в социально значимых проектах повышает имидж ведомства, способствует формированию корпоративной культуры и лояльности персонала. Таким образом, добровольчество в УИС имеет мультидисциплинарную природу и может рассматриваться одновременно как социальная практика, воспитательный инструмент и элемент кадровой стратегии. В научных исследованиях подчёркивается, что волонтёрство в УИС должно быть интегрировано в систему воспитательной рабо-

ты и профессионального развития сотрудников. Следует отметить необходимость создания единой методической базы, которая позволит систематизировать добровольческие практики и обеспечить их соответствие стратегическим целям ведомства [2; с. 186]. Практика добровольчества сотрудников УИС охватывает широкий спектр направлений, каждое из которых имеет собственный воспитательный и социальный эффект.

Помощь детям и семьям в трудной ситуации. Шефство над детскими домами, участие в акциях «Ёлка желаний», «Собери ребёнка в школу» и др. Эти проекты способствуют развитию эмпатии и социальной ответственности, а также позволяют сотрудникам увидеть результаты своей работы в «человеческом измерении». Такие практики укрепляют социальный капитал и показывают, что образ «сотрудника в форме» не сводится к карательной функции: за ним стоят люди, которые помогают обществу вне рамок служебных обязанностей.

Сотрудники УФСИН России по Московской области ежегодно участвуют во всероссийской благотворительной акции «Ёлка желаний»: собирают подарки для детей из детских домов и малообеспеченных семей; организуют новогодние представления с участием Деда Мороза и Снегурочки; проводят мастер классы по изготовлению новогодних украшений. За 2023 год было собрано более 500 подарков, охвачено 3 детских дома и 50 семей.

По инициативе УФСИН России по Республике Бурятия проводятся акции по поддержке ГБУСО РБ Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей «Добрый» и благотворительного фонда помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Пусть всегда буду я» УФСИН России по Свердловской области.

К благотворительной акции «Добро вашему дому», организованной коллективом радиохолдинга FM-Биробиджан, присоединились сотрудники следственного изолятора № 1 УФСИН России по Еврейской автономной области. Мероприятие по оказанию помощи Областному государственному учреждению здравоохранения «Дом ребенка специализированный» города Биробиджан приурочено к Международному дню защиты детей.

Акция объединила неравнодушных людей. Участники собрали денежные средства и приобрели для детей игрушки, книжки, подгузники, сладости, постельное белье и другие необходимые вещи. Еще одним подарком детворе стало выступление артистов из развлекательного центра. В ответ на доброе дело гости слышали слова благодарности от малышей и руководства детского дома, что было лучшим подарком для взрослых людей. Данное благотворительное мероприятие стало традиционным.

Сотрудники УФСИН России по Ярославской области ежегодно принимают участие в акции «Коробка храбрости» для детей, больных онкологическими заболеваниями.

В рамках благотворительной акции «Волшебные варежки» сотрудники ФКУ ЛИУ-3 УФСИН России по Республике Мордовия передали варежки и другие товары воспитанникам интерната, проявляя заботу о детях, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Поддержка ветеранов и пожилых людей. Помощь ветеранам ВОВ, благоустройство памятных мест, реставрация колодцев и т. д. Такие акции укрепляют преемственность поколений, формируют патриотические ценности и повышают уровень социальной сплочённости коллектива. Кан В. Н. старший инженер ФКУ ЦИТОВ УФСИН России по Тульской области активно участвует в общественно значимых мероприятиях в качестве волонтёра, демонстрируя высокий уровень гражданской ответственности и вовлеченности в развитие добровольческого движения. В течение нескольких лет она в составе всероссийского общественного движения «Волонтёры Победы» принимает активное участие в подготовке и проведении торжественных мероприятий, посвящённых Дню Победы, в городе Туле. В сентябре 2025 года Кан В.Н. в качестве официального волонтёра приняла участие во Всемирном фестивале молодёжи в Нижнем Новгороде — масштабном международном событии, собравшем тысячи молодых людей из разных стран. Она оказывает активную поддержку и помощь в различных аспектах работы Благотворительного Фонда «Батальон Левша», сотрудничает с добровольческим поисково-спасательным отрядом «ЛизаАлерт».

Донорство и медицинская помощь. Участие в донорских акциях, формирование банка доноров стволовых клеток. Это направление развивает культуру взаимопомощи и демонстрирует готовность сотрудников к самопожертвованию ради спасения жизни. Ежеквартальные корпоративные акции по сдаче крови, участие в программах «Вам Любимые», «Подари жизнь».

Сотрудники УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю ежеквартально принимают участие в корпоративных донорских акциях («Вам Любимые», «Наследники Победы», «Подари ЛЮБОВЬ, спаси ЖИЗНЬ» и др.).

Сотрудники 3-го отделения по конвоированию УФСИН России по Республике Мордовия принимают участие в акции по добровольной сдаче донорской крови. Кровь и ее компоненты – это бесценный ресурс, необходимый для лечения

самых разных заболеваний, проведения сложных хирургических вмешательств и оказания экстренной помощи. Сдача крови – это не просто медицинская процедура, а реальная возможность протянуть руку помощи тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Перед тем, как стать донорами, каждый проходит тщательное медицинское обследование, соблюдая все предписания специалистов.

Экологические инициативы. Акции «Чистые берега», «Сохраним лес», высадка деревьев. Экологическое волонтёрство формирует ответственное отношение к окружающей среде и способствует развитию навыков командной работы.

Помощь животным. Поддержка приютов, через акции «Подарок для хвостика», передача корма, благоустройство территорий. Такие проекты развивают гуманное отношение к живым существам и способствуют снижению уровня агрессии и стресса у участников. Сотрудники УФСИН России по Республике Мордовия регулярно оказывают финансовую помощь фонду «4 лапы», в рамках акции «Хвостатый Новый год» посещают приюты для животных, помогают спасению и содержанию бездомных животных. Вместе с детьми сотрудники участвовали в акции «Покормите птиц зимой», соорудили кормушки для птиц и накормили их.

В преддверии Нового года личный состав УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю принял участие в благотворительной акции «Новогодний подарок для хвостика», которая была организована Центральной детской библиотекой им. А. Гайдара в г. Симферополе. В рамках проведенной акции сотрудники уголовно-исполнительной системы Крыма закупили и передали корма и средства гигиены для собак и кошек, которые содержатся в приюте Крымской региональной общественной организации защиты животных «Дом алабаев», а также личный состав принял участие в благотворительной акции «Новогодний подарок для собак-участников СВО», которая была организована и проведена сотрудниками уголовно-исполнительной системы региона совместно с учащимися Средней общеобразовательной школой № 30 имени А.А. Аматуни в г. Симферополе. В рамках проведенной акции были закуплены и переданы корма и средства гигиены для собак СВО, которые содержатся по проекту «Лабра Дом».

Двоеглазова Т.Н. начальник архива группы информационно-архивной работы ФКУ ЦИТОВ УФСИН России по Удмуртской Республике в свободное от службы время оказывает всестороннюю помощь бездомным животным – организует для них передержку, содействуя в поиске новых хозяев, оказывает существенную поддержку приютам и пожилым людям, содержащим животных – обеспечиваетих кормами, продуктами питания и расходными материалами. На постоянной основе она взаимодействует с приютом «Кот и Пес» в г. Ижевске – проводит фотосессии подопечных животных для размещения в социальных сетях, помогает с транспортировкой животных в клиники и при переезде в новый дом. Отдельное внимание она уделяет вопросам гуманного регулирования численности бездомных животных – организует их отлов для последующей стерилизации и вакцинации.

Поддержка военнослужащих СВО и членов их семей. Сотрудники ФСИН России активно участвуют в сборе и оказании помощи военнослужащим в рамках специальной военной операции. Сбор гуманитарной помощи, организация мероприятий для семей военнослужащих. Это направление укрепляет корпоративную солидарность и демонстрирует социальную ответственность ведомства. Учреждения УФСИН России по Республике Карелия на протяжении долгого времени поддерживают наших бойцов в зоне СВО, регулярно оказывают помощь фронту и откликаются на заявки волонтеров. Сотрудники Отдела конвоирования и СИЗО-1 присоединились к Всероссийской акции «#РодинойГоржусь» и собрали предметы, необходимые военнослужащим. Посылки, обозначенные хештегом акции, переданы туда, где необходимо содействие тыла. К задачам акции относятся масштабирование добрых дел в своем регионе, проявление того, что любовь к Родине начинается с заботы о людях. Подобный шаг – одно из лучших свидетельств доброты и заботы о тех, кто, находясь в очень непростых условиях, выполняет воинский долг.

Жукова Т.С. инспектор отдела режима и надзора ФКУ ИК-7 УФСИН России по Тульской области является учредителем НКО Благотворительного фонда БАТАЛЬОН «ЛЕВША». С 2023 года осуществляет личное руководство и активное участие в организации сбора, сортировки и адресной доставки гуманитарной помощи в зону проведения СВО, тесно взаимодействуя с военнослужащими и их семьями. В фонде выполняет ключевую роль, связанную с финансовой отчетностью и учетом, осуществляя заполнение отчетов по закупке необходимых предметов, продуктов питания и оборудования для нужд участников специальной военной операции.

Каждое из этих направлений может быть использовано как инструмент воспитательной работы, позволяющий развивать у сотрудников необходимые профессиональные и личностные качества. Участие в добровольческих проектах оказывает комплексное влияние на личность сотрудника УИС. Развитие гуманистического мировоззрения. Волонтёрство позволяет увидеть человека не

только как «объект исполнения наказания», но и как личность, нуждающуюся в поддержке и понимании. Это особенно важно для сотрудников, чья повседневная работа связана с жёсткими регламентами и ограничениями. Формирование профессиональных компетенций. В ходе волонтёрской деятельности развиваются навыки коммуникации, управления конфликтами, организации групповой работы, принятия решений в условиях неопределённости — всё это напрямую связано с профессиональными требованиями к сотрудникам УИС. Повышение уровня стрессоустойчивости и эмоционального интеллекта. Работа с уязвимыми категориями граждан требует умения контролировать собственные эмоции, проявлять эмпатию и сохранять психологическую устойчивость. Укрепление командного духа и корпоративной культуры. Совместная добровольческая деятельность способствует сплочению коллектива, формированию доверия и взаимопомощи между сотрудниками.

Несмотря на значительный потенциал, добровольческая деятельность в УИС сталкивается с рядом проблем. Это и организационные сложности (совмещение служебной деятельности с волонтёрством требует чёткого планирования и поддержки со стороны руководства). Недостаточная информированность (многие сотрудники не знают о существующих возможностях участия в добровольческих проектах). Отсутствие единой системы мотивации и поощрения (формальные механизмы признания волонтёрского вклада (грамоты, благодарности, учёт в кадровой работе) пока не получили широкого распространения). Ограниченность ресурсов (недостаток методических материалов, площадок для координации волонтёрских инициатив, инструментов для оценки эффективности проектов).

Заключение

Добровольческая деятельность сотрудников УИС – это не только форма социальной поддержки, но и мощный воспитательный и кадровый ресурс, позволяющий развивать гуманистические ценности, профессиональные компетенции и корпоративную культуру. Волонтерство – важный инструмент социальной адаптации, профессионального роста и гуманизации уголовно-исполнительной системы. Для дальнейшего развития этого направления необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу, внедрять системы мотивации, повышать информированность сотрудников и укреплять партнёрские связи с НКО. Перспективными являются программы сотрудничества с некоммерческими организациями, разработка образовательных модулей по волонтёрству и создание единой информационной платформы для координации добровольческих инициатив.

Список литературы:

[1] Казакова Т.А., Никишова О. Н. Волонтерская деятельность как фактор формирования личности студента // Новые технологии в учебном процессе и производстве : сб. матер. XXI Междунар. науч.-технич. конф. – Рязань: Рязанский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский политехнический университет», 2023. – С. 822-824.

[2] Кириллова Т. В. К вопросу об организации добровольческой деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Глобальный научный потенциал. – 2021. – № 12(129). – С. 183–186.

[3] Кириллова Т. В. Развитие волонтёрского движения в уголовно-исполнительной системе: проблемы и перспективы // Глобальный научный потенциал. – 2023. – № 3(144). – С. 41–43.

[4] Кириллова Т. В. Определение основных векторов развития добровольчества в уголовно-исполнительной системе на основе анализа актуальных научных исследований // Penitentiary Science. – 2025. – Vol. 19, – No. 3(71). – P. 335–342.

[5] Пиюкова С. С. Формирование духовно-нравственных качеств личности сотрудника УИС в процессе волонтёрской деятельности // КиберЛенинка. – 2014.

[6] Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 23–30.

References:

[1] Kazakova T.A., Nikishova O.N. Volunteering as a factor in the formation of a student's personality // New technologies in the educational process and production: Sat. mater. XXI International. scientific and technical. conf. - Ryazan: Ryazan Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Polytechnic University," 2023. - S. 822-824.

[2] Kirillova T.V. On the organization of volunteer activities of employees of the penitentiary system of the Russian Federation // Global scientific potential. – 2021. – № 12(129). - S. 183-186.

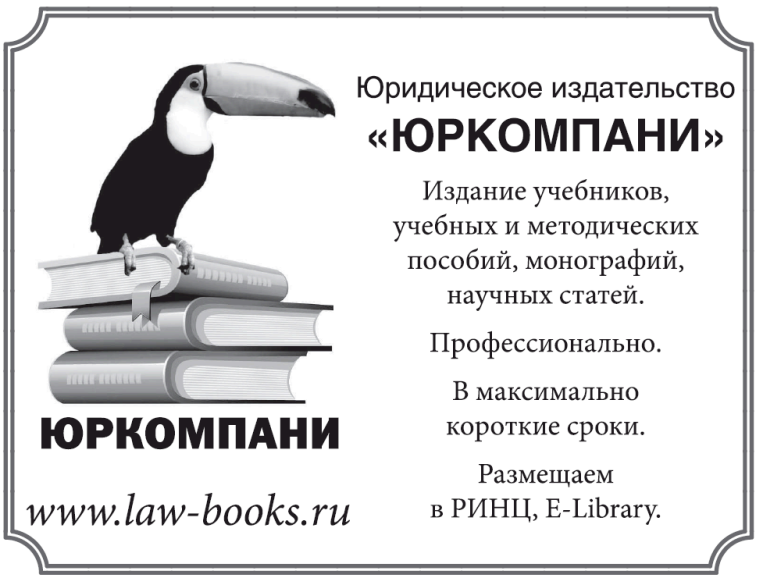
[3] Kirillova T.V. Development of the volunteer movement in the penal system: problems and prospects // Global scientific potential. – 2023. – № 3(144). - S. 41-43.

[4] Kirillova T.V. Determination of the main vectors for the development of volunteerism in the penal system based on the analysis of current scientific research // Penitential Science. – 2025. – Vol. 19, – No. 3(71). – P. 335–342.

[5] Piyukova S. S. Formation of the spiritual and

moral qualities of the personality of an employee of the penal system in the process of volunteering // CyberLeninka. – 2014.

[6] Kudrinskaya L. A. Volunteer work: essence, functions, specifics // Sociological research. 2006. № 5. S. 23-30.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-254-257
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

МИТЮКОВА Юлия Александровна,
старший преподаватель кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mityukova.y.u@apu.fsin.gov.ru

ЗЕЙНАЛОВ Даниил Махмудович,
оперуполномоченный оперативного отдела ФКУ СИЗО-1 ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: zeinalovdaniil@yandex.ru

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с ретроспективным анализом эволюции права собственности на землю в России, в том числе и пенитенциарной системе.*

Ключевые слова: *земля, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, право собственности, земельное право.*

MITYUKOVA Yulia Aleksandrovna,
Senior lecturer of the department of administrative and financial law
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ZEYNALOV Daniile Makhmudovich,
special agent of the operational department FSIN SIZO-1, Moscow, Russian Federation

TITLE TO LAND IN THE PENAL SYSTEM: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS AND RETROSPECTIVE REVIEW

Annotation. *The article discusses issues related to the retrospective analysis of the evolution of land ownership in Russia, including the penitentiary system.*

Key words: *land, institutions and bodies of the penal system, property rights, and land law.*

Согласно установленному детерминированию понятийного аппарата (начиная с ГОСТ 26640-85), понятие «земля» понимается как многоаспектная и многогранная категория, рассматривается как важнейшая часть окружающей природной среды, проявляющаяся в виде пространства, рельефа, климата, почвенного покрова, наличием недр, растительности, а также водами. Согласно Конституции Российской Федерации, земля и другие природные ресурсы являются основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, констатируется основополагающая роль данного объекта в социальных, экономических, политических и правовых отношениях[1, С. 18].

Земля всегда была для человека не только центральным источником экономического благополучия, но и представляла собой передаваемое от поколения к поколению ценное духовное наследство, добытое тяжелым и кровавым путем. В виду совокупности различных факторов Российская Федерация на протяжении всей своей истории непрерывно (иногда не всегда успешно) расширялась. Проводимая экспансия позволила государству активнее защищать и продвигать свои внешнеполитические интересы. За свою более чем тысячелетнюю историю наше государство стало обладателем невероятно богатого земельного фонда, однако земля, как и любой другой ресурс, подвергается истощению. Рациональное

использование имеющихся земельных ресурсов представляет основу для экономического процветания страны.

Право собственности на землю является одним из фундаментальных институтов и имеет свою сложную и многогранную историю. Собственниками земельных участков могут быть учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (Далее – УИС). Особый интерес представляет эволюция права собственности в отношении учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в современной России. Этот аспект права собственности неразрывно связан с историческим развитием самой пенитенциарной системы, ее задачами и правовым статусом.

Для формирования грамотной политики использования земельного фонда необходим плановый подход не только в области практического применения земли, но и научного определения ее как объекта различных правоотношений. Определяя правовой статус земли и вопрос о ее собственности, ученые-цивилисты пытаются создать наиболее удобные механизмы для ее применения во всех сферах общественной жизни. Также стоит отметить, что история землепользования является частью всей истории развития права, поступательное развитие всей совокупности земельных отношений складывалось из совокупности множества факторов, в т.ч. и из юридического и технического определения и укрепления границ земельных владений.

С изменением всей политической системы в конце XX века в нашей стране начались обширные реформы, одной из которых являлась и земельная реформа. Статьей 1 Закона РСФСР от 23 ноября 1990 года № 374-1 «О земельной реформе» было определено, что земельная реформа имеет своей целью «перераспределение земли в интересах создания условий для равноправного развития различных форм хозяйствования на земле, формирования многоукладной экономики, рационального использования и охраны земель на территории РСФСР». Земельная реформа, как составная часть структурной реформы экономики страны, должна была создать эффективные механизмы по внедрению земельных ресурсов и всей системы земельных правоотношений и инфраструктуры ее рынка в новые рыночные условия. Основной целью реформы было ускорение социально-экономического развития страны на основе повышения эффективности использования земли.

В рамках реформы планировалось отменить государственную монополию права собственности на землю с наделением таковым всех участников возникающих в новой сфере правоотношений: граждан, предприятий, организаций, учреждений, объединений и товариществ, а также создание определенного порядка закрепления их прав на землю в законодательном порядке.

Вышеуказанным Законом, по мнению А.А. Алпатова, были определены основные принципы начала земельной реформы в России постсоветского периода:

отмена государственной монополии на землю;

подтверждение многообразия и равенства форм собственности на землю, в т.ч. государственной;

разграничений государственной собственности на землю;

предоставление земельных участков в собственность, владение или пользование;

передача земли в частную собственность (на платной и бесплатной основе);

самостоятельное использование собственниками в соответствии с разрешенным использованием земельных участков, включая строительство объектов недвижимости;

законодательное закрепление ответственности собственников земли, землевладельцев и землепользователей за нарушение законодательства [2, С. 25].

Поэтапное проведение реформы должно было обеспечить плавную передачу земель от старых собственников новым, не приводя к деградации земель и их запущению.

В действительности же, негативных последствий избежать не удалось: с каждым годом стали сокращаться площади земель, которые были выделены для сельскохозяйственного пользования. Так, большинство граждан, которые получили в собственность землю, которая ранее являлась государственной, перестали содержать её в надлежащем виде, нарушение правил рекультивации со временем привело к полной деградации некогда плодородных земель.

Мы считаем, земельная реформа имела свои недостатки, вероятно, из-за того, что нормативные акты, которые регулировали данные отношения, содержали большое количество упущений. Данные недостатки были как юридико-технического, так и содержательного характера. Стоит отметить, что на протяжении долгого времени, земельные отношения регулировались с помощью только подзаконных актов, а именно, постановлений Правительства и Указов Президента [3, С.26].

Создание кодифицированного законодательства в данной сфере позволило решить многие проблемы, устранить пробелы в законодательстве. К тому же принятие основных законодательных актов направленных на формирование различных форм собственности на землю, активизацию оборота земельных участков, повы-

шение эффективности использования земельных ресурсов: Земельный кодекс РФ, Федеральные законы «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», «О разграничении государственной собственности на землю», «О приватизации государственного и муниципального имущества», «О землеустройстве», «О земельном кадастре», «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», в которых были сформированы важнейшие принципы земельной политики [4, С. 69].

Устойчивость системы землепользования, ввиду его многогранности, может быть различных видов: экономическая, пространственно-территориальная, правовая, экологическая и социальная.

На протяжении всей истории современной России наблюдается проблема в юридическом оформлении права собственности на землю, что само по себе является крайне негативным фактором, не позволяющим не только сельскому хозяйству, но и многим другим субъектам экономики развернуть свои производственные мощности. В связи с этим на протяжении последних 10 лет законодателями принимаются решения по решению данного вопроса. Для понимания масштаба проблемы: к концу 2000-ых годов в России лишь 20-30% землевладельцев юридически закрепили свои права на землю. Подобное положение дел в первую очередь усиливало инвестиционные риски в сельское хозяйство, что, несмотря на большие финансовые вливания со стороны государства затормаживают рост данной отрасли экономики.

Принимая во внимание, опыт, накопленный за первые десятилетия проведения реформы, законодатели стремятся к устранению существующих правовых пробелов и казусов. Безусловно, быстроменяющийся мир требует столь же быстро принимаемых решений, но нельзя не отметить и положительные моменты. Так, с принятием Федерального закона от 23 июня 2014 года № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности» был упрощен порядок получения в пользование и собственность земли находящегося в распоряжении органов государственной власти и органов муниципального управления, в использование частного лица или предприятия. является упрощение получения земельного участка. Принятие данного закона способствовало не только развитию сельского хозяйства, но и упростило порядок получения земли физическими лицами, что доказывает необходимость социальной устойчивости землепользования, о чем говорилось ранее.

Таким образом, развитие и закрепление института права собственности на землю имеет длительную историю, тенденции на создание комфортных условий пользования земли, как для физических, так и для юридических лиц является основной задачей для нашего государства. Привлечение крупного капитала в данную область позволит не только увеличить налоговые и страховые поступления в бюджет, но и создаст новые рабочие места, тем самым положительно повлияет на социальную среду для огромного количества жителей нашей страны.

Уголовно-исполнительная система также прошла свой исторический путь, связанный с владением и пользованием земельными участками. Условно его можно разделить на следующие периоды:

Советский период, когда земельные участки находились в собственности государства. Учреждения и органы УИС пользовались землей на праве оперативного управления или постоянного (бессрочного) пользования. Это говорит о том, что земля не принадлежала им на праве собственности, а лишь предоставлялась для пользования в определенных целях. Данная модель обусловлена общей идеологией плановой экономики и централизованного управления.

Переходный период ознаменован возникновением необходимости пересмотра правового статуса земельных участков, которые занимали учреждения и органы УИС. В законодательстве постепенно начинается признание права собственности, но данный процесс был постепенным и сопровождался множеством правовых коллизий.

Современный период характеризуется созданием правового режима земельных участков. Правовая регламентация владения и пользования земельными участками учреждениями и органами УИС включает в себя ряд нормативно-правовых актов, в первую очередь Земельный кодекс РФ и Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Ключевой момент заключается в том, что учреждения и органы УИС, как правило, не являются собственниками земельных участков. Земельные участки, на которых расположены учреждения пенитенциарной системы, находятся в федеральной собственности. Учреждения и органы УИС обладают правом оперативного управления в отношении этих земельных участков. Это означает, что они имеют право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом закрепленных за ними собственником (Российской Федерацией), в пределах, кото-

рые устанавливаются законодательными актами, для достижения целей, предусмотренных их учредительными документами.

Право собственности на земельные участки учреждений и органов УИС в современной России демонстрирует эволюцию от полного государственного контроля к более сложному правовому режиму, основанному на оперативном управлении федеральной собственностью. Этот режим призван обеспечить выполнение специфических задач УИС, гарантируя при этом безопасность и порядок.

Список литературы:

[1] Митюкова Ю.А. Ретроспективный анализ развития землепользования учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2025 - № 12 (283). С.18-24.

[2] Алпатов, А.А. Земельная реформа в Новой России / монография — М.: АКДИ «Экономика и жизнь», 2005. 335 с.

[3] Волков Г. А. Проблемы совершенствования земельного законодательства // Экологическое право. — 2012. — № 1. С. 25-28.

[4] Токарев А.А. законодательное регулирование земельной реформы в России на современном этапе // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-zemelnoy-reformy-v-rossii-na-sovremennom-etape/viewer..

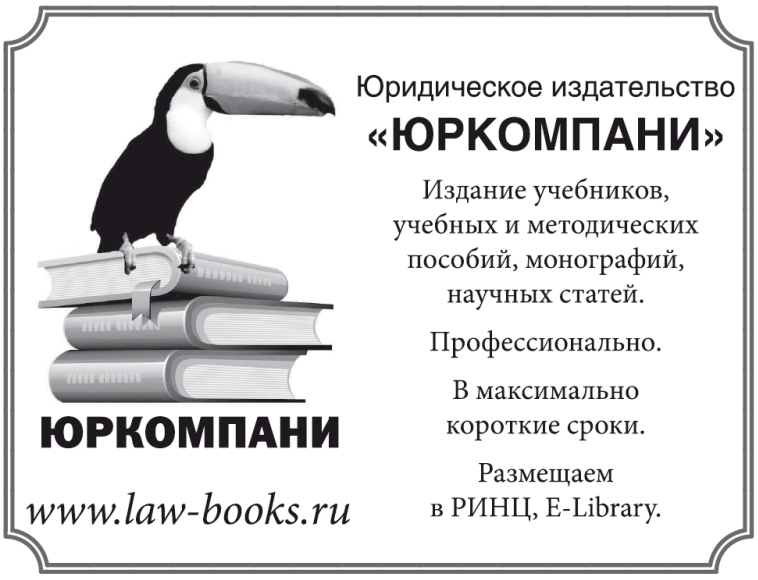
References:

[1] Mityukova Yu.A. Retrospective analysis of the development of land use by institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation // Vedomosti of the penitentiary system. – 2025 - № 12 (283). S.18-24.

[2] Alpatov, A.A. Land reform in New Russia monograph - M.: AKDI "Economics and Life," 2005. 335 pp.

[3] Volkov G. A. Problems of improving land legislation // Environmental law. — 2012. — № 1. S. 25-28.

[4] Tokarev A.A. legislative regulation of land reform in Russia at the present stage // International Journal of Applied Sciences and Technologies "Integral." URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-zemelnoy-reformy-v-rossii-na-sovremennom-etape/viewer..

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-258-261
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

АСАДОВ Ватан Вагифович,
начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: sherhov007@mail.ru;

ГУСЕВ Антон Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: vka05615@uyandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Аннотация. *В статье авторами анализируются положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательств Российской Федерации на предмет содержания и особенностей исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ. В ходе исследования авторами обращается внимание на целый ряд аспектов, требующих правовой регламентации и уточнений.*

Ключевые слова: *Исправительные работы; основное место работы; удержания; осужденные; исполнение; индивидуальный предприниматель.*

ASADOV Vatan Vagifovich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and the Organization of Punishment Execution that Does Not Involve Isolation of Convicts from Society at the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

GUSEV Anton Sergeevich,
Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from Society, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

TOPICAL ISSUES OF THE CONTENT AND EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF CORRECTIONAL WORKS

Annotation. *In the article, the authors analyze the provisions of the criminal and penal legislation of the Russian Federation regarding the content and features of the execution of criminal punishment in the form of correctional works. During the research, the authors draw attention to a number of aspects that require legal regulation and clarification.*

Key words: *Correctional works; main place of work; deductions; convicts; execution; individual entrepreneur.*

В соответствии с положениями статьи 44 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] предусмотрено тринадцать видов уголовных наказаний, которые могут назначаться правонарушителям за совершенные ими деяния.

В соответствии с положениями статьи 45 УК РФ часть наказаний могут назначаться только как основные наказания, к примеру, лишение свободы на определенный срок, часть наказаний могут назначаться как в качестве основных наказаний, так и в качестве дополнительных к основным наказаниям, к примеру, ограничение свободы. Одно наказание назначается только в качестве дополнительного – это «лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград» (статья 48 УК РФ).

Каждое из уголовных наказаний, которые могут назначаться к правонарушителю, несет какую-либо карательную суть, которая, в той или иной мере, ограничивает конституционные права и свободы человека.

К примеру, если рассматривать уголовное наказание в виде исправительных работ, то в данном случае ограничиваются такие конституционные права как:

Свобода распоряжаться своим имуществом, и, в частности, заработанными денежными средствами (статья 34 Конституции России [1]). В соответствии с положениями статьи 50 УК РФ из заработной платы осужденного к исправительным работам удерживается, по приговору суда, от 5 до 20 процентов в доход государства;

Свобода распоряжаться своими способностями к труду и выбирать род трудовой деятельности (статья 37 Конституции России). В данном случае, в соответствии с положениями статьи 40 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК РФ) [2] предусмотрено, что в «период отбывания исправительных работ осужденным запрещается увольнение с работы по собственному желанию без разрешения в письменной форме уголовно-исполнительной инспекции».

Кроме того, если осужденный увольняется с работы, то в соответствии с пунктом 16 Приложения № 3 приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 19 января 2026 г. № 6: «осужденный, уволенный с основного места работы после вынесения приговора (определения, постановления) суда, обязан трудоустроиться самостоятельно либо встать на регистрационный учет в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы в течение 15 календарных дней со дня постановки на учет в инспекции либо со дня увольнения. Осужденный не вправе отказаться от предложенной ему органами службы занятости работы или переквалификации» [7].

Исходя из представленной нормы можно увидеть, что если в уволенный осужденный к исправительным работам не сможет самостоятельно трудоустроиться, то он должен будет работать на работах, предложенных центром занятости.

Как видно из положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательств ключевой составляющей уголовного наказания в виде исправительных работ выступает оплачиваемых труд, поэтому изначально статья 50 УК РФ предусматривает, что уголовное наказание исправительные работы назначаются только «осужденному, имеющему основное место работы».

В данном ключе достаточно интересным представляется понятие «основное место работы», так как проведенный в исследовании анализ положений Трудового кодекса Российской Федерации (далее: ТК РФ) [4] показал, что в настоящее время указанный термин не используется, за исключением статьи 282 ТК РФ в соответствии с которой посредством понятия «основное место работы» раскрывается термин «совместительство».

Одновременно с этим, в письме Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 сентября 2016 г. № 14-2/В-880 [8] указывается, что «Трудовым законодательством Российской Федерации понятие «место основной работы» не раскрывается, вместе с тем исходя из смысла положений Трудового кодекса Российской Федерации полагаем, что словосочетание «место основной работы» в отношении работника употребляется в ситуации, когда он имеет несколько мест работы. Иными словами, работник может иметь место основной работы только в случае, если одновременно работает по совместительству».

Таким образом, исходя из положений уголовного и трудового законодательства Российской Федерации уголовное наказание в виде исправительных работ может быть назначено только человеку, кто работает по совместительству, что, конечно же, не учитывается при назначении судом наказания.

К примеру, в соответствии с материалами приговора Горномарийского районного суда (Республика Марий Эл) от 29 января 2026 г. по делу № 1-2-2/2025 [9] судом не устанавливается вообще факт того, работает ли на момент осуждения правонарушитель или нет, а делается акцент на том, что отсутствуют основания из числа предусмотренных в части 5 статьи 50 УК РФ.

В данном ключе видится целесообразным скорректировать положения части 5 статьи 50 УК РФ изложив ее в следующей редакции: «Исправительные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей

в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву, а также лицам имеющим постоянное время работы».

Также целесообразно изменить в части 1 статьи 50 УК РФ «основное место работы» на «место постоянной работы», то есть привести терминологию, используемую в уголовном законодательстве к единству с терминологией, используемой в трудовом законодательстве.

Кроме того, письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 сентября 2016 г. № 14-2/В-880 определяет, что постоянное место работы может быть только в качестве работника на основании трудового договора.

В соответствии с положениями Налогового Кодекса Российской Федерации [5] предусмотрено, что отдельные физические лица могут осуществлять предпринимательскую деятельность без создания юридического лица как индивидуальные предприниматели – в соответствии с положениями ТК РФ с указанными гражданами трудовой договор не заключается.

Кроме того, в соответствии с положениями федерального закона от 27 ноября 2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [6] граждане России имеют право осуществлять приносящую доход деятельность без прохождения регистрации как индивидуальный предприниматель, то есть как «самозанятый».

Исходя из положений статьи 50 УК РФ уголовное наказание в виде исправительных работ не может назначаться индивидуальным предпринимателям и самозанятым, так как с ними не заключен трудовой договор.

Заметим, что положения уголовно-исполнительного законодательства России также не предусматривают процедуры исполнения наказаний в отношении таких лиц, что, безусловно, является упущением, требующим законодательной проработки.

Помимо указанного, не проработанным представляется вопрос об осуществлении удержаний из заработной платы осужденного по приговору суда. В частности, в соответствии с положениями приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 19 января 2026 г. № 6 удержание по приговору осуществляются только из заработной платы осужденного по основному месту работы, но не учитывается тот факт, что осужденный может работать в нескольких организациях, выполнять работы по договору подряда, а также получать доход от профессиональной деятельности в соответствии с положениями федерального закона от 27 ноября 2018 № 422-ФЗ.

Все перечисленное прямо указывает на то, что уголовное и уголовно-исполнительное законодательство России нуждается в корректировке понятийного аппарата, используемого при регламентации особенностей содержания уголовного наказания в виде исправительных работы, а также уточнения категорий лиц, в отношении которых может данное наказание исполняться.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 31, ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2, ст. 198.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1, ст. 3.

[5] Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая : [федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 16 июля 1998 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31, ст. 3824.

[6] О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. N 49 (часть I) ст. 7494.

[7] Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к

которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 19 января 2026 г. № 6 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413378406/.

[8] Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 сентября 2016 г. № 14-2/В-880 // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=325871.

[9] Приговор Горномарийского районного суда (Республика Марий Эл) от 29 января 2026 г. по делу № 1-2-2/2025 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/dupPGxsK6IYF/.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation: [adopted by the Parliament. by vote on 12 Dec. 1993: as amended, introduced. He was growing up. The Russian Federation on amendments to the Constitution. Federation of 30 Dec. 2008 No. 6-FKZ, 30 Dec. 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, July 21, 2014 No. 11-FKZ, March 14, 2020 No. 1-FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4. 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ] // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. – 2022. – No. 31, Article 4398; Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru.

[2] The Penal Enforcement Code of the Russian Federation: [feder. Law No. 1-FZ of January 8, 1997: adopted by the State Duma on December 18. 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 2, art. 198.

[3] The Criminal Code of the Russian Federation: [feder. Law No. 63-FZ of June 13, 1996: adopted by the State Duma on May 24, 1996] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25, article 2954.

[4] The Labor Code of the Russian Federation: [feder. the law of 30 Dec. 2001 No. 197-FZ : adopted by the State Duma on December 21. 2001] // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002. – No. 1, part 1, art. 3.

[5] The Tax Code of the Russian Federation. Part One: [feder. Law No. 146-FZ of July 31, 1998: adopted by the State Duma on July 16, 1998] // Collection of Laws of the Russian Federation. – 1998. – No. 31, Article 3824.

[6] On conducting an experiment to establish a special tax regime for the Professional Income Tax: Federal Law No. 422-FZ of November 27, 2018 // Collection of Laws of the Russian Federation, December 3, 2018, No. 49 (Part I), Article 7494.

[7] On the organization of the execution of punishments in the form of compulsory labor, deprivation of the right to hold certain positions or engage in Certain activities, correctional labor, control over the behavior of convicts who have been suspended from serving their sentences, probationers: order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated January 19, 2026 No. 6 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413378406 /.

[8] Letter of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated September 15, 2016 No. 14-2/B-880 // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=325871.

[9] Sentence of the Gornomariysky District Court (Republic of Mari El) dated January 29, 2026, in case No. 1-2-2/2025 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/dupPGxsK6IYF/.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-262-266

КАЙТУКОВ Давид Александрович,
аспирант, Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ,
e-mail: kaitukov.david@mail.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА КАК ПРЕДМЕТ ВЗЯТКИ И ХИЩЕНИЙ: КВАЛИФИКАЦИЯ И ОТГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации деяний, связанных с использованием электронных средств платежа в качестве предмета взяточничества и хищений. На основе анализа законодательных положений, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и правоприменительной практики автором исследуются особенности установления признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 159.3, 290 УК РФ, а также критерии отграничения указанных деяний от смежных составов. Особое внимание уделяется определению момента окончания преступления при передаче предмета взятки в форме электронных денежных средств, а также проблемам доказывания принадлежности электронного кошелька конкретному должностному лицу. На основе проведенного анализа формулируются предложения по унификации судебной практики и совершенствованию уголовно-правового регулирования в исследуемой сфере.*

Ключевые слова: *электронные средства платежа, предмет взятки, мошенничество, квалификация преступлений, отграничение составов, цифровые права, криптовалюта.*

KAITUKOV David Alexandrovich,
postgraduate student, North Ossetian State University, Vladikavkaz

ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT AS SUBJECT TO BRIBERY AND THEFT: QUALIFICATION AND DELIMITATION OF COMPOSITIONS

Annotation. *The article examines topical problems of criminal legal qualification of acts related to the use of electronic means of payment as a subject of bribery and embezzlement. Based on the analysis of legislative provisions, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and law enforcement practice, the author examines the specifics of establishing signs of corpus delicti under Art. 159.3, 290 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as criteria for distinguishing these acts from related corpus delicti. Particular attention is paid to determining the moment of the end of the crime when transferring the subject of a bribe in the form of electronic money, as well as the problems of proving that the electronic wallet belongs to a specific official. Based on the analysis, proposals are formulated to unify judicial practice and improve criminal law regulation in the field under study.*

Key words: *electronic means of payment, the subject of a bribe, fraud, qualification of crimes, delimitation of compositions, digital rights, cryptocurrency.*

Введение

Цифровизация экономических отношений и повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий в финансовую сферу обусловили трансформацию способов совершения коррупционных и корыстных преступлений. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к использованию безналичных и электронных средств платежа в качестве предмета взятки, что значительно затрудняет выявление и расследование указанных деяний. Стремясь максимально усложнить доказывание факта совершения преступления, субъекты коррупционных отношений прибегают к сложным схемам передачи имущественных благ с использованием преимуществ, предоставляемых новыми технологиями.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость теоретического осмысления и практической унификации подходов к квалификации деяний, связанных с оборотом электронных средств платежа в контексте уголовного права. Национальным планом противодействия коррупп-

ции на 2025–2024 годы перед Генеральной прокуратурой РФ была поставлена задача по совершенствованию правового регулирования вопросов выявления и пресечения коррупционных преступлений, предметом которых являются цифровые финансовые активы, иные цифровые права и цифровая валюта.

Цель настоящей работы - комплексный анализ проблем квалификации деяний, в которых электронные средства платежа выступают в качестве предмета взятки либо орудия хищения, а также выработка критериев отграничения соответствующих составов преступлений.

Результаты и обсуждение

Для правильной квалификации деяний необходимо четкое понимание правовой природы электронных средств платежа (далее - ЭСП). В соответствии с Федеральным законом «О национальной платежной системе» под электронным средством платежа понимается «средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств».

Данное определение охватывает широкий спектр инструментов: платежные карты, мобильные приложения для дистанционного банковского обслуживания, электронные кошельки, а также иные технические устройства, позволяющие инициировать перевод денежных средств. Субъектом учета прав на электронные денежные средства выступает не банк, а оператор электронных денежных средств; для их хранения не требуется открытие банковского счета, поскольку они хранятся у оператора в виде электронной записи.

Особого внимания заслуживает вопрос о правовом статусе криптовалюты. Принятие Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. легитимировало цифровую валюту как объект гражданских прав, что нашло отражение и в Федеральном законе «О противодействии коррупции». Данное законодательное решение допускает квалификацию незаконной передачи криптовалюты в качестве предмета взятки, хотя вопросы доказывания такого деяния остаются сложными.

Как справедливо отмечается в научной литературе, использование криптовалюты в коррупционных схемах значительно повышает уровень общественной опасности преступления ввиду повышенной латентности и сложности установления всех обстоятельств передачи.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 24 декабря 2019 г. № 59 внес существенные изменения в разъяснения по делам о взяточничестве, конкретизировав положение о том, что получение электронных денег и цифровых прав может считаться взяткой наряду с ее традиционными формами.

Ключевым моментом, имеющим значение для квалификации, является определение момента окончания преступления. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, взяточничество с использованием электронных средств платежа считается оконченным с момента непосредственного поступления средств на электронный кошелек взяткополучателя. При этом для квалификации преступления как оконченного не имеет значения, получило ли должностное лицо реальную возможность распорядиться переданными ценностями по своему усмотрению.

Данный подход представляется обоснованным, поскольку соответствует общепризнанному в уголовном праве материальному критерию оценки момента окончания взяточничества. Как верно отмечается в литературе, при передаче взятки в безналичной форме или в виде электронных денежных средств важно установить момент, когда предмет взятки перешел во владение должностного лица. Специфика электронных денежных средств заключается в том, что их владение обусловлено наличием доступа к соответствующему электронному кошельку - именно с момента получения такого доступа (или поступления средств на кошелек) лицо приобретает возможность распоряжения имущественным благом.

В случаях, когда взяткодатель переводит денежные средства на банковский счет или кошелек электронной платежной системы, передавая взяткополучателю данные для получения доступа к счету, момент окончания преступления следует определять с учетом легального определения электронных денежных средств. Поскольку электронные денежные средства не требуют открытия банковского счета и хранятся у оператора в виде электронной записи, их получение означает возникновение у должностного лица права требования к оператору, что уже является имущественным правом.

Доказывание факта передачи предмета взятки в виде электронных денежных средств сопряжено с рядом сложностей. При доказывании необходимо установить связь должностного лица с тем электронным кошельком, на который был произведен перевод. Данный факт может быть подтвержден сведениями, полученными с изъятого персонального смартфона или компью-

тера, данными об интернет-трафике лица, а также информацией, полученной в результате анализа интернет-активности подозреваемого. Вместе с тем существующие средства противодействия коррупции в настоящее время не всегда оказывают полноценный эффект, и с развитием технологий усложняются не только способы совершения преступлений, но и методы их расследования.

Одной из наиболее сложных проблем правоприменения является разграничение получения взятки (ст. 290 УК РФ) и мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), а также мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Как справедливо отмечается в научной литературе, нечеткие критерии разграничения обмана и тайного хищения, особенно при использовании методов социальной инженерии (фишинг, вишинг), приводят к тому, что суды часто квалифицируют схожие деяния по разным статьям, что нарушает принцип правовой определенности.

Критическим критерием отграничения выступает наличие либо отсутствие у виновного лица служебных полномочий для совершения действий, за которые передается вознаграждение. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, если должностное лицо путем обмана или злоупотребления доверием получило ценности за совершение действий, которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

При этом лицо, передающее денежные средства такому «мнимому» взяткополучателю и полагающее, что они предназначены именно в качестве взятки, несет ответственность за покушение на дачу взятки. Примечательно, что такое лицо не может признаваться потерпевшим и не вправе претендовать на возвращение этих ценностей, а также на возмещение вреда в случае их утраты. Данная позиция соответствует сложившейся судебной практике, согласно которой противоправность действий взяткодателя исключает возможность признания его потерпевшим.

В контексте использования электронных средств платежа особую значимость приобретает вопрос о том, имеет ли значение для квалификации способ получения доступа к электронному кошельку или счету. Представляется, что при установлении факта хищения с использованием электронных средств платежа необходимо исследовать, было ли получение доступа результатом обмана (например, введение владельца в заблуждение относительно законности операции) либо тайного завладения (например, использование утерянной банковской карты для бесконтактного платежа).

Особую сложность представляет квалификация деяний, связанных с оборотом криптовалюты. Как уже отмечалось, с 2020 г. цифровая валюта признана объектом гражданских прав, что допускает ее рассмотрение в качестве предмета взятки. Однако в научной литературе высказываются различные позиции относительно правовой природы криптовалюты; долгое время большинство специалистов не признавали ее самостоятельным объектом гражданских прав.

Дискуссионным остается вопрос о том, следует ли относить криптовалюту к «иному имуществу» в контексте ст. 290 УК РФ либо рассматривать как «цифровое право». От ответа на данный вопрос зависит не только квалификация деяния, но и порядок исчисления размера взятки, что имеет значение для применения квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 4–6 ст. 290 УК РФ.

В контексте проблемы отграничения взяточничества от хищений использование криптовалюты создает дополнительные сложности. Анонимность транзакций, децентрализованный характер систем распределенного реестра, возможность использования миксеров и других инструментов для сокрытия следов перевода - все это существенно затрудняет установление как самого факта передачи, так и идентификации участников преступления.

В целях совершенствования правоприменительной практики представляется необходимым выработка унифицированных подходов к определению следующих обстоятельств: 1) момента окончания преступления при передаче криптовалюты; 2) критериев установления принадлежности электронного кошелька конкретному лицу; 3) порядка оценки стоимости криптовалюты для целей уголовно-правовой квалификации.

Приговором суда Тер-Акопянц Л.Г. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки должностным лицом за незаконные действия) и ч. 1 ст. 292 УК РФ (служебный подлог) Суд квалифицировал действия подсудимого как получение должностным лицом взятки в виде денег, в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу, за незаконные действия (бездействие).

При назначении наказания суд учел, что подсудимый не судим, впервые привлекается к уголовной ответственности, вину признал, в содеянном раскаялся, активно способствовал раскрытию преступлений, что было признано смягчающими обстоятельствами. Подсудимому назначено

наказание в виде штрафа в размере 500 000 рублей за каждое преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 290 УК РФ, с лишением права заниматься преподавательской деятельностью на срок 1 год, а также штрафа в размере 50 000 рублей за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 292 УК РФ.

Данный пример иллюстрирует, что суды при квалификации взяточничества с использованием электронных средств платежа не делают различий между наличной и безналичной формой передачи предмета взятки, акцентируя внимание на установлении самого факта получения должностным лицом денежных средств (в том числе в безналичной форме) за совершение действий в пользу взяткодателя.

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 59, если должностное лицо, не имея соответствующих служебных полномочий для совершения действий, за которые оно получает вознаграждение, путем обмана вводит взяткодателя в заблуждение относительно своих возможностей, содеянное квалифицируется как мошенничество, а не как получение взятки. При этом взяткодатель не признается потерпевшим и не может требовать возврата переданных средств.

Хотя конкретные судебные решения по данной категории дел в доступных источниках не представлены в полном объеме, указанное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ имеет фундаментальное значение для правоприменительной практики. Оно формирует четкий критерий отграничения составов: наличие у лица реальных служебных полномочий для совершения обещанных действий. Отсутствие таких полномочий при наличии обмана относительно их наличия исключает квалификацию деяния как взяточничества и влечет ответственность за мошенничество.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

Электронные средства платежа, включая электронные денежные средства и цифровые права, легитимно признаются предметом взяточничества при условии доказанности факта их передачи должностному лицу за совершение действий в пользу взяткодателя.

Моментом окончания взяточничества с использованием электронных средств платежа следует считать момент поступления денежных средств на электронный кошелек взяткополучателя, независимо от его фактической возможности распорядиться ими. Данный подход основан на разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и соответствует правовой природе электронных денег.

Критическим критерием отграничения получения взятки от мошенничества с использованием электронных средств платежа выступает наличие у лица реальных служебных полномочий для совершения действий, за которые передается вознаграждение. При отсутствии таких полномочий и наличии обмана со стороны должностного лица деяние квалифицируется как мошенничество.

Использование криптовалюты в качестве предмета взятки создает повышенные сложности при доказывании, однако легализация цифровой валюты как объекта гражданских прав допускает ее рассмотрение в качестве предмета преступления.

Для совершенствования правоприменительной практики требуется дальнейшая унификация подходов к определению критериев установления принадлежности электронного кошелька конкретному лицу, порядка оценки стоимости электронных денежных средств и криптовалюты, а также выработка четких методических рекомендаций для органов предварительного расследования.

Дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на разработку критериев разграничения различных форм хищений с использованием электронных средств платежа, а также на совершенствование механизмов доказывания в уголовных делах о коррупционных преступлениях, совершенных с использованием цифровых технологий.

Список литературы:

[1] Особенности установления места и времени совершения взяточничества с использованием безналичных и электронных средств платежа // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 28.08.2026). https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ustanovleniya-mesta-i-vremeni-sovershеniya-vzyatochnichestva-s-ispolzovaniem-beznalichnyh-i-elektronnyh-sredstv - 1.

[2] Приговор суда по ч. 3 ст. 290 УК РФ № 1-795/2017 // Судебная практика. [Электронный ресурс]. URL: https://sud-praktika.ru (дата обращения: 28.08.2026). https://sud-praktika.ru/precedent/437975.html - 20.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" и от 16 октября 2009 года № 19 "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий"» // ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru (дата обра-

щения: 28.08.2026). https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1311898/ - 1.

[4] Мастюкова И.И., Роженцева А.П., Гаврильченко К.Р., Соболинская Е.М., Хаджиматов В.А. Проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа: теория и правоприменительная практика // International Law Journal. 2025. Т. 8. № 7. С. 6–11. https://journals.rcsi.science/2658-5693/article/download/377165/349955 - 3#1https://journals.rcsi.science/2658-5693/article/view/377165 - 1.

[5] Проблемы определения и регулирования предмета взятки в рамках цифровой экономики // Материалы конференции «Ломоносов-2024». [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru (дата обращения: 28.08.2026). https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/32231/168507_uid441311_report.pdf - 1#1.

[6] Получение взятки. Что может являться её предметом? // Официальный сайт администрации города Долгопрудный. [Электронный ресурс]. URL: https://xn----ftbcbzjqccclm3bf0j.xn--p1ai (дата обращения: 28.08.2026). https://оф-долгопрудный.рф/novosti-prokuratury/poluchenie-vzyatki-chto-mozhet-yavlyatsya-ejo-predmetom/.

[7] Прокуратура разъясняет: Изменения в судебной практике по делам о взяточничестве // Официальный сайт МО «Выборгский район» Ленинградской области. [Электронный ресурс]. URL: https://seleznevo.vbglenobl.ru (дата обращения: 28.08.2026). https://seleznevo.vbglenobl.ru/news/prokuratura-razyasnyaet-16.

[8] Пленум Верховного Суда РФ скорректировал свои постановления по делам о взяточничестве // Генеральная прокуратура РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 28.08.2026).

References:

[1] Peculiarities of establishing the place and time of committing bribery using non-cash and electronic means of payment // CyberLeninka. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru (access date: 28.08.2026). https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ustanovleniya-mesta-i-vremeni-sovershеniya-vzyatochnichestva-s-ispolzovaniem-beznalichnyh-i-elektronnyh-sredstv - 1.

[2] Court verdict under Part 3 of Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-795/2017 // Judicial practice. [Electronic resource]. URL: https://sud-praktika.ru (access date: 28.08.2026). https://sud-praktika.ru/precedent/437975.html - 20.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019 No. 59 "On Amending the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" and dated October 16, 2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" / GARANT. [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru (access date: 28.08.2026). https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1311898/ - 1.

[4] Mastyukova I.I., Rozhentseva A.P., Gavrilchenko K.R., Sobolinskaya E.M., Khadzhimatov V.A. Problems of qualification of fraud using electronic means of payment: theory and law enforcement practice // International Law Journal. 2025. VOL. 8. № 7. S. 6-11. https://journals.rcsi.science/2658-5693/article/download/377165/349955 - 3#1https://journals.rcsi.science/2658-5693/article/view/377165 - 1.

[5] Problems of determining and regulating the subject of a bribe within the digital economy // Materials of the Lomonosov-2024 conference. [Electronic resource]. URL: https://lomonosov-msu.ru (access date: 28.08.2026). https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/32231/168507_uid441311_report.pdf - 1#1.

[6] Taking bribes. What can be its subject? // Official website of the administration of the city of Dolgoprudny. [Electronic resource]. URL: https ://xn----ftbcbzjqccclm3bf0j.xn--p1ai (Accessed: 28.08.2026). https://оф-долгопрудный.рф/novosti-prokuratury/poluchenie-vzyatki-chto-mozhet-yavlyatsya-ejo-predmetom/.

[7] The prosecutor's office explains: Changes in judicial practice in cases of bribery // Official website of the Vyborg District Municipality of the Leningrad Region. [Electronic resource]. URL: https://seleznevo.vbglenobl.ru (access date: 28.08.2026). https://seleznevo.vbglenobl.ru/news/prokuratura-razyasnyaet-16.

[8] The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation has adjusted its decisions on bribery cases // Prosecutor General's Office of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru (access date: 28.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-267-272
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

ПРЫСЬ Евгений Владимирович,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Института Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный профессор Академии ФСИН России,
e-mail: Prys55@mail.ru

СОБОЛЕВА Оксана Геннадьевна,
преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: iren5-85@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В настоящей статье проводится комплексный анализ института обязательных работ как вида уголовного наказания, не связанного с изоляцией от общества, в контексте его реализации уголовно-исполнительной системой (УИС) России. Цель исследования заключается в выявлении системных проблем правового, организационного и социально-экономического характера, препятствующих эффективному применению данного наказания, и разработке научно обоснованных предложений по их преодолению. Методологическую основу работы составили диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, социологический (анализ статистических данных и правоприменительной практики) методы. В результате исследования автор приходит к выводу о наличии существенного разрыва между декларируемыми целями наказания в виде обязательных работ (исправление осужденного, экономия бюджетных средств, минимизация негативных последствий изоляции) и реальной практикой его исполнения. К ключевым проблемам отнесены: пробельность и противоречивость нормативно-правового регулирования, дефицит материальных и кадровых ресурсов уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), низкая эффективность механизмов взаимодействия с органами местного самоуправления и работодателями, высокий уровень уклонения от отбывания наказания. На основе проведенного анализа предлагается ряд мер по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, оптимизации управленческих и организационных процедур в УИИ, а также развитию социального партнерства в данной сфере.*

Результаты: Реализация данных предложений позволит повысить эффективность исполнения данного вида наказания, его превентивный потенциал и соответствие принципам справедливости и гуманизма.

Ключевые слова: *обязательные работы, уголовно-исполнительная система (УИИ), уголовно-исполнительные инспекции (УИИ), наказание, не связанное с изоляцией, альтернативные санкции, исполнение наказаний, проблемы правоприменения, уклонение от отбывания наказания, исправление осужденного.*

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Senior lecturer at the Department of Regime Organization, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

PRYS Evgeny Vladimirovich,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

SOBOLEVA Oksana Gennadyevna,
lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police, Moscow Regional Branch of the Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

PROBLEMS ASSOCIATED WITH THE USE OF PUNISHMENT IN THE FORM OF COMPULSORY LABOR IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the institution of compulsory labor as a type of criminal punishment unrelated to isolation from society in the context of its implementation by the Russian penal enforcement system. The purpose of the study is to identify systemic problems of a legal, organizational, and socio-economic nature that hinder the effective application of this punishment, and to develop scientifically sound proposals to overcome them. The methodological basis of the work consists of dialectical, formal-legal, comparative-legal, sociological (analysis of statistical data and law enforcement practice) methods. As a result of the research, the author comes to the conclusion that there is a significant gap between the declared goals of punishment in the form of compulsory labor (correction of the convict, saving budget funds, minimizing the negative consequences of isolation) and the actual practice of its execution. The key problems include: the gap and inconsistency of regulatory and legal regulation, the shortage of material and human resources of penal enforcement inspections (CII), the low effectiveness of mechanisms for interaction with local governments and employers, and a high level of evasion from serving sentences. Based on the analysis, a number of measures are proposed to improve criminal and penal enforcement legislation, optimize management and organizational procedures in the Criminal Investigation Department, as well as develop social partnership in this area.*

Results: The implementation of these proposals will improve the effectiveness of the execution of this type of punishment, its preventive potential and compliance with the principles of justice and humanism.

Key words: *compulsory work, penal enforcement system (CII), penal enforcement inspections (CII), punishment not related to isolation, alternative sanctions, execution of punishments, problems of law enforcement, evasion from serving a sentence, correction of a convicted person.*

Современная уголовная политика Российской Федерации, отражая общемировые тенденции, все больше ориентируется на принципы дифференциации и индивидуализации ответственности, расширяя применение наказаний, не связанных с лишением свободы. Одним из таких видов наказания, введенным в Уголовный кодекс РФ (УК РФ) в 2005 году, являются обязательные работы (ст. 49 УК РФ, ст. 25 Уголовно-исполнительного кодекса РФ – УИК РФ). Их сущность заключается в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяется органами местного самоуправления.

Теоретическая модель данного наказания обладает рядом несомненных преимуществ: оно является достаточно суровым, так как ограничивает личный досуг осужденного, связано с принудительным трудом, но при этом позволяет избежать негативных социальных последствий тю-

ремного заключения (разрыв социальных связей, потеря работы, криминализация личности) и является экономически выгодным для государства [1, С. 78]. Обязательные работы рассматриваются как важный инструмент исправления за счет привития навыков трудовой дисциплины и возложения обязанности загладить причиненный вред обществу.

Однако, как показывает более чем пятнадцатилетняя практика применения, между теоретической конструкцией и реальной эффективностью существует значительный зазор. Уголовно-исполнительные инспекции (УИИ), на которые возложена организация и контроль за отбыванием данного наказания, сталкиваются с комплексом взаимосвязанных проблем, которые сводят на нет многие потенциальные выгоды.

Статистические данные ФСИН России демонстрируют устойчиво высокий процент осужденных к обязательным работам, которым наказание заменяется на лишение свободы в связи со злостным уклонением от его отбывания (что свидетельствует о сбое в системе исполнения), а также хроническую неполную загрузку объектов трудоустройства [2, С. 12].

Обязательные работы в системе наказаний по УК РФ относятся к основным видам, характеризуются как карательная мера, сочетающая в себе признаки принудительного труда и публичного порицания. В отличие от исправительных работ, они не влекут удержаний из заработной платы, но по своей трудоемкости и ограничительному воздействию на личную свободу могут быть более обременительными [3, С. 45].

Целями, согласно доктрине, являются: восстановление социальной справедливости (посредством безвозмездного общественно полезного труда), исправление осужденного (формирование уважительного отношения к труду, закону, правилам общежития) и предупреждение новых преступлений.

Однако уже на теоретическом уровне возникает вопрос о соответствии этих целей правовой регламентации. Так, ст. 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод запрещает принудительный труд, делая исключение, в том числе, для работы, которую выполняет лицо, осужденное судом. Ключевым условием легитимности является «работа, которую обычно требуется выполнять в период условного освобождения от тюремного заключения».

Это ставит под сомнение правомерность назначения обязательных работ на длительные сроки (до 480 часов) как основного наказания, а не как альтернативы тюрьме в рамках условного осуждения или иного механизма [4, С. 112].

Регулирование обязательных работ рассредоточено по нескольким уровням законодательства: УК РФ (ст. 49), УИК РФ (гл. 4), федеральные законы (в т.ч. № 64-ФЗ «Об административном надзоре…»), подзаконные акты Минюста и ФСИН России, а также акты органов местного самоуправления. Такая многослойность порождает ряд проблем.

Проблема 1: Неопределенность понятия «общественно полезные работы». Законодатель делегировал определение конкретных видов работ органам местного самоуправления по согласованию с УИИ (ст. 25 УИК РФ). Это приводит к крайней неравномерности практики: в одном муниципалитете это может быть благоустройство территорий, в другом — подсобные работы в бюджетных учреждениях, в третьем — таких работ может вовсе не быть. Отсутствие единого федерального перечня или четких критериев создает почву для субъективизма и коррупционных рисков при определении объекта работ [5, С. 23].

Проблема 2: Процедурные проблемы. Недостаточно урегулирован порядок медицинского освидетельствования осужденных, хотя ст. 26 УИК РФ запрещает привлекать к обязательным работам лиц, признанных инвалидами I группы, беременных женщин и т.д. Нет четкого механизма возмещения вреда здоровью осужденного, полученного в ходе отбывания наказания (травма при уборке территории). Ответственность ложится на муниципалитет, но процедура не прописана, что создает риски как для осужденного, так и для администрации [6, С. 89].

Проблема 3: Коллизии с трудовым законодательством. Правовой статус осужденного к обязательным работам не является статусом работника, на него не распространяются нормы Трудового кодекса РФ об охране труда, минимальной оплате, режиме рабочего времени. Фактически это создает правовой вакуум и умаляет гарантии безопасности личности, что противоречит конституционным принципам.

УИИ испытывают хронический дефицит кадровых, материальных и технических ресурсов. На одного сотрудника инспекции, курирующего осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией, приходится в среднем 100-150 и более человек (при европейских нормативах в 20-30) [7, С. 56]. При таком объеме нагрузки физически невозможно обеспечить индивидуальный подход, регулярный выездной контроль за ходом работ, эффективную профилактическую работу с осужденными. Нехватка транспорта, средств связи и специального программного обеспечения для электронного мониторинга (браслетов, стационарных терминалов) делает контроль фиктивным, основанным преимущественно на доверии к отчетам самих осужденных и редких проверках.

Межведомственное взаимодействие, закрепленное в ст. 25 УИК РФ, носит декларативный характер.

С муниципалитетами: Заключение соглашений о предоставлении объектов для работ часто носит формальный характер. Муниципалитеты не заинтересованы в организации таких работ, так как это создает для них дополнительные административные и финансовые обременения (обеспечение инструментом, спецодеждой, ответственным лицом для надзора). В результате инспекции получают от муниципалитетов перечни малопривлекательных или сезонных работ, что затрудняет трудоустройство осужденных круглогодично [8, С. 30].

С негосударственными организациями: Привлечение частных компаний в качестве работодателей практически не развито. Барьерами являются страх репутационных рисков, нежелание взаимодействовать с УИС, отсутствие ощутимых налоговых или иных льгот для таких организаций.

Законодательство не стимулирует частный сектор к участию в социальной реабилитации осужденных.

Существующая система учета (журналы, карточки осужденных) морально устарела и не отвечает современным требованиям. Отсутствие единой федеральной электронной базы, интегрированной с данными судов, служб судебных приставов и МВД, приводит к задержкам в поступлении исполнительных документов, ошибкам в учете отработанного времени.

Контроль за отбыванием наказания часто сводится к ежемесячной явке осужденного в инспекцию с бумажной справкой от «работодателя», которую легко подделать. Это порождает массовые случаи формального отбывания наказания или прямого уклонения.

Значительную долю осужденных к обязательным работам составляют лица без постоянного источника дохода, с низким уровнем образования и социальной ответственности, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью. Для них само по себе наказание в виде принуждения к систематическому труду является мощным дестабилизирующим фактором. Отсутствие мотивации (работа бесплатна) и слабость угрозы реальной замены наказания (из-за перегруженности судов и инспекций) формируют установку на уклонение [9, С. 105].

Злостным уклонением согласно ст. 30 УИК РФ признаются более двух нарушений в течение месяца или однородное нарушение более двух раз, а также самовольное оставление осужденным места отбывания работ. Однако на практике процедура замены наказания на лишение свободы сложна и длительна. Инспекция должна документально зафиксировать нарушения, предупредить осужденного в письменной форме, подготовить материалы для суда. В условиях кадрового дефицита инспекторы часто «закрывают глаза» на мелкие нарушения, чтобы не увеличивать себе объем работы по подготовке материалов в суд. Это подрывает авторитет наказания, создает ощущение безнаказанности [10, С. 67].

Эффективность применения обязательных работ напрямую зависит от экономической ситуации в регионе. В депрессивных моногородах с высоким уровнем безработицы муниципалитеты физически не могут предоставить достаточное количество объектов для работ. В то же время, в крупных мегаполисах, несмотря на обилие потенциальных работ, осложнена логистика (осужденный должен самостоятельно добираться до места работ, часто на другой конец города), что также провоцирует нарушения.

На основе проведенного анализа предлагается следующий комплекс мер:

Совершенствование законодательства:

Уточнение ст. 49 УК РФ и гл. 4 УИК РФ: Дать легальное определение «общественно полезных работ» с указанием основных категорий (благоустройство, подсобные работы в социальной сфере, восстановление объектов культурного наследия и т.д.). Закрепить приоритет работ, имеющих реальную социальную значимость для конкретного муниципального образования.

Разработка и принятие отдельного федерального закона «Об исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества», который бы консолидировал все нормы, регулирующие обязательные и исправительные работы, создал единые стандарты организации, контроля и социальной защиты осужденных.

Внедрение элементов «восстановительного правосудия»: Закрепить возможность по решению суда или по согласованию с потерпевшим направлять часть обязательных работ на конкретное восстановление ущерба, причиненного преступлением (например, работы по ремонту имущества потерпевшего). Это усилит воспитательный эффект [11, С. 145].

Организационно-управленческие меры в УИС:

Увеличение штатной численности и повышение квалификации сотрудников УИИ до европейских нормативов. Введение отдельной должности «социальный куратор» для работы с осужденными.

Массовое внедрение технологий электронного мониторинга (ЭМ): Использование GPS-браслетов или мобильных приложений для дистанционного контроля за перемещением осужденного к месту работ и его нахождении

там. Это резко повысит объективность учета и снизит административную нагрузку на инспекторов [12, С. 33].

Создание единой государственной информационной системы исполнения наказаний (ГИС ИН), автоматизирующей весь документооборот от суда до окончания срока наказания.

4.3. Стимулирование межведомственного и государственно-частного партнерства:

Предоставление субсидий муниципалитетам из федерального бюджета на организацию мест для отбывания обязательных работ (средства на инструмент, спецодежду, оплату труда ответственных лиц).

Установление налоговых льгот (вычетов) для частных компаний, предоставляющих рабочие места для осужденных к обязательным работам. Формирование позитивного публичного имиджа таких компаний.

Заключение трехсторонних соглашений (УИИ – Муниципалитет – НКО/Частная компания) с четким распределением ответственности и финансирования.

Внедрение гибкого графика отбывания работ (например, возможность отработки блоками по выходным дням), что упростит совмещение с основной работой/учебой и повысит привлекательность наказания для социально адаптированных осужденных.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что проблемы применения обязательных работ в УИС носят системный и многофакторный характер. Они коренятся не столько в недостатках закона, сколько в дисфункции механизмов его реализации: хроническом недофинансировании и нехватке кадров в УИИ, отсутствии реального межведомственного взаимодействия, архаичных методах контроля и учета. В результате социально полезный и экономичный по замыслу институт на практике зачастую превращается либо в формальность, не достигающую целей исправления, либо в «ловушку», ведущую к замене наказания на лишение свободы из-за невозможности его нормального отбывания.

Преодоление выявленных проблем требует не точечных изменений, а комплексной реформы подхода к исполнению наказаний, не связанных с изоляцией. Ключевыми направлениями такой реформы должны стать: цифровизация контроля (электронный мониторинг), профессионализация и увеличение штата УИИ, создание экономических стимулов для участия муниципалитетов и бизнеса, а также гуманизация самого процесса отбывания наказания с акцентом на восстановительные практики. Только в этом случае обязательные работы смогут занять подобающее им место в системе уголовных наказаний как действенный, справедливый и экономически эффективный инструмент достижения целей уголовной ответственности.

Список литературы:

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2021. – 672 с.

[2] Официальная статистика ФСИН России: исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Аналитический обзор за 2020–2023 гг. – М.: ФСИН России, 2024. – 45 с.

[3] Минязева Т.Ф. Уголовные наказания, альтернативные лишению свободы: проблемы теории и практики. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 215 с.

[4] Европейские стандарты исполнения уголовных наказаний и российская практика / Отв. ред. В.И. Селиверстов. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.

[5] Петров М.И. Проблемы правового регулирования обязательных работ в уголовном праве России // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 22–31.

[6] Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Уголовно-исполнительное право России: Учебник. – М.: Проспект, 2022. – 480 с.

[7] Капункин С.А. Организационно-правовые проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций в современных условиях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 3. – С. 55–60.

[8] Зубков А.И., Калинин Ю.И., Смирнов Л.Б. Пенитенциарная система России: цифры, факты, события. – М.: Норма, 2020. – 288 с.

[9] Антонян Ю.М., Тюрин И.В. Социально-психологические особенности личности осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Психология и право. – 2022. – Т. 12. № 1. – С. 99–113.

[10] Князев А.Г. Злостное уклонение от отбывания обязательных работ: вопросы квалификации и практики применения // Российский следователь. – 2019. – № 15. – С. 65–68.

[11] Карнозова Л.М., Максудов Р.Р. Восстановительное правосудие: от теории к практике. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2018. – 320 с.

[12] Смирнов Л.Б., Шмаров И.В. Перспективы применения электронного мониторинга в системе исполнения наказаний России // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 30–39.

References:

[1] Russian criminal law. Special part: Textbook/ Ed. A.I. Raroga. - M.: Prospect, 2021. - 672 s.

[2] Official statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia: execution of punishments not

related to isolation from society. Analytical review for 2020-2023 - M.: FSIN of Russia, 2024. - 45 s.

[3] Minyazeva T.F. Criminal penalties alternative to imprisonment: problems of theory and practice. - Kazan: Kazan Publishing House. University, 2019. - 215 s.

[4] European Standards for the Execution of Criminal Sentences and Russian Practice/Rev. ed. V.I. Seliverstov. - M.: Yurlitinform, 2018. - 304 s.

[5] Petrov M.I. Problems of legal regulation of compulsory work in the criminal law of Russia // Journal of Russian Law. – 2020. – № 5. - S. 22-31.

[6] Brilliantov A.V., Kurganov S.I. Criminal executive law of Russia: Textbook. - M.: Prospect, 2022. - 480 s.

[7] Kapunkin S.A. Organizational and legal problems of the activities of penitentiary inspections in modern conditions // Vedomosti of the penitentiary system. – 2021. – № 3. - S. 55-60.

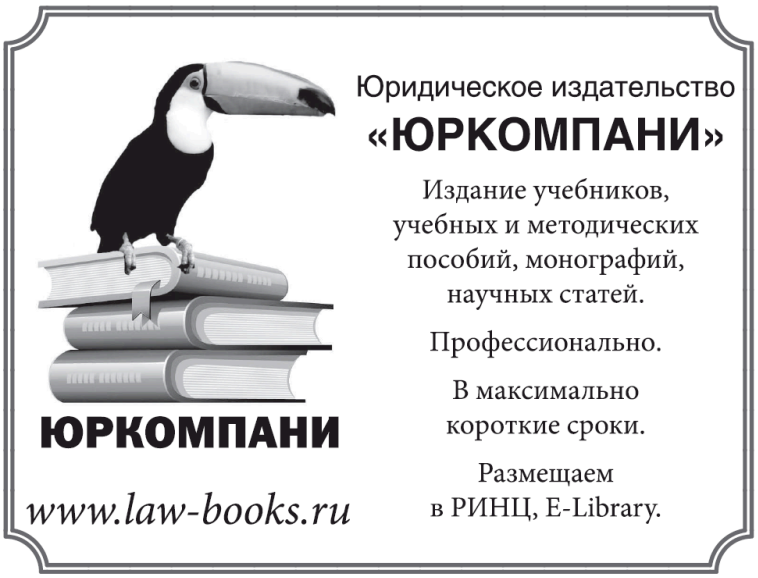
[8] Zubkov A.I., Kalinin Yu.I., Smirnov L.B. The penitentiary system of Russia: figures, facts, events. - M.: Norma, 2020. - 288 p.

[9] Antonyan Yu.M., Tyurin I.V. Social and psychological features of the personality of those sentenced to punishments not related to isolation from society // Psychology and Law. – 2022. - VOL. 12. № 1. - S. 99-113.

[10] Knyazev A.G. Malicious evasion from serving compulsory work: issues of qualification and application practice // Russian investigator. – 2019. – № 15. - S. 65-68.

[11] Karnozova L.M., Maksudov R.R. Restorative justice: from theory to practice. - M.: MOO Center "Judicial and Legal Reform," 2018. - 320 s.

[12] Smirnov L.B., Shmarov I.V. Prospects for the use of electronic monitoring in the Russian penal system // State and law. – 2023. – № 4. - S. 30-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-273-279
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ТАРЫКИН Владимир Константинович,
доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета,
e-mail: tarykin.vladimir@yandex.ru

БОНДАРЕВА Анастасия Владимировна,
студент 4 курса юридического факультета Юго-Западного государственного университета,
e-mail: nastyabon386@gmail.com

ГУСЕЯН Гуля Овиковна,
студент 4 курса юридического факультета Юго-Западного государственного университета,
e-mail: gulya.guseyan22@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. *Данная статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с исследованием порядка условно-досрочного освобождения осужденных из мест лишения свободы и пути реализации уголовно-правового контроля как гарантия обеспечения безопасности общества от вновь совершенных преступлений. Проанализирован опыт стран ближнего зарубежья на примере Республики Беларусь, Казахстана, Армении и Украины в частности, относящейся к теме исследования. Авторами выделены отличительные черты правовой регламентации указанных стран, направленные на внесение изменений в действующее уголовное законодательство Российской Федерации. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что не всегда отбытие наказания осужденным отождествляется с его полным исправлением. Кроме воспитательной работы, проводимой в исправительном учреждении на протяжении всего времени отбытия наказания, со стороны государственных органов необходимо обеспечить осуществление дальнейшего контроля для закрепления исправительного результата, в особенности в случаях реализации института условно-досрочного освобождения. В рамках работы авторами проведен подробный системный анализ основной нормативной правовой базы, регламентирующей юридический порядок и основания применения условно-досрочного освобождения, а также основ уголовно-правового контроля.*

Ключевые слова: *Уголовный кодекс, уголовно-правовой контроль, условно-досрочное освобождение (УДО), исправительное учреждение, осужденные, наказание в виде лишения свободы.*

TARYKIN Vladimir Konstaninovich,
assistant professor of criminal law at Southwestern State University

BONDAREVA Anastasia Vladimirovna,
4th year law student at Southwestern State University

GUSEYAN Gulya Ovikovna,
4th year law student at Southwestern State University

ON THE EXERCISE OF CRIMINAL CONTROL OVER PERSONS RELEASED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Annotation. *This article examines issues related to the procedure for the parole of convicts from places of detention and the implementation of criminal-law supervision as a safeguard for public safety against the commission of new crimes. The authors analyze the experience of neighboring countries—specifically the Republic of Belarus, Kazakhstan, Armenia, and Ukraine—relevant to the research topic. Distinctive features of the legal regulations in these countries are highlighted with a view to proposing amendments to the current criminal legislation of the Russian Federation. The relevance of the study stems from the fact that the completion of a sentence by a convict does not always equate to their full rehabilitation. Beyond the rehabilitative work conducted within the correctional facility throughout the sentence, state authorities must ensure continued supervision to consolidate the results of rehabilitation, particularly in cases involving parole. The authors conduct a detailed, systematic analysis of the primary legal framework governing the procedure and grounds for granting parole, as well as the fundamentals of criminal-law supervision.*

Key words: *Criminal Code, criminal-law supervision, parole, correctional facility, convicts, punishment in the form of deprivation of liberty.*

Освобождение осужденного завершает весь процесс отбывания им наказания, позволяет подвести итог исправительного воздействия на него, решить в необходимых случаях вопрос о возможности его досрочного освобождения с соблюдением условия, что цели наказания были достигнуты и преступник перестал быть общественно опасным. Однако практика свидетельствует о том, что лица, освобожденные из мест лишения свободы, нередко вновь совершают преступления или дают иные основания для осуществления за ними контроля со стороны государственных органов [12, с. 82].

Уголовная политика любого государства в первую очередь направлена на снижение уже существующего уровня преступности, которое может быть отчасти достигнуто путем контроля за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Правовую основу уголовной политики России составляет Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), являющийся в соответствии со ст. 1 УК РФ единственным источником уголовного законодательства [1].

Исследование действующего Уголовного кодекса РФ показывает, что вопросам контроля за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы, не уделяется достаточного внимания. Кроме того, его осуществление тесно связано с досрочным освобождением от отбывания наказания [16, с. 310].

Рассмотрим отдельные аспекты уголовно-правового регулирования контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений.

В соответствии со ст. 79 УК РФ лицо, приговоренное приговором суда к лишению свободы, подлежит УДО, в том случае если суд решит, что традиционные меры исправления не нужны и лицо «искупило» свое преступление, перестало быть общественно опасным.

Однако, законодатель предусматривает ряд условий для назначения УДО, которые должны исполняться по истечению полного назначенного наказания:

в течении определенного срока (выделенным приговором) не менять место жительство;

без разрешения соответствующего органа субъекта РФ менять место учебы;

без разрешения соответствующего органа запрещено посещать определенные места, а также закрытые территории (заповедники, детские лагери);

проходить курсы лечения от алкоголизма, в том числе ставить пометку в соответствующем документе;

В том случае, если УДО невозможно назначить в силу объективных причин, судом может быть рассмотрено решение о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием. Законодатель в УК РФ выделяет следующие виды наказаний: штраф, исправительные работы и др.

Не можем не обратить внимание на лиц, страдающих психическим расстройством, и, следовательно, освобождённых от отбывания наказания. Судом может быть принято одно из следующих решений:

наблюдение у врача психиатра (ограничительных механизмов нет);

общее наблюдение у врача психиатра (принудительное лечение);

специализированное учреждение (принудительное лечение);

специализированное учреждение с интенсивным наблюдением (принудительное лечение, назначается в случае невозможности обслуживания самого себя).

Важно отметить, если в рамках очередного осмотра врача, будет выявлено, что лицо идет на выздоровление, то постепенно лицу смягчают тип учреждения вплоть до полного освобождения.

При этом, если лицо заболело после совершения преступления, препятствующей отбыванию наказания по приговору суда (на практике имеет место около 45 диагнозов таких заболева-

ний), не подлежат к отбыванию наказания. Если лицо после прохождения лечения – выздоровело и сроки давности не прошли, то такой граждан подлежит отбыванию наказания [2].

На наш взгляд, уникальным институтом в уголовном судопроизводстве является амнистия. Так, в ст. 84 УК РФ предусмотрено, что амнистия объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в отношении индивидуально не определенного круга лиц. Лица, осужденные за совершение преступлений, могут быть освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания. С лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость.

По состоянию на 11 мая 2019 года, постановление об освобождение осужденных в нынешнем году имеет ряд преимуществ. Во-первых, проведенная пенсионная реформа также повлияла и на данный институт, а именно произошло снижение пенсионного возраста (до 50 лет – женщины, до 55 лет – мужчины). Во-вторых, ранее в законе имелось указание лишь на женщин имевших детей до 18 лет, теперь же законодатель предусматривает и мужчин, имевших детей до 18 лет. В-третьих, мелкое мошенничество теперь также попадает под категорию лиц, подлежащих освобождению с учетом что последствие не тяжелое. В-четвертых, нововведение предусматривает, что если лицо совершило покушение на ребенка, и в следствии отбывает наказание в местах лишения свободы, то освобождению не подлежит.

Еще одним нововведением в честь Победы над фашисткой Германией – освобождению подлежат лица, находящиеся под следствием. По предварительным данным, из СИЗО уже выпущены около 1200 человек.

Другим элементом, позволяющим освободить осужденного из мест лишения свободы выступает помилование. Законодатель предусматривает в ст. 85 УК РФ, что такой процессуальный акт может выносить только Президент РФ, направленным на освобождение либо сокращение или замену наказания. Главной особенностью выступает полное снятие судимости.

Однако, на основе всего вышесказанного, не можем не отметить, что осужденный считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости [9]. Судимость погашается: а) в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести с учетом отбывания 3 года; б) в отношении лиц, приговоренных судом к лишению свободы за тяжкие преступления с учетом отбытия наказания 6 лет; в) в отношении лиц, признанных виновных в совершении преступлений, относящихся к категории – особо тяжких с учетом отбытия наказания 8 лет.

Важно отметить, что в случае УДО, то срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока с момента освобождения от назначенного по приговору суда наказания.

По ходатайству осужденного и в случае соблюдения правил отбывания наказания в исправительном учреждении, суд может снять судимость, то есть с лица снимаются все правовые последствия.

Складывается впечатление, что законодатель, формулируя указанные нормы, в той или иной степени затрагивающие основания осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных из исправительных учреждений, целенаправленно проигнорировал некоторые вопросы, создав в уголовном законодательстве пробелы. Например, ничего не говорится о том, должны ли контролироваться амнистированные, помилованные или больные лица, освобожденные от наказания по состоянию здоровья (к которым не применены принудительные меры медицинского характера), а также какой орган должен контролировать их поведение и в течение какого срока.

В то же время очевидно, что в УК РФ наиболее урегулированными и полными являются вопросы контроля за поведением лиц, которым назначено УДО. Порой контроль за данной категорией лиц, более жесткий чем за лицами, отбывающими наказания в соответствующем исправительном учреждении.

Но бывают и сложные ситуации, когда судья встает в тупик, например, психическая незрелость несовершеннолетнего лица. Если есть основания так полагать, то суд для решения данного вопроса обращается первоначально к экспертизе, а уже после это судебный психолог решает вопрос о вменяемости лица [14, с. 163]. В одном случаи лицо освобождается от уголовной ответственности и подлежит мерам медицинского характера, в другом – суд, выносит обвинительный приговор с назначением меры наказания.

Как показывает статистика Всероссийского центра общественного исследования, по состоянию на 11 мая 2019 г., лица, отбывшие наказание в результате применения к ним условно-досрочного освобождения, составляет в среднем около 80-200 человек на регион [10]. При этом в 40 случаях из 100 лица снова совершают преступления в силу негативного влияния, трудного семейного положения, призрения со стороны родных и др. Факт совершения рецидива составляет около 7 %. Согласно предварительным сведениям, уже на

свободу вышли 33 тысяч человек в том числе, мужчины и женщины; в силу недавно выпущенной амнистии, процесс освобождения будет идти до 6 месяц этого года, так общее количество лиц составит около 70 тысяч человек.

Обращая внимание на статистические данные ФСИН России в период с 2007 г. по 2018 г., не может не обратить внимание на то, что рост преступности неустойчив [10]. Так, число лиц, совершивших преступление, лиц, содержащийся в местах лишения свободы и лиц, освобожденных на «волю», не имеет среднего соотношения, что говорит в большинстве случаев о росте совершения преступлений. Так, число лиц, совершивших убийство на 2018/2019 составляет 91130 человек, а при этом содержаться 42745 человек, а число, освобожденных составляет 68254 человека. По нашему мнению, такие цифры недопустимы и необходима кардинально менять методы раскрытия преступлений и создавать новые методы по перевоспитанию осужденных в местах лишения свободы с целью создания законопослушных граждан и повышению безопасности в обществе.

Очевидно, что в России осуществление контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, законодатель попытался увязать с основанием освобождения из исправительного учреждения.

Международные стандарты ориентируют государства на организацию контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и оказание им соответствующей помощи. Так, в Основных принципах обращения с заключенными, принятых ООН, указывается, что необходимо создавать условия, дающие заключенным возможность заниматься полезным вознаграждаемым трудом, что облегчит их реинтеграцию на рынке рабочей силы и позволит им оказывать финансовую помощь своим семьям (п. 8), а также с участием и при содействии общественности и социальных институтов и с должным учетом интересов потерпевших создаются благоприятные условия для реинтеграции бывших заключенных в общество в наиболее благоприятных условиях (п. 10) [7].

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными на различные аспекты контроля за лицами, освобожденными из мест заключения, указывается неоднократно [8]. В целом в них отмечается, что целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является в конечном счете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений, а этой цели можно добиться, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование (пр. 58).

Так, правило 80 гласит, что с самого начала отбывания срока заключения следует думать о будущем, поэтому заключенному нужно помогать поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами заведения, которые способны защищать интересы его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения. Правило 81 конкретизирует работу в этом направлении. В нем предусматривается, что правительственные и другие органы и учреждения, помогающие освобожденным заключенным находить свое место в обществе, должны заботиться о том, чтобы такие заключенные получали необходимые документы и удостоверения личности, находили устраивающее их жилье и работу, имели подходящую и достаточную для данного климата и времени года одежду и располагали средствами, достаточными для проезда к месту назначения и жизни в течение периода, непосредственно следующего за их освобождением; аккредитованные представители таких учреждений должны иметь возможность посещать тюремные заведения и заключенных в них лиц.

Очевидно, что международные стандарты предусматривают необходимость контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В связи с этим следует обратить внимание на уголовное законодательство некоторых зарубежных государств.

Уголовное законодательство стран ближнего зарубежья в целом схоже с российским, в том числе относительно видов досрочного освобождения и контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Однако имеется ряд концептуальных положений, наличие которых в УК РФ повысило бы эффективность уголовно-правового регулирования в изучаемой области.

В УК Республики Казахстан отсутствуют статьи, непосредственно посвященные контролю за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [5].

Основные особенности норм УК Республики Казахстан, касающихся видов досрочного освобождения от наказания, заключаются в следующем:

УДО невозможно применять в отношении гражданина, приговором суда которому назначена смертная казнь, заменена отбыванием наказания отбытием в местах лишения свободы в порядке помилования;

невозможно заменить не отбытую часть наказания по приговору суда, если лицо приговорено к наказанию по преступлению, относящейся к категории особо тяжких;

возможно освободить гражданина от отбывания наказания в случае болезни, либо назначение более мягкого вида наказания, предусмотренного Законом. При этом суд учитывает тяжесть совершенного преступления, вид заболевания и личные особенности лица.

Кроме того, в отличие от УК РФ, согласно ст. 77 Республики Казахстан, если осужденный до истечения срока погашения судимости вновь совершил преступление, течение срока, погашающего судимость, прерывается, срок погашения судимости по первому преступлению исчисляется заново после фактического отбытия основного и дополнительного наказания за последнее преступление.

Некоторые отличия от УК РФ имеет и Уголовный кодекс Республики Армении [4]:

при назначении УДО, суд предоставляет возможность осужденному загладить вину, что будет выступать основанием освобождения от наказания и следствием, что осужденный перевоспитался и в будущем не совершит преступление;

если лицо, отбывание наказание в форме пожизненного лишения свободы и в будущем совершило рецидив, то течение срока условно-досрочного освобождения – 25 лет – приостанавливается до истечения срока нового наказания;

суд может заменить не отбытую часть наказания другим более мягким наказанием, если преступление совершено небольшой или средней тяжести;

в случае совершение лицом нового преступления до момента погашения судимости предыдущего, то срок погашения исчисляется заново после фактического отбытия наказания. В этом случае лицо считается судимым за оба преступления до истечения срока отбывания наказания.

В Уголовном кодексе Украины также отсутствуют статьи, непосредственно посвященные контролю за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [6].

Особенности положений УК Украины, касающихся видов досрочного освобождения от наказания, влекущих за собой организационно-правовые изменения осуществления контроля за освобожденными лицами, состоят в следующем: 1) после замены неотбытой части наказания более мягким, если лицо совершит новое преступление, то суд назначить наказание по совокупности приговоров; 2) при освобождении от наказания в связи с тяжелой болезнью, лицо будет освобождено от отбывания наказания с учетом характера и степени заболевания; 3) в случае выздоровления лиц, освобожденных от наказания в связи с психической болезнью, такие лица должна отбыть наказание если не истек срок давности такового; 4) амнистия принимается только Законом; 5) если лицо, отбывшее наказание, до истечения срока погашения судимости вновь совершило преступление, течение срока погашения судимости прерывается и исчисляется заново. В этих случаях сроки погашения судимости исчисляются отдельно по каждому преступлению после фактического отбытия наказания (основного и дополнительного) за последнее преступление.

Уголовно-исполнительный кодекс Украины, в свою очередь, прямо устанавливает ряд норм, посвященных правовому статусу лиц, отбывших наказание (ст. 155 УИК Украины), надзору за лицами, освобожденными от отбывания наказания (гл. 25 УИК Украины), а также осуществлению контроля за поведением лиц, освобожденных от отбывания наказания (гл. 26 УИК Украины) [13].

Уголовный кодекс Республики Беларусь имеет еще более существенные отличия от российских норм относительно досрочного освобождения осужденных из мест лишения свободы и контроля за такими лицами [3]. Считаем необходимым выделить некоторые положения, небезынтересные для российского законодателя.

В ч. 3 ст. 45 УК Республики Беларусь прямо предусмотрено, что в течение срока судимости за осужденным может осуществляться профилактическое наблюдение или превентивный надзор. Порядок и условия их осуществления определяются Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь.

В ст. 80 УК Республики Беларусь приводятся основы осуществления превентивного надзора за осужденным. Так, за лицом, допустившим особо опасный рецидив, после освобождения из мест лишения свободы устанавливается судом превентивный надзор до снятия судимости.

В ст. 91 УК Республики Беларусь перечислены условия освобождения от наказания или замены наказания более мягким в связи с болезнью осужденного. К основным отличия от российского института относятся: – при освобождении от наказания в связи с тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, лицо может быть освобождено судом от отбывания наказания или это наказание может быть заменено более мягким видом наказания, и при этом учитываются тяжесть совершенного преступления, личность осужденного, характер заболевания и другие обстоятельства; – лицо, заболевшее после вынесения приговора психической болезнью, лишающей его возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими, освобождается от отбывания наказания с возможным назначением принудительных мер безопасности и лечения. Но лицо, освобожденное от наказания по болезни, к которому были применены принудительные меры безопасности и

лечения, в случае его выздоровления подлежит наказанию, если не истекли сроки давности исполнения приговора (как и в России), но при этом время, в течение которого к нему применялись принудительные меры безопасности и лечения, засчитывается в срок наказания (что в УК РФ не определено).

Существенно отличается от российского институт амнистии, которому посвящена ст. 95 УК Республики Беларусь. Так, амнистия применяется на основании закона Республики Беларусь, а если лицо, условно освобожденное актом амнистии от наказания, в течение не отбытого срока совершит умышленное преступление или преступление по неосторожности, за которое оно осуждается к лишению свободы, суд назначает ему наказание по совокупности приговоров.

Аналогичным образом отличается от российского институт помилования (ст. 96 УК Республики Беларусь): если лицо, условно освобожденное актом помилования, в течение не отбытого срока совершит умышленное преступление, а равно преступление по неосторожности, за которое оно осуждается к лишению свободы, суд назначает ему наказание по совокупности приговоров.

Особый интерес представляет институт судимости в УК Республики Беларусь (гл. 13), который также существенно отличается от российского:

если судимое лицо по приговору суда вновь совершит особо опасный рецидив, то судимости не исключается. Особо опасный делится на два вида: тяжкое преступление, за которое лицо осуждается к реальному лишению свободу+два тяжких, за которое лицо осуждалось к реальному лишению свободы; особо тяжкое преступление+два тяжких или 1 особо тяжкое.

в случае УДО более мягким видом наказания исчисляться как таковое будет со дня истечения неотбытой части или начала отбытия нового;

в случае, освобождения лица от отбытия наказания по причине тяжелого заболевания, то такое лицо с момента принятия такового решения признается не судимым;

По мимо этого, РФ и другие рассмотренные нами страны пытается реабилитировать лиц, оказавшихся в такой не самой «хорошей» ситуации путем института общественного контроля еще в местах отбывания наказания с целью вернуть в общество законопослушного гражданина, но и предупредить рецидив преступлений после освобождения [15, с. 145].

На основании всего вышесказанного следует, что уголовное законодательство стран ближнего зарубежья, регламентирующее вопросы досрочного освобождения от наказания и контроля за освобожденными лицами, имеет ряд положений, интересных для российского законодательства.

Таким образом, российскому законодателю следует обратить пристальное внимание на существующие пробелы и предпринять меры к их устранению принимая опыт других стран.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // Доступ их справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2019).

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2019).

[3] Уголовный кодекс Республики Беларусь // Официальный сайт Кодексы РБ. URL: http://уголовный-кодекс.бел (дата обращения 11.05.2019).

[4] Уголовный кодекс Армении // Официальный сайт Уголовные кодексы мира. URL: http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-armenii/ (дата обращения 11.05.2019).

[5] Уголовный кодекс Казахстан // Официальный сайт Учет. Законодательство. URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения 11.05.219).

[6] Уголовный кодекс Украины // Официальный сайт Meget. URL: https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/ (дата обращения 11.05.2019).

[7] Основные принципы обращения с заключенными от 14 декабря 1990 г. Резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблей ООН // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»(дата обращения 11.05.2019).

[8] Минимальные стандартные правила обращения с заключенными от 30 августа 1955 г. // Официальный сайт Конституции Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305346/ (дата обращения 11.05.2019).

[9] Об утверждении инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: Приказ Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 // Российская газета. - 2009.

[10] Уголовно-исполнительная инспекция. УФСИН РФ. Статистическая информация лиц, освобождённых из мест лишения свободы. http://fsin.su/structure/inspector/iao/statictika (дата обращения: 11.05.2019).

[11] Ольховик Н.В. Индивидуализация контроля уголовно-исполнительных инспекций за осужденными без изоляции от общества // Вест-

ник Томского государственного университета. Право. – 2017. - № 24. – С. 37-51.

[12] Афонченко Т.П. Сущность постпенального контроля за осужденными в контексте взаимосвязи с уголовной ответственностью // Развитие территорий. – 2016. - № 5. – С. 82-90.

[13] Некрасов А.П. Особенности контроля за условно осужденными со стороны работников уголовно-исполнительных инспекций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kontrolya-za-uslovno-osuzhdennymi-so-storony-rabotnikov-ugolovno-ispolnitelnyh-inspektsiy (дата обращения 11.05.2019).

[14] Байбарин А. А. Психическая незрелость // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 163-166.

[15] Садчикова Д. Н., Тарыкин В. К. Общественный контроль в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вопросы развития мировых научных процессов. 2018. 2 том. С. 145-147.

[16] Уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие / А.А. Байбарин, А.А. Гребеньков, С.В. Шевелева; Отв. ред. А.А. Гребеньков; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 429 с.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 23.04.2019) // Access to their reference legal system "ConsultantPlus" (date of appeal 11.05.2019).

[2] Criminal Executive Code of the Russian Federation No. 08 dated January 1997, 1-FZ (as amended on 27.12.2018) // Access from the ConsultantPlus legal system (date of application 11.05.2019).

[3] Criminal Code of the Republic of Belarus // Official website Codes of the Republic of Belarus. URL: http ://criminal code (date of appeal 11.05.2019).

[4] Criminal Code of Armenia // Official website Criminal Codes of the World. URL: http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-armenii/ (date of contact 11.05.2019).

[5] Criminal Code of Kazakhstan // Official website Accounting. Legislation. URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K1400000226 (11.05.219 access date).

[6] Criminal Code of Ukraine // Official website of Meget. URL: https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/ (date of contact 11.05.2019).

[7] Basic Principles for the Treatment of Prisoners of December 14, 1990, Resolution 45/111 of the UN General Assembly // Access from the ConsultantPlus legal system (date of appeal 11.05.2019).

[8] Minimum Standard Rules for the Treatment of Prisoners of August 30, 1955 // Official website of the Constitution of the Russian Federation. URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305346/ (date of contact 11.05.2019).

[9] On the approval of instructions on the organization of the execution of punishments and measures of a criminal nature without isolation from society: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of May 20, 2009 No. 142 // Rossiyskaya Gazeta. - 2009.

[10] Criminal Executive Inspectorate. FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION. Statistical information on persons released from prison. http://fsin.su/structure/inspector/iao/statictika (дата обращения: 11.05.2019).

[11] Olkhovik N.V. Individualization of control of criminal executive inspections for convicts without isolation from society // Bulletin of Tomsk State University. Right. – 2017. - № 24. - S. 37-51.

[12] Afonchenko T.P. The essence of post-prison control over convicts in the context of the relationship with criminal liability // Development of territories. – 2016. - № 5. - S. 82-90.

[13] Nekrasov A.P. Peculiarities of control over conditionally convicted by employees of criminal executive inspections // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. – 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kontrolya-za-uslovno-osuzhdennymi-so-storony-rabotnikov-ugolovno-ispolnitelnyh-inspektsiy (дата обращения 11.05.2019).

[14] Baibarin A. A. Mental immaturity // Business in law. 2007. № 4. S. 163-166.

[15] Sadchikova D.N., Tarykin V.K. Public control in correctional institutions of the penitentiary system // Issues of the development of world scientific processes. 2018. 2 vol. S. 145-147.

[16] Russian criminal law. General part: study. allowance/A.A. Baybarin, A.A. Grebenkov, S.V. Sheveleva; Resp. ed. A.A. Grebenkov; South West. state. un-t. Kursk, 2013. 429 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-280-284
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна,
доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: pavlovna.76@mail.ru

АНДРЕЕВА Марина Мирославовна,
старший преподаватель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: marina-andreeva.2011@yandex.ru

ГЕВОРГЯН Кирилл Константинович,
аспирант кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: kirill199822@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые вопросы производства отдельных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела таких, как получение объяснений, истребование предметов и документов и их изъятие, производство документальных проверок и ревизий, касающиеся отсутствие законодательно закрепленного понятия данных действий, а также процессуального порядка их производства и оформления хода и результатов. В целях разрешения обозначенных вопросов авторами вносятся предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство.*

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, объяснение, истребование предметов и документов, документальная проверка, ревизия.*

ALEKSANDROVA Olga Pavlovna,
Associate Professor, Department of Law Enforcement, Criminal Law and Process, Pskov State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

ANDREEVA Marina Miroslavovna,
Senior Lecturer at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University

GEVORGYAN Kirill Konstantinovich,
Postgraduate Student at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University

CERTAIN ISSUES REGARDING THE CONDUCT OF SPECIFIC PROCEDURAL ACTIONS AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

Annotation. *The article examines certain issues related to the performance of specific procedural actions at the stage of initiating a criminal case, such as obtaining explanations, requesting and seizing objects and documents, and conducting documentary audits and inspections.*

The study highlights the lack of a legislative definition for these actions, as well as the absence of a clear procedural framework for their execution and documentation. To address these issues, the authors propose amendments to the criminal procedure legislation.

Key words: *initiation of criminal proceedings, statement, request for the production of items and documents, documentary audit, audit.*

Стадия возбуждения уголовного дела, будучи процессуальным фильтром и точкой отсчета официального уголовного преследования, сохраняет свою ключевую роль в системе уголовного судопроизводства.

Для принятия законного, обоснованного и справедливого решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо наличие закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК РФ) оснований (ст. 24 и ст. 140), для установления которых в соответствии со ст. 144 УПК РФ обязательно проведение проверки по сообщению о преступлении (поводу).

Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ) существенно расширил перечень процессуальных действий, которые могут быть проведены уполномоченными должностными лицами на стадии возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении.

Остановимся на некоторых процессуальных действиях, которые уже длительное время вызывают оживленные дискуссии в науке и у правоприменителей, в том числе и с учетом положений ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ о том, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 УПК РФ» о допустимости доказательств, то есть чтобы они не были получены с нарушением уголовно-процессуального законодательства.

Так, в тексте закона не раскрывается содержание таких процессуальных действий, как «получение объяснений», «истребование предметов и документов и их изъятие» в порядке, установленном УПК РФ, «документальные проверки» и «ревизии», не регламентируется ни процедура производства указанных действий, ни процессуальные документы, которыми должны быть оформлены их ход и результаты, а потому сведения, полученные в ходе проведения указанных процессуальных действий не рассматриваются в качестве доказательств, так как они получены без соблюдения процессуальной формы и порождают сомнения в достоверности.

Актуальность обозначенной выше проблемы в части, касающейся получения объяснений не вызывает сомнений, особенно когда участники уголовного судопроизводства впоследствии сообщают иные сведения, а также при производстве дознания в сокращенной форме, в ходе которого дознаватель в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения.

Процессуалисты предлагают разные варианты совершенствования правовой регламентации процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела.

По мнению В.М. Герасенкова, «необходимо в ст. 5 УПК РФ ввести п. 22.1 следующего содержания: «Объяснение – сведения, полученные от лиц на стадии рассмотрения заявления или сообщения о преступлении, об обстоятельствах, имеющих значение для принятия решения в соответствии со ст. 145 настоящего Кодекса»» [4, с. 77].

Представляется интересным и заслуживающим внимания мнение М.Н. Богданова и Д.А. Никитина, которые предлагают дополнить ст. 144 частью 1.3. в следующей редакции: «Объяснения гражданина или должностного лица представляет собой сведения, имеющие отношение к сообщению о совершенном или готовящемся преступлении и сообщенные данным лицом в устной или письменной форме.

Устное объяснение оформляется в виде документа, именуемого «объяснение», в котором указывается дата, время и место его составления, должность, специальное звание, фамилия и инициалы сотрудника, составившего объяснение, сведения о лице, дающем объяснение, сообщенные сведения.

Объяснение должно содержать запись о разъяснении лицу прав, предусмотренных ст. 51 Конституции РФ, которая удостоверяется его подписью.

Объяснение подписывается сотрудником, его составившим, и лицом, давшим объяснения» [2, с. 77].

Соглашаясь с предложениями указанных выше авторов, по нашему мнению, целесообразно дополнить ст. 5 УПК РФ понятием «объяснения» в следующей редакции: «Объяснения заявителя, лица, в отношении которого проводится проверка, иных лиц, данные в ходе проверки сообщения о преступлении, которым разъяснены права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, представляют собой сведения об об-

стоятельствах, имеющих имеющие значение для установления признаков преступления и разрешения сообщения по существу, зафиксированное в письменном виде», а сам порядок его получения и процессуального оформления закрепить в ст. 144 УПК РФ.

Законодатель в ст. 144 УПК РФ не закрепил и процедуру производства такого процессуального действия, как истребование предметов, документов и их изъятие в порядке, установленном указанным Кодексом.

Проведенный анализ норм УПК РФ позволил определить некоторые способы истребования предметов и документов и их изъятия.

Так, на основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Таким образом, истребование может происходить на основании запроса указанных государственных органов и должностных лиц.

Представляется интересным предложение О.П. Александровой о целесообразности законодательного закрепления факта изъятия истребуемых предметов и документов с составлением протокола, «в котором отражаются факт и обстоятельства изъятия предметов и документов, их перечень с точным указанием их количества, меры, веса, и индивидуальных признаков. Протокол подписывается должностным лицом, его составившим, и лицом, у которого изъяты предметы и документы. Копия протокола вручается под роспись лицу, у которого изъяты предметы и документы. Протокол должен содержать записи о разъяснении лицу, у которого истребуются и изымаются предметы и документы, прав, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 настоящего Кодекса, и требований части 4 ст. 21 настоящего Кодекса, которые удостоверяются его подписью» [1,с. 145].

Аналогичного мнения придерживается и Л.Г. Демурчев, указывая на необходимость составления протокола при истребовании предметов и документов [5, с. 177].

Соглашаясь с необходимостью законодательного закрепления процессуального порядка истребования и изъятия предметов и документов, отметим, что законодатель не предусмотрел никаких мер воздействия к лицам, не представившим запрашиваемые документы, предметы. Думается в отношении таких лиц целесообразно предусмотреть возможность применения мер принуждения в виде денежного взыскания. Поэтому представляется целесообразным дополнить часть 4 ст. 21 УПК РФ положением следующего содержания: В случае неисполнения указанных требований, поручений и запросов учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами на них может быть наложено денежное взыскание в порядке, предусмотренном ст. 117 настоящего Кодекса».

Кроме того, самого по себе такого процессуального действия как изъятие в уголовном судопроизводстве нет. Изъятие следов, предметов и документов может осуществляться в ходе осмотра места происшествия, выемки и обыска. Однако выемка и обыск могут производиться только по возбужденному уголовному делу.

Изъятие предметов и документов до принятия решения о возбуждении уголовного дела в соответствии с УПК РФ допускается только в ходе производства только такого следственного действия, как осмотр места происшествия (ст. 176, 177, 180 УПК РФ).

Однако ряд авторов отмечают [3, с. 51; 8, с. 65], что во многих органах предварительного расследования распространена практика производства выемок до возбуждения уголовного дела, когда это не требует получения судебного решения, и критически относятся к подобным явлениям правовой действительности, обосновывая свою позицию отсутствием законодательного дозволения на производство выемки до возбуждения уголовного дела и разъяснениями Генеральной прокуратуры РФ, изложенными в информационном письме от 20.08.2014 № 36-11-2014 «О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела», согласно которым «изъятие в стадии возбуждения уголовного дела возможно только при производстве следственных действий, исчерпывающе перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, среди которых обыск и выемка не фигурируют» [8, с. 65-66]

Существует и иная точка зрения и некоторые авторы полагают допустимым производство выемки до возбуждения уголовного дела. Так, например, А.С.Каретников, С.А. Коретников полагают возможным «производства выемки и обыска не только в тех местах, где не требуется судебное решение, но и в местах, где оно необходимо, либо без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства» [6, с. 39].

О.А. Тетерин и Т.В. Тетерина на основе анализа решений судов, признавших допустимыми доказательства, полученные в ходе выемки до возбуждения уголовного дела, считают «возможным производство выемки до возбуждения уголовного дела при соблюдении требований ст.183 УПК РФ» путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ [7, с. 82-83].

По нашему мнению, выемка – это следственное действие, обеспеченное принуждением, которое существенным образом затрагивает права и свободы человека, и вряд ли можно указанное действие производить на этапе, когда признаки преступления с достоверностью не установлены.

Законодатель в УПК РФ, как уже упоминалось выше, не раскрывает и такие понятия, как «документальная проверка» и «ревизия». В тексте иных Федеральных законов (например, ст. 72 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации») используется термин «документарная проверка», под которой понимается «контрольное (надзорное) мероприятие, которое проводится по месту нахождения контрольного (надзорного) органа и предметом которого являются исключительно сведения, содержащиеся в документах контролируемых лиц, устанавливающих их организационно-правовую форму, права и обязанности, а также документы, используемые при осуществлении их деятельности и связанные с исполнением ими обязательных требований и решений контрольного (надзорного) органа. Документы могут представляться контролируемыми лицами с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг, регионального портала государственных и муниципальных услуг или мобильного приложения "Инспектор"».

В п. 5 Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов РФ с Генеральной прокуратурой РФ, Министерством внутренних дел РФ, Федеральной службой безопасности РФ при назначении и проведении ревизий (проверок), утвержденного приказом Минфина России, МВД России и ФСБ России от 07.12.1999 № 89н/1033/717 «под проверкой понимается контрольное действие по определенному кругу вопросов, участку или эпизоду финансово-хозяйственной деятельности ревизуемой организации».

Анализ действующей редакции законодательства и правоприменительной практики позволяет констатировать, что документальная проверка понимается как оперативное, преимущественно камеральное исследование документов (как на бумажных, так и на электронных носителях) для установления наличия или отсутствия признаков преступления в сфере экономической, финансовой или хозяйственной деятельности. Ее целью является первичный сбор и анализ информации, содержащейся в бухгалтерской, налоговой, отчетной и иной документации, без глубокого сплошного контроля всей финансово-хозяйственной деятельности субъекта. Проверка часто носит выборочный и целевой характер, фокусируясь на конкретных операциях или периодах.

Понятие «ревизия» вообще нигде не закреплено на законодательном уровне. В п. 5 упомянутого выше Положения «ревизия» определена как «система контрольных действий по документальной и фактической проверке обоснованности совершенных организацией хозяйственных и финансовых операций в ревизуемом периоде или достигнутых результатов ее финансово-хозяйственной деятельности».

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что она, в отличие от проверки, представляет собой систему обязательных контрольных действий по сплошной или выборочной (но в установленной пропорции) проверке финансово-хозяйственных операций ревизуемого субъекта за определенный период. Она характеризуется большей формализацией, строгой последовательностью процедур (инвентаризация, экспертиза документов, встречные сверки и т.д.) и итоговым документом – актом ревизии, имеющим особую доказательственную силу. Ревизия направлена не только на выявление признаков преступления, но и на установление точного размера причиненного ущерба, выявление механизма противоправных действий и ответственных лиц.

Важной тенденцией настоящего времени стало расширение толкования предмета документальной проверки и ревизии за счет цифровых следов и данных. Документами признаются не только традиционные бумажные носители, но и электронные документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, записи в базах данных (CRM, ERP-системы), лог-файлы, метаданные файлов, информация сонлайн-касс и фискальных накопителей. Это требует от лиц, производящих проверку или ревизию, и привлекаемых в качестве специалистов владения знаниями и навыками в области цифровизации.

Процедура инициирования документальной проверки или ревизии на законодательном уровне также не нашла своего закрепления. Правоприменительная практика идет по пути вынесения следователем соответствующего постановления. Их проведение поручается не процессуальным фигурам (специалисту, эксперту), а контрольно-ревизионным органам (например, органам Федерального казначейства, Росфиннадзора) или штатным ревизорам самой организации (в случае ведомственной ревизии).

В правоприменительной практике возникают и вопросы по поводу процессуального оформления акта (справки, заключения) по результатам документальной проверки или ревизии, так как на законодательном уровне их форма не утверждена, что приводит к их вариативности и неполноте.

Представляется целесообразным внесение изменений в УПК РФ, предусматривающих примерную обязательную структуру таких документов, включающую описание исследованных данных, примененные методы, однозначные выводы о выявленных нарушениях со ссылкой на нормы права, а также указание на ограничения и неисследованные вопросы.

Список литературы:

[1] Александрова О.П. Доказывание на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы правоведения. 2018. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации(12 декабря 2018 г.). Псков: Псковский государственный университет, 2018. Часть I. С. 142 147.

[2] Богданов М. Н., Никитин Д. А. К вопросу об использовании объяснения в ходе проверки сообщения о преступлении // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4-2. С. 72-77.

[3] Воскобойник И.О. Проблемы охраны прав личности при проверке сообщения о преступлении. – Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, 2013, № 2 (32), с. 48–52.

[4] Герасенков В.М. Объяснения как источник доказательств в уголовном процессе // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Демурчев Л.Г. Общие проблемы истребования доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 175-178.

[6] Каретников А.С., Коретников С.А. След¬ственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 37-42.

[7] Тетерин О.А., Тетерина Т.В. О возможности производства выемки предметов (документов) до возбуждения уголовного дела // Вестник. Государство и право. 2021. № 3 (30). С. 80-83.

[8] Шадрин В.С. Новые возможности уголовно-процессуальной проверки в стадии возбуждения уголовного дела, их истоки и последствия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 6 (44). С. 62-66.

References:

[1] Alexandrova O.P. Proof at the stage of initiating a criminal case // Actual problems of law. 2018. Materials of the international scientific conference dedicated to the 25th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation (December 12, 2018). Pskov: Pskov State University, 2018. Part I. S. 142 147.

[2] Bogdanov M.N., Nikitin D.A. To the question of using an explanation during the verification of a crime report // Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. № 4-2. S. 72-77.

[3] Waxer I.O. Problems of protecting individual rights when checking a crime report. - Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, No. 2 (32), p. 48-52.

[4] Gerasenkov V.M. Explanations as a source of evidence in criminal proceedings // SPS "ConsultantPlus.".

[5] Demurchev L.G. General problems of requesting evidence at the stage of initiating a criminal case // Society and law. 2011. № 1 (33). S. 175-178.

[6] Karetnikov A.S., Koretnikov S.A. Trace ¬ personal actions as ways to verify the report of a crime // Legality. 2014. № 7. S. 37-42.

[7] Teterin O.A., T.V. Teterina. On the possibility of seizure of objects (documents) before the initiation of a criminal case // Bulletin. State and law. 2021. № 3 (30). S. 80-83.

[8] Shadrin V.S. New opportunities for criminal procedural verification at the stage of initiating a criminal case, their origins and consequences // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2014. № 6 (44). S. 62-66.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-285-288

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: morozur@mail.ru

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, e-mail: sergvladimirof@yandex.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕОЛОКАЦИОННЫХ ДАННЫХ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ АЛИБИ ИЛИ ПРИСУТСТВИЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Аннотация. *В статье раскрывается структурно-логическая сторона события преступления как предмета криминалистического исследования. Авторами анализируется система материальных и идеальных следов, а также ключевые элементы механизма преступления – время, место, способ совершения деяния, обстановка, предмет и средства преступления, личность потерпевшего и иные факторы. Особое внимание уделено использованию пространственно-временной и геолокационной информации в расследовании преступлений: рассмотрены возможности динамической геолокации, сервисы сотовых операторов, мобильные приложения и иные инструменты фиксации перемещений. На примере конкретного уголовного дела показана практическая ценность геоданных для подтверждения или опровержения алиби, установления механизма преступления и круга причастных лиц.*

Ключевые слова: *мобильное приложение, геолокация, динамическая геолокация, осмотр предмета, координаты, пользователь, расследование преступлений, событие преступления.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL)

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

TACTICAL AND FORENSIC FEATURES OF EXAMINING A MOBILE DEVICE IN THE INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED BY CONVICTS IN THE INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN PENITENTIARY SERVICE

Annotation. *The article reveals the structural and logical aspect of the crime event as a subject of forensic investigation. The authors analyze the system of material and ideal traces, as well as the key elements of the crime mechanism – time, place, method of committing the act, the environment, the subject and means of the crime, the victim's personality, and other factors. Special attention is paid to the use of spatiotemporal and geolocation information in crime investigation: the possibilities of dynamic geolocation, mobile operator services, mobile applications, and other tools for recording movements are considered. Using a specific criminal case as an example, the practical value of geodata in confirming or refuting an alibi, establishing the mechanism of the crime, and identifying the individuals involved is demonstrated.*

Key words: *application, geolocation, dynamic geolocation, object inspection, coordinates, user, crime investigation, crime.*

Структурно-логическая сторона события преступления как предмета исследования криминалистической науки представляет собой многоэлементную взаимосвязанную систему материальных и идеальных следов, обусловленных совершением противоправного деяния, а также непосредственно связанными с ним факторами и условиями, в которых осуществляется подготовка, реализация и сокрытие лицом (группой лиц) уголовно наказуемого деяния. При этом релевантный анализ информационного обеспечения раскрытия преступления сводится к установлению органами предварительного расследования следующих компонентов события преступления:

времени (длящегося периода времени) совершения преступления;

места совершения преступления и сопряженных с ним мест происшествий, сохранивших материальные и идеальные следы преступной деятельности;

способа и формы (действия, бездействия) совершения, подготовки и сокрытия преступления;

обстановки совершения преступного посягательства;

предмета, средств совершения преступления, их свойств, качеств и идентификационных признаков;

потерпевшего (потерпевших);

криминального результата преступного посягательства, выраженного в определенно-конкретной форме (физического, морального, материального, имущественного и иного вида вреда, посягательства на интересы и безопасность государства, подрыва авторитета суда, служб, ведомств, органов власти и т.д.)

механизма обстоятельств, событий, условий, факторов, детерминирующих событие преступления (например, распитие алкогольных напитков перед совершением насильственных преступлений; нарушение процессов, обеспечивающих безопасность кредитных организаций перед организованным хищением денежных средств).

Соглашаясь с мнением, профессора В.Д. Пристанскова, отметим, что актуальность анализа криминалистического познания события преступления, в том числе и через его следовую картину, заключена в создании эффективного криминалистического инструментария их оперативного выявления [Пристансков, с. 78]. В этой связи исследование вопроса места преступления и места происшествия, являющихся центральным звеном события преступления через условно пространственную систему координат, представляет очевидное значение не только для установления геолокационных данных (геопозиционирования) лица, подозреваемого в совершении преступления, проверки его алиби, выдвижения криминалистических версий, но и выработки новых, практико-ориентированных направлений хода расследования преступлений, отвечающих уровню современной цифровизации и росту преступного профессионализма.

Использование пространственно-временной информации, навигационных данных, систем и сервисов глобального геопозиционирования и геолокации установления физического нахождения человека или же принадлежащего ему абонентского устройства получило широкое распространение в рамках установления обстоятельств преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, хищением имущества, киберпреступлениями. Например, в ходе установления обстоятельств серии краж на общую сумму более 4 миллионов рублей, совершенной в коттеджном поселке города Сергиево-Посада

Московской области, виновность Журавлева В.Б. и Правдина С.В. была подтверждена не только показаниями потерпевших, свидетелей, результатами следственных действий, собранными вещественными доказательствами, результатами судебных экспертиз и оперативно-розыскных мероприятий, но и сведениями о совпадении геолокационной информации о соединениях, используемого обвиняемым абонентского номера (в периметре станций приема мобильного оператора) и маршрута движения транспортных средств, используемых подельниками для передвижения и последующего сокрытия похищенного имущества .

Знания геолокационных данных позволяют следственным органам получать не только обвинительные, но и оправдательные доказательства, подтверждать алиби подозреваемого, показания свидетелей, находившихся на месте происшествия в момент наступления общественно-опасного события. Не случайно В.Ю. Кузовлев, в своем исследовании отмечает, что в перечень тактико-криминалистических задач установления местонахождения участников уголовно-процессуальных отношений входит [Кузовлев, с.160]:

установление факта и времени нахождения лица, показания которого представляют интерес для установления обстоятельств преступного события, в определенном месте;

установление маршрута движения потенциальных участников уголовно-процессуальных отношений;

проверка показаний о месте и времени определенного события;

установление длительности нахождения подозреваемого, потерпевшего, свидетеля в определенном месте;

проверка факта совместного нахождения разных лиц в определенном месте (например, подозреваемого и потерпевшего; подозреваемого и свидетеля; свидетелей; группы подозреваемых лиц).

Дусева Н.Ю. также обоснованно утверждает, что получение пространственно-временной информации об объектах, вовлеченных в процесс расследования, помогает установить хронологию событий, а также все перемещения объектов в интересующий следствие отрезок времени с целью установления связи между местом происшествия и местом преступления [Дусева, с. 49].

Наряду с традиционным оформлением следователем запроса в адрес сотового оператора, а также проведением следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, оформлением поручения в адрес оперативных подразделений о проведении оперативно-розыскных мероприятий о верификации показаний участника уголовного-процесса, утверждающего о местонахождении в определенный момент времени, альтернативным инструментом служит получение следователем данных о динамической геолокации.

Динамическая геолокация (динамическое геопозиционирование) представляет собой процесс отслеживания перемещения объекта (лица или носимого при нем устройства) в режиме реального времени, сопровождающегося автоматическим обновлением пространственной системы координат.

Существенным отличием динамической геолокации служит возможность определения траектории, скорости, маршрута движения лица; возможного использования дополнительных средств передвижения (автомобиля, велосипеда, электросамоката); посещение различных общественных мест (кафе, ресторанов, тренажерных залов), супермаркетов, организаций. Сведения о динамической геолокации собираются приложением при использовании GPS-модуля, GPS-трекера, GPS-метки или геолокационным сервисом (веб-сайтом, личным кабинетом) сотового оператора, привязанного к абонентскому номеру мобильного устройства. Наиболее распространенными инструментами установления динамической геолокации в России служат:

Геолокационные сервисы сотовых операторов:

«Геопоиск+» для пользователей услуг мобильной связи «Т2»;

«Билайн.Локатор»;

«МТС Поиск»;

«Радар», доступный для подключения абонентам «Мегафон»;

«Друзья на карте» («СберМобайл») при использовании данных цифровой экосистемы «2ГИС».

Геолокационные приложения: «Моя GPS позиция», «GeoLocator», «TrackView», «Геотрекер», «GPS Трекер», «Локатор» (для смартфонов платформы «iOS»).

Сторонние мессенджеры с возможностью передачи местоположения в диалоге с другими пользователями («Vk» с функцией «место» в беседе мессенджера; платформа «Макс» с инструментом «Место» в чате контактов; «Поделиться, где я» в «Яндекс.Картах» при использовании сервисов «Яндекс 360», «Яндекс.Аудитория», «Яндекс.Мессенджер», «Яндекс.Дзен»).

GPS-метки скрытого ношения и bluetooth-трекеры для физических лиц («Hoco», «TKStar», «UniGuard», «Xiaomi Tag»), GPS-трекеры для автомобилей («АвтоФон», «StarLine»).

Особенности работы инструментов отслеживания динамической локации сводятся к

непрерывной передаче данных о местоположении лица или принадлежащих ему средств передвижения в облачную систему сервиса (приложения), позволяющего следователю отследить и запротоколировать данные о местоположении лица в определенный период времени. Тактико-криминалистические особенности собирания указанной информации в рамках динамического этапа рабочей стадии проведения осмотра предмета (мобильного устройства) следователем сводятся к обнаружению следующих сведений:

дате регистрации и разрешения доступа геолокационной системе к данным пользователя;

количествах контактов (участников, подписок) для отслеживания местоположения;

данных карт, гео-меток контактов (пользователей) в конкретный момент времени (период времени) с указанием радиуса погрешности координат: «28.01.2016, 11:44, «Коля Ивлев», г. Волгоград, пересечение ул. Ленина и ул. Гагарина, 350 м»;

сервисных уведомлениях об изменении геолокационной зоны пользователем;

содержании поисковой строки запросов о местонахождении других пользователей.

Маршрут передвижения пользователя, а также иные данные, носящие пространственно-временной длящийся характер (посещение супермаркетов, кафе и ресторанов, маршрут пробежки, передвижение на автомобиле) следователю целесообразно не только отражать в протоколе, но и документировать с использованием средств дополнительной фиксации, где скриншоты с мобильного устройства или фотографии пользовательской страницы геолокационного сервиса составляют приложение к протоколу осмотра предмета в форме фототаблицы.

Данные о геолокации и местоположении лица, располагающего информацией о преступном событии, позволяют следователю подтвердить или опровергнуть алиби подозреваемого, определить механизм преступного события, обстановку совершенного преступления, а также круг лиц, как потенциально вовлеченных, так и не причастных к процессу совершения противоправных действий.

Список литературы:

[1] Дусева Н. Ю. Установление места и обстоятельств совершения преступления средствами информационно-коммуникационных систем, содержащих пространственно-временные данные // Вестник научных конференций. 2016. № 3-3 (7). С. 49-50.

[2] Кузовлев В. Ю. Использование возможностей средств навигации в установлении обстоятельств совершения преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 4-2. С. 159-165.

[3] Пристанскоv В. Д. Событие преступления как объект криминалистического познания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 1. С. 78-90.

[4] Бодяков, В. Н., Морозов Р. М., Владимиров С. В. Тактико-криминалистические особенности осмотра мобильного устройства при расследовании мошенничеств, совершенных осужденными в учреждениях УИС РФ // Международный научный вестник. – 2026. – № 7. – С. 287-291.

References:

[1] Duseva N. Yu. Establishment of the place and circumstances of the crime by means of information and communication systems containing spatio-temporal data // Bulletin of scientific conferences. 2016. № 3-3 (7). S. 49-50.

[2] Kuzovlev V. Yu. Using the capabilities of navigation tools in establishing the circumstances of the commission of crimes // Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. 2017. № 4-2. S. 159-165.

[3] Pristanskov V. D. The event of the crime as an object of forensic knowledge // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2018. № 1. S. 78-90.

[4] Bodyakov, V.N., Morozov R.M., Vladimirov S.V. Tactical and forensic features of inspecting a mobile device when investigating frauds committed by convicts in institutions of the penal system of the Russian Federation // International Scientific Bulletin. – 2026. – № 7. - S. 287-291.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-289-291

РОМАНОВА Елена Николаевна,
заведующий кафедрой русского и иностранных языков юридического факультета, кандидат педагогических наук, доцент, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, e-mail: toromelena@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЮРЬМАХ США

Аннотация. *В статье освещается проблема обеспечения права на охрану здоровья осужденных на примере американского опыта в данной области. Проведено сравнение степени доступа к медицинскому обслуживанию заключенных и гражданского населения в целом. Сделан вывод о необходимости выравнивания уровня обеспечения медицинскими услугами в местах лишения свободы и законопослушных граждан как важного аспекта соблюдения принципов гуманизма в отношении заключенных и этически неприемлемых градаций социальной ценности для определения медицинской помощи.*

Ключевые слова: *медицинская помощь, исправительные учреждения, безопасность, медико-правовые проблемы.*

ROMANOVA Elena N.,
Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Faculty of Law, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vladimir Law Institute, Federal Penitentiary Service of Russia

ENSURING THE RIGHT TO HEALTH CARE FOR PRISONERS IN US FEDERAL PRISONS

Annotation. *The article highlights the problem of ensuring the right to health care for convicts using the example of American experience in this area. A comparison was made between the degree of access to health care for prisoners and the civilian population as a whole. It was concluded that it is necessary to equalize the level of provision of medical services in places of deprivation of liberty and law-abiding citizens as an important aspect of compliance with the principles of humanism in relation to prisoners and ethically unacceptable gradations of social value to determine medical care.*

Key words: *medical care, correctional institutions, security, medical and legal problems.*

В большинстве международных стандартов по исполнению уголовных наказаний устанавливаются правила, согласно которым заключенные должны получать медицинскую помощь в том же объеме, что и все граждане страны. Также медицинская помощь должна быть бесплатной, осуществляться квалифицированными специалистами и соответствовать тому уровню, как если бы человек находился на свободе. Несмотря на то, что проблемы здравоохранения свойственны пенитенциарным системам всех стран, медицинская помощь, которая оказывается осужденным (заключенным) в различных странах имеет свои особенности. Функции медицинских служб различных стран или даже различных исправительных учреждений внутри одной страны варьируются от элементарных услуг до оказания квалифицированной помощи. Пенитенциарная система США является самой большой по численности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также по числу учреждений, где исполняется данное наказание. Именно по этим причинам американская практика обращения с заключенными представляет особый интерес.

Для врачей, работающих с задержанными и заключенными по всему миру, этические аспекты медицинской помощи и ее непредвзятого оказания схожи. Однако распределение ресурсов здравоохранения сложно и ограничено даже в самых технологически развитых и богатых странах. В 2002 году разгорелись общенациональные дебаты, когда дважды осужденный преступник

стал первым заключенным в США, которому была проведена пересадка сердца. Его постоянно сопровождали вооруженные охранники, а расходы на последующий уход оценивались в 1 миллион долларов США в течение первого года после трансплантации. Многие утверждали, что, «учитывая десятки миллионов законопослушных граждан, не имеющих медицинской страховки, несправедливость предоставления дефицитных и дорогостоящих ресурсов осужденному за счет государственных средств недопустима»[4]. Другие решительно доказывали, что использование градаций социальной ценности для определения медицинской помощи этически неприемлемо.

Тем не менее, с любой точки зрения, предоставление медицинской помощи заключенным едва ли равно предоставлению медицинской помощи их законопослушным согражданам. Из-за вопросов безопасности, административных, медико-правовых и финансовых проблем, медицинское обслуживание заключенных качественно и количественно отличается от медицинского обслуживания населения в целом.

В США, в отличие от стран, где существуют национализированные программы здравоохранения, таких как Канада, Великобритания и Япония, оказание медицинской помощи гражданскому населению в значительной степени определяется механизмом оплаты, т.е. частными или государственными регулируемыми программами страхования. Тем не менее, все правоохранительные системы, стремящиеся обеспечить медицинскую помощь заключенным, сталкиваются с одними и теми же проблемами, касающимися безопасности пациентов, безопасности и эффективного использования государственных средств. Известно, что «западная пенитенциарная система лишения свободы как вид наказания строит, прежде всего, с позиций безопасности» [1].

Доступ к врачу первичной медицинской помощи является одним из краеугольных камней системы здравоохранения США, при этом заключенные имеют преимущество перед своими гражданскими коллегами. Заключенные «имеют право на оказание медицинской помощи не только в пределах своей тюрьмы, но также и в центрах, и в гражданском медицинском учреждении» [3].Граждане, не имеющие медицинской страховки, обычно не имеют доступа к обычному врачу и зависят от отделений неотложной помощи для получения медицинской помощи, которые в США по закону обязаны оценивать и лечить всех лиц независимо от их платежеспособности.

Административный приоритет для лиц, находящихся под арестом, заставил многих врачей скорой помощи заметить, что самый быстрый способ получить медицинскую помощь – это быть арестованным. В тюремной системе по соображениям безопасности доступ к действительно неотложной медицинской помощи может быть затруднен. Больной заключенный должен сначала убедить тюремного охранника в необходимости лечения, затем медицинский персонал решает, требует ли запрос дальнейшего медицинского обследования и лечения. Поскольку большинство тюрем расположены далеко от гражданского населения и больниц, можно ожидать дальнейшей задержки в оказании неотложной помощи. Организация выезда охранников из тюрьмы, обеспечение наличия необходимых документов и идентификация пациентов также могут способствовать задержкам. Машинам скорой помощи приходится преодолевать сеть контрольно-пропускных пунктов, что приводит к дополнительным задержкам. Таким образом, соображения безопасности препятствуют быстрой эвакуации заключенного из тюрьмы.

Выбор лекарств, назначаемых в тюрьме, как правило, шире, чем в гражданской среде. Ограниченный ассортимент лекарств и опасения пациентов по поводу стоимости лекарств практически отсутствуют в пенитенциарной системе. «В некоторых случаях семьи вынуждены оплачивать медицинские услуги, не предоставляемые тюремной системой, такие как консультации профильных специалистов и дорогостоящие лекарственные средства» [2].

Большинство тюремных и исправительных систем в США оплачивают и содержат собственные лазареты. Однако, начиная с 1970-х годов, многие начали заключать контракты с частными медицинскими группами для оказания помощи заключенным. Исследования показали, что эта система экономична и, по-видимому, обеспечивает адекватную базовую медицинскую помощь.

В то же время часть услуг предоставляется бесплатно для всех категорий заключенных: вследствие направления тюремного персонала; лечение хронического заболевания; профилактические медицинские услуги; неотложная помощь; дородовое наблюдение; диагностика или лечение хронических инфекционных заболеваний; психиатрическая помощь; лечение наркомании.

Здоровье осужденных является вопросом общественного здоровья и подход к охране здоровья осужденных в местах лишения свободы должен быть правозащитным. Осужденные приходят из общества и большая часть, в конце концов, снова туда вернется, принеся с собой заболевания, которые они приобрели, будучи в заключении. Эту опасность для общества не стоит недооценивать. Взаимосвязь тюремного здравоохранения с системой общественного здраво-

охранения будет способствовать выравниванию уровня обеспечения медицинскими услугами в местах лишения свободы. Анализ опыта лечения заключенных в зарубежных странах может способствовать повышению эффективности работы по обеспечению охраны здоровья осужденных в местах лишения свободы.

Список литературы:

[1] Пушкарева, И. А. Особенности содержания различных категорий осужденных к лишению свободы в зарубежных странах / И. А. Пушкарева, Л. Н. Одинцова // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 1(42). – С. 59-74.

[2] Слабкая Д.Н. Финансовые взаимоотношения пенитенциарных учреждений США с семьями осужденных: анализ, проблемы и перспективы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. –Том 15. – № 5А. – С. 310-316.

[3] Щербакова Дарья Сергеевна Отдельные аспекты обеспечения права на охрану здоровья заключенных в федеральных тюрьмах США // Вестник Самарского юридического института. 2022. – № 3 (49).

[4] Shalit, Marc & Lewin, Matthew. (2005). Medical care of prisoners in the USA.Lancet. 364 Suppl 1. P34-35. URL:https://www.researchgate.net/publication/7776564_Medical_care_of_prisoners_in_the_USA (Дата обращения: 24.08.2026).

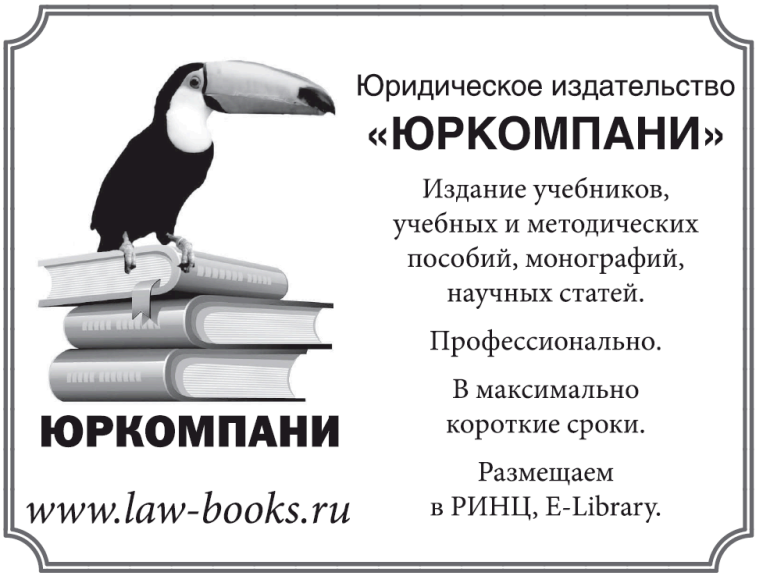
References:

[1] Pushkareva, I. A. Features of the content of various categories of convicts to imprisonment in foreign countries/I. A. Pushkareva, L. N. Odintsova // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2020. – № 1(42). - S. 59-74.

[2] Weak D.N. Financial relations of US penitentiaries with families of convicts: analysis, problems and prospects // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2025. -Volume 15. - No. 5A. - S. 310-316.

[3] Shcherbakova Daria Sergeevna Certain aspects of ensuring the right to health care for prisoners in US federal prisons // Bulletin of the Samara Law Institute. 2022. – № 3 (49).

[4] Shalit, Marc & Lewin, Matthew. (2005). Medical care of prisoners in the USA.Lancet. 364 Suppl 1. P34-35. URL:https://www.researchgate.net/publication/7776564_Medical_care_of_prisoners_in_the_USA (Дата обращения: 24.08.2026).

- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-292-298
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ХОМЯКОВА Вера Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры «Техносферная безопасность» Уральского Государственного университета путей сообщения, e-mail: Veranika.73@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОГУМАНИТАРНОГО ИМПЕРАТИВА УСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА «БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Аннотация. *В статье рассматривается проблема трансформации высшего образования в области безопасности жизнедеятельности, обусловленная современными глобальными вызовами, экологическим кризисом и цифровизацией общества. Раскрывается понятие экогуманитарного императива устойчивости и обосновывается необходимость формирования у будущих специалистов техногенной сферы посредством потенциала дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» внутренней системы регулятивов, определяющей проактивное, экологически безопасное мышление. Автором констатируется, что традиционные подходы к преподаванию курса зачастую ограничиваются техническими аспектами, что актуализирует поиск новых методических решений для формирования экогуманитарного императива устойчивости у студентов.*

Ключевые слова: *Экогуманитарный императив, устойчивое развитие, культура безопасности, экологически безопасное мышление, цифровизация общества, симулякр, безопасность жизнедеятельности, трансформация образования.*

KHOMYAKOVA Vera Sergeevna,
PhD, Associate Professor, Technosphere Safety Department Ural State University of Railway Transport

FORMATION OF THE ECOLOGICAL AND HUMANITARIAN IMPERATIVE OF SUSTAINABILITY AMONG STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY WHILE STUDYING THE COURSE «LIFE SAFETY»

Annotation. *The article examines the problem of the transformation of higher education in the field of life safety caused by modern global challenges, the environmental crisis and the digitalization of society. The concept of the ecohumanitarian imperative of sustainability is revealed and the need for future specialists in the technogenic sphere to form an internal regulatory system that defines proactive, environmentally sound thinking through the potential of the discipline "Life Safety" is substantiated. The author states that traditional approaches to teaching the course are often limited to technical aspects, which actualizes the search for new methodological solutions for the formation of the ecological and humanitarian imperative of sustainability among students.*

Key words: *Ecological and humanitarian imperative, sustainable development, safety culture, environmentally sound thinking, digitalization of society, simulacrum, life safety, transformation of education.*

В условиях глобального экологического кризиса и стремительной цифровизации общества традиционная парадигма преподавания дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» (БЖД) в высшей школе сталкивается с серьезными вызовами. Долгое время в инженерном образовании доминировал исключительно нормативно-технический подход, ориентированный на строгое соблюдение законов, государственных стандартов, технических регламентов и санитарных норм. В рамках этого подхода безопасность рассматривается как конкретный набор измеряемых технических параметров и юридических правил. Однако технократическая ориентация дисциплины БЖД доказала свою ограниченность: знание нормативных актов само по себе не формирует у будущего специалиста личной ответственности и внутренней потребности в минимизации антропогенной нагрузки на биосферу. В настоящее время возникает острая необходимость смены вектора преподавания дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» в сторону ценностных регулятивов культуры, базовым элементом которых выступает экогуманитарный императив устойчивости.

Ситуация осложняется тем, что современные экологические и техногенные угрозы существуют в двойственном пространстве – как реальные физические процессы и как их репрезентации в медиасреде. В эпоху постиндустриального общества потребления экологическая повестка превратилась в мощный инструмент маркетинга и политического влияния, что привело к экспоненциальному росту «эко-симулякров» – знаков и имитационных образов, за которыми скрывается отсутствие реального экологического содержания.

Распространение практик гринвошинга («зеленого камуфляжа») дезориентирует общество и снижает порог чувствительности к подлинным антропогенным опасностям. В связи с этим актуализируется задача обучения студентов методам семиотической деконструкции информационных симулякров безопасности (ложной, искаженной или манипулятивной информации о безопасности) и верификации реальных техносферных рисков.

Цель настоящего исследования заключается в теоретическом обосновании и экспериментальной проверке эффективности интеграции экогуманитарного императива и семиотического инструментария в практику преподавания курса «Безопасность жизнедеятельности» для формирования у студентов технического вуза ценностно-ориентированной культуры безопасности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, развивающиеся на стыке философии образования, социологии рисков и методики преподавания безопасности жизнедеятельности. Изучение данной проблемы носит междисциплинарный характер и опирается на несколько самостоятельных научных направлений.

Первое направление представлено фундаментальными концепциями философии экогуманизма, экологического императива устойчивого развития. Исходной точкой для формирования ценностного подхода в экологии послужили труды Н. Н. Моисеева, обосновавшего концепцию экологического императива как системы запретов, нарушать которые человечество не имеет права ни при каких условиях иначе, цивилизация запустит необратимый процесс собственного уничтожения [1]. В контексте современной социологии и философии глобальных угроз и «общества риска» фундаментальное значение имеют труды западных исследователей У. Бека и Э. Гидденса, посвященные трансформации рискогенных факторов в постиндустриальную эпоху [2; 3]. Авторы неопровержимо доказывают онтологическое изменение природы современных рисков. Из локальных и внешних по отношению к человеку угрозы превратились в глобальные, латентные вызовы, порождённые процессами модернизации общества и расширением антропогенной деятельности.

Важным вкладом в осмысление данных процессов в отечественном научно-философском и междисциплинарном дискурсе служит ряд современных исследований, посвященных проблемам безопасности сквозь призму экологического императива и концепции устойчивого развития. Например, В. В. Малягин, рассматривая этические вопросы формирования экологической культуры через призму экологического императива, подчеркивает, «…что эффективная реализация экологического императива возможна только благодаря параллельному соблюдению императива нравственного…», другими словами, человечество не сможет обеспечить безопасность только развитием технологий, без изменения этически отношения к природе [4, 161]. В. С. Хомякова базовым, имманентным фактором устойчивого развития социума эксплицирует безопасность. Автор отмечает, что «…практическому решению глобальных проблем и переходу общества к устойчивому развитию будет способствовать формирование мировоззрения, включающего «компонент безопасности» – систему взглядов о безопасном образе жизни» [5, 136].

Второе направление охватывает теорию симулякров, семиотический анализ и критику медиадискурса. Понятийный аппарат исследования в части деконструкции знаковых подмен базиру-

ется на классических трудах Ж. Бодрийяра (автора теории симулякров и симуляции) и Р. Барта (исследователя современных мифологий и знаковых систем) [6; 7].

Третье направление связано с педагогикой безопасности, методикой преподавания БЖД и формированием культуры безопасности в высшей школе (Л. В. Сорокина, А. А. Михайлов, С. А. Киселев и др.), а также формированием ноксологической культуры (П. Ф. Кубрушко, В. А. Девисилов, С. А. Лежава) [8; 9; 10; 11; 12].

Несмотря на наличие глубоких исследований в каждом из указанных направлений, в современной научно-педагогической литературе практически отсутствуют работы, предлагающие конкретный дидактический и семиотический инструментарий для деконструкции «эко-симулякров» непосредственно в практике преподавания дисциплины «Безопасность жизнедеятельности».

Данное противоречие определяет ключевую научную проблему, заключающуюся в теоретическом обосновании и методическом обеспечении дидактических условий, необходимых для формирования экогуманитарной культуры безопасности студентов при изучении дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» посредством деконструкции знаково-символических искажений.

Сложилась объективная потребность в теоретико-методологической переориентации дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» с нормативно-технической парадигмы на культуроцентрическую. В рамках данного подхода БЖД должна стать инструментом перехода от пассивной констатации экологических угроз к активному воспитанию экогуманитарных ценностей у обучающихся. Внедрение детерминанта «экогуманитарного императива устойчивости» кардинально изменит философию преподавания дисциплины.

Рассмотрим, что такое «экогуманитарный императив устойчивости». Понятие представляет собой триаду, в которой каждый элемент выполняет строгую функцию в управлении безопасностью.

Экологический императив, это феномен который в концепции академика Н. Н. Моисеева, «…стал обозначать ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах» [13, 78]. В контексте дисциплины БЖД данный императив может быть сформулирован как абсолютный внутренний запрет на любые действия, способные прямо или косвенно нарушить динамическое равновесие биосферы, поставить под угрозу выживание человека как биологического вида или лишить будущие поколения права на безопасную и полноценную среду обитания.

Экогуманитарный вектор перемещает акцент с ресурсного подхода на внутренний мир человека и бережное отношение к природе. Его суть состоит в том, что безопасность и выживание цивилизации зависят не от возможностей инженерной защиты, а от преодоления экологического нигилизма в обществе. Природопонимание строится на принципах эмпатии, этики, справедливости и личной ответственности перед нынешним и будущими поколениями.

Вектор развития – определяет устойчивость как целеполагание и направление коэволюции человека и биосферы, обеспечивая стабильное существование планеты без риска глобальных антропогенных катастроф.

Таким образом, экогуманитарный императив устойчивости представляет собой фундаментальный ценностно-нормативный регулятив, интегрирующий жесткие экологические ограничения антропогенного развития с гуманистическими императивами сохранения биоразнообразия и социокультурной среды.

Функциональная сущность данного детерминанта в структуре формирования безопасности жизнедеятельности заключается в интериоризации внешних ограничений во внутренний регулятивно-поведенческий базис личности. Это трансформирует экологическую ответственность в инвариантную этическую норму, детерминирующую психологическое отторжение любых форм экодеструктивной деятельности.

Рассматривая трансформацию процесса обучения БЖД отметим, что традиционно дисциплина в контексте антропогенных опасностей изучается на уровне их констатации и ликвидации последствий. Как традиционно формулируются учебные задачи? Оценить масштаб загрязнения, выучить предельно допустимые концентрации, изучить правила поведения в условиях чрезвычайных ситуаций, классифицировать виды отходов и т.д. Фактически человек, изучающий опасности и способы защиты от них выступает в роли пассивного фиксатора или жертвы угроз.

Теоретико-методологическая переориентация дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» с технократической на культуросообразную через деконструкцию «эко-симулякров» и «зеленого камуфляжа» смещает фокус обучения в сторону причинно-следственных связей и профилактики через внутреннюю культуру человека. Антропогенная опасность при таком векторе рассматривается не как внешняя неизбежность, а как следствие дефекта ценностей конкретных субъектов (инженеров, бизнесменов, потребителей). Курс БЖД переходит из категории инструкции по безопасности в инструмент формирования ценностно-нормативных регулятивов личности.

Переориентация дисциплины строится на

противопоставлении традиционного и инновационного подходов к изучению антропогенных опасностей. Архитектура смены парадигм в курсе БЖД представлена в таблице 1.

Таблица 1. Архитектура смены парадигм в курсе БЖД

Критерий	Технократическая парадигма (Традиционная)	Культуросообразная парадигма (Инновационная)
Философский базис	Антропоцентризм, прагматизм, ликвидация последствий.	Экогуманизм, коэволюция, превенция через ценности.
Объект анализа	Физические параметры угроз (радиация, токсичность, аварии).	Информационно-семиотические угрозы (симулякры, гринвошинг).
Дидактическая цель	Формирование репродуктивных навыков выживания в окружающей среде.	Формирование критического мышления и экогуманитарной культуры безопасности.
Результат для личности	Знание нормативных актов, квантификации опасностей.	Интериоризация абсолютного внутреннего запрета на экоцид.

В данном исследовании семиотический инструментарий представляет собой набор аналитических и когнитивных техник, которые учат студентов «читать между строк», распознавать манипулятивные знаки и отличать реальную экологическую угрозу от ее визуальной или текстовой имитации.

Культуросообразный подход требует деконструкции знаковых систем, которые маскируют антропогенное воздействие на биосферу. Процесс реализуется через три последовательных стадии.

Стадия 1. Семантическое распредмечивание, когда обучающиеся учатся выявлять суть размытых понятий («биоразлагаемый», «100% эко»), заменяя их строгими экологическими метриками (углеродный след, реальный класс опасности отходов производства и т.д.).

Стадия 2. Визуально-структурный демонтаж – деконструкция феномена исполнительского гринвошинга путем анализа того, как использование зеленого цвета, образов флоры и фиктивных графических знаков сертификации формирует иллюзию безопасности у потребителя, скрывая реальную антропогенную угрозу продукта или предприятия.

Стадия 3. Прагматическое декодирование. Переход от фиксации семиотического обмана к оценке рисков. Обучающиеся осознают, что «зеленый камуфляж» – это угроза коллективной безопасности, формирующая экологический нигилизм и размывающая границы личной ответственности.

Педагогическая технология по деконструкции медийных «эко-симулякров» в структуре курса БЖД представляет собой упорядоченную последовательность дидактических этапов, направленных на развитие семиотической компетентности обучающихся и интериоризацию экогуманитарного императива устойчивости.

Продемонстрируем данную технологию на основе интерактивного семинара-практикума «Верификация техносферных рисков и деконструкция медиа-симулякров».

Цель занятия – обучить бакалавров методам критического анализа медиадискурса, алгоритмам выявления скрытых антропогенных угроз и распознавания практик гринвошинга.

В основу проведения семинара положен метод деконструкции знаковых систем Ж. Бодрийяра, адаптированный к инженерно-экологическим задачам. Семинар рассчитан на 2 академических часа и включает в себя четыре последовательных этапа.

Этап 1. Семиотический дебрифинг и экспресс-тестирование (15 минут). На начальном этапе преподаватель актуализирует понятийный аппарат. Студентам предлагается экспресс-тест на первичную идентификацию визуальных маркеров: демонстрируются логотипы, рекламные плакаты и эко-маркировки различных брендов. Задача студентов зафиксировать свои ассоциации и эмоции, что позволяет наглядно продемонстрировать действие «симулякра первого порядка», когда зеленый цвет, изображения листьев или капель воды автоматически считываются сознанием как маркеры безопасности, отключая критическое мышление.

Этап 2. Формирование экспертных групп и декомпозиция медиа-текста (25 минут). Аудитория делится на малые группы (4 – 5 человек). Каждая группа получает конкретный медиа-кейс (рекламный ролик, экологическую политику корпорации, пресс-релиз о запуске «зеленого» продукта) и приступает к лингвистическому и визуальному анализу кейса, фиксируя «знак-плацебо» и «скрытый компромисс».

«Знак-плацебо» – использование декларативных слов-маркеров («экологически чистый», «натуральный», «зеленый» или «100% органиче-

ский») без указания конкретных стандартов верификации, нормативно-правовых оснований или независимой сертификации. Такая семантическая пустышка апеллирует к эмоциям и эксплуатирует латентную потребность личности в безопасности.

Деконструкция «знаков-плацебо» реализует дидактическую функцию БЖД через развитие у обучающихся навыков отделения размытых оценочных суждений от строгих верифицируемых экологических метрик. Это позволяет разрушить когнитивный барьер, в рамках которого субъект считает себя в безопасности лишь на основании прочтения привлекательного слова.

«Скрытый компромисс» – это манипулятивный прием структурного искажения информации, при котором внимание субъекта намеренно фокусируется на одном локальном, экологически позитивном свойстве объекта для сокрытия несопоставимо более масштабного деструктивного воздействия всей технологической цепочки. Например, бренд заявляет: «Наша упаковка полностью биоразлагаема!» (условно позитивный знак), но умалчивает о том, что само производство содержимого этой упаковки привело к токсичному загрязнению гидросферы (экологический след), выбросу парниковых газов (углеродный след) или рабскому труду на предприятиях (глобальный деструктивный след).

Дидактическая функция в БЖД в данном случае состоит в том, что анализ «скрытых компромиссов» развивает у обучающихся системное экобезопасное мышление. Студенты учатся оценивать безопасность продукта или технологии не по изолированному элементу, а по всему жизненному циклу (от добычи сырья до утилизации), выявляя скрытые антропогенные риски.

Этап 3. Инженерно-экологическая верификация и «опредмечивание» риска (35 минут). Это кульминационная часть семинара, обеспечивающая междисциплинарный синтез семиотики и БЖД. Обучающиеся выходят в цифровую среду для поиска жестких верифицируемых данных и анализируют реальный химический состав, паспорта безопасности материалов (MSDS), данные государственных реестров, результатов специальной оценки условий труда (СОУТ) на предприятиях бренда, официальные отчеты об устойчивом развитии и экологические декларации компаний. Определяют наличие легитимных эко-маркировок, признанных Всемирной ассоциацией экомаркировки (например, «Листок жизни» – российская экологическая маркировка с международным признанием и государственной регистрацией).

Сопоставляя медийный фасад с нормативно-технической и экологической реальностью, студенты разрушают симулякр, рассчитывая реальный масштаб антропогенной нагрузки или скрытого риска для здоровья потребителей и персонала.

Этап 4. Презентация результатов и рефлексия (15 минут). Каждая группа представляет свой кейс в формате «Было (медиа-образ)» – «Стало (техносферная реальность)», аргументированно доказывая, на каком этапе жизненного цикла продукции (объекта) произошли семантическое искажение знака и маскировка антропогенных рисков.

Завершается семинар-практикум коллективным дебрифингом, в ходе которого формулируются правила «информационной гигиены» в области техносферной и экологической безопасности, а также актуализируется способность студентов своевременно распознавать и верифицировать потенциальные риски.

Внедрение детерминанта «экогуманитарного императива устойчивости», в курс БЖД – рассматривается, как попытка сформировать поколение специалистов технического профиля, способных системно предотвращать антропогенные риски еще на стадии их умозрительного моделирования.

Данная трансформация переводит обучение с уровня «знаний» на уровень мировоззрения, что способствует:

Формированию внутренней системы регулятивов: вместо внешнего контроля (штрафов, законов, проверок) у личности формируется внутренний ценностный барьер и экобезопасное поведение обуславливается не внешними санкциями, а внутренней системой ценностно-нормативных императивов.

Переформатированию мышления: будущий специалист учится соизмерять любое профессиональное решение с критериями экологической этики и техногенного риска.

Профилактике экологического нигилизма, разрушающего потребительское отношение к природе и замене его пониманием зависимости безопасности человека и общества от здоровья экосистемы.

Подводя итог, можно сделать вывод, что внедрение в структуру БЖД детерминанта «экогуманитарного императива устойчивости», трансформирует изучение антропогенных опасностей из плоскости констатации угроз в плоскость формирования внутренней системы ценностно-нормативных регулятивов личности. Разработанный междисциплинарный семиотический инструментарий, адаптирован для инженерно-экологического образования.

Данная педагогическая технология позволяет рассматривать современные экологические риски не только как физико-химические деструк-

ции, но и как информационные конструкты (медиа-риски), требующие специфических методов верификации.

Исследование вносит вклад в развитие понятийно-категориального аппарата высшего образования в области БЖД через концептуализацию понятий «эко-симулякр», «семиотическая верификация рисков» и «экогуманитарный императив». Теоретическая значимость заключается в расширении научно-теоретических представлений педагогики безопасности посредством интеграции методологических подходов семиотики, медиафилософии и экологии.

Практическая значимость состоит в том, что предложенная четырехэтапная структура организации обучения имеет высокую дидактическую эффективность и обеспечивает переход от первичного эмоционального восприятия информации к глубокой научно-технической верификации реальных экологических и антропогенных угроз. Разбор практических кейсов, способствует формированию у обучающихся устойчивых навыков верификации информационных симулякров безопасности через обращение к государственным реестрам, экологическим декларациям и инженерным расчетам. Это формирует проактивное критическое мышление, которое имеет ключевое значение для каждого профессионала в условиях постиндустриального (информационного) общества.

Список литературы:

[1] Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 460 с.

[2] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. С. Седельника, Н. Федоровой; [послесл. А. Филипова]. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.

[3] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. : Весь Мир, 2004. 120 с.

[4] Малягин В. В. Экологический императив как условие для дальнейшего развития человечества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskiy-imperativ-kak-uslovie-dlya-dalneyshego-razvitiya-chelovechestva (дата обращения: 04.09.2026).

[5] Хомякова В.С. Безопасность как фактор устойчивого развития: социально-философский аспект : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Чита, 2007. 154 с.

[6] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2017. 320 с. (Кофе с мудрецами).

[7] Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 4-е изд. М. : Академический проект, 2017. 351 с.

[8] Сорокина Л.В. Основные принципы воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у студентов высших учебных заведений технического профиля // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 1-9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-vospitaniya-kultury-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-u-studentov-vysshih-uchebnyh-zavedeniy-tehnicheskogo-profilya (дата обращения: 26.08.2026).

[9] Михайлов А.А. Культура безопасности жизнедеятельности в социуме студентов – будущих педагогов: компоненты и уровни сформированности // Армия и общество. 2012. № 2 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-v-sotsiume-studentov-buduschih-pedagogov-komponenty-i-urovni-sformirovannosti (дата обращения: 26.08.2026).

[10] Киселев С.А. Вопросы экологической безопасности в курсе основы безопасности жизнедеятельности: состояние и перспективы // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ekologicheskoy-bezopasnosti-v-kurse-osnovy-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-sostoyanie-i-perspektivy (дата обращения: 06.09.2026).

[11] Кубрушко П.Ф., Девисилов В.А. Об основаниях ноксологического образования // Агроинженерия. 2011. № 4 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovaniyah-noksologicheskogo-obrazovaniya-1 (дата обращения: 26.08.2026).

[12] Лежава С.А. Проблемы формирования ноксологической культуры при преподавании безопасности жизнедеятельности в условиях реформирования высшей школы // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2015. № 2 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-noksologicheskoy-kultury-pri-prepodavanii-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-v-usloviyah-reformirovaniya (дата обращения: 26.08.2026).

[13] Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М. : Языки русской культуры, 2000. 224 с. (Язык. Семиотика. Культура).

References:

[1] Moiseev N. N. Man and the noosphere. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1990. 460 p.

[2] Beck U. Risk society. On the way to another modernity / translated from German by S. Sedelnik, N. Fedorova; [afterword by A. Filipov]. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 381 p.

[3] Giddens E. The Elusive world: how globalization is changing our lives / translated from

English. Moscow: The Whole World, 2004. 120 p.

[4] Malyagin V. V. The ecological imperative as a condition for the further development of mankind // Proceedings of Tula State University. Humanities. 2015. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskiy-imperativ-kak-uslovie-dlya-dalneyshego-razvitiya-chelovechestva (date of reference: 09/04/2026).

[5] Khomyakova V. S. Safety as a factor of sustainable development: a socio-philosophical aspect: dissertation of the Candidate of Philology. Sciences: 09.00.11. Chita, 2007. 154 p.

[6] Baudrillard J. Simulacra and simulation / translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM, 2017. 320 p. (Coffee with the wise men).

[7] Barth R. Mythologii / translated from French, introductory article and commentary by S. Zenkin. 4th ed. Moscow: Academic Project, 2017. 351 p.

[8] Sorokina L. V. Basic principles of fostering a culture of life safety among students of higher educational institutions of a technical profile // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 1-9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-vospitaniya-kultury-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-u-studentov-vysshih-uchebnyh-zavedeniy-tehnicheskogo-profilya (date of request: 08/26/2026).

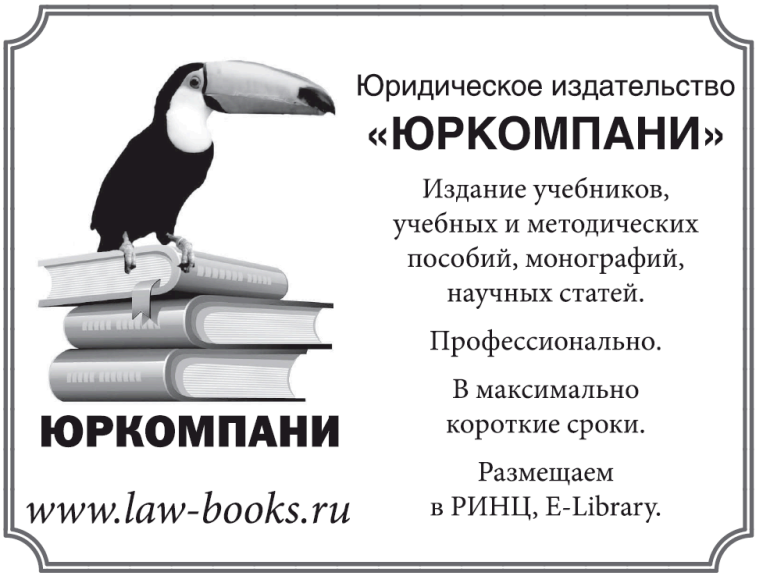
[9] Mikhailov A. A. Culture of life safety in the society of students – future teachers: components and levels of education // Army and society. 2012. No. 2 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-v-sotsiume-studentov-buduschih-pedagogov-komponenty-i-urovni-sformirovannosti (date of request: 08/26/2026).

[10] Kiselev S. A. Environmental safety issues in the course fundamentals of life safety: status and prospects // The world of science, culture, and education. 2019. No. 3 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ekologicheskoy-bezopasnosti-v-kurse-osnovy-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-sostoyanie-i-perspektivy (date of reference: 09/06/2026).

[11] Kubrushko P. F., Devisilov V. A. On the foundations of noxological education // Agroengineering. 2011. No. 4 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovaniyah-noksologicheskogo-obrazovaniya-1 (date of request: 08/26/2026).

[12] Lezhava S. A. Problems of the formation of a noxological culture in teaching life safety in the context of higher school reform // Bulletin of the Siberian State Industrial University. 2015. No. 2 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemyformirovaniyanoksologicheskoykulturyprip repodavaniibezopasnostizhiznedeyatelnostivuslovi yahreformirovaniya (date of reference: 08/26/2026).

[13] Moiseev N. N. The fate of civilization. The Path of Reason. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 224 p. (Language. Semiotics. Culture).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-299-304
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ЮМАКОВ Егор Владимирович,
преподаватель кафедры физической подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

КИСЛЫХ Евгений Александрович,
старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки ФКОУ ВО Пермского института ФСИН России,
e-mail: starioss@mail.ru

БЕКНАЗАРЯН Нарик Гагикович,
преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки ФКОУ ВО Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: narek-beknazaryan@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОЙ МОТИВАЦИИ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКОЙ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме формирования устойчивой мотивации к занятиям физической подготовкой у курсантов образовательных организаций ФСИН России. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию мотивации, структура мотивационной сферы курсантов, соотношение внешней и внутренней мотивации, а также факторы, влияющие на формирование ценностного отношения к физической подготовке. Обосновывается необходимость комплексного подхода к формированию мотивации, включающего организационно-педагогические, психологические и методические компоненты. Предлагаются практические рекомендации по повышению мотивации курсантов к занятиям физической подготовкой и спортом.*

Ключевые слова: *мотивация, физическая подготовка, курсанты, ФСИН России, профессионально-прикладная физическая подготовка, внутренняя мотивация, образовательная среда, самосовершенствование.*

YUMAKOV Egor Vladimirovich,
Lecturer, Department of Physical Training, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training of State Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

KISLYKH Evgeny Alexandrovich,
Senior Lecturer, Department of Fire and Physical Training, Federal State Educational Institution of Higher Education, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BEKNAZARYAN Narik Gagikovich,
Lecturer at the Department of Physical, Fire and Tactical and Special Training of the Federal State Educational Institution of Higher Education of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

FORMATION OF STABLE MOTIVATION FOR PHYSICAL TRAINING AMONG CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article is devoted to the problem of forming a stable motivation for physical training among cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. The theoretical approaches to understanding motivation, the structure of the cadets' motivational sphere, the relationship between external and internal motivation, as well as the factors influencing the formation of a value-based attitude towards physical training are examined. The necessity of a comprehensive approach to fostering motivation, which includes organizational-pedagogical, psychological, and methodological components, is substantiated. Practical recommendations for increasing cadets' motivation to engage in physical training and sports are proposed.*

Key words: *motivation, physical training, cadets, FSIN of Russia, professionally applied physical training, intrinsic motivation, educational environment, self-improvement.*

Физическая подготовка занимает ключевое место в системе профессиональной подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы. Профессиональная деятельность сотрудников ФСИН России предъявляет высокие требования к уровню их физической подготовленности, психологической устойчивости, способности действовать в экстремальных ситуациях, связанных с применением физической силы и специальных средств.

Однако, несмотря на очевидную значимость физической подготовки, практика свидетельствует о наличии серьезных проблем в формировании устойчивой мотивации курсантов к регулярным занятиям физическими упражнениями и спортом. Мотивация составляет основу поведения человека, источник активности и одновременно систему побудителей деятельности. Именно устойчивая мотивация выступает тем психологическим механизмом, который обеспечивает не только освоение необходимых двигательных навыков, но и формирование ценностного отношения к физической культуре как к важнейшему компоненту профессиональной компетентности сотрудника УИС.

Формирование ценностно-мотивационного отношения курсантов к личной физической подготовленности представляет собой сложное явление, в основе которого лежит оптимальное сочетание организационных и психолого-педагогических мероприятий, этапов реализации содержательных целей, инновационного содержания дидактических средств, образовательного, диагностического и регулирующего воздействия, основанного на личных мотивах и профессиональных ориентациях курсантов[5].

Цель настоящей статьи — теоретическое обоснование подходов к формированию устойчивой мотивации к занятиям физической подготовкой у курсантов образовательных организаций ФСИН России и разработка практических рекомендаций на основе анализа современных научно-педагогических подходов.

В отечественной психологии основным методологическим принципом, определяющим исследование мотивационной сферы, является положение о единстве динамической и содержательно-смысловой сторон мотивации. Термин «мотивация» обозначает сложный психофизиологический процесс, который влияет на способность человека достигать поставленных целей и удовлетворять свои потребности.

В контексте теории деятельности мотив понимается как то объективное, в чем потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность. По мнению Л.И. Божович, мотив — это то, ради чего осуществляется деятельность: в качестве мотива могут выступать предметы, представления, идеи, чувства, переживания — все то, в чем нашла свое воплощение потребность[2].

Учебная мотивация входит в деятельность учения и составляет частный вид мотивации. Она определяется образовательной системой и образовательным учреждением, организацией образовательного процесса, субъектными особенностями обучающихся, личностными особенностями педагога и спецификой учебного предмета.

Важнейшим аспектом анализа мотивационной сферы является различение внешней и внутренней мотивации. Внешняя мотивация обуслов-

лена факторами, не связанными непосредственно с содержанием деятельности (требования руководства, система оценивания, общественное признание, материальное стимулирование). Внутренняя мотивация возникает из самого процесса деятельности, основана на интересе к ней, удовольствии от выполнения и осознании ее личностной значимости.

Физическая подготовка для курсантов является не только учебным предметом, но и способом психологической разгрузки, средством поддержания своего авторитета в коллективе, а также возможностью увеличить размер денежного содержания. Это свидетельствует о том, что в мотивационной структуре курсантов присутствуют как внутренние, так и внешние компоненты.

Исследования показывают, что для каждого отдельного обучающегося соотношение различных видов мотиваций и стимулов является сугубо индивидуальным. Это требует дифференцированного подхода к формированию мотивации, учета личностных особенностей курсантов.

Специфика образовательной среды ведомственных вузов накладывает определенный отпечаток на формирование мотивационной сферы курсантов. В структуре мотивации курсантов к физической подготовке выделяют следующие группы мотивов[4]:

Мотивы физического совершенствования — стремление развить физические качества, улучшить телосложение, повысить функциональные возможности организма.

Мотивы долженствования — осознание необходимости физической подготовки для выполнения профессиональных обязанностей.

Мотивы соперничества — стремление достичь лучших результатов по сравнению с другими, занять достойное место в коллективе.

Спортивные мотивы — желание добиться спортивных результатов, выполнить нормативы, получить спортивные звания и разряды.

Процессуальные мотивы — получение удовольствия от самого процесса занятий физическими упражнениями.

Игровые мотивы — интерес к игровым видам спорта, командному взаимодействию.

Важное значение для понимания мотивационной динамики имеет этапность формирования мотивов. В процессе обучения курсанты проходят путь от осознания необходимости физической подготовки через формирование потребности в занятиях к устойчивой привычке заниматься физической культурой и спортом. На начальном этапе (младшие курсы) преобладают внешние мотивы, связанные с требованиями учебного процесса и социальным одобрением. По мере обучения происходит интернализация мотивов, формирование осознанной потребности в физическом самосовершенствовании.

Организация образовательного процесса оказывает существенное влияние на формирование мотивации курсантов. К числу значимых организационных факторов относятся:

Качество материально-технической базы. Оснащенность спортивных залов и площадок современным оборудованием и инвентарем создает необходимые предпосылки для качественного проведения занятий и повышения интереса курсантов. Привлечение новыми залами, новым оборудованием и тренажерами, новыми видами тренировок (кроссфит, паркур и т.д.) способствует росту мотивации.

Организация занятий с использованием рейтинговой системы. Применение рейтинговой системы оценивания, в том числе в секционной и клубной работе, позволяет объективизировать оценку достижений курсантов, создать здоровую конкуренцию и стимулировать самостоятельную работу.

Качественная самостоятельная подготовка. Организация самостоятельной работы курсантов под руководством преподавателя является важным фактором формирования устойчивой мотивации. Самостоятельная деятельность позволяет курсантам осознать собственную ответственность за результаты подготовки.

Использование различных систем тестирования. Применение объективных методов контроля (тест Купера, Гарвардский степ-тест и др.) позволяет выявлять преимущества и недостатки применяемых методов обучения, обеспечивает беспристрастный контроль за подготовкой.

Психолого-педагогические условия формирования ценностно-мотивационного отношения курсантов к личной физической подготовленности связаны с развитием стремления к здоровому образу жизни, формированием ответственности за собственную физическую подготовку, индивидуализацией образовательных траекторий.

Ключевыми психолого-педагогическими условиями являются[2]:

Личный пример преподавателей. Преподаватели кафедр физической подготовки выступают важнейшими агентами мотивационного воздействия. Их профессиональная компетентность, увлеченность своей деятельностью, демонстрация высокого уровня физической подготовленности способствуют формированию у курсантов положительного отношения к занятиям.

Формирование совместной деятельности с руководящим составом. Личный пример курсового звена, разъяснительная работа, становление правильной позиции курсовых офицеров оказывают значительное влияние на мотивацию кур-

сантов.

Создание благоприятного социально-психологического климата. Атмосфера доброжелательности, взаимной поддержки, сотрудничества является важнейшим условием повышения мотивации. Доминирование отношений сотрудничества и доверия, свобода изложения личных суждений при положительном восприятии мнений других способствуют формированию устойчивого интереса к занятиям.

Использование мотивирующих образов междисциплинарной связи. Обоснование необходимости овладения теми или иными навыками через демонстрацию связи физической подготовки с другими учебными дисциплинами и будущей профессиональной деятельностью усиливает внутреннюю мотивацию[5].

Социальная среда образовательной организации оказывает значительное влияние на формирование мотивации. К числу социально-средовых факторов относятся:

Поддержка товарищей. Положительное влияние на мотивацию оказывает атмосфера сотрудничества и взаимопомощи в учебной группе. Коллективные формы занятий, командные виды спорта создают дополнительные стимулы для регулярных занятий.

Работа через коллектив. Привлечение большего количества курсантов к спортивно-массовой работе через коллектив, командные и прикладные виды спорта способствует формированию групповых мотивов и укреплению социальных связей.

Внеучебная спортивная деятельность. Организация дополнительных секций по видам спорта, соревнований, спартакиад, спортивных игр создает условия для реализации спортивных мотивов, развития соревновательных качеств и формирования здорового образа жизни.

Применение активных и интерактивных методов обучения является эффективным средством повышения мотивации курсантов. К таким методам относятся[1]:

Личностно-ориентированное обучение — учет индивидуальных особенностей, интересов и уровня подготовленности курсантов при организации занятий.

Игровые методы — использование спортивных и подвижных игр, соревновательных элементов, что позволяет повысить эмоциональную привлекательность занятий.

Метод «мозговой атаки» — стимулирование творческой активности курсантов при поиске решений двигательных задач.

Кейс-метод (анализ конкретных ситуаций) — моделирование служебных ситуаций, требующих применения физической силы и специальных навыков.

Проблемное обучение — создание проблемных ситуаций, требующих от курсантов самостоятельного поиска решений.

Нацеленность на достижение успехов в обучении означает интеграцию методов обучения по ряду критериев, среди которых предпочтительны активность и интерактивность участников процесса обучения.

Моделирование профессиональных ситуаций является эффективным средством формирования мотивации через осознание практической значимости физической подготовки. В процессе ситуационного моделирования курсанты сталкиваются с необходимостью применения физических качеств и двигательных навыков в условиях, приближенных к реальной служебной деятельности[6].

Ключевыми элементами ситуационного моделирования являются:

реализация будущей деятельности курсантов в пространственно-временном измерении;

совместное разрешение актуальных служебных ситуаций;

согласованность в выборе методов, средств и технологий обучения;

сопереживание творческих успехов и неудач при реализации стратегии и тактики обучения.

Внедрение инновационных подходов в процесс физической подготовки способствует повышению мотивации курсантов. К числу таких подходов относятся[3]:

Образовательно-элективная модель физической подготовки, основанная на предпочтительном выборе тренировочных средств. Данная модель создает предпосылки для активного протекания адаптационных процессов, стимулирует мотивационную составляющую тренировочного процесса.

Профессионально-прикладная направленность — ориентация содержания занятий на формирование двигательных навыков и физических качеств, значимых для будущей профессиональной деятельности. Осознание прикладного и профессионального значения специальной физической подготовки усиливает внутренние мотивационные установки.

Кинезиологический подход — применение знаний о закономерностях двигательной активности для повышения эффективности физической подготовки и формирования осознанного отношения к занятиям.

На основе анализа теоретических подходов и практического опыта предлагаются следующие рекомендации по формированию устойчивой мотивации курсантов к занятиям физической подго-

товкой:

1. Совершенствование организации занятий

Внедрение профессионально-прикладной направленности: моделирование ситуаций оперативно-служебной деятельности, разработка комплексных заданий, имитирующих реальные условия службы в учреждениях УИС. Демонстрация связи физических качеств с успешностью выполнения профессиональных задач.

Применение рейтинговой системы оценивания: использование балльно-рейтинговой системы для оценки достижений курсантов как на учебных занятиях, так и во внеучебной спортивной деятельности.

Использование современных методик: внедрение функционального тренинга, круговой тренировки, интервальных методов, элементов кроссфита и паркура для разнообразия содержания занятий и повышения их эмоциональной привлекательности.

Индивидуализация подготовки: учет уровня физической подготовленности, индивидуальных особенностей, профессиональной специализации при организации занятий.

2. Психолого-педагогическая работа

Разъяснительная работа: систематическое разъяснение значения физической подготовки для успешной профессиональной деятельности сотрудников УИС, формирование четких представлений о применении физических навыков в служебной практике.

Формирование ценностного отношения: создание условий для осознания курсантами физической культуры как важнейшего компонента общей и профессиональной культуры.

Личный пример преподавателей и курсового звена: демонстрация высокого уровня физической подготовленности, компетентности и увлеченности своей деятельностью.

Психологическая поддержка: создание атмосферы доброжелательности, взаимопомощи, признания достижений каждого курсанта.

3. Организация внеучебной деятельности

Развитие спортивных секций: расширение спектра видов спорта, доступных для занятий, создание условий для реализации спортивных мотивов.

Проведение соревнований и спартакиад: регулярное проведение соревнований различного уровня, формирование команд для участия в соревнованиях, создание здоровой конкуренции.

Привлечение к спортивно-массовой работе: вовлечение максимального числа курсантов в коллективные формы занятий, командные виды спорта.

Стимулирование самостоятельных занятий: создание условий для качественной самостоятельной подготовки, контроль за самостоятельной работой курсантов.

4. Совершенствование материально-технической базы

Оснащение спортивной базы: обновление оборудования и инвентаря, создание современных спортивных площадок, оснащение тренажерных залов.

Внедрение новых видов тренировок: организация занятий с использованием современного оборудования, новых направлений фитнеса и спорта.

Обеспечение доступа к спортивной базе: создание условий для самостоятельных занятий во внеучебное время.

Проблема формирования устойчивой мотивации к занятиям физической подготовкой у курсантов образовательных организаций ФСИН России имеет комплексный характер и требует системного подхода к решению. Мотивация представляет собой сложный психофизиологический процесс, включающий как внешние, так и внутренние компоненты, соотношение которых является индивидуальным для каждого курсанта.

Современные исследования показывают, что физическая подготовка для курсантов выполняет не только образовательную, но и психологическую, социальную и материальную функции. Это открывает дополнительные возможности для формирования мотивации через удовлетворение различных потребностей курсантов.

Эффективное формирование мотивации возможно при комплексном применении организационно-педагогических, психологических и социально-средовых факторов. Ключевыми условиями являются: профессионально-прикладная направленность занятий, использование интерактивных методов обучения, личный пример преподавателей, создание благоприятного социально-психологического климата, современная материально-техническая база.

Особое значение имеет формирование ценностно-мотивационного отношения курсантов к личной физической подготовленности, которое достигается через оптимальное сочетание организационных и психолого-педагогических мероприятий, учет индивидуальных мотивов и профессиональных ориентаций, развитие стремления к здоровому образу жизни и физическому самосовершенствованию.

Учет личностных особенностей курсантов при создании системы мотивации является обязательным условием эффективного воздействия на побуждающие мотивы. Преподавателям необходимо проводить дополнительную индивидуальную и групповую работу с обучающимися, направленную на развитие мотивации к учебным заняти-

ям, в том числе и во внеурочное время.

Таким образом, формирование устойчивой мотивации к занятиям физической подготовкой у курсантов образовательных организаций ФСИН России должно рассматриваться как приоритетное направление совершенствования системы физического воспитания в ведомственных вузах, обеспечивающее качественную профессиональную подготовку будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

[1] Горбачёв А.С., Седова Е.Е. Анализ влияния различных видов мотивации на уровень физической подготовки курсантов военных учебных заведений // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 1 (306). С. 131–137.

[2] Формирование мотивационной составляющей на занятиях по специальной физической подготовке у курсантов очной формы обучения // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru.

[3] Кузнецов А.Ф. Повышение мотивации курсантов к практическим занятиям по физической подготовке // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru.

[4] Шарина Е.П., Чумаш В.В., Москальонова Н.А., Лагутенко Л.В. Методика формирования мотивации к профессионально-прикладной физической подготовленности морских курсантов // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru.

[5] Ибрагимов Р.Р. Мотивы общекультурной ценности физической подготовки // Вестник Тюменского государственного университета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elib.utmn.ru.

[6] Цирульников Н.Н. и др. Образовательно-элективная модель физической подготовки курсантов военных вузов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 5 (195), ч. 2. С. 425–429.

References:

[1] Gorbachev A.S., Sedova E.E. Analysis of the influence of various types of motivation on the level of physical training of cadets of military educational institutions // News of the Voronezh State Pedagogical University. 2025. № 1 (306). S. 131-137.

[2] Formation of a motivational component in special physical training classes for full-time cadets // CyberLeninka. [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru.

[3] Kuznetsov A.F. Increasing the motivation of cadets to practice physical training // CyberLeninka. [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru.

[4] Sharina E.P., Chumash V.V., Moskalonova N.A., Lagutenko L.V. Methodology for the formation of motivation for the professional and applied physical fitness of naval cadets // CyberLeninka. [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru.

[5] Ibragimov R.R. Motives of the general cultural value of physical training // Bulletin of Tyumen State University. [Electronic resource]. Access mode: https://elib.utmn.ru.

[6] Tsirulnikov N.N. et al. Educational and elective model of physical training of cadets of military universities // Academic notes of the University named after P.F. Lesgaft. 2021. No. 5 (195), part 2. S. 425-429.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-305-312
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ВАРИНОВ Владислав Владимирович,
начальник кафедры физической и огневой подготовки ФКОУ ВО Кузбасского института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

СТЕПАНОВА Татьяна Владимировна,
Начальник кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРЫЛОВ Дмитрий Валерьевич,
Преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ДИСЦИПЛИНА «БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *«Безопасность жизнедеятельности» является ключевым условием повышения качества подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы.*

Современные вызовы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, требуют от сотрудников не только профессиональных знаний и навыков, но и высокого уровня подготовки в области безопасности жизнедеятельности. Дисциплина "Безопасность жизнедеятельности" играет ключевую роль в формировании у будущих специалистов компетенций, необходимых для эффективного выполнения служебных обязанностей в условиях повышенного риска. Она охватывает широкий спектр вопросов, начиная от оказания первой помощи и заканчивая действиями в чрезвычайных ситуациях, что позволяет сотрудникам оперативно реагировать на любые угрозы и минимизировать их последствия.

Особое внимание в рамках данной дисциплины уделяется практическим аспектам применения знаний, что способствует выработке у сотрудников устойчивых навыков поведения в стрессовых ситуациях. В условиях работы с осужденными, часто характеризующимися повышенной агрессией и нестабильностью, умение быстро и правильно действовать может стать ключевым фактором, обеспечивающим безопасность как самих сотрудников, так и окружающих.

Ключевые слова: *безопасность жизнедеятельности; профессионально-прикладная направленность; уголовно-исполнительная система; профессиональная безопасность; подготовка кадров.*

KAZNACHEV Valery Alexandrovich,
Candidate of Psychological Sciences Associate Professor of the Department of Physics, fire and tactical-special training Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

VARINOV Vladislav Vladimirovich,
head of department physical and fire training Federal State Educational Institution of Higher Education Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and organization of execution of punishments, not related to the isolation of convicts from society Pskov branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

STEPANOVA Tatyana Vladimirovna,
Head of the fire department and tactical-special training Faculty of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

KRYLOV Dmitry Valerievich,
Lecturer at the Department of Fire and Tactical-Special Training, Faculty of Law Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

DISCIPLINE "LIFE SAFETY" IN EMPLOYEE TRAINING CRIMINAL PRINCIPAL SYSTEM

Annotation. *"Life safety" is a key condition for improving the quality of training for the penitentiary system. Modern challenges facing the penal system require from employees not only professional knowledge and skills, but also a high level of training in the field of life safety. The discipline "Life Safety" plays a key role in developing in future specialists the competencies necessary to effectively perform official duties in high-risk environments. It covers a wide range of issues, from first aid to emergency procedures, allowing employees to quickly respond to any threats and minimize their consequences. Particular attention within this discipline is paid to the practical aspects of applying knowledge, which contributes to the development of stable behavior skills in employees in stressful situations. In conditions of working with prisoners, often characterized by increased aggression and instability, the ability to act quickly and correctly can be a key factor in ensuring the safety of both the employees themselves and those around them.*

Key words: *life safety; professional and applied orientation; penal system; professional safety; personnel training.*

В системе подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» играет ключевую роль. Она направлена на формирование у будущих сотрудников всех необходимых знаний, умений и навыков, обеспечивающих безопасность как самих работников, так и окружающих. Это особенно важно в условиях специфики работы в пенитенциарных учреждениях, где риск возникновения чрезвычайных ситуаций и критических инцидентов является высоким.

Во-первых, обучение по данной дисциплине включает в себя изучение основ нормативно-правовой базы, регулирующей безопасность жизнедеятельности в пенитенциарных учреждениях. Сотрудники должны знать и применять законы и подзаконные акты, обеспечивающие безопасную деятельность. Это включает в себя знание Конституции Российской Федерации, федеральных законов и нормативных актов Министерства юстиции РФ и других органов власти. Правильное понимание и применение данных норм позволяет минимизировать риски и избежать юридических недоразумений, возникающих в повседневной деятельности.

Во-вторых, безопасность жизнедеятельно-

сти тесно связана с вопросами охраны труда и соблюдения технологических процессов, направленных на создание безопасных условий труда. В рамках учебного процесса будущих сотрудников обучают различным аспектам обеспечения охраны труда: от личной безопасности и профилактики профессиональных заболеваний до организации безопасного выполнения служебных обязанностей. Особое внимание уделяется эргономике труда и индивидуальной защите. Например, сотрудникам предоставляется информация об использовании защитных средств – спецодежды, перчаток, касок и других элементов, которые являются обязательными для безопасного проведения профессиональной деятельности.

Одним из ключевых элементов дисциплины также является обучение действию при возникновении чрезвычайных ситуаций и нештатных происшествий. Эти навыки крайне важны для сотрудников УИС, которые должны быть готовы к оперативной и правильной реакции в случаях пожаров, массовых беспорядков, попыток побега заключенных или других чрезвычайных происшествий. В этом контексте рассматриваются различные сценарии, начиная от мелких инцидентов до крупных катастроф, и прорабатываются четкие алгоритмы действий в каждой из возможных ситуаций. Кроме того, дисциплина затрагивает вопросы психологического состояния сотрудников. Работа в уголовно-исполнительной системе – это постоянное пребывание в стрессовых условиях, что влияет на психоэмоциональное состояние сотрудников. Будущих работников обучают методам саморегуляции и стрессоустойчивости, что способствует снижению профессиональных рисков, улучшению морально-психологического климата в коллективе и обеспечению высокой профессиональной выносливости [1, С. 986-988].

Важным аспектом является обучение культуры безопасного поведения. В рамках дисциплины прививаются ценности, направленные на формирование осознанного отношения к своей безопасности и безопасности окружающих. Это включает в себя как базовые знания личной безопасности (например, как правильно вести себя в конфликтах или при угрозе физического насилия), так и специфические навыки, связанные с работой в пенитенциарной системе (например, как действовать при угрозе нападения или попытке побега). Информация, полученная в рамках дисциплины «Безопасность жизнедеятельности», также охватывает вопросы медицинской подготовки. Сотрудников обучают основам оказания первой помощи, что является жизненно важным в условиях чрезвычайных ситуаций. Знания и навыки в этой области включают в себя как теоретическую часть (например, признаки различных видов повреждений и болезней), так и практическую подготовку (например, проведение сердечно-легочной реанимации, наложение шины при переломе и т.д.).

Таким образом, роль дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» в подготовке сотрудников УИС необычайно высока. Она закладывает основу для безопасного и эффективного выполнения служебных обязанностей, формируя комплексный подход к вопросам личной и коллективной безопасности. Это позволяет будущим сотрудникам не только минимизировать риск возникновения чрезвычайных ситуаций, но и адекватно и оперативно реагировать на них, что в конечном итоге обеспечивает безопасность в местах лишения свободы. Эта дисциплина способствует всестороннему развитию профессиональных компетенций работников пенитенциарной системы, делая их более подготовленными и ответственными специалистами в своем деле. Изучение дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» (БЖД) в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) имеет свою строго регламентированную нормативно-правовую и организационную базу. Данные основы направлены на обеспечение высокого уровня профессиональной подготовки сотрудников УИС, что немаловажно в специфических условиях их службы.

Нормативно-правовые основы БЖД складываются из различных законодательных и подзаконных актов, регулирующих деятельность УИС и определяющих требования к подготовке кадров. Одним из основополагающих документов является закон Российской Федерации «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», который устанавливает необходимость комплексной подготовки сотрудников, включая вопросы безопасности служебной деятельности и здоровья. Неотъемлемой частью нормативно-правовой базы является и Федеральный закон «Об основах охраны труда в Российской Федерации». Этот закон обязывает работодателей, включая учреждения УИС, вводить программы по обучению безопасным методам и приемам выполнения работ, что непременно должно быть отражено в профессиональной подготовке будущих сотрудников системы. В учреждениях УИС данное требование реализуется путем включения дисциплины БЖД в учебные планы профессионального образования.

Педагогический процесс организации и проведения занятий по БЖД в образовательных учреждениях УИС также строго регламентирован. Для этого разрабатываются специальные методические рекомендации и программы, которые учитывают специфические условия службы сотрудников УИС. Например, Министерство юстиции

России утверждает образовательные стандарты для учебных заведений УИС, в которых подробно прописаны требования к изучению БЖД [2, С. 285-286]. Кроме того, организация изучения дисциплины БЖД включает в себя использование различных форм и методов обучения: лекции, практические занятия, тренировки, лабораторные работы и деловые игры. Все эти формы обучения помогают не только теоретически подготовить сотрудников к различным ситуациям, но и практически отработать навыки безопасного поведения в потенциально опасных и чрезвычайных ситуациях. Важно, что практические занятия и тренировки проводятся на специально оборудованных полигонах и учебных центрах, где моделируются реальные ситуации, с которыми могут столкнуться сотрудники УИС на службе.

Особое внимание уделяется вопросам оказания первой помощи и медицинской помощи пострадавшим. Это обусловлено тем, что служба в УИС часто сопряжена с риском для жизни и здоровья, как самого сотрудника, так и окружающих его лиц. Сотрудники должны владеть необходимыми знаниями и умениями для оказания экстренной медицинской помощи в условиях ограниченного времени и ресурсов. Организационная структура изучения БЖД часто предусматривает блоковые или модульные системы обучения, что позволяет более гибко подходить к обучению различных категорий сотрудников УИС. Например, для сотрудников оперативных служб могут вводиться дополнительные модули по тактике поведения в экстремальных условиях, тогда как для административного персонала акцент может быть сделан на правилах охраны труда и управления безопасностью в офисной среде. Для поддержки и повышения уровня преподавания дисциплины БЖД в учебных заведениях УИС технически оснащаются современные учебные аудитории и лаборатории, создаются специализированные учебные материалы и наглядные пособия. Использование информационных технологий, таких как компьютерное моделирование и дистанционные обучающие платформы, значительно расширяет возможности преподавания и делает обучение более доступным. Таким образом, нормативно-правовые и организационные основы изучения дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» в учреждениях уголовно-исполнительной системы направлены на создание целостной системы подготовки сотрудников, которая учитывает как законодательные требования, так и специфику их профессиональной деятельности. Эти основы обеспечивают не только формальное соблюдение требований, но и реальное повышение уровня безопасности и готовности сотрудников к выполнению своих служебных обязанностей в различных ситуациях, что является залогом эффективной деятельности всей уголовно-исполнительной системы.

Формирование профессиональной готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) к действиям в экстремальных условиях является одной из ключевых задач образовательного процесса в данной сфере. Специфика работы в УИС ставит перед сотрудниками необходимость быть подготовленными к широкому спектру непредвиденных ситуаций, включая чрезвычайные происшествия, массовые беспорядки, атакующие действия со стороны заключенных и другие кризисные моменты [4, С. 13-15]. Одним из фундаментальных аспектов подготовки является изучение основ безопасности жизнедеятельности, включающее теории и методы управления рисками, принципы обеспечения личной и коллективной безопасности, а также навыки оказания первой помощи. Без этих базовых знаний невозможно создать основы для дальнейшего профессионального обучения и адаптации к экстремальным ситуациям. В условиях учебного процесса на курсах подготовки и повышения квалификации сотрудники УИС изучают теоретические аспекты безопасности жизнедеятельности, такие как природа и классификация чрезвычайных ситуаций, анализ и прогнозирование рисков. Особое внимание уделяется изучению нормативно-правовой базы, которая регламентирует действия сотрудников в условиях кризиса. Это позволяет четко понимать свои обязанности и права, что особенно важно в экстремальных ситуациях, когда необходимо действовать быстро и решительно.

Практическая подготовка сотрудников УИС включает в себя комплекс мероприятий, направленных на развитие необходимых навыков и умений. Одним из ключевых элементов практической подготовки является проведение тактико-специальных учений, моделирующих различные виды чрезвычайных ситуаций. В ходе этих учений сотрудники не только отрабатывают стандартные и оперативные процедуры, но и учатся действовать в условиях дефицита времени и ресурсов, что существенно повышает их стрессоустойчивость и способность принимать решения в сложных и динамически изменяющихся условиях.

Помимо учений, важным элементом практической подготовки являются занятия по физической и психологической подготовке. Занятия по физической подготовке направлены на развитие выносливости, силы, быстроты реакции, что особенно важно при выполнении задач в условиях повышенной физической нагрузки. Психологическая подготовка включает обучение методам регуляции своего психоэмоционального состояния, освоение техник стресс-менеджмента, а также

тренировки по развитию командного взаимодействия и эффективности коммуникации. Совместное прохождение сложных испытаний сплачивает коллектив и формирует устойчивое доверие между сотрудниками, что является важным аспектом в условиях выполнения задач в экстремальных условиях [5, С. 118-120]. Необходимо отметить, что одной из современных тенденций в обучении сотрудников УИС является использование компьютерных симуляторов и виртуальной реальности. Такие технологии позволяют моделировать сложные и опасные ситуации с высокой степенью реалистичности, давая возможность отрабатывать необходимые навыки в безопасных условиях. Применение виртуальной реальности значительно расширяет возможности для обучения, позволяя создавать разнообразные сценарии и проводить многократные тренировки без риска для жизни и здоровья сотрудников. Кроме того, важным направлением подготовки является обучение работе с современными техническими средствами и оборудованием, используемыми в УИС для обеспечения безопасности и контроля. Сюда входят средства радиосвязи, видеонаблюдения, системы контроля и управления доступом и другие высокотехнологичные устройства. Умение эффективно использовать эти средства в чрезвычайных ситуациях существенно повышает общий уровень безопасности и оперативности реагирования.

Важным компонентом профессиональной подготовки является также обучение оказанию первой медицинской помощи. В экстремальных условиях, когда медицинская помощь может быть недоступна в первые минуты после происшествия, навык своевременного и правильного оказания первой помощи может спасти жизнь пострадавшим. Сотрудники изучают алгоритм действий при различных видах травм и неотложных состояний, отрабатывают навыки оказания помощи в условиях ограниченного ресурса и времени. Подготовка к действиям в экстремальных условиях должна быть комплексной и систематической, интегрируя теоретические знания, практические навыки и психологическую готовность. Только такой подход позволяет сформировать у сотрудников УИС высокий уровень профессиональной готовности к выполнению своих обязанностей в любых, даже самых сложных и непредсказуемых ситуациях. Таким образом, формирование профессиональной готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных условиях — это многоступенчатый процесс, требующий интеграции различных форм и методов обучения, адаптации к новым вызовам и постоянного совершенствования профессиональных компетенций.

Практические аспекты обучения безопасности жизнедеятельности (БЖД) в подготовке кадров уголовно-исполнительной системы (УИС) играют ключевую роль в обеспечении эффективности и безопасности работы сотрудников этой сферы. Рассмотрение и внедрение практических методов и техник позволяют не только повысить уровень знаний обучающихся, но и значительно улучшить их готовность к реальным ситуациям, с которыми они могут столкнуться на службе. Практическое обучение БЖД охватывает широкий спектр тем и навыков, необходимых для успешного выполнения служебных обязанностей. Одной из основных задач является развитие у сотрудников УИС практических навыков реагирования на различные чрезвычайные ситуации, включая пожары, аварии и стихийные бедствия. Эти навыки включают в себя обучение использованию средств индивидуальной и коллективной защиты, эвакуационным мероприятиям, а также оказанию первой медицинской помощи пострадавшим.

Для формализации и структурирования процесса обучения, разрабатываются и внедряются специальные программы и методические рекомендации, которые включают различные виды практических занятий. Например, проведение учебных тревог и эвакуационных тренировок позволяет сотрудникам отработать действия в условиях максимально приближенных к реальным. Такие тренировки часто проводятся с привлечением специалистов из различных служб — пожарных, медиков, специалистов по гражданской обороне, что повышает их эффективность и позволяет обмениваться опытом. Важной частью практического обучения является использование современных средств и методов симуляции, таких как тренажеры и виртуальные симуляторы. Например, использование огнетушительных тренажеров и симуляторов тушения пожаров позволяет сотрудникам получить практические навыки использования противопожарного оборудования в условиях, максимально приближенных к реальным. Виртуальные симуляторы используются для моделирования различных чрезвычайных ситуаций, что дает возможность обучающимся не только усваивать теоретические знания, но и практиковать их применение в интерактивной среде. Неотъемлемым элементом практического обучения является работа в группах и отработка командных действий. Эффективная работа в команде особенно важна в условиях экстремальных ситуаций, когда успех выполнения задач зависит от слаженности и координации действий всех членов группы. В ходе тренингов и занятий, сотрудников обучают навыкам командного взаимодействия, лидерства и организации, что способствует созданию тесно сплоченных и оперативно готовых

коллективов. Практическое обучение безопасности жизнедеятельности включает в себя изучение психологических аспектов реагирования на чрезвычайные ситуации. Стрессоустойчивость, способность принимать решение в условиях неопределенности и экстремальные психологические нагрузки — все это критические навыки, которые должны быть развиты у каждого сотрудника. Для этого проводятся специальные тренинги, включающие стресс-тесты и психологические игры, направленные на развитие необходимых качеств и адаптацию к сложным условиям. Для повышения уровня практических навыков также организуются выездные полигоны и лагеря, где сотрудники проходят интенсифицированный курс подготовки, включающий полевые условия проживания и работы. Такие мероприятия позволяют не только глубже освоить практические навыки, но и испытать их в условиях, приближенных к реальным чрезвычайным ситуациям и экстремальным условиям. Стоит отметить важность интеграции практического обучения с регулярной аттестацией и проверкой готовности сотрудников. Периодические проверки и тесты, направленные на оценку практических навыков, обеспечивают поддержание высокого уровня готовности сотрудников к реальным чрезвычайным ситуациям. Такие мероприятия позволяют выявить пробелы в знаниях и умениях, своевременно скорректировать программы обучения и вывести процесс подготовки на новый уровень качества.

Особое внимание в процессе обучения уделяется технической оснащенности и использованию современных технологий. Важным аспектом является знание и умение работы с различными техническими средствами безопасности, такими как системы видеонаблюдения, средства связи и оповещения, системы контроля доступа и противопожарные устройства. Для этого на занятиях используются натурные образцы оборудования, демонстрируются принципы их работы и правила эксплуатации. Таким образом, практические аспекты обучения безопасности жизнедеятельности в подготовке сотрудников УИС — это комплексный процесс, включающий множество элементов и методов, направленных на формирование и поддержание высокого уровня профессиональной готовности. Систематическое проведение тренировок, использование современных технологий и развитие командного взаимодействия — ключевые составляющие, обеспечивающие эффективность работы сотрудников уголовно-исполнительной системы в экстремальных ситуациях.

Важность дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» в подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) трудно переоценить. Это направление обучения имеет существенное значение как для служебной, так и для личной безопасности сотрудников, выполняющих свои обязанности в условиях, сопряженных с повышенными рисками. Понимание и правильное применение знаний, приобретенных в ходе изучения данной дисциплины, не только обеспечивает сохранение здоровья и жизни самих сотрудников, но и способствует общей стабильности и эффективности функционирования учреждений УИС. В первую очередь, программа дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» направлена на формирование профессиональных компетенций, которые позволяют сотрудникам эффективно реагировать на различные чрезвычайные ситуации. Это включает в себя действия при пожарах, авариях, утечках опасных веществ, природных катастрофах и т.д. Важно отметить, что учреждения УИС, как правило, являются объектами с высокой концентрацией потенциально опасных факторов, таких как наличие большого числа людей в ограниченном пространстве, постоянно действующие системы охраны и специфические условия жизнедеятельности осужденных. В этих условиях навыки быстрой и правильной реакции на чрезвычайные ситуации становятся критически важными. Кроме того, дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» включает в себя многочисленные аспекты личной безопасности сотрудников. В системе УИС риск подвергнуться нападению или оказаться в опасной ситуации значителен, особенно в местах содержанием осужденных с повышенной степенью опасности. В ходе обучения сотрудники изучают приемы самозащиты, освоение которых позволяет им более уверенно и эффективно противостоять физическим угрозам. Также дисциплина охватывает методы и средства защиты от возможных инфекционных заболеваний, что особенно актуально в условиях многонаселенных режимных зон, где может возникать угроза эпидемий. Не менее важно и психологическое обеспечение безопасности сотрудников. Учитывая высокий эмоциональный и психологический стресс, с которым ежедневно сталкиваются работники УИС, дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» предоставляет им необходимые знания и навыки для управления стрессом, предотвращения эмоционального выгорания и сохранения психического здоровья. Понимание основ психогигиены и психологической устойчивости помогает сотрудникам лучше справляться с профессиональными вызовами и сохранять способность к адекватной оценке ситуации и принятию взвешенных решений [7, С. 70-90].

Также стоит отметить значение данной дисциплины для обеспечения безопасности окружа-

ющих и поддержания общественного порядка. Осведомленные и подготовленные сотрудники способны не только обезопасить себя, но и предотвратить возможные инциденты, быстро локализовать возникшие угрозы и минимизировать их последствия. Знание алгоритмов действий при различных ЧС позволяет им эффективно взаимодействовать с другими службами экстренного реагирования, обеспечивая слаженную и своевременную ликвидацию опасных ситуаций. Важной составляющей дисциплины является и обучение основам эргономики и безопасной организации рабочего пространства. Сотрудники УИС должны уметь правильно организовать свое рабочее место, выполнять служебные обязанности с учетом всех норм безопасности, использовать средства индивидуальной защиты и применять навыки первой помощи. Эти знания позволяют снизить риск производственных травм и других несчастных случаев на рабочем месте, что напрямую сказывается на общей безопасности и работоспособности сотрудников. Профессиональная безопасность в УИС по своей сути представляет собой способность «обеспечивать безопасность в условиях ограничений»: сотрудник действует в правовых рамках и одновременно принимает эффективные решения в рискованных ситуациях; защищает себя и исполняет обязанность заботы о других. Такая способность не может быть приобретена путём общего курса безопасности — она требует системной подготовки в рамках профессионально-прикладной направленности дисциплины «Безопасность жизнедеятельности».

Политические ориентиры, установленные Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, создают институциональную рамку для такой трансформации. Концепция определяет «обеспечение безопасности» и «формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала» в качестве ключевых направлений развития системы, что само по себе требует перехода «Безопасности жизнедеятельности» в подготовке кадров от общего образования к профессиональному.

Превращение дисциплины из общеобразовательной в профессионально-ориентированную означает принципиальную перестройку логики преподавания: от «преподавания знаний о безопасности» к «формированию способности суждения о безопасности»; от «организации содержания по дисциплине» к «организации по профессиональным ситуациям». Сложность этой трансформации в том, что она требует от преподавателя одновременно понимания системы знаний о безопасности и знакомства с реальной практикой работы УИС, владения методами аудиторного обучения и способности проектировать и вести ситуационные тренинги. Возможно, именно в этом заключается ключевой вызов и академическая ценность реформы дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» в подготовке кадров для уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

[1] Русейкина М. А. Роль уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в механизме обеспечения безопасности жизнедеятельности / М. А. Русейкина, А. М. Черняев // Пожарная и аварийная безопасность: Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции, посвящённой 35-й годовщине со дня образования МЧС России, Иваново, 13–14 ноября 2025 года. – Иваново: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», 2025. – С. 985-989. – EDN YVYCDL.

[2] Целуйко А. В. Об основных мерах по защите населения в условиях специальной военной операции / А. В. Целуйко // Гражданская оборона на страже мира и безопасности: Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 5-ти частях, Москва, 28 февраля 2025 года. – Москва: Академия государственной противопожарной службы, 2025. – С. 283-287. – EDN GKYINQ.

[3] Актуальные вопросы организации управления в РСЧС: Сборник научных трудов / Составитель С.В. Горинова. Том Выпуск 5. – Иваново: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», 2020. – 79 с. – EDN EYNPRC.

[4] Бирюкова Э. Р. Особенности взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с органами местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера / Э. Р. Бирюкова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 2(20). – С. 12-17. – EDN OXOSXR.

[5] Кашибадзе А. Г. Совершенствование подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в чрезвычайных ситуациях /

А. Г. Кашибадзе, А. П. Семикина // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 01 февраля – 01 2020 года. Том Выпуск 8 Часть 1. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2020. – С. 118-122. – EDN ECGGJM.

[6] Безопасность жизнедеятельности: основные термины, понятия и определения. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – 44 с. – ISBN 978-5-93035-798-1. – EDN IECFLS.

[7] Основы психологии безопасности в уголовно-исполнительной системе: учебное пособие / Б. В. Александров, М. В. Комаров, Н. Н. Тавтилова, О. С. Тронь. – Рязань: ИП Колупаева Е.В., 2026. – 106 с. – ISBN 978-5-907955-43-1. – EDN IZZXXR.

References:

[1] Ruseykina M. A. The role of the penitentiary system of the Russian Federation in the mechanism for ensuring life safety/M. A. Ruseykina, A. M. Chernyaev // Fire and emergency safety: Collection of materials of the XX International Scientific and Practical Conference dedicated to the 35th anniversary of the founding of the EMERCOM of Russia, Ivanovo, November 13-14, 2025. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters" 2025. - S. 985-989. – EDN YVYCDL.

[2] Tseluiko A.V. On the main measures to protect the population in a special military operation A.V. Tseluiko // Civil Defense guarding peace and security: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference dedicated to World Civil Defense Day. In 5 parts, Moscow, February 28, 2025. - Moscow: Academy of State Fire Service, 2025. - S. 283-287. – EDN GKYINQ.

[3] Topical issues of management organization in the RSChS: Collection of scientific works Compiled by S.V. Gorinova. Volume Issue 5. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters," 2020. – 79 c. – EDN EYNPRC.

[4] Biryukova, E. R. Peculiarities of the interaction of institutions and bodies of the penitentiary system with local authorities in the field of protecting the population and territories from natural and man-made emergencies / E. R. Biryukova // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. – 2019. – № 2(20). - S. 12-17. – EDN OXOSXR.

[5] Kashibadze A. G. Improving the training of employees of the penitentiary system for emergency situations / A. G. Kashibadze, A. P. Semikina // Legal science and practice: Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, February 01 - 01 2020. Volume Issue 8 Part 1. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. - S. 118-122. – EDN ECGGJM.

[6] Life safety: basic terms, concepts and definitions. - Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. - 44 p. - ISBN 978-5-93035-798-1. – EDN IECFLS.

[7] Fundamentals of safety psychology in the penal system: a textbook B.V. Alexandrov, M.V. Komarov, N.N. Tavtilova, O.S. Tron. - Ryazan: IP Kolupaeva E.V., 2026. - 106 p. - ISBN 978-5-907955-43-1. – EDN IZZXXR.

- ИННОВАЦИИ В МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-313-316
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ЛОЖКИН Владислав Алексеевич,
патентный поверенный РФ № 2740, заместитель генерального директора ООО «Патентное Бюро Ложкиной»,
e-mail: LozhkinV.A@ya.ru

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НАИМЕНОВАНИЯ СЕЛЕКЦИОННОГО ДОСТИЖЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию механизма защиты интеллектуального права на наименование селекционного достижения в области растениеводства. Анализируется проблема отсутствия самостоятельного и эффективного режима защиты наименования, охраняемого в качестве иного интеллектуального права, а также проблема слияния защиты самого селекционного достижения и его наименования. Обосновывается необходимость признания наименования селекционного достижения самостоятельным имущественным благом, предоставления ему специального режима исключительного права и разграничения нарушений права на селекционное достижение и права на его наименование.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность; наименование селекционного достижения; селекционное достижение; иное интеллектуальное право; исключительное право; защита интеллектуальных прав; защита наименования селекционного достижения.*

LOZHKIN Vladislav Alekseevich,
patent Attorney of the Russian Federation No. 2740, deputy CEO of LLC "Lozhkina Patent Agency"

THE MECHANISM OF LEGAL ENFORCEMENT OF A PLANT VARIETY DENOMINATION

Annotation. *The article examines the mechanism for protecting intellectual rights in the denomination of a plant variety. It analyzes the lack of an independent and effective protection regime for the denomination, which is protected as an "other intellectual right," as well as the problem of conflating the protection of the plant variety itself with the protection of its denomination. The article substantiates the need to recognize the denomination of a plant variety as an independent proprietary interest, to establish a special exclusive-right regime for it, and to distinguish infringements of rights in the plant variety from infringements of rights in its denomination.*

Key words: *intellectual property; denomination of a plant variety; plant variety; other intellectual right; exclusive right; protection of intellectual rights; protection of the denomination of a plant variety.*

Развитие отечественной селекции в последнее время стало ускоряться [4], что привело к повышению интереса агропромышленных компаний к правовой охране и защите собственных разработок, в том числе новых сортов растений.

Российское законодательство предусматривает охрану новых сортов растений в качестве селекционных достижений в порядке главы 73 Гражданского кодекса Российской Федерации [5] (далее – ГК РФ). При этом в гражданском обороте селекционное достижение используется под соответствующим наименованием. Наименование позволяет не только идентифицировать конкретный сорт, но и одновременно способно формировать у потребителя устойчивую связь между названием сорта и присущими ему свойствами, качественными характеристиками, репутацией и потребительскими ожиданиями. К аналогичным выводам пришла российский правовед О.Ф. Оноприенко в своем диссертационном исследовании [1]. Особое значение такая индивидуализирующая функция приобретает на любительском рынке семян. Так, известное наименование может становиться самостоятельным объектом посягательства, когда под названием одного известного сорта недобросовестное лицо реализу-

ет семена иного сорта.

В этой связи многие семенные и агропромышленные компании, работающие на любительском рынке, заинтересованы в защите не только самого сорта, но и в защите его наименования. Вместе с тем, существующий механизм гражданско-правовой защиты интеллектуальных прав на результаты селекции имеет ряд серьезных недостатков, которые приводят к малой эффективности этого механизма.

По мнению автора, основная проблема действующего регулирования заключается в том, что наименование селекционного достижения фактически обладает самостоятельным значением и экономической ценностью, но не получает в указанной части соответствующего нормативного закрепления. В этой связи необходимо обратить внимание на две следующие проблемы. Во-первых, в законодательстве отсутствуют специальные и эффективные способы защиты права на наименование как иного интеллектуального права. Во-вторых, имеет место слияние защиты самого селекционного достижения и его наименования.

Действующее законодательство в области селекционных достижений по смыслу ст. 1419 ГК РФ во взаимосвязи со ст. 1226 ГК РФ предусматривает охрану наименования селекционного достижения как иного интеллектуального права. При этом согласно положениям п. 1 ст. 1250 ГК РФ интеллектуальные права защищаются способами, предусмотренными ГК РФ, с учетом сущности нарушенного права и последствий нарушения этого права. Однако ни одна норма части 4 ГК РФ не предусматривает специальных способов защиты иного интеллектуального права. Способы защиты определены только для личных неимущественных прав в ст. 1251 ГК РФ и для исключительного права – в ст. 1252 ГК РФ. Отсутствие самостоятельных способов защиты иного интеллектуального права, как обоснованно указывает профессор Г. Н. Черничкина [3], создает существенные препятствия в защите. Данные препятствия обусловлены тем, что по смыслу п. 1 ст. 1250 ГК РФ защита иного интеллектуального права должна осуществляться общими способами защиты гражданских прав, приведенных в ст. 12 ГК РФ, которые разработаны без учета специфики наименования селекционного достижения.

Таким образом, действующая конструкция иного интеллектуального права сама по себе не предоставляет правообладателю наименования селекционного достижения специального набора требований, адаптированных к характеру посягательства на это наименование. В результате защита должна строиться преимущественно на общих способах защиты гражданских прав, тогда как специфика наименования как самостоятельного имущественного блага остается неучтенной.

Анализируя правоприменительную практику целесообразно обратиться к статье, опубликованной в Журнале Суда по интеллектуальным правам, которая предоставляет обзор актуальных проблем судебной практики, в том числе в области селекционных достижений [2]. Названная статья в совокупности с анализом общих способов защиты гражданских прав позволяет сделать вывод, что для защиты имущественного интереса правообладателя наименования одним из основных способов защиты остается возмещение убытков. Однако необходимость доказывания размера убытков и причинно-следственной связи существенно снижает практическую эффективность такого способа применительно к неправомерному использованию наименования селекционного достижения.

Отсутствие специальных способов защиты права на наименование селекционного достижения делает результат судебной защиты менее предсказуемым и снижает заинтересованность правообладателей в обращении за защитой. В качестве примера спора, в котором правообладатель пытался защитить наименование селекционного достижения, может быть приведено Решение Домодедовского городского суда Московской области от 19.05.2022 № 2-1411/2022 [6]. В рамках данного спора истец ссылался на п. 4 ст. 1446 ГК РФ в связи с использованием ответчиком наименования, сходного до степени смешения с наименованием селекционного достижения. Однако заявленные требования были оставлены без удовлетворения. Сам по себе данный пример не исчерпывает проблематику защиты наименований, но наглядно показывает отсутствие устойчивого и самостоятельного механизма защиты именно права на наименование.

Вместе с тем решение проблемы автор видит не в разработке специальных способов защиты иного интеллектуального права, а в изменении правового режима наименования селекционного достижения. Наименование используется в гражданском обороте самостоятельно, способно приобретать известность и репутацию и тем самым обладает самостоятельной имущественной ценностью. В этой связи право на наименование селекционного достижения должно обеспечивать правообладателю возможность эффективно запрещать третьим лицам неправомерное использование этого наименования. По мнению автора, указанной природе права в наибольшей степени соответствует режим исключительного права на наименование селекционного достижения.

Второй проблемой в защите наименования селекционного достижения является слияние за-

щиты самого селекционного достижения и защиты его наименования.

На практике применение ст. 1446 ГК РФ при защите наименования селекционного достижения требует установления того, относятся ли спорные семена к соответствующему зарегистрированному селекционному достижению. В зависимости от доказывания этого факта будет зависеть вывод о наличии или отсутствии факта нарушения права на наименование селекционного достижения. Если спорные семена относятся к селекционному достижению, наименование которого было использовано, то факт нарушения отсутствует. Если спорные семена не относятся к селекционному достижению, наименование которого было использовано, то имеет место факт нарушения. Соответственно, независимо от того, защищается наименование селекционного достижения или само селекционное достижение, на истца, как лицо, заявившее требование о защите, ложится бремя доказывания принадлежности или непринадлежности спорных семян к тому или иному селекционному достижению.

Важно также отметить, что положения ст. 1446 ГК РФ объединяют в одном перечне случаи нарушения исключительного права на селекционное достижение и случаи неправомерного использования его наименования. В качестве таких частных случаев нарушения прав законодатель приводит следующие: 1) незаконное осуществление действий, указанных в п. 3 ст. 1421 ГК РФ, составляющих содержание исключительного права на селекционное достижение; 2) присвоение произведенным и (или) продаваемым семенам наименования, которое отличается от наименования соответствующего зарегистрированного селекционного достижения; 3) присвоение произведенным и (или) продаваемым семенам наименования соответствующего зарегистрированного селекционного достижения, если они не являются семенами этого селекционного достижения; 4) присвоение произведенным и (или) продаваемым семенам наименования, сходного с наименованием зарегистрированного селекционного достижения до степени смешения.

Указанное в совокупности приводит к тому, что наименование селекционного достижения утрачивает возможность самостоятельной защиты, хотя фактически является отдельным благом. Для устранения этой проблемы необходимо разграничить защиту селекционного достижения и защиту его наименования, исходя из самостоятельного объекта посягательства и функций каждого из охраняемых благ.

Селекционное достижение в области растениеводства является объектом интеллектуальных прав, который в силу ст. 1412 ГК РФ охраняет сорт растения. Правовая охрана селекционного достижения обеспечивает патентообладателю исключительное право на использование соответствующего сорта. Следовательно, объектом посягательства при нарушении исключительного права выступает сам результат селекции как совокупность присущих ему свойств.

Наименование селекционного достижения представляет собой наименование сорта, отвечающее требованиям п. 2 ст. 1419 ГК РФ. Как было показано выше, значение наименования селекционного достижения не ограничивается обозначением соответствующего сорта и возможностью его идентификации. В гражданском обороте наименование приобретает самостоятельное значение, поскольку с ним связываются определенные свойства и качественные характеристики сорта, его репутация, а также сформировавшиеся у потребителей ожидания.

Таким образом, селекционное достижение и его наименование обеспечивают охрану различных интересов. Селекционное достижение обеспечивает имущественную монополию на использование самого результата селекции, тогда как наименование селекционного достижения охраняет репутацию, известность и коммерческие вложения в популяризацию сорта. В этом смысле селекционное достижение функционально сопоставимо с техническим решением, охраняемым патентным правом, тогда как наименование селекционного достижения в силу его индивидуализирующей функции сравнимо с товарным знаком или иными средствами индивидуализации.

В свете изложенного автор полагает необходимым разграничивать нарушение права на селекционное достижение и нарушение права на его наименование в зависимости от того, на какой самостоятельный охраняемый интерес направлено посягательство.

Незаконное использование семян, относящихся к охраняемому селекционному достижению, представляет собой нарушение исключительного права на само селекционное достижение независимо от того, под каким наименованием такие семена вводятся в гражданский оборот. Использование иного наименования в этой ситуации может маскировать факт нарушения, однако основным объектом посягательства остается сам результат селекции.

Напротив, использование охраняемого наименования применительно к семенам, не относящимся к соответствующему селекционному достижению, должно квалифицироваться как самостоятельное нарушение права на наименование. В данном случае неправомерное поведение направлено не на использование самого результата селекции, а на присвоение сформировавшейся

связи между известным наименованием и определенными свойствами, качественными характеристиками, то есть имеет место посягательство именно на репутацию.

Отдельного внимания заслуживает случай использования семян, относящихся к селекционному достижению, в совокупности с использованием верного наименования селекционного достижения, при условии, что такое использование является незаконным. Подобные действия следует квалифицировать как кумулятивное нарушение, поскольку посягательство происходит одновременно и на сам результат селекции, и на его репутацию.

Резюмируя изложенное, автор полагает, что совершенствование защиты наименований селекционных достижений должно осуществляться по двум взаимосвязанным направлениям. Во-первых, наименованию селекционного достижения необходимо придать самостоятельный имущественный правовой режим, учитывающий его индивидуализирующую функцию. Во-вторых, необходимо разграничить нарушение исключительного права на селекционное достижение и нарушение права на его наименование исходя из того, на какой именно интерес происходит посягательство. Предлагаемая модель позволит сохранить самостоятельное значение наименования в системе интеллектуальных прав и сделать механизм его защиты более последовательным и эффективным.

Список литературы:

[1] Оноприенко О. Ф. Интеллектуальные права на селекционное достижение в растениеводстве в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Ф. Оноприенко. – Москва, 2017. – 179 с.

[2] Павлова Е. А., Калятин В. О., Корнеев В. А., Радецкая М. В. и др. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав (Часть 1) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2022. № 2 (36). С. 152-190.

[3] Черничкина Г. Н. Иные интеллектуальные права части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Современное право. 2019. № 3. С. 61-73.

[4] Новости [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: https://mcx.gov.ru/ministry/departments/departament-rastenievodstva-mekhanizatsii-khimizatsii-i-zashchity-rasteniy/news/tri-chetverti-zayavok-na-gosudarstvennye-sortoispytaniya-v-2025-godu-prikhodyatsya-na-otechestvennye (дата обращения: 17.08.2026).

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.12.2006. – № 52 (Часть I.). – Ст. 5496.

[6] Решение Домодедовского городского суда Московской области от 19.05.2022 № 2-1411/2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Домодедовского городского суда Московской области. URL: https://domodedovo--mo.sudrf.ru (дата обращения: 25.08.2026).

References:

[1] Onoprienko O. F. Intellectual rights to selective achievement in crop production in the Russian Federation: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03 / O. F. Onoprienko. - Moscow, 2017. - 179 p.

[2] Pavlova E.A., Kalyatin V.O., Korneev V.A., Radetskaya M.V., et al. Compensation as a measure of liability for violation of exclusive rights (Part 1) // Journal of the Intellectual Property Court. June 2022. № 2 (36). S. 152-190.

[3] G. N. Chernichkina. Other intellectual rights of part four of the Civil Code of the Russian Federation // Modern law. 2019. № 3. S. 61-73.

[4] News [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. URL: https://mcx.gov.ru/ministry/departments/departament-rastenievodstva-mekhanizatsii-khimizatsii-i-zashchity-rasteniy/news/tri-chetverti-zayavok-na-gosudarstvennye-sortoispytaniya-v-2025-godu-prikhodyatsya-na-otechestvennye (дата обращения: 17.08.2026).

[5] Civil Code of the Russian Federation (part four) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 25.12.2006. - No. 52 (Part I.). - Art. 5496.

[6] Decision of the Domodedovo City Court of the Moscow Region dated 19.05.2022 No. 2-1411/2022 [Electronic Resource] // Official website of the Domodedovo City Court of the Moscow Region. URL: https://domodedovo--mo.sudrf.ru (access date: 25.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-317-326
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

БАЗЫЛЕВ Леонид Андреевич,
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПРИТОМСКАЯ Алина Романовна,
соискатель на степень кандидата филологических наук, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

МЕЖДОМЕННЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В СТРЕЛКОВОМ ДИСКУРСЕ: КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЕНСОРНЫХ МОДАЛЬНОСТЕЙ И ИХ РОЛЬ В ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Обучение стрельбе представляет собой сложный процесс, в основе которого лежит трансляция субъективного сенсомоторного опыта от инструктора к ученику. В отличие от многих двигательных навыков, поддающихся визуальному копированию, стрельба характеризуется тем, что критически важные для точности действия (прежде всего нажатие на спусковой крючок) недоступны непосредственному наблюдению: движение указательного пальца – мимолетно и скрыто от глаз спусковой скобой. Ключевые параметры правильного выполнения движения – давление, плавность, момент срыва курка с боевого взвода – являются почти «интимными», доступными лишь самому стрелку. Данное обстоятельство порождает фундаментальную дидактическую проблему: передача этих едва уловимых нюансов ученику.*

Ключевые слова: *проекции, стрелковый дискурс, междоменные метафорические проекции, техника стрельбы, кинестетика, полимодальность.*

BAZYLEV Leonid Andreevich,
Lecturer, Department of Fire and Tactical Special Training, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

PRITOMSKAYA Alina Romanovna,
applicant for the degree of candidate of philological sciences, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training of State Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization of Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society of the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

INTERDOMINAL METAPHORICAL PROJECTIONS IN FIRE DISCOURSE: QUANTITATIVE ANALYSIS OF SENSORY MODALITIES AND THEIR ROLE IN THE FIRE TRAINING OF EMPLOYEES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *Shooting training is a complex process based on the transmission of subjective sensorimotor experience from the instructor to the student. Unlike many motor skills that can be visually copied, shooting is characterized by the fact that the actions that are critical to accuracy (primarily pulling the trigger) are not directly observable: the movement of the index finger is fleeting and hidden from view by the trigger guard. The key parameters of proper movement execution — pressure, smoothness, and the moment the hammer breaks from the cocked position — are almost "intimate," accessible only to the shooter themselves. This circumstance gives rise to a fundamental didactic problem: conveying these subtle nuances to the student.*

Key words: *проекции, стрелковый дискурс, междоменные метафорические проекции, техника стрельбы, кинестетика, полимодальность.*

Обучение стрельбе представляет собой сложный процесс, в основе которого лежит трансляция субъективного сенсомоторного опыта от инструктора к ученику. В отличие от многих двигательных навыков, поддающихся визуальному копированию, стрельба характеризуется тем, что критически важные для точности действия (прежде всего нажатие на спусковой крючок) недоступны непосредственному наблюдению: движение указательного пальца – мимолетно и скрыто от глаз спусковой скобой. Ключевые параметры правильного выполнения движения – давление, плавность, момент срыва курка с боевого взвода – являются почти «интимными», доступными лишь самому стрелку. Данное обстоятельство порождает фундаментальную дидактическую проблему: передача этих едва уловимых нюансов ученику.

Одним из эффективных инструментов преодоления этой трудности является использование метафор, сравнений и аналогий – словесно-образных средств, которые позволяют транслировать трудно вербализуемый телесный опыт в знакомых, понятных неопытному стрелку образах.

Теоретической основой настоящего исследования послужила теория концептуальной метафоры (Conceptual Metaphor Theory, CMT), разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, 1993; Lakoff, Johnson, 1999], рассматривающая метафору не как сугубо языковое явление, но как фундаментальный механизм когнитивной деятельности, пронизывающий языковую репрезентацию, мыслительные процессы и сферу практического действия. Данная теория утверждает, что понимание абстрактных, сложных или трудно вербализуемых явлений структурируется через более конкретные, физически воспринимаемые области опыта [Кондакова, 2016]. Так, Лакофф и Джонсон определяют метафору как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» («the essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another») [Lakoff, Johnson, 1980, с. 5].

Особый интерес в этой связи представляют так называемые междоменные метафорические проекции (cross-domain mappings) – перенос структуры из одной понятийной области (сферы-источника), доступной для восприятия реципиента, в другую (сферу-цель). В классических работах подобные проекции исследуются преимущественно на материале абстрактных понятий (любовь, время, мораль), однако в последние годы все большее внимание уделяется проекциям между конкретными, сенсомоторными доменами – когда для объяснения одного физического действия привлекается другое, более знакомое [Mueller, Ladewig, 2013; Drogosz, 2025].

В спортивной и ведомственной педагогике накоплен определенный эмпирический и методический материал, свидетельствующий об эффективности использования метафор в процессе освоения двигательных навыков в стрельбе. В

частности, исследования Архипова С.Н. (2019, 2021) убедительно демонстрируют, что применение словесно-образных средств в огневой подготовке сотрудников полиции способствует более быстрому и осознанному освоению техники стрельбы. Гущин В.И. с соавторами (2023) на основе анализа интервью со спортсменами экстра-класса выявили многообразие метафорических средств, используемых для саморегуляции и отработки правильных движений при прицеливании и изготовке. Особого внимания заслуживают работы Анны Дрогош (2025), в которых впервые предпринят системный анализ междоменных проекций в инструкциях для начинающих стрелков. Автор доказывает, что инструкторы намеренно творчески активируют знакомые ученикам области физической активности (например, застегивание молнии, рукопожатие, нажатие клавиши [Drogosz, 2025]), чтобы передать ощущение правильного нажатия на спусковой крючок.

Несмотря на значимость перечисленных результатов, ряд нерешенных вопросов сохраняется. Прежде всего, подавляющее большинство работ носят качественный, описательный характер и не дают количественной оценки того, какие сенсорные модальности (визуальная, кинестетическая, аудиальная) преобладают в метафорическом стрелковом дискурсе. Наряду с этим отсутствует разграничение между дидактическими метафорами, адресуемыми инструктором ученику, и метафорами самоописания, используемыми спортсменами для собственной психорегуляции и описания верной техники. Между тем экспликация сенсорной структуры метафорических средств могла бы стать теоретической основой для разработки дифференцированных методик обучения, учитывающих доминирующую репрезентативную систему обучающегося (визуальную, кинестетическую либо аудиальную). Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы.

Цель настоящей работы – выявить и количественно проанализировать сенсорную структуру междоменных метафорических проекций, сравнений и аналогий, используемых в обучении стрельбе и в самоописаниях техники стрелков экстра-класса. Необходимо при этом подчеркнуть, что единый предмет описания – правильное выполнение изготовки, стойки, прицеливания – обусловливает сопоставимость указанных дискурсивных практик, тогда как различие коммуникативных позиций (трансляция опыта во вне vs. самоописание) позволяет выявить жанрово и функционально обусловленные паттерны метафоризации.

Основным методом анализа стал контент-анализ с последующей классификацией всех единиц по доминирующей сенсорной модальности – визуальной, кинестетической или аудиальной. Критерии классификации разработаны на основе лексических маркеров: к визуальным относились образы, связанные со зрением, светом, формой, цветом (например, «стеклянный шар»); к кинестетическим – ощущения движения, усилия, давления, веса, положения тела, температуры (например, «тело заполнено водой, которая в момент выстрела замерзает»); к аудиальным – любые отсылки к звуку, ритму, тишине (например, «треск веток»).

Эмпирической базой исследования служит корпус из 48 выразительных средств (метафор, сравнений и аналогий), извлеченных из трех типов источников: (1) научные статьи по обучению стрельбе сотрудников полиции [Архипов, 2019, 2021]; (2) интервью со спортсменами экстра-класса – чемпионами Европы, мира и Олимпийских игр [Гущин и др., 2023; https://www.sport-express.net/olympics/tokyo2020/shooting/news/anastasiya-galashina-strelok-eto-tonkaya-chuvstvennaya-struktura-nado-sebya-nosit-kak-steklyannyy-shar-1815340/]; (3) инструктивные блоги и видеоуроки для начинающих стрелков на английском языке [Drogosz, 2025].

Важно подчеркнуть, что корпус включает как русскоязычные (36 единиц), так и англоязычные (12 единиц) материалы, что обусловлено ограниченным количеством источников подобных лексических единиц.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринимается количественный анализ сенсорных модальностей междоменных метафорических проекций в стрелковом дискурсе, при этом впервые проводится сопоставление как дидактических метафор, используемых инструкторами и преподавателями стрельбы целенаправленно для выработки у учеников верных двигательных навыков, так и метафоры самоописания, применяемые спортсменами для объяснения того, как именно они выполняют техники, повышающие точность стрельбы.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении представлений о механизмах междоменных проекций в когнитивной лингвистике – на примере проекций между двумя конкретными, сенсомоторными доменами. Полученные результаты позволяют также углубить понимание роли телесного опыта в процессах образного мышления и его реализации в коммуникативных актах.

Практическая значимость определяется возможностью использования полученных данных для разработки методических рекомендаций по подбору метафор в обучении стрельбе с учетом сенсорных предпочтений обучающихся на основе опыта дифференцированных групп стрелков: начинающих, любителей, сотрудников сило-

вых структур и спортсменов экстра-класса.

В психологии и когнитивной лингвистике под сенсорной модальностью понимается форма восприятия и представления информации в мышлении и памяти, связанная с работой органов чувств [Психологический словарь] (визуальная, аудиальная, кинестетическая, обонятельная и вкусовая). Так, визуальная система опирается на зрительные образы: информация организуется в форме картин, схем; аудиальная система связана со слуховым каналом: восприятие через звуки, интонации, ритмы; кинестетическая базируется на тактильных и мышечных ощущениях. Понимание сенсорных модальностей имеет фундаментальное значение для анализа того, как люди воспринимают, перерабатывают и вербализуют информацию об окружающем мире.

Для настоящего исследования концепция сенсорных модальностей имеет двойное значение. Во-первых, она дает инструментарий для классификации выразительных средств (метафор, сравнений, аналогий) по их опоре на визуальные, аудиальные и кинестетические образы. Во-вторых, понимание сенсорных предпочтений имеет педагогическую ценность: учет ведущей модальности обучающегося позволяет подбирать соответствующие метафоры.

Для выявления специфики метафоризации в зависимости от коммуникативной позиции говорящего был проведен анализ распределения выразительных средств по сенсорным модальностям отдельно для каждой из трех групп респондентов: (1) преподаватели ведомственной огневой подготовки; (2) спортсмены экстра-класса; (3) инструкторы по стрельбе.

№ п/п	Профессиональная группа	Словесно-образное средство	Модальность
1.	Преподаватели ведомственной огневой подготовки	«нажатие на спусковой крючок, как водитель отпускает педаль сцепления для движения автомобиля»	Кинестетическая
2.		«нажатие на спусковой крючок, как водитель нажимает на педаль тормоза для остановки автомобиля»	Кинестетическая
3.		«как при строительстве дома: в начале закладываем фундамент – это положение ног; затем возводим стены – это положение туловища, плеч, рук; далее делаем перекрытия и отделочные работы – фиксируем принятую изготовку, задерживаем дыхание, производим прицеливание и спуск курка»	Кинестетическая
4.		«неглубокое дыхание, как проветривание через форточку»	Кинестетическая
5.		«после выстрела рука, как пружина, занимает исходное положение»	Кинестетическая
6.		«рука возвращается в исходное положение, как дверь на доводчике»	Кинестетическая
7.		«на расстоянии от руки находится игла, надо выполнить выстрел, не среагировав на отдачу, чтобы не уколоть руку»	Кинестетическая/визуальная
8.	Спортсмен(ка) экстра-класса	«надо себя носить, как стеклянный шар»	Кинестетическая/визуальная
9.		«я и моя винтовка – это коридор»	Визуальная
10.		«стрелок – это робот»	Кинестетическая

11.		«оружие – продолжение руки»	Кинестетическая/визуальная
12.		«части тела – бетон»	Кинестетическая
13.		«части тела – заморожены»	Кинестетическая
14.		«тело удерживает металлический стержень»	Кинестетическая
15.		«тело – Эйфелева башня»	Кинестетическая/визуальная
16.		«тело – башенный кран, рука – стрела крана»	Кинестетическая/визуальная
17.		«винтовка + тело + левая рука = жесткий треугольник»	Визуальная
18.		«рука из дерева»	Кинестетическая
19.		«нижняя часть тела забетонирована»	Кинестетическая
20.		«на мне свинцовые штаны»	Кинестетическая
21.		«тело заполнено водой, которая в момент выстрела замерзает»	Кинестетическая
22.		«стреляю словно в корсете»	Кинестетическая
23.		«стреляю словно в широком поясе, фиксирующем тело»	Кинестетическая
24.		«в момент выстрела со всех сторон тело сдавливает атмосферное давление»	Кинестетическая
25.		«вместо винтовки держу стакан с водой, при выстреле нужно замереть так, чтобы вода не колебалась»	Кинестетическая/визуальная
26.		«тело оцепенело вместе с винтовкой»	Кинестетическая
27.		«стреляю, как робот, как машина»	Кинестетическая
28.		«тело – механизм с шестернями»	Кинестетическая
29.		«тело словно в рыцарских доспехах, которые одни части тела фиксируют, но при этом другие остаются подвижными»	Кинестетическая/визуальная
30.		«тело вращается по оси вокруг металлического стержня»	Кинестетическая/визуальная
31.		«правая рука как у Буратино из цельного куска дерева со штифтом в плече»	Кинестетическая/визуальная
32.		«на стрельбище рисовала мысленно вокруг себя круг, а затем мысленно устанавливала по этому кругу перегородки из оргстекла или строила домик»	Визуальная
33.		«ноги врастают в землю»	Кинестетическая
34.		«тревога – облачко, которое она с плавным выдохом выпускала из себя наружу и сажала себе на плечо, где эта тревога уже не мешала работе»	Визуальная

35.		«волнение – поверхность бушующего океана, я спускаюсь по лестнице на твердое дно для нормализации состояния»	Кинестетическая/визуальная/аудиальная – комплексный образ
36.	Инструкторы по стрельбе	«движение спускового крючка как путешествие с этапами: - покой - слабое натяжение/давление (Slack) - стена - движение ползком (Creep) - треск веток - продолжение движения - «приколоть» спусковой крючок (Pin) - обратное путешествие - перегруппировка»	Кинестетическая/аудиальная
37.		«прикосновение к носу пальцем»	Кинестетическая/визуальная (поскольку сам автор выделяет в этой аналогии двойную модальность: «the best visual analogy, a mental analogy that I will recommend you» [Дрогош, 2025])
38.		«как нажатие на кнопку мыши или клавиатуру»	Кинестетическая
39.		«как застегнуть молнию»	Кинестетическая
40.		«как стрелять из водного пистолета, когда хочешь получить устойчивую струю (maintain continual water pressure)»	Кинестетическая
41.		«как нажатие на кнопку камеры, когда уловил кадр»	Кинестетическая/визуальная (поскольку сам автор выделяет в этой аналогии двойную модальность, говоря о связи «вижу-жму», когда стрелок совместил мушку и целик с точкой желаемого попадания и жмет на спусковой крючок [Дрогош, 2025])
42.		«как будто поднимаешь малыша на руки»	Кинестетическая
43.		«это как рукопожатие»	Кинестетическая
44.		«сдавить спусковой крючок, как губку»	Кинестетическая
45.		«надавить на спусковой крючок (press)»	Кинестетическая
46.		«погладить спусковой крючок»	Кинестетическая
47.		«нажать на спусковой крючок, словно это кнопка автоматической ручки»	Кинестетическая
48.		«стойте, как камень»	Кинестетическая

Таблица 1. Распределение по сенсорным модальностям в разных группах респондентов

При классификации единиц корпуса по сенсорным модальностям учитывалось, что некоторые выразительные средства обладают полимодальным характером, т.е. содержат признаки двух или трех модальностей одновременно (например, «тело – Эйфелева башня» сочетает кинестетическое ощущение устойчивости с визуальным образом архитектурного памятника). В таких случаях единица учитывалась в каждой из соответствующих модальностей, что отражено в суммарных

показателях. Результаты представлены в Таблице 2.

Модальность	Количество единиц в корпусе	Доля в корпусе
Кинестетическая	41	77,4%
Визуальная	13	24,5%
Аудиальная	2	3,8%

Таблица 2. Общее распределение выразительных средств по типу сенсорной модальности

Так, кинестетическая модальность является доминирующей – 77,4% от всех упоминаний. Визуальная модальность составляет 24,5%. Аудиальная представлена минимально – 3,8%.

Если рассматривать распределение по доминирующей модальности, то оно выглядит следующим образом:

чисто кинестетические – 33 ед. (68,8%)

кинестетическо-визуальные – 11 ед. (22,9%)

чисто визуальные – 3 ед. (6,3%)

смешанные с аудиальным компонентом – 1 ед. (2,1%).

Таким образом, даже при строгом подходе к определению доминирующей модальности, кинестетика остается безусловно преобладающей.

Для выявления специфики метафорообразования в разных группах был проведен анализ распределения по модальностям в каждой группе отдельно. Результаты представлены в Таблице 3.

Профессиональная группа	Кинестетическая модальность	Визуальная модальность	Аудиальная модальность	Кол-во единиц
Преподаватели ведомственной огневой подготовки	7 (100%)	1 (14,3%)	0	7
Спортсмены экстра-класса	21 (70%)	11 (36,7%)	1 (3,3%)	28
Инструкторы по стрельбе	13 (100%)	1 (7,7%)	1 (7,7%)	13

Таблица 3. Распределение по сенсорным модальностям в разных профессиональных группах

Как следует из представленных данных, между группами наблюдаются значимые различия. Так, преподаватели ведомственной огневой подготовки демонстрируют стопроцентное доминирование кинестетической модальности. Визуальный компонент присутствует лишь в одной единице («игла рядом с рукой»); аудиальные образы отсутствуют. Это объясняется дидактической функцией: преподаватели используют конкретные, бытовые кинестетические аналогии (педаль автомобиля, строительство дома, пружина, дверь) для наглядного объяснения техники.

Инструкторы по стрельбе также демонстрируют абсолютное доминирование кинестетики (100%). Визуальный компонент присутствует лишь в одной единице («прикосновение к носу пальцем», где сам автор выделяет двойную модальность). Одна единица содержит аудиальный компонент («треск веток» в рамках метафоры «движение спускового крючка как путешествие»). Характер образов – бытовой, конкретный (молния, рукопожатие, кнопка).

Спортсмены экстра-класса показывают наиболее разнообразный сенсорный профиль: кинестетика составляет лишь 70%, визуализация – 36,7%, аудиальная модальность – 3,3%. Визуальные и смешанные образы здесь представлены архетипическими метафорами (стеклянный шар, Эйфелева башня, доспехи, океан), что отражает более абстрактный, рефлексивный характер самоописания элитных спортсменов.

Особый интерес представляют единицы, обладающие полимодальным характером, т.е. сочетающие признаки двух или трех сенсорных модальностей. В корпусе выявлено 12 таких единиц (25% от общего числа), распределение которых представлено ниже:

Тип полимодальности	Количество единиц
Кинестетическая + визуальная	10
Кинестетическая + аудиальная	1

Кинестетическая + визуальная + аудиальная	1
Итого	12

Таблица 4. Количественное распределение полимодальных выразительных средств

Наиболее распространенным типом полимодальности является сочетание кинестетической и визуальной модальностей (10 случаев). Единичный случай трехмодальной метафоры представляет собой уникальный случай («волнение – поверхность бушующего океана, я спускаюсь по лестнице на твердое дно»). Здесь присутствуют как визуальный (образ океана, лестницы), кинестетический (ощущение спуска, затихания воды, твердого дна), так и аудиальный компоненты (оппозиция «шум волн – тишина»).

Полученные результаты показывают, что кинестетическая модальность является доминирующей в исследуемом корпусе: 77,4% от всех упоминаний. Это согласуется с теоретическими положениями о том, что стрельба представляет собой преимущественно двигательный навык, где ключевую роль играют мышечные ощущения, контроль усилий и положение тела. Кинестетические метафоры, опирающиеся на бытовые, знакомые действия (управление автомобилем, застегивание молнии и т.д.), создают понятную и легко воспроизводимую модель действия. Это особенно важно на начальных этапах обучения, когда ученик еще не имеет сформированного мышечного ощущения правильного движения. Спортсмены же экстра-класса используют кинестетические метафоры не только для объяснения техники другим, но и для собственной психорегуляции.

Визуальная модальность составляет 24,5% от всех упоминаний. Подобная доля в корпусе объясняется тем, что стрельба требует точного визуального контроля: совмещение мушки и целика, и удержание их в районе прицеливания, оценка расстояния. Визуальные метафоры особенно характерны для самоописания спортсменов экстра-класса, где они достигают 36,7%. Спортсмены используют абстрактные, архетипические зрительные образы («стеклянный шар», «океан»), которые помогают им структурировать сложные психологические состояния.

Анализируемый материал представляет собой вербальный дискурс. В нем звуковые образы менее востребованы, поскольку они не передают ключевых аспектов стрелкового мастерства. Этот результат согласуется с выводами А. Дрогош (2025), которая в своем анализе инструкций по стрельбе сосредоточилась на вербальных и жестовых метафорах, практически не затрагивая аудиальные. Таким образом, отсутствие аудиальной модальности является не артефактом выборки, а устойчивой характеристикой стрелкового дискурса.

Другой существенной характеристикой рассматриваемого корпуса является то, что дидактические метафоры ориентированы на максимально конкретные, бытовые образы, которые легко вызвать в воображении и перенести в реальное движение. Преподаватели и инструкторы используют междоменные проекции для преодоления трудности передачи конкретной физической информации, которую невозможно продемонстрировать. Метафоры же, используемые спортсменами экстра-класса, носят более абстрактный, архетипический характер. Это различие имеет важное дидактическое значение: при обучении начинающих стрелков эффективнее использовать конкретные кинестетические аналогии, направленные на формирование первичных двигательных навыков, тогда как для дальнейшей психологической подготовки, необходимой для точности попадания [Базылев, Дурнова, 2026], можно привлекать более абстрактные визуальные образы.

На основании вышесказанного можно предположить, что полимодальные метафоры, вероятно, более эффективны, чем чисто кинестетические или чисто визуальные, поскольку они задействуют несколько сенсорных каналов одновременно, создавая более насыщенный и устойчивый образ. Данное предположение согласуется с данными когнитивной психологии о том, что полимодальное восприятие улучшает запоминание и воспроизведение информации [Крайг, Бокум, 2005] и подкрепляется тем фактом, что наибольшая доля полимодальных средств выявлена в высказываниях стрелков экстра-класса, то есть профессиональной группы, овладевшей стрелковыми навыками в совершенстве.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в нескольких областях. В когнитивной лингвистике работа расширяет представления о механизмах междоменных проекций, демонстрируя, что проекции между двумя конкретными, сенсомоторными доменами служат эффективным инструментом передачи приватного телесного опыта. В отличие от классических концептуальных метафор, где сфера-источник структурирует абстрактную сферу-цель, в анализируемом материале проекции осуществляются между двумя конкретными областями опыта, что продолжает работу в направлении исследований в рамках теории концептуальной метафоры. В педагогике и методике обучения работа предлагает

таксономию выразительных средств по сенсорным модальностям, которая может быть использована для разработки сенсорно-ориентированных методик обучения стрельбе.

Таким образом, можно утверждать, что метафоры, сравнения и аналогии, используемые в обучении стрельбе и самоописаниях стрелков, имеют ярко выраженную сенсорную структуру. Доминирование кинестетической модальности отражает телесно-ориентированную природу стрельбы как психомоторного навыка. Различия между дидактическими метафорами и метафорами самоописания указывают на то, что тип дискурса определяет сенсорную структуру выразительных средств. Полимодальность является важной характеристикой метафорического дискурса, особенно у спортсменов экстра-класса.

Полученные результаты имеют практическое значение для обучения стрельбе в различных контекстах – от ведомственной подготовки до спортивной тренировки. На основе полученных данных может быть разработана методика «сенсорно-ориентированного» подбора метафор в обучении стрельбе, учитывающих как сенсорные предпочтения обучающегося, так и уровень его подготовки (первокурсник; имеющий опыт обращения с оружием; состоящий в ГСС и т.д.).

Список литературы:

[1] Кондакова, И.А. "О традиции понимания метафоры как феномена мышления" Вестник Вятского государственного университета, no. 1, 2016, pp. 87-90.

[2] Базылев, Л.А. Особенности адаптации курсантов вузов ФСИН России к занятиям по огневой подготовке / Л.А. Базылев, У.М. Дурнова // Альманах социально-гуманитарных наук: Сборник научных статей. – Ульяновск: Зебра, 2026. – С. 483-489.

[3] Архипов С.Н. Применение образных выражений в обучении стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4(86). С. 188-193.

[4] Архипов С.Н. Анализ применения метафоры в обучении сотрудников полиции стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1(91). С. 188-195.

[5] Гущин В.И., Савинкина А.О., Куделин А.И. Метафоры, повышающие психологическую устойчивость в стрельбе. Опыт чемпионов // Психология и педагогика спортивной деятельности. 2023. № 1(64). С. 5-12.

[6] Drogosz A. Metaphorical projections in shooting instructions // Studia Anglica Resoviensia. 2025. Vol. 22. Pp. 44-56.

[7] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.

[8] Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.

[9] Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p.

[10] Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.

[11] Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

[12] Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2008. 940 с.

[13] Гущин В.И. Практика оптимизации психологической готовности спортсменов. М.: ФНКЦСМ, 2023. 132 с.

[14] Mueller K., Ladewig S. Metaphors for Sensorimotor Experiences: Gestures as Embodied and Dynamic Conceptualizations of Balance in Dance Lessons // Language and Creative Mind / ed. by M. Morknet, B. Dancygier, J. Hinnel. Stanford: CSLI Publications, 2013. Pp. 295-324.

[15] Lozinska J. Imagery Underlying Metaphors: A Cognitive Study of a Multimodal Discourse of Yoga Classes // Metaphor and Symbol. 2021. Vol. 33. No. 3. P. 1-16.

[16] Coulson S. Conceptual blending in metaphor and analogy // Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 124-147.

[17] Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – URL: http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=517 (дата обращения: 31.07.2026).

References:

[1] Kondakova, I.A. "On the tradition of understanding metaphor as a phenomenon of thinking" Bulletin of Vyatka State University, no. 1, 2016, pp. 87-90.

[2] Bazylev, L.A. Features of adaptation of cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia to classes in fire training/ L.A. Bazylev, U.M. Durnova // Almanac of Social Sciences and Humanities: Collection of scientific articles. - Ulyanovsk: Zebra, 2026. - S. 483-489.

[3] Arkhipov S.N. The use of figurative expressions in the training of shooting from combat hand small arms of employees of the internal affairs bodies // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4(86). S. 188-193.

[4] Arkhipov S.N. Analysis of the use of metaphor in training police officers in shooting from military hand-held small arms // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1(91). S. 188-195.

[5] Gushchin V.I., Savinkina A.O., Kudelin A.I. Metaphors that increase psychological stability in shooting. Experience of champions // Psychology and pedagogy of sports activities. 2023. № 1(64). S. 5-12.

[6] Drogosz A. Metaphorical projections in shooting instructions // Studia Anglica Resoviensia. 2025. Vol. 22. Pp. 44-56.

[7] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.

[8] Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.

[9] Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p.

[10] Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.

[11] Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

[12] Kraig G, Bokum D. Developmental psychology. 9th ed. St. Petersburg: Peter, 2008. 940 pp.

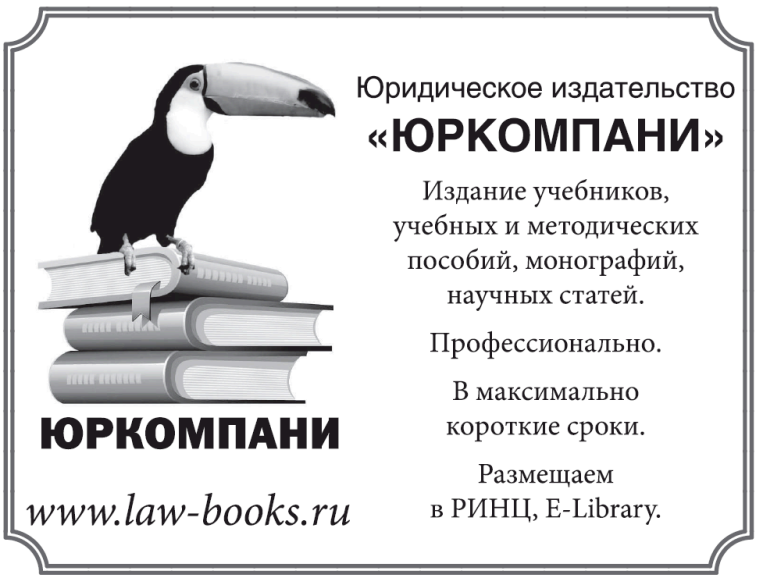
[13] Gushchin V.I. The practice of optimizing the psychological readiness of athletes. M.: FNKTSSM, 2023. 132 s.

[14] Mueller K., Ladewig S. Metaphors for Sensorimotor Experiences: Gestures as Embodied and Dynamic Conceptualizations of Balance in Dance Lessons // Language and Creative Mind / ed. by M. Morknet, B. Dancygier, J. Hinnel. Stanford: CSLI Publications, 2013. Pp. 295-324.

[15] Lozinska J. Imagery Underlying Metaphors: A Cognitive Study of a Multimodal Discourse of Yoga Classes // Metaphor and Symbol. 2021. Vol. 33. No. 3. P. 1-16.

[16] Coulson S. Conceptual blending in metaphor and analogy // Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 124-147.

[17] Psychological Dictionary/ed. V.P. Zinchenko, B.G. Meshcheryakova. - URL: http: //psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=517 (access date: 31.07.2026).

- ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-327-332
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

АВДЮНИН Александр Анатольевич,
старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ТИТОВ Дмитрий Валерьевич,
доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки ФКУ «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» кандидат технических наук, доцент,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ТОПОГРАФИИ КУРСАНТАМИ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу специфики преподавания военной топографии в ведомственных образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний. Рассматриваются роль и место дисциплины в системе профессиональной подготовки будущих сотрудников УИС, структура и содержание учебного курса, а также методические особенности его освоения курсантами. Особое внимание уделяется прикладному аспекту топографической подготовки – формированию практических навыков ориентирования на местности, работы с картой и составления служебных графических документов. Выявляются проблемные аспекты, связанные с мотивацией современного поколения обучающихся, и предлагаются пути повышения эффективности учебного процесса с учетом специфики служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе.*

Ключевые слова: *военная топография, уголовно-исполнительная система, курсанты, ведомственные вузы, профессиональная подготовка, ориентирование на местности, топографическая карта, методика преподавания.*

AVDYUNIN Alexander Anatolyevich,
Senior Lecturer, Department of Fire and Tactical Special Training, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training of State Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

TITOV Dmitry Valerevich,
Associate Professor, Department of Fire and Tactical and Special Training, PKU "Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service," Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization of Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society of the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

FEATURES OF STUDYING MILITARY TOPOGRAPHY BY CADETS AT DEPARTMENTAL UNIVERSITIES OF THE FSIN OF RUSSIA

Annotation. *The article is devoted to an analysis of the specifics of teaching military topography in departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service. The role and place of the discipline in the system of professional training of future employees of the penal system, the structure and content of the training course, as well as the methodological features of its mastering by cadets are considered. Special attention is paid to the applied aspect of topographic training — the development of practical skills in orienteering, working with maps, and preparing official graphic documents. Problematic aspects related to the motivation of the modern generation of students are identified, and ways to improve the effectiveness of the educational process are proposed, taking into account the specifics of service activities in the penal system.*

Key words: *military topography, the penal system, cadets, departmental higher education institutions, professional training, terrain orientation, topographic map, teaching methodology.*

В современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации особое значение приобретает качественная профессиональная подготовка кадров, способных эффективно решать служебно-боевые задачи в различных условиях обстановки. Одной из ключевых дисциплин, формирующих практические навыки, необходимые в повседневной служебной деятельности, является военная топография.

Военная топография как учебная дисциплина представляет собой систему знаний о средствах и способах изучения местности и ориентирования на ней. В системе профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы она занимает важное место, поскольку местность является одним из основных и постоянно действующих факторов оперативно-служебной обстановки. Умение быстро и правильно изучать местность, оценивать её тактические свойства и использовать в интересах выполнения служебных задач – неотъемлемое качество современного сотрудника ФСИН России.

Актуальность исследования особенностей изучения военной топографии курсантами ведомственных вузов обусловлена рядом факторов. Во-первых, спецификой будущей профессиональной деятельности выпускников, связанной с обеспечением режима в исправительных учреждениях, конвоированием осужденных, проведением специальных операций при чрезвычайных обстоятельствах. Во-вторых, необходимостью адаптации традиционного содержания военно-топографической подготовки к условиям служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

В-третьих, вызовами современного образовательного процесса, связанными с изменением мотивационно-ценностных ориентаций обучающихся и активным внедрением информационно-коммуникационных технологий[2].

Цель настоящей работы – комплексный анализ особенностей изучения военной топографии курсантами ведомственных вузов ФСИН России, выявление проблемных аспектов и определение направлений совершенствования методики преподавания данной дисциплины.

Военная топография в образовательных организациях ФСИН России изучается в рамках тактико-специальной подготовки или как самостоятельный раздел дисциплины «Военная подготовка»[1]. Её основная задача – научить обучаемых правильно и полно использовать топографическую карту и другие топографические документы для изучения местности, решения задач по эффективному применению сил и средств, а также

ориентирования на местности[6].

Учебная дисциплина имеет ярко выраженную прикладную направленность. Топографическая подготовка осуществляется не только на специальных занятиях, но и непрерывно совершенствуется в процессе изучения других дисциплин, особенно на полевых занятиях, когда для решения учебно-боевых задач требуется работа с топографической картой, изучение и оценка местности, ориентирование на ней. Таким образом, военная топография интегрирована в общую систему профессиональной подготовки и тесно взаимосвязана с тактико-специальной, огневой и другими дисциплинами[7].

Значение топографической подготовки для будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы определяется спецификой их профессиональной деятельности. Местность, являясь одним из ключевых факторов оперативно-служебной обстановки, оказывает существенное влияние на приемы и формы выполнения служебных задач. Она может как повышать, так и снижать возможности сил и средств УИС, а умелое использование её особенностей способствует наиболее эффективному применению оружия и техники, скрытности маневра и внезапности действий.

В практической деятельности сотрудников ФСИН топографические знания и навыки востребованы при решении широкого круга задач:

Планирование и проведение оперативно-розыскных мероприятий – оценка местности в районе возможного местонахождения преступников, выбор маршрутов выдвижения и блокирования, определение направлений поиска.

Конвоирование осужденных – выбор и оценка маршрутов движения, изучение местности по пути следования, подготовка данных для движения по азимутам.

Охрана исправительных учреждений – изучение рельефа и местных предметов в целях организации эффективной системы наблюдения, выбора мест для размещения постов и инженерных заграждений.

Действия при чрезвычайных обстоятельствах – оперативная оценка обстановки на местности, ориентирование в условиях ограниченной видимости, составление служебных графических документов[8].

Таким образом, знания, умения и навыки, формируемые в процессе изучения военной топографии, являются не абстрактными теоретическими конструкциями, а инструментальной основой эффективной служебной деятельности сотрудников УИС.

Содержание курса военной топографии в ведомственных вузах ФСИН России традиционно включает несколько основных разделов, охватывающих как теоретические основы, так и практические аспекты топографической подготовки. Анализ учебных пособий и рабочих программ позволяет выделить следующие ключевые темы:

Ориентирование на местности без карты. Данный раздел закладывает базовые навыки, необходимые в ситуациях, когда карта недоступна или её использование невозможно. Курсанты изучают способы определения сторон горизонта по компасу, небесным светилам, местным признакам; методы определения расстояний на местности; приемы целеуказания и движения по азимутам[5].

Топографические карты и их использование. Раздел посвящен изучению назначения и классификации топографических карт, их геометрической сущности, разграфке и номенклатуре. Особое внимание уделяется системе условных обозначений, включая специфические знаки, применяемые в уголовно-исполнительной системе. Курсанты осваивают правила чтения карты, учатся распознавать изображения различных объектов местности – рельефа, гидрографии, растительного покрова, населенных пунктов, дорожной сети[4].

Измерения по карте. В рамках этого раздела формируются практические навыки количественной оценки объектов и элементов местности по карте. Курсанты изучают способы измерения расстояний (с использованием масштаба, циркуля-измерителя, курвиметра) и площадей; определения географических и прямоугольных координат точек; измерения дирекционных углов и азимутов.

Ориентирование и работа с картой на местности. Данный раздел является ключевым для формирования профессиональных компетенций. Курсанты осваивают способы ориентирования карты на местности – по компасу, по линиям местности, по направлению на ориентир; приемы определения точки стояния; методику сличения карты с местностью; особенности ориентирования при движении в различных условиях (в населенном пункте, в лесу, в горах). Практические занятия проводятся в форме тактико-строевых занятий на местности.

Движение по азимутам. Завершающий раздел курса посвящен организации и порядку движения по азимутам. Курсанты готовят исходные данные для движения, определяют магнитные азимуты по компасу, выбирают и изучают маршрут, осваивают технику выдерживания заданного направления на открытой и закрытой местности, в условиях ограниченной видимости.

Военная топография не изучается изолированно – она тесно интегрирована с другими дисциплинами профессионального цикла. Как

справедливо отмечается в научной литературе, топографическая подготовка осуществляется в тесной увязке с тактико-специальной и тактической подготовкой, охраной, розыском и конвоированием, огневой подготовкой и другими дисциплинами.

Эффективное освоение военной топографии базируется на знаниях, полученных при изучении смежных предметов. Так, теоретические основы ведения боевых действий и специальных операций, изучаемые в рамках тактико-специальной подготовки, создают контекст для понимания практической значимости топографических знаний. Элементы математики, в частности векторная алгебра и тригонометрия, лежат в основе методов определения координат и угловых измерений[3].

В свою очередь, знания и навыки, приобретенные на занятиях по военной топографии, служат основой для успешного освоения других дисциплин. Например, при составлении служебных графических документов – схем, планов, карточек – используются умения, сформированные в процессе топографической подготовки. Это подчеркивает фундаментальный характер военной топографии как базовой дисциплины для всего комплекса профессиональной подготовки сотрудников УИС.

Методика преподавания военной топографии в ведомственных вузах ФСИН строится на принципе оптимального сочетания теоретической и практической подготовки. Теоретические занятия (лекции и семинары) формируют систему знаний о сущности топографических процессов, свойствах карт и способах ориентирования. Однако ключевое значение имеет практическая составляющая, в рамках которой теоретические знания трансформируются в профессиональные умения и навыки.

Практические занятия предусматривают выполнение расчетно-графических работ, тренировку в чтении карт, измерении расстояний, площадей, координат и дирекционных углов. Важнейшей формой практического обучения являются полевые занятия, проводимые на местности. В ходе таких занятий курсанты отрабатывают ориентирование карты, определение точки стояния, сличение карты с местностью, движение по азимутам в различных условиях[4].

Особенностью практической подготовки в вузах ФСИН является её приближенность к реальным условиям служебной деятельности. Занятия проводятся в различных типах местности – в населенных пунктах, лесной и горной местности, в условиях ограниченной видимости. Это позволяет курсантам не только освоить технические приемы, но и развить тактическое мышление, научиться принимать решения с учетом особенностей местности.

Современная образовательная среда предъявляет новые требования к методике преподавания военной топографии. Как отмечается в исследованиях, информационно-коммуникационные технологии оказывают значительное влияние на отношение обучающихся к дисциплине, что требует поиска новых подходов к организации учебного процесса[2].

Среди перспективных направлений совершенствования методики преподавания можно выделить:

Геоинформационные системы (ГИС) – использование цифровых карт и специализированного программного обеспечения для обучения работе с топографической информацией.

Интерактивные тренажеры – моделирование ситуаций ориентирования и принятия решений в различных условиях местности.

Мобильные технологии – использование навигационных приложений и GPS-навигаторов в учебных целях для сравнения традиционных и современных способов ориентирования.

Вместе с тем, как подчеркивают исследователи, применение информационных технологий не должно подменять традиционные методы обучения, а должно органично дополнять их, способствуя повышению заинтересованности курсантов и пониманию ими важности изучаемой дисциплины.

Особенностью обучения в ведомственных вузах ФСИН является совмещение учебной деятельности с несением различных видов службы. Это накладывает отпечаток на организацию учебного процесса и требует особого подхода к планированию и проведению занятий по военной топографии.

Необходимость прохождения службы ограничивает время, которое курсанты могут уделять самостоятельной работе. Это требует, во-первых, максимальной интенсификации аудиторных занятий, использования эффективных методов обучения, позволяющих достигать поставленных целей в сжатые сроки. Во-вторых, содержание дисциплины должно быть строго ориентировано на практические потребности службы, исключать избыточную теоретизацию.

Кроме того, сама служебная деятельность создает благоприятные условия для закрепления и совершенствования топографических навыков. Участие в патрулировании, конвоировании, обеспечении режимных мероприятий позволяет курсантам применять полученные знания на практике, развивать наблюдательность и навыки оценки местности в реальных условиях. Таким образом, служебная деятельность выступает не только как

фактор, ограничивающий учебное время, но и как важный элемент профессиональной подготовки.

Одной из наиболее серьезных проблем, выявленных в процессе исследования, является недостаточная заинтересованность современного поколения курсантов в изучении военной топографии. Данная проблема имеет комплексный характер и связана с рядом факторов[2].

Во-первых, современные обучающиеся, выросшие в эпоху цифровых технологий, привыкли к готовым пространственным данным, получаемым через навигационные приложения. Они зачастую не осознают необходимости в традиционных способах ориентирования, которые могут оказаться единственно возможными в условиях отсутствия связи, разряженного аккумулятора или выхода из строя электронных устройств.

Во-вторых, дисциплина требует значительных усилий для освоения – запоминания условных знаков, освоения измерительных приборов, развития пространственного мышления. При недостаточной мотивации эти усилия воспринимаются как излишние, что приводит к формальному отношению к занятиям и поверхностному усвоению материала.

В-третьих, как отмечают исследователи, следствием этой незаинтересованности является необходимость постоянно требовать концентрации внимания курсантов на семинарских и практических занятиях.

Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование содержания, методов и форм организации обучения.

Усиление прикладной направленности обучения. Важно, чтобы курсанты на протяжении всего обучения видели практическую значимость приобретаемых знаний и навыков. Этого можно достичь через:

максимальную конкретизацию учебных задач применительно к служебной деятельности УИС;

моделирование на занятиях ситуаций, максимально приближенных к реальным условиям;

регулярное использование топографических навыков в процессе тактико-специальных учений.

Активные и интерактивные методы обучения. Традиционные лекционные и семинарские формы целесообразно дополнять деловыми играми, разбором конкретных ситуаций, групповыми упражнениями на местности. Это способствует повышению вовлеченности курсантов и развитию навыков принятия решений в условиях, приближенных к профессиональной деятельности.

Дифференцированный подход к обучению. Учитывая различия в уровне базовой подготовки, пространственном мышлении и мотивации курсантов, целесообразно использовать индивидуальные и групповые задания различной сложности, что позволит каждому обучающемуся достичь оптимального уровня освоения материала.

Интеграция с другими дисциплинами. Топографическая подготовка должна демонстрироваться как неотъемлемая часть профессиональной компетентности, что достигается через согласование содержания и сроков изучения смежных дисциплин, совместное проведение практических занятий.

Использование элементов соревновательности. Проведение соревнований по ориентированию на местности, выполнению нормативов по работе с картой и приборами может существенно повысить мотивацию курсантов и сделать процесс обучения более увлекательным.

Разумное использование информационных технологий. Следует, с одной стороны, демонстрировать преимущества традиционных методов в экстремальных ситуациях, а с другой – обучать курсантов профессиональному использованию современных навигационных средств как дополнительного инструмента.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что военная топография занимает важное место в системе профессиональной подготовки курсантов ведомственных вузов ФСИН России. Она является дисциплиной, формирующей фундаментальные знания и практические навыки, необходимые для эффективного выполнения служебно-боевых задач в различных условиях.

Специфика изучения дисциплины определяется ее прикладным характером, тесной взаимосвязью с другими предметами профессионального цикла, а также особенностями организации учебного процесса в условиях совмещения учебы и службы. Содержание курса включает как теоретические основы топографии, так и практические разделы, связанные с ориентированием на местности, работой с картами и выполнением измерений.

Вместе с тем, исследование выявляет ряд проблемных аспектов, связанных прежде всего с недостаточной мотивацией современного поколения обучающихся, что требует совершенствования методики преподавания. Перспективными направлениями повышения эффективности обучения являются усиление прикладной направленности, внедрение активных методов обучения, интеграция с другими дисциплинами и разумное использование информационно-коммуникационных технологий.

Список литературы:

[1] Военная топография : учеб. пособие / [А. В. Беляков и др.] ; под общ. ред. А. В. Белякова ;

Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2017. – 220 с.

[2] Методы обучения, способствующие достижению целей военной топографии для подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // R Discovery.

[3] Военная топография и топогеодезическая подготовка : рабочая программа / Воронежский государственный университет. – Воронеж, [б.г.].

[4] Системы координат, применяемые в топографии : учебный материал / ВИПЭ ФСИН России.

[5] Аникеев А.А., Иващенко А.Г. Военная топография : учебное пособие. – Уссурийск : Дальневосточный филиал ФГОУ ВПО «Кузбасский институт ФСИН России», 2010. – 102 с.

[6] Ориентирование на местности без карты : учебный материал / Филиал Кузбасского института ФСИН России.

[7] Яковенко Г.Н., Южанин О.Н. Тактико-специальная подготовка : учебно-методический комплекс. – Томск : Томский филиал ФГОУ ВПО «Кузбасский институт ФСИН России», 2007. – 196 с.

[8] Военная топография : рабочая программа / СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. – Санкт-Петербург, [б.г.].

References:

[1] Military topography: tutory. manual/ [A.V. Belyakov et al.]; under the general. ed. A.V. Belyakova; Feder. service executive. punishments, Vladim. jurid. in-t Feder. services executive. punishments. - Vladimir: VUI FSIN of Russia, 2017. - 220 s.

[2] Training methods that contribute to the achievement of the goals of military topography for the training of future employees of the penitentiary system of the Russian Federation // R Discovery.

[3] Military topography and topographic geodetic training: work program/Voronezh State University. - Voronezh, [b.g.].

[4] Coordinate systems used in topography: educational material/VIP of the Federal Penitentiary Service of Russia.

[5] Anikeev A.A., Ivashchenko A.G. Military topography: a textbook. - Ussuriysk: Far Eastern branch of FSEI HPE "Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia," 2010. - 102 s.

[6] Orientation on terrain without a map: educational material/Branch of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

[7] Yakovenko G.N., Yuzhanin O.N. Tactical and special training: educational and methodological complex. - Tomsk: Tomsk branch of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia," 2007. - 196 s.

[8] Military topography: work program/SPbGUT named after prof. M.A. Bonch-Bruevich. - St. Petersburg, [b.g.].

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-333-338
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

КЛЮЧНИКОВ Михаил Иванович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,
Доцент Института Академии ФСИН России кафедра физической подготовки и спорта,
e-mail: o.krapivin@list.ru

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ВИТУШКИН Александр Викторович,
кандидат технических наук, доцент кафедры физической и огневой подготовки ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРОССФИТ-ЭЛЕМЕНТОВ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТРЕНИРОВОК В ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ УИС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретико-методические и практические аспекты интеграции элементов кроссфита и функциональных тренировок в систему прикладной физической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях реформирования ведомственного образования и ужесточения требований к физической готовности личного состава. Автором проанализированы сущностные характеристики кроссфита как высокоинтенсивного многофункционального тренинга, обоснована его прикладная ценность для формирования профессионально важных физических качеств и двигательных навыков, необходимых в экстремальных ситуациях служебной деятельности. Предложена авторская методика применения кроссфит-комплексов на учебных занятиях по физической подготовке, реализуемая на основе принципа сопряжённости и дифференцированного дозирования нагрузки. Приведены результаты педагогического эксперимента, подтверждающие эффективность разработанной методики. Сформулированы рекомендации по совершенствованию нормативно-методического обеспечения физической подготовки в ведомственных вузах ФСИН России.*

Ключевые слова: *кроссфит, функциональный тренинг, прикладная физическая подготовка, профессионально-прикладная физическая подготовка, сотрудники УИС, курсанты, образовательные организации ФСИН России, физические качества, педагогический эксперимент.*

KLYUCHNIKOV Mikhail Ivanovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Firearm and Tactical-Special Training, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

KAZNACHEEV Valery Alexandrovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Physical, Firearm, and Tactical-Special Training, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department of Physical Training and Sports

DEMIDOV Oleg Gennadyevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines and Organization of the Execution of Non-Custodial Sentences, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

VITUSHKIN Alexander Viktorovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Physical and Firearm Training, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE USE OF CROSSFIT ELEMENTS AND FUNCTIONAL TRAINING IN THE APPLIED PHYSICAL TRAINING OF PENAL SYSTEM PERSONNEL AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article examines the theoretical, methodological, and practical aspects of integrating CrossFit and functional training elements into the applied physical training system for cadets at educational institutions of the Russian Federal Penitentiary Service (FSIN). The study's relevance stems from the need to enhance the professional-applied physical training (PAPT) of future penal system personnel amidst the reform of departmental education and increasingly stringent physical readiness requirements for staff. The author analyzes the essential characteristics of CrossFit as a high-intensity, multi-functional training method and substantiates its applied value in developing the professional physical qualities and motor skills required for extreme operational situations. A proprietary methodology for incorporating CrossFit workouts into physical training sessions is proposed, based on the principles of integrated training and differentiated load management. The results of a pedagogical experiment confirming the methodology's effectiveness are presented. Recommendations are formulated for improving the regulatory and methodological framework for physical training in FSIN departmental higher education institutions.*

Key words: *CrossFit, functional training, applied physical training, professional-applied physical training, penal system personnel, cadets, FSIN educational institutions, physical qualities, pedagogical experiment.*

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы (УИС) России характеризуется возрастанием требований к профессиональной готовности сотрудников, в том числе к их физической подготовленности. Согласно Концепции развития УИС Российской Федерации на период до 2030 года, одним из приоритетных направлений является совершенствование системы подготовки кадров, включая физическую подготовку курсантов ведомственных образовательных организаций. Специфика служебной деятельности сотрудников УИС (несение службы в условиях изоляции, возможность возникновения чрезвычайных ситуаций, групповых эксцессов, необходимость силового пресечения противоправных действий) предъявляет особые требования к развитию таких качеств, как сила, быстрота, выносливость, ловкость, а также к способности действовать в условиях повышенной физической и психологической нагрузки.

Традиционная система физической подготовки в образовательных организациях ФСИН России, базирующаяся преимущественно на средствах гимнастики, лёгкой атлетики, спортивных и подвижных игр, единоборств, доказала свою состоятельность. Вместе с тем анализ научно-методической литературы и практики физической подготовки в силовых ведомствах свидетельствует о необходимости поиска новых, более эффективных форм и методов, способных обеспечить комплексное развитие профессионально важных качеств и повысить мотивацию обучающихся к занятиям физической культурой. Одним из перспективных направлений является использование элементов кроссфита — высокоинтенсивного многофункционального тренинга, получившего широкое распространение в системе подготовки военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и спецподразделений зарубежных стран.

Внедрение функциональных упражнений в образовательный процесс подготовки сотрудников УИС требует тщательной методической проработки. Эти упражнения должны соответствовать специфике их служебной деятельности и учитывать физическую подготовленность курсантов. Основной целью является развитие таких физических качеств, как сила, выносливость, координация и скорость реакции, которые необходимы для эффективного выполнения служебных обязанностей.

Применение функциональных тренировок требует грамотного подхода к выбору и комбинации различных упражнений. Начнем с общего принципа — функциональные упражнения должны быть многофункциональными и многообразными. Они выполняются с использованием свободных весов, гимнастических лент, канатов, сельских мешков и других предметов, доступных в условиях исправительных учреждений. Важно, чтобы каждое упражнение моделировало реальную ситуацию, с которой сотрудники могут столкнуться в своей служебной деятельности.

Например, для развития общей силы и выносливости используются упражнения с собственным весом тела: отжимания, подтягивания, приседания и различные виды прыжков. Эти упражнения улучшат не только физические качества, но и укрепят мускулатуру, особенно важную для длительной выносливости и быстрого реагирования в ситуациях, требующих физической активности.

Для повышения координации и скорости реакции эффективны будут упражнения на баланс и быстроту. Здесь полезны различные виды планок, упражнения на балансировочных платформах и быстрые смены положений тела. Например, упражнения "бурпи" и "маунтин-клаймбер" тренируют не только координацию, но и сердечно-сосудистую систему, что важно для полной функциональной готовности сотрудников.

Комплекс упражнений должен быть разделен на несколько уровней сложности, чтобы учитывать индивидуальные особенности и уровень подготовленности курсантов. Начальный уровень может включать базовые упражнения, выполняемые с минимальной нагрузкой. Постепенно к ним добавляются более сложные элементы с увеличением интенсивности и веса.

Особое внимание следует уделить корректной технике выполнения упражнений. Неправильное выполнение может привести к травмам, поэтому важно, чтобы сотрудники, проводящие тренировки, обладали высокой квалификацией и могли своевременно корректировать ошибки. Использование видеоанализа и возвращение к основам при необходимости помогут избежать травм и улучшат общий уровень подготовки.

Для систематизации и повышения эффективности тренировочного процесса целесообразно внедрение программы, которая включает базовые функциональные упражнения, заимствованные из кроссфита и адаптированные для нужд сотрудников УИС. Каждая тренировка должна состоять из разогрева, основной части, включающей целевые функциональные упражнения, и заминки.

Разминка подготавливает организм к нагрузкам и предотвращает травмы. Она может включать в себя легкий бег, вращательные движения суставами и динамические растяжки. Основная часть тренировки состоит из высокоинтенсивных упражнений, таких как подъём тяжелых предметов, ускорения, воркауты и работы на вы-

носливость. Не менее важным элементом тренировки является заминка, для которой подойдут упражнения на растяжку и релаксацию, способствующие восстановлению и снижению мышечного напряжения.

Особое внимание следует уделять восстановлению. Регулярные высокоинтенсивные нагрузки требуют адекватного периода для восстановления, поэтому в программу должны быть включены мероприятия по активному восстановлению, таким как легкий кардио, йога или плавание, которые помогут снизить уровень стресса и поддержать общее состояние здоровья.

Систематическое и грамотно организованное использование функциональных тренировок в образовательном процессе ФСИН позволяет не только повысить уровень физической подготовки сотрудников УИС, но и улучшить их психологическую устойчивость, что может непосредственно повлиять на эффективность выполнения ими служебных обязанностей. Внедрение этих тренировок требует методической продуманности и системного подхода для достижения максимальных результатов.

Применение кроссфит-подхода и функциональных тренировок для сотрудников УИС в образовательных организациях ФСИН России демонстрирует значительные практические результаты, как в улучшении физической готовности, так и в повышении общей выносливости и эффективности выполнения профессиональных обязанностей. В этом подразделе мы рассмотрим конкретные примеры и результаты внедрения данных тренировочных методик.

Одним из основных критериев оценки результативности кроссфит-подхода является изменение уровня физической готовности сотрудников, который измеряется по ряду ключевых показателей: сила, выносливость, скорость, гибкость, координация и мощность. Кроссфит-программы, включающие в себя разнообразные упражнения и комплексы, систематически направленные на развитие этих характеристик, предоставляют измеримые результаты уже через несколько месяцев регулярных тренировок.

Наиболее значительным показателем эффективности кроссфит-подхода является прирост силы и выносливости. Функциональные тренировки в рамках кроссфита, основанные на многосуставных движениях, таких как приседания, жимы и тяги, позволяют сотрудникам улучшить силовые показатели. В практическом плане это выражается в способности выполнять тяжелую физическую работу в стрессовых условиях, что является неотъемлемой частью их профессиональной деятельности. Увеличение выносливости позволяет сотрудникам УИС длительное время сохранять высокий уровень работоспособности, что особенно важно в условиях затяжных операций и длительных смен.

Дополнительным эффектом применения кроссфита является улучшение координации и моторики. Комплексы упражнений, включающие в себя различные движения, такие как прыжки, броски мяча, канаты и упражнения на баланс, развивают способность к быстрому и точному выполнению сложных движений. Это играет ключевую роль в ситуациях, требующих высокой точности и скорости реакций, например, в оперативных задержаниях или в момент решения нештатных ситуаций.

Практическое применение кроссфит-элементов также способствует снижению уровня травматизма. Несмотря на то, что кроссфит иногда критикуется за высокий риск получения травм, правильно построенная и контролируемая тренировка, проводимая под руководством квалифицированного инструктора, наоборот, способствует укреплению опорно-двигательного аппарата и формированию правильной техники выполнения упражнений. В долгосрочной перспективе это снижает вероятность получения производственных травм, связанных с физической нагрузкой.

Еще одним важным аспектом является повышение общей мотивации и дисциплины сотрудников. Кроссфит-тренировки, будучи разнообразными и интенсивными, поддерживают интерес к процессу физической подготовки, что помогает поддерживать высокий уровень мотивации. Включение элементов соревновательности и совместные тренировки способствуют сплочению коллектива и улучшению командной работы, что положительно сказывается на морально-психологическом климате в подразделении.

Практические примеры из образовательных организаций ФСИН России подтверждают эффективность кроссфит-подхода. В частности, в ряде ведомственных вузов были проведены пилотные проекты, включающие внедрение функциональных тренировок в учебный процесс. Результаты показали значительное улучшение физической подготовки курсантов по всем ключевым показателям. В отдельных случаях отмечалось уменьшение времени прохождения нормативов на 15-20%, улучшение показателей в силовых упражнениях на 10-15% и существенный прирост общей выносливости.

В заключении следует отметить, что интеграция кроссфит-элементов и функциональных тренировок в систему физической подготовки сотрудников УИС требует комплексного подхода и тщательной методической разработки. Систематический подход, учитывающий специфические

требования службы и направленный на всестороннее развитие физической готовности, способен значительно повысить эффективность и безопасность выполнения профессиональных задач сотрудниками УИС.

Одной из ключевых проблем, связанных с внедрением кроссфит-элементов и функциональных тренировок, является отсутствие достаточного количества квалифицированных инструкторов. Эти виды тренировок требуют глубоких знаний в области методики физической подготовки, биомеханики, физиологии человека, а также умений составлять тренировки с учетом индивидуальных особенностей сотрудников. Для решения этой проблемы необходимо создание специализированных программ подготовки инструкторов, которые бы включали в себя не только теоретические знания, но и практические навыки проведения тренировок.

Ещё одной проблемой, связанной с недостаточной эффективностью физической подготовки сотрудников УИС, является устаревшая материально-техническая база образовательных организаций ФСИН России. Недостаточное количество современного тренировочного оборудования и площадок ограничивает возможности проведения разнообразных и функционально насыщенных тренировок. Для решения этой проблемы необходимо планомерное обновление и модернизация материально-технической базы, что позволит создать качественные условия для тренировочного процесса.

Важным аспектом совершенствования системы физической подготовки является интеграция кроссфит-элементов в существующие тренировочные программы. Кроссфит и функциональные тренировки отличаются высокой интенсивностью и вариативностью упражнений, что позволяет развивать различные физические качества, такие как сила, выносливость, ловкость, координация и быстрота реакции. Внедрение элементов кроссфита в общие программы физической подготовки сотрудников УИС может повысить их общую физическую функциональность и готовность к выполнению служебных задач в сложных условиях.

Одной из перспектив внедрения кроссфит-элементов и функциональных тренировок является повышение мотивации сотрудников к регулярным и интенсивным занятиям физической подготовкой. Высокая вариативность и динамичность таких тренировок делают их более интересными и привлекательными для занимающихся, что способствует поддержанию высокого уровня физической активности. Введение спортивных соревнований и различных челленджей, основанных на кроссфит-элементах, также может стать сильным мотивационным фактором для сотрудников УИС.

Однако успешное внедрение функциональных тренировок требует соблюдения принципа постепенности и индивидуализации. Начинать следует с базовых упражнений, постепенно увеличивая их сложность и интенсивность по мере адаптации организма сотрудников. Учитывая высокий уровень стресса и физической нагрузки в работе сотрудников УИС, важно также уделять внимание восстановительным мероприятиям, обеспечивающим полноценное восстановление и профилактику переутомлений и травм.

Среди рекомендаций по совершенствованию системы физической подготовки сотрудников УИС с использованием кроссфит-элементов можно выделить следующие:

Разработка и внедрение модульных программ: Создание специализированных модульных программ, включающих различные уровни сложности и направлений подготовки, с возможностью их адаптации под конкретные производственные задачи.

Повышение квалификации инструкторов: Регулярное проведение курсов повышения квалификации для инструкторов физической подготовки, с акцентом на методике проведения функциональных тренировок и кроссфит-элементов с целью обеспечения безопасности и эффективности тренировочного процесса.

Модернизация тренировочной базы: Инвестирование в обновление тренажерного оборудования и создание специализированных площадок для выполнения функциональных тренировок, что позволит разнообразить программы подготовки и повысить их эффективность.

Внедрение инновационных технологий: Использование современных технологий и приложений для контроля и мониторинга физической активности, что позволит более точно отслеживать прогресс и корректировать тренировочные программы в зависимости от результатов.

Акцент на восстановительные мероприятия: Включение в тренировочные программы различных методов восстановления, таких как массаж, сауна, йога, методы релаксации, что способствует снижению уровня стресса и предотвращает профессиональные заболевания.

Исследования и анализ практики: Постоянный мониторинг и анализ эффективности внедрения функциональных тренировок и кроссфит-элементов, проведение научных исследований и обобщение передового опыта с целью его распространения среди других подразделений и образовательных организаций ФСИН России.

Таким образом, внедрение кроссфит-элементов и функциональных тренировок в систему физической подготовки сотрудников УИС пред-

ставляет собой перспективное направление, которое требует комплексного подхода и планомерного развития. Рациональное сочетание научных обоснований, современных технологий, а также адаптация.

Список литературы:

[1] Система кроссфит для повышения профессиональной подготовленности сотрудников специальных подразделений ФСИН России к действиям в особых условиях / А. А. Тарасенко, А. Н. Воротник, И. С. Крамской, И. А. Амельченко // Современный ученый. – 2020. – № 2. – С. 78-84. – EDN VLOOTF.

[2] Интеграция кроссфит тренировок в образовательный процесс в ведомственных вузах как одно из условий повышения физической подготовленности сотрудников правоохранительных органов / О. В. Крапивин, О. В. Логачев, В. В. Пахомов [и др.] // Полицейская деятельность. – 2026. – № 2. – С. 82-94. – DOI 10.7256/2454-0692.2026.2.78174. – EDN AXDHKR.

[3] Крылов, С. В. К вопросу о повышении эффективности физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы / С. В. Крылов // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 69-4. – С. 136-139. – EDN JZQQAP.

[4] Дронь, Ю. А. Кроссфит как способ повышения эффективности физической подготовки обучающихся вуза : направление подготовки 49.03.01 Физическая культура / Ю. А. Дронь, А. Ю. Дронь, Е. В. Фомина. – Сургут : РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2025. – 73 с. – EDN TNJRAU.

[5] Применение комплексов кроссфит в физической подготовке курсантов образовательных организаций МВД России : Учебно-методическое пособие / А. В. Горбатенко, Ю. В. Муханов, А. В. Апальков, А. А. Третьяков. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2022. – 54 с. – ISBN 978-5-91776-431-3. – EDN MEUQIF.

References:

[1] A cross-fit system to increase the professional readiness of employees of special units of the Federal Penitentiary Service of Russia to act in special conditions/A. A. Tarasenko, A. N. Vorotnik, I. S. Kramskoy, I. A. Amelchenko // Modern scientist. – 2020. – № 2. - S. 78-84. – EDN VLOOTF.

[2] Integration of cross-fit training into the educational process in departmental universities as one of the conditions for increasing the physical fitness of law enforcement officers/O. V. Krapivin, O. V. Logachev, V.V. Pakhomov [et al.] // Police activity. – 2026. – № 2. - S. 82-94. – DOI 10.7256/2454-0692.2026.2.78174. – EDN AXDHKR.

[3] Krylov, S.V. On the issue of increasing the effectiveness of physical training of employees of the penitentiary system/S.V. Krylov // Problems of modern pedagogical education. – 2020. – № 69-4. - S. 136-139. – EDN JZQQAP.

[4] Dron, Yu. A. Crossfit as a way to increase the efficiency of physical training of university students: direction of training 49.03.01 Physical culture Yu. A. Dron, A. Yu. Dron, E. V. Fomina. - Surgut: RIO BU "Surgut State Pedagogical University," 2025. – 73 c. – EDN TNJRAU.

[5] The use of crossfit complexes in the physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Educational and methodological manual / A. V. Gorbatenko, Yu. V. Mukhanov, A. V. Apalkov, A. A. Tretyakov. - Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 2022. - 54 p. - ISBN 978-5-91776-431-3. – EDN MEUQIF.